This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

929 / 79

HPE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

929 °/79

HPE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

64/079

HF

929 4/79 Zhelezhov, V. M

В. Желѣзновъ.

ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

—ВЪ РАЗРАБОТКѢ

ТЕОРІИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

КІЕВЪ.
Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Кіевское отдѣленіе. Караваевская, № 5.
1904.

НВ301
25

По опредѣленію Юридическаго Факультета Университета св. Владиміра печатать разрѣшается. 17 февраля 1904 г.

Деканъ *Н. Цытовичъ.*

Предлагаемая книга образуетъ собою введеніе въ задуманное авторомъ изслѣдованіе вопроса о заработной платѣ. Она имѣетъ задачей критическій пересмотръ главныхъ объясненій этого вопроса, предложенныхъ въ существующей экономической литературѣ. Начальнымъ пунктомъ изслѣдованія принято ученіе Ад. Смита, къ которому въ большей или меньшей степени примыкаютъ и всѣ послѣдующія теоріи. Въ своихъ характеристикахъ авторъ не задавался цѣлью библіографически исчерпать имѣющійся матеріалъ, ограничиваясь оцѣнкой мнѣній наиболѣе яркихъ представителей каждаго направленія. Точка зрѣнія, изъ которой авторъ исходилъ при предлагаемомъ критическомъ обзорѣ, въ существѣ достаточно выясняется, по его мнѣнію, въ настоящей книгѣ; болѣе же подробное обоснованіе ея авторъ предполагаетъ дать въ спеціальномъ изслѣдованіи, долженствующемъ служить непосредственнымъ продолженіемъ настоящей работы.

Кіевъ, 17 февраля 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая. Адамъ Смитъ.

СТРАН.

Мѣсто, занимаемое вопросомъ о заработной платѣ въ „Богатствѣ народовъ". Соединеніе въ ученіи Смита обособившихся впослѣдствіи теорій производительности, средствъ существованія и фонда заработной платы. Неравенства въ заработной платѣ. Различія, создаваемыя политикой европейскихъ правительствъ. Регулированіе заработной платы общественной властью. Различія въ заработной платѣ, проистекающія изъ природы самыхъ занятій. Общій характеръ ученія Смита о заработной платѣ . . . . . 1 — 27

Глава вторая. Теорія средствъ существованія.

Вліяніе промышленнаго переворота на принятіе англійскими экономистами теоріи средствъ существованія. Происхожденіе этой теоріи. Формулировка ея Рикардо. Взгляды Рикардо на причины, опредѣляющія вознагражденіе отдѣльнаго рабочаго. Какой уровень жизни предполагалъ Рикардо? Односторонность этой части его ученія. Невниманіе къ дифференцированію трудящейся массы. Характеристика заработной платы, какъ доли общественнаго дохода. Слабость динамическаго построенія Рикардо. Отраженіе борьбы интересовъ того времени. Общая оцѣнка теоріи Рикардо. Дальнѣйшее развитіе теоріи средствъ существованія. Энгельсъ. „Нищета философіи". Коммунистическій манифестъ. „Желѣзный законъ" Лассаля. Родбертусъ. Его ученіе о заработной платѣ, какъ долѣ національнаго дохода является непосредственнымъ логическимъ продолженіемъ теоріи Рикардо. Ученіе о заработной платѣ въ первомъ томѣ „Капитала". Тѣсная связь его съ теоріями Рикардо и

СТРАН.

Родбертуса. Колебанія между идеями „Коммунистическаго манифеста“ и впечатлѣніями отъ новѣйшаго развитія англійской экономической жизни. Защита „Verelendungstheorie“ Каутскимъ. Научные итоги развитія теоріи средствъ существованія. Какія указанія даетъ современная практика экономическихъ отношеній для ученія объ уровнѣ жизни? Принципъ „Living Wage“ . . . 27 — 132

Глава третья. Теорія фонда заработной платы.

Причины, способствовавшія созданію теоріи фонда заработной платы. Теоретики фонда начала XIX столѣтія: Мальтусъ, Джемсъ Милль, Макъ-Кёллокъ. Формулировка ученія о фондѣ Дж. Стюартомъ Миллемъ. Перри и Фаусетъ. Первыя серьезныя нападенія критики. Лонджъ, Торнтонъ. Отказъ Дж. Ст. Милля отъ теоріи фонда. Попытка Кэрнса реабилитировать это ученіе. Неудача ея. Теорія фонда и у Кэрнса ограничивается только изслѣдованіемъ спроса на трудъ. Ошибочность исходныхъ посылокъ, принимаемыхъ теоретиками фонда при объясненіи источника заработной платы. Критическія замѣчанія Германа, Родбертуса и Уокера. Предприниматель руководствуется при наймѣ рабочихъ не ретроспективными соображеніями, а расчетомъ на будущую прибыль отъ предпріятія. Несостоятельность допущенія объ однородности труда. Неправильная оцѣнка вліянія трэдъ-юніоновъ. Ошибки въ предсказаніяхъ теоретиковъ фонда. Общая оцѣнка этой теоріи . . . . . 132 – 211

Глава четвертая. Аргументъ о вліяніи рабочихъ союзовъ.

Положеніе вопроса о рабочихъ союзахъ во время полемики противъ теоріи фонда и средствъ существованія. „Arbeitergilden“ Брентано. Отношеніе Брентано къ его англійскимъ предшественникамъ. Что давала въ дѣйствительности англійская критика теоріи фонда въ выясненіи роли профессіональныхъ организацій? Статья Гаррисона въ „Fortnightly Review“. Торнтонъ. Брентано повторяетъ данную ими характеристику особенностей продажи труда. Аналогія между трудомъ и товаромъ

СТРАН.

проведена въ „Arbeitergilden" болѣе прямолинейно, чѣмъ у англійскихъ критиковъ. Неблагопріятное вліяніе ея на выводы Брентано о значеніи фабричнаго законодательства и примирительныхъ камеръ. Преувеличенно низкая оцѣнка перваго и преувеличенно высокая—вторыхъ. „Вопросъ силы" въ ученіи Брентано. Подысканіе моральнаго оправданія для высокой заработной платы. Одобреніе соціально-политической умѣренности англійскихъ трэдъ-юніонистовъ. Призывъ къ великодушію и сознанію общественныхъ обязанностей, обращенный къ богатымъ. Значеніе „Arbeitergilden" въ разработкѣ теоріи заработной платы . . . . . 211—236

Глава пятая. Теорія производительности труда.

Экономія низкой и экономія высокой заработной платы. Двѣ версіи теоріи производительности. Первые защитники этой теоріи. Роб. Овэнъ. Лонгфильдъ. Сеньоръ. Кэри. Ученіе Уокера „Wages Question". Дополненія въ „Political Economy". Жизненность взглядовъ Уокера. Слабыя стороны теоріи производительности. Вопросъ о силахъ, регулирующихъ раздѣлъ національнаго продукта. Гипотеза „совершенной конкуренціи". Ученіе о „послѣднемъ претендентѣ". Новѣйшіе защитники теоріи производительности. Шенгофъ. Леруа-Болье. Шульце-Геверницъ. Вторая версія теоріи производительности. Ограниченія принципа, что за повышеніемъ заработной платы должно слѣдовать увеличеніе производительности труда. Ошибочность отожествленія взглядовъ ученыхъ, излагающихъ эту версію, съ ихъ ученіемъ о причинахъ, опредѣляющихъ заработную плату. . . . . 237—295

Глава шестая. Германъ, Тюненъ, Джевонсъ.

Потребность полнаго пересмотра вопроса о заработной платѣ послѣ крушенія старыхъ теорій, примыкавшихъ къ классической доктринѣ. Обращеніе къ элементамъ новаго объясненія вопроса, содержащимся въ трудахъ Германа, Тюнена и Джевонса. Ученіе Германа. Сближеніе условій установленія заработной платы съ условіями образованія рыночныхъ цѣнъ вообще. Харак-

СТРАН.

теристика спроса на трудъ. Тюненъ. Недоразумѣніе, связанное съ его ученіемъ въ германской экономической литературѣ. Взглядъ Тюнена на характеръ установленія заработной платы въ современной ему дѣйствительности. „Естественная заработная плата". Переходъ къ каузальному изслѣдованію при ея повѣркѣ. Новая формула заработной платы. Вопросъ объ опредѣленіи долей продукта, являющихся результатомъ приложенія труда и капитала. Плата, равная $\sqrt{ар}$ и условія оплаты труда въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Отношеніе къ ученію Тюнена въ германской экономической литературѣ. Невниманіе къ выдвинутымъ имъ принципамъ производительности и предѣльнаго измѣренія. Theory of Political Economy Джевонса. Общій характеръ его замѣчаній о заработной платѣ. Соединеніе въ нихъ теорій производительности и фонда. Замѣчанія по поводу установленія рыночной цѣны. Постановка задачи изслѣдованія вопроса о заработной платѣ въ предисловіи къ „Theory". Примѣненіе рентнаго принципа къ теоріи заработной платы. . . . . 296—342

Глава седьмая. Эклектики.

Постановка вопроса о заработной платѣ у экономистовъ германской исторической и историко-этической школъ. „Система народнаго хозяйства" Рошера. Соединеніе въ его ученіи о заработной платѣ постановки вопроса, данной Германомъ, теорій фонда и средствъ существованія и указаній Торнтона и Брентано. Отсутствіе исторической точки зрѣнія. Вопросъ о заработной платѣ въ коллективныхъ трудахъ германскихъ экономистовъ историко-этическаго направленія. Митгофъ. Шёнбергъ. Кемъ-Эльстеръ. Клейнвехтеръ. Общая черта ихъ ученій—эклектическое отношеніе къ имѣющимся теоретическимъ указаніямъ и отсутствіе сознанія потребности новой серьезной разработки вопроса. Статья Шмоллера въ „Soziale Praxis". Преобладаніе конкретнаго матеріала надъ теоретическимъ анализомъ . . . . 343—380

Глава восьмая. Воскрешеніе теоріи фонда.

Обращеніе школы предѣльной полезности къ вопросамъ распредѣленія. Характеръ ея пріемовъ. Попытка возрожденія теоріи фонда. Бёмъ-Баверкъ въ „Positive

СТРАН.

Theorie". Ученіе о фондѣ средствъ существованія. Его посылки. Отграниченіе отъ старой теоріи фонда. Сходство ученія Бёмъ-Баверка съ старой доктриной по существу примѣняемыхъ пріемовъ изслѣдованія, допущеній и выводовъ. Теорія Бёмъ-Баверка не подвигаетъ разработки вопроса далѣе того пункта, на которомъ ее оставила классическая (и манчестерская) доктрина. „Wages and Capital" Тауссига. Характеристика источника заработной платы. „Inchoate wealth". Ученіе о „механизмѣ распредѣленія". Зависимость дохода рабочихъ отъ фонда заработной платы. Эластичность фонда. Вліяніе повышенія заработной платы одной группы рабочихъ на заработокъ другихъ группъ. Общій смыслъ ученія Тауссига. Балансированіе между индивидуалистической и общественной точками зрѣнія. „Прошлое и настоящее" въ народномъ хозяйствѣ. Пониманіе Тауссигомъ „механизма распредѣленія" въ современномъ обществѣ. Реакціонное значеніе теоріи Тауссига. . . . . 381—414

Глава девятая. **Приспособленіе теоріи заработной платы къ новѣйшимъ теоріямъ цѣны и цѣнности.**

Попытки провести параллель между новѣйшими теоріями цѣнности и цѣны и теоріей заработной платы. Ученіе Маршалла. „Economics of Industry". Вниманіе къ организаціямъ хозяевъ и рабочихъ. Наклонность къ теоретическому консерватизму. Principles of economics. Болѣе послѣдовательное проведеніе индивидуалистической точки зрѣнія. Характеристика элементовъ спроса на трудъ. Гипотетическія условія раздѣла „національнаго дивиденда". Спросъ на трудъ при капиталистическомъ строѣ. Функція предпринимателя. Принципъ субституціи. „Предѣльный пастухъ". Предложеніе труда. Количество труда. Склонность къ работѣ. Дополнительныя разъясненія. Особенности рабочаго договора. Динамика заработной платы. Вліяніе измѣненій въ уровнѣ жизни и сокращенія рабочаго времени. Двѣ группы ученій, примыкающихъ къ теоріи Маршалла. I. „Distribution of Income" Смарта. Одностороннее выдвиганіе роли частнаго предпринимателя. Характеристика принципа субституціи. Отношеніе къ трэдъ-юніонизму. Кларкъ.

СТРАН.

Главный тезисъ его книги. Способы и средства его защиты. Повтореніе попытки Тюнена и „теоріи вмѣненія“ Визера. Объясненіе соціально-экономическихъ отношеній данными индивидуальной экономики. Предѣльная область труда. Гипотетическое образованіе „единицъ труда“. II. Теорія „рыночнаго торга“ (Давидсонъ и Гобсонъ). „The Bargain Theory of Wages“ Давидсона. Смѣсь гипотетическаго и реалистическаго анализа. Элементы оцѣнки рабочаго и предпринимателя. Установленіе заработной платы между предѣлами, намѣченными этой оцѣнкой. Дополнительныя характеристики. Гобсонъ. Абстрактно-психологическій характеръ его изслѣдованія. Анализъ рыночной сдѣлки. Координація объясненія причинъ вознагражденія всѣхъ факторовъ производства съ помощью закона ренты. „Рента труда“. „Опредѣляющій рабочій“. „Вынужденные выигрыши“. Общія черты ученій, изложенныхъ въ этой главѣ. Сочетаніе положеній классической доктрины съ индивидуально-психологическимъ анализомъ. Особенности взглядовъ отдѣльныхъ авторовъ.—Заключеніе . . . . . 415—523

Глава первая.

Адамъ Смитъ.

Мѣсто, занимаемое вопросомъ о заработной платѣ въ „Богатствѣ народовъ". Соединеніе въ ученіи Смита обособившихся впослѣдствіи теорій производительности, средствъ существованія и фонда заработной платы. Неравенства въ заработной платѣ. Различія, создаваемыя политикой европейскихъ правительствъ. Регулированіе заработной платы общественной властью. Различія въ заработной платѣ, проистекающія изъ природы самыхъ занятій. Общій характеръ ученія Смита о заработной платѣ.

Вопросъ о заработной платѣ (да и вообще теорія распредѣленія) былъ задуманъ Смитомъ, повидимому, въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ въ какомъ онъ былъ дѣйствительно разработанъ въ „Богатствѣ народовъ". Обиліе новыхъ мыслей и сложность фактическаго матеріала, которыми отличается первая книга изслѣдованія Смита, невольно привели къ тому, что дѣйствительное содержаніе этой книги значительно уклонилось отъ намѣченнаго плана. Смитъ далъ ей заглавіе: „о причинахъ улучшенія въ производительныхъ силахъ труда и о порядкѣ, согласно которому его продуктъ естественно распредѣляется между различными классами народа" и во вступленіи еще разъ отмѣтилъ, что ея содержаніемъ должны быть именно эти вопросы [1],— и въ то же время, въ самомъ изложеніи отвелъ теоріи распредѣленія подчиненное мѣсто, поставивъ ее въ зависимость отъ теоріи цѣны и денежнаго обращенія. Отсюда большая часть книги трактуетъ вопросы о цѣнѣ и день-

[1]) „The causes of this improvement in the productive powers of labour, and the order according to which its produce is naturally distributed among the different ranks and conditions of men in the society, make the subject of this first book of this inquiry". Ad Smith, An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Изд. Никольсона, London 1891 (въ одномъ томѣ), стр. 1.

гахъ, причемъ изъ теоріи распредѣленія выпалъ столь важный для нея вопросъ о сравнительныхъ размѣрахъ долей всего общественнаго продукта, очевидно предполагаемый заглавіемъ книги [1]).

И тѣмъ не менѣе, ученіе о заработной платѣ, предложенное въ „Богатствѣ народовъ", было крупнымъ теоретическимъ успѣхомъ. Оно подводило итогъ предшествовавшему развитію и открывало широкія перспективы для будущей работы. Недостаточно послѣдовательное, не лишенное мѣстами даже крупныхъ противорѣчій, оно отразило въ себѣ и характерныя достоинства пріемовъ А. Смита. Мы встрѣчаемъ въ немъ не только широкую постановку вопроса, намѣчающаго какъ бы программу изслѣдованія на далекое будущее [2]), но— и что также чрезвычайно важно—живую связь съ современной дѣйствительностью. Въ немъ нашли себѣ выраженіе и глубокое истолкованіе многообразныя и сложныя отношенія, возникавшія между хозяевами и рабочими того времени на почвѣ договора о заработной платѣ. Эта жизненность теоретическихъ положеній, защищаемыхъ Смитомъ, сообщала имъ необыкновенную яркость и силу,

---

[1]) См. объ этомъ E. Cannan, A history of the theories of production and distribution in english political economy from 1776 to 1848. London 1894. Кеннанъ объясняетъ эту непослѣдовательность Смита позднимъ знакомствомъ его съ ученіемъ физіократовъ (что едвали ли вѣроятно). „То обстоятельство, говоритъ онъ, что распредѣленіе занимаетъ столь подчиненное мѣсто въ текстѣ книги и столь выдающееся въ заглавіи, мы, быть можетъ, объяснимъ предположеніемъ, что по всей вѣроятности книга эта существовала въ достаточно полномъ видѣ, прежде чѣмъ Ад. Смитъ познакомился съ ученіемъ физіократовъ. Когда это случилось, онъ могъ подумать, что его теорія цѣны и его наблюденія надъ заработной платой, прибылью и рентой составляютъ очень хорошую теорію того, что физіократы называли „распредѣленіемъ", а потому и далъ книгѣ существующее заглавіе, вставивъ туда мѣсто относительно всего продукта, раздробляемаго и распредѣляемаго въ качествѣ заработной платы, прибыли и ренты". Cannan, указ. соч., стр. 185—188.

[2]) „Вопросы производства и распредѣленія представляютъ у Ад. Смита если не лучшее, то наиболѣе оригинальное.... Самая новизна его изслѣдованія неизбѣжно привела къ тому, что результаты его должны были быть болѣе незрѣлыми, чѣмъ по вопросамъ, которые разра-

не дѣлая ихъ, однако, узко-тенденціозными, потому что въ данномъ вопросѣ Смиту было легко оградить себя отъ предвзятаго отношенія. Отсюда его взгляды выгодно отличаются и отъ ученій его ближайшихъ преемниковъ, односторонне отражавшихъ на себѣ интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ, связанные съ тѣми или иными практическими злобами дня.

Въ ученіи Смита о заработной платѣ борются три точки зрѣнія, впослѣдствіи обособившіяся и положившія основаніе тремъ самостоятельнымъ доктринамъ: теоріи производительности, теоріи средствъ существованія и теоріи фонда. При этомъ теорія производительности намѣчена Смитомъ весьма слабыми штрихами. Она появляется въ его изложеніи два раза: во-первыхъ, въ качествѣ введенія въ общій вопросъ о распредѣленіи, и, во-вторыхъ, по спеціальному поводу —при расмотрѣніи широко распространеннаго во время Смита взгляда на дурное яко бы вліяніе повышенія заработной платы на прилежаніе рабочихъ. Главныя же объясненія причинъ заработной платы, предложенныя Смитомъ, вращаются около двухъ, весьма близкихъ вначалѣ, и лишь впослѣдствіи далеко разошедшихся теорій: средствъ существованія и фонда заработной платы (спроса и предложенія).

Но если теорія производительности и не занимаетъ выдающагося мѣста въ ученіи Смита, все же она была намѣчена имъ настолько, что могла послужить отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшей разработки. Смитъ вводитъ ее въ гипотезу „первоначальнаго состоянія" общества. „Продуктъ труда, говоритъ онъ, составляетъ естественное вознагражденіе или плату за трудъ. Въ томъ первоначальномъ состояніи вещей, которое предшествуетъ обращенію въ собственность земли и накопленію капптала, весь продуктъ труда принадлежитъ работнику. Онъ не имѣетъ ни земле-

батывались уже двумя или тремя поколѣніями предыдущихъ писателей; дефектъ, который, если его правильно разсматривать, дѣлаетъ долгъ науки по отношенію къ нему еще большимъ". F. W. Taussig. Wages and Capital. An examination of the wages-fund doctrine. New-Iork 1896, стр. 132.

владѣльца, ни хозяина (капиталиста), съ которыми онъ долженъ былъ бы дѣлиться. Если бы такое состояніе продолжалось, то заработная плата увеличивалась бы вмѣстѣ со всѣми тѣми улучшеніями въ производительной силѣ, которыя создаетъ раздѣленіе труда. Всѣ вещи постепенно стали бы дешевле. Онѣ производились бы съ затратой меньшаго количества труда; и такъ какъ товары, производимые равными количествами труда, при такомъ положеніи дѣла естественно обмѣнивались бы другъ на друга, то ихъ можно было бы покупать на продуктъ меньшаго количества труда, чѣмъ прежде [1])".

Эта мысль о связи между производительностью труда и вознагражденіемъ за него должна была бы облегчить позднѣйшимъ экономистамъ въ особенности обсужденіе вопроса объ источникѣ заработной платы, который представлялся имъ, благодаря односторонней точкѣ зрѣнія, столь темнымъ и запутаннымъ. Къ сожалѣнію, они не только не обратили вниманія на общій смыслъ этого разсужденія Смита, но и просмотрѣли очевидную аналогію между предполагаемымъ Смитомъ „первоначальнымъ состояніемъ" и дѣйствительнымъ положеніемъ мелкихъ производителей (какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности), которая опять-таки должна была навести на мысль о необходимости хотя бы частичныхъ поправокъ къ предложеннымъ впослѣдствіи одностороннимъ теоріямъ.

Но Смитъ не ограничивается только приведеннымъ указаніемъ на связь между высотою заработной платы и производительностью труда. Онъ возвращается къ этой мысли еще разъ, намѣчая другую сторону теоріи производительности, которая впослѣдствіи обособилась въ самостоятельную версію [2]). „Щедрое вознагражденіе за трудъ, указываетъ онъ, поощряя размноженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и прилежаніе рабочихъ (industry of common people). Плата за трудъ служитъ поощреніемъ прилежанія, которое,

[1]) Wealth of Nations, стр. 27.

[2]) Подробно объ этомъ см. ниже въ соотвѣтств. главѣ.

какъ всякое человѣческое качество, увеличивается въ соотвѣтствіи съ дѣйствующимъ на него побужденіемъ. Обильныя средства къ существованію увеличиваютъ физическую энергію работника, а утѣшительная надежда на улучшеніе его положенія и на то, что онъ, быть можетъ, окончитъ свои дни въ довольствѣ и благополучіи, побуждаютъ его напрягать свою силу до крайнихъ предѣловъ. Поэтому, гдѣ заработная плата высока, мы всегда встрѣчаемъ болѣе активныхъ, усердныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, чѣмъ тамъ, гдѣ она низка: въ Англіи, напр., больше, чѣмъ въ Шотландіи; въ сосѣдствѣ большихъ городовъ, чѣмъ въ отдаленныхъ сельскихъ мѣстностяхъ. Конечно, нѣкоторые рабочіе, когда они могутъ заработать въ четыре дня столько, чтобы просуществовать недѣлю, не будутъ ничего дѣлать въ остальные три дня. Однако, такіе рабочіе составляютъ далеко не большую часть всѣхъ рабочихъ.... Говорятъ, что въ годы дешевизны рабочіе вообще болѣе лѣнивы, а въ годы дороговизны—болѣе прилежны, чѣмъ обыкновенно. Отсюда заключаютъ, что обильныя средства къ существованію затрудняютъ, а скудныя—оживляютъ прилежаніе (рабочихъ). Конечно, нельзя отрицать, что небольшое увеличеніе изобилія сравнительно съ обычнымъ временемъ можетъ сдѣлать нѣкоторыхъ рабочихъ лѣнивѣе; но чтобы оно имѣло такое вліяніе на бо̀льшую часть, или чтобы люди вообще стали работать лучше, когда они хуже питаются, чѣмъ тогда, когда они питаются хорошо; когда они морально угнетены, чѣмъ когда они находятся въ хорошемъ расположеніи духа; когда они подвержены частымъ болѣзнямъ, чѣмъ когда они находятся обыкновенно въ добромъ здоровьѣ,—это кажется весьма невѣроятнымъ..... Хозяева всякаго рода....., часто заключаютъ болѣе выгодныя для себя сдѣлки съ рабочими въ годы дороговизны, чѣмъ въ годы дешевизны, и находятъ ихъ болѣе покорными (humble) и зависимыми. Поэтому они естестественно заявляютъ, что годы дороговизны болѣе благопріятны для промышленности" [2]).

[2]) Wealth of Nations, стр. 34—35.

Приведенныя соображенія Смита остались, къ сожалѣнію, безъ всякаго вліянія на ближайшую экономическую литературу. Вопросъ о связи между производительностью труда и высотой заработной платы выплываетъ вновь значительно позднѣе, когда новыя условія промышленной жизни заставили задуматься надъ нимъ не только теоретиковъ, но и практическихъ дѣятелей. Ближайшіе же преемники Смита не только не развивали (въ данномъ отношеніи) намѣченныхъ имъ мыслей, но прямо затемняли и искажали всю проблему, столь ясно предугаданную Смитомъ, сводя споръ о возможности и значеніи повышенія заработной платы къ несущественнымъ или постороннимъ моментамъ. Конечно, извѣстная часть вины падаетъ здѣсь и на самого Смита, который отвелъ этимъ важнымъ соображеніямъ второстепенное мѣсто въ общемъ развитіи своей теоріи. Въ данной имъ характеристикѣ они появляются въ видѣ случайныхъ отступленій, о которыхъ авторъ сейчасъ же забываетъ, какъ только возвращается къ прерванной основной нити разсужденія. Такимъ образомъ, теорія производительности, которой такъ торжественно открывается въ „Богатствѣ народовъ" изслѣдованіе вопроса о заработной платѣ, въ дѣйствительности совершенно затѣнена другими объясненіями, которымъ Смитъ, отчасти слѣдуя общему духу времени, отчасти исходя изъ оптимистическихъ надеждъ на будущее, придавалъ наиболѣе серьезное значеніе. Вмѣстѣ съ гипотезой о „первоначальномъ состояніи" Смитъ отлагаетъ въ сторону и соображенія о вліяніи производительности труда, находя, что въ современномъ хозяйственномъ строѣ, въ которомъ къ дѣлежу продукта присоединяются два новыхъ члена—землевладѣлецъ и капиталистъ—установленіе платы происходитъ по совершенно инымъ основаніямъ. Онъ ставитъ проблему въ видѣ вопроса о борьбѣ между двумя антагонистическими силами, при чемъ его по преимуществу интересуютъ средства, которыми располагаютъ обѣ стороны въ этой борьбѣ. Въ англійской жизни того времени и тогда уже, въ особенности для столь проницательнаго наблюдателя, какъ Смитъ, выступали довольно замѣтно попытки каждой стороны до-

биваться для себя наиболѣе выгодныхъ условій коллективными усиліями. Поэтому Смитъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на этихъ попыткахъ. „Рабочіе, говоритъ онъ, желаютъ получить возможно больше, хозяева— дать возможно меньше. Рабочіе склонны устраивать коалиціи, чтобы поднять заработную плату, хозяева—чтобы ее понизить [1]). Такой постановкой вопроса Смитъ ставитъ сразу на надлежащее мѣсто условіе, на которое даже послѣ него такъ часто обращали слишкомъ мало вниманія [2]).

Оцѣнивая шансы успѣха каждой изъ сторонъ, Смитъ естественно склоняется къ мысли, что побѣдителями въ этой борьбѣ должны оказаться хозяева. Въ то время рабочіе союзы только еще начинали зарождаться; ихъ дѣятельность не находила себѣ опоры въ общемъ политическомъ строѣ страны, такъ какъ рабочій классъ занималъ тотда ничтожное мѣсто въ государственной организаціи Англіи и не успѣлъ еще выработать тѣхъ устойчивыхъ привычекъ организованной самодѣятельности, которыя стали отличать его впослѣдствіи, въ особенности со второй половины XIX столѣтія. Между тѣмъ законодательство, спеціально посвященное коалиціямъ рабочихъ, было для нихъ крайне небла-

[1]) Wealth of Nations, стр. 27.

[2]) Во время Ад. Смита рабочіе союзы составляли дѣйствительно уже весьма крупное явленіе въ англійской жизни. „Въ начальные годы 18 вѣка, говорятъ супруги Веббъ, мы встрѣчаемъ изолированныя жалобы на соглашенія, „заключенныя въ послѣднее время" искусными (skilled) рабочими въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Съ дальнѣйшими годами вѣка мы наблюдаемъ постепенное увеличеніе такихъ жалобъ, которымъ противопоставляются жалобы организованныхъ рабочихъ. Начиная съ половины 18-го столѣтія, протоколы палаты общинъ полны петицій и контръ-петицій, указывающихъ на существованіе рабочихъ организацій въ большей части отраслей промышленности, гдѣ примѣняется искусный трудъ. Наконецъ, о широкомъ распространеніи движенія мы можемъ заключить по непрерывному умноженію парламентскихъ актовъ, направленныхъ противъ союзовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и достигающихъ своего кульминаціоннаго пункта въ обширномъ статутѣ 1799 г., воспрещающемъ какія бы то ни было соглашенія (combinations). Sidney and Beatrice Webb. The history of trade-unionism. London 1894, стр. 21.

гопріятно. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе союзы были воспрещены; но и тамъ, гдѣ они могли существовать, они не имѣли необходимыхъ юридическихъ условій, которыя обезпечивали бы правильное функціонированіе ихъ (право имѣть признанныхъ должностныхъ лицъ, представителей на судѣ и т. д.). Вотъ почему наблюдателю второй половины XVIII в. невозможно было правильно оцѣнить перспективы, открываемыя будущему рабочихъ союзовъ начинавшимся промышленнымъ развитіемъ, и Ад. Смитъ безъ всякихъ колебаній приходитъ къ выводу, что коалиціямъ рабочихъ не справиться съ гораздо болѣе могущественными объединеніями хозяевъ. У него не было передъ глазами примѣровъ, гдѣ бы рабочіе союзы обладали достаточными фондами для долгой борьбы. А ихъ юридическая необезпеченность сравнительно съ коалиціями хозяевъ была ему хорошо извѣстна.

„Не трудно предвидѣть, замѣчаетъ онъ, какая изъ двухъ сторонъ, при обычныхъ условіяхъ, имѣетъ преимущество въ спорѣ и можетъ заставить другую согласиться на ея условія. Хозяева, будучи меньше числомъ, могутъ гораздо легче вступать въ соглашенія другъ съ другомъ; да кромѣ того и законодательство покровительствуетъ такимъ соглашеніямъ или, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ ихъ, тогда какъ оно запрещаетъ коалиціи рабочихъ. Мы не имѣемъ парламентскихъ актовъ противъ соглашеній, имѣющихъ въ виду понизить плату за трудъ; но у насъ есть много актовъ противъ коалицій рабочихъ съ цѣлями подъема платы“ [1]).

Коалиціи рабочихъ, по мнѣнію Смита, настолько слабы, что они стараются, прежде всего, о скорѣйшемъ разрѣшеніи спора; при такомъ напряженномъ состояніи рабочіе легко переходятъ границы дозволеннаго и тѣмъ окончательно губятъ свое дѣло, навлекая на себя судебное и административное преслѣдованіе. „Будутъ ли коалиціи (рабочихъ) оборонительными или наступательными, говоритъ Ад. Смитъ, о нихъ всегда говорятъ очень много. Чтобы привести дѣло

[1]) Wealth of Nations, стр. 27.

къ быстрому разрѣшенію, рабочіе всегда прибѣгаютъ къ громкому оглашенію его, а иногда и къ самымъ вопіющимъ нарушеніямъ и насиліямъ. Доведенные до отчаянія, они дѣйствуютъ съ безуміемъ и крайностью отчаявшихся людей, которые должны или погибать отъ голода, или запугать своихъ хозяевъ съ цѣлью склонить ихъ немедленно согласиться на ихъ требованія. При такихъ обстоятельствахъ хозяева съ своей стороны поднимаютъ не меньше шума, не переставая громко взывать къ помощи гражданскихъ властей и требовать строгаго исполненія законовъ, проведенныхъ съ такой жестокостью противъ коалицій слугъ, работниковъ и поденщиковъ. Поэтому рабочіе очень рѣдко получаютъ какую-либо выгоду отъ насилій, производимыхъ такими буйными коалиціями, которыя частью благодаря вмѣшательству гражданскихъ властей, частью благодаря перевѣсу матеріальной силы на сторонѣ хозяевъ, частью въ силу нужды, заставляющей большинство рабочихъ покориться, чтобы имѣть средства къ существованію, обыкновенно кончаются ничѣмъ, кромѣ наказанія или разоренія (ruin) вожаковъ" [2]).

Если поэтому рабочіе не могутъ отстаивать своихъ интересовъ коллективно, то у нихъ остается одинъ выходъ: вести борьбу съ хозяевами, опираясь на единоличныя средства. Но здѣсь они оказываются въ еще худшемъ положеніи. „Во всѣхъ такихъ спорахъ хозяева могутъ держаться гораздо дольше. Землевладѣлецъ, фермеръ, хозяинъ-мануфактуристъ или купецъ, хотя бы они и не держали ни одного работника, могли бы обыкновенно существовать годъ или два на капиталы, которыми они обладаютъ. Многіе рабочіе не могли бы просуществовать недѣли, немногіе продержались бы мѣсяцъ, и едва нашелся бы рабочій, который прожилъ бы годъ безъ занятія. Въ общемъ ходѣ производства (in the long run) рабочій можетъ быть настолько же необходимъ для своего хозяина, какъ хозяинъ для него; но

[2]) Wealth of Nations, стр. 27—28.

гопріятно. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе союзы были воспрещены; но и тамъ, гдѣ они могли существовать, они не имѣли необходимыхъ юридическихъ условій, которыя обезпечивали бы правильное функціонированіе ихъ (право имѣть признанныхъ должностныхъ лицъ, представителей на судѣ и т. д.). Вотъ почему наблюдателю второй половины XVIII в. невозможно было правильно оцѣнить перспективы, открываемыя будущему рабочихъ союзовъ начинавшимся промышленнымъ развитіемъ, и Ад. Смитъ безъ всякихъ колебаній приходитъ къ выводу, что коалиціямъ рабочихъ не справиться съ гораздо болѣе могущественными объединеніями хозяевъ. У него не было передъ глазами примѣровъ, гдѣ бы рабочіе союзы обладали достаточными фондами для долгой борьбы. А ихъ юридическая необезпеченность сравнительно съ коалиціями хозяевъ была ему хорошо извѣстна.

„Не трудно предвидѣть, замѣчаетъ онъ, какая изъ двухъ сторонъ, при обычныхъ условіяхъ, имѣетъ преимущество въ спорѣ и можетъ заставить другую согласиться на ея условія. Хозяева, будучи меньше числомъ, могутъ гораздо легче вступать въ соглашенія другъ съ другомъ; да кромѣ того и законодательство покровительствуетъ такимъ соглашеніямъ или, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ ихъ, тогда какъ оно запрещаетъ коалиціи рабочихъ. Мы не имѣемъ парламентскихъ актовъ противъ соглашеній, имѣющихъ въ виду понизить плату за трудъ; но у насъ есть много актовъ противъ коалицій рабочихъ съ цѣлями подъема платы“ [1]).

Коалиціи рабочихъ, по мнѣнію Смита, настолько слабы, что они стараются, прежде всего, о скорѣйшемъ разрѣшеніи спора; при такомъ напряженномъ состояніи рабочіе легко переходятъ границы дозволеннаго и тѣмъ окончательно губятъ свое дѣло, навлекая на себя судебное и административное преслѣдованіе. „Будутъ ли коалиціи (рабочихъ) оборонительными или наступательными, говоритъ Ад. Смитъ, о нихъ всегда говорятъ очень много. Чтобы привести дѣло

[1]) Wealth of Nations, стр. 27.

къ быстрому разрѣшенію, рабочіе всегда прибѣгаютъ къ громкому оглашенію его, а иногда и къ самымъ вопіющимъ нарушеніямъ и насиліямъ. Доведенные до отчаянія, они дѣйствуютъ съ безуміемъ и крайностью отчаявшихся людей, которые должны или погибать отъ голода, или запугать своихъ хозяевъ съ цѣлью склонить ихъ немедленно согласиться на ихъ требованія. При такихъ обстоятельствахъ хозяева съ своей стороны поднимаютъ не меньше шума, не переставая громко взывать къ помощи гражданскихъ властей и требовать строгаго исполненія законовъ, проведенныхъ съ такой жестокостью противъ коалицій слугъ, работниковъ и поденщиковъ. Поэтому рабочіе очень рѣдко получаютъ какую-либо выгоду отъ насилій, производимыхъ такими буйными коалиціями, которыя частью благодаря вмѣшательству гражданскихъ властей, частью благодаря перевѣсу матеріальной силы на сторонѣ хозяевъ, частью въ силу нужды, заставляющей большинство рабочихъ покориться, чтобы имѣть средства къ существованію, обыкновенно кончаются ничѣмъ, кромѣ наказанія или разоренія (ruin) вожаковъ“ [2]).

Если поэтому рабочіе не могутъ отстаивать своихъ интересовъ коллективно, то у нихъ остается одинъ выходъ: вести борьбу съ хозяевами, опираясь на единоличныя средства. Но здѣсь они оказываются въ еще худшемъ положеніи. „Во всѣхъ такихъ спорахъ хозяева могутъ держаться гораздо дольше. Землевладѣлецъ, фермеръ, хозяинъ-мануфактуристъ или купецъ, хотя бы они и не держали ни одного работника, могли бы обыкновенно существовать годъ или два на капиталы, которыми они обладаютъ. Многіе рабочіе не могли бы просуществовать недѣли, немногіе продержались бы мѣсяцъ, и едва нашелся бы рабочій, который прожилъ бы годъ безъ занятія. Въ общемъ ходѣ производства (in the long run) рабочій можетъ быть настолько же необходимъ для своего хозяина, какъ хозяинъ для него; но

[2]) Wealth of Nations, стр. 27—28.

эта потребность не такъ настоятельна въ каждый данный моментъ (not so immediate) [1]).

При такихъ условіяхъ Смиту представляется очевиднымъ, что заработная плата диктуется одностороннимъ усмотрѣніемъ хозяевъ. А если хозяева вполнѣ согласны между собой поддерживать возможно меньшій размѣръ заработной платы, то плата устанавливается на минимумѣ средствъ существованія работника, достаточномъ только для поддержанія его жизни и продолженія рода

„Человѣкъ всегда долженъ жить своимъ трудомъ, говоритъ Смитъ, и его плата должна быть по крайней мѣрѣ достаточной, чтобы поддерживать его существованіе. Она должна быть даже во многихъ случаяхъ нѣсколько больше: иначе ему было бы невозможно содержать семью, и раса такихъ рабочихъ прекратилась бы съ первымъ поколѣніемъ“ [2]).

Такова формулировка теоріи средствъ существованія у Ад. Смита. Крупнымъ достоинствомъ ея, выгодно отличающимъ ее даже отъ ученій послѣдующихъ экономистовъ, представляется отчетливая характеристика условій, приводящихъ къ столь печальнымъ для рабочихъ результатамъ. Взглядъ на тяготѣніе заработной платы къ средствамъ существованія опирался у Смита на ясное сознаніе слабости силъ рабочаго класса въ его время. Ставя вопросъ о борьбѣ между хозяевами и рабочими, Смитъ тѣмъ самымъ указывалъ будущимъ изслѣдователямъ на необходимость внимательнаго анализа этой борьбы. Какъ только наступили бы благопріятныя для рабочаго класса измѣненія въ отношеніи законодательства къ профессіональнымъ союзамъ, въ умственномъ развитіи рабочихъ, въ ихъ чувствѣ солидарности, политическихъ взглядахъ и политической силѣ,—изслѣдователь, стоя на точкѣ зрѣнія Смита, увидѣлъ бы, что заработная плата при такихъ условіяхъ не диктуется уже произвольнымъ усмотрѣніемъ хозяевъ, потому что рабочіе стали сильнѣе. И однако, какъ мы увидимъ ниже, десятки лѣтъ протекали послѣ

[1]) Wealth of Nations, стр. 28.
[2]) WealtL of Nations, стр. 28.

выхода въ свѣтъ трактата Смита, а вопросъ о наростаніи силы у рабочаго класса все не поднимался въ теоретической литературѣ, несмотря на то, что его разрѣшеніе далеко подвигалось впередъ практической жизнью [1]).

Установивъ такимъ образомъ, въ согласіи съ господствовавшимъ возрѣніемъ [2]), теорію средствъ существованія, Смитъ, однако, не считаетъ ее исключительнымъ объясненіемъ причинъ заработной платы. Онъ предвидитъ и такой случай, когда хозяева не будутъ согласны другъ съ другомъ при назначеніи платы рабочимъ. Это должно произойти при „прогрессивномъ состояніи" общества, когда въ силу возрастанія національнаго богатства создается усиленный спросъ на рабочія руки и хозяева начинаютъ конкурировать другъ съ другомъ. Здѣсь Смитъ выдвигаетъ иную теорію, въ которой намѣчаются черты будущей теоріи „фонда заработной платы". Спросъ на людей, живущихъ на заработную плату, говоритъ онъ, очевидно, можетъ возрастать только въ пропорціональномъ отношеніи къ увеличенію фондовъ, назначенныхъ для ея выдачи. Эти фонды бываютъ двоякаго рода: 1) доходъ, который выше уровня, достаточнаго для существованія; 2) капиталъ, который выше уровня, необходимаго для предпріятій его владѣльцевъ... Поэтому спросъ на людей, живущихъ на заработную плату, необходимо увеличивается вмѣстѣ съ возрастаніемъ дохода и капитала каждой страны и не можетъ возрастать безъ этого условія.

[1]) Не слѣдуетъ думать, конечно, будто уже самъ Смитъ ясно понималъ возможность такого разрѣшенія вопроса. Значеніе его мыслей заключалось только въ указаніи на зачинавшіяся коллективныя дѣйствія хозяевъ и рабочихъ при установленіи заработной платы. Если бы его послѣдователи внимательнѣе слѣдили за измѣненіями въ такой коллективной дѣятельности, то они безъ труда пришли бы къ выводу, который не могъ быть предвидѣнъ Ад. Смитомъ при всей его проницательности. Смитъ все таки оставался при убѣжденіи, что рабочіе всегда безсильны противъ хозяевъ.

[2]) Теорія средствъ существованія принималась почти всѣми экономистами XVIII в., безъ различія направленій (см. объ этомъ въ слѣдующей главѣ).

Увеличеніе дохода и капитала оказывается увеличеніемъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, спросъ на людей, живущихъ на заработную плату, естественно увеличивается съ увеличеніемъ національнаго богатства и не можетъ возрастать безъ этого... Однако, не существующіе размѣры національнаго богатства вызываютъ подъемъ заработной платы, но его постоянное возрастаніе. Поэтому плата за трудъ всего выше не въ самыхъ богатыхъ странахъ, но въ наиболѣе интенсивно развивающихся (in the most thriving), въ такихъ, богатство которыхъ возрастаетъ всего быстрѣе. Конечно, Англія въ настоящее время гораздо болѣе богатая страна, чѣмъ какая-либо часть Сѣверной Америки. Однако, заработная плата гораздо выше въ Сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ какой-либо части Англіи. И не одна только денежная плата: „Если денежная плата за трудъ тамъ выше, чѣмъ гдѣ-либо въ метрополіи, то его реальная покупательная сила надъ вещами, необходимыми или удобными для жизни, — должна быть еще болѣе высокой". И наоборотъ, при неподвижномъ состояніи богатства страны рабочіе могутъ разсчитывать только на скудное существованіе, при убываніи же — обречены на постоянный голодъ" [1]).

[1]) Wealth of Nations, стр. 29. Интересно, что Смитъ забываетъ здѣсь о собственномъ соображеніи, высказанномъ нѣсколькими страницами выше. Между Англіей и Соед. Штатами того времени была немалая разница и въ условіяхъ производительности труда. „Ад. Смитъ, говоритъ Макъ-Доннеллъ, скоро теряетъ изъ виду ту истину, которую онъ ясно видѣлъ, говоря о примитивномъ состояніи (общества) передъ обращеніемъ въ собственность земли и накопленіемъ капитала, — именно, что продуктъ является источникомъ заработной платы, и что производительность труда стремится поднять ее. При свѣтѣ этой важной истины легко понять, почему заработная плата была настолько выше въ Америкѣ сравнительно съ Англіей. Рабочіе были тамъ (въ Америкѣ) по меньшей мѣрѣ настолько же искусны и интеллигентны, какъ въ Англіи, а естественные факторы были гораздо производительнѣе. Продуктъ, получаемый данной затратой труда и капитала, былъ тамъ поэтому больше, и капиталистъ, самъ получая большую прибыль, могъ предлагать при покупкѣ услуги работника въ дѣлѣ производства щедрыя (liberal) условія; или, разсматривая тотъ же самый фактъ съ точки зрѣнія работника, рабочій могъ, самъ получая высокую заработную плату, предло-

Въ этой теоріи, въ общемъ гораздо менѣе продуманной по сравненію съ предыдущими соображеніями о зависимости заработной платы отъ уровня средствъ существованія [1]), сказалось, повидимому, общее увлеченіе Смита блестящими перспективами, раскрывавшимися для крупной промышленности, и которыя онъ горячо привѣтствовалъ. Расцвѣтъ промышленности при свободномъ экономическомъ режимѣ знаменовалъ для него побѣду прогресса надъ застоемъ какъ для всего общества, такъ и для рабочаго класса. Но если Смитъ могъ твердо вѣрить въ успѣхи промышленности,

жить покупку коопераціи капиталиста, предоставляя ему удерживать высокую прибыль... Если вѣрно, что заработная плата уплачивается изъ продукта, и что когда трудъ производителенъ, заработная плата бываетъ высока, то ясно, что страна не нуждается въ прогрессивномъ движеніи богатства для того, чтобы заработная плата могла удерживаться на ней выше самаго низшаго пункта, согласнаго съ элементарнымъ чувствомъ гуманности („lowest point consistent with common humanity") и что въ стаціонарномъ состояніи положеніе рабочаго можетъ быть положеніемъ довольства и комфорта. Если бы Адаму Смиту былъ извѣстенъ законъ убывающаго плодородія (the law of diminishing returns), который представлялся ему, повидимому, только случайными проблесками, и если бы онъ постоянно имѣлъ въ виду связь между производительностью труда и вознагражденіемъ за него, то онъ далъ бы вѣрное объясненіе факту, что заработная плата высока въ Америкѣ и низка въ Англіи, и, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ правильному разрѣшенію большей части проблемъ распредѣленія". Mac-Donnell, A history and criticism of the various theories of wages. Dublin and London. 1888, стр. 21—23. Впрочемъ Макъ-Доннеллъ впадаетъ въ противоположную крайность, объясняя всю разницу въ заработной платѣ исключительно производительностью труда.

[1]) Изложеніе Смита страдаетъ здѣсь крупными противорѣчіями и неточностями. Онъ говоритъ о возрастаніи національнаго богатства и въ то же время фондами, назначенными на содержаніе труда, считаетъ капиталъ единичнаго предпринимателя; разграничиваетъ „доходъ" и „капиталъ", не опредѣливши точно границъ того и другого для даннаго случая и т. д. Непослѣдовательность и неясность разсужденій Смита въ этой части его ученія о заработной платѣ отмѣчаетъ даже Таусигъ, который укладываетъ все развитіе ученія о заработной платѣ на прокрустово ложе теоріи фонда, и который считаетъ весьма крупными заслуги Ад. Смита въ первоначальномъ основаніи этой теоріи. См. его Wages and Capital, стр. 144—148.

то надежды на лучшее будущее рабочаго класса не могли не омрачаться у него сознаніемъ очевидной невозможности для этого класса защищать свои интересы противъ предпринимателей не только въ условіяхъ современной ему дѣйствительности, но и при предполагаемой имъ системѣ промышленной свободы, которая не обѣщала рабочимъ никакого улучшенія ихъ стратегической позиціи, кромѣ возможности усиленной погони за ними со стороны предпринимателей. Поэтому возрастаніе заработной платы, опирающееся только на повышеніе спроса на трудъ и не подкрѣпленное силой на сторонѣ рабочихъ, не представляется Смиту сколько-нибудь прочнымъ. Напротивъ, по его мнѣнію, оно естественно создаетъ свой собственный коррективъ, поощряя размноженіе среди трудящихся классовъ. „Каждый видъ животныхъ естественно размножается пропорціонально его средствамъ существованія, и никакой видъ не можетъ возрастать далѣе этихъ средствъ.. Но въ цивилизованномъ обществѣ недостатокъ средствъ существованія можетъ положить предѣлы дальнѣйшему увеличенію человѣческаго рода только среди низшихъ слоевъ общества; и онъ устанавливаетъ ихъ, убивая большую часть дѣтей, рождающихся отъ браковъ въ этихъ слояхъ. Щедрое же вознагражденіе за трудъ, давая имъ (рабочимъ) возможность лучше позаботиться о дѣтяхъ и слѣдовательно воспитать ихъ въ большемъ количествѣ, естественно стремится расширить эти предѣлы. Необходимо замѣтить при этомъ, что такое расширеніе происходитъ съ возможнымъ приближеніемъ къ пропорціи, требуемой спросомъ на трудъ. Если спросъ на трудъ постоянно увеличивается, то заработная плата необходимо должна поощрять заключеніе браковъ и размноженіе рабочихъ въ такой мѣрѣ, чтобы они могли доставлять соотвѣтственно возрастающему спросу постоянно возрастающее населеніе. Если плата была бы нѣкоторое время меньше того, что требуется для этой цѣли, то недостатокъ рабочихъ рукъ скоро поднялъ бы ее; а если бы она нѣкоторое время была выше, то чрезмѣрное размноженіе рабочихъ скоро понизило бы ее до ея необхо-

димаго уровня" [1]). Такимъ образомъ, только что уклонившись отъ теоріи средствъ существованія, подъ впечатлѣніемъ надеждъ на чудодѣйственную силу увеличенія общественнаго богатства, Смитъ опять возвращается къ этой теоріи, отрѣшиться отъ которой мѣшало ему неясное представленіе значенія производительности труда для вознагражденія за него и твердое убѣжденіе въ сравнительной слабости рабочихъ. Поэтому представляется весьма страннымъ, что въ концѣ „Богатства народовъ" Смитъ указываетъ на теорію спроса и предложенія какъ на главное и даже исключительное объясненіе вопроса. Въ пятой книгѣ, говоря о переложеніи налоговъ, онъ высказывается въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы эта теорія была имъ выставлена ранѣе въ качествѣ единственнаго объясненія причинъ, опредѣляющихъ заработную плату. „Заработная плата низшихъ разрядовъ рабочихъ, какъ я старался показать въ первой книгѣ, повсюду необходимо регулируется двумя различными обстоятельствами: спросомъ на трудъ и обычной или средней цѣной жизненныхъ припасовъ (provisions). Спросъ на трудъ, соотвѣтственно тому, находится ли онъ въ растущемъ, стаціонарноомъ или уменьшающемся состояніи, и требуетъ ли возрастающаго, стаціонарнаго или убывающаго населенія, регулируетъ средства существованія рабочаго и опредѣляетъ, въ какой степени они будутъ изобильны, умѣренны или скудны. Обыкновенно средняя цѣна припасовъ опредѣляетъ количество денегъ, которое должно быть уплочено рабочему, чтобы онъ былъ въ состояніи покупать изъ году въ годъ такія изобильныя, умѣренныя или скудныя средства существованія. Поэтому, если спросъ на трудъ и цѣна припасовъ будутъ тѣ же, то прямой налогъ на заработную плату не будетъ имѣть иного результата, кромѣ того, что онъ подниметъ ее на сумму, нѣсколько большую налога" [2]).

[1]) Wealth of Nations, стр. 33.

[2]) Wealth of Nations, стр. 365. Такое совмѣстное существованіе разнородныхъ теорій по одному и тому же вопросу вообще характерно для Ад. Смита, въ системѣ котораго даже основныя идеи предшеству-

Къ забвенію теоріи средствъ существованія Смита побуждало, быть можетъ, и то обстоятельство, что въ современной ему Англіи заработная плата была довольно высока. По собственному признанію Смита, она стояла „очевидно, выше того уровня, который точно необходимъ для того, чтобы работникъ могъ содержать семью". „Она нигдѣ въ нашей странѣ не регулируется „by this lowest rate which is consistent with common humanity". Смитъ находитъ, что заработная плата поднялась въ Англіи сравнительно съ прежнимъ временемъ. „Обычныя жалобы на то, что роскошь распространяется даже на самые низшіе слои народа, и что рабочіе (the labouring poor) теперь не хотятъ довольствоваться такой пищей, одеждой и жилищемъ, какія удовлетво-

---

ющей ему англійской политической экономіи и доктрины физіократовъ не были переработаны въ новое объединенное воззрѣніе. Ср. W. Hasbach, Untersuchungen über Adam Smith und die Entwicklung der politischen Oekonomie. Leipzig 1891, стр. 164—166. Однако, на основаніи этихъ мѣстъ никакъ нельзя придти къ заключенію (какъ это дѣлаетъ напр. Кеннанъ), что теорія спроса и предложенія въ концѣ концовъ устраняетъ совершенно въ представленіи Смита теорію средствъ существованія, Эта теорія Ад. Смита, говоритъ названный авторъ, хотя составляетъ дополненіе къ его теоріи средствъ существованія, въ дѣйствительности уничтожаетъ ее. Власть хозяевъ понижать плату коалиціями до уровня средствъ существованія и ихъ „common humanity", мѣшающая имъ убивать курицу, несущую золотыя яйца, понижая плату далѣе этого уровня,—исчезаютъ. Все устанавливается спросомъ и предложеніемъ труда и средства существованія оказываются ничѣмъ инымъ, какъ условіемъ уравненія предложенія со спросомъ въ состояніи застоя. Такъ мало мѣста остается для теоріи средствъ существованія, что Ад. Смитъ къ концу своего труда какъ бы забываетъ, что онъ когда либо держался такого взгляда"... Здѣсь Кеннанъ ссылается на приведенное выше мѣсто изъ пятой книги (по поводу переложенія налоговъ). См. Cannan, указ. соч., стр. 237. Однако, мы видѣли изъ предыдущаго изложенія, что идея о приспособленіи къ средствамъ существованія выдвигается Смитомъ и при указаніи на спросъ, какъ на регуляторъ заработной платы. Смитъ предполагалъ, что рабочіе вслѣдствіе ихъ слабости по сравненію съ предпринимателями не въ силахъ надолго обезпечить себѣ новый жизненный уровень и въ концѣ концовъ даже послѣ наступленія благопріятныхъ для нихъ условій должны возвратиться къ прежнему состоянію. Ср. также Mac-Donnell, указ. соч., стр. 32.

ряли ихъ въ прежнія времена, могутъ убѣдить насъ, что увеличилась не только денежная цѣна труда, но и реальное вознагражденіе за него" [1]).

Таково общее ученіе Ад. Смита о заработной платѣ. Въ немъ сплетаются, какъ мы видѣли, элементы различныхъ теорій, обособившихся впослѣдствіи въ замкнутыя, взаимно отрицающія и враждебныя другъ другу доктрины. Но Смитъ не ограничивается постановкой однихъ общихъ положеній, характеризующихъ, по его терминологіи, среднюю естественную цѣну труда, а стремится дополнить ихъ указаніями на нѣкоторыя особенности въ образованіи заработной платы, не предусмотрѣнныя въ предшествующемъ изложеніи. Въ каждой странѣ, каковы бы ни были условія ея хозяйственнаго строя, всегда существуютъ и будутъ существовать, по мнѣнію Смита, извѣстныя неравенства въ вознагражденіи за трудъ. При состояніи промышленной свободы такія неравенства должны возникать въ силу неустранимыхъ особенностей самыхъ занятій, спеціальныя выгоды или неудобства которыхъ уравновѣшиваютъ разницу въ матеріальномъ вознагражденіи; при современномъ же Смиту хозяй-

[1]) Wealth of Nations. стр. 30 –33. Смитъ въ данномъ случаѣ находился очевидно подъ сильнымъ впечатлѣніемъ начинавшей развиваться шотландской промышленности. Если бы онъ остался въ Оксфордѣ, говоритъ біографъ Смита, онъ, вѣроятно, никогда не сдѣлался бы экономистомъ; и если бы онъ не провелъ такъ много своихъ лучшихъ лѣтъ въ Глазго, онъ никогда не сталъ бы столь выдающимся экономическимъ мыслителемъ. Именно среди проблемъ, возникавшихъ для растущей промышленности Кляйда и ежедневныхъ споровъ, какіе онѣ возбуждали среди предпріимчивыхъ и развитыхъ городскихъ купцовъ, изъ него выработался великій экономистъ. „Конечно, въ половинѣ прошлаго столѣтія и Глазго былъ сравнительно небольшимъ городомъ. Въ немъ насчитывалось окло 23,000 жителей, и по внѣшнему виду онъ сохранилъ еще вполнѣ провинціальный характеръ. Кляйдъ былъ углубленъ только съ 1768 года и до этого времени весь сборъ съ судовъ составлялъ въ Глазго только 8 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и цѣлыя недѣли проходили, пока появлялось какое-нибудь мачтовое судно. Городской пастухъ каждое утро обходилъ съ рожкомъ городъ, собирая скотъ на пастбище на общинномъ лугу, на которомъ теперь расположенъ одинъ изъ густонаселенныхъ кварталовъ Глазго". Тѣмъ не менѣе, Глазго началъ уже

ственномъ строѣ, различія въ размѣрахъ заработной платы возникали, по его мнѣнію, еще благодаря неразумной политикѣ европейскихъ правительствъ. Въ первомъ случаѣ Смитъ предполагаетъ въ сущности полное равенство въ вознагражденіи труда, потому что различія въ денежной и реальной заработной платѣ создавались бы тогда именно стремленіемъ уравнять общую сумму выгодъ (т. е. какъ вознагражденія, такъ и другихъ условій работы), получаемыхъ въ каждомъ занятіи. „Общая сумма выгодъ и невыгодъ различныхъ употребленій труда и капитала должна быть въ одной и той же мѣстности или совершенно равной, или тяготѣть къ равенству. Если въ данной мѣстности существуетъ какое-нибудь занятіе, очевидно, болѣе выгодное или менѣе выгодное, чѣмъ остальныя, то столько людей будетъ стремиться войти въ него въ первомъ случаѣ и выйти во второмъ, что его выгоды вскорѣ возвратятся къ уровню другихъ занятій. Такой результатъ долженъ по крайней мѣрѣ наступить въ обществѣ, гдѣ дѣла предоставлены ихъ естественному теченію (where things were left to follow their natural course), гдѣ

тогда свое превращеніе въ крупный торгово-промышленный центръ. Торговля съ колоніями и съ иноземными странами значительно развилась къ тому времени, а съ ней вмѣстѣ развилась и собственная промышленность. Былъ устроенъ желѣзный заводъ, ввозившій желѣзо изъ Россіи и Швеціи и перерабатывавшій его въ кирки и заступы для негровъ Мэриленда. Въ 1742 году былъ основанъ кожевенный заводъ, гдѣ 300 рабочихъ было занято изговленіемъ сѣделъ и башмаковъ для плантацій. Устройство новыхъ промышленныхъ заведеній продолжалось и впослѣдствіи—въ 1747, 1748, 1759 и 1763 гг. Въ это же время были созданы банки и улучшены условія судоходства. Эти годы были для Глазго періодомъ необычайнаго развитія торговой и промышленной предпріимчивости. По словамъ историка Глазго Гибсона, „послѣ 1750 года на улицахъ Глазго нельзя было увидѣть ни одного нищаго, и даже дѣти имѣли работу". John Rae. Life of Adam Smith. London 1895, стр. 87 - 89. Вообще въ срединѣ 18 ст. заработная плата въ Англіи устанавливалась сравнительно благопріятно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ напр. данныя Артура Юнга. См. Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ, пер. В. Д. Каткова. Спб., стр. 333—336 и А. Тойнби, Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи, пер. подъ ред. А. И. Чупрова, Москва 1898, стр. 81—87.

существуетъ совершенная свобода, и гдѣ каждый человѣкъ имѣетъ полное право выбирать такое занятіе, какое онъ считаетъ для себя подходящимъ, и мѣнять его, какъ скоро онъ найдетъ это нужнымъ. Личный интересъ побуждалъ бы каждаго искать выгоднаго занятія и оставлять невыгодное" [1].

Второй же случай представляется Смиту временнымъ порожденіемъ вредной политики ограниченій, вполнѣ устранимымъ однимъ установленіемъ системы промышленной свободы. Разсматривая указываемыя Смитомъ препятствія уравненію заработной платы этого рода, мы видимъ, однако, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ болѣе сложное происхожде-ie и сопровождаются, сверхъ того, другими обстоятельствами, ускользнувшими отъ его вниманія. На первое мѣсто Смитъ ставитъ здѣсь всего болѣе возмущавшія его чувство средневѣковыя монополіи. Цеховыя правила съ ихъ ограниченіями числа учениковъ и длиннымъ срокомъ ученичества подвергаются наиболѣе рѣзкому порицанію „Собственность, которою каждый человѣкъ обладаетъ въ своемъ личномъ трудѣ, будучи первоначальнымъ основаніемъ всякой другой собственности, является самой священной и ненарушимой. Имущество бѣдняка заключается въ силѣ и ловкости его рукъ: мѣшать ему употреблять свою силу и ловкость такимъ способомъ, какой онъ считаетъ подходящимъ, не нанося вреда своему ближнему, значитъ нарушать его самое священное право . . Сужденіе о томъ, пригоденъ ли онъ къ данному занятію, можно безопасно довѣрить усмотрѣнію предпринимателя, интересъ котораго это такъ затрогиваетъ. Аффектированное безпокойство законодателя, какъ бы (хозяева) не стали брать на работу неподходящихъ лицъ, очевидно является настолько же наглымъ, какъ и притѣснительнымъ (as impertinent as it is oppressive [2]). Въ данномъ случаѣ, однако, защищая интересъ „бѣдняка", Смитъ безсознательно становился на сторону его хозяина, для кото-

[1]) Wealth of Nations, стр. 41.
[2]) Wealth of Nations, стр. 51.

раго устраненіе цеховыхъ ограниченій въ то время могло быть только выгодно. Стоя на точкѣ зрѣнія интересовъ рабочаго населенія, необходимо было бы вспомнить и о новыхъ формахъ стѣсненія труда, созданныхъ законодательнымъ преслѣдованіемъ коалицій, отмѣченнымъ самимъ Смитомъ въ предшествующемъ изложеніи [1]). Ненависть къ отжившимъ формамъ регламентаціи заставляла Смита относить на ихъ счетъ и такія явленія, которыя не находились съ ними ни въ какой связи. Напр. даже разницу въ вознагражденіи за трудъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ Смитъ приписываетъ вліянію цехового режима, сокращающаго предложеніе труда въ городахъ. Съ отмѣной городскихъ корпорацій, по его мнѣнію, плата сельскихъ рабочихъ поднялась бы выше платы городскихъ (что представляется ему даже желательнымъ). Упуская изъ вида возможность лучшей подготовки и большей организованности городскихъ рабочихъ по сравненію съ сельскими, Смитъ приходитъ къ выводу, что естественныя особенности земледѣльца должны оказать болѣе благотворное вліяніе на его заработокъ [2]).

[1]) „Я утверждаю, говоритъ Роджерсъ, что съ 1563 по 1824 годъ въ Англіи существовалъ заговоръ, вызванный закономъ и проведенный въ жизнь заинтересованными классами, съ цѣлью отнять у рабочаго его заработокъ, приковать его къ землѣ, лишить всякой надежды и повергнуть въ неизлѣчимую бѣдность... Слишкомъ два съ половиною вѣка англійскіе законы и ихъ служители стремятся низвести рабочаго до полуголоднаго существованія, подавить въ зародышѣ всякое дѣйствіе и всякое выраженіе, указывающее на организованное недовольство, и задавить его наказаніями, когда человѣкъ начинаетъ вспоминать о своихъ естественныхъ правахъ... Путемъ казуистическаго толкованія понятіе заговора, подъ которымъ сначала подразумѣвали уговоръ нѣсколькихъ лицъ съ цѣлью дать ложное свидѣтельство противъ кого-либо или совершить преступленіе, было распространоно на всѣ рабочіе союзы, имѣвшіе цѣлью повышеніе заработной платы. Основой судебной практики по этому вопросу служилъ законъ Эдуарда VI, подвергавшій наказанію всѣхъ тѣхъ, кто уговаривался работать не ниже опредѣленной платы и не долѣе опредѣленнаго времени; въ этомъ находили также и нарушеніе статей 18, 19 и 20 закона Елисаветы, хотя это была натяжка...“ Роджерсъ, указ. соч., стр. 328—329.

[2]) „Человѣкъ, работающій надъ мѣдью и желѣзомъ, работаетъ при помощи инструментовъ и надъ матеріалами, свойства которыхъ

Послѣдующая исторія Англіи наглядно показала ошибочность ожиданій Смита. Даже въ первое время развитія крупной индустріи, когда положеніе городскихъ рабочихъ въ новыхъ предпріятіяхъ было весьма плохо, оно все же было лучше положенія сельскихъ рабочихъ. Только бѣдствія лицъ, занятыхъ въ домашней промышленности во время ея крайняго упадка, могли бы оправдывать мрачное предсказаніе Смита, но оно относилось не къ случаямъ вытѣсненія одной формы промышленности другою, а къ нормальнымъ условіямъ городской промышленной дѣятельности, къ положенію городскихъ рабочихъ вообще. Чѣмъ дальше шло промышленное развитіе, тѣмъ сильнѣе становилась тяга изъ деревни въ городъ, а заработная плата городскихъ рабочихъ не падала по сравненію съ заработкомъ сельскихъ, а наоборотъ подни-

остаются одинаковыми или почти одинаковыми. А человѣкъ, обрабатывающій землю лошадьми и волами, употребляетъ орудія, сила, здоровье и нравъ которыхъ весьма различны въ различныхъ случаяхъ. Качества матеріаловъ, надъ которыми онъ работаетъ, такъ же измѣнчивы, какъ и орудія, которыя онъ употребляетъ, и тѣ и другія требуютъ, чтобы съ ними обращались съ большой осторожностью и умѣньемъ. Обыкновенно пахарь, на котораго принято смотрѣть, какъ на образецъ глупости и невѣжества, рѣдко страдаетъ недостаткомъ въ такой способности къ сужденію и осторожности. Конечно, онъ менѣе привыкъ къ общенію, чѣмъ механикъ, живущій въ городѣ. Его голосъ и рѣчь грубѣе и его труднѣе понимать... Тѣмъ не менѣе его умъ, привыкшій принимать въ соображеніе большее разнообразіе предметовъ, обыкновенно гораздо выше ума механическаго рабочаго, все вниманіе котораго съ утра до ночи занято выполненіемъ одной или двухъ весьма простыхъ операцій. Насколько низшіе классы населенія въ деревнѣ въ дѣйствительности выше, чѣмъ въ городѣ, хорошо извѣстно всякому, кому приходилось имѣть много дѣла съ тѣми и другими... Поэтому говорятъ, что въ Китаѣ и Индостанѣ положеніе (the rank) и плата сельскихъ рабочихъ выше большей части ремесленныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ. Вѣроятно, такъ было бы повсюду, если бы этому не препятствовали корпоративные законы и корпоративный духъ". Wealth of Nations, стр. 53—54. Любопытно, что Смитъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, насколько желательна была бы такая перемѣна съ точки зрѣнія интересовъ всего общества и въ особенности интересовъ рабочаго класса, къ которому онъ относился съ несомнѣннымъ чувствомъ глубокой симпатіи.

малась. Въ незначительной степени такая тяга существовала уже и во времена Смита [1]).

Оставляя въ сторонѣ второе изъ указываемыхъ Смитомъ препятствій, создаваемыхъ правительственной политикой (увеличеніе конкуренціи въ нѣкоторыхъ занятіяхъ искусственнымъ поощреніемъ подготовки къ нимъ посредствомъ стипендій, пособій и т. д.), остановимся на болѣе важномъ слѣдующемъ препятствіи, заключающемся въ стѣсненіи перехода изъ одного занятія въ другое и изъ одной мѣстности въ другую. Смитъ справедливо порицаетъ эти стѣсненія, но его надежды, что съ устраненіемъ ихъ свободный переходъ изъ однихъ занятій въ другія станетъ возможнымъ, были, конечно, слишкомъ преувеличены. Статутъ объ ученичествѣ, монополіи корпорацій, законъ объ осѣдлости—вотъ препятствія, которыя по преимуществу рисуются Смиту при разсмотрѣніи вопроса о подвижности труда. Между тѣмъ, какъ показалъ послѣдующій опытъ, послѣ устраненія этихъ препятствій и несмотря на необычайное развитіе путей сообщенія, рабочій все еще остался, говоря словами самаго Ад. Смита, „багажемъ наиболѣе трудно перевозимымъ". Въ этомъ отношеніи замѣчанія Ад. Смита были цѣнны для послѣдующей научной работы, главнымъ образомъ, въ смыслѣ общей постановки вопроса о вліяніи на заработную плату подвижности населенія, который затѣмъ уже долженъ былъ быть подвергнутъ подробному и разностороннему изученію [2]).

---

[1]) „Заработки промышленныхъ рабочихъ, говоритъ Роджерсъ, были, поскольку дѣло идетъ о мужчинахъ, выше заработковъ сельскихъ рабочихъ; кромѣ того, промышленность давала занятіе для женщинъ и дѣтей болѣе правильное и лучше оплачиваемое. Конечно, привлеченные въ мануфактурные округа рабочіе платились обыкновенно своимъ здоровьемъ и силой, но фактъ прятягательнаго вліянія промышленности внѣ сомнѣнія". Указ. соч., стр. 335.

[2]) Ад. Смитъ признавалъ возможность мѣстныхъ различій въ заработной платѣ и внѣ такихъ юридическихъ ограниченій, напримѣръ, въ сосѣдствѣ большихъ городовъ по сравненію съ болѣе отдаленными мѣстностями; въ мѣстностяхъ, раздѣленныхъ рѣзкими естественными границами; но онъ не ставилъ самостоятельнаго вопроса о такихъ различіяхъ при развитіи своей теоріи заработной платы.

И въ данномъ случаѣ ближайшіе преемники Смита далеко не воспользовались его методомъ. Конечно, для времени, когда писалъ Ад. Смитъ, и указаніе на одни юридическія препятствія передвиженію населенія имѣло громадное значеніе [1]).

Наконецъ, обсуждая препятствія, полагаемыя законодательствомъ „естественному" установленію заработной платы, Смитъ касается вопроса о ея регулированіи общественной властью (закономъ или судьями). Здѣсь мы не находимъ у Смита абсолютнаго осужденія вмѣшательства государства; онъ считаетъ, что такое вмѣшательство можетъ быть иногда и благопріятнымъ, но въ общемъ относится къ нему съ понятнымъ для того времени скептицизмомъ. „Когда законодательство пытается регулировать споры между хозяевами и ихъ рабочими, говоритъ Смитъ, его совѣтниками оказываются хозяева. Поэтому, если регулированіе благопріятно рабочимъ, оно всегда правильно и справедливо; но оно бываетъ инымъ, если оно благопріятствуетъ хозяевамъ. Такъ, законъ, обязывающій хозяевъ въ нѣсколькихъ промыслахъ уплачивать ихъ рабочимъ деньгами, а не товарами, совершенно правиленъ и справедливъ. Онъ не налагаетъ никакихъ реальныхъ тягостей на хозяевъ. Онъ только обязываетъ ихъ уплачивать въ деньгахъ ту цѣнность, которую они взялись уплатить въ товарахъ, но которую въ дѣйствительности они

[1]) Здѣсь рѣчь Смита дышетъ такой же энергіей и страстностью, какая слышится у него всегда въ требованіяхъ освобожденія экономической жизни отъ гнета правительственной регламентаціи и опеки. „Въ Англіи... для бѣднаго человѣка часто бываетъ труднѣе перейти искусственную границу прихода, чѣмъ морской заливъ или хребетъ высокихъ горъ... Удалять человѣка, не совершившаго никакого проступка, изъ прихода, который онъ избралъ для поселенія, является очевиднымъ нарушеніемъ естественной свободы и справедливости. Однако, простой народъ въ Англіи, столь ревнивый къ своей свободѣ, но подобно простому народу большинства другихъ странъ, никогда правильно не понимающій, въ чемъ она состоитъ, больше столѣтія терпѣлъ такое угнетеніе безъ всякаго противодѣйствія... Едва ли найдется хоть одинъ бѣднякъ въ Англіи, достигшій сорокалѣтняго возраста..., который въ какую-либо часть своей жизни не чувствовалъ себя жесточайше угнетеннымъ этой злостной выдумкой закона объ осѣдлости". Wealth of Nations, стр. 59.

не всегда уплачивали. Этотъ законъ благопріятенъ рабочимъ; законъ же Георга III, запрещающій хозяевамъ въ портняжномъ промыслѣ въ Лондонѣ и на пять миль въ окружности давать рабочимъ, а рабочимъ принимать болѣе 2 шилл. $7^1/_2$ пенсовъ въ день, благопріятенъ для хозяевъ. Когда хозяева вступаютъ въ соглашеніе другъ съ другомъ съ намѣреніемъ уменьшить плату ихъ рабочимъ, они обыкновенно заключаютъ тайный союзъ или стачку, обязываясь не давать болѣе извѣстной платы подъ угрозой нѣкотораго штрафа. Если бы рабочіе вступили въ противоположное соглашеніе подобнаго рода, рѣшивъ не принимать подъ угрозой штрафа извѣстной платы, то законъ покаралъ бы ихъ очень строго; а если бы онъ былъ составленъ безпристрастно, то онъ поступалъ бы такимъ же образомъ и съ хозяевами. Но законъ Георга III дѣлаетъ обязательнымъ такое именно регулированіе, которое хозяева иногда пытаются установить подобными соглашеніями. Жалоба рабочихъ, что онъ ставитъ на одну доску способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ съ обыкновенными рабочими, повидимому вполнѣ основательна" [1]). Приведенное мѣсто съ очевидностью показываетъ, что Смитъ далеко не былъ безусловнымъ противникомъ регулированія отношеній между хозяевами и рабочими общественной властью; онъ не видитъ только возможности справедливаго составленія правилъ такого регулированія. Очевидно, новѣйшее законодательство по охранѣ труда встрѣтило бы въ Смитѣ горячаго защитника, такъ какъ при немъ нѣтъ основаній для опасенія, что оно составлено въ интересахъ хозяевъ. Перспективы будущаго естественно затемнялись у Смита впечатлѣніями отъ современныхъ ему промышленныхъ отношеній, при которыхъ рабочіе не играли еще ни какой роли въ политической жизни страны и не могли въ свою очередь стать „совѣтниками законодателя".

Кромѣ такой характеристики вліянія на заработную плату современной ему промышленной политики, Смитъ пытается дать объясненіе причинъ различій въ заработной

[1]) Wealth of Nations, стр. 59 – 70.

платѣ въ различныхъ занятіяхъ, возникающихъ независимо отъ государственныхъ мѣропріятій въ силу особенностей самихъ занятій, слѣдовательно, такихъ неравенствъ, которыя сохранились бы и при системѣ „совершенной свободы". Эта попытка представляется гораздо болѣе слабой по сравненію съ его общей теоріей и указаніями на неправильности правительственной политики, хотя она привлекала къ себѣ впослѣдствіи даже больше вниманія. Авторъ какъ бы забываетъ здѣсь о только что установленныхъ основныхъ положеніяхъ и не пользуется ими какъ необходимыми посылками для разрѣшенія поставленнаго имъ частнаго вопроса [1]).

Подводя итоги значенію теоріи заработной платы, развитой въ „Богатствѣ народовъ", нельзя не отмѣтить ея особенно выдающейся черты—многосторонняго освѣщенія вопроса. При всѣхъ пробѣлахъ, неясностяхъ и противорѣчіяхъ, неизбѣжныхъ не только благодаря слабой разработкѣ основаній теоріи распредѣленія въ современной Смиту экономической наукѣ, но и переходному характеру самаго строя экономическихъ отношеній, далеко не развернувшаго еще

[1]) Wealth of Nations, стр. 41—50. Слабость выставленнаго здѣсь общаго тезиса (что при системѣ совершенной свободы выгоды и неудобства различныхъ занятій уравнялись бы) обнаруживается въ самой характеристикѣ отдѣльныхъ причинъ неравенствъ въ заработной платѣ, даваемой Смитомъ. Съ такой точки зрѣнія приходится, напр., считать „неудобствомъ" бо́льшую степень довѣрія къ нѣкоторымъ лицамъ (четвертая причина). Мы найдемъ здѣсь, кромѣ того, и противорѣчіе предыдущимъ соображеніямъ Смита объ условіяхъ опредѣленія заработной платы. Напр., говоря о повышеніи вознагражденія при сравнительной трудности, нечистотѣ или презрѣнности занятія (первая причина), Смитъ упускаетъ изъ виду условіе, на которое самъ же указывалъ нѣсколько раньше—соотношеніе силъ хозяевъ и рабочихъ. Нѣкоторыя тяжелыя и непріятныя работы, какъ извѣстно, вознаграждаюся сравнительно скудно, потому что на нихъ идутъ болѣе обездоленные рабочіе, соглашающіеся дѣлать что угодно и за какую угодно плату. Вопросъ о вліяніи затратъ на обученіе (вторая причина) разрѣшается Смитомъ слишкомъ прямолинейно. Въ дѣйствительности родители руководятся при воспитаніи дѣтей гораздо болѣе сложными соображеніями, чѣмъ расчетъ на возмѣщеніе затраченнаго капитала и т. д. и т. д.

многихъ сторонъ,—ученіе Смита представляется прекраснымъ образцомъ теоретической работы. При несомнѣнно живомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячемъ отношеніи къ великимъ практическимъ задачамъ его времени, Смитъ всетаки былъ болѣе всего объективнымъ изслѣдователемъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, на которыя направлялось его вниманіе. Онъ добросовѣстно вдумывался во все многообразіе реальныхъ жизненныхъ отношеній, остерегаясь отъ огульныхъ или черезчуръ поспѣшныхъ сужденій, стараясь неупустить изъ виду и такія черты изучаемыхъ явленій, которыя не замѣтны на первый взглядъ. Поэтому выводы Смита, значительные сами по себѣ, были еще особенно цѣнны тѣмъ, что они открывали широкій путь для дальнѣйшей научной работы. Преемникамъ Смита была намѣчена въ „Богатствѣ народовъ" грандіозная задача. Объединеніе въ цѣльной доктринѣ затронутыхъ Смитомъ моментовъ, вліяющихъ на установленіе заработной платы,—производительности труда, прогрессивнаго развитія общественнаго богатства и борьбы классовъ капиталистовъ и рабочихъ путемъ коллективныхъ усилій, далеко подвинуло бы и всю теорію распредѣленія, разработка которой представлялась настоятельно необходимой не только сама по себѣ, но и въ цѣляхъ стройности и полноты общей системы экономической науки. Къ сожалѣнію, дѣйствительное развитіе политической экономіи послѣ Смита совершалось иначе. Жизнь выдвинула на первый планъ рядъ неотложныхъ практическихъ вопросовъ, отношеніе къ которымъ у большинства задумывавшихся надъ ними складывалось подъ сильнымъ впечатлѣніемъ столкновеній различныхъ житейскихъ интересовъ. Законы о бѣдныхъ, хлѣбные законы, все усиливавшаяся агитація въ рабочей средѣ,—вотъ явленія, скрывающіяся за теоретическими построеніями ближайшихъ преемниковъ Смита и объясняющія ихъ сравнительную односторонность. Подъ вліяніемъ такого страстнаго и партійнаго отношенія къ текущимъ злобамъ дня экономическая наука раздѣлилась на обособленные и враждебные лагери не только въ вопросахъ соціальной политики, но и отвлеченной экономической те-

оріи. Въ частности, въ вопросѣ о заработной платѣ время, слѣдовавшее за выходомъ „Богатства народовъ", благопріятствовало разработкѣ только двухъ изъ предложенныхъ Смитомъ объясненій—теоріи средствъ существованія и теоріи фонда, которыя и были подхвачены и развиты въ двѣ односторонніяя теоретическія схемы. Что же касается третьяго (вліяніе производительности труда), то ему удалось возродиться значительно позднѣе, когда въ англійской промышленной жизни стали отчетливо обнаруживаться новыя черты отношеній между хозяевами и рабочими, для которыхъ было мало мѣста въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

Глава вторая.

Теорія средствъ существованія.

Вліяніе промышленнаго переворота на принятіе англійскими экономистами теоріи средствъ существованія. Происхожденіе этой теоріи. Формулировка ея Рикардо. Взгляды Рикардо на причины, опредѣляющія вознагражденіе отдѣльнаго рабочаго. Какой уровень жизни предполагалъ Рикардо? Односторонность этой части его ученія. Невниманіе къ дифференцированію трудящейся массы. Характеристика заработной платы какъ доли общественнаго дохода. Слабость динамическаго построенія Рикардо. Отраженіе борьбы интересовъ того времени. Общая оцѣнка теоріи Рикардо. Дальнѣйшее развитіе теоріи средствъ существованія. Энгельсъ. „Нищета философіи". Коммунистическій манифестъ. „Желѣзный законъ" Лассаля. Родбертусъ. Его ученіе о заработной платѣ какъ долѣ національнаго дохода является непосредственнымъ логическимъ продолженіемъ теоріи Рикардо. Ученіе о заработной платѣ въ первомъ томѣ „Капитала". Тѣсная связь его съ теоріями Рикардо и Робертуса. Колебанія между идеями „Коммунистическаго манифеста" и впечатлѣніями отъ новѣйшаго развитія англійской экономической жизни. Защита „Verelendungstheorie" Каутскимъ. Научные итоги развитія теоріи средствъ существованія. Какія указанія даетъ современная практика экономическихъ отношеній для ученія объ уровнѣ жизни? Принципъ „Living Wage".

Безпримѣрный въ міровой исторіи экономическій переворотъ, растянувшійся приблизительно на три четверти столѣтія (послѣднюю четверть XVIII и первыя двѣ—XIX), не могъ не отразиться на теоретической литературѣ англійской поли-

тической экономіи. Тяжелое положеніе рабочихъ, созданное ломкой стараго строя, неупорядоченной разумнымъ вмѣшательствомъ государства и не встрѣчавшей серьезнаго противодѣйствія въ свободной самодѣятельности общественныхъ силъ, казалось, обѣщало имъ и столь же безотрадное будущее. Дѣйствительно, современному наблюдателю было чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ гнетущихъ впечатлѣній, оставляемыхъ картинами быта трудящихся классовъ. Экономическій переворотъ захватывалъ въ сферу своего губительнаго вліянія всѣ группы и разряды англійскихъ рабочихъ. Въ земледѣліи новый экономическій режимъ выразился въ исчезновеніи общинной системы обработки земли, обширныхъ огораживаніяхъ общинныхъ земель и пустошей, консолидаціи мелкихъ фермъ въ крупныя, а также высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, созданныхъ дурными урожаями и затрудненіемъ ввоза иностраннаго хлѣба. Конкуренція между фермерами, наперерывъ перебивавшими другъ у друга выгодныя аренды, приводила только къ тому, что они вознаграждали себя высокими цѣнами и переложеніемъ прибавокъ къ арендной платѣ на заработную плату земледѣльческихъ рабочихъ. Эти послѣдніе, не привыкшіе отстаивать своихъ интересовъ, или безмолвно покорялись давленію капиталиста-арендатора, или искали выхода изъ своего положенія въ бѣгствѣ съ родныхъ нивъ въ городскія занятія или за предѣлы отечества. Въ области индустріи главной чертой переворота было образованіе крупныхъ фабричныхъ предпріятій, опирающихся на новыя техническія изобрѣтенія. Результатомъ такой перемѣны были, съ одной стороны, бѣдствія рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности и конкурирующихъ съ новыми предпріятіями (ручные ткачи, чулочники), съ другой — тягостное положеніе беззащитныхъ элементовъ фабричнаго рабочаго населенія (женщинъ и дѣтей, а среди взрослыхъ мужчинъ — „необученныхъ“ городскихъ рабочихъ, значительную часть которыхъ составляли ирландцы и выходцы изъ бѣднѣйшихъ сельскихъ округовъ самой Англіи). Чрезмѣрное удлинненіе рабочаго дня, вопіющія санитарныя неустройства рабочихъ помѣщеній, скученность и нечистота рабочихъ жи-

лищъ, наконецъ, хроническое недоѣданіе дурно оплачиваемыхъ разрядовъ рабочаго населенія и періодическія голодовки другихъ разрядовъ во время промышленныхъ кризисовъ, -вотъ черты быта англійскихъ трудящихся массъ начала XIX столѣтія, подъ впечатлѣніемъ которыхъ трудно было не придти къ самымъ пессимистическимъ выводамъ. Поэтому и въ вопросѣ о заработной платѣ экономическая мысль этого времени склонялась по преимуществу къ теоріи средствъ существованія, допуская единственное смягченіе ея лишь въ видѣ ученія о фондѣ заработной платы, которое также сулило рабочимъ далеко не радостныя перспективы [1]).

Какъ было упомянуто въ предыдущей главѣ, теорія средствъ существованія не являлась новостью даже въ англійской литературѣ второй половины XVIII ст.; въ существѣ она была намѣчена гораздо раньше какъ англійскими, такъ и континентальными мыслителями. Въ системѣ Смита она испытала уже значительныя ограниченія; но тяжелое переходное время англійской экономической жизни снова вызвало ея появленіе въ трактатѣ Рикардо, надолго упрочившее за ней видное мѣсто въ теоріи распредѣленія. Однако, именно въ XIX столѣтіи, несмотря на всѣ ужасы первыхъ шаговъ фабричнаго производства, для этой теоріи оставалось уже безконечно меньше мѣста, чѣмъ въ XVII или XVIII вв., когда

[1]) Характеристика положенія англійскихъ рабочихъ первой половины XIX в., данная Энгельсомъ въ „Die Lage der arbeitenden Klasse in England" (2-ое изд. Stuttgart. 1892), въ общемъ не устарѣла и до сихъ поръ. См. также A d. Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig 1882 (вторая книга имѣется и въ русскомъ переводѣ), указанныя уже выше сочиненія Тойнби и Роджерса, Туганъ-Барановскаго. Промышленные кризисы. 2 ое изд. Спб. 1900, S. и B. Webb. The history ot trade-unionism, 2-ое изд. 1902 г., H. v. Nostitz, Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England, Jena 1900 и G. L. Steffen, Studien zur Geschichte der englichen Lohnarbeiter. II-er Bd, Stuttgart. 1902. Изъ англійской литературы первой половины XIX ст. наиболѣе цѣнны соч. Гаскелля и Кея (P. Gaskell. Artisans and machinery. 2-ое изд. London 1836. J. P. Kay. The moral and physical conditions ot the working classes employed in the cotton manufacture in Manchester. London 1832).

наемные рабочіе были недалеки отъ крѣпостного состоянія и когда надъ ними тяготѣла еще тяжелая рука деспотической государственной власти.

Зародыши теоріи средствъ существованія встрѣчаются уже у Джона Локка [1]) и съ еще большей опредѣленностью у Кантильона [2]) и Кенэ [3]). У Тюрго эта мысль о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, выражена съ особенной отчетливостью.

[1]) Въ „Two treatises of civil government" и „Considerations of the lowering of interest and raising the value of Money" Локкъ выказывалъ мысль, что доля рабочихъ въ продуктѣ ограничивается *голымъ существованіемъ* (a bare subsistence), что ихъ угнетенное положеніе не даетъ имъ возможности раздумать надъ собственной судьбой и повести сознательную борьбу съ владѣющими классами за свои интересы, и наконецъ, что благодаря столь низкой заработной платѣ, они не могутъ нести налоговъ. См. Fr. I. Neumann. Zur Geschichte der Lehre von der Gravitation der Löhne nach gewissen Kostenbeträgen. Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III Folge, Bd. 17, стр. 146—147.

[2]) Въ „Опытѣ о торговлѣ", изданномъ въ 1730 году, Кантильонъ указываетъ, что трудъ имѣетъ съ одной стороны „реальную" или „внутреннюю" цѣну, съ другой—рыночную. Реальная цѣна труда опредѣляется, по его мнѣнію, издержками содержанія рабочаго. При этомъ Кантильонъ предполагаетъ не только физическій минимумъ средствъ существованія, но и согласно обычаямъ. Причину тяготѣнія заработной платы къ такому низкому уровню Кантильонъ усматривалъ въ чрезмѣрномъ размноженіи рабочихъ.

[3]) Въ общей системѣ физіократовъ теорія средствъ существованія укладывалась вполнѣ естественно какъ выводъ изъ наблюденія положенія трудящихся классовъ въ современной имъ Франціи. Заработокъ свободнаго рабочаго и имъ представлялся настолько низкимъ, что всякія дальнѣйшія урѣзки его они считали просто немыслимыми. Напримѣръ, говоря о налогахъ на рабочихъ (salariés), Кенэ также утверждаетъ, что они будутъ уплачены хозяевами, такъ какъ плата рабочаго стоитъ на крайнемъ минимумѣ. „On objectorait encore en vain que les salariés pourraient, en restreignant leur consommation et se privant de jouissances, payer les taxes qu'on exigerait d'eux, sans qu'elles retombassent sur les premiers distributeurs des dépenses... Le prix de salaires, et par conséquent les jouissances que les salariés peuvent se procurer, sont fixés et réduits au plus bas par la concurrence extrême qui est entre eux"... Quesnay, Second probléme économique. Physiocrates (édition Daire) I-ére partie, Paris. 1846, стр. 134. См также Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole etc., тамъ же, стр. 99.

„Простой рабочій, у котораго нѣтъ ничего кромѣ своихъ рукъ да (знанія) ремесла, имѣетъ доходъ только въ той мѣрѣ, поскольку ему удается продать другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его болѣе или менѣе дорого; но эта болѣе или менѣе высокая цѣна зависитъ не отъ него одного: она является результатомъ соглашенія, въ которое онъ вступаетъ съ тѣмъ, кто платитъ за его трудъ. Этотъ послѣдній платитъ за трудъ наименьшую цѣну, какую можетъ; такъ какъ онъ можетъ выбирать изъ большого числа рабочихъ, то онъ предпочитаетъ такого, который (соглашается) работать за самую дешевую плату. Слѣдовательно рабочіе вынуждены понижать цѣну (труда) одинъ передъ другимъ. Во всякомъ родѣ труда должно происходить и въ дѣйствительности происходитъ, что заработная плата рабочаго ограничивается тѣмъ, что необходимо, чтобы обезпечить ему средства къ существованію" [1]). Такое объясненіе дѣйствительно вполнѣ отвѣчало реальнымъ условіямъ экономическихъ отношеній дореволюціонной Франціи [2]). Что же касается Англіи первой половины XVIII вѣка, то въ ней заработная плата не стояла

[1]) Turgot. Réflexions sur la formation et la distribution des richesses. Collection des principaux économistes, tome III, p. 10. Эта мысль еще отчетливѣе выражена въ заглавіи цитированнаго въ текстѣ отдѣла: „Le salaire de l'ouvrier est borné, par la concurrence des ouvriers, à sa subsistence. Il ne gagne que sa vie". Такой результатъ казался Тюрго естественнымъ выводомъ изъ дѣленія массы лицъ, занятыхъ въ промышленности, на два обособленные класса: капиталистовъ и пролетаріевъ. „Весь классъ, занятый доставленіемъ разнообразнѣйшихъ предметовъ промышленности для удовлетворенія различныхъ потребностей общества, подраздѣляется, такъ сказать, на два сословія: первое—сословіе предпринимателей и мануфактуристовъ, фабрикантовъ, владѣющихъ крупными капиталами, которые они пускаютъ въ дѣло, заставляя работать на авансируемыя ими средства; и второе сословіе, слагающееся изъ простыхъ работниковъ (artisans), не имѣющихъ другого имущества кромѣ своихъ рукъ, которые авансируютъ только свой ежедневный трудъ и не имѣютъ иной прибыли кромѣ заработной платы". Réflexions, стр. 39.

[2]) „Налоги и другіе поборы, взимавшіеся съ французскаго крестьянина, были тогда ограничены только его способностью платить; и немногіе изъ трудящихся классовъ были далеки отъ голода. Поэтому

такъ низко, какъ во Франціи; тѣмъ не менѣе теорія средствъ существоввнія имѣла и тамъ весьма широкое распространеніе благодаря ошибочному мнѣнію меркантилистовъ, будто высокая заработная плата затрудняетъ экспортъ товаровъ за границу, а потому представляется нежелательной и ненормальной [1]).

экономисты или физіократы... принимали для простоты, что существуетъ естественный законъ, ...согласно которому плата за трудъ поддерживается на уровнѣ голоданія". Alf. Marshall. Principles of Economics, vol. I, London 1898, стр. 573.

[1]) „Меркантилисты подходили къ вопросу о заработной платѣ не съ точки зрѣнія рабочихъ, но съ точки зрѣнія купца-экспортера. Если великою цѣлью страны должна была быть, какъ они думали, продажа товаровъ иностраннымъ націямъ за большую общую сумму денегъ, то съ перваго взгляда кажется, что интересъ страны требуетъ, чтобы денежная заработная плата была низка, во всякомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Высокая заработная плата въ какой-нибудь отдѣльной отрасли, повидимому, естественно совпадаетъ съ высокой цѣной продукта въ этой отрасли, а если цѣна продукта поднимается, то экспортируемое количество его уменьшится настолько, что общая сумма денегъ, полученная за него, окажется меньшей. Конечно, было бы ошибкой считать, что высокая заработная плата въ какой-либо отдѣльной отрасли производства необходимо предполагаетъ высокую цѣну продукта. Высокая заработная плата означаетъ высокій заработокъ въ день, но не необходимо высокую плату за каждую единицу товара (per each pound avoirdupois or each yard of the commodity produced); иначе говоря, высокая заработная плата зависитъ настолько же отъ количества продукта на человѣка, какъ и отъ цѣны каждой его единицы. Слѣдовательно тотъ фактъ, что заработная плата выше въ какой-нибудь спеціальной отрасли промышленности въ Англіи, чѣмъ въ этой же отрасли въ другихъ странахъ, не можетъ препятствовать экспорту товаровъ. Однако, отъ меркантилистовъ первой половины XVIII в. едва ли можно было ожидать признанія того, что часто игнорируется ихъ преемниками въ послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка. Но высокая заработная плата, которую меркантилисты считали зломъ, была не сколько высокая реальная, сколько высокая денежная плата. Большинство изъ нихъ не имѣло бы ничего противъ того, чтобы рабочій получалъ большія количества хлѣба, мяса и пива, лишь бы только онъ не зарабатывалъ большого количества денегъ. Они такъ мало интересовались реальной заработной платой, что они разсматривали ее обыкновенно какъ постоянную величину, не измѣняющуюся при всѣхъ измѣненіяхъ въ цѣнахъ товаровъ, на которые она расходовалась. Въ

Въ предыдущей главѣ было уже указано, что и Ад. Смитъ принялъ теорію средствъ существованія какъ главное объясненіе вопроса о причинахъ заработной платы, остановившись по преимуществу на неравенствѣ силъ хозяевъ и рабочихъ при договорѣ. Рикардо же обратилъ вниманіе, подъ вліяніемъ указаній Мальтуса и Торренса [1]), исключительно на инстинктивное приспособленіе трудящейся массы къ условіямъ промышленной жизни, въ которыхъ она призвана дѣйствовать. Поэтому теорія заработной платы Рикардо сложилась въ гораздо болѣе одностороннюю схему, чѣмъ ученіе

результатѣ стало аксіомой, что если цѣна предметовъ необходимости будетъ поднята налогами, то (денежная) плата поднимется, такъ что рабочій будетъ продолжать получать ту же самую реальную плату, что и раньше. На вопросъ: почему рабочій долженъ имѣть ту же самую реальную плату? былъ всегда готовъ отвѣтъ: Онъ долженъ жить, конечно. Но если кто-нибудь утверждаетъ, что налоги на предметы необходимости поднимаютъ денежную плату, потому что рабочій долженъ жить, то онъ очень склоненъ принимать безъ дальнѣйшихъ размышленій, что вѣрно обратное, т. е., что отмѣна налоговъ на предметы необходимости должна понизить заработную плату. Когда онъ пришелъ къ этому заключенію, то если его спросить относительно общей теоріи заработной платы,— онъ естественно отвѣтитъ, что (денежная) плата зависитъ отъ цѣны средствъ существованія, что, конечно, подразумѣваетъ, что реальная плата всегда составляетъ количество, не меньшее и не большее, чѣмъ голыя средства къ существованію (a bare subsistence)". Cannan, указ. соч., стр. 232—234.

[1]) Значеніе уровня жизни рабочихъ для установленія заработной платы отмѣчено было Торренсомъ въ „Essay on the Corn Trade", вышедшемъ за два года до появленія „Principles" Рикардо и хорошо извѣстномъ послѣднему. Сходство бросается въ глаза съ перваго взгляда. Напр. у Торренса читаемъ: „Надлежитъ разсматривать трудъ какъ товаръ на рынкѣ. Онъ имѣетъ поэтому какъ всякая другая вещь свою рыночную и свою естественную цѣну. Рыночная цѣна труда регулируется отношеніемъ, существующимъ въ данномъ мѣстѣ или въ данное время между спросомъ и предложеніемъ; его естественная цѣна управляется другими законами и состоитъ въ такомъ количествѣ предметовъ необходимости и удобства, какое необходимо по условіямъ климата и обычаямъ страны для того, чтобы рабочій могъ существовать и воспитать такую семью, какая могла бы сохранить на рынкѣ неуменьшенное предложеніе труда" и т. д. Ср. Cannan, указ. соч., стр. 244.

не всегда уплачивали. Этотъ законъ благопріятенъ рабочимъ; законъ же Георга III, запрещающій хозяевамъ въ портяжномъ промыслѣ въ Лондонѣ и на пять миль въ окружности давать рабочимъ, а рабочимъ принимать болѣе 2 шилл. $7^1/_2$ пенсовъ въ день, благопріятенъ для хозяевъ. Когда хозяева вступаютъ въ соглашеніе другъ съ другомъ съ намѣреніемъ уменьшить плату ихъ рабочимъ, они обыкновенно заключаютъ тайный союзъ или стачку, обязываясь не давать болѣе извѣстной платы подъ угрозой нѣкотораго штрафа. Если бы рабочіе вступили въ противоположное соглашеніе подобнаго рода, рѣшивъ не принимать подъ угрозой штрафа извѣстной платы, то законъ покаралъ бы ихъ очень строго; а если бы онъ былъ составленъ безпристрастно, то онъ поступалъ бы такимъ же образомъ и съ хозяевами. Но законъ Георга III дѣлаетъ обязательнымъ такое именно регулированіе, которое хозяева иногда пытаются установить подобными соглашеніями. Жалоба рабочихъ, что онъ ставитъ на одну доску способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ съ обыкновенными рабочими, повидимому вполнѣ основательна" [1]). Приведенное мѣсто съ очевидностью показываетъ, что Смитъ далеко не былъ безусловнымъ противникомъ регулированія отношеній между хозяевами и рабочими общественной властью; онъ не видитъ только возможности справедливаго составленія правилъ такого регулированія. Очевидно, новѣйшее законодательство по охранѣ труда встрѣтило бы въ Смитѣ горячаго защитника, такъ какъ при немъ нѣтъ основаній для опасенія, что оно составлено въ интересахъ хозяевъ. Перспективы будущаго естественно затемнялись у Смита впечатлѣніями отъ современныхъ ему промышленныхъ отношеній, при которыхъ рабочіе не играли еще ни какой роли въ политической жизни страны и не могли въ свою очередь стать „совѣтниками законодателя".

Кромѣ такой характеристики вліянія на заработную плату современной ему промышленной политики, Смитъ пытается дать объясненіе причинъ различій въ заработной

[1]) Wealth of Nations, стр. 59 – 70.

платѣ въ различныхъ занятіяхъ, возникающихъ независимо отъ государственныхъ мѣропріятій въ силу особенностей самихъ занятій, слѣдовательно, такихъ неравенствъ, которыя сохранились бы и при системѣ „совершенной свободы". Эта попытка представляется гораздо болѣе слабой по сравненію съ его общей теоріей и указаніями на неправильности правительственной политики, хотя она привлекала къ себѣ впослѣдствіи даже больше вниманія. Авторъ какъ бы забываетъ здѣсь о только что установленныхъ основныхъ положеніяхъ и не пользуется ими какъ необходимыми посылками для разрѣшенія поставленнаго имъ частнаго вопроса [1).

Подводя итоги значенію теоріи заработной платы, развитой въ „Богатствѣ народовъ", нельзя не отмѣтить ея особенно выдающейся черты—многосторонняго освѣщенія вопроса. При всѣхъ пробѣлахъ, неясностяхъ и противорѣчіяхъ, неизбѣжныхъ не только благодаря слабой разработкѣ основаній теоріи распредѣленія въ современной Смиту экономической наукѣ, но и переходному характеру самаго строя экономическихъ отношеній, далеко не развернувшаго еще

[1]) Wealth of Nations, стр. 41—50. Слабость выставленнаго здѣсь общаго тезиса (что при системѣ совершенной свободы выгоды и неудобства различныхъ занятій уравнялись бы) обнаруживается въ самой характеристикѣ отдѣльныхъ причинъ неравенствъ въ заработной платѣ, даваемой Смитомъ. Съ такой точки зрѣнія приходится, напр., считать „неудобствомъ" бо́льшую степень довѣрія къ нѣкоторымъ лицамъ (четвертая причина). Мы найдемъ здѣсь, кромѣ того, и противорѣчіе предыдущимъ соображеніямъ Смита объ условіяхъ опредѣленія заработной платы. Напр., говоря о повышеніи вознагражденія при сравнительной трудности, нечистотѣ или презрѣнности занятія (первая причина), Смитъ упускаетъ изъ виду условіе, на которое самъ же указывалъ нѣсколько раньше—соотношеніе силъ хозяевъ и рабочихъ. Нѣкоторыя тяжелыя и непріятныя работы, какъ извѣстно, вознаграждаюся сравнительно скудно, потому что на нихъ идутъ болѣе обездоленные рабочіе, соглашающіеся дѣлать что угодно и за какую угодно плату. Вопросъ о вліяніи затратъ на обученіе (вторая причина) разрѣшается Смитомъ слишкомъ прямолинейно. Въ дѣйствительности родители руководятся при воспитаніи дѣтей гораздо болѣе сложными соображеніями, чѣмъ расчетъ на возмѣщеніе затраченнаго капитала и т. д. и т. д.

многихъ сторонъ,—ученіе Смита представляется прекраснымъ образцомъ теоретической работы. При несомнѣнно живомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ горячемъ отношеніи къ великимъ практическимъ задачамъ его времени, Смитъ всетаки былъ болѣе всего объективнымъ изслѣдователемъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, на которыя направлялось его вниманіе. Онъ добросовѣстно вдумывался во все многообразіе реальныхъ жизненныхъ отношеній, остерегаясь отъ огульныхъ или черезчуръ поспѣшныхъ сужденій, стараясь неупустить изъ виду и такія черты изучаемыхъ явленій, которыя не замѣтны на первый взглядъ. Поэтому выводы Смита, значительные сами по себѣ, были еще особенно цѣнны тѣмъ, что они открывали широкій путь для дальнѣйшей научной работы. Преемникамъ Смита была намѣчена въ „Богатствѣ народовъ" грандіозная задача. Объединеніе въ цѣльной доктринѣ затронутыхъ Смитомъ моментовъ, вліяющихъ на установленіе заработной платы,—производительности труда, прогрессивнаго развитія общественнаго богатства и борьбы классовъ капиталистовъ и рабочихъ путемъ коллективныхъ усилій, далеко подвинуло бы и всю теорію распредѣленія, разработка которой представлялась настоятельно необходимой не только сама по себѣ, но и въ цѣляхъ стройности и полноты общей системы экономической науки. Къ сожалѣнію, дѣйствительное развитіе политической экономіи послѣ Смита совершалось иначе. Жизнь выдвинула на первый планъ рядъ неотложныхъ практическихъ вопросовъ, отношеніе къ которымъ у большинства задумывавшихся надъ ними складывалось подъ сильнымъ впечатлѣніемъ столкновеній различныхъ житейскихъ интересовъ. Законы о бѣдныхъ, хлѣбные законы, все усиливавшаяся агитація въ рабочей средѣ,—вотъ явленія, скрывающіяся за теоретическими построеніями ближайшихъ преемниковъ Смита и объясняющія ихъ сравнительную односторонность. Подъ вліяніемъ такого страстнаго и партійнаго отношенія къ текущимъ злобамъ дня экономическая наука раздѣлилась на обособленные и враждебные лагери не только въ вопросахъ соціальной политики, но и отвлеченной экономической те-

оріи. Въ частности, въ вопросѣ о заработной платѣ время, слѣдовавшее за выходомъ „Богатства народовъ", благопріятствовало разработкѣ только двухъ изъ предложенныхъ Смитомъ объясненій—теоріи средствъ существованія и теоріи фонда, которыя и были подхвачены и развиты въ двѣ односторонніе теоретическія схемы. Что же касается третьяго (вліяніе производительности труда), то ему удалось возродиться значительно позднѣе, когда въ англійской промышленной жизни стали отчетливо обнаруживаться новыя черты отношеній между хозяевами и рабочими, для которыхъ было мало мѣста въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

Глава вторая.

Теорія средствъ существованія.

Вліяніе промышленнаго переворота на принятіе англійскими экономистами теоріи средствъ существованія. Происхожденіе этой теоріи. Формулировка ея Рикардо. Взгляды Рикардо на причины, опредѣляющія вознагражденіе отдѣльнаго рабочаго. Какой уровень жизни предполагалъ Рикардо? Односторонность этой части его ученія. Невниманіе къ дифференцированію трудящейся массы. Характеристика заработной платы какъ доли общественнаго дохода. Слабость динамическаго построенія Рикардо. Отраженіе борьбы интересовъ того времени. Общая оцѣнка теоріи Рикардо. Дальнѣйшее развитіе теоріи средствъ существованія. Энгельсъ. „Нищета философіи". Коммунистическій манифестъ. „Желѣзный законъ" Лассаля. Родбертусъ. Его ученіе о заработной платѣ какъ долѣ національнаго дохода является непосредственнымъ логическимъ продолженіемъ теоріи Рикардо. Ученіе о заработной платѣ въ первомъ томѣ „Капитала". Тѣсная связь его съ теоріями Рикардо и Робертуса. Колебанія между идеями „Коммунистическаго манифеста" и впечатлѣніями отъ новѣйшаго развитія англійской экономической жизни. Защита „Verelendungstheorie" Каутскимъ. Научные итоги развитія теоріи средствъ существованія. Какія указанія даетъ современная практика экономическихъ отношеній для ученія объ уровнѣ жизни? Принципъ „Living Wage".

Безпримѣрный въ міровой исторіи экономической переворотъ, растянувшійся приблизительно на три четверти столѣтія (послѣднюю четверть XVIII и первыя двѣ -XIX), не могъ не отразиться на теоретической литературѣ англійской поли-

продуктъ постоянно поднимается, въ концѣ концовъ создается такая разница въ ихъ относительной цѣнности, что въ богатыхъ странахъ рабочій, жертвуя только весьма малымъ количествомъ пищи, оказывается въ состояніи обильно удовлетворить всѣ свои прочія потребности" [1]). Такимъ образомъ даже „въ богатыхъ странахъ" рабочему приходится все же жертвовать хотя и „весьма малымъ количествомъ пищи", чтобы воспользоваться продуктами, сильно удешевленными благодаря „прогрессу общества!" [2]).

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе населенія, такая тенденція, по мнѣнію Рикардо, не могла бы надолго улучшить положеніе рабочихъ. „Въ различныя стадіи (развитія) общества

[1]) Ricardo, 74.

[2]) Справедливо замѣчаетъ Клейнвехтеръ: „Представители т. наз. ортодоксальной политической экономіи... довѣрчиво принимали этотъ законъ заработной платы Рикардо; однако, такъ какъ имъ не хотѣлось сказать прямо въ лицо рабочимъ, что они во вѣки вѣковъ осуждены на бѣдственное положеніе и никогда не могутъ надѣяться на улучшеніе его, то они пытались ослабить законъ заработной платы. Они ухватывались за ...замѣчаніе, сдѣланное Рикардо въ 5-ой главѣ, и обыкновенно прибавляли къ своему изложенію теоріи заработной платы примиряющее или смягчающее разъясненіе, что хотя законъ Рикардо безусловно справедливъ, однако онъ осуществляется только въ томъ случаѣ, если рабочій—какъ только его заработная плата поднялась на нѣсколько грошей—сейчасъ же вступаетъ въ бракъ и производитъ въ міръ многочисленную семью. Если же наоборотъ рабочіе окажутся настолько благоразумными, что не вступятъ сейчасъ же въ бракъ, но предпочтутъ устроить удобнѣе свое существованіе съ помощью высшей заработной платы, то угрожавшеее повышеніе спроса на „руки" не произойдетъ, и заработная плата не понизится, но останется на высокомъ уровнѣ. Этимъ оружіе обращалось въ обратную сторону... потому что теперь можно было бы всегда возразить рабочимъ, если они станутъ жаловаться на недостаточность ихъ заработка: Ja ihr guten Leutchen, а кто же виноватъ въ низкомъ уровнѣ платы кромѣ васъ самихъ? Если бы вы не женились столь легкомысленнымъ образомъ и не производили на свѣтъ столько дѣтей, то предложеніе труда было бы невелико и заработная плата стояла бы на высокомъ уровнѣ". Fr. Kleinwächter, Das Einkommen und seine Verteilung. Frankenstein's Hand-und Lehrbuch der Staatswissenschaften, I. Abth. 5 Bd., Leipzig 1896, стр. 192.

накопленіе капитала или средствъ употребленія труда оказывается болѣе или менѣе быстрымъ и во всѣхъ случаяхъ должно зависѣть отъ производительныхъ силъ труда. Производительныя же силы труда обыкновенно бываютъ выше всего тогда, когда плодородная земля существуетъ въ изобиліи: въ такіе періоды накопленіе бываетъ часто столь быстрымъ, что работники не могутъ быть доставляемы съ такой быстротой, какъ капиталъ". Въ новыхъ поселеніяхъ, „гдѣ примѣняются искусство и знаніе передовыхъ странъ", Рикардо считаетъ вѣроятнымъ, что капиталъ имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе, чѣмъ населеніе: „И если бы недостатокъ рабочихъ не пополнялся изъ болѣе населенныхъ странъ, то эта тенденція подняла бы весьма значительно цѣну труда. По мѣрѣ того какъ эти страны становятся населеннѣе, и берется подъ обработку земля худшаго качества, тенденція возрастанія капитала уменьшается; потому что остающійся избыточный продуктъ, послѣ удовлетворенія потребностей существующаго населенія, необходимо долженъ соотвѣтствовать легкости производства, т. е. меньшему количеству лицъ, употребляемыхъ въ производствѣ. А хотя вѣроятно, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ производительная сила оказывается еще большею, чѣмъ сила (возрастанія) населенія, однако, такое состояніе не будетъ продолжаться долго: ибо при условіи, что земля будетъ ограничена въ количествѣ и различна въ качествѣ, каждое увеличеніе доли вложеннаго въ нее капитала будетъ давать все меньшую долю продукта, тогда какъ сила (возрастанія) населенія будетъ оставаться одинаковой" [1]).

Итакъ вся надежда, по мнѣнію Рикардо, только на то, чтобы соотвѣтственно уменьшалось и размноженіе рабочаго класса. Вѣдь если производительность (земледѣльческаго) труда должна фатально падать, то размноженіе населенія должно въ непродолжительномъ времени привести рабочіе классы въ состояніе ужасной нищеты: „При населеніи съ

[1]) Ricardo, стр. 75—76. См. также стр. 104—105 (въ главѣ „on profits").

ограниченными средствами къ существованію (with a population pressing against the means of subsistence), единственными средствами является или уменьшеніе населенія, или болѣе быстрое накопленіе капитала. Въ богатыхъ странахъ, гдѣ вся плодородная земля находится уже подъ обработкой, послѣднее средство не очень приложимо, да и не очень желательно, потому что если его провести очень далеко, то результатомъ его было бы только то, что всѣ классы стали бы одинаковы бѣдны. Но въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ существуютъ въ запасѣ обильныя средства производства, такъ какъ плодородная земля остается еще внѣ обработки—оно является единственнымъ надежнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ устраненія зла, въ особенности потому, что результатомъ его былъ бы подъемъ всѣхъ классовъ народа" [1]).

Внимательный читатель видитъ, однако, что если въ этой странѣ и наступитъ „подъемъ всѣхъ классовъ народа", то онъ вскорѣ долженъ уступить мѣсто постепенному паденію рабочаго класса, такъ какъ съ этого момента вторая страна становится въ положеніе первой, и слѣдовательно можетъ ждать лучшаго только отъ ограниченія размноженія населенія. Вотъ почему непосредственно за приведенными словами Рикардо продолжаетъ: „Друзья человѣчества могутъ только желать, чтобы во всѣхъ странахъ трудящіеся классы имѣли вкусъ къ удобствамъ и удовольствіямъ и чтобы они поощрялись всѣми законными средствами въ ихъ усиліяхъ добыть ихъ. Не можетъ быть лучшей гарантіи противъ чрезмѣрнаго (superabundant) населенія".

Взглядъ, что заработная плата опредѣляется весьма низкимъ уровнемъ жизни, проходитъ и черезъ разсужденія Рикардо о налогахъ. Налоги на предметы необходимости должны имѣть, по его мнѣнію, необходимымъ слѣдствіемъ повышеніе заработной платы, потому что иначе она опустилась бы ниже минимума, при которомъ рабочій можетъ существовать съ семьей [2]).

[1]) Ricardo, стр. 76—77.

[2]) „Налогъ... на сырой продуктъ и на предметы необходимости, потребляемые рабочими .. подниметъ заработную плату. Благодаря дѣй-

Несмотря на то, что, по мнѣнію Рикардо, свободная конкуренція могла обезпечить рабочимъ только крайне скудное существованіе, онъ рѣшительно высказывается противъ всякихъ ея ограниченій. Въ параграфѣ, трактующемъ о вліяніи на заработную плату измѣненій въ товарныхъ цѣнахъ, находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Таковы, слѣдовательно, законы, которыми регулируется заработная плата, и которыми управляется счастье наибольшей части каждаго общества. Подобно всѣмъ другимъ договорамъ, заработная плата должна быть предоставлена правильной и свободной

ствію закона (principle) населенія на увеличеніе человѣчества плата рабочихъ низшаго разряда никогда не можетъ надолго удерживаться выше той нормы, которая требуется природой и обычаемъ для содержанія рабочихъ. Этотъ классъ никогда не въ состояніи выносить сколько-нибудь значительную долю обложенія, и слѣдовательно, если бы они должны были платить 8 шилл. прибавки за квартеръ пшеницы и въ нѣсколько меньшей пропорціи за другіе предметы необходимости, они не были бы въ состояніи существовать на ту же заработную плату, какъ прежде, и поддерживать расу рабочихъ. Заработная плата неизбѣжно и необходимо поднялась бы; и въ соотвѣтствіи съ тѣмъ какъ она поднималась бы, падала бы прибыль. R i c a r d o, стр. 140. См. также стр. 198 – 256. Въ этомъ вопросѣ Рикардо разошелся съ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ ему учениковъ—Макъ-Кёллокомъ, который признавалъ, что налоги могутъ непосредственно вліять на ухудшеніе положенія рабочихъ. Рикардо же соглашался признать за налогомъ лишь косвенное вліяніе, черезъ сокращеніе спроса на трудъ. „Рабочіе классы во всѣхъ странахъ, пишетъ Рикардо Макъ-Кёллоку, имѣютъ величайшій интересъ въ поддержаніи предложенія труда нѣсколько ниже спроса на него: но они оказываются наиболѣе счастливыми, когда фонды для содержанія труда, а слѣдовательно и спроса на него увеличиваются съ возрастающей быстротой, и ихъ средства содержанія ихъ семей и заключенія браковъ находятся на высшемъ возможномъ уровнѣ. Налоги вредны для рабочихъ классовъ только потому, что они препятствуютъ накопленію капитала и уменьшаютъ спросъ на трудъ... Какова бы ни была раньше высота заработной платы, налогъ, очевидно, никогда не ухудшитъ положенія рабочаго, если онъ не уменьшитъ спроса на трудъ, вліяя на размѣры накопленія"... Letters of David Ricardo to John Ramsay Mc-Culloch. 1816—1823, edited by I. H. H o l l a n d e r. Publications of the American Economic Association, vol. X, № 5—6, New-Iork 1895, стр. 54—56.

рыночной конкуренціи и никогда не должна регулироваться вмѣшательствомъ законодательства" [1]).

Въ этой части доктрины Рикардо ярко отразились сильныя и слабыя стороны его метода. Выдвинувъ одинъ пунктъ, признаваемый имъ существеннымъ, Рикардо не уклоняется отъ него и въ дальнѣйшихъ выводахъ. Отсюда его теорія пріобрѣтаетъ логическую стройность, подкупающую въ особенности людей, склонныхъ къ прямолинейнымъ выводамъ; но зато она утрачиваетъ ту близость къ многообразію явленій живой дѣйствительности, которая все время чувствуется въ разсужденіяхъ Смита. Поглощенный послѣдовательнымъ логическимъ развитіемъ основного принципа, Рикардо упустилъ изъ виду не менѣе важныя черты дѣйствительныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, потому что въ данный историческій моментъ онѣ были затѣнены другими, болѣе замѣтными сторонами англійской жизни. И во время Рикардо спросъ на рабочія руки опредѣлялся не одними количественными соображеніями, но и вниманіемъ къ качественнымъ особенностямъ нанимаемаго работника. Но эта сторона спроса выдвигалась еще не такъ ярко,—и потому у Рикардо мы не находимъ никакого желанія вдуматься глубже въ теорію производительности, которую, какъ мы видѣли, Ад. Смитъ намѣчалъ уже, хотя и слабыми штрихами, сорокъ лѣтъ назадъ [2]). Равнымъ образомъ, въ области предложенія труда и при Рикардо выдвигались уже сознательныя стремленія рабочихъ измѣнить къ своей выгодѣ условія договора путемъ коллективныхъ усилій. Но Рикардо счелъ возможнымъ обойти и этотъ вопросъ, представля-

[1]) Ricardo, стр. 82. Дальше Рикардо разсматриваетъ вопросъ о законахъ о бѣдныхъ, о которыхъ и отзывается съ справедливымъ осужденіемъ. См. стр. 82—86.

[2]) Рикардо вполнѣ сознательно устранилъ этотъ моментъ изъ объясненія условій, опредѣляющихъ высоту заработной платы, какъ это видно изъ письма его къ Мальтусу, написаннаго еще въ октябрѣ 1815 года. „Заработная плата, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, не зависитъ отъ количества товара, которое будетъ произведено трудомъ даннаго дня... Мнѣ кажется, что если бы вмѣсто четырехъ мѣръ (хлѣба) дневной трудъ могъ произвести десять мѣръ, то не наступило бы никакого подъема заработной платы..., если только извѣстная доля увеличеннаго

вшійся ему, въ отличіе отъ Ад. Смита, маловажнымъ по сравненію съ намѣченной основной причиной. [1])

Конструируя свою теорію, Рикардо считалъ несущественнымъ и дѣленіе рабочаго класса на различные разряды, принимая, что указанный имъ основной принципъ одинаково примѣнимъ ко всякаго рода рабочимъ [2]). Между тѣмъ такое представленіе объ однообразіи условій, опредѣлявшихъ поло-

продукта не была бы употреблена въ качествѣ капитала; въ послѣднемъ же случаѣ подъемъ заработной платы соотвѣтствовалъ бы новому спросу на трудъ, а совсѣмъ не возрастанію количества произведенныхъ товаровъ..." Letters of D. Ricardo to Th. R. Malthus, 1810—1823, edited by James Bonar, Oxford 1887, стр. 97—98.

[1]) Для такого игнорированія вопроса о рабочихъ союзахъ и тогда не было уже основаній. Правда, въ то время, когда Рикардо писалъ свою книгу, англійскіе профессіональные союзы переживали одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ періодовъ въ ихъ развитіи, находясь подъ общимъ запрещеніемъ законодательства; но ихъ сторонники вели уже дѣятельную борьбу за разрѣшеніе ихъ, и часъ ихъ освобожденія изъ оковъ классового законодательства былъ недалекъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что если Рикардо и не признавалъ серьезнаго значенія за дѣятельностью рабочихъ союзовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не одобрялъ и законодательнаго преслѣдованія ихъ. „Я никогда не обращалъ особеннаго вниманія на законы противъ коалицій, пишетъ онъ въ письмѣ къ Макъ-Кёллоку 4 декабря 1820 года. Изъ того немногаго, что я знаю о нихъ, они представляются мнѣ несправедливыми и притѣснительными для рабочихъ классовъ, и приносящими мало дѣйствительной пользы для хозяевъ. Несмотря на эти законы, хозяева часто бываютъ запугиваемы (are frequently intimidated) и вынуждаемы удовлетворять несправедливыя требованія ихъ рабочихъ. Истинное средство противъ коалицій (combinations) - полная свобода на той и другой сторонѣ, и надлежащая защита противъ насилій и обиды (outrage). Заработная плата должна быть результатомъ свободнаго соглашенія и договаривающіяся стороны должны обращаться къ закону за защитой ихъ противъ насилія, исходящаго отъ той или другой стороны; а конкуренція, мнѣ думается, не замедлитъ сдѣлать все остальное..." Letters of Ricardo to M-c Culloch, стр. 87—88.

[2]) Въ предыдущей главѣ было указано уже, что характеристика различій въ заработной платѣ, данная Ад. Смитомъ, представляетъ одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ его теоріи. Смитъ характеризуетъ эти различія, исходя изъ идеи о равенствѣ выгодъ и неудобствъ въ разныхъ занятіяхъ (при системѣ совершенной свободы), т. е. изъ идеи единообразія въ условіяхъ вознагражденія за трудъ. Необходимость изслѣдо-

женіе сторонъ при договорѣ о заработной платѣ, противорѣчило дѣйствительнымъ отношеніямъ современной Рикардо экономической жизни. Вся сущность совершавшагося во время Рикардо промышленнаго переворота (хотя, конечно, далеко еще незаконченнаго) заключалась въ дифференцированіи рабочаго населенія на опредѣленные разряды соотвѣтственно новымъ условіямъ производства.

Въ общей массѣ рабочаго населенія совершенно своеобразныя группы составляли земледѣльческіе рабочіе, рабочіе домашней промышленности и фабричные рабочіе. Среди этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ это время также весьма несходныя группы. Положеніе женщинъ и дѣтей, трудъ

ванія особенностей въ заработной платѣ самихъ по себѣ была ему еще совершенно неясна. Рикардо еще меньше задумывался надъ этимъ вопросомъ. О различіяхъ въ высотѣ заработной платы онъ упоминаетъ только по поводу вопроса объ образованіи цѣнности, говоря, что на разницу въ вознагражденіи работника вліяетъ степень искусства и интенсивности труда. „Оцѣнка различныхъ качествъ труда, говоритъ онъ во второмъ отдѣлѣ первой главы Principles, быстро соразмѣряется на рынкѣ съ точностью, достаточною для всѣхъ практическихъ цѣлей, и зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ сравнительной ловкости работника и интенсивности выполняемаго труда. Скала, однажды образованная, подлежитъ немногимъ измѣненіямъ. Если дневной трудъ рабочаго - ювелира болѣе цѣненъ, чѣмъ дневной трудъ простого рабочаго, то онъ давно уже былъ соразмѣренъ и помѣщенъ на надлежащее мѣсто въ скалѣ цѣнности". (Здѣсь Рикардо ссылается на соотвѣтственное мѣсто у Ад. Смита). Рикардо настойчиво подчеркиваетъ при этомъ, что такія различія въ качествѣ труда отличаются неизмѣннымъ постоянствомъ. „Мы можемъ съ достаточной правильностью (fairly) заключить, что какое неравенство въ нихъ (въ различныхъ видахъ человѣческаго труда) ни было бы, какая бы сообразительность, искусство или время ни были необходимы для пріобрѣтенія одного рода ручной ловкости по сравненію съ другимъ, они продолжаютъ оставаться приблизительно одинаковыми отъ одного поколѣнія до другого; или по крайней мѣрѣ, эти измѣненія оказываются весьма незначительными отъ одного года до другого, а потому могутъ имѣть, въ теченіе краткихъ періодовъ, мало вліянія на относительную цѣнность товаровъ. Ricardo, стр. 15—16. Т. обр. Рикардо даже и здѣсь, подобно Смиту, считалъ основой существующихъ различій только разницу въ качествѣ трудовыхъ усилій, а не въ положеніи лицъ, прилагающихъ эти усилія, и потому не видѣлъ необходимости спеціальнаго изслѣдованія этого вопроса.

которыхъ сталъ употребляться въ широкой мѣрѣ на фабрикахъ, и взрослыхъ мужчинъ, пришедшихъ изъ Ирландіи и захолустныхъ англійскихъ сельскихъ округовъ, которымъ городъ открывалъ также много формъ труда, не требующаго спеціальной подготовки, существенно отличалось отъ положенія взрослыхъ рабочихъ, занятыхъ въ области квалифицированнаго труда, каковы напр. были прядильщики, механики (машиностроители) и т. п. Пересматривая экономическую литературу, современную промышленному перевороту, мы найдемъ въ ней указанія на такія различія даже у авторовъ, державшихся въ общемъ такихъ же взглядовъ, какъ Рикардо, какъ на положеніе рабочихъ, такъ и на условія опредѣленія заработной платы.

Энгельсъ напр. проводитъ рѣзкое различіе между заработками и общими условіями жизни ирландцевъ и англійскихъ рабочихъ. Не говоря уже объ англійскихъ рабочихъ высшаго разряда, защищенныхъ и въ его время фабричнымъ законодательствомъ (хотя еще весьма несовершеннымъ), Энгельсъ не находитъ возможнымъ поставить на одну доску съ ирландцами даже наиболѣе обездоленныхъ рабочихъ-англичанъ [1]). Въ его описаніяхъ рабочихъ кварталовъ наихуд-

[1]) „Быстрое расширеніе англійской индустріи не могло бы произойти, если бы Англія не располагала свободнымъ резервомъ въ многочисленномъ и бѣдномъ населеніи Ирландіи. Ирландцу нечего было терять дома... Эти люди, выросшіе почти безъ всякой цивилизаціи, привыкшіе съ раннихъ лѣтъ къ лишеніямъ всякаго рода, грубые, наклонные къ пьянству, не заботящіеся о будущемъ, пришли и принесли всѣ свои нравы въ тотъ классъ англійскаго населенія, который и безъ того имѣетъ мало влеченія къ образованности и нравственному образу жизни..- Съ такимъ конкурентомъ долженъ бороться англійскій рабочій,— съ конкурентомъ, стоящимъ на самой низкой ступени, вообще возможной въ цивилизованной странѣ, и нуждающемся поэтому въ меньшей платѣ, чѣмъ всякій другой. Поэтому..., какъ говоритъ Карлейль, заработная плата англійскаго работника во всѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ съ нимъ можетъ конкурировать ирландецъ, опускается все ниже и ниже. А такихъ отраслей труда много. Всѣ, требующія мало или не требующія никакой ловкости, открыты ирландцу. Конечно, для работъ, гдѣ необходимъ длинный срокъ ученичества или регулярная напряженная дѣятельность, безпорядочный, непостоянный и вѣчно пьяный ирландецъ стоитъ

шими оказываются заселенные по преимуществу ирландцами, о чемъ свидѣтельствуютъ и самыя названія ихъ (Irish Town, Little Ireland). Тоже можно встрѣтить и въ характеристикахъ быта англійскихъ рабочихъ первой половины XIX вѣка, даваемыхъ другими современными писателями, какъ англійскими, такъ и иностранными. Напр. у Гаскелля мы найдемъ цѣлый рядъ указаній на разницу въ положеніи различныхъ разрядовъ городского рабочаго населенія [2]). О вопіющихъ

слишкомъ низко. Чтобы стать машиностроителемъ или фабричнымъ рабочимъ, онъ долженъ сначала принять англійскую цивилизацію и англійскіе нравы, словомъ сдѣлаться настоящимъ англичаниномъ"... Наоборотъ, фабричные рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, находящіеся подъ охраной фабричнаго законодательства, составляли, по словамъ Энгельса, „наиболѣе интеллигентный и энергичный" и въ то же время „наиболѣе безпокойный и наиболѣе ненавидимый буржуазіей" классъ англійскихъ рабочихъ. Fr. Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England, Stuttgart 1892, стр. 62—96 и 137.

[2]) Указавъ, что въ Манчестерѣ около 20,000 чел. живутъ въ подвалахъ, Гаскелль замѣчаетъ: „это—обыкновенно ирландскія семьи—ручные ткачи, простые рабочіе при кладкѣ кирпичей и т. д., дѣти которыхъ или нищенствуютъ, или продаютъ спички вмѣстѣ съ ихъ матерями..." Наоборотъ, высшіе разряды фабричныхъ рабочихъ находятся въ совершенно иномъ положеніи. Напр., въ то время какъ простые рабочіе Манчестера питаются крайне дурной пищей, „въ классѣ прядильщиковъ тонкихъ номеровъ и другихъ рабочихъ, заработная плата которыхъ очень значительна (very liberal), мясное блюдо часто присоединяется къ ихъ кушаньямъ"... Гаскелль отмѣчаетъ даже, хотя и вскользь, и причину такой разницы: „Между высшими разрядами фабричныхъ рабочихъ, каковы напр. прядильщики тонкихъ номеровъ и установщики основы (dressers), получающими весьма высокую заработную плату, можно часто найти людей съ высокими качествами (of very superior kind). Дѣйствительно, прядильщики образуютъ быстро улучшающуюся группу рабочихъ; они составляютъ наиболѣе вліятельную часть фабричныхъ рабочихъ, и они вполнѣ сознаютъ это. Ихъ интересы въ общемъ строго охраняются коалиціями"... P. Gaskell. Artisans and machinery. 2-е изд. London 1836, стр. 82—83, 118 и 131—132. Ср. также J. Symons. Arts and artisans at home and abroad. Edinburg, 1839. Саймонсъ не сочувствуетъ коалиціямъ рабочихъ, но добросовѣстно отмѣчаетъ благопріятное вліяніе ихъ на заработную плату тѣхъ рабочихъ, которые примѣняютъ это средство. Приведенныя указанія тѣмъ знаменательнѣе, что именно у Гаскелля послѣдующіе писатели (въ томъ числѣ и Энгельсъ) заимствовали наиболѣе мрачныя описанія быта англійскихъ рабочихъ.

условіяхъ домашней обстановки ирландцевъ и о гибельномъ вліяніи ихъ на положеніе англійскихъ рабочихъ, съ которыми они конкурируютъ, говоритъ и Кей [1]). Интересную сравнительную характеристику бѣдности англійскихъ и ирландскихъ рабочихъ находимъ у Бюрэ [2]). Можно было бы при-

[1]) У Кея мы встрѣчаемъ мѣста, буквальнымъ повтореніемъ которыхъ служатъ приведенныя выше слова Энгельса о конкуренціи англичанъ съ ирландцами. „Униженные невѣжествомъ и нищетой, они (ирландцы) открыли вмѣстѣ съ дикарями, въ чемъ заключаются средства, съ помощью которыхъ можно продлить существованіе. Они научили этому роковому секрету населеніе нашей страны" и т. д... James Philips Kay. The moral and physical conditions of the working classes employed in the cotton manufacture in Manchester. London 1832, стр. 7 и слѣд.

[2]) Разсказывая о посѣщеніи бѣдныхъ кварталовъ въ Лондонѣ (съ чиновникомъ, раздававшимъ пособія), Бюрэ говоритъ объ ирландцахъ съ чувствомъ глубокаго отвращенія. „Тѣ кварталы, которые вмѣщаютъ много ирландцевъ, какъ напр. Chadwell или Saint-Olave, обнаруживали передъ нами нищету въ еще болѣе отвратительныхъ формахъ,—нищету, соединенную съ грязью, съ добровольнымъ униженіемъ, съ самымъ грубымъ пьянствомъ. Пауперизмъ, поражая несчастныхъ англійскаго происхожденія, имѣетъ въ себѣ нѣчто трагическое и фатальное, внушающее нѣкоторое уваженіе и ужасъ: въ его присутствіи испытываешь чувство, какое внушаютъ великія несчастія" .. Посѣщенные ими англійскіе рабочіе были спокойны; одинъ ничего не просилъ, хотя очевидно находился въ состояніи крайней нужды; другой отнесся равнодушно къ обѣщанному пособію. Наоборотъ, когда они появлялись среди ирландцевъ, „всѣ руки протягивались къ намъ; какъ тольько мы выходили изъ одного дома, сосѣди настойчиво просили насъ зайти къ нимъ, говоря, что ихъ помѣщеніе еще хуже, чтобы заинтересовать въ свою пользу наше любопытство. Они ссорились другъ съ другомъ въ надеждѣ на милостыню самымъ низкимъ образомъ; каждый изъ нихъ (по ихъ словамъ) одинъ былъ достоинъ милостыни, а всѣ другіе нѣтъ. „Не давайте ничего—кричали намъ со всѣхъ сторонъ въ одномъ дворѣ, въ то время какъ какая-то женщина умоляла насъ подать ей шестипенсовую монету—не давайте ничего; она проситъ, чтобы еще напиться, потому что она уже и теперь пьяна"... E. Buret. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Paris, 1840.—Кукъ-Тэйлоръ, описывавшій положеніе рабочихъ въ фабричныхъ округахъ Ланкашира въ формѣ писемъ къ дублинскому архіепископу и склонный вообще преувеличивать дурное положеніе городскихъ рабочихъ по сравненію съ сельскими (занятыми на сельскихъ фабрикахъ), тѣмъ не менѣе отмѣ-

вести множество подобныхъ свидѣтельствъ для подтвержденія мысли, что огульное сужденіе объ однообразіи условій опредѣленія заработной платы для всѣхъ вообще англійскихъ рабочихъ начала XIX вѣка не можетъ быть принято [1]).

чаетъ также указанную разницу между различными разрядами городскихъ рабочихъ. См. W. Cook-Taylor. Notes of a tour in the manufacturing districts of Lancashire. London 1842, стр. 13 и слѣд. Наконецъ, мы находимъ аналогичныя указанія и у Туккетта. Напр., характеризуя положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, Туккеттъ замѣчаетъ, что ихъ плата незначительна по сравненію съ платой фабричныхъ рабочихъ и привычки и образъ жизни также различны. „Мы рѣдко встрѣтимъ сельскаго рабочаго, стремящагося въ жизни впередъ съ той энергіей и настойчивостью, какую можно ежедневно наблюдать среди механиковъ и высшихъ рабочихъ всякаго рода". Положеніе англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ только на одну ступень лучше положенія ручныхъ ткачей и лишеннаго заработка населенія большихъ городовъ"... Все населеніе, живущее фабричнымъ трудомъ, Туккеттъ дѣлитъ на три разряда: одну треть составляютъ бѣдствующіе рабочіе, другую— такіе, положеніе которыхъ напоминаетъ бытъ сельскихъ рабочихъ, и послѣднюю—пользующуюся значительнымъ довольствомъ. J. D. Tuckett. A history of the past and present state of the Labouring Population etc. 2 vols. London 1846, I, стр. 510—513 и 595. Къ сожалѣнію, вплоть до самаго послѣдняго времени изслѣдователи положенія англійскихъ рабочихъ начала XIX вѣка обращали весьма мало вниманія на такія различія. Въ лучшемъ случаѣ о нихъ упоминаютъ мимоходомъ, спѣша перейти къ характеристикѣ положенія низшихъ разрядовъ рабочихъ. Этимъ недостаткомъ страдаетъ и очеркъ развитія англійской промышленности, даваемый М. И. Туганъ-Барановскимъ во второмъ изданіи его промышленныхъ кризисовъ.

[1]) Многихъ писателей особенно смущало дѣйствительно ужасное положеніе ручныхъ ткачей и чулочниковъ, вытѣсняемыхъ механическимъ производствомъ. Заработная плата высшаго разряда ихъ, составлявшая приблизительно 20 шилл. въ недѣлю въ началѣ XIX ст., къ тридцатымъ годамъ спустились до 9 шилл. и ниже. Разсказами объ ихъ бѣдствіяхъ полны почти всѣ описанія быта англійскихъ бѣдныхъ классовъ начала вѣка; они проникли и въ беллетристическую литературу. Сводныя данныя о заработной платѣ ручныхъ ткачей см. у A. Bowley. Wages in the United Kingdom in the nineteenth century. Cambridge 1900, стр. 110 и слѣд. Подробныя свѣдѣнія можно найти вь современной работѣ Maxwell. Manual labour versus machinery etc. London 1834 (рѣчь въ парламентѣ по вопросу о назначеніи комиссіи для изслѣдованія причинъ бѣдности ручныхъ ткачей), а также въ парламентскихъ изслѣдованіяхъ

Ограничимся лишь еще указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ о денежной заработной платѣ различныхъ разрядовъ рабочихъ съ конца XVIII по сороковые годы XIX вѣка. Плата земледѣльческихъ рабочихъ составляла напр. въ среднемъ (по даннымъ Туккетта) въ 1780 г. 8 шилл. 1 пен., въ 1800—11 ш. 5 п., въ 1810—14 ш. 6 п., въ 1820—12 ш., въ 1830—11 ш., и въ 1840—11 ш., въ то время какъ плата прядильщиковъ I разряда (въ хлопчато-бумажной промышленности Манчестера и его округа) колебалась за періодъ времени съ 1806 по 1841 г. между 31 ш. 7 п. и 44 ш. 6 п., а плата ручныхъ ткачей (хлопчато-бумажныхъ, въ Манчестерѣ и его округѣ) постепенно падала съ 20 шилл. въ 1806 до 9—6 шилл. въ 1819—1846 гг. [1])

(указ. у Bowley). Болѣе или менѣе полныя характеристики встрѣчаются у большинства авторовъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, особ. у Гаскелля. Довольно подробныя данныя приведены и у Туганъ-Барановскаго. Промышленные кризисы, 2-ое изд. Спб. 1900, стр. 35—37 и 181—188. Но эти бѣдствія были созданы болѣе совершенной промышленной организаціей новаго строя экономической жизни; и потому весь вопросъ заключался только въ облегченіи неотвратимаго и въ общемъ выгоднаго для общества процесса развитія. Главнымъ недостаткомъ этого процесса было отсутствіе условій нормальнаго перехода къ другимъ занятіямъ и чрезвычайная медленность отмиранія отжившихъ формъ производства, благодаря неустройствамъ самаго фабричнаго быта (слабости законодательнаго его регулированія и недостаточной организованности фабричныхъ рабочихъ).

[1]) Среди самихъ земледѣльческихъ рабочихъ, плата которыхъ въ общемъ отличалась за это время значительнымъ однообразіемъ, встрѣчались тѣмъ не менѣе нѣкоторыя характерныя уклоненія. Такъ, вблизи фабричныхъ центровъ и угольныхъ копей заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ была значительно выше, чѣмъ въ чисто-земледѣльческихъ округахъ, потому что они не соглашались здѣсь на обычную норму вознагражденія, видя передъ собою живой примѣръ высшей оплаты труда, не болѣе сложнаго. См. Bowley, указ. соч., стр. 34 и таблица къ стр. 119, а также Steffen, указ. соч. II, стр. 11—13. Необходимо отмѣтить, что цифры денежной заработной платы земледѣльческихъ рабочихъ до 1834 г. слѣдуетъ принимать съ большой осторожностью, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ ихъ заработку присоединялось вспомоществованіе отъ приходовъ.

Такимъ образомъ, нельзя не видѣть, что идея объ единообразіи условій заключенія договора о заработной платѣ противорѣчила жизненнымъ фактамъ, достаточно опредѣлившимся уже во время Рикардо. Но ученіе объ уровнѣ жизни страдало у Рикардо и другими недостатками. Привычныя потребности рабочаго класса выступаютъ въ построеніи Рикардо какъ нѣчто данное, предполагаемое само собою, а отстаиваніе ихъ считается возможнымъ и при единоличномъ договорѣ рабочаго съ хозяиномъ. Рикардо не указываетъ никакой реальной силы, которая могла бы помочь рабочимъ удержать привычный уровень жизни и при благопріятныхъ обстоятельствахъ повышать его. Въ основѣ взгляда Рикардо лежала просто инстинктивная увѣренность въ необходимости непрерывнаго продолженія производства, а слѣдовательно и поддержки требуемаго для этого запаса рабочихъ силъ (заработная плата должна быть такова, чтобы количество рабочихъ поддерживалось въ размѣрѣ, необходимомъ для производства, безъ возрастанія и уменьшенія). Но если рабочіе не позаботятся сами о себѣ, и хозяева будутъ опредѣлять ихъ заработную плату по собственному усмотрѣнію, то можно ли надѣяться на такое благоразуміе и предусмотрительность со стороны послѣднихъ, чтобы они обезпечили достаточный запасъ рабочихъ и для будущихъ поколѣній? Очевидно, нѣтъ, и исторія наиболѣе обездоленной части рабочихъ классовъ всѣхъ странъ показываетъ, что уровень ихъ существованія могъ становиться ниже физіологическаго минимума, вырожденіе, вымираніе и выселенія принимали огромные размѣры, а плата ихъ не поднималась до необходимыхъ средствъ существованія во все время, пока они оставались беззащитными и хозяева не находили выгоднымъ повышать имъ заработную плату въ надеждѣ на большую производительность труда ихъ. Въ такомъ положеніи были напр. до самаго послѣдняго времени рабочіе домашней промышленности. Ручные ткачи постепенно понизили свой жизненный уровень до самаго крайняго предѣла; но до тѣхъ поръ, пока эта форма промышленности не была вытѣснена окончательно фабричнымъ производствомъ, никакая убыль

въ рядахъ занятыхъ въ ней рабочихъ не приводила за собой возвращенія къ прежнему уровню жизни.

Но если для нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ теорія опредѣленія заработной платы привычнымъ уровнемъ жизни была неприложима, потому что въ дѣйствительности размѣры удовлетворенія ихъ потребностей были значительно ниже необходимаго минимума, то, наоборотъ, для рабочихъ высшихъ разрядовъ, какъ напр. прядильщиковъ, машиностроителей и т. п., она оказывалась уже слишкомъ мрачной. Даже въ то время, когда эти рабочіе не имѣли возможности энергически и послѣдовательно отстаивать свои интересы, хозяину не было выгодно держать ихъ на уровнѣ полуголоднаго, зоологическаго существованія, потому что это неблагопріятно отражалось бы на успѣшности ихъ труда. Техническій прогрессъ въ промышленности начала XIX вѣка указывалъ уже на возможность широкаго развитія такихъ высшихъ формъ труда, гдѣ степень производительности является очень эластичной, очень чувствительной къ всякимъ перемѣнамъ въ матеріальномъ положеніи и умственномъ развитіи рабочаго, и надо удивляться, какъ Рикардо не подмѣтилъ этой черты. Для такихъ разрядовъ рабочихъ (какъ объ этомъ будетъ подробно говориться въ одной изъ слѣдующихъ главъ) увеличеніе производительности труда создаетъ повышеніе заработной платы и вмѣстѣ съ тѣмъ новый повышенный уровень жизни, который становится безусловно необходимымъ и на будущее время, какъ основа для постояннаго проявленія такой усиленной трудовой энергіи.

Другая сторона ученія Рикардо—характеристика заработной платы какъ доли въ общемъ доходѣ націи—представляетъ крупный шагъ впередъ въ теоріи распредѣленія, заполняя пробѣлъ, оставленный Ад. Смитомъ. Рикардо самъ придавалъ ей большое значеніе, какъ это видно изъ предисловія къ „Principles", гдѣ онъ указываетъ на вопросъ о взаимоотношеніи долей общественнаго дохода какъ на главную проблему политической экономіи [1]). Къ сожалѣнію, Рикардо

[1]) The produce of the earth—all that is derived from its surface by the united application of labour, machinery, and capital, is divided among

и здѣсь не оцѣнилъ перспективъ, открытыхъ „Богатствомъ народовъ" для дальнѣйшей разработки экономической теоріи. Вмѣсто того чтобы взять въ качествѣ исходнаго пункта знаменитое трехчленное дѣленіе чистаго дохода общества, установленное Смитомъ, Рикардо ввелъ въ свою теорію ученіе о различіи источниковъ—заработной платы съ одной стороны, и прибыли и ренты съ другой, считая первую валовымъ доходомъ общества и только вторую—чистымъ [1]). Въ этомъ разграниченіи Рикардо становился на точку зрѣнія частнаго предпринимателя, которая вообще проникаетъ всѣ его изслѣдованія,—и тѣмъ подрывалъ съ первыхъ же шаговъ успѣшность разрѣшенія поставленной проблемы, требовавшаго отъ изслѣдователя болѣе широкаго теоретическаго горизонта. Постановка вопроса о заработной платѣ какъ долѣ общественнаго продукта на ряду съ долями капиталистовъ и землевладѣльцевъ какъ бы предрѣшала объясненіе источника заработной платы въ духѣ теоріи производительности; между тѣмъ Рикардо, исходя изъ идеи о хлѣбныхъ запасахъ, заготовляемыхъ капиталистами (фермерами) на содержаніе рабочихъ, склонился къ противоположному заключенію, совпадающему съ положеніями защитниковъ теоріи фонда заработной платы. Въ этомъ смыслѣ и Рикардо можно причислить къ теоретикамъ фонда; необходимо, однако, имѣть въ виду, что замѣчанія его въ духѣ указанной

---

three classes ot the community; namely, the proprietor of the land, the owner of the stock or capital necessary for its cultivation, and the labourers by whose industry it is cultivated. But in different stages of society, the proportion of the whole produce of the earth which will be allotted to each of these classes under the names of rent, profit, and wages, will be essentially different; depending mainly on the actual fertility of the soil, on the accumulation of capital and population, and on the skill, ingenuity, and instruments employed in agriculture. To determine the laws which regulate this distribution, is the principal problem in Political Economy"... Ricardo, стр. 1.

[1]) Это разграниченіе послужило впослѣдствіи и источникомъ горячихъ нападокъ на жестокосердіе Рикардо (въ общемъ, однако, несправедливыхъ). См. Ricardo. стр. 414 и главу о машинахъ (стр. 377—389).

теоріи, хотя и находятся въ полной гармоніи съ его точкой зрѣнія на хозяйственныя отношенія, тѣмъ не менѣе остаются отрывочными намеками, не вяжущимися съ главнымъ объясненіемъ вопроса о заработной платѣ [1]).

Противорѣчіе, допущенное Рикардо, затемнило задачу изслѣдованія и для его ближайшихъ преемниковъ, и только Родбертусу удалось, продолжая работу, намѣченную Рикардо, представить въ истинномъ освѣщеніи значеніе теоріи фонда [2]).

Кромѣ неудачнаго разграниченія понятій валового и чистаго дохода, правильному разрѣшенію вопроса о взаимоотношеніи частей общественнаго продукта препятствовало у Рикардо и принятіе въ качествѣ посылокъ положеній, относящихся къ размѣрамъ доходовъ отдѣльнаго рабочаго, капиталиста и землевладѣльца. Заработная плата, приходящаяся на отдѣльнаго рабочаго, уже заранѣе опредѣлена, по мнѣнію Рикардо, нормой средствъ существованія, а землевладѣльцу обезпечено постоянное возрастаніе дохода естественной тенденціей развитія общества, выражающейся въ вздорожаніи сырого продукта. Отсюда Рикардо безъ дальнѣйшей повѣрки устанавливалъ выводъ, что съ прогрессомъ общества рента поглощаетъ все бо́льшую долю національнаго дохода, а изъ оставшейся части—бо́льшая доля будетъ приходиться на заработную плату, такъ какъ денежная заработная плата должна подниматься вмѣстѣ съ возрастаніемъ цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, чтобы сохранить свою реальную норму.

---

[1]) Кромѣ указанныхъ уже мѣстъ, заявленія въ духѣ теоріи фонда встрѣчаются въ Principles и при обсужденіи налоговъ на хлѣбъ. Вообще Рикардо склоненъ былъ смотрѣть на заработную плату, получаемую рабочими, не какъ на результатъ законченнаго хозяйственнаго процесса, а какъ на средство его выполненія въ будущемъ. Но замѣчанія его, указывающія на зависимость высоты заработной платы отъ заранѣе заготовленнаго запаса капитала,—по существу противорѣчащія его ученію объ „естественной" заработной платѣ, повидимому, не имѣли вліянія на развитіе ученія о фондѣ заработной платы въ собственномъ смыслѣ слова. Это признаетъ даже Тауссигъ. См. Wages and Capital, стр. 176—181.

[2]) Подробно объ этомъ см. ниже.

Выводя эти положенія изъ наблюденія съ одной стороны привиллегированныхъ условій англійскаго землевладѣнія въ началѣ XIX в., съ другой—изъ пережитковъ зависимыхъ отношеній, тяготѣвшихъ еще на рабочемъ классѣ и отчасти усиленныхъ промышленнымъ переворотомъ и неблагопріятными политическими условіями (войны съ Наполеономъ),—Рикардо не задумываясь дѣлалъ изъ нихъ заключенія и на будущее. Этимъ онъ отдалъ дань общему для всѣхъ классическихъ экономистовъ пренебреженію вопросами исторической эволюціи. Ставя динамическую проблему, Рикардо разрѣшаетъ ее статически, и потому его предсказанія и не были впослѣдствіи оправданы дѣйствительностью. Указанное выше разслоеніе англійской трудящейся массы прямо устраняло самую возможность безоговорочнаго общаго сужденія, потому что дальнѣйшее развитіе промышленности открывало весьма неодинаковыя перспективы различнымъ разрядамъ англійскихъ рабочихъ. Рикардо не сознавалъ, однако, необходимости такихъ оговорокъ. Онъ интересовался положеніемъ рабочаго класса вообще, который сливался въ его представленіи въ однородную массу. Можно было, разумѣется, найти нѣкоторыя общія тенденціи въ положеніи рабочаго класса по сравненію съ другими классами общества. Но и предсказанія, дѣлаемыя Рикардо относительно всего рабочаго класса, какъ цѣлаго, поражаютъ своимъ несоотвѣтствіемъ съ реальными фактами. Представляя себѣ капиталистическую страну въ видѣ замкнутаго организма, предоставленнаго исключительно собственнымъ рессурсамъ въ дѣлѣ снабженія ея жителей предметами питанія и всякаго рода сырыми матеріалами, онъ дѣлалъ заключеніе, что предметы необходимости должны вообще подниматься въ цѣнѣ и тѣмъ оказывать неблагопріятное вліяніе на заработную плату. „Когда населеніе увеличивается, предметы необходимости будутъ постоянно возрастать въ цѣнѣ, потому что требуется больше труда, чтобы произвести ихъ. Поэтому если бы денежная заработная плата упала, въ то время какъ цѣна каждаго товара, на который заработная плата расходуется, поднялась,—то рабочій пострадалъ бы вдвойнѣ

и вскорѣ былъ бы лишенъ средствъ къ существованію. Поэтому денежная заработная плата вмѣсто того, чтобы упасть, поднимется; но она поднимается не вполнѣ настолько, чтобы рабочій былъ въ состояніи покупать столько же предметовъ удобства и необходимости, сколько онъ покупалъ передъ повышеніемъ цѣны этихъ товаровъ... Однако, несмотря на то, что рабочій въ дѣйствительности будетъ получать меньшую плату, это увеличеніе его (денежной) платы необходимо уменьшитъ прибыль мануфактуриста; ибо его товары будутъ продаваться не по высшей цѣнѣ (Рикардо предполагаетъ, что въ цѣнѣ поднимутся только продукты земледѣлія, которые по его расчетамъ составляютъ главную долю потребленія рабочаго), а расходы по производству ихъ увеличатся... Такимъ образомъ кажется, что таже самая причина, котовая повышаетъ ренту, именно, возрастающая трудность добыванія добавочнаго количества продукта,—должна также и поднимать заработную плату; и поэтому, если стоимость денегъ останется неизмѣнной, какъ рента, такъ и заработная плата будутъ имѣть тенденцію подниматься вмѣстѣ съ прогрессомъ богатства и населенія. Но есть существенная разница между повышеніемъ ренты и подъемомъ заработной платы. Подъемъ денежной ренты сопровождается увеличеніемъ доли продукта; не только денежная рента землевладѣльца станетъ больше, но также и его хлѣбная рента: онъ будетъ имѣть больше хлѣба, и каждая опредѣленная мѣра этого хлѣба будетъ обмѣниваться на большее количество всѣхъ другихъ товаровъ, которые не поднялись въ цѣнѣ. Судьба рабочаго будетъ менѣе счастлива. Правда, онъ будетъ получать бо́льшую денежную плату, но его плата въ хлѣбѣ будетъ меньше; и не только его способность къ покупкѣ хлѣба, но и общее положеніе его ухудшится, такъ какъ ему будетъ труднѣе удерживать рыночную норму платы выше ея естественной нормы. Когда цѣна хлѣба поднимется на 10%, заработная плата всегда повысится меньше, чѣмъ на 10%; рента же поднимется нѣсколько выше. Соотвѣтственно тому, насколько дороже станетъ хлѣбъ, онъ (рабочій) будетъ получать меньшую плату въ хлѣбѣ, но его денежная плата

всегда поднимется, тогда какъ предметы его потребленія (his enjoyments)... останутся прежними. Но такъ какъ другіе товары поднимутся въ цѣнѣ соотвѣтственно тому, насколько въ составъ ихъ входитъ сырой продуктъ, то онъ (рабочій) будетъ платить дороже за нѣкоторые изъ нихъ. Хотя его чай, сахаръ, мыло, свѣчи и квартирная плата, по всей вѣроятности, не будутъ дороже, онъ будетъ больше платить за свиное сало (bacon), сыръ, масло, бѣлье, башмаки и платье; и поэтому, даже при указанномъ повышеніи заработной платы его положеніе станетъ сравнительно хуже" [1]). Между тѣмъ съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ и широкимъ развитіемъ мірового транспорта снабженіе Англіи хлѣбомъ стало впослѣдствіи гораздо благопріятнѣе, чѣмъ во время Рикардо, и наоборотъ, квартирная плата, которую онъ предполагаетъ неподвижной, чрезмѣрно поднялась [2]).

Этотъ вопросъ о движеніи товарныхъ цѣнъ приводитъ насъ къ основному предположенію Рикардо объ отношеніи населенія къ средствамъ существованія, цѣликомъ заимствованному имъ у Мальтуса. Въ настоящее время едва ли необходимо настаивать на ошибочности приложенія Мальтусовой доктрины къ ученію о заработной платѣ. Вопросъ о населеніи, трактуемый Мальтусомъ съ національной точки

---

[1]) Ricardo, стр. 77—80.

[2]) Напр., по свѣдѣніямъ, приводимымъ Гиффеномъ въ его извѣстномъ рефератѣ „о прогрессѣ рабочихъ классовъ", оказывается, что цѣна на пшеницу, составлявшая въ 1837—46 гг. въ среднемъ 58 шилл. 7 пенсовъ за квартеръ, въ семидесятые годы составляла уже только 48 шилл. 9 пенсовъ. Что же касается другихъ главнѣйшихъ товаровъ, потребляемыхъ рабочими, то, по указанію Гиффена, значительное вздорожаніе коснулось только одной статьи—свѣжаго мяса (свиное же сало, наиболѣе потребляемое рабочими, только немного повысилось въ цѣнѣ). Rob. Giffen. The progress of the working classes in the last half Century. London 1884, стр. 9—12. За послѣднее время расширеніе доставки замороженнаго мяса изъ австралійскихъ колоній уменьшило расходы рабочаго и по этой статьѣ. Что же касается квартирной платы, то она поднялась настолько, что въ настоящее время „жилищная нужда" составляетъ едва ли не самое больное мѣсто въ условіяхъ быта рабочихъ.

зрѣнія и при предположеніи медленнаго темпа развитія промышленной жизни, давно уже утратилъ для европейскихъ обществъ ту остроту, съ какой онъ представлялся взору изслѣдователя на порогѣ XIX вѣка. Быстрый темпъ промышленнаго прогресса, колоссальное развитіе транспорта, облегчившее сношенія съ странами, производящими хлѣбъ, и замедляющееся движеніе населенія отодвинули на далекое будущее настоятельность опасеній, столь болѣзненно ощущавшихся Мальтусомъ. „Принципъ населенія" принялъ международный характеръ, и англійскимъ рабочимъ, начиная со второй половины XIX вѣка и до самаго послѣдняго времени ни разу не угрожалъ такой недостатокъ въ средствахъ существованія, который долженъ былъ бы урѣзать ихъ заработки. Напротивъ, постоянный прогрессъ техники давалъ промышленнымъ рабочимъ широкую возможность воспользоваться извѣстной долей въ повышеніи производительности національнаго труда. Кромѣ того, именно ихъ настойчивость въ отстаиваніи собственныхъ интересовъ содѣйствовала непрестанному движенію техническаго прогресса [1]). Если же положеніе земледѣльческаго рабочаго оставалось приблизительно стаціонарнымъ, то въ этомъ былъ виноватъ не законъ населенія, а безсиліе этой категоріи рабочихъ и отсутствіе законодательной охраны ихъ, что отчасти отразилось и на самой отсталости земледѣльческой техники [2]).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что идея о постоянномъ наростаніи дохода землевладѣльцевъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ классамъ общества была навѣяна Рикардо происходившей въ его время борьбой между англійскими капиталистами и землевладѣльцами, въ которой и онъ принималъ непосредственное участіе. Но такая тенденціозность

---

[1]) Даже германскіе экономисты историко-этическаго направленія, до послѣдняго времени почти безъ исключеній принимающіе въ принципѣ доктрину Мальтуса, не дѣлаютъ уже изъ нея такого вывода по отношенію къ заработной платѣ, какъ Рикардо.

[2]) Ср. напр., С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, II, стр. 621—622.

естественно поддерживалась у Рикардо общимъ складомъ ума, склоннаго къ строгимъ абстрактнымъ выводамъ изъ немногихъ приведенныхъ въ простѣйшую форму основныхъ положеній. Сознательно-маккіавеллическое упрощеніе трактуемыхъ вопросовъ, приписываемое Рикардо Гельдомъ, едва ли не самымъ горячимъ противникомъ всего его міросозерцанія, невозможно принять, какъ бы мы ни оцѣнивали отношеніе Рикардо къ практическимъ проблемамъ и борьбѣ партій его времени [1]). Злоупотребленія землевладѣльцевъ своей политической силой вызывали тогда справедливое негодованіе и у самаго безпристрастнаго человѣка. Что же касается законовъ о бѣдныхъ, то осужденіе ихъ Рикардо также было вполнѣ естественно, благодаря очевиднымъ и вопіющимъ недостаткамъ организаціи призрѣнія; и, конечно, трудно было бы ожидать отъ Рикардо предложенія какого-нибудь достаточно удовлетворительнаго плана новой организаціи помощи бѣднымъ, когда даже въ самое послѣднее время разрѣшеніе этого вопроса только начинаетъ становиться на сколько-нибудь раціональный путь. Наконецъ, требованіе полной свободы договора, хотя и вносило существенный ущербъ въ теоретическія построенія и практическія предложенія Рикардо, тѣмъ не менѣе было вполнѣ въ духѣ того времени и того міросозерцанія, къ которому

[1]) „Удивительно, какъ сильно импонируетъ точность выраженія, только по наружности сходная съ математикой. Сравнивали же со всей серьезностью законъ поземельной ренты Рикардо съ Ньютоновымъ закономъ тяготѣнія, и какъ много нѣмецкихъ ученыхъ въ своей наивности совершенно объективно провѣряли и оправдывали этотъ законъ съ научной точки зрѣнія, не подозрѣвая о томъ, что это ученіе просто было продиктовано ненавистью денежнаго капиталиста къ классу землевладѣльцевъ!“... „Различіе между валовымъ и чистымъ доходомъ, говоритъ Гельдъ въ другомъ мѣстѣ, является у Рикардо не безобиднымъ теоретическимъ разграниченіемъ... Напротивъ, это ученіе, выраженное со всей краткостью и точностью, имѣетъ цѣлью изобразить работника, какъ несущественнаго члена общества, какъ чистое средство къ цѣли; указывается же въ одномъ изъ дальнѣйшихъ мѣстъ, какъ часть валового дохода можетъ быть употреблена вмѣсто содержанія людей на содержаніе лошадей“... Ad. Held. Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Leipzig 1881, стр. 176 и 194.

Рикардо принадлежалъ вмѣстѣ съ вполнѣ искренними и сочувствующими благу народа людьми. Правда, что его теоретическіе взгляды отражали въ себѣ психологію того общественнаго круга, изъ котораго онъ вышелъ для занятій наукой; въ немъ все время чувствуется биржевой дѣлецъ, оперирующій съ сложными человѣческими отношеніями не въ ихъ конкретной и осязательной формѣ, а въ видѣ простыхъ отмѣтокъ о цѣнахъ, о количествѣ товаровъ и т. п. За производствомъ продуктовъ въ его представленіи не встаетъ картина человѣческаго общества, съ его радостями и горемъ, удачами немногихъ и тяжелой борьбой за существованіе у большинства,—общества, которое производитъ продукты для удовлетворенія собственныхъ потребностей и потому заинтересовано не въ одномъ только равновѣсіи производственнаго механизма. Рикардо рѣшаетъ экономическіе вопросы какъ математическую задачу, довольствуясь полученнымъ результатомъ, каковы бы ни были различія въ комбинаціяхъ данныхъ элементовъ; для него цѣль производства достигнута, если получено ожидаемое количество продукта, въ какомъ бы взаимномъ отношеніи ни стояли отдѣльные факторы производства. Но отсюда далеко до сознательнаго включенія въ теоретическую формулировку трактуемыхъ вопросовъ желательной практической тенденціи. Яркимъ примѣромъ, свидѣтельствующимъ о стремленіи Рикардо сохранить безпристрастное отношеніе къ изслѣдуемымъ вопросамъ, можетъ служить извѣстная глава о машинахъ, введенная имъ въ третье изданіе Principles. Замѣтивъ въ своемъ прежнемъ объясненіи противорѣчіе принимаемымъ имъ основнымъ посылкамъ, Рикардо имѣлъ мужество отказаться отъ него и признать, что развитіе машиннаго производства можетъ быть вредно для рабочихъ. Но устанавливая это общее положеніе, Рикардо не оставляетъ его безъ всякихъ оговорокъ, а съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ указываетъ и на возможный коррективъ отмѣченной имъ тенденціи. Любопытно, что въ данномъ случаѣ Рикардо даже преувеличивалъ размѣры опасности, грозящей трудящимся классамъ, потому что, принимая въ расчетъ только

одинъ количественный моментъ (отношеніе между размѣромъ фонда, могущаго быть употребленнымъ на наемъ рабочихъ, и числомъ послѣднихъ), онъ упускалъ изъ вида нѣкоторыя весьма важныя условія, препятствующія дѣйствительному осуществленію предполагаемой имъ тенденціи [1]).

Вообще представители историко-этической школы были крайне несправедливы къ Рикардо. Относясь безпристрастно къ оставленному имъ теоретическому наслѣдству, нельзя не признать, что и въ вопросѣ о заработной платѣ усилія Рикардо далеко подвинули экономическую теорію. Правда, по сравненію съ ученіемъ Ад. Смита, его теорія представляется одностороннею и прямолинейною. Вѣрный своему методу, Рикардо чрезмѣрно упростилъ изслѣдуемую проблему. Такъ, проблески сознанія важности опредѣленія причинъ высоты трудового дохода у самостоятельныхъ работниковъ,

---

[1]) Здѣсь Рикардо особенно строго выдерживаетъ точку зрѣнія теоріи фонда. Онъ разсуждаетъ такъ. Фондомъ прибыли и ренты является чистый доходъ общества; фондомъ заработной платы—валовой. Такъ какъ съ развитіемъ машиннаго производства чистый доходъ общества можетъ оставаться неизмѣннымъ при уменьшеніи валового дохода, то введеніе машинъ при такомъ условіи сократитъ спросъ на рабочія руки, и слѣдовательно тяжело отзовется на положеніи рабочихъ. Но удешевленіе товаровъ должно дать возможность лицамъ, которымъ поступаетъ чистый доходъ, сберечь больше, чѣмъ прежде, и слѣдовательно увеличивать фондъ заработной платы, что должно мало-по-малу привести къ возстановленію спроса на рабочія руки (а слѣдовательно и положенія рабочихъ) въ прежнее состояніе или даже лучшее. См. Ricardo, стр. 377—388. Рикардо какъ бы не подозрѣваетъ здѣсь сложности проблемы о вліяніи развитія машиннаго производства на положеніе рабочихъ. Онъ не ставитъ вопроса ни о характерныхъ особенностяхъ спроса на рабочія руки при машинномъ производствѣ (примѣненіе различныхъ разрядовъ труда), ни о борьбѣ между ховяевами и рабочими, ни объ отношеніи законодательства къ условіямъ машинной работы, ни о вліяніи самой производительности труда рабочаго на его вознагражденіе, ни объ условіяхъ подвижности труда и капитала, создаваемыхъ машиннымъ производствомъ и т. д. См. I. S. Nicholson. The effects of machinery on wages, London 1892. Слишкомъ узкая постановка вопроса, данная Рикардо, неблагопріятно отразилась и на изслѣдованіи этого вопроса Марксомъ, въ теоретической системѣ котораго онъ занимаетъ столь выдающееся мѣсто (см. ниже).

еще живые въ ученіи Ад. Смита, у Рикардо совершенно исчезаютъ, и весь рабочій классъ представляется въ его изображеніи занятымъ по найму у капиталистовъ. Сверхъ того, въ немъ по существу (несмотря на отмѣченныя выше оговорки) стерты и всѣ различія между отдѣльными разрядами, что сводитъ вопросъ о количественныхъ измѣненіяхъ его просто къ вопросу о возрастаніи или убыли „населенія". Это сообщило выводамъ Рикардо односторонній характеръ и сильно приблизило ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ теоріи фонда, съ которой по существу они должны были бы имѣть мало общаго. Но зато самая узость постановки вопроса и крайнее упрощеніе его имѣли и ту выгоду, что ими отчетливо подчеркивались наиболѣе важныя для того времени задачи разработки теоріи заработной платы. Прослѣживая взаимное отношеніе между заработной платой наемныхъ рабочихъ и прибылью и рентой, Рикардо открывалъ эпоху въ теоріи распредѣленія. Смутное указаніе, содержавшееся въ ученіи Смита объ общественныхъ классахъ и о раздѣлѣ между ними національнаго продукта, выступаетъ у Рикардо въ видѣ ясно сознаннаго требованія, проводимаго послѣдовательно черезъ всю его экономическую систему. Трудно преувеличить важность этой попытки для экономической теоріи. И если положительное разрѣшеніе вопроса, предложенное Рикардо, страдало, какъ мы видѣли, существенными недостатками, то это вполнѣ понятно при новизнѣ теоретической задачи, поставленной Рикардо, и несоотвѣтствіи ея основнымъ методологическимъ пріемамъ автора Principles. Въ постановкѣ этого вопроса Рикардо возвышается надъ общимъ индувидуалистическимъ и анти-историческимъ духомъ времени и какъ бы перекидываетъ мостъ въ экономію будущаго [1]). Но въ разрѣшеніи его онъ остается все еще на старомъ берегу, будучи не въ силахъ отрѣшиться для дан-

[1]) Удивительно, что экономисты историко-этическаго направленія, усиленно расточавшіе по адресу Рикардо упреки въ индивидуализмѣ и неисторичности, оказались не только неспособными исправить и продолжить работу Рикардо въ данномъ вопросѣ, но даже понять заключающуюся въ ней самостоятельную теоретическую задачу!

наго случая ни отъ своихъ обычныхъ пріемовъ изслѣдованія, ни отъ общаго экономическаго міровоззрѣнія. Поэтому его положительное ученіе о взаимоотношеніи частей общественнаго дохода послужило толчкомъ не къ внимательному реалистическому анализу, а къ построенію апріорной „теоріи обнищанія", которая служила правильнымъ логическимъ продолженіемъ теоріи Рикардо, но не исправляла ея ошибокъ, несмотря на то, что общее научное міровоззрѣніе ея авторовъ было гораздо болѣе благопріятно для устраненія этихъ ошибокъ.

Что касается попытки Рикардо объяснить высоту платы отдѣльныхъ рабочихъ исключительно привычнымъ уровнемъ ихъ жизни, то хотя она представляется и болѣе слабою по сравненію съ постановкой вопроса о взаимоотношеніи частей общественнаго дохода, тѣмъ не менѣе для своего времени и здѣсь онъ мѣтко указалъ на одинъ изъ дѣйствительно существенныхъ реальныхъ моментовъ. Конечно, имѣя за собой въ данномъ случаѣ такого предшественника, какъ Ад. Смитъ, Рикардо могъ дать болѣе полное объясненіе вопроса; однако, настойчивое подчеркиваніе принципа standard of life несомнѣнно оставило глубокій слѣдъ въ развитіи ученія о заработной платѣ и, вѣроятно, дало бы и еще бо́льшіе результаты, если бы вмѣсто слѣпого слѣдованія положеніямъ Рикардо его преемники поставили своей задачей провести дальше начатый имъ анализъ. Мы видѣли, что Рикардо уклонялся въ этомъ вопросѣ съ правильной дороги благодаря неудачному сближенію процесса установленія заработной платы съ образованіемъ товарныхъ цѣнъ. Подражаніе ему въ этомъ отношеніи было главной ошибкой, ослабившей значеніе работъ его преемниковъ. Но насколько это подражаніе было близорукимъ, видно изъ того, что и самъ Рикардо сознавалъ уже (хотя и недостаточно отчетливо), что при изслѣдованіи вопросовъ распредѣленія необходимо избирать иной путь [1]).

---

[1]) Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Макъ-Кёллоку, въ которомъ Рикардо признаетъ односторонность теоріи цѣнности, развитой имъ въ

Дальнѣйшее развитіе теоріи средствъ существованія связано съ именами Энгельса, Маркса, Родбертуса и Лассаля [1]).

Еще въ 1844 году въ статьѣ, помѣщенной въ „Deutsch-Französische Jahrbücher" [2]), двадцатитрехлѣтній Энгельсъ, нападая съ юношескимъ задоромъ на классическую экономію, принялъ отъ нея теорію заработной платы, которая, какъ казалось ему, наглядно обнаруживала вопіющія несовершенства буржуазнаго режима. „Конкуренція, говоритъ онъ здѣсь, ставитъ капиталъ противъ капитала, трудъ противъ труда, землевладѣніе противъ землевладѣнія и каждый изъ

„Principles", онъ прямо заявляетъ, что вопросы распредѣленія могутъ быть изучаемы и независимо отъ теоріи цѣнности. „After all, the great questions of Rent, Wages and Profits must be explained by the proportions in which the whole produce is divided between landlords, capitalists, and labourers, and which are not essentially connected with the doctrine of value". Letters of Ricardo to M-c Culloch, стр. 71—72.

[1]) Сисмонди никогда не раздѣлялъ теоріи средствъ существованія. Не только въ „Richesse commerciale", гдѣ онъ особенно настаиваетъ на разграниченіи въ доходѣ, получаемомъ рабочимъ, „salaire nécessaire" и „salaire superflu" (см. J. C. L. Simonde. De la richesse commerciale, ou Principes d'économie politique, appliqués à la législation du Commerce. Genève 1803, т. I, стр. 85—99), но и въ „Nouveaux Principes" Сисмонди высказывается противъ этой доктрины. Въ „Nouveaux Principes" Сисмонди прямо заявляетъ, что онъ не согласенъ съ основнымъ положеніемъ Рикардо. „M. Ricardo... a regardé le salaire du travail comme la seule cause efficiente du prix. Il faudrait, pour que son calcul fût juste, que les ouvriers fussent réduits à l'étroit nécessaire, et qu'ils ne pussent pas reculer davantage; ce qui heureusement ne se réalise presque jamais". Установленіе заработной платы представляется ему просто борьбой между капиталистами и рабочими, причемъ капиталисты только стремятся удѣлить рабочему не больше необходимыхъ средствъ къ существованію, но встрѣчаются при этомъ съ противоположными стремленіями рабочихъ (которыя, по его мнѣнію, далеко не всегда безуспѣшны). J. C. L. Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population. Paris 1819, т. I, стр. 343—343 и 103).

[2]) F. Engels. Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie. Статья эта перепечатана Мерингомъ въ первомъ томѣ издаваемой имъ серіи „Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle".

этихъ элементовъ противъ обоихъ остальныхъ. Въ борьбѣ побѣждаетъ сильнѣйшій, и мы должны для того, чтобы предсказать результатъ этой борьбы, изслѣдовать силу борющихся. Прежде всего землевладѣніе и капиталъ сильнѣе труда, потому что работникъ долженъ трудиться, чтобы жить, тогда какъ землевладѣлецъ можетъ жить на свою ренту, а капиталистъ на проценты, а въ случаѣ нужды—на капиталъ или капитализированную земельную собственность. Результатъ этого тотъ, что труду достается только самое необходимѣйшее, голыя средства къ существованію (nur das Allernothdürftigste, die nackten Subsistenzmittel), тогда какъ наибольшая часть продуктовъ распредѣляется между капиталомъ и землевладѣніемъ [1])". Взгляды, намѣченные въ этой статьѣ, которую Марксъ называлъ „геніальнымъ экскизомъ", легли въ основу всѣхъ экономическихъ изслѣдованій Маркса и Энгельса въ 40-хъ годахъ и въ значительной степени проявились и въ ихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Въ 1845 г. Энгельсъ подробнѣе развилъ указанное положеніе въ „Die Lage der arbeitenden Klasse in England", гдѣ онъ прямо называетъ рабочаго „рабомъ буржуазіи". Впрочемъ, Энгельсъ снабжаетъ здѣсь это положеніе нѣкоторыми оговорками, вытекавшими изъ внимательнаго изученія различныхъ разрядовъ рабочаго населенія Англіи [2]).

Гораздо рѣзче формулировка, данная Марксомъ этой теоріи въ его извѣстной полемической брошюрѣ противъ Прудона, составлявшейся въ 1846—47 годахъ. Минимумъ

---

[1]) Aus den literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, I Bd, стр. 457.

[2]) При конкуренціи рабочихъ между собою единственнымъ предѣломъ ихъ заработной платы должны быть, по мнѣнію Энгельса, необходимыя средства существованія (Kein Arbeiter wird für weniger arbeiten wollen, als er zu jeiner Existenz nöthig hat; wenn er einmal verhungern soll, so wird er lieber faul, als arbeitend verhungern wollen). Правда, замѣчаетъ далѣе Энгельсъ, уровень этихъ необходимыхъ средствъ существованія не одинаковъ для различныхъ группъ рабочихъ, напр., для англичанъ и ирландцевъ. Но это не мѣшаетъ ирландцу конкурировать съ англичаниномъ и понижать уровень его жизни до своего собственнаго. Болѣе надежнымъ препятствіемъ представляется то обстоя-

заработной платы является у него уже ея средней, нормальной величиной, необходимой въ силу тѣхъ же самыхъ условій, которыми опредѣляется и цѣнность всякаго рода предметовъ, продаваемыхъ на рынкѣ. „Трудъ, говоритъ Марксъ, тамъ, гдѣ онъ самъ является товаромъ, измѣряется какъ таковой рабочимъ временемъ, которое необходимо для производства товара-труда. А что необходимо для производства товара-труда? Какъ разъ то рабочее время, которое требуется для производства предметовъ, необходимыхъ для непрерывнаго поддержанія труда, т. е. для того чтобы дать работнику возможность поддерживать свою жизнь и продолжать свой родъ (Rasse). Естественная цѣна труда есть ничто иное какъ минимумъ заработной платы... Минимумъ заработной платы остается... центромъ, къ которому тяготѣетъ рыночная цѣна заработной платы. Такимъ образомъ,

тельство, что „извѣстныя работы требуютъ опредѣленнаго уровня цивилизаціи", напр. почти всѣ занятія въ индустріи; здѣсь „въ интересахъ самой буржуазіи заработная плата должна быть настолько высока, чтобы она давала возможность рабочему поддерживать себя на этомъ уровнѣ". Таковы условія, опредѣляющія минимумъ вознагражденія рабочаго. Что же касается средней заработной платы, т. е. такой, когда ни рабочіе, ни капиталисты не имѣютъ основанія конкурировать другъ съ другомъ, когда рабочихъ имѣется ровно столько (курсивъ Энгельса), сколько можетъ быть занято для того, чтобы изготовить требуемые товары, заработная плата будетъ нѣсколько выше минимума. Насколько она превыситъ минимумъ, будетъ зависѣть отъ среднихъ потребностей и отъ степени цивилизаціи рабочихъ. Но сдѣлавъ эту оговорку, Энгельсъ сейчасъ же возвращается къ прежней мысли. Повышеніе платы сверхъ необходимаго минимума влечетъ за собою возрастаніе количества рабочихъ, а слѣдовательно усиленіе конкуренціи между ними и возвращеніе платы къ прежнему минимуму. Съ другой стороны, повышеніе производительности труда благодаря всякаго рода техническимъ усовершенствованіямъ дѣлаетъ часть рабочихъ праздными, и тѣмъ увеличиваетъ резервную армію, избытокъ рабочаго населенія, страданія котораго особенно ужасны во время кризисовъ и которое оказываетъ постоянное давленіе на остальную массу рабочихъ. F. Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England, 2-e Aufl., Stuttgart 1892, стр. 78—91.

цѣнность, измѣряемая рабочимъ временемъ, необходимо оказывается формулою современнаго рабства рабочихъ“ [1])...

Наконецъ, эта же мысль, что минимумъ средствъ существованія является средней нормой заработной платы, повторяется въ столь же рѣшительной формѣ и въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, начиная съ котораго Энгельсъ становится уже на второй планъ, скромно уступая мѣсто могучей фигурѣ будущаго автора „Капитала“. „Средняя цѣна заработной платы, говорится здѣсь, есть минимумъ заработной платы, т. е. сумма жизненныхъ средствъ, какія необходимы, чтобы поддерживать жизнь работника какъ работника. Поэтому то, что присваиваетъ себѣ рабочій своею дѣятельностью, достаточно только для того, чтобы поддерживать его голое существованіе“ [2])...

Со времени выхода Манифеста прошло девятнадцать лѣтъ, когда появился въ свѣтъ первый томъ „Капитала“. За это время многое измѣнилось въ англійской экономической жизни, изъ которой Марксъ и Энгельсъ по преимуществу черпали свои наблюденія надъ капиталистическимъ строемъ, и это не могло не отразиться на ихъ взглядахъ. Но воздвигнутая Марксомъ теоретическая система, фундаментъ которой былъ прочно заложенъ уже ко времени Коммунистическаго манифеста, была слишкомъ сложна для того, чтобы подвергнуться серьезной перестройкѣ, и потому въ „Капиталѣ“ (такъ же какъ и у Энгельса въ его позднѣйшихъ работахъ) мы находимъ лишь частныя поправки къ основнымъ положеніямъ, оставленнымъ нетронутыми. Это сообщаетъ „Капиталу“ двойственный, противорѣчивый характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и большое достоинство книги, указывая на внимательное и вдумчивое отношеніе автора къ новымъ образованіямъ въ капиталистическомъ строѣ, несмотря на то, что общее значеніе ихъ было ему еще неясно. Таковы въ особенности замѣчанія Маркса

---

[1]) K. Marx. Das Elend der Philosophie. 3-t Auflage. Stuttgart 1895, стр. 24—25.

[2]) Das Kommunistische Manifest. 6-te Auflage. Berlin, 1901, стр. 19.

объ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ, которыя такъ не вяжутся съ общей характеристикой положенія рабочаго класса, данной въ „Капиталѣ". Они указываютъ, что подъ вліяніемъ впечатлѣній, навѣянныхъ общественнымъ развитіемъ Англіи, во взглядахъ Маркса на заработную плату и на положеніе рабочаго класса сталъ намѣчаться поворотъ, который могъ бы заставить его пересмотрѣть и другія части его экономической системы. Напротивъ, Лассаль, ближе всего присматривавшійся къ положенію рабочихъ въ Германіи, которое въ его время было значительно хуже условій жизни англійскихъ рабочихъ, продолжалъ цѣликомъ держаться идей Рикардо и Коммунистическаго манифеста, не пытаясь перейти черты, намѣченной міровоззрѣніемъ классиковъ и закрѣпленной юношескими работами Энгельса и Маркса.

Извѣстна исторія „желѣзнаго закона" Лассаля. Приглашенный Центральнымъ комитетомъ по подготовкѣ всеобщаго конгресса германскихъ рабочихъ высказать свой взглядъ на рабочее движеніе и на средства улучшенія положенія рабочихъ въ политическомъ, матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ, Лассаль выпустилъ 1-го марта 1863 года свое знаменитое „открытое письмо", въ которомъ и формулировалъ неизмѣнный при существующихъ условіяхъ общественнаго строя законъ заработной платы.

„Желѣзный экономическій законъ (курсивъ вездѣ Лассаля), опредѣляющій заработную плату при современныхъ условіяхъ, при господствѣ предложенія и спроса на трудъ, таковъ: средняя заработная плата всегда остается на уровнѣ необходимыхъ средствъ къ жизни, который требуется въ данномъ народѣ согласно обычаю для поддержанія существованія и продолженія рода. Таковъ пунктъ, около котораго постоянно колеблется подобно маятнику дѣйствительная ежедневная заработная плата, не имѣя возможности никогда ни подняться надолго выше его, ни спуститься ниже. Она не можетъ на продолжительное время подняться выше этой средней, ибо въ противномъ случаѣ, благодаря болѣе сносному, лучшему положенію рабочихъ,

наступило бы увеличеніе рабочаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ предложенія рабочихъ рукъ, которое опять понизило бы заработную плату до ея прежняго состоянія.

Заработная плата не можетъ на продолжительное время и упасть далеко ниже этого необходимаго жизненнаго уровня, потому что тогда наступятъ переселенія, отказъ отъ браковъ, воздержаніе отъ дѣторожденія и наконецъ, созданное нищетой уменьшеніе числа рабочихъ, которое тѣмъ самымъ еще уменьшитъ предложеніе рабочихъ рукъ и слѣдовательно приведетъ заработную плату опять къ прежнему уровню.

Дѣйствительная средняя заработная плата заключается, слѣдовательно, въ постоянномъ движеніи вокругъ того центра тяжести, къ которому она должна тяготѣть непрерывно, то поднимаясь нѣсколько выше его (періоды процвѣтанія во всѣхъ или отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности), то опускаясь нѣсколько ниже (періоды болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ [1]).

Лассаль отмѣчаетъ здѣсь, какъ необходимое слѣдствіе этого закона, положеніе (особенно подробно развитое, какъ мы увидимъ ниже, Родбертусомъ и Марксомъ), что при повышеніи производительности труда, создаваемой промышленнымъ прогрессомъ, рабочіе ничего не выигрываютъ, а что всѣ выгоды достаются капиталистамъ. „Слѣдствіемъ этого желѣзнаго и ужаснаго закона, говоритъ онъ, является то, что вы — и потому-то я и назвалъ васъ въ моей брошюрѣ... классомъ обездоленныхъ — необходимо исключены даже изъ (выгодъ) производительности, повышающейся благодаря успѣхамъ цивилизаціи, т. е. изъ повышенія продукта труда, изъ повышенной производительности вашего собственнаго труда! Для васъ всегда только необходимое для жизни, для предпринимателей всегда все, что производится трудомъ сверхъ этого“ [2]).

---

[1]) F. Lassalle Offenes Antwortschreiben an das Zentral-Komitee zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeiter-Kongresses zu Leipzig. F. Lassalle's Gesamtwerke, herausg. von E. Blum, Bd. I, стр. 15—16.

[2]) Offenes Antwortschreiben, стр. 17.

Давая такую рѣзкую формулировку ученію Рикардо, Лассаль по существу, однако, даже нѣсколько смягчилъ его, допуская, что налоги, падающіе на заработную плату, могутъ урѣзывать ее, т. е. что до повышенія налоговъ заработная плата можетъ оказаться и нѣсколько выше уровня, строго необходимаго для жизни. Въ этомъ отношеніи онъ сознательно расходится съ Рикардо, который, какъ мы видѣли, упорно отстаивалъ мысль, что налоги на заработную плату необходимо будутъ переложены на другихъ.

Въ „Рабочей Программѣ", характеризуя основы современнаго строя по сравненію съ феодальными порядками, Лассаль настаиваетъ на мысли, что буржуазія, какъ господствующій классъ, освобождаетъ себя, подобно феодальной аристократіи, отъ податного бремени, налагая его на непривилегированные классы. „Конечно, она (буржуазія) не можетъ объявить открыто, что она желаетъ быть свободной отъ налоговъ. Напротивъ, выставляемый ею принципъ обыкновенно гласитъ, что каждый долженъ быть облагаемъ соотвѣтственно его доходу. Но она достигаетъ этого же самаго результата... путемъ разграниченія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ". Указавъ на существенныя черты каждой изъ этихъ формъ обложенія, Лассаль продолжаетъ: „Благодаря этому происходитъ, что сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ, вмѣсто того чтобы падать на индивидуумовъ въ соотвѣтствіи съ ихъ капиталомъ и доходомъ, въ своей значительно большей части уплачивается неимущими, бѣднѣйшими классами націи. Конечно, не буржуазія изобрѣла косвенные налоги; они существовали и прежде. Но буржуазія развила ихъ впервые въ неслыханную систему и взвалила на нихъ удовлетвореніе почти всей массы государственныхъ потребностей". [1]) Эту же мысль Лассаль подробно отстаиваетъ и въ защитительной рѣчи въ судебномъ процессѣ, вызванномъ

[1]) Arbeiterprogramm. Ueber den besonderen Zusammenhang der gegenwärtigen Geschichtsperiode mit der Idee des Arbeiterstandes. Gesamtwerke, I Bd., стр. 182—183. Лассаль иллюстрируетъ эту мысль ссылкой на прусскій государственный бюджетъ.

опубликованіемъ предыдущей брошюры (во второй инстанціи). [1]) Интересно, что Лассаль употребляетъ здѣсь въ качествѣ аргумента ссылку не только на теорію средствъ существованія, но и на теорію фонда, которую онъ совершенно не отграничиваетъ отъ первой. „Если благодаря налогамъ цѣна хлѣба поднимется, то возгорится всеобщая борьба между отдѣльными классами общества изъ-за переложенія этихъ налоговъ. Если бы рабочіе, которые поставлены въ самое невыгодное положеніе при этой борьбѣ, такъ какъ они живутъ изо-дня въ день (da sie auf das tägliche Bedürfniss angewiesen sind),—могли даже одержать побѣду, то во всякомъ случаѣ это было бы мыслимо только по истеченіи весьма долгаго времени, полнаго величайшихъ страданій.

Но какимъ образомъ возможна эта побѣда, если, какъ это единогласно признаютъ всѣ экономисты, высота заработной платы зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ на трудъ, т. е. отъ количества ищущихъ работы и суммы національнаго капитала, который долженъ быть израсходованъ на трудъ. Имѣющійся у націи капиталъ, рабочій фондъ, не увеличивается косвенными налогами, но наоборотъ, по допущенію Смита и Рикардо, только значительно съуживается. Поэтому, пока число рабочихъ не уменьшится, заработная плата не можетъ подняться, такъ какъ рабочій фондъ. расходуемый на трудъ капиталъ и слѣдовательно спросъ на рабочія руки, не увеличился.“ [2])

Какъ видно изъ изложеннаго, Лассаль и самъ не предъявлялъ претензіи на новизну защищаемой имъ теоріи.

---

[1]) Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen. Gesamtwerke, I Bd., стр. 391 и слѣд.

[2]) Die indirekte Steuer, стр. 431 и слѣд. Лассаль ссылается здѣсь на мнѣнія Дж. Ст. Милля и Макъ-Кёллока и на фактическія свидѣтельства у Тука въ „Исторіи цѣнъ“. Смѣшеніе теоріи средствъ существованія съ теоріей фонда встрѣчаемъ у него и въ рѣчи „Zur Arbeiterfrage“, гдѣ онъ приводитъ въ качествѣ сторонниковъ желѣзнаго закона наряду съ Сэ—Джона Ст. Милля (Gesamtwerke, II, стр. 36 и слѣд.), и въ Arbeiter-Lesebuch“, гдѣ повторяются тѣ же аргументы (Gesamtwerke, II, стр. 65 и слѣд.).

Вопросъ о размѣрахъ заработной платы при капиталистическомъ строѣ представлялся ему настолько выясненнымъ въ существующей экономической литературѣ, что онъ и не ставилъ своей задачей дальнѣйшую теоретическую разработку его, а пользовался имѣющимися выводами (стараясь лишь облечь ихъ въ яркую и понятную для слушателей форму) какъ готовымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ практическихъ заключеній.

Напротивъ, для Родбертуса теорія заработной платы представлялась далеко не законченной. Въ ученіи Рикардо онъ видѣлъ лишь отправный пунктъ для новой теоретической работы, задачей которой онъ ставилъ по преимуществу выясненіе заработной платы какъ доли въ общемъ доходѣ страны. [1])

Для выполненія этой задачи Родбертусъ былъ вооруженъ, повидимому, наилучшими средствами. Онъ не только не раздѣлялъ индивидуалистическаго взгляда на явленія хозяйственной жизни, который такъ неблагопріятно отражался на ученіяхъ классическихъ экономистовъ, но со всей рѣшительностью противопоставлялъ ему общественную точку зрѣнія, указывая на органическій характеръ народнаго хозяйства. Съ другой стороны онъ былъ горячимъ сторонникомъ приложенія историческаго метода къ изученію хозяй-

---

[1]) „Я считаю величайшей заслугой Рикардо, что онъ впервые выставилъ это понятіе относительной заработной платы, хотя, къ сожалѣнію, какъ его друзья, такъ и противники не съумѣли примѣнить его къ дальнѣйшей работѣ, и самъ Рикардо сдѣлалъ изъ него неправильное употребленіе, придерживаясь даже взгляда, что заработная плата постоянно растетъ какъ доля продукта, такъ какъ его исходными посылками были теорія земельной ренты и убѣжденіе въ уменьшающейся преизводительности земледѣлія". Zur Beleuchtung der socialen Frage, I, стр. 38. Нельзя не признать поэтому чрезвычайно страннымъ замѣчаніе Бернштейна, будто „Родбертусъ никогда не утверждалъ, что онъ внесъ что-либо новое въ ученіе о законѣ заработной платы; онъ воспринялъ его отъ своихъ предшественниковъ; его собственныя изслѣдованія относятся къ другой области". Эд. Бернштейнъ. Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма. Спб. 1902. Статья „Къ вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы", стр. 24.

ственнаго уклада человѣческаго общества, и слѣдовательно могъ надлежащимъ образомъ оцѣнить характеръ и значеніе динамическихъ прецессовъ въ экономическихъ отношеніяхъ. И при всемъ томъ, предложенная имъ теорія заработной платы не идетъ далѣе частичнаго исправленія и развитія положеній, установленныхъ Рикардо. Виною этому была ограниченность круга наблюденій надъ современнымъ Родбертусу положеніемъ рабочаго класса. Въ характеристикѣ условій опредѣленія заработной платы для отдѣльнаго рабочаго, данной Рикардо и другими представителями теоріи средствъ существованія, Родбертусъ видѣлъ совершенно правильное выраженіе существенныхъ чертъ капиталистическаго строя, который онъ могъ непосредственно наблюдать только въ его ранней стадіи, на границѣ перехода отъ стараго режима. Поэтому, открывая свое изслѣдованіе общественнаго дохода блестящимъ анализомъ его состава и связи съ развитіемъ раздѣленія труда и юридическими условіями капиталистическаго строя (частная собственность на землю и капиталъ), Родбертусъ вскорѣ возвращается къ оставленному было пути, проложенному Рикардо.

Родбертусъ рѣшительно высказывается противъ взгляда на заработную плату какъ на валовой доходъ общества. Подобно прибыли и рентѣ, заработная плата входитъ въ составъ чистаго дохода общества, обезпечивая собою такое же пользованіе результатами уже выполненнаго хозяйственнаго процесса, какое прибыль и поземельная рента (или по терминологіи Робертуса рента вообще) даютъ владѣльцамъ земли и капитала. Предметы, потребляемые рабочими, не есть капиталъ, затрачиваемый ради будущихъ производственныхъ цѣлей, а просто средство удовлетворенія потребностей, ради которыхъ ранѣе велось производство. Съ этой точки зрѣнія Родбертусу легко было раскрыть основную ошибку теоріи фонда, отъ которой, какъ было показано выше, не былъ свободенъ и Рикардо[1]). Но разрѣшая съ такой ясностью и въ полномъ соотвѣтствіи съ своей основной точ-

[1]) Подробно объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ.

кой зрѣнія затемненный предшествовавшими спорами вопросъ объ источникѣ заработной платы, Родбертусъ не подвергаетъ столь же обстоятельному пересмотру вопросъ о ея размѣрахъ, принимая безъ дальнѣйшей критики ученіе Рикардо, что заработная плата, приходящаяся на отдѣльнаго рабочаго, имѣетъ тенденцію оставаться всегда на одномъ уровнѣ. Исходя изъ этого ученія, которое, какъ увидимъ ниже, Родбертусъ формулируетъ даже съ бо́льшей строгостью, чѣмъ Рикардо, онъ строитъ и свою извѣстную теорію о постепенномъ убываніи доли рабочаго класса въ общемъ доходѣ страны. Здѣсь Родбертусъ расходится съ Рикардо; но разница въ устанавливаемыхъ ими положеніяхъ не принципіальная, а объясняется просто различіемъ взгляда на характеръ техническаго развитія производства въ капиталистическую эпоху. Мы видѣли, что въ современномъ ему хозяйственномъ строѣ Рикардо занимала по преимуществу одна черта, представлявшаяся ему основной для выясненія отношеній между общественными классами—растущая трудность добыванія земледѣльческаго продукта. Родбертусъ же сосредоточилъ вниманіе на другой сторонѣ вопроса. Какъ долженъ вліять техническій прогрессъ, несомнѣнно совершающійся въ капиталистическихъ странахъ, на сравнительные размѣры долей, получаемыхъ различными классами при распредѣленіи національнаго дохода? Рикардо подходилъ уже и къ этому вопросу (въ главѣ о машинахъ); но онъ не придавалъ ему большого значенія для защищаемыхъ имъ основныхъ положеній теоріи распредѣленія. Между тѣмъ, становясь на его точку зрѣнія, т. е. допуская, что реальная заработная плата всегда остается неизмѣнной, необходимымъ дальнѣйшимъ логическимъ шагомъ должно было быть признаніе, что главной тенденціей капиталистическаго развитія представляется постепенное уменьшеніе доли дохода рабочихъ въ общей массѣ національнаго продукта. Вѣдь если благодаря постояннымъ техническимъ усовершенствованіямъ общая сумма національнаго продукта возрастаетъ, а рабочіе не имѣютъ никакой возможности соотвѣтственно повысить свою реальную плату, т. е. совокупность предметовъ ихъ

потребленія, то ясно, что они совершенно не пользуются выгодами техническаго прогресса, которыя цѣликомъ захватываются привиллегированными классами капиталистическаго общества. На этомъ выводѣ и настаивалъ Родбертусъ, у котораго не возникало никакихъ сомнѣній въ правильности положенія Рикардо, что при капиталистическомъ строѣ заработная плата тяготѣетъ къ минимуму средствъ существованія [1]). Это убѣжденіе естественно вытекало у Родбертуса изъ признанія крайней беззащитности рабочихъ передъ произволомъ хозяевъ. „Если въ обществѣ, говоритъ онъ, существуетъ частная собственность на землю и капиталъ и раздѣленіе труда предоставлено при этомъ самому себѣ, то распредѣленіе національнаго продукта происходитъ въ формѣ мѣнового оборота. При такихъ условіяхъ доли рабочихъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ въ національномъ продуктѣ опредѣляются не общественной предусмотрительностью, не разумнымъ общественнымъ закономъ, а предоставлены вліянію нерегулируемаго мѣнового оборота, такъ называемымъ „естественнымъ" общественнымъ законамъ. Отъ шансовъ рынка зависитъ, какъ велика должна быть доля каждаго класса въ національномъ продуктѣ. Распредѣленіе же національнаго продукта по „естественнымъ"

---

[1]) „Я вообще нахожу, пишетъ онъ во второмъ „соціальномъ письмѣ къ Кирхману", что всѣ выдвинутыя до сихъ поръ теоріи не выяснили соціальнаго значенія ни поземельной ренты, ни прибыли на капиталъ, ни заработной платы... Поэтому я утверждаю, что она (его собственная теорія) является лишь послѣдовательнымъ проведеніемъ положенія, введеннаго въ науку Смитомъ и еще глубже обоснованнаго школой Рикардо,—что всѣ товары съ хозяйственной точки зрѣнія представляются исключительно продуктами труда, стоятъ только труда"... Согласно этой теоріи пауперизмъ и торговые кризисы возникаютъ въ силу одной и той же причины, а именно: „Если обращеніе предоставлено самому себѣ при распредѣленіи національнаго продукта, то извѣстныя условія, связанныя съ развитіемъ общества, будутъ имѣть своимъ результатомъ, что при повышающейся производительности общественнаго труда плата рабочихъ классовъ становится все меньшей частью національнаго продукта". Schriften von D-r Karl Rodbertus-Jagetzow, Bd. II. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Theil I, 2-te Aufl. Berlin. 1899, стр. 36—37.

законамъ мѣнового оборота приводитъ къ тому, что при повышающейся производительности труда плата рабочаго становится все меньшей долей продукта. Если бы рабочіе даже знали, насколько производительнѣе становится ихъ трудъ, то ихъ экономическое положеніе все равно не позволило бы имъ настаивать на вознагражденіи ихъ труда соотвѣтственно его производительности. У нихъ, наоборотъ, всего сильнѣе тѣ мотивы, которые побуждаютъ къ продажѣ ихъ блага — труда, и такимъ образомъ наивысшее хозяйственное благо, принципъ всѣхъ продуктовъ, приравнивается къ обыкновенному и довольно дешевому товару. Рабочіе владѣютъ многими часами труда, но ничѣмъ больше, и противъ нихъ борются поэтому при мѣновыхъ сдѣлкахъ прежде всего ихъ собственный голодъ и страданія ихъ семействъ. Поэтому они легко приступаютъ къ продолженію работы, если только вымѣниваемое возмѣщеніе прекращаетъ ихъ наиболѣе тяжелыя лишенія, если оно имѣетъ только такіе размѣры, чтобы дать имъ силу для дальнѣйшей работы, т. е. если съ помощью (условленной) работы можно и дальше прекращать такія наиболѣе тягостныя лишенія. Только, если заработная плата будетъ имѣть еще меньшіе размѣры (что часто наблюдается въ дѣйствительности), если она будетъ такъ мала, что рабочіе при продолженіи ихъ труда должны какъ бы прибавлять частицы ихъ тѣлесной силы,—они отказываются работать и предпочитаютъ красть, руководясь глубокимъ естественнымъ инстинктомъ, что при такихъ отношеніяхъ нравственныя условія общественнаго существованія уже нарушены и притомъ противъ нихъ. Мѣрой же, прекращающей такія наиболѣе тягостныя лишенія, является количество продукта, а не доля его, и при томъ въ періодъ жизни рабочаго въ одной и той же странѣ и въ среднемъ для временъ года приблизительно одинаковое количество. Если поэтому трудъ становится производительнѣе, если одинаковое количество труда создаетъ больше продукта, если, слѣдовательно, равное количество продукта представляетъ меньшее количество труда и вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ меньшую относительную долю во всемъ продуктѣ,—то оче-

видно, что такъ какъ указанные мотивы къ обмѣну господствуютъ у рабочихъ, то при повышающейся производительности труда плата за него должна становиться все меньшей долей продукта" [1]).

Въ развитіи общества, продолжаетъ Родбертусъ, сюда присоединяются еще новыя основанія, усиливающія мотивы рабочихъ сбывать свой трудъ за его „цѣну издержекъ" (Kostenpreis). „Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ больше въ ней индивидуальная свобода, тѣмъ въ большей мѣрѣ при обмѣнѣ, предоставленномъ самому себѣ, рабочіе оказываются вынужденными работать „дешево", потому что въ тѣмъ большей мѣрѣ трудъ приравнивается здѣсь къ товару, подлежащему закону конкуренціи и при томъ неблагопріятной конкуренціи; въ тѣмъ большей мѣрѣ предприниматели оказываются въ состояніи „давать трудъ наименѣе требовательному". Какъ будто бы предприниматели давали, а не получали трудъ!... Въ... новыхъ колоніяхъ... (обладающихъ) искусствомъ и капиталомъ старой цивилизаціи, полной политической свободой, скуднымъ населеніемъ и богатой и находящейся въ избыткѣ почвой,— конечно, эти законы, давящіе на заработную плату, представляются модифицированными, но ихъ дѣйствіе только откладывается на время, такъ какъ здѣсь въ данный моментъ конкуренція оказывается бдагопріятной рабочимъ. Въ условіяхъ метрополій, гдѣ... нѣтъ такой богатой, находящейся въ избыткѣ сравнительно съ населеніемъ, почвы; гдѣ рабочіе классы никогда не стояли на уровнѣ, на который они сразу становятся въ колоніяхъ; гдѣ, кромѣ того, вышедши изъ вѣковой зависимости, они перенесли и въ свободное состояніе духъ подчиненности и привычку къ скудному существованію, гдѣ сейчасъ же послѣ ихъ освобожденія условія возрастанія населенія и производительности обратились противъ нихъ [2])..... тамъ полная свобода работника едва ли имѣла другое дѣйствіе на заработную плату, чѣмъ какое

[1]) Zur Beleuchtung der socialen Frage I, стр. 64—73.

[2]) Къ этому мѣсту Родбертусъ присоединяетъ примѣчаніе, что въ данномъ отношеніи Англія составляетъ исключеніе среди европей-

оказываютъ улучшенныя средства сообщенія на цѣну товара, и безъ того уже пониженную конкуренціей,—она только еще болѣе расширяетъ предложеніе труда, и еще больше понижаетъ его „цѣну“ [1]).

Взглядъ Родбертуса на заработную плату, такимъ образомъ, опирался на наблюденіе не новыхъ условій существованія рабочихъ, созданныхъ капиталистическимъ строемъ, а пережитковъ ихъ историческаго прошлаго. Рабочій представлялся ему все время еще въ состояніи весьма близкомъ къ крѣпостничеству, если даже не къ рабству [2]). Такой от-

скихъ государствъ. Здѣсь трудящіеся классы были свободны еще передъ революціей, а потому англійскій рабочій классъ долгое время успѣшно боролся противъ указанныхъ законовъ. Но это время, прибавляетъ Родбертусъ, давно прошло.

[1]) Zur Beleuchtung I, стр. 73—74. Интересно отмѣтить отношеніе Родбертуса къ желѣзному закону Лассаля. Въ своемъ отвѣтѣ Комитету германскаго союза рабочихъ въ Лейпцигѣ Родбертусъ прямо заявляетъ, что Лассаль въ своемъ „открытомъ письмѣ“ такъ хорошо охарактеризовалъ этотъ законъ, dass darüber kein Wort mehr zu verlieren ist, но тотчасъ же переходитъ къ своей излюбленной мысли, которой и дополняетъ формулировку Лассаля: „Но легко видѣть, какое ужасное послѣдствіе этотъ законъ долженъ имѣть вообще для общества, если успѣхи сельскаго хозяйства, индустріи (Fabrikation) и торговли увеличиваютъ богатство націи. Если вы, работники, всегда будете оставаться при приблизительно одинаковомъ доходѣ, то увеличивающееся національное богатство должно увеличивать только богатство другихъ владѣющихъ классовъ. Отсюда очевидно вытекаетъ, что матеріальное разстояніе между нашими общественными классами должно становиться все больше“ и т. д. Rodbertus, Offener Brief an das Komitee des deutschen Arbeitsverein zu Leipzig, въ собраніи соч. Лассаля, II, стр. 2—3. Зато, въ отличіе отъ Лассаля, Родбертусъ не только не смѣшивалъ теоріи фонда съ собственнымъ ученіемъ, но наоборотъ рѣзко нападалъ на нее (см. объ этомъ въ слѣд. главѣ).

[2]) Но даже и въ крѣпостное время положеніе различныхъ разрядовъ трудящейся массы не было одинаковымъ. Напр. въ средѣ дворовыхъ, говоритъ Салтыковъ въ „Пошехонской старинѣ“, мужской прислугѣ жилось все-таки сноснѣе. Ея было меньше, и она не скучивалась въ такой массѣ въ лакейской. Сверхъ того, она не металась безпрерывно передъ глазами, потому что услуги ея не такъ часто требовались, а въ большинствѣ и работа ея была заглазная (столяры, ткачи и пр.). Вдобавокъ, встрѣчались въ ея средѣ такія личности, которыя могли за себя по-

живавшій уже и въ его время типъ промышленнаго рабочаго Родбертусъ ставитъ въ своемъ разсужденіи въ обстановку современнаго техническаго прогресса индустріи, и потому неудивительно, что его выводъ оказывается ошибочнымъ. Интересно, что мысль о необходимости детальнаго изученія условій существованія современнаго промышленнаго рабочаго совершенно не возникала у Родбертуса; вопросъ же о соотношеніи долей общественнаго дохода онъ попытался подкрѣпить фактическимъ анализомъ, хотя и неудачно. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, такъ и оставшейся незаконченной, Родбертусъ воспользовался данными о распредѣленіи національнаго дохода Англіи Колькуна и Бакстера (1812 и 1867 г.г.), сравненіе которыхъ, какъ казалось ему, подтверждало его основную мысль [1]). Однако эту попытку нельзя считать сколько-нибудь серьезнымъ приложеніемъ статистическаго метода къ разсматриваемому вопросу, потому что данныя Колькуна въ высшей степени ненадежны, да и несравнимы съ данными Бакстера. Кромѣ того у Родбертуса, соотвѣтственно его общему взгляду на заработную плату, не возникало мысли о необходимости при статистическомъ анализѣ строгаго разграниченія различныхъ группъ и разрядовъ рабочаго населенія, чтобы не спутать результатовъ различныхъ причинъ, вліяющихъ на заработную плату. Въ суммарныхъ итогахъ дѣйствія различныхъ причинъ настолько переплетаются другъ съ другомъ, что изслѣдователь можетъ притти къ совершенно ошибочнымъ выводамъ, даже при наличности достаточно точнаго фактическаго матеріала. Если взять, напр., данныя объ общей суммѣ дохода, получаемой рабочими только одной текстильной промышленности и даже только однихъ взрослыхъ мужчинъ за первую половину XIX

стоять. Это тоже нельзя было не принять въ разсчетъ. Всѣхъ подъ красную шапку не отдашь: есть люди нужные, безъ которыхъ въ домѣ нельзя обойтись. Они-то именно и „грубятъ". Матушка на собственномъ горькомъ опытѣ убѣдилась въ этой истинѣ, и хотя большого труда ей стоило сдерживать себя, но она все-таки сдерживалась"... Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова, т. XII, Спб. 1895 г., стр. 291.

[1]) Zur Beleuchtung, II, стр. 86—87 и слѣд.

вѣка, то въ нихъ мы найдемъ смѣшеніе такихъ рѣзко противоположныхъ тенденцій, какъ постепенное повышеніе платы высшаго разряда фабричныхъ рабочихъ и крайнее паденіе заработка ручныхъ ткачей. За попыткой Родбертуса остается поэтому важное значеніе не по выводамъ, а въ методологическомъ отношеніи, какъ указаніемъ на желательность реалистическаго анализа вопроса о взаимоотношеніи частей общественнаго дохода.

Итакъ, теорія Родбертуса не дала тѣхъ результатовъ, какихъ можно было ожидать при его общей точкѣ зрѣнія на экономическія явленія и замѣчательной постановкѣ вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ заработной платой въ доходѣ общества. Старая экономическая система, на которую онъ обрушивается съ такой страстностью во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, оказалась сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и неожиданно возродилась въ его собственномъ ученіи. [1]) Та-же судьба постигла и теорію заработной платы, развитую Марксомъ въ его „Капиталѣ".

Въ основу ея и Марксъ положилъ классическую теорію средствъ существованія, развивая ее дальше, подобно Родбертусу (а можетъ быть, и слѣдуя ему) [1]), съ точки зрѣ-

[1]) Только въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ у Родбертуса замѣчаніе, указывающее на измѣненія, происшедшія къ концу его жизни въ его взглядахъ на положеніе рабочаго класса. Въ началѣ второй части „Zur Eklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes" Родбертусъ отмѣчаетъ громадную силу капитала, угрожающую дѣятельности государственнаго механизма. Онъ опасается, что капиталъ будетъ оказывать могущественное давленіе на дѣятельность государственной власти, которой не будетъ оказано сопротивленія, если въ соціальной жизни не окажется столь же могущественнаго противовѣса. Такой противовѣсъ, указываетъ онъ, могутъ создать ассоціаціи рабочихъ. Rodbertus. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2-te Aufl. Berlin 1893, стр. 81—82. Это признаніе значенія рабочихъ организацій не побудило его, однако, къ пересмотру его общей теоріи заработной платы.

[2]) Споръ о томъ, въ какой мѣрѣ Марксъ воспользовался въ „Капиталѣ" идеями Родбертуса, остается недостаточно выясненнымъ. Согласно заявленію Энгельса, сдѣланному въ предисловіи къ нѣмецкому изданію „Нищеты философіи", второе соціальное письмо къ Кирхману,

нія совершающагося въ капиталистическомъ обществѣ техническаго прогресса.

„Цѣнность рабочей силы, какъ и всякаго другого товара, говоритъ онъ въ первомъ томѣ „Капитала", опредѣляется количествомъ необходимаго рабочаго времени, требующагося для произведенія, а слѣдовательно и воспроизведенія этого специфическаго товара (Artikels). Какъ цѣнность, рабочая сила сама представляетъ лишь извѣстное количество воплощеннаго въ ней средняго общественнаго труда. Рабочая сила существуетъ только какъ свойство живого индивидуума. Слѣдовательно, производство ея предполагаетъ существованіе послѣдняго. Разъ дано существованіе индивидуума, то производство рабочей силы состоитъ въ его собственномъ воспроизведеніи или сохраненіи.... Сумма жизненныхъ средствъ должна быть достаточна для того, чтобы поддерживать трудящагося индивидуума какъ таковаго въ его нормальномъ жизненномъ состояніи. Сами естественныя потребности, каковы: пища, одежда, отопленіе, жилище и т. д. бываютъ различны, смотря по различію климатическихъ и другихъ естественныхъ особенностей страны. Съ другой стороны, объемъ такъ называемыхъ необходимыхъ средствъ существованія, такъ же какъ и способъ ихъ удовлетворенія, самъ является продуктомъ историческаго развитія и зависитъ, поэтому, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени культуры страны; между прочимъ весьма существенно и отъ того, подъ вліяніемъ какихъ условій, а потому съ какими привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ [1]). Такимъ образомъ, въ противопо-

---

въ которомъ Родбертусъ подробно излагаетъ свой взглядъ на заработную плату, было извѣстно Марксу до выхода въ свѣтъ перваго тома „Капитала". См. Das Elend der Philosophie. 3-te Aufl., Stuttgart 1895, стр. VI. Конечно, совпаденіе выводовъ обоихъ мыслителей могло и въ данномъ случаѣ происходить просто въ силу одинаковости отправныхъ пунктовъ разсужденія.

[1]) Это мѣсто подало поводъ Филипповичу заключить, что Марксъ не былъ сторонникомъ желѣзнаго закона. „Среди соціалистическихъ писателей, говоритъ названный авторъ, Марксъ никогда не

ложность другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы заключаетъ въ себѣ историческій и нравственный элементы. Однако, для извѣстной страны, въ теченіе извѣстнаго періода, всегда существуетъ опредѣленный средній уровень необходимыхъ средствъ существованія..... Собственникъ рабочей силы смертенъ. Слѣдовательно для того, чтобы появленіе его на рынкѣ было непрерывно, какъ того требуетъ непрерывное превращеніе денегъ въ капиталъ, продавецъ рабочей силы долженъ, такъ сказать, увѣковѣчить себя, „какъ увѣковѣчиваетъ себя каждый живой индивидуумъ, т. е. посредствомъ размноженія" (цитата изъ Петти). Рабочія силы, исчезающія съ рынка вслѣдствіе изнашиванія и смерти, должны постоянно замѣщаться по крайней мѣрѣ такимъ же количествомъ новыхъ рабочихъ силъ. Сумма необходимыхъ средствъ существованія, служащихъ для производства рабочей силы, заключаетъ въ себѣ поэтому также средства существованія и для ея замѣстителей, т. е. для дѣтей работниковъ, такъ что эта раса особенныхъ владѣльцевъ товара увѣковѣчивается на товарномъ рынкѣ. Для из-

былъ приверженцемъ ученія о желѣзномъ законѣ заработной платы Онъ всегда указывалъ, наоборотъ, на измѣнчивость высоты заработной платы и на то, что „объемъ такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, какъ и самый способъ нхъ удовлетворенія, сами оказываются историческимъ результатомъ, и поэтому большей частью зависятъ отъ степени культурности страны, а также и отъ того, среди какихъ условій и съ какими поэтому привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ". Филиппович ъ. Основанія политической экономіи. Спб. 1901, стр. 311. Однако, Марксъ указываетъ здѣсь лишь на разницу въ до-капиталистическихъ условіяхъ („подъ вліяніемъ какихъ условій образовался классъ свободныхъ работниковъ"); о томъ же, насколько привычный образъ жизни рабочихъ можетъ измѣняться къ лучшему въ самый періодъ капитализма, онъ не упоминаетъ. Напротивъ, взглядъ Маркса на дальнѣйшій ходъ капиталистическаго развитія безусловно совпадаетъ съ мнѣніемъ Родбертуса, что выгоды повышенія производительности труда достаются не рабочему, а капиталисту. Конечно, въ „Капиталѣ" мы не найдемъ уже столь рѣзкой формулировки, какъ въ „Нищетѣ философіи" или „Коммунистическомъ манифестѣ", но общій смыслъ положеній, защищаемыхъ въ этой части книги, остается прежнимъ.

мѣненія общечеловѣческой природы такимъ образомъ, чтобы она пріобрѣла ловкость и искуство (Geschick und Fertigkeit) въ извѣстной отрасли труда, требуется опредѣленное образованіе или воспитаніе, которое съ своей стороны стоитъ бо́льшей или меньшей суммы товарныхъ эквивалентовъ. Соотвѣтственно болѣе или менѣе сложному характеру рабочей силы, издержки ея подготовки различны. Эти издержки на обученіе, безконечно малыя для обыкновенной рабочей силы, слѣдовательно, также входятъ въ кругъ цѣнностей, израсходованныхъ для ея производства.... Послѣднюю или минимальную границу цѣнности рабочей силы образуетъ цѣнность такого количества товаровъ, безъ ежедневнаго доставленія которыхъ носитель рабочей силы, человѣкъ, не можетъ возобновлять свой жизненный процессъ, слѣдовательно--цѣнность физически необходимыхъ средствъ къ жизни. Если цѣна рабочей силы понизится до этого минимума, то она упадетъ ниже ея цѣнности, ибо при такихъ условіяхъ рабочая сила можетъ поддерживаться и развиваться только въ испорченномъ видѣ (in verkümmerten Form). Но цѣнность всякаго товара опредѣляется рабочимъ временемъ, какое требуется для того, чтобы доставлять его въ нормальномъ качествѣ (Güte). Было бы чрезвычайно дешевой сантиментальностью, добавляетъ Марксъ, находить грубымъ такое опредѣленіе цѣнности рабочей силы, вытекающее изъ существа дѣла" [1]....

„Существо дѣла", на которое здѣсь намекаетъ Марксъ, заключается въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, онъ принимаетъ, что всѣ работники лишены средствъ производства и вынуждены работать по найму у капиталистическихъ предпринимателей; что при договорѣ о наймѣ работникъ выступаетъ, какъ юридически свободная личность; что на этотъ договоръ оказываютъ вліяніе только потребности, желанія и интересы договаривающихся сторонъ, и что онъ заключается между

[1]) Karl Marx. Das Kapital. Kritik des Politischen Oekonomie. I Bd., 2-te Aufl., стр. 155—158.

единичнымъ предпринимателемъ и единичнымъ рабочимъ [1]). Во-вторыхъ, необходимымъ результатомъ техническаго прогресса промышленности при капиталистическомъ строѣ Марксъ считаетъ образованіе свободнаго запаса такихъ рабочихъ, которые всегда готовы работать за какую угодно плату, облегчая предпринимателямъ задачу пониженія платы до необходимаго минимума для всѣхъ вообще рабочихъ. На послѣднемъ условіи Марксъ останавливается съ особенною подробностью. Оно играетъ въ его выводахъ ту же роль, какую въ построеніи Рикардо занимаетъ законъ Мальтуса о населеніи. То, что для Рикардо представлялось результатомъ естественнаго движенія населенія, у Маркса вытекаетъ изъ особенностей соціальнаго развитія капиталистическаго періода. Усложненіе производственной техники приводитъ къ тому, что въ общемъ составѣ капитала доля, образующая, по терминологіи Маркса, его перемѣнную часть, имѣетъ тенденцію уменьшаться по сравненію съ постоянной; иначе говоря, спросъ на трудъ уменьшается по сравненію со спросомъ на мертвыя орудія производства. „Накопленіе капитала, говоритъ Марксъ, бывшее вначалѣ только количественнымъ расширеніемъ его, довершается... постояннымъ качественнымъ измѣненіемъ его строенія, непрерывнымъ увеличеніемъ постоянной его части на счетъ перемѣнной... Такъ какъ спросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а только его перемѣнной части, то, слѣдовательно, онъ прогрессивно падаетъ съ возрастаніемъ всего капитала, а не возрастаетъ въ соотвѣтствіи съ нимъ, какъ предполагалось прежде... Такимъ образомъ, производя накопленіе капитала, рабочее населеніе производитъ въ то же время въ возрастающемъ объемѣ средства созданія относительнаго избытка его самого. Это законъ прироста населенія, свойственный капиталистическому способу производства... Но если избыточное рабочее населеніе есть необходимый

---

[1]) Das Kapital, I, стр. 152—154 и 162 (извѣстное ироническое описаніе „сферы товарнаго обращенія" какъ „Эдема прирожденныхъ человѣческихъ правъ").

продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической почвѣ, то этотъ избытокъ населенія, въ свою очередь, становится рычагомъ капиталистическаго накопленія, даже условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Онъ образуетъ свободную резервную промышленную армію, столь же безусловно принадлежащую капиталу, какъ если бы онъ выростилъ ее на свой собственный счетъ. Для измѣняющихся потребностей приложенія капитала онъ создаетъ всегда готовый для эксплуатаціи человѣческій матеріалъ независимо отъ предѣловъ дѣйствительнаго прироста населенія" [1]).

Отсюда видно, что разница между ученіями Маркса и Рикардо относится къ характеристикѣ не окончательнаго результата, а способа его достиженія. Рикардо полагаетъ, что плата устанавливается на минимумѣ средствъ существованія послѣ колебаній вверхъ и внизъ, въ связи съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ всего рабочаго населенія. Теорія Маркса предполагаетъ наступленіе аналогичнаго результата безъ столь продолжительныхъ колебаній, такъ какъ резервная армія, въ качествѣ орудія пониженія платы до минимума, всегда оказывается на лицо. „Въ общемъ и цѣломъ, говоритъ Марксъ, общія колебанія рабочей платы регулируются исключительно расширеніемъ и сокращеніемъ промышленной резервной арміи, соотвѣтствующими смѣнѣ періодовъ промышленнаго цикла... Для современной промышленности, съ ея десятилѣтнимъ цикломъ и съ ея правильнымъ чередованіемъ періодовъ, которые, сверхъ того, съ возрастаніемъ населенія прерываются все чаще и чаще неправильными колебаніями, дѣйствительно былъ бы очень страннымъ такой законъ, который регулировалъ бы спросъ и предложеніе труда не расширеніемъ и сокращеніемъ капитала..., но, напротивъ того, ставилъ бы движеніе капитала въ зависимость отъ абсолютныхъ колебаній количества населенія. Таковъ, однако, догматъ экономистовъ"... [2]). „Эта

---

[1]) Das Kapital, I, стр. 653—656.

[2]) Das Kapital., стр. 662.

экономическая фикція смѣшиваетъ законы, которымъ подчиняется общее движеніе рабочей платы, или отношеніе между рабочимъ классомъ—т. е. всей суммой рабочихъ силъ—и всѣмъ общественнымъ капиталомъ, съ законами, распредѣляющими рабочее населеніе между отдѣльными отраслями производства. Когда, напримѣръ, вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ накопленіе въ какой-либо отрасли промышленности становится особенно сильнымъ, прибыль въ ней становится выше средней прибыли и потому привлекаетъ добавочный капиталъ,—то здѣсь, разумѣется, увеличивается какъ спросъ на трудъ, такъ и заработная плата. Высокая заработная плата привлекаетъ значительную часть рабочаго населенія въ благопріятствуемую отрасль производства до тѣхъ поръ, пока она не насытится рабочей силой, и тогда плата упадетъ опять до своего прежняго уровня, или даже ниже его, если наплывъ былъ очень силенъ. При этомъ не только прекращается наплывъ рабочихъ въ эту отрасль промышленности, но они даже уходятъ изъ нея. Здѣсь экономистъ видитъ, „гдѣ и какъ" при повышеніи платы происходитъ абсолютное возрастаніе рабочихъ, а при абсолютномъ возрастаніи числа рабочихъ—пониженіе платы; но въ дѣйствительности онъ видитъ лишь мѣстное колебаніе рабочаго рынка какой-нибудь особенной отрасли производства, онъ видитъ только явленія расредѣленія рабочаго населенія по различнымъ отраслямъ приложенія капитала, смотря по его измѣняющимся потребностямъ. Резервная промышленная армія или относительное избыточное населеніе, во время періода застоя или средняго благосостоянія (mittleren Prosperität), оказываетъ давленіе на дѣйствующую армію и обуздываетъ ея требованія во время періодовъ перепроизводства и пароксизмовъ. Слѣдовательно, относительное перенаселеніе представляетъ фонъ, на которомъ совершаетъ свои движенія законъ спроса и предложенія труда. Оно втискиваетъ дѣйствіе этого закона въ рамки, вполнѣ благопріятныя для жажды эксплуатаціи и властолюбія капитала" [3]).

[3]) Das Kapital, I, стр. 664.

Избыточное населеніе, помимо періодовъ кризиса и застоя, постоянно выступаетъ въ трехъ формахъ: текучей (въ фабричной промышленности), скрытой (въ земледѣліи) и неподвижной (рабочіе, не имѣющіе регулярныхъ занятій). Въ фабричной промышленности, по мнѣнію Маркса, избыточное населеніе образуется благодаря быстрому изнашиванію работниковъ, быстро замѣщаемыхъ свѣжими молодыми силами. Капиталъ требуетъ здѣсь большихъ массъ дѣтей и подростковъ и меньшихъ взрослыхъ... Въ земледѣліи, по мѣрѣ того какъ имъ овладѣваетъ капиталистическое производство, часть рабочихъ остается безъ занятій и вынуждена поэтому искать себѣ занятій въ неземлѣдельческихъ промыслахъ. Третья часть резервной арміи образуется изъ массы лицъ, не имѣющихъ регулярнаго заработка, условія жизни которыхъ ниже средняго уровня существованія рабочаго класса. Эти лица выбрасываются изъ крупной промышленности и земледѣлія, но въ особенности изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя вытѣсняются высшими формами производства. Кромѣ того, эта часть рабочаго населенія и физически размножается всего болѣе. Наконецъ, послѣдняя часть избыточнаго населенія слагается изъ пауперовъ. Понятно, что, благодаря постепенному уменьшенію перемѣнной доли въ составѣ общественнаго капитала, избыточное населеніе, по мнѣнію Маркса, должно возрастать вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго богатства... „Чѣмъ больше общественное богатство, функціонирующій капиталъ, объемъ и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше также и абсолютные размѣры рабочаго населенія и производительная сила его труда, тѣмъ больше и относительное избыточное населеніе или промышленная резервная армія. Свободный запасъ рабочей силы развивается благодаря тѣмъ же причинамъ, что и сила расширенія капитала. Такимъ образомъ, сравнительная величина резервной промышленной арміи возрастаетъ вмѣстѣ съ потенціальной энергіей богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія по сравненію съ активной рабочей арміей, тѣмъ обширнѣе становится консолидированное избыточное населеніе, или тѣ слои рабочихъ,

нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ трудовой мукѣ (Arbeitsqual). Наконецъ, чѣмъ больше группа лазарей въ рабочемъ классѣ и резервная промышленная армія, тѣмъ больше и оффиціальный пауперизмъ. Таковъ абсолютный, всеобщій законъ капиталическаго накопленія" [1]...

Таковы основныя причины, благодаря которымъ, по мнѣнію Маркса, рабочій при капиталистическомъ строѣ долженъ безпрекословно подчиняться усмотрѣнію предпринимателя. Предприниматель же совершенно не заинтересованъ въ улучшеніи положенія рабочихъ, такъ какъ у него имѣются въ рукахъ достаточно надежныя средства для повышенія ихъ трудовой энергіи внѣ общаго подъема ихъ физическихъ и моральныхъ силъ. Онъ держится еще принципа „экономіи низкой заработной платы" и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы реальный заработокъ рабочаго не превышалъ указанной выше необходимой нормы. Поэтому для увеличенія своей прибыли или прибавочной цѣнности, выжимаемой имъ изъ рабочихъ, капиталистъ-предприниматель можетъ пользоваться двумя путями. Во-первыхъ, онъ можетъ достигнуть удешевленія для себя денежныхъ затратъ на рабочую силу, направляя повышеніе производительности производства на тѣ отрасли промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ собою цѣнность рабочей силы, т. е. или прямо входятъ въ кругъ тѣхъ средствъ къ жизни, которыя необходимы работнику при существующихъ въ данное время въ рабочемъ классѣ обычаяхъ и привычкахъ, или же могутъ замѣнить собою эти средства [2]). Во-вторыхъ, онъ можетъ извлекать изъ рабочихъ больше труда, употребляя для этого разнообразныя средства соотвѣтственно даннымъ условіямъ промышленности и ходу его собственнаго предпріятія. Усовер-

[1]) Das Kapital, стр 666—670. Характерно, что въ видѣ иллюстраціи къ этимъ общимъ положеніямъ Марксъ беретъ только, для нормальнаго времени, по его же словамъ, сравнительно дурно оплачиваемые слои рабочаго класса, а лучше оплачиваемую часть лишь во время кризисовъ. См. Das Kapital, стр. 681—742.

[2]) Das Kapital, I, стр. 322.

шенствованія въ производствѣ, повышающія производительность труда, онъ устраиваетъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы присвоить себѣ всѣ проистекающія изъ этого выгоды. Сотрудничество, раздѣленіе труда, машинное производство, установленіе особенныхъ формъ расплаты съ рабочими,—все это только способы увеличенія прибавочной цѣнности. Марксъ отводитъ очень много мѣста характеристикѣ этихъ способовъ повышенія эксплуатаціи рабочихъ; но для выясненія хода его разсужденія достаточно отмѣтить только наиболѣе важные пункты.

Блестящій анализъ экономическаго значенія принципа сотрудничества Марксъ направляетъ къ доказательству мысли, что весь выигрышъ, создаваемый при сотрудничествѣ повышеніемъ производительности труда, достается капиталисту. Вѣдь капиталистъ - предприниматель покупаетъ у рабочаго его индивидуальную рабочую силу и оцѣниваетъ ее по ея индивидуальной производительности, а не какъ составной элементъ примѣняемаго имъ кооперативнаго процесса [1]). Введеніе машинъ понижаетъ расходы на заработную плату, открывая возможность примѣненія женскаго и дѣтскаго труда, и тѣмъ создавая новую трудовую единицу. На мѣсто индивидуальнаго работника становится семья. Раньше „цѣнность рабочей силы опредѣлялась не только тѣмъ рабочимъ временемъ, которое необходимо для содержанія отдѣльнаго взрослаго работника, но и тѣмъ, которое необходимо для содержанія рабочей семьи. Выбрасывая всѣхъ членовъ рабочей семьи на рынокъ труда, машины распредѣляютъ цѣнность рабочей силы мужчины среди всей его семьи. Поэтому машина обезцѣниваетъ его рабочую силу. Покупка, напримѣръ, рабочей семьи, слагающейся изъ 4-хъ рабочихъ силъ, стоитъ теперь можетъ быть больше, нежели прежде покупка рабочей силы главы семейства; но теперь вмѣсто одного рабочаго дня покупается 4, а цѣна его падаетъ соразмѣрно съ избыткомъ прибавочнаго труда 4-хъ человѣкъ надъ прибавочнымъ трудомъ одного. Четверо дол-

[1]) Das Kapital, I, стр. 242.

жны доставить капиталисту не только трудъ, но и прибавочный трудъ, чтобы одна семья могла жить. Такимъ образомъ, машины, увеличивая человѣческій матеріалъ, этотъ самый настоящій предметъ эксплуатаціи капитала, увеличиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и степень эксплуатаціи" [1]). Но и для каждаго отдѣльнаго работника съ введеніемъ машинъ количество выполняемой работы значительно возрастаетъ.

Сначала фабриканты стремятся къ удлинненію рабочаго дня; но когда наступаетъ „реакція со стороны общества, источнику жизни котораго оно угрожаетъ", т. е. законодательное ограниченіе рабочаго дня, они обращаются къ новому средству - увеличенію напряженности труда [2]). Этой цѣли капиталистическіе предприниматели достигаютъ съ одной стороны увеличеніемъ скорости машинъ и увеличеніемъ количества машинъ, при которыхъ работаетъ тотъ же рабочій, съ другой—формами расплаты (и глав. обр. поштучной платой).

При поштучной платѣ, говоритъ Марксъ, „качество труда контролируется самою работою, которая должна быть средняго достоинства, чтобы поштучная цѣна была оплачена вполнѣ. Съ этой стороны поштучная плата дѣлается обильнымъ источникомъ какъ вычетовъ изъ платы, такъ и капиталистическаго обмана. Она даетъ капиталисту совершенно опредѣленную мѣру интенсивности труда. Только то рабочее время считается за общественно-необходимое, которое воплощается въ количествѣ товара, опредѣленномъ заранѣе опытомъ, и какъ таковое оплачивается... Если у рабочаго нѣтъ средней производительной способности, и, слѣдовательно, если онъ не можетъ доставить минимума дневной работы, то его увольняютъ... При данной поштучной платѣ естественно, что личный интересъ работника побуждаетъ его напрягать по возможности интенсивно свою рабочую силу, что облегчаетъ капиталисту возможность повышать нормальную степень интенсивности труда. Точно также въ личный инте-

[1]) Тамъ же, стр. 412.

[2]) Тамъ же, стр. 421 и слѣд.

ресъ рабочаго входитъ удлинненіе рабочаго дня, такъ какъ при этомъ повышается его поденная и понедѣльная плата... Поштучная плата имѣетъ тенденцію, повышая индивидуальную рабочую плату выше средняго уровня, понизить этотъ самый уровень.... Поштучная плата есть форма рабочей платы, наиболѣе соотвѣтствующая капиталистическому способу производства... Поштучная плата понижается въ томъ же отношеніи, въ которомъ возрастаетъ количество единицъ товара, производимыхъ въ то же самое время, слѣдовательно, въ томъ же отношеніи, въ которомъ уменьшается рабочее время, потраченное на производство той же единицы товара" [1]).

Установленіе поштучной платы по расцѣнкамъ, желательнымъ для капиталиста, не встрѣчаетъ, по мнѣнію Маркса, серьезныхъ препятствій со стороны рабочихъ. Марксъ признаетъ, что столкновенія между хозяевами и рабочими происходятъ, но, замѣчаетъ онъ, „подобныя притязанія капиталъ устраняетъ съ сознаніемъ своего права, какъ грубое заблужденіе относительно природы наемнаго труда. Онъ возмущается противъ этихъ притязаній обложить налогомъ прогрессъ промышленности и заявляетъ на всѣ стороны (rundweg), что вообще производительность труда ничуть не касается рабочаго" [2]).

[1]) Das Kapital, I, 574 и слѣд.

[2]) Das Kapital, I, 582—583. Мысль, что производительность труда могла бы послужить факторомъ возвышенія заработной платы, естественно кажется Марксу нелѣпостью. Въ то время, когда Марксъ писалъ первый томъ Капитала, эта теорія и не была еще развита съ достаточной подробностью. Однако, въ главѣ XX-ой („національныя различія въ заработной платѣ"), онъ указываетъ на такое мнѣніе Кэри, отзываясь о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ о нелѣпомъ открытіи „человѣка съ изумительнымъ отсутствіемъ критической способности и низкопробной ученостью". „Кэри, говоритъ Марксъ, въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ экономическихъ сочиненій, именно въ „Очеркѣ нормы заработной платы" (Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World. Philadelfia, 1835) пытается доказать, что заработная плата у разныхъ народовъ находится въ прямомъ отношеніи къ

Этотъ безнадежный взглядъ, подкрѣпленный указанной выше теоріей избыточнаго населенія, Марксъ повторяетъ и въ концѣ книги: „Въ четвертомъ отдѣлѣ было показано, что всѣ способы повышенія общественной производительной силы труда въ капиталистической формѣ примѣняются за счетъ индивидуальнаго работника; что всѣ средства развитія производства превращаются въ средства эксплуатаціи производителя и господства надъ нимъ; что они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него часть человѣка (einen Theilmenschen); унижаютъ его до простого придатка машины; оставляя тяжесть труда, уничтожаютъ его содержаніе; отнимаютъ у работника духовную сторону процесса труда, въ той мѣрѣ какъ они овладѣваютъ наукой, какъ самостоятельною силою; дѣлаютъ все болѣе ненормальными условія, въ которыхъ онъ работаетъ; подчиняютъ его — во время рабочаго процесса — самому мелочному и ненавистному деспотизму; время его жизни обращаютъ въ рабочее время; жену и дѣтей его бросаютъ подъ Джаггернаутову колесницу капитала [1]). Но

степени производительности національнаго рабочаго дня, для того чтобы изъ этого международнаго отношенія вывести заключеніе, что заработная плата вообще повышается и понижается, сообразно производительности труда. Весь нашъ анализъ производства прибавочной цѣнности доказываетъ нелѣпость этого заключенія, даже если бы Кэри доказывалъ свои посылки, вмѣсто того чтобы, по своему обыкновенію, сбрасывать какъ попало въ одну кучу статистическіе матеріалы, собранные безъ всякой критики и поверхностно". Das Kapital, I, стр. 585 – 586.

[1]) Эта же мысль повторяется Марксомъ и въ третьемъ томѣ „Капитала". Во второмъ параграфѣ пятой главы перваго отдѣла, трактующей объ „экономіи въ приложеніи капитала", Марксъ разсматриваетъ „бережливость въ условіяхъ труда на счетъ рабочаго", т. е. непринятіе предохранительныхъ мѣръ для обезпеченія опасности, удобства и здоровья рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ, на фабрикахъ и при работахъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ вообще (включая сюда между прочимъ и sweated industries — портныхъ, швей и модистокъ). Общее заключеніе изъ приводимыхъ здѣсь фактовъ Марксъ формулируетъ такъ: „Капиталистическое производство, если мы его будемъ разсматривать отдѣльно, оставивъ притомъ въ сторонѣ обращеніе и преобладаніе конкуренціи, обращается крайне бережно съ трудомъ осуществленнымъ, съ трудомъ, овеществленнымъ въ товарѣ. Напротивъ того, оно больше,

всѣ способы производства прибавочной цѣнности суть въ то же время способы накопленія, а каждое расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго, какова бы ни была его плата (Zahlung), ухудшается. Наконецъ, законъ, по которому относительное избыточное населеніе или резервная промышленная армія постоянно находятся въ равновѣсіи съ размѣромъ и силою накопленія, приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ соотвѣтственное накопленію капитала накопленіе нищеты. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ является въ то же время накопленіемъ нищеты, тяжести труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственной деградаціи на другомъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала" [1]).

Наконецъ, въ извѣстномъ мѣстѣ о процессѣ перехода капиталистическаго строя въ новую, высшую форму экономической организаціи Марксъ опять повторяетъ, что развитіе капитализма приноситъ съ собою только ухудшеніе условій существованія рабочаго класса. „Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, растетъ масса нищеты, гнета, порабощенія,

чѣмъ какой-нибудь иной способъ производства, является расточителемъ людей, живого труда, расточителемъ не только живого труда, расточителемъ не только мускуловъ и крови, но также нервовъ и мозга. Въ дѣйствительности развитіе человѣчества вообще обезпечивается и совершается въ тотъ періодъ исторіи, который непосредственно предшествуетъ сознательному переустройству человѣческаго общества, только благодаря чудовищному расточенію индивидуальнаго развитія. Такъ какъ вся экономія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, возникаетъ изъ общественнаго характера труда, то въ дѣйствительности какъ разъ этотъ непосредственно общественный характеръ труда производитъ расточеніе жизни и здоровья рабочихъ"... „Капиталъ", т. III, Спб. 1896, стр. 55—55.

[1]) Das Kapital, I, стр. 671—672.

деградаціи, но также и возмущеніе рабочаго класса, постоянно увеличивающагося и обученнаго, объединеннаго и организованнаго самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства" [1]).

Такимъ образомъ, и въ „Капиталѣ" Марксъ остался вѣренъ своему прежнему взгляду на условія установленія заработной платы, сложившемуся у него еще въ 40-хъ г.г. Онъ доводитъ его здѣсь до послѣднихъ предѣловъ логическаго развитія, сходясь съ Родбертусомъ въ признаніи безполезности для трудящихся классовъ совершающагося въ капиталистическомъ обществѣ техническаго прогресса. Для обоснованія и всесторонняго освѣщенія этой мысли Марксъ пускаетъ въ дѣло свой громадный запасъ свѣдѣній по экономической исторіи Англіи, въ которомъ онъ не имѣлъ соперниковъ среди всѣхъ современныхъ ему экономистовъ. Но самая глубина знанія условій экономической дѣйствительности, которая сообщаетъ, повидимому, такую силу и блескъ аргументамъ въ пользу „теоріи обнищанія", послужила и естественнымъ коррективомъ противъ крайности вывода, защищаемаго Марксомъ, заставивъ его внести въ свое изложеніе цѣлый рядъ оговорокъ. И если самъ Марксъ, подавленный величіемъ воздвигнутаго имъ теоретическаго зданія, не могъ правильно оцѣнить значенія указанныхъ имъ фактовъ, противорѣчащихъ „теоріи обнищанія", то онъ во всякомъ случаѣ облегчилъ работу его преемникамъ. Къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ экономистовъ, которые считаютъ себя болѣе другихъ призванными продолжать разработку вопросовъ, поднятыхъ Марксомъ, предпочитаютъ повторять безъ всякой критики всѣ рѣшительно выводы Маркса, стараясь во чтобы то ни стало отстоять „теорію обнищанія", истолковывая въ благопріятномъ для нея смыслѣ противорѣчащія ей указанія „Капитала". Между тѣмъ эти противорѣчія Маркса особенно знаменательны. Они подтверждаютъ еще разъ справедливость его знаменитой фразы: „Moi, je ne suis pas Marxiste". Помимо нѣкото-

---

[1]) Das Kapital, I, стр. 793.

рыхъ характерныхъ обмолвокъ, объясняемыхъ оцѣнкой крупныхъ различій въ положеніи различныхъ разрядовъ рабочаго населенія Англіи [1]), вся часть „Капитала", посвященная характеристикѣ англійскаго фабричнаго законодательства, рѣзко противорѣчитъ „теоріи обнищанія", указывая на значительныя колебанія Маркса между старыми идеями „Коммунистическаго манифеста" и „Нищеты философіи" и впечатлѣніями, навѣянными новѣйшимъ развитіемъ англійской экономической жизни. Вотъ напр., какъ характеризуетъ Марксъ источникъ регулированія продолжительности труда въ VIII главѣ перваго тома „Капитала" („Рабочій день"): „Мы видимъ, что, оставляя въ сторонѣ совершенно эластическіе предѣлы, изъ самой природы обмѣна товаровъ не вытекаетъ никакой границы рабочаго дня, а слѣдовательно— никакой границы и для прибавочнаго труда. Поэтому, капиталистъ только осуществляетъ право, принадлежащее ему, какъ покупателю, когда онъ старается удлиннить рабочій день насколько это возможно, и даже если можно сдѣлать изъ одного рабочаго дня два дня. Съ другой стороны, особенная природа проданнаго товара предполагаетъ извѣстный предѣлъ для потребленія этого товара покупателемъ; а потому работникъ, стараясь постоянно свести рабочій день на извѣстную нормальную величину, отстаиваетъ только свое

[1]) Напр., сказавъ, что „трудъ, являющійся по отношенію къ среднему общественному труду какъ болѣе сложный, трудъ болѣе высокаго качества—есть ничто иное, какъ проявленіе рабочей силы, которая требовала большихъ издержекъ на обученіе, производство которой стоитъ большаго количества рабочаго времени, и т. д.,—Марксъ присоединяетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе: „Различіе между трудомъ простымъ и трудомъ болѣе высокаго качества, между „unskilled" и „skilled labour", основывается отчасти на простыхъ иллюзіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, на такихъ особенностяхъ, которыя уже давно перестали быть реальными, а продолжаютъ существовать только вслѣдствіе традиціоннаго признанія; частью же различіе это основано на болѣе безпомощномъ положеніи извѣстныхъ слоевъ рабочаго класса, которое позволяетъ имъ въ меньшей степени, чѣмъ другимъ, вынуждать оплачивать цѣнность ихъ рабочей силы (den Werth ihrer Arbeitskraft zu ertrotzen)" (курсивъ мой). Das Kapital, I, стр. 186.

право, какъ продавецъ. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь антиномію, право противъ права, причемъ оба они одинаково санкціонированы закономъ обмѣна товаровъ. Но въ борьбѣ двухъ одинаковыхъ правъ дѣло рѣшаетъ сила. Поэтому въ исторіи капиталистическаго производства установленіе нормальнаго рабочаго дня является борьбою за предѣлы рабочаго дня между классомъ капиталистовъ и коллективнымъ работникомъ, т. е. рабочимъ классомъ" [1]). (Курсивъ мой).

Въ другомъ мѣстѣ: „Не говоря уже о рабочемъ движеніи, принимавшемъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грозные размѣры (курсивъ мой), ограниченіе фабричнаго труда диктовалось точно такою же необходимостью, которая разлила гуано по англійскимъ полямъ. Та же слѣпая хищническая жадность, которая въ одномъ случаѣ истощала землю, въ другомъ подрывала въ самомъ корнѣ жизненную силу націи. Періодическія эпидеміи свидѣтельствовали объ этомъ съ такою же ясностью, какъ въ Германіи и во Франціи уменьшающійся ростъ солдатъ" [2]).

„Какъ только рабочій классъ, оглушенный шумомъ производства, пришелъ до извѣстной степени снова въ себя, началось его сопротивленіе и прежде всего на родинѣ крупной промышленности, въ Англіи" [3]).

И дальше: „1846 и 1847 г.г. составляютъ эпоху въ экономической исторіи Англіи. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, ввозныхъ пошлинъ на хлопчатую бумагу и другіе сырые матеріалы, провозглашеніе свободы торговли путеводною звѣздою законодательства! Словомъ, наступило тысячелѣтнее царствіе. Съ другой стороны, чартистское движеніе и десятичасовая агитація въ эти же самые годы достигли своего наивысшаго предѣла. Они нашли себѣ союзниковъ въ тори, дышавшихъ местью. Несмотря на фанатическое сопроти-

[1]) Das Kapital, I, стр. 226—227.
[2]) Das Kapital, I, 231.
[3]) Das Kapital, I, 279.

вленіе нарушившихъ свои обѣщанія приверженцевъ свободной торговли съ Брайтомъ и Кобденомъ во главѣ, десятичасовой билль, предметъ столь долгихъ стремленій, прошелъ чрезъ парламентъ" [1]).

„Исторія регулированія рабочаго дня въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства и борьба, продолжающаяся еще до сихъ поръ изъ-за такого регулированія въ другихъ отрасляхъ, осязательно показываютъ намъ, что на извѣстной ступени капиталистическаго производства отдѣльный работникъ, какъ „свободный" продавецъ своей рабочей силы, поддается безъ сопротивленія. Созданіе нормальнаго рабочаго дня составляетъ поэтому продуктъ долговременной болѣе или менѣе замаскированной гражданской войны между рабочимъ классомъ и классомъ капиталистовъ. Такъ какъ такая борьба открывается въ области новѣйшей индустріи, то она разыгрывается впервые на ея родинѣ, въ Англіи. Англійскіе фабричные работники были передовыми бойцами не только за англійскій рабочій классъ, но и за весь современный рабочій классъ вообще; все равно какъ ихъ теоретики первые бросили вызовъ теоретикамъ капитала".

Наконецъ, Марксъ заключаетъ весь отдѣлъ о рабочемъ днѣ слѣдующими словами: „Для защиты противъ гидры, терзающей ихъ (gegen die Schlange ihren Qualen), работники должны сложить свои головы вмѣстѣ и, дѣйствуя какъ классъ, вынудить изданіе государственнаго закона, могучаго общественнаго препятствія, которое помѣшало бы имъ самимъ продавать путемъ добровольнаго договора съ капиталомъ на смерть и рабство себя и свое потомство. На мѣсто пышнаго каталога „неотчуждаемыхъ правъ человѣка" выступаетъ здѣсь скромная „Magna Charta" ограниченнаго закономъ рабочаго дня, которая „объясняетъ, наконецъ, когда оканчивается время, проданное работникомъ, и когда начинается время, принадлежащее ему самому. Quantum mutatur ab illo"! [2]).

[1]) Das Kapital, I, 285.

[2]) Das Kapital, I, стр. 307—308. Въ адресѣ Интернаціонала, составленномъ Марксомъ въ 1864 году, значеніе десятичасового билля

Однако, всѣ эти замѣчанія Маркса, обнаруживающія еще разъ его необыкновенную наблюдательность, остались простымъ механическимъ придаткомъ къ теоретической системѣ, изложенной въ „Капиталѣ". Если ихъ исключить изъ текста, то онъ только выигралъ бы въ стройности и послѣдовательности развитія основныхъ положеній. Марксъ былъ не въ силахъ отказаться отъ своего прежняго взгляда, сложившагося подъ вліяніемъ Рикардо и раннихъ критиковъ капиталистическаго строя и подкрѣпленнаго самостоятельнымъ изученіемъ начальнаго періода капитализма. Съ этимъ взглядомъ тѣсно связывалась у него и общая съ многими мыслителями первой половины XIX ст. вѣра въ предстоящій въ ближайшемъ будущемъ коренной соціальный переворотъ. Устремляя взоръ къ этому желанному свѣтлому будущему, Марксъ склоненъ былъ мрачнѣе смотрѣть на настоящее. Нѣкоторыя измѣненія къ лучшему въ положеніи рабочаго класса не ускользнули отъ его вниманія, и онъ отмѣтилъ ихъ; но они не могли послужить толчкомъ къ пересмотру основныхъ посылокъ, на которыхъ были построены его выводы относительно тенденцій, присущихъ капиталистическому развитію. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ посы-

характеризуется въ еще болѣе горячихъ выраженіяхъ. „Послѣ тридцатилѣтней, веденной съ удивительной настойчивостью борьбы англійскіе рабочіе классы.... провели десятичасовой билль. Значительныя физическія, моральныя и интеллектуальныя выгоды, возникшія благодаря этому для рабочихъ.... теперь всѣми признаны.... Но удивительный успѣхъ этой мѣры имѣлъ не только практическое значеніе.... Борьба за законодательное ограниченіе рабочаго времени разражалась съ тѣмъ большей силой, что она была не только угрозой для своекорыстія, но и прямымъ вмѣшательствомъ въ великую борьбу между слѣпыми нормами законовъ спроса и предложенія, которые составляютъ политическую экономію буржуазіи, и производствомъ, регулируемымъ общественнымъ контролемъ, образующимъ содержаніе политической экономіи рабочаго класса. Поэтому десятичасовой билль былъ не только крупнымъ практическимъ успѣхомъ; онъ былъ побѣдой принципа: въ первый разъ при свѣтѣ яснаго дня политическая экономія буржуазіи потерпѣла пораженіе отъ политической экономіи рабочаго класса". Aus dem literarischen Nachlass, III, стр. 280—281.

локъ были приняты Марксомъ отъ классической школы и противорѣчили его общему міросозерцанію. Онѣ неожиданно воскрешали индивидуалистическую точку зрѣнія тамъ, гдѣ ей, казалось бы, совершенно не оставалось мѣста. Особенно важный ущербъ выводамъ Маркса наносило отрицаніе значенія рабочихъ союзовъ [1]). Склонный видѣть въ ихъ дѣя-

[1]) Въ „Капиталѣ" Марксъ не ставитъ самостоятельнаго вопроса о значеніи рабочихъ союзовъ. И даже его случайныя замѣчанія относительно нихъ чрезвычайно кратки и неопредѣленны. Напр. въ третьемъ параграфѣ двадцать третьей главы перваго тома Марксъ высказывается какъ бы въ благопріятномъ смыслѣ объ ихъ усиліяхъ улучшить положеніе рабочихъ, но не дѣлаетъ изъ этого никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. „...Когда рабочіе, говоритъ онъ, начинаютъ проникать въ тайну того, почему ровно постольку, поскольку они больше работаютъ, производятъ больше чужого богатства и производительная сила ихъ труда возрастаетъ,—даже ихъ функція созидателей цѣнности для капитала становится для нихъ все болѣе шаткой; когда они открываютъ, что степень интенсивности конкуренціи между ними самими зависитъ вполнѣ отъ давленія относительнаго избытка населенія; когда наконецъ они, посредствомъ трэдъ-юніоновъ и т. д., пытаются организовать планомѣрную совмѣстную дѣятельность между имѣющими и неимѣющими работу съ цѣлью сломить или ослабить разрушительное вліяніе этого естественнаго закона капиталистическаго производства на ихъ классъ,—то капиталъ и его сикофантъ—политико-экономъ—подымаютъ вопль о нарушеніи „вѣчнаго" и, такъ сказать, „священнаго" закона спроса и предложенія. Всякое соединеніе имѣющихъ и неимѣющихъ работу именно нарушаетъ „чистую" игру этого закона". Das Kapital, I, стр. 665—666. Но если буржуазный экономистъ питалъ вражду къ рабочимъ союзамъ во имя охраны основъ капиталистическаго развитія въ томъ видѣ, какой они имѣли въ его начальный періодъ, то Марксъ относился къ нимъ равнодушно въ виду предстоящаго коренного обновленія общества. Поэтому, даже и не отрицая полезнаго значенія ихъ дѣятельности для положенія рабочихъ при капиталистическомъ строѣ, онъ не считалъ его настолько крупнымъ, чтобы оправдывать принятую ими политику, и ставилъ имъ, по его мнѣнію, болѣе важную задачу—политическую борьбу за новый общественный строй. Вотъ напр. нѣкоторыя изъ заключеній его рѣчи, произнесенной 20 іюня 1865 г. въ засѣданіи Совѣта Международной Ассоціаціи Рабочихъ противъ одного изъ членовъ Совѣта, англійскаго делегата Вестона, защищавшаго теорію фонда заработной платы: „Общая тенденція капиталистическаго производства заключается совсѣмъ не въ повышеніи, а въ уменьшеніи средней величины нормальной заработной платы. Трэдъ-юніоны оказываютъ полезное дѣйствіе, какъ

тельности даже въ случаѣ успѣха лишь ничтожный палліативъ, ничего не измѣняющій по существу въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими, Марксъ не оцѣнилъ новой черты, вносимой ими въ установленіе заработной платы,— замѣны единоличнаго договора коллективнымъ. Вводя въ свою теоретическую схему положенія, что производство принимаетъ при капитализмѣ общественный характеръ, что самый процессъ капиталистическаго развитія объединяетъ и организуетъ рабочихъ,—Марксъ всегда предполагаетъ единоличное заключеніе сдѣлки, разсматривая вопросъ о договорѣ по поводу заработной платы. Упущеніе изъ вида такого важнаго условія не могло, конечно, не отразиться на его выводахъ относительно тенденціи заработной платы [1]). Достаточно взять хотя бы только вопросъ о вліяніи формъ расплаты на размѣры дѣйствительнаго заработка рабочаго, чтобы убѣдиться, насколько неблагопріятно отражалось на выводахъ Маркса непринятіе въ расчетъ этого условія. Въ

центръ сопротивленія противъ захватовъ капитала. Ихъ частный недостатокъ заключается въ томъ, что они дѣлаютъ недостаточно осмотрительное употребленіе изъ той силы, какою они располагаютъ. Ихъ общій недостатокъ—что они ограничиваются партизанской войной противъ результатовъ существующаго режима, вмѣсто того, чтобы попробовать въ то же самое время измѣнить его, воспользоваться своими организованными силами какъ ферментомъ окончательнаго освобожденія рабочаго класса, т. е. уничтоженія наемнаго труда". Karl Marx. Salaires, prix, profits. trad. par Ch. Longuet. Paris 1899, стр. 103—104.

[1]) Въ настоящее время коллективный договоръ составляетъ общее правило въ крупной промышленности Англіи. Распространеніе его находилось въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ трэдъ-юніонизма; но необходимо отмѣтить, что онъ широко примѣняется даже и въ неорганизованныхъ отрасляхъ промышленности. „Точной статистики по этому предмету не существуетъ, но наше впечатлѣніе таково, что во всѣхъ областяхъ промышленности, которыя занимаютъ квалифицированныхъ рабочихъ, работающихъ совмѣстно въ помѣщеніяхъ предпринимателей,—у 90% рабочихъ высота заработной платы или длина рабочаго дня, а часто и многія другія условія предопредѣлены коллективными сдѣлками. Лично эти рабочіе не принимали никакого участія въ этихъ сдѣлкахъ, но ихъ интересы защищали представители ихъ класса". С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, I, стр. 141.

поштучной платѣ Марксъ видѣлъ одинъ изъ способовъ усиленной эксплуатаціи рабочихъ, такъ же какъ и въ другихъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ промышленной организаціи, примѣняемыхъ въ эпоху капитализма. Если исходить изъ понятія единоличнаго договора, то дѣйствительно нельзя не признать, что установленіе поштучной платы имѣетъ своей главной тенденціей доставлять выгоды капиталистамъ въ ущербъ рабочимъ. Принимая же въ расчетъ коллективное заключеніе сдѣлки, обставленное всѣми гарантіями, выработанными долгимъ опытомъ и упорной борьбой, необходимо приходится заключить, что для тѣхъ рабочихъ, которые примѣняютъ въ своихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ этотъ принципъ, поштучная плата можетъ и не угрожать повышеніемъ ихъ эксплуатаціи. Наблюденіе дѣйствительныхъ случаевъ установленія заработной платы показываетъ, что иногда поштучная плата оказывается даже болѣе выгодной для рабочихъ, чѣмъ плата по времени, если только есть на лицо указанныя гарантіи коллективнаго договора. Многіе могущественные трэдъ-юніоны Англіи прямо настаиваютъ на поштучной платѣ [1]). Въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности, гдѣ трудъ однообразенъ и поддается точному учету, англійская практика создала нормальныя росписанія поштучной платы, примѣненіе которыхъ обезпечиваетъ рабочимъ пользованіе выгодами, получаемыми отъ повышенія напряженности труда. Многія изъ такихъ росписаній являются результатомъ продолжительныхъ переговоровъ между организаціями хозяевъ и рабочихъ и часто распространяютъ свое дѣйствіе на болѣе обширное поле, чѣмъ

[1]) По свѣдѣніямъ, приводимымъ супругами Веббъ, изъ всѣхъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ, имѣющихъ болѣе 1000 членовъ, за исключеніемъ союзовъ необученныхъ рабочихъ и рабочихъ въ транспорной промышленности, настаиваютъ на поштучной платѣ 49 съ 573,000 членовъ, а безусловно высказываются противъ нея—38 съ 290,000 членовъ. Союзовъ же, допускающихъ въ различныхъ отдѣлахъ ихъ и поштучную плату, и плату по времени, насчитывается 24 съ 140.000 членовъ. Въ группѣ союзовъ, настаивающихъ на поштучной платѣ, оказываются наиболѣе могущественные трэдъ-юніоны Англіи, именно—углекоповъ и рабочихъ хлопчатобумажныхъ производствъ. С. и Б. Веббъ, Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, I, стр. 228—231.

кругъ дѣйствительныхъ членовъ этихъ организацій. Нормальныя росписанія поштучныхъ платъ существуютъ въ формѣ „росписаній для мастерскихъ" (shop lists), „мѣстныхъ росписаній" (local lists) и „всеобщихъ" (uniform lists), причемъ иногда происходитъ постепенное поглощеніе росписаній, имѣющихъ болѣе узкій районъ примѣненія, росписаніями, распространяющимися на болѣе широкій кругъ предпріятій. Такую исторію имѣло, напр., знаменитое Ольдгэмское росписаніе поштучной платы прядильщиковъ, составленное по соглашенію между ассоціаціями рабочихъ и предпринимателей въ январѣ 1876 года, и которое въ 1893 году примѣнялось къ выдачѣ платы 10,000 прядильщиковъ изъ 18,500 всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ союзу (Amalgamated Society of Cotton Spinners) [1]. Росписаніе предполагаетъ всегда опредѣленную среднюю норму работы (напр. по Ольдгэмскому росписанію за основаніе принята прядильная машина, дѣлающая три оборота (draws) въ 63 дюйма въ 50 секундъ), всякія отклоненія отъ которой должны отражаться и въ видѣ соотвѣтствующихъ измѣненій въ заработной платѣ. Для опредѣленія количества выработаннаго продукта принимается также опредѣленная единица (напр. у прядильщиковъ плата опредѣляется или по длинѣ, или по вѣсу выпряденной пряжи). Предприниматель не можетъ поэтому пользоваться по произволу измѣненіемъ размѣра или скорости движенія машинъ, потому что каждое такое измѣненіе автоматически приводитъ за собой и измѣненія въ заработной платѣ [2]. Самое примѣненіе росписаній предпо-

[1]) Board of trade. Labour Department. Report on wages and hours of labour. Part II. Standard piece rates. London, 1894, стр. IX—X и 1. Въ этомъ чрезвычайно цѣнномъ изданіи приведенъ рядъ такихъ росписаній, примѣняющихся въ одиннадцати важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности.

[2]) Standard piece rates, стр. 2—11. „Агенты трэдъ-юніоновъ не только не возстаютъ противъ поштучной работы, а напротивъ въ указанныхъ отрасляхъ промышленности преобладающая часть трэдъ-юніонистской организаціи, включающая самыхъ способныхъ и самыхъ вліятельныхъ должностныхъ лицъ, создана спеціально для того, чтобы имѣть дѣло съ росписаніями штучной платы. Окружные делегаты котельщи-

лагаетъ сложную систему контроля со стороны рабочихъ, располагающихъ въ лицѣ своихъ постоянныхъ представителей спеціально подготовленнымъ для этого персоналомъ.

Итакъ, выводъ Маркса о постоянномъ тяготѣніи заработной платы къ обычной нормѣ средствъ существованія противорѣчилъ дѣйствительнымъ условіямъ установленія заработной платы у значительной части трудящагося населенія, потому что онъ былъ основанъ просто на убѣжденіи въ беззащитности единичнаго рабочаго передъ произволомъ предпринимателя. Но онъ былъ не вполнѣ вѣренъ и по отношенію къ единичному рабочему. Выше намъ не разъ уже приходилось упоминать, что сторонники теоріи средствъ существованія вообще не видѣли возможности подъема заработной платы въ зависимости отъ повышенія производительности труда. Положеніе Рикардо, что между заработной платой и прибылью существуетъ безусловный антагонизмъ, т. е. что всякое повышеніе заработной платы должно имѣть своимъ результатамъ сокращеніе прибыли, принимаетъ и

ковъ, секретари рабочихъ хлопчатобумажнаго производства, оцѣнщики (investigators) у рабочихъ на сапожныхъ и башмачныхъ фабрикахъ, контролеры при взвѣшиваніи у углекоповъ—всѣ они посвящаютъ всю свою жизнь урегулированію вознагражденія на основаніа росписанія штучной платы... Одного руководящаго агента рабочихъ въ бумагопрядильномъ производствѣ спросили, почему онъ противъ повременной платы. Онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, только система штучной платы спасла эту отрасль промышленности отъ безобразій sweating. По его объясненію, работа бумагопрядильщика различается по интенсивности (и по количеству получаемаго продукта) въ зависимости отъ числа веретенъ, за которыми онъ наблюдаетъ, отъ быстроты хода машинъ, т. е. отъ условій, стоящихъ внѣ контроля рабочаго. Посредствомъ введенія мюлей, снабженныхъ увеличеннымъ числомъ веретенъ, посредствомъ постояннаго ускоренія хода машинъ,—количество работы, падающей на работника, постоянно, хотя часто и незамѣтно, возрастаетъ. Если бы онъ получалъ плату по часамъ или по днямъ, то ему пришлось бы, для сохраненія той же нормы вознагражденія за исполненную работу, изслѣдовать ежедневно, насколько именно ускоренъ ходъ машины, и постоянно требовать прибавокъ къ своей повременной платѣ. При такомъ порядкѣ предприниматель непремѣнно увеличивалъ бы количество работы быстрѣе, чѣмъ размѣръ платы.—При системѣ платы по количе-

Марксъ. Въ психологіи предпринимателя ему рисуется только одно---никогда не замолкающее—стремленіе захватить въ свои руки все, что создается рабочими сверхъ покрытія ихъ необходимѣйшихъ потребностей. Уступить кое-что сверхъ этого въ надеждѣ на то, что такая повышенная плата впослѣдствіи окупится съ лихвою,—по мнѣнію Маркса, нормальный предприниматель не въ состояніи. Между тѣмъ и въ то время, когда Марксъ писалъ первый томъ „Капитала", какъ показываютъ напримѣръ соч. Брассея [1]), такіе предприниматели уже появлялись, а болѣе широкому распространенію идеи о связи подъема заработной платы съ повышеніемъ производительности труда сильно способствовали принудительные опыты, въ видѣ фабричнаго законодательства и давленія профессіональныхъ союзовъ. Были попытки и теоретической постановки этого вопроса; но онѣ не только не побудили Маркса къ исправленію установленныхъ имъ выводовъ, но даже не вызвали съ его стороны желанія

ству выпряденной пряжи, рабочій автоматически извлекаетъ выгоду изъ всякаго увеличенія числа веретенъ или ихъ быстроты. Сохраняется полное однообразіе въ нормѣ вознагражденія для всѣхъ рабочихъ и для всѣхъ фабрикъ. Если въ процессъ работы вводится какое-либо улучшеніе, уменьшающее трудъ рабочаго, то задача измѣненія нормы заработной платы падаетъ на предпринимателя. Вслѣдствіе этого бумагопрядильщикъ вполнѣ защищенъ посредствомъ своихъ росписаній штучной платы отъ принужденія больше работать безъ прибавки платы. Нашли даже желательнымъ добровольно уступать предпринимателямъ часть проистекающей изъ этого выгоды, понижая норму заработной платы при увеличеніи числа веретенъ; такимъ образомъ трэдъ-юніонъ поощряетъ предпріимчивыхъ фабрикантовъ къ введенію улучшеній. О томъ же свидѣтельствуетъ опытъ бумаготкачей. Работа ткачей зависитъ отъ рода матеріи, причемъ требуется сложный расчетъ числа „выходовъ" челнока и пр. При повременной платѣ ткачи оказались бы при всякой работѣ, кромѣ самой простой, въ полной зависимости отъ предпринимателя. Посредствомъ же росписаній штучныхъ платъ, очень сложныхъ и полныхъ техническихъ деталей, достигается строгое соотвѣтствіе между всякимъ увеличеніемъ труда и измѣненіемъ вознагражденія. Только такая система и можетъ обезпечить одинаковый уровень заработной платы". С. и Б. Веббъ. Теорія и практика трэдъ-юніонизма, I, стр. 231—242.

[1]) Подробно объ этомъ см. ниже, въ главѣ о теоріи производительности.

подвергнуть ихъ обстоятельному критическому разбору. Извѣстные Марксу защитники теоріи производительности отчасти были сильно скомпрометтированы въ его глазахъ пристрастнымъ отношеніемъ къ интересамъ буржуазіи (Сеньоръ, Кэри); отчасти же—не внушали большого довѣрія къ ихъ теоретической проницательности благодаря рѣзко выраженному утопическому настроенію (Роб. Овэнъ).

Выше было уже указано, что убѣжденіе въ беззащитности рабочихъ основывалось у Маркса на ученіи о „резерной промышленной арміи". И здѣсь, однако, Марксъ, горячо оспаривая классическую доктрину, незамѣтно становится на ея точку зрѣнія. Справедливо обвиняя классиковъ, что они чрезмѣрно упрощали проблему, отожествляя теорію предложенія труда съ общимъ „закономъ населенія", Марксъ самъ грѣшитъ аналогичнымъ недостаткомъ, принимая, что „резервная армія" оказываетъ одинаковое давленіе на всѣ разряды рабочихъ. Дѣлая шагъ впередъ по сравненію съ классической школой внесеніемъ въ изслѣдованіе вопроса о предложеніи труда правильной исторической перспективы, онъ довольствуется этимъ и не находитъ нужнымъ продолжить анализъ обстоятельнымъ изученіемъ состава рабочаго класса въ данный періодъ. Въ этомъ и заключался существенный пробѣлъ въ построеніи Маркса, указывающій еще разъ на близость его теоретической системы къ классической доктринѣ, для которой рабочіе представлялись въ видѣ однородной массы. Въ дѣйствительности же и предложеніе труда происходитъ при различныхъ условіяхъ для различныхъ разрядовъ рабочихъ. Рабочія группы обладаютъ неодинаковой степенью сопротивляемости всякаго рода неблагопріятнымъ вліяніямъ и въ томъ числѣ и давленію резервной арміи. Конкуренція инородныхъ элементовъ, всегда готовыхъ сбить цѣну труда, для высшихъ разрядовъ англійскихъ рабочихъ устраняется постановкой цѣлаго ряда задерживающихъ плотинъ, препятствующихъ наплыву дешевыхъ рукъ въ защищаемую ими отрасль промышленности. „Общія правила", поддерживаемыя законодательнымъ вмѣшательствомъ, гарантируютъ значительному числу англій-

скихъ рабочихъ сохраненіе ихъ платы на установившемся уровнѣ и возможность дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія ея. Фактъ подъема заработной платы квалифицированныхъ англійскихъ рабочихъ, въ настоящее время никѣмъ уже не оспариваемый, находитъ себѣ объясненіе въ значительной степени въ этихъ спеціальныхъ охранительныхъ мѣрахъ, спасавшихъ англійскаго рабочаго отъ произвола и хищничества хозяевъ. Наоборотъ, давленіе резервной арміи, оказываемое на низшіе, вообще наиболѣе беззащитные слои англійскаго рабочаго населенія, повидимому, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній становится все сильнѣе. Однако если эти разряды трудящейся арміи безсильны оградить себя собственными средствами, то по мѣрѣ демократизаціи общественнаго строя на помощь имъ начинаетъ приходить государство. Особенно интересныя явленія въ данномъ отношеніи можно наблюдать въ австралійскихъ колоніяхъ (см. ниже).

Но если въ вопросѣ о давленіи резервной арміи на заработную плату другихъ рабочихъ Марксъ воспроизводилъ нивеллирующую точку зрѣнія старой экономической школы, то и въ ученіи объ условіяхъ происхожденія резервной арміи онъ также употребляетъ пріемы, сильно напоминающіе методъ Рикардо и даже теоретиковъ фонда. Марксъ становится здѣсь на опасный путь простого сравненія количественныхъ отношеній, который приводилъ къ столь многимъ заблужденіямъ въ развитіи экономической теоріи. Справедливо указывая на измѣненіе, по его терминологіи, „органическаго строенія" капитала, въ смыслѣ все растущей замѣны его „перемѣнной" части „постояннымъ" капиталомъ, Марксъ дѣлаетъ отсюда, безъ всякихъ промежуточныхъ ступеней, окончательный выводъ, что положеніе рабочихъ должно ухудшиться, такъ какъ спросъ на трудъ имѣетъ тенденцію сокращаться. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Марксъ подводитъ итогъ своей характеристикѣ вліянія развитія машиннаго производства на рабочихъ, полемизируя съ „безстыдными" утвержденіями экономистовъ-апологетовъ буржуазнаго режима.

„Освобождаются не только тѣ рабочіе, которыхъ непосредственно вытѣснила машина, но также и ихъ замѣстители (Ersatzmannschaft) и добавочный контингентъ, регулярно поглощаемый при обычномъ расширеніи дѣла на его старомъ базисѣ. Не старый капиталъ освобождается для рабочихъ, а работники освобождаются для „добавочнаго" капитала. Это значитъ, слѣдовательно, что механизмъ капиталистическаго производства заботится о томъ, чтобы абсолютный приростъ капитала не сопровождался соотвѣтствующимъ повышеніемъ общаго спроса на трудъ. И это апологетъ называетъ вознагражденіемъ за нищету, страданія и возможную гибель вытѣсненныхъ работниковъ во время переходнаго періода, который изгоняетъ ихъ въ промышленную резервную армію! Спросъ на трудъ не тождественъ съ возрастаніемъ капитала; предложеніе труда не тождественно съ возрастаніемъ рабочаго класса въ томъ смыслѣ, что двѣ независимыя другъ отъ друга силы (Potenzen) вліяли бы одна на другую. Les dès sont pipès. Капиталъ одновременно дѣйствуетъ на обѣихъ сторонахъ. Если, съ одной стороны, накопленіе его увеличиваетъ спросъ на трудъ, то съ другой —оно увеличиваетъ предложеніе рабочихъ посредствомъ ихъ „освобожденія", между тѣмъ какъ въ то же время давленіе тѣхъ, которые не имѣютъ занятія, заставляетъ имѣющихъ работу выжимать изъ себя больше труда, т. е., до извѣстной степени, дѣлаетъ независимымъ предложеніе труда отъ предложенія рабочихъ. Движеніе закона спроса и предложенія труда на этомъ базисѣ завершаетъ деспотизмъ капитала" [1]).

Какъ ни справедливы упреки, направляемые Марксомъ по адресу экономистовъ, оптимистически смотрѣвшихъ на развитіе машиннаго производства, тѣмъ не менѣе и его собственный тезисъ вызываетъ противъ себя серьезныя возраженія. Марксъ не анализируетъ подробно характера промышленныхъ измѣненій, лишающихъ рабочихъ занятія, интересуясь только ихъ конечными результатами. Между тѣмъ вопросъ

[1]) Das Kapital, I, стр. 665.

о темпѣ развитія и распространенія техническихъ усовершенствованій имѣетъ большое значеніе для выясненія дѣйствительныхъ измѣненій въ спросѣ на трудъ, порождаемыхъ машиннымъ производствомъ. Наблюденіе надъ развитіемъ англійской промышленности, напр., показываетъ, что даже при радикальныхъ измѣненіяхъ въ производственной техникѣ распространеніе ихъ среди соотвѣтственныхъ промышленныхъ предпріятій представляетъ медленный процессъ сравнительно съ подвижностью труда [1]); а съ другой стороны—замѣчается тенденція постепеннаго уменьшенія такихъ крупныхъ изобрѣтеній по сравненію съ мелкими техническими усовершенствованіями, преобразующими способы производства постепенно, путемъ ряда послѣдовательныхъ приращеній. По словамъ Никольсона, въ Англіи ежегодно реги-

[1]) „Мы имѣемъ примѣръ радикальнаго измѣненія въ паровой машинѣ. Патентъ Уатта на „методъ уменьшенія потребленія пара и топлива въ огневыхъ машинахъ" (fire engines) былъ опубликованъ 5 января 1769 г., а можно сказать, что движеніе въ сторону замѣны паромъ другихъ двигательныхъ силъ еще не прекратилось. Каждый день мы слышимъ о томъ, что примѣненіе пара распространено на какое-нибудь новое занятіе, или какой-нибудь глухой округъ. Исторія механическаго ткацкаго станка также показываетъ, что распространеніе изобрѣтенія происходитъ сравнительно медленно. Въ 1813 году работало не болѣе 2,400 механическихъ станковъ. Въ 1820 году число ихъ возросло до 14,150. Въ 1853 году ихъ было 100,000. Но замѣчательно, что въ это время количество ручныхъ станковъ скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось... Какъ бы ни была высока (промышленная) организація общества, измѣненія радикальнаго характера встрѣчаются съ значительнымъ сопротивленіемъ. Тамъ требуются издержки, тамъ необходимо преодолѣть чьи-либо матеріальные интересы, тамъ (мѣшаютъ) привычки и предразсудки потребителей, а болѣе всего—отъ капиталиста требуется разумное отношеніе къ дѣлу (intelligence). Что измѣненіе наступитъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но что оно будетъ двигаться медленно и давать рабочимъ время найти другое занятіе,—не менѣе вѣрно. Измѣненіе будетъ прежде всего принято какимъ-нибудь предпріимчивымъ капиталистомъ въ центрѣ района съ высоко развитой конкуренціей, и оттуда станетъ постепенно распространяться на предпріятія менѣе компетентныхъ хозяевъ въ болѣе отдаленныхъ округахъ". J. S. Nicholson. The Effects of Machinery on Wages. London 1892. стр. 34—37.

стрируется не менѣе 5000 патентовъ на изобрѣтенія, имѣющія почти цѣликомъ характеръ „minor discoveries“ [1]).

Также не подтверждается дѣйствительнымъ развитіемъ машиннаго производства и положеніе Маркса, что введеніе машинъ приводитъ къ упрощенію и слѣдовательно, удешевленію труда. Оно было подсказано наблюденіемъ развитія англійской текстильной промышленности въ первую половину XIX вѣка, которое вообще оставило глубокій слѣдъ на теоретической системѣ, созданной Марксомъ. Дѣйствительно, въ текстильной промышленности указанный Марксомъ процессъ происходилъ въ широкихъ размѣрахъ. Но на ряду съ нимъ, также въ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ капиталистическаго развитія, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности шло усложненіе труда. Стоитъ вспомнить, напр., о промышленности, наиболѣе тѣсно связанной съ машиннымъ производствомъ, именно, изготовленіи самыхъ машинъ, чтобы видѣть, какъ сильно развивается при капиталистическомъ строѣ и приложеніе искуснаго и высоко-оплачиваемаго труда, имѣющаго кромѣ того въ своемъ распоряженіи превосходную профессіональную организацію и защищеннаго фабричнымъ законодательствомъ. „Въ противоположность тому, говоритъ Никольсонъ, чего можно было ожидать a priori, опытъ свидѣтельствуетъ, что въ цѣломъ теперь требуется гораздо больше искусства (far greater skill), чѣмъ прежде. На это указываетъ значеніе, придаваемое теперь техническому образованію,—значеніе, какое никогда не чувствовалось раньше... М-ръ Скоттъ Россель (авторъ книги „Systematic Technical Education“)... перечисляетъ въ трехъ таблицахъ классы, для которыхъ систематическое образованіе представляется промышленной необходимостью. Въ первой таблицѣ, въ которой образованіе можетъ быть названо профессіональнымъ, помѣщены 25 подклассовъ, во второй—мы имѣемъ ихъ 21, въ третьей—18. Въ послѣднихъ двухъ включены почти всѣ отрасли промышленности нашей страны“ [2]).

[1]) Nicholson, указ. соч., стр. 38—39.

[2]) Nicholson, указ. соч., стр. 90—91. Относительно преобразованія въ составѣ рабочихъ въ смыслѣ усиленія ихъ высшихъ разрядовъ см.

Но что всего болѣе ослабляетъ значеніе выводовъ Маркса по вопросу о вліяніи машиннаго производства на положеніе рабочихъ,—это игнорированіе и въ данномъ случаѣ профессіональной организаціи, особенно сильной въ отрасляхъ промышленности, пользующихся широкимъ примѣненіемъ машинъ. Марксъ, положившій всю свою жизнь на объединеніе и организацію рабочаго класса въ политическихъ цѣляхъ, по странному недоразумѣнію не ожидалъ ничего цѣннаго отъ ихъ экономической организаціи, увѣренный, подобно большинству экономистовъ его времени, что въ капиталистическомъ строѣ предприниматель является неограниченнымъ властелиномъ судьбы рабочихъ.

Но если въ 60-хъ гг. XIX в. можно было еще скептически относиться къ попыткамъ рабочихъ сбросить съ себя иго деспотизма капиталистическихъ предпринимателей, то въ настоящее время побѣды „промышленной демократіи" не могутъ уже вызывать никакихъ сомнѣній. И тѣмъ не менѣе нѣкоторые послѣдователи Маркса и до сихъ поръ продолжаютъ настаивать на правильности выдвинутой ихъ учителемъ „теоріи обнищанія" [1]).

также въ указанномъ выше рефератѣ Гиффена о прогрессѣ рабочихъ классовъ въ Англіи.

[1]) Энгельсъ, надолго пережившій своего друга, вынужденъ былъ подобно ему признать существованіе въ капиталистическомъ строѣ тенденцій развитія, противорѣчащихъ „желѣзному закону" и „теоріи обнищанія". Но и онъ не рѣшился отказаться въ принципѣ отъ идей, которыя онъ защищалъ съ ранней молодости, и ограничился также только частичными оговорками. Въ предисловіи къ 2-му изданію „Die Lage der arbeitenden Klasse" (1892) онъ заявляетъ, что положеніе фабричныхъ рабочихъ и рабочихъ, организованныхъ въ крупные трэдъ-юніоны, значительно улучшилось съ 1848 года, но присоединяетъ къ этому, что „die grosse Masse der Arbeiter" находится теперь на такой же ступени, какъ прежде, если даже не ниже. Самый подъемъ высшихъ слоевъ рабочаго класса онъ считаетъ весьма непрочнымъ, обусловленнымъ монопольнымъ положеніемъ Англіи на міровомъ рынкѣ, которое къ восьмидесятымъ годамъ уже сильно пошатнулось. Поэтому онъ привѣтствуетъ политическое пробужденіе англійскаго рабочаго класса, обнаружившееся къ началу 90-хъ годовъ, и обѣщаетъ ему, въ связи съ политическими движеніями континентальныхъ рабочихъ (во Франціи и Германіи), бле-

Лучшимъ защитникомъ Verelendungstheorie является теперь Каутскій, который пытается примирить ее съ фактомъ подъема передовыхъ слоевъ рабочаго населенія. Однако, всѣ старанія этого, во многихъ отношеніяхъ осторожнаго и внимательнаго изслѣдователя, направленныя на гальванизированіе давно уже отжившей теоріи, неизбѣжно остаются безплодными.

Каутскій старается изложить это ученіе съ возможной полнотой. „Verelendungstheorie", по его словамъ, можетъ имѣть три значенія, тѣсно связанныхъ и взаимно дополняющихъ другъ друга,—1) какъ констатированіе двухъ взаимно противоположныхъ тенденцій—одной къ подавленію, другой—къ подъему пролетаріата; 2) въ смыслѣ роста „соціальной нищеты", т. е. неудовлетворенія не физическихъ, а соціальныхъ потребностей, и 3) въ смыслѣ болѣе быстраго увеличенія сравнительно съ другими классами общества класса пролетаріевъ, бѣдствующаго и порабощеннаго. Разсматривая каждое изъ этихъ указываемыхъ Каутскимъ значеній „теоріи обнищанія", нельзя не поражаться амальгамой разнородныхъ принциповъ, принимаемыхъ Каутскимъ. Съ одной стороны онъ дѣлаетъ крупныя уступки критикамъ теоріи обнищанія, а съ другой — продолжаетъ повторять утвержденія, утрачивающія уже всякій смыслъ, разъ сдѣланы эти уступки. Обратимся къ первому изъ указанныхъ значеній. Въ капиталистическомъ обществѣ, указываетъ Каутскій, постоянно существуетъ тенденція къ обнищанію, но дѣйствіе ея преодолѣвается сознательной борьбой пролетаріевъ за свои интересы. Что же остается при такомъ толкованіи отъ Verelendungstheorie? Если дѣйствіе тенденціи обнищанія преодолѣвается, то, очевидно, что она далеко не

стящее будущее въ смыслѣ подготовки Zusammenbruch'a. Die Lage der arbeitenden Klasse, 2-te Aufl, стр. XIX—XXVI. Въ примѣчаніи къ выше цитированному мѣсту изъ „Elend der Philosophie" (изданіе 1895 г.) Энгельсъ заявляетъ о своемъ полномъ согласіи съ ученіемъ Маркса, развитомъ имъ въ отдѣлѣ о „покупкѣ и продажѣ рабочей силы" и въ главѣ XXIII („общій законъ капиталистическаго накопленія") перваго тома „Капитала". Das Elend der Philosophie, 3-te Aufl, стр. 24.

имѣетъ того угрожающаго значенія, какое признавалъ за нею Марксъ. Но сдѣлавъ такую крупную уступку, Каутскій сейчасъ же вводитъ въ свое разсужденіе мысли, совершенно не вяжущіяся съ нею. Напр., онъ отмѣчаетъ, что среди капиталистовъ существуютъ своего рода „бѣлые вороны", сознающіе, что хорошая заработная плата и короткое рабочее время дѣлаютъ трудъ производительнѣе. Но, прибавляетъ онъ, этимъ ихъ стремленіе къ созданію обнищанія не устраняется. Именно эти фабриканты и вводятъ болѣе усовершенствованныя машины, вытѣсняющія рабочихъ и замѣняющія высшія рабочія силы низшими [1]). Здѣсь Каутскій неожиданно забываетъ о тѣхъ самыхъ условіяхъ, значеніе которыхъ онъ призналъ, говоря объ успѣшномъ преодолѣніи тенденціи къ подавленію пролетаріата. Фактъ существованія „бѣлыхъ вороновъ" въ глазахъ организованныхъ рабочихъ вовсе не представляется особенно отраднымъ явленіемъ, на которое можно возлагать большія надежды, потому что преобладаютъ все-таки черные. Рабочіе направляютъ свои усилія не на то, чтобы воспользоваться благодѣяніями бѣлыхъ вороновъ, а чтобы парализовать вредныя стремленія черныхъ. А эти стремленія парализуются тѣмъ самымъ средствомъ, въ которомъ Каутскій видитъ губительное оружіе противъ рабочихъ въ рукахъ „бѣлыхъ вороновъ" именно, постепеннымъ техническимъ прогрессомъ, контролируемымъ рабочими организаціями. Устанавливая напр. свои росписанія поштучной платы, рабочіе ставятъ и бѣлыхъ и черныхъ вороновъ въ одинаковое положеніе, извлекая для себя извѣстныя выгоды изъ примѣняемыхъ техническихъ улучшеній, и побуждая предпринимателей къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ.

Второе изъ указываемыхъ Каутскимъ значеній Verelendungstheorie представляется весьма натянутымъ толкованіемъ ученія Маркса, несомнѣнно говорящаго и о физической ни-

[1]) Karl Kautsky. Bernstein und das socialdemokratische Programm. Stuttgart 1899, стр. 115—116.

щетѣ [1]). Но и самое изображеніе контраста между образомъ жизни буржуа и пролетарія, шаблонно повторяемое Каутскимъ, давно уже устарѣло. Отрицаніе высокаго культурнаго прогресса рабочаго класса представляется въ высшей степени страннымъ въ устахъ руководящаго члена партіи, служащей нагляднымъ примѣромъ высокаго уровня политическаго развитія рабочаго класса не только по сравненію съ его недавнимъ состояніемъ, но и съ уровнемъ гражданскаго самосознанія буржуазіи. Не менѣе ясны успѣхи просвѣщенія и даже эстетическаго развитія рабочаго класса [2]). Къ увеличенію соціальной нищеты Каутскій относитъ опять-таки безъ всякой критической повѣрки удлинненіе рабочаго дня, быстрое истощеніе рабочаго, благодаря повышенію ин-

---

[1]) Каутскій пользуется здѣсь даже филологичаской интерпретаціей текста Маркса. См. Kautsky, указ. соч., стр. 120.

[2]) Вотъ напр. отзывъ лица, практически знакомаго съ бытомъ рабочаго класса въ Англіи съ 40-хъ гг. XIX ст., данный Королевской комиссіи труда:

В. 1864. Не можете ли вы прибавить что-нибудь къ общей исторіи рабочихъ классовъ за время вашихъ наблюденій. Вы говорили объ интеллектуальномъ улучшеніи?

О. (Людлоу) Да.

В. 1865. Не можете ли вы привести другіе примѣры ихъ прогресса?

О. Рабочіе принимаютъ вообще гораздо большее участіе во всѣхъ соціальныхъ вопросахъ; вы всюду встрѣтите ихъ; вы найдете ихъ въ магистратурѣ, въ городскомъ совѣтѣ, въ совѣтѣ Лондонского графства и т. д. Они поднялись и поднимаются по каждой сторонѣ соціальной лѣстницы.

В. 1866. Не можете ли вы сказать намъ что-нибудь о развлеченіяхъ рабочихъ классовъ изъ того времени, когда вы впервые познакомились съ ними?

О. Я могу вамъ сказать, что большое число ихъ по меньшей мѣрѣ не умѣли развлекаться, и во время нашихъ наблюденій въ рабочихъ колледжахъ (Working Men's Colleges) мы были между прочимъ сильно поражены полной неспособностью многихъ рабочихъ понимать юморъ—литературный юморъ. Если имъ прочитывали что-нибудь очень комичное, они совсѣмъ не воспринимали его, и ихъ нужно было воспитывать, пріучая къ пониманію юмора"... Royal Commission on Labour. Minutes of Evidence. C.—7063. I. London, 1893, стр. 132.

тенсивности труда при болѣе короткомъ рабочемъ днѣ (для чего примѣняются, между прочимъ, „утонченнѣйшія системы аккордной работы, системы премій, участія въ прибыляхъ"), болѣе широкое примѣненіе дѣтскаго и женскаго труда. Каутскій не даетъ себѣ труда обстоятельно обосновать эти положенія, довольствуясь или голословными заявленіями, или некритическимъ сообщеніемъ немногихъ статистическихъ данныхъ. Напр., относительно формъ расплаты можно было бы и не повторять старыхъ огульныхъ сужденій, вполнѣ понятныхъ при незначительной разработкѣ этого вопроса нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но совершенно непростительныхъ теперь, послѣ изслѣдованій Шлосса и Веббъ и превосходныхъ изданій англійскаго департамента труда. Относительно примѣненія труда несовершеннолѣтнихъ Каутскій приводитъ табличку, не разграничивающую дѣтей и подростковъ, и получаетъ выводъ, что число рабочихъ ниже 20-лѣтняго возраста увеличивается и за послѣднее время (съ 1882 по 1895 гг. въ Германіи). Получается такое впечатлѣніе, будто въ области примѣненія труда несовершеннолѣтнихъ мѣры, принятыя фабричнымъ законодательствомъ, не имѣли никакого вліянія. Правда, выше сказано глухо, что стремленіе капитала „подставить на мѣсто зрѣлыхъ рабочихъ незрѣлыхъ" „wird etwas eingedämmt durch die Arbeiterschutzgesetze, aber doch nur in sehr unvollkommener Weise. Der Schutz der Kinder über 14 Jahre ist selbst in den besten Arbeiterschutzgesetzgebungen ein unzureichender, und zahlreiche Arten der Kinderausbeutung, darunter die schlimmsten, wie in der Hausindustrie, sind noch von jeder Schranke frei" [1]. А дальше говорится уже прямо: „Die Zunahme der Kinder- und Frauenarbeit ist bereits ein untrügliches Symptom des wachsenden Elends der Arbeiterclasse" и т. д. [2]. Между тѣмъ въ дѣйствительности развитіе фабричнаго законодательства привело къ замѣтному сокращенію числа дѣтей въ защищенныхъ отрасляхъ промышленности [3].

[1] Kautsky указ. соч., стр. 121.

[2] Тамъ-же, стр. 122.

[3] Въ Англіи, начиная съ 1874 года, замѣчается постоянная убыль количества дѣтей ниже 13-лѣтняго возраста, занятыхъ въ текстильной и

Указаніе Каутскаго на гибельное вліяніе увеличенія женскаго труда вызываетъ, конечно, менѣе возраженій, но оно сдѣлано въ такой общей формѣ, что теряетъ всякое значеніе. Каутскій приводитъ данныя объ увеличеніи числа работающихъ женщинъ вообще (по сравненію съ мужчинами и общимъ числомъ рабочихъ), а комментируетъ ихъ указаніемъ на вредное вліяніе фабричной работы хозяйки дома [1]). У него даже не возникаетъ мысли о необходимости тщательнаго анализа состава женскаго рабочаго населенія, чтобы показать, какимъ именно образомъ развитіе капитализма отражается за послѣднее время на положеніи каждой изъ своеобразныхъ группъ работающихъ женщинъ (дѣвушки, жены и матери, вдовы). [2])

промышленности, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, заимствуемыхъ нами изъ подробной таблицы, приведенной въ третьемъ годичномъ отчетѣ англійскаго департамента труда (3-th Annual Report of the Labour Department of the Board of Trade. 1895—1896. London, 1896, стр. 182—183).

Количество дѣтей ниже 13-лѣтняго возраста:

Годы.	Во всѣхъ отрасляхъ текстильной промышленности.			Въ хлопчатобумажной промышленности.		
	Всѣхъ дѣтей.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всѣхъ дѣтей.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
1874	125,886	61,209	64,677	66,900	33,672	33,228
1878	110,585	51,186	59,399	61,923	28,663	33,260
1885	91,651	43,308	48,343	49,992	23,904	26,088
1890	86,468	40,531	45,937	48,133	22,701	25,432

То же самое наблюдается послѣ закона 1891 и въ Германіи.

Было занято на фабрикахъ дѣтей (отъ 13 до 14 л.):

Въ 1890 году 27,485
„ 1892 „ 11,212
„ 1895 „ 4,327
„ 1896 „ 5,312
„ 1897 „ 6,151

См. K. Agahd, Kinderarbeit und Gesetz gegen die Ausnutzung kindlicher Arbeitskraft in Deutschland. Jena 1902, стр. 16.

[1]) Kautsky, указ. соч., стр, 123—124.

[2]) Каутскій не останавливается и на хорошемъ моральномъ вліяніи самостоятельной работы женщинъ, пріучающей ихъ къ сознательному

Наконецъ, послѣднее значеніе Verelendungstheorie, указываемое Каутскимъ,—увеличеніе нищеты въ обществѣ, благодаря быстрому возрастанію по сравненію съ другими общественными классами класса пролетаріевъ, бѣдствующаго и порабощеннаго [1]), также не можетъ быть принято. Выше было уже отмѣчено, что многочисленные слои рабочаго населенія въ настоящее время никоимъ образомъ не могутъ считаться ни бѣдствующими, ни порабощенными по сравненію съ тѣми разрядами рабочаго класса, которые всего менѣе затронуты капиталистическимъ развитіемъ. Поэтому въ ростѣ промышленнаго пролетаріата современное общество можетъ видѣть вовсе не несчастіе, а напротивъ отрадный признакъ усиленія прогрессивныхъ элементовъ, весьма полезныхъ и для общаго культурнаго развитія страны.

Такимъ образомъ, теорія средствъ существованія не можетъ быть принята и въ ея новѣйшей формулировкѣ, какъ Verelendungstheorie. Даже болѣе: въ этой формулировкѣ, развивающей до крайнихъ предѣловъ заложенную въ ней первоначальную мысль, она страдаетъ наибольшими недостатками. Занятые дальнѣйшей логической разработкой основного принципа теоріи средствъ существованія, преемники Рикардо не замѣтили, что жизнь успѣла уже уйти далеко въ сторону отъ предположеннаго направленія. Поэтому теорія, вначалѣ удачно намѣчавшая одно изъ главныхъ условій опредѣленія заработной платы, превратилась постепенно въ мертвую доктринерскую схему, противорѣчащую основному тону новѣйшей хозяйственной жизни. Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя теперь должно уже быть ясно, что задачей дальнѣйшей научной работы необходимо поставить не созданіе хитросплетенныхъ комментаріевъ

—

отношенію къ соціальнымъ проблемамъ современности, что отмѣчаютъ и лица, не менѣе Каутскаго сознающія недостатки капиталистическаго хозяйственнаго строя. См. напр. Lily Braun. Die Frauenfrage, ihre geschichtliche Entwicklung und ihre wirthschaftliche Seite. Leipzig 1901 и Henriette Fürth. Die Fabrikarbeit verheiratheten Frauen. Frankfurt a. M. 1902.

1) Kautsky, указ. соч., стр. 125 и слѣд.

къ ученію, устарѣвшему въ своемъ основномъ тезисѣ, а возвращеніе къ тому пути, отъ котораго прежніе изслѣдователи уклонились, увлеченные логическою стройностью намѣченной односторонней конструкціи [1]).

Развитіе теоріи средствъ существованія указало два направленія для разработки вопроса о заработной платѣ: 1) изслѣдованіе отношенія заработной платы, какъ доли чистаго дохода общества къ другимъ долямъ этого дохода, и 2) оцѣнку значенія уровня жизни рабочихъ, какъ условія, вліяющаго на высоту получаемой ими платы. Въ разрѣшеніи первой задачи какъ Рикардо, такъ и въ особенности его преемники стали на ложный путь. Они считали возможнымъ дать удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ простой справкой съ тѣмъ, какими условіями опредѣляется высота заработной платы отдѣльнаго рабочаго, предполагая, что эти условія по существу однородны для всѣхъ рабочихъ вообще. Односторонность въ характеристикѣ этихъ условій фатально отразилась и на ученіи о заработной платѣ, какъ долѣ общественнаго дохода. Между тѣмъ для разрѣшенія вопроса открывался гораздо болѣе надежный путь анализа фактическихъ данныхъ о доходахъ различныхъ классовъ населенія, имѣющихся для капиталистическихъ странъ. Правда, Родбертусъ уже подходилъ къ такому изслѣдованію, но онъ не придалъ ему надлежащаго значенія. Для него статистическій анализъ состава дохода общества представлялся не основаніемъ для теоретическаго вывода, а иллюстраціей къ

[1]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что защищая Verelendungstheorie, Каутскій не считаетъ правильною теорію „желѣзнаго закона". Еще въ „Эрфуртской программѣ" онъ опредѣленно заявилъ, что заработная плата не необходимо тяготѣетъ къ ея низшей границѣ (голыя средства существованія), хотя и съ оговоркой, что она чаще приближается къ этой границѣ, чѣмъ къ высшей (поглощеніе всей прибыли). Въ качествѣ условій, опредѣляющихъ дѣйствительную высоту заработной платы, Каутскій указывалъ уровень обычныхъ потребностей рабочихъ, размѣры предложенія рабочихъ силъ и степень сопротивляемости рабочихъ. См. K. Kautsky. Das Erfurter Programm, Stuttgart 1892, стр. 37—40.

установленному ранѣе абстрактному положенію. Поэтому онъ не обратилъ вниманія на необходимость разграниченія при такомъ анализѣ отдѣльныхъ характерныхъ группъ въ составѣ самого рабочаго класса, тенденціи развитія дохода которыхъ могутъ быть не только не однородными, но прямо противоположными. Съ другой стороны общій выводъ объ уменьшеніи дохода рабочихъ Рикардо считалъ подтвержденіемъ положенія объ опредѣленіи заработной платы рабочаго минимумомъ средствъ существованія. Въ дѣйствительности же между этими двумя положеніями нѣтъ необходимой связи. Общая сумма дохода, приходящаяся рабочему классу, можетъ составлять уменьшающуюся долю всего чистаго дохода общества, а доходъ отдѣльныхъ представителей рабочаго класса, даже въ среднемъ, можетъ при этомъ повышаться, если пропорція занятаго въ странѣ труда сильно падала бы по сравненію съ употребляемымъ на промышленныя цѣли капиталомъ. И уже внѣ всякаго сомнѣнія, что доходъ многихъ крупныхъ разрядовъ рабочихъ могъ сильно подниматься въ то время, когда общая сумма дохода всего рабочаго класса занимала бы все меньшее мѣсто въ общей массѣ національнаго дохода.

Вторую задачу теоретики средствъ существованія разрѣшали также весьма несовершенно. Говоря, что причину высоты заработка отдѣльнаго рабочаго нужно видѣть въ привычномъ уровнѣ жизни, они не ставили себѣ дальнѣйшаго вопроса, повидимому, столь естественнаго: подъ вліяніемъ какихъ причинъ складывается и какими силами поддерживается привычный для рабочихъ уровень средствъ существованія? Правда, Марксъ съ свойственной ему проницательностью въ вопросахъ хозяйственной исторіи высказалъ цѣнное замѣчаніе, что на установленіе уровня жизни оказываютъ существенное вліяніе условія, при которыхъ слагался классъ свободныхъ рабочихъ [1]). Онъ формулировалъ этимъ убѣжденіе, несомнѣнно раздѣлявшееся всѣми

[1]) Какъ было показано выше, эту мысль высказывалъ и Родбертусъ, но въ менѣе отчетливой формѣ.

сторонниками теоріи средствъ существованія, но недостаточно ими сознанное, что въ условіяхъ установленія заработной платы капиталистическаго періода сказываются пережитки стараго строя, упраздненнаго капитализмомъ. Но и онъ ограничился только этимъ указаніемъ, не видя необходимости прослѣживать причины образованія standard of life въ самомъ капиталистическомъ строѣ. Что же касается силъ, какія вліяютъ на поддержаніе установившагося уровня жизни, то при изслѣдованіи ихъ и онъ не пошелъ дальше вопроса о количественномъ равновѣсіи запаса рабочихъ, требующагося условіями непрерывности производства. Очевидно, что въ данномъ вопросѣ послѣдующимъ поколѣніямъ экономистовъ предстояла неотложная задача обратиться къ внимательному анализу условій, создающихъ и поддерживающихъ привычный уровень жизни. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ необходимость такого анализа еще почти несознана въ экономической литературѣ. Даже Гёнтонъ, самый горячій изъ современныхъ защитниковъ принципа, что главной причиной высоты заработной платы служитъ уровень жизни рабочихъ, [1]) относится къ этому вопросу чрезвычайно поверхностно. Standard of living, указываетъ Гёнтонъ, зависитъ отъ того, „проста или сложна соціальная жизнь массъ, или иными словами, велико или мало количество ежедневныхъ потребностей народа. Онъ выше въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ, ниже въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ"... Но чѣмъ же опредѣляются самыя потребности? „Обычаями и нравами общества, въ которомъ человѣкъ живетъ", отвѣчаетъ Гёнтонъ. „Обычай является могущественнѣйшей силой въ человѣческихъ дѣлахъ. Онъ сильнѣе правительствъ, армій и самаго абсолютнаго деспотизма". Но привычки отдѣльнаго человѣка обра-

---

[1]) „The rate of wages in any country, class or industry, constantly tends towards the cost of living of the most expensive families who furnish a necessary part of the supply of labor in that country, class or industry". При этомъ подъ „most expensive families" Гёнтонъ понимаетъ „not the most expensive single family, but the most expensive ten or twenty per cent of the class whose labor is required". G. Gunton, Principles of social economics. New-Jork 1897, стр. 204.

зуютъ его „реальный общественный характеръ". Спрашивается: подъ какимъ же вліяніемъ складывается соціальный характеръ человѣка? Такъ какъ, думаетъ Гёнтонъ, человѣкъ, вступая въ міръ, имѣетъ еще очень мало потребностей, и притомъ чрезвычайно простыхъ, исключительно животныхъ, а всѣ другія развиваются у него постепенно, „подъ давленіемъ внѣшнихъ силъ", то слѣдовательно, размѣры человѣческихъ потребностей опредѣляются „разнообразіемъ и интенсивностью соціальныхъ вліяній, которыми онъ окруженъ болѣе или менѣе постоянно. „А такъ какъ характеръ соціальныхъ вліяній опредѣляется соціальной обстановкой или, какъ выражается Гёнтонъ, „соціальными шансами" (social opportunities) даннаго человѣка, то очевидно, что весь вопросъ о причинахъ заработной платы сводится къ соціальнымъ условіямъ, въ которыхъ живетъ рабочій классъ. „Дѣйствительно, вся исторія человѣческой расы является непрерывнымъ потокомъ доказательствъ универсальнаго дѣйствія этого принципа. Всюду, гдѣ соціальные шансы человѣка были наиболѣе ограничены, были наиболѣе ограничены и его потребности, вкусы и желанія, и его промышленный и политическій характеръ прогрессировалъ всего менѣе, и наоборотъ. На томъ же самомъ основаніи, что размѣры потребностей человѣка и развитіе его характера являются мѣрой соціальнаго прогресса, и размѣры его шансовъ увеличить эти потребности и развить этотъ характеръ являются истинной мѣрой цивилизаціи [1]).

[1]) G. Gunton. Wealth and Progress. New-Jork 1890, стр. 187—204. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Principles of social economics", Гёнтонъ ограничивается по этому вопросу, отсылая читателя за подробностями къ цитированной главѣ „Wealth and Progress" только слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ: „The standard of living in any class or country depends upon the social character of the people. Social character is chiefly determined by the number and variety of established social wants, and the consequent simplicity or complexity of social relations. It may therefore be said that wages finally depend upon the social character of the laboring classes, the restriction or development of which is mainly determined by the extent and permanence of their social opportunities". Principles of social economics, стр. 216—217.

Въ этихъ туманныхъ указаніяхъ на значеніе „соціальныхъ шансовъ“ нельзя, конечно, видѣть разрѣшенія поставленнаго вопроса. Гёнтонъ оставляетъ изслѣдованіе тамъ, гдѣ его слѣдовало бы начать, и какъ бы не чувствуетъ необходимости анализа элементовъ того, что онъ называетъ „social opportunities“. Между тѣмъ для такого анализа можно найти уже и теперь довольно обширный матеріалъ какъ въ жизненной практикѣ, такъ и въ теоретической литературѣ. Ближайшее къ намъ время, когда процессъ формированія устойчивыхъ привычекъ у рабочаго класса и способы отстаиванія извѣстнаго уровня существованія утрачиваютъ все болѣе и болѣе тотъ таинственный характеръ, въ какой облекается установленіе обычаевъ въ отдаленныя историческія времена,—особенно благопріятно для научнаго наблюденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выводы, полученные для настоящаго времени, могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на прежнія условія, потому что бытовыя черты, присущія отжившимъ хозяйственнымъ эпохамъ, и теперь еще не окончательно стерлись, и поскольку онѣ существуютъ,—оказываются болѣе замѣтными въ силу контраста съ чертами, характерными для современнаго хозяйственнаго строя.

Если напр. присмотрѣться внимательно къ тѣмъ моментамъ въ жизни рабочихъ, когда вопросъ объ измѣненіи уровня ихъ жизни становится передъ ними ребромъ, мы найдемъ два любопытныхъ типа отношеній рабочихъ къ этому вопросу, разграничивающіе и два исторически-преемственные уклада жизни трудящагося населенія. Съ одной стороны, рабочіе держатся извѣстнаго минимума средствъ существованія какъ бы въ силу инстинкта, руководясь взглядами, сложившимися по старой традиціи; съ другой -- замѣчаются и вполнѣ сознательныя требованія, предъявляемыя по поводу такого минимума. При этомъ въ прежнее время преобладающее значеніе имѣло инстинктивное тяготѣніе рабочихъ къ привычному уровню жизни; напротивъ, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ нашему времени, тѣмъ громче и громче слышатся сознательныя требованія.

Еще недавно рабочіе придерживались извѣстнаго житейскаго обихода въ силу слѣпого слѣдованія установившейся традиціи или изъ подражанія; въ послѣднее время къ такимъ инстинктивнымъ требованіямъ начинаютъ присоединяться вполнѣ сознательные расчеты. Рабочій хочетъ жить, какъ приличествуетъ полноправному гражданину демократическаго государства, въ жизни котораго онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе. Онъ дѣйствуетъ при этомъ не на собственный страхъ, а вырабатываетъ желательныя для него требованія обстоятельнымъ обсужденіемъ вопроса въ той корпораціи, къ которой онъ принадлежитъ.

Первый случай—инстинктивнаго отстаиванія привычнаго уровня жизни широко наблюдается повсюду. Рабочій связываетъ обыкновенно съ извѣстнымъ занятіемъ и представленіе объ извѣстномъ уровнѣ комфорта, приличествующемъ лицу, способному выполнять такую работу. Во время несчастій, внезапно обрушивающихся на его голову, онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться на этомъ уровнѣ, лишая себя скорѣе удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей, чѣмъ тѣхъ, которыя какъ бы отмѣчаютъ занимаемую имъ ступень общественнаго положенія [1]). Конечно,

[1]) Это отмѣтилъ еще Ланге въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ". Указавъ, что обнищалые аристократы или небогатые чиновники стараются всѣми силами держаться на уровнѣ жизни ихъ среды, онъ продолжаетъ: „И никакого, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія, что такая привязанность къ извѣстнымъ аттрибутамъ высшей нормы благосостоянія составляетъ нѣчто благородное и хорошее въ томъ классѣ, положеніе котораго не допускаетъ никакой мысли о заносчивости по отношенію къ другимъ общественнымъ слоямъ. Вѣдь не за горами то время, когда большая часть народа, даже въ городахъ, ходила босикомъ. А теперь рабочій не только хочетъ одѣваться подобно своимъ согражданамъ въ общепринятое приличное платье, но желаетъ имѣть, кромѣ своего рабочаго костюма, еще какой-нибудь хорошій сюртукъ. Онъ видитъ внѣшній символъ своего человѣческаго достоинства въ томъ, чтобы не отставать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, и если въ черные дни онъ этому сознанію приноситъ жертвы, то это свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ героизмѣ. Далѣе, такъ какъ борьба за существованіе не прекратилась бы и въ томъ случаѣ, если бы рабочій уступилъ во всѣхъ этихъ вещахъ, то въ упорной защитѣ нормы благосостоянія слѣдуетъ

при такомъ отношеніи къ дѣлу рабочій не согласится на пониженіе платы до послѣдней крайности [1]). Однако, отстаиваніе традиціоннаго образа жизни съ одной стороны непрочно само по себѣ, благодаря неопредѣленности представленія о нормальномъ уровнѣ, съ другой—не обезпечиваетъ рабочему участія въ совершающемся общественномъ прогрессѣ, создающемъ постоянно новые виды потребностей. Необходима сознательная постановка вопроса, соотвѣтствующая новому укладу жизни. Здѣсь на помощь отдѣльному рабочему прежде всего можетъ выступить могущественная корпорація, располагающая достаточнымъ запасомъ интеллигентныхъ силъ и могущая правильно формулировать требованія, возникающія у большинства, но недостаточно отчетливо опредѣлившіяся въ ихъ сознаніи, и подкрѣпить ихъ средствами борьбы, находящимися въ ея распоряженіи. Сознаніе необходимости такой постановки вопроса объ уровнѣ жизни за послѣднее время распространяется все шире и шире среди англійскихъ профессіональныхъ союзовъ. Нѣкоторые крупные трэдъ-юніоны заявляютъ теперь требованіе, чтобы ихъ членамъ была гарантирована извѣстная мини-

видѣть средство, до извѣстной степени предохраняющее рабочее сословіе отъ непрерывнаго культурнаго паденія". Ф. А. Ланге. Рабочій вопросъ. Спб. 1895, стр. 122.

[1]) „Какъ бы велико ни было превосходство силъ на сторонѣ предпринимателя, какъ бы неорганизованы и беззащитны ни были работники, все-таки заработную плату и другія условія труда той или иной категоріи работниковъ нельзя понизить ниже извѣстной, хотя и не вполнѣ точно опредѣлимой нормы. Въ наиболѣе плохіе для промышленности годы, когда тысячи механиковъ или котельщиковъ, каменщиковъ или водопроводчиковъ блуждаютъ по улицамъ въ поискахъ за работой, даже самый алчный предприниматель знаетъ, что онъ не можетъ предложить имъ работу по ихъ спеціальности за десять или пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю. Чѣмъ согласиться на такое обидное пониженіе своего нормальнаго, на ихъ взглядъ, общественнаго положенія, эти люди скорѣе готовы работать въ качествѣ неквалифицированныхъ работниковъ или исполнять какія-либо случайныя работы за ту же или даже за болѣе низкую плату по сравненію съ той, за которую они, въ качествѣ рабочихъ-спеціалистовъ, отказались работать". С. и Б. Веббъ. Теорія и практика трэдъ-юніонизма, II, стр. 565.

мальная плата, достаточная для жизни (Living Wage), приличной для рабочаго, какъ гражданина [1]). Впервые заявленія о необходимости такой платы встрѣчаются въ 70-хъ гг. [2]), но только съ 1889 г. (стачки спичечницъ и докеровъ) и въ особенности съ 1892 г. (заявленія федераціи углекоповъ) [3]), принципъ Living Wage находитъ себѣ широкое распространеніе среди организованныхъ англійскихъ рабочихъ. Голосъ рабочихъ встрѣчаетъ при этомъ сочувственный откликъ со стороны экономистовъ-теоретиковъ и общественныхъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ направленій [4]). Могуществен

[1]) ...„living-wage", that minimum necessary for efficient citizenship below which it is to the public interest that no person should sink" (отчетъ меньшинства Королевской коммиссіи труда. Royal Commission on Labour. Fifth and final report, part I, стр. 145).

[2]) „Мы требуемъ", говорятъ соединенные тростильщики шелка въ 1872 г., „справедливой дневной платы за справедливую дневную работу... Но что такое справедливая дневная работа? Братья... никто не станетъ отрицать, что требованіе справедливаго вознагражденія за нашъ трудъ можетъ быть резюмировано въ словахъ: кровъ, пища и одежда для насъ, нашихъ женъ и дѣтей"... Лойдъ Джонсъ писалъ въ 1874 году: „Первымъ дѣломъ, которое должны осуществить вожди трэдъ-юніоновъ, является установленіе минимума, на который должно смотрѣть, какъ на пунктъ, ниже котораго никогда не слѣдуетъ спускаться... Такой минимумъ долженъ обезпечить рабочему удовлетворительное пропитаніе и извѣстную степень личнаго и домашняго комфорта; это должна быть не жалкая голодная плата, а плата, достаточная для жизни (living wages)"... С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, II, стр. 477.

[3]) „Они считали вопросомъ жизни и смерти", говорилъ вице-президентъ федераціи углекоповъ въ 1892 г., вопросъ о гарантированіи рабочему при всякомъ состояніи промышленности средствъ къ жизни. Они считали самымъ важнымъ принципомъ тотъ, чтобы каждый человѣкъ могъ жить своимъ трудомъ, и—вопреки всѣмъ ученіямъ экономистовъ, вопреки ходячей доктринѣ спроса и предложенія—они утверждали, что есть несравненно болѣе великая и важная доктрина человѣколюбія. Они находили, что рабочій заслуживаетъ своего жалованья, и утверждали, что въ данный моментъ заработная плата такъ низка, какъ только это можетъ быть"... С. и Б. Веббъ, II, стр. стр. 479.

[4]) „Этотъ призывъ къ платѣ, достаточной для жизни, указываетъ на тенденцію поставить работника впереди его работы; признать извѣстные начальные принципы простой человѣчности, на основаніи которыхъ человѣкъ долженъ такъ же приниматься въ соображеніе, какъ и

ную поддержку оказали ему недавнія постановленія Палаты Общинъ и Совѣта Лондонскаго графства. 13 февраля 1891 г. Палата Общинъ постановила, чтобы при договорахъ о всѣхъ правительственныхъ подрядахъ были гарантированы для рабочихъ нормы заработной платы, принятыя для умѣлыхъ работниковъ въ данной отрасли промышленности (такъ наз. Fair Wages Resolution). Постановленіе о подрядахъ въ 1893 г. было дополнено аналогичнымъ правиломъ для вознагражденія рабочихъ, работающихъ въ собственныхъ предпріятіяхъ государства (мастерскихъ морского министерства). Среди органовъ мѣстнаго управленія піонерами выступили Лондонскій Школьный Совѣтъ и Совѣтъ Лондонскаго графства, которые еще въ 1889 г. сдѣлали постановленія о гарантіи надлежащей минимальной заработной платы при подрядахъ. Въ 1892 г. по предложенію Дж. Бернса Совѣтъ Лондонскаго графства призналъ для своихъ подрядчиковъ обязательными нормы заработной платы, рабочаго времени и другихъ условій труда, устанавливаемыя для данной мѣстности трэдъюніонами. Если же такихъ нормъ не существуетъ, то принимается въ качествѣ минимальнаго размѣра—24 шил. недѣльной платы для взрослыхъ мужчинъ и 18 шил. для женщинъ. Аналогичныя постановленія были сдѣланы впослѣдствіи и управленіями другихъ большихъ городовъ Англіи (Бирмингама, Манчестера, Сальфорда, Шеффильда, Ольдгэма,

матеріалъ; его не только надо кормить, чтобы онъ имѣлъ силы для работы, но платить ему, чтобы для него было доступно довольство (happiness)... Плата, достаточная для жизни, стремится дать женамъ и дѣтямъ надлежащее мѣсто въ расчетѣ... Плата, достаточная для жизни, имѣетъ въ виду мужа и отца... Плата достаточная для жизни, означаетъ просто примѣненіе принциповъ христіанства"... (The Christian Commonwealth 18 января 1894 г.). „Призывъ къ платѣ, достаточной для жизни, является протестомъ противъ голодной платы... Христіанская экономія, какъ я ее понимаю, объявляетъ, что вы не имѣете права платить человѣку меньше того, на что онъ можетъ жить прилично, и никакіе законы спроса и предложенія не могутъ дать вамъ такого права"... (изъ рѣчей на митингѣ одного консервативнаго клуба въ концѣ 1893 г.). Изъ экономистовъ-теориковъ, горячо отстаивавшихъ принципъ Living Wages, можно отмѣтить, кромѣ Веббъ, профессоровъ Бисли и Кённингэма. См. G. Drage. The Labour Problem. London 1896, стр. 78—79.

Кардиффа, Эдинбурга, Глазго, Лейстера, Лидса). По даннымъ 1898 г. въ собственной Англіи постановленія о гарантіи минимальнаго размѣра заработной платы существовали въ 163 (по большей части крупныхъ) округахъ съ населеніемъ въ 9 мил. 11 округовъ, съ населеніемъ въ полъмилліона рекомендовали такія правила, не дѣлая ихъ обязательными, и 912 (по большей части мелкихъ) округовъ съ населеніемъ въ 8 милл. не имѣли никакихъ постановленій подобнаго рода [1]). Опытъ примѣненія такого вмѣшательства общественной власти въ установленіе заработной платы, несмотря на нѣкоторыя шероховатости, неизбѣжныя при всякомъ сложномъ дѣлѣ, въ общемъ далъ несомнѣнно положительные результаты. При примѣненіи Fair Wages Resolution, какъ выяснилось изъ спеціальнаго обслѣдованія, произведеннаго правительствомъ, спорные вопросы воникали только относительно способовъ практическаго примѣненія резолюціи, а не ея сущности [2]).

Развитіе принципа „Living Wage" путемъ установленія новыхъ гарантій, дополняющихъ дѣятельность рабочихъ союзовъ, естественно привело къ мысли о необходимости широкаго примѣненія государственнаго вмѣшательства. Вѣдь тѣ слои рабочаго населенія, которые не могутъ расчитывать въ борьбѣ съ предпринимателями на собственныя силы, представляютъ самою своею беззащитностью серьезную опасность для общихъ интересовъ страны, какъ благодаря процессамъ вырожденія, развивающимся въ ихъ собственной средѣ, такъ и неблагопріятному давленію на примыкающіе къ нимъ сравнительно болѣе сносно поставленные разряды рабочаго класса. Такъ какъ гарантія нормальной платы въ государственныхъ и муниципальныхъ предпріятіяхъ по существу дѣла оказывается недостаточной, то все настойчивѣе начинаютъ раздаваться требованія о законодатель-

[1]) H. v. Nostitz. Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. Jena 1900, стр. 471—473.

[2]) Otto v. Zwiedineck-Südenhorst. Lohnpolitik und Lohntheorie mit besonderer Berücksichtigung des Minimallohnes. Leipzig 1900, 225—256.

номъ установленіи „національнаго минимума заработной платы". Такой минимумъ, обезпечивая слабѣйшихъ, въ то же время не препятствовалъ бы высшимъ разрядамъ рабочаго населенія получать значительно большую плату [1]). Повидимому, практическое примѣненіе такого законодательнаго минимума заработной платы не встрѣтило бы особенно серьезныхъ затрудненій. „Опредѣленіе мини-

[1]) „Такъ какъ задача національнаго минимума — охранять общество отъ зла промышленнаго паразитизма, то минимальная заработная плата какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, должна быть установлена практическимъ вычисленіемъ стоимости пищи, одежды и жилища, физіологически необходимыхъ, при данныхъ національныхъ привычкахъ и обычаяхъ, для предупрежденія физическаго вырожденія. Подобный минимумъ былъ бы, поэтому, низокъ, и хотя онъ былъ бы принятъ съ радостью, какъ благодѣяніе, неквалифицированными работниками нерегулируемыхъ производствъ, однако онъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ бы тому понятію, которое составили себѣ о достаточной для существованія заработной платѣ работники хлопчатобумажной промышленности или углекопы". С. и Б. Веббъ, II, стр. 631—632. Авторы отчета меньшинства Королевской коммиссіи труда выставляли въ качествѣ минимальной платы для рабочихъ въ правительственныхъ предпріятіяхъ — въ Лондонѣ 24 шил. въ недѣлю для взрослаго мужчины и 18 шил. для женщины; въ провинціи — допускали и меньшую плату, но ни въ какомъ случаѣ не ниже 21 шил. въ недѣлю для взрослаго мужчины. Fifth and final Report, part. I, стр. 143. О размѣрахъ необходимой реальной платы для англійскаго рабочаго низшаго разряда можно судить по слѣдующему расчету Маршалла: „Предметы необходимости, требуемые для того, чтобы поддерживать въ состояніи надлежащей трудоспособности обыкновеннаго англійскаго земледѣльческаго работника или неискуснаго городского рабочаго и его семью въ настоящемъ поколѣніи", таковы: „хорошо дренированное жилище въ нѣсколько комнатъ, теплая одежда съ нѣсколькими перемѣнами нижняго бѣлья, чистая вода, обильная растительная пища, съ умѣренной прибавкой мяса и молока, немного чая и т. п., извѣстное образованіе и нѣкоторыя развлеченія и, наконецъ, достаточная свобода для его жены отъ другой работы, чтобы она могла надлежащимъ образомъ выполнять свои обязанности матери и хозяйки... Въ добавленіе къ этому, быть можетъ, потребленіе нѣкотораго количества алкоголя и табаку и модныя платья оказываются настолько привычными во многихъ мѣстностяхъ, что эти потребности можно считать условно необходимыми... Поэтому заработная плата (такихъ рабочихъ) будетъ меньшей, чѣмъ сколько въ дѣйствительности необходимо

мума заработной платы на основаніи физіологическихъ данныхъ,—говорятъ С. и Б. Веббъ,—вопросъ менѣе сложный и требующій меньшихъ техническихъ знаній, чѣмъ вопросъ объ установленіи минимальныхъ санитарныхъ условій, и введеніе такого минимума менѣе отражается на повседневномъ веденіи промышленности и на ея производительности, чѣмъ установленіе нормы рабочаго времени для мужчинъ или для женщинъ... Въ дѣйствительности произошло бы лишь то, что существующая теперь въ лучшихъ предпріятіяхъ заработная плата была бы объявлена національнымъ минимумомъ, и эта перемѣна отразилась бы на этихъ лучшихъ предпріятіяхъ лишь постольку, поскольку она поставила бы ихъ конкурентовъ на одинаковый съ ними уровень" [1]). Скорѣе можно было бы сомнѣваться въ возможности установленія такого минимума при данныхъ размѣрахъ общаго національнаго дохода. Однако требованія англійскихъ рабочихъ такъ скромны, а производительность ихъ труда такъ высока, что экономическая возможность установленія законодательнаго минимума въ Англіи не заподазривается даже принципіальными противниками такого регулированія заработной платы [2]). Для дальнѣйшаго же повышенія разъ установленнаго минимума условія были бы еще благопріятнѣе, потому что, вытѣсняя слабыя предпріятія, національный минимумъ способствовалъ бы повышенію производительности труда въ странѣ.

для ихъ трудоспособности, если ея не хватаетъ не только на строго необходимое потребленіе, но и на покупку извѣстнаго количества предметовъ условной необходимости". A. Marshall, Principles of Economics, стр. 139.

[1]) С. и Б. Веббъ. Теорія и практика трэдъ-юніонизма. II, стр. 633—634.

[2]) Напр. Смартъ, не считая установленіе національнаго минимума ни раціональнымъ, ни желательнымъ, тѣмъ не менѣе добросовѣстно указываетъ на то, что такая реформа могла бы пройти безъ всякихъ экономическихъ потрясеній. Принимая по даннымъ 1889 года національный доходъ Англіи въ 1.285.000.000 ф. ст. въ годъ, число жителей за 38 000.000 и 5 лицъ на рабочую семью (самъ рабочій, его жена и трое дѣтей), Смартъ получаетъ возможную среднюю цифру дохода на рабо-

Въ настоящее время и этотъ вопросъ о національномъ минимумѣ заработной платы начинаетъ уже переходить изъ области чисто теоретическихъ разсужденій на почву практическаго опыта, піонерами котораго и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ новѣйшихъ прогрессивныхъ общественныхъ теченіяхъ, выступаютъ молодыя австралійскія колоніи Англіи.

Первымъ законодательнымъ актомъ, установившимъ національный минимумъ заработной платы, былъ законъ

чую семью въ 165 ф. Но для „Living Wage", говоритъ онъ, и не требуютъ такой суммы; если взять за норму 24 шил. въ недѣлю для одной трети англійскаго рабочаго населенія и 100 ф. ст. въ годъ для остальныхъ двухъ третей, то оказывается, что при установленіи такихъ нормъ другіе классы англійскаго общества нисколько не пострадали бы. Въ 1889 году семей рабочихъ классовъ насчитывалось въ Великобританіи (по вычисленіямъ Мюльголля)—4.774.000; trades classes (съ предполагаемымъ среднимъ доходомъ въ 150 ф. ст. въ годъ) – 1.220.000; среднихъ классовъ – 604.000 и джентри - 220.000. Итакъ, предполагая, что рабочіе классы будутъ имѣть доходъ отъ 24 шил. въ недѣлю до 100 ф. ст. въ годъ и присоединяя къ нимъ также и группу семей съ доходомъ въ 150 ф., Смартъ получаетъ:

1.591.300 рабочихъ семей съ доходомъ по 24 шил. въ недѣлю	99.297.120 ф. ст.
3.182.700 рабочихъ семей съ доходомъ въ 100 ф. ст. въ годъ	318.270.000 „ „
1 220.000 семей съ доходомъ въ 150 ф. ст. въ годъ	183.000.000 „ „
	600.567.120 „ „

При такомъ распредѣленіи на долю среднихъ классовъ и джентри оставалась бы еще солидная сумма въ 684,432,880 ф. ст. „Мотивъ, почему я привожу эти цифры, говоритъ Смартъ, заключается просто въ желаніи отвѣтить тѣмъ, кто утверждаетъ, что наша страна слишкомъ бѣдна, чтобы давать плату, достаточную для жизни, всѣмъ ея рабочимъ. Эти цифры показываютъ, что полученіе по крайней мѣрѣ такой платы каждой рабочей семьей въ Великобританіи не невозможно... Они показываютъ далѣе, что назначеніе такой нормы заработной платы для самаго низшаго класса рабочихъ никоимъ образомъ не привело бы другіе классы къ скудному существованію (plain living). Двѣ трети рабочихъ классовъ могли бы имѣть около 2 ф. ст. въ недѣлю... средніе классы имѣли бы свой теперешній средній доходъ въ 400 ф., и высшіе классы—въ среднемъ—2000 ф.,—сумма, при которой многіе могли бы имѣть доходъ безконечно выше, если принять во вниманіе, какъ много лицъ изъ этихъ классовъ имѣютъ дѣйствительный доходъ ниже этой цифры. „William Smart, Studies in Economics, London 1895, стр. 35—37.

1896 года, изданный въ Викторіи (The Factories and Shops Act of 1896, обыкновенно называемый кратко Minimum Wage Law) послѣ продолжительной и бурной агитаціи противъ свирѣпствовавшей въ этой колоніи „sweating system". Актомъ этимъ были установлены правила относительно учрежденія особыхъ „бюро для регулированія заработной платы", на первое время—только въ производствѣ одежды, мебели, хлѣбопекарномъ и мясномъ промыслахъ. Впрочемъ, было опредѣлено, что бюро могутъ быть учреждаемы и во всякой другой отрасли промышленности, на основаніи особой резолюціи обѣихъ палатъ парламента.

Бюро слагаются изъ членовъ (не менѣе 4 и не болѣе 10) и предсѣдателя, назначаемыхъ на два года. Половина членовъ выбирается предпринимателями, половина рабочими. Если члены не будутъ избраны, то они назначаются губернаторомъ. Предсѣдатель избирается членами бюро, но не изъ ихъ среды; въ случаѣ же, если такое избраніе не состоится, предсѣдатель назначается губернаторомъ [1]). Кромѣ опредѣленія заработной платы бюро можетъ устанавливать и другія правила (напр. объ отношеніи числа учениковъ къ взрослымъ рабочимъ и т. п.). Рѣшенія бюро имѣютъ силу для всего городского населенія и могутъ быть распространяемы губернаторомъ и на всю территорію колоніи. Для престарѣлыхъ или слабыхъ рабочихъ главный фабричный инспекторъ можетъ дать разрѣшеніе работать и за меньшую сумму, чѣмъ минимальная плата, установленная бюро. Для устраненія случаевъ безплатной работы (подъ видомъ „учениковъ") въ самомъ законѣ опредѣлено, что всякій, работающій на фабрикахъ или мастерскихъ, регулируемыхъ закономъ, долженъ получать не менѣе 2 ш. 6 п. въ недѣлю.

Въ началѣ 1897 года на основаніи разсматриваемаго закона открыли уже свои дѣйствія шесть бюро, состоявшія

[1]) Исключеніе изъ этихъ правилъ установлено только для производства мебели, гдѣ весь составъ бюро назначается губернаторомъ. Это сдѣлано для того, чтобы на выборы бюро не повліяли китайцы, которыхъ много именно въ этой отрасли промышленности Викторіи.

каждое изъ десяти членовъ (5 отъ предпринимателей и 5 отъ рабочихъ). Пять бюро были избраны (1) въ хлѣбопекарномъ производствѣ; 2) изготовленіи мужской и дѣтской одежды; 3) производствѣ обуви; 4) шитьѣ рубашекъ и 5) нижняго бѣлья) и одно—назначено губернаторомъ (въ производствѣ мебели). Дѣятельность бюро не вездѣ шла одинаково гладко. Помимо затрудненій, обычныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, нѣкоторыя отрасли промышленности представляли своеобразныя особенности, требовавшія очень сложной системы установленія минимальныхъ нормъ, не устранявшей однако возможности нѣкоторыхъ невыгодныхъ послѣдствій для рабочихъ. Въ производствѣ мебели дѣятельность бюро сильно тормазилась злоупотребленіями китайскихъ мастерскихъ, гдѣ хозяевъ поддерживали въ обходѣ установленныхъ правилъ и сами рабочіе. И тѣмъ не менѣе, даже въ этой отрасли промышленности послѣ учрежденія бюро условія труда значительно улучшились, а въ другихъ были достигнуты весьма крупные результаты. Напр. плата взрослыхъ рабочихъ въ булочныхъ была сразу поднята на 25%. Въ портняжномъ промыслѣ, гдѣ дѣятельность бюро была въ первое время очень затруднительна, заработная плата мужчинъ и мальчиковъ поднялась въ среднемъ съ 35 шил. 5 п. до 40 шил. 5 п. въ недѣлю, женщинъ и дѣвочекъ — съ 15 шил. 5 п. до 18 шил. 3 п. Въ 1901 г. главный инспекторъ могъ сообщить въ своемъ отчетѣ: „Я рѣшаюсь утверждать, что въ настоящее время нѣтъ уже sweating въ портняжной промышленности въ Викторіи.... За краткій промежутокъ въ три года всѣ условія этой промышленности измѣнились. Теперь не поступаютъ уже жалобы на грубую sweating или о томъ, что одежда изготовляется въ нищенскихъ жилищахъ за нищенскую плату... Большинство предпринимателей согласны теперь, что установленіе (платы и другихъ условій труда) было хорошо для добросовѣстнаго предпринимателя, такъ же какъ и для рабочихъ".

Практика бюро разрушила и ложные аргументы, приводимые противъ нихъ яко бы изъ соображеній о благѣ самихъ рабочихъ. Указывали, что минимумъ, установленный

бюро, станетъ для рабочихъ максимумомъ, что при этихъ условіяхъ имъ не удастся уже получить больше, чѣмъ они могли бы при полной свободѣ договора. Въ дѣйствительности эти лицемѣрныя опасенія не оправдались. Въ отчетѣ 1902 г. главный фабричный инспекторъ прямо заявилъ, что такой тенденціи превращенія минимума въ максимумъ не наблюдается, въ доказательство чего привелъ рядъ фактовъ изъ различныхъ регулируемыхъ бюро отраслей промышленности. Напр. въ то время какъ минимальная заработная плата, установленная для взрослыхъ рабочихъ портняжной промышленности, составляла въ 1891 году 45 шил. въ недѣлю, средняя плата взрослыхъ мужчинъ въ этой промышленности равнялась 53 ш. 6 п.; для взрослыхъ женщинъ при установленномъ мининумѣ въ 20 шил. средняя плата составляла 22 ш. 3 п. Интересно отмѣтить также, что и цѣна издѣлій въ регулируемыхъ производствахъ не поднялась сколько-нибудь замѣтно, чтобы вызвать неудовольствіе потребителей.

Успѣхъ акта 1896 года далъ возможность сторонникамъ принудительнаго регулированія заработной платы провести къ 1900 году дополнительный билль, который открывалъ возможность немедленнаго учрежденія бюро въ другихъ отрасляхъ промышленности (верхняя палата придала этому биллю характеръ временной мѣры). На основаніи новаго закона къ половинѣ 1902 года было учреждено уже 32 новыхъ бюро. Примѣру Викторіи вскорѣ послѣдовала другая колонія Южная Австралія. Въ 1900 году въ ней былъ изданъ законъ, скопировавшій постановленія Викторіи о бюро заработной платы и устранившій нѣкоторые недостатки, обнаружившіеся при примѣненіи первыхъ. Такъ, бюро было предоставлено при опредѣленіи обязательнаго минимума зараработной платы дѣлать исключенія для пожилыхъ или слабыхъ рабочихъ, которые не могли бы быть приняты хозяевами на общихъ условіяхъ (что замѣчалось при примѣненіи акта 1896 г. въ Викторіи). Предѣломъ заработной платы для фабричныхъ дѣтей поставлены 4 шилл. (вмѣсто 2 шилл. въ Викторіи)[1]).

[1]) W. P. Reeves. The state experiments in Australia and New Zealand. vol. II, London 1902, стр. 50—69.

Приведенные примѣры съ достаточной убѣдительностью показываютъ, что ученіе объ уровнѣ жизни какъ факторѣ, вліяющемъ на высоту заработной платы, введенное въ теорію распредѣленія Рикардо и закрѣпленное Энгельсомъ, Марксомъ, Лассалемъ и Родбертусомъ, нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. Надлежащее продолженіе задачи, поставленной классической и соціалистической школами, требуетъ при этомъ обстоятельнаго изслѣдованія какъ характера самыхъ стремленій рабочихъ, такъ и тѣхъ силъ, которыя позволяютъ этимъ стремленіемъ перейти въ дѣйствительность.

Глава третья.

Теорія фонда заработной платы.

Причины, способствовавшія созданію теоріи фонда заработной платы. Теоретики фонда начала XIX столѣтія: Мальтусъ, Джемсъ Милль, Макъ-Кёллокъ. Формулировка ученія о фондѣ Дж. Стюартомъ Миллемъ. Перри и Фаусетъ. Первыя серьезныя нападенія критики: Лонджъ, Торнтонъ. Отказъ Дж. Ст. Милля отъ теоріи фонда. Попытка Кэрнса реабилитировать это ученіе. Неудача ея. Теорія фонда и у Кернса ограничивается только изслѣдованіемъ спроса на трудъ. Ошибочность исходныхъ посылокъ, принимаемыхъ теоретиками фонда при объясненіи источника заработной платы. Критическія замѣчанія Германа, Родбертуса и Уокера. Предприниматель руководствуется при наймѣ рабочихъ не ретроспективными соображеніями, а расчетомъ на будущую прибыль отъ предпріятія. Несостоятельность допущенія объ однородности труда. Неправильная оцѣнка вліянія трэдъ-юніоновъ. Ошибки въ предсказаніяхъ теоретиковъ фонда. Общая оцѣнка этой теоріи.

Вскорѣ послѣ того какъ Рикардо формулировалъ теорію средствъ существованія, англійскіе экономисты стали склоняться къ другой, не менѣе односторонней теоріи, исходившей, въ противоположность первой, по преимуществу изъ идеи спроса на трудъ. Сложившаяся вначалѣ подъ впечатлѣніемъ условій англійской экономической жизни конца XVIII и начвла XIX в., указывавшихъ какъ бы на зависимость дохода трудящихся классовъ отъ имѣющагося въ странѣ запаса

пищи [1]), эта теорія была поддержана впослѣдствіи могущественнымъ вліяніемъ интересовъ класса капиталистовъ. Борьба между различными группами анлійскаго общества двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, принимавшая временами чрезвычайно бурный характеръ (чартистское движеніе, агитація въ пользу десятичасового рабочаго дня), не могла не оставить глубокаго слѣда и на теоретическомъ обсужденіи

[1]) „Время, когда Мальтусъ писалъ свой опытъ о народонаселеніи, ознаменовалось рядомъ неурожаевъ, а подвозъ хлѣба изъ-за границы могъ производиться тогда лишь въ небольшихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, получалось представленіе, что изъ года въ годъ количество пищи въ странѣ не измѣняется, а численность населенія, нуждающагося въ ней, увеличивается. Населеніе возрастало быстрѣе средствъ къ существованію; болѣе высокая денежная плата не могла бы увеличить потребнаго количества пищи. Такъ напр., въ 1800 г., когда квартеръ пшеницы стоилъ 127 шилл., было ясно, что богатые не могутъ помочь бѣднымъ, повысивъ имъ заработную плату, ибо это подняло бы только цѣну на хлѣбъ, имѣющійся въ твердо ограниченномъ количествѣ. Мальтусъ полагалъ, что количество пищи представляетъ на практикѣ постоянную величину; слѣдовательно, если населеніе не уменьшится, то съ теченіемъ времени рабочая плата упадетъ, ибо придется пустить въ обработку худшіе земельные участки и добываніе пищи будетъ связано съ большими трудностями. Между тѣмъ наблюдаемый имъ періодъ былъ совершенно исключительнымъ. Съ заключеніемъ мира настали урожайные годы и изобиліе хлѣба: пища подешевѣла, несмотря на то, что населеніе возрастало въ прежней пропорціи. Слѣдовательно, въ этомъ видѣ теорія была примѣнима только къ 20-тилѣтнему промежутку между 1795 и 1815 гг. Но разъ выставлено было положеніе, что рабочая плата зависитъ отъ отношенія между народонаселеніемъ и пищею, то легко было подставить капиталъ вмѣсто пищи и, неправильно отождествляя пищу и капиталъ, сказать, что плата зависитъ отъ отношенія между народонаселеніемъ и капиталомъ. Затѣмъ, когда это отождествленіе было забыто, явилось предположеніе, что во всякій данный моментъ существуетъ твердо опредѣленное количество капитала,—пищи, сапоговъ, шляпъ, мебели, платья и пр.,—предназначеннаго на рабочую плату, увеличить или уменьшить которое не въ состояніи ни предприниматели, ни рабочіе. Такимъ путемъ возникло мнѣніе, что высота рабочей платы регулируется естественнымъ закономъ, независящимъ отъ воли обѣихъ договаривающихся сторонъ". Тойнби, Промышленный переворотъ въ Англіи, стр. 195—197. См. также Fr. A. Walker. The Wages Question. A treatise on wages and the wages class. London 1891, стр. 140 и M-c Donnell, указ. соч., стр. 2—3.

основныхъ вопросовъ политической экономіи. Теорія, отрицавшая всякое практическое значеніе за рабочими союзами и стачками, видѣвшая въ фабричномъ законодательствѣ только гибельное вторженіе въ дѣйствіе естественныхъ законовъ народнаго хозяйства, была какъ нельзя болѣе на руку сторонникамъ интересовъ класса капиталистовъ, въ рядахъ которыхъ сознательно или безсознательно стояли тогда почти всѣ выдающіеся экономисты Англіи [1]). Наконецъ, на нѣкоторыхъ экономистовъ (напр. на Милля) оказывала огромное вліяніе тѣсная связь этой теоріи съ ученіемъ Мальтуса о населеніи, составлявшимъ краеугольный камень ихъ экономическаго міровоззрѣнія.

Въ развитіи ученія о фондѣ заработной платы необходимо отмѣтить три главныхъ момента: 1) первоначальное обоснованіе его и формулировка въ трудахъ Мальтуса, Джемса Милля, Макъ-Кёллока, Дж. Стюарта Милля, Фаусета и друг.; 2) попытка защиты послѣ первыхъ серьезныхъ нападеній Лонджа, Торнтона и Дж. Ст. Милля (послѣ его отказа отъ этой теоріи) Кэрнсомъ, развившимъ теорію фонда до ея послѣднихъ логическихъ предѣловъ; и 3) воскрешеніе этой теоріи въ недавнее время въ значительно модифицированномъ видѣ Бёмъ-Баверкомъ и Тауссигомъ. Въ настоящей главѣ мы остановимся только на первыхъ двухъ моментахъ, такъ какъ полная оцѣнка положеній, выдвинутыхъ Бёмъ-Баверкомъ и Тауссигомъ, требуетъ предварительной характеристики развитія теоріи заработной платы за время между упадкомъ старой англійской теоріи фонда и попытками ея воскрешенія.

[1]) „Я не стану заподазривать, говоритъ Ф. Уокеръ, научное безпристрастіе тѣхъ, кто первый отчетливо сформулировалъ эту теорію заработной платы; но можно съ большой вѣроятностью принять, что общему признанію ея немало благопріятствовалъ тотъ фактъ, что она давала полное оправданіе существующему порядку вещей въ вопросѣ о заработной платѣ". Опираясь на нее, „было легко отвѣчать на жалобы или требованія рабочихъ классовъ и доказывать безплодность трэдъюніоновъ и стачекъ какъ средствъ повышенія платы". F. Walker. The Wages Question, стр. 140.

Зародыши теоріи фонда (какъ было показано въ первой главѣ) можно найти уже у Ад. Смита. Но они были намѣчены слишкомъ слабыми и неопредѣленными чертами и кромѣ того противорѣчили его основному взгляду на доходъ общества и условія его распредѣленія. Поэтому, несмотря на его частыя заявленія объ авансированіи заработной платы капиталистами (въ особенности во второй книгѣ „Богатства народовъ"), его невозможно отнести къ теоретикамъ фонда въ строгомъ смыслѣ слова. Исходнымъ пунктомъ теоріи распредѣленія у Смита было изслѣдованіе труда самостоятельнаго производителя, что предохраняло его и при разсмотрѣніи условій наемнаго труда отъ взгляда на рабочаго какъ на простое средство производства, употребляемое предпринимателемъ наравнѣ съ машинами и сырыми матеріалами. По духу ученія Смита, рабочій является такимъ же пайщикомъ въ чистомъ доходѣ общества, какъ и капиталистъ и землевладѣлецъ, съ той только разницей, что послѣ установленія частной собственности на землю и капиталъ онъ получаетъ свой доходъ не непосредственно, а изъ рукъ владѣющихъ классовъ. Въ первой книгѣ Смитъ довольно твердо держится этого взгляда; во второй же, характеризуя сущность и роль капитала, онъ больше склоняется къ точкѣ зрѣнія частнаго предпринимателя. Однако, и здѣсь мѣстами его руководящее воззрѣніе беретъ перевѣсъ, и онъ возвращается опять къ прежней мысли, что чистый продуктъ общества есть вознагражденіе за затрачиваемый имъ трудъ [1]).

[1]) Напр., сказавъ, что если деньги будутъ употреблены на покупку „добавочнаго запаса (stock) матеріаловъ, орудій и пищи (provisions) для того чтобы поддерживать на работѣ добавочное количество трудящихся, которые воспроизводятъ съ прибылью цѣнность ихъ годичнаго потребленія", то промышленность выиграетъ,—онъ непосредственно продолжаетъ: „Валовой доходъ общества, годичный продуктъ его земли и труда увеличивается на всю цѣнность, какую трудъ этихъ рабочихъ прибавляетъ къ матеріаламъ, надъ которыми они работаютъ, а его чистый доходъ — на то, что остается отъ этой цѣнности за вычетомъ того, что необходимо для поддержанія орудій и инструментовъ ихъ промысла". Wealth of Nations, стр. 119. Ср. O. Jaeger. Die Grundlegung der

Съ гораздо большимъ основаніемъ въ ряды сторонниковъ теоріи фонда можно зачислить Мальтуса, который, несмотря на крайне сложную внѣшнюю форму его изслѣдованій, по существу былъ очень склоненъ къ упрощенному трактованію экономическихъ проблемъ и—въ особенноотн въ вопросѣ о заработной платѣ—часто становился на точку зрѣнія предпринимателя.

Уже въ первомъ изданіи своего „Опыта о населеніи" Мальтусъ выставилъ, полемизируя съ Ад. Смитомъ, положеніе, что доходъ рабочихъ опредѣляется размѣромъ фондовъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе. Онъ считаетъ здѣсь такими фондами только продукты земледѣлія, а не индустріи, въ чемъ и заключается главный пунктъ его полемики съ Ад. Смитомъ [1]). Въ „Principles of Political Economy" (вышедшихъ первымъ изданіемъ черезъ три года послѣ „Principles" Рикардо), Мальтусъ разошелся и съ Рикардо, противопоставляя его ученію объ естественной заработной платѣ теорію спроса и предложенія [2]). Однако, спеціально

theoretischen Nationalökonomie durch Ad. Smith. Zeitschrift für Volkswirthschaft, Socialpolitik und Verwaltung, IX Bd. (1900), стр. 93—94, 113—114 и 128—129.

[1]) „Little or no doubt can exist, that the comforts of the labouring poor depend upon the increase of the funds destined for the maintenance of labour; and will be very exactly in proportion to the rapidity of this increase. The demand for labour which such increase would occasion, by creating a competition in the market, must necessarily raise the value of labour; and till the additional number of hands required were reared, the increased funds would be distributed to the same number of persons as before the increase, and therefore every labourer would live comparatively at his ease", и т. д. An Essay on the principle of population, etc. London 1798, стр. 305—309. Тѣ же мысли, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій (кромѣ незначительныхъ редакціонныхъ поправокъ) Мальтусъ высказалъ и въ послѣдующемъ, расширенномъ изданіи „Опыта". См. T. R. Malthus, An Essay on the principle of population, etc. London 1803, стр. 420—429.

[2]) „Рикардо называетъ естественной цѣной труда такую, которая необходима для того, чтобы дать рабочимъ возможность существовать и продолжать ихъ родъ безъ увеличенія или уменьшенія. Эту цѣну въ дѣйствительности я склоненъ назвать самой неестественной цѣной, потому что въ естественномъ состояніи вещей, т. е. безъ боль-

къ вопросу о фондѣ заработной платы Мальтусъ въ этомъ изданіи относится не безъ колебаній. Во всякомъ случаѣ онъ не рѣшился повторить здѣсь тѣхъ положеній, которыя онъ уже высказалъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ своемъ „Опытѣ" [1]). Но въ слѣдующемъ изданіи „Principles" (вышедшемъ послѣ смерти автора, черезъ 16 лѣтъ послѣ перваго) Мальтусъ опять поставилъ вопросъ о фондѣ заработной платы, понимая подъ нимъ на этотъ разъ не одинъ запасъ пищи, а всякаго рода средства существованія рабочихъ. „Для быстраго возрастанія населенія, говоритъ здѣсь Мальтусъ, существенно необходимъ большой и постоянный (continued) спросъ на трудъ; а онъ соотвѣтствуетъ нормѣ возрастанія количества и цѣнности тѣхъ фондовъ, которые въ дѣйствительности употребляются на содержаніе труда, возникаютъ ли они изъ капитала или дохода. Обыкновенно считали, продолжаетъ Мальтусъ, что спросъ на трудъ соотвѣтствуетъ

шихъ препятствій прогрессу богатства и населенія, такая цѣна вообще не могла бы встрѣтиться за сотни лѣтъ. Но если эта цѣна въ дѣйствительности встрѣчается рѣдко и въ обыкновенномъ состояніи вещей черезъ столь большіе промежутки времени, то очевидно, что разсматриваніе рыночныхъ цѣнъ труда только въ качествѣ уклоненій вверхъ и внизъ отъ этой постоянной (fixed) цѣны, къ которой онѣ должны скоро вернуться,—должно приводить къ большимъ ошибкамъ. Подъ естественной или необходимой цѣной труда въ какой либо странѣ я понималъ бы ту цѣну, которая въ дѣйствительныхъ условіяхъ существованія общества необходима для того, чтобы создать среднее предложеніе рабочихъ, достаточное по сравненію съ среднимъ спросомъ"... T. R. Malthus. Principles of Political Economy considered with a view to their practical application. London 1820, стр. 247.

[1]) Несмотря на полемическое отношеніе къ Рикардо, Мальтусъ не могъ, однако, не поддаваться его вліянію. Такъ, упорно настаивая на мысли, что „принципъ спроса и предложенія является верховнымъ регуляторомъ цѣнъ труда и товаровъ не только временно, но постоянно", Мальтусъ указываетъ, что причиной высоты заработной платы являются не одни размѣры существующаго въ странѣ фонда, но и standard of life рабочихъ. „The conditions of the labouring classes of society, говоритъ онъ, must evidently depend, partly upon the rate at which the resources of the country and the demand for labour are increasing; and partly, on the habits of the people in respect to their food, clothing and lodging" etc. Principles, первое изд., стр. 248.

только оборотному, а не постоянному капиталу страны. Но въ дѣйствительности спросъ на трудъ не соотвѣтствуетъ (курсивъ Мальтуса) возрастанію капитала въ какой бы то ни было формѣ его, ни даже, какъ я думалъ когда-то, возрастанію мѣновой цѣнности всего годичнаго продукта. Онъ соотвѣтствуетъ единственно, какъ было сказано выше, нормѣ возрастанія количества и цѣнности тѣхъ фондовъ, которые дѣйствительно употребляются на содержаніе труда. Эти фонды состоятъ главнымъ образомъ въ необходимыхъ средствахъ къ жизни, т. е. въ средствахъ покупки пищи, одежды, жилища и топлива для рабочихъ классовъ общества"... [1]).

Въ приведенныхъ заявленіяхъ Мальтуса нельзя еще видѣть, конечно, строгой формулировки теоріи фонда. Но они заключали въ себѣ въ связи съ указаніями Смита и ученіемъ Рикардо о валовомъ и чистомъ доходѣ, достаточный для этого матеріалъ. Усиленное подчеркиваніе важности спроса на трудъ и крайне упрощенное объясненіе условій его предложенія давали при этомъ руководящее указаніе, которымъ и не замедлили воспользоваться экономисты, популяризовавшіе идеи классической школы [2]). Особенное значеніе въ созданіи новой односторонней теоріи, сводившей весь вопросъ объ установленіи заработной платы къ количественному отношенію между капиталомъ и населеніемъ, имѣли работы Джемса Милля и Макъ-Келлока, которые превратили сложное и запутанное ученіе Мальтуса, загроможденное многочисленными отступленіями въ сторону и утомительными историческими экскурсами, въ стройный рядъ элементарныхъ положеній, доступныхъ пониманію самаго широкаго круга читателей. Теорія фонда становится съ этого времени ходкимъ ученіемъ, стеоретипно повторяемымъ представите-

[1]) Malthus, Principles, 2-е изд. (1836), стр. 248 и слѣд.

[2]) Таусситъ (Wages and Capital, стр. 159—163 и 203—207) несправедливо отводитъ Мальтусу слишкомъ незначительное мѣсто въ развитіи теоріи фонда. Ср. J. Bonar. Malthus and his work. London 1885, стр. 270 и его же статью о Мальтусѣ въ Palgrave's Dictionary of Political Economy, II, стр. 673.

лями буржуазныхъ воззрѣній какъ при обсужденіи чисто теоретическихъ проблемъ политической экономіи, такъ и при отстаиваніи практическихъ цѣлей хозяйственной политики [1]).

Въ своемъ краткомъ курсѣ политической экономіи, выпущенномъ черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ „Principles" Мальтуса, Джемсъ Милль, съ свойственными ему прямолинейностью и категоричностью утвержденій, устанавливаетъ полную зависимость высоты заработной платы отъ размѣровъ заготовленнаго для уплаты ея капитала. Оговариваясь, что иногда работникъ „является собственникомъ всего капитала, какого требуетъ его трудъ", Джемсъ Милль указываетъ, что „въ бо́льшемъ количествѣ случаевъ, въ особенности на болѣе усовершенствованныхъ стадіяхъ общества" рабочій и собственникъ капитала являются разными лицами. Рабочій получаетъ при этомъ свою долю въ распредѣленіи впередъ" [2]).

---

[1]) Можно отмѣтить и болѣе раннія попытки такой формулировки. „Цѣна труда, говоритъ Бьюкананъ въ примѣчаніяхъ къ изданію Ад. Смита 1814 г., ...поднимается или падаетъ вмѣстѣ со спросомъ... Но самый спросъ регулируется нѣкоторыми общими причинами и въ особенности состояніемъ національнаго капитала. Такъ какъ онъ (капиталъ) является великимъ фондомъ (назначеннымъ) для употребленія и содержанія труда, то спросъ долженъ измѣняться пропорціонально его возрастанію или уменьшенію". И далѣе: „противъ общаго недостатка въ работѣ единственнымъ средствомъ можетъ быть только увеличеніе фондовъ, назначенныхъ на поддержаніе промышленности; и никакой планъ не улучшитъ на самую малость положенія рабочаго, если онъ не будетъ имѣть такого результата". Аналогичная мысль была выражена и въ популярномъ сочиненіи г-жи Марсетъ въ Conversations of Political Economy 1816 г.:

Каролина. Что опредѣляетъ высоту заработной платы?

M-rs B. Она зависитъ отъ отношеніи капитала къ трудящейся части населенія страны.

Каролина. Или другими словами, отъ отношенія средствъ существованія къ количеству лицъ, которыя должны содержаться на нихъ?

M-rs B. Да. См. Cannan, указ. соч., стр 241—242.

[2]) James Mill. Elements of Political Economy, London 1821, стр. 24—25.

Какъ опредѣляются размѣры долей рабочаго и капиталиста, по мнѣнію Дж. Милля, легко объяснить. Эти доли оказываются результатами сдѣлки, заключаемой при условіи свободной конкуренціи, а слѣдовательно, въ зависимости отъ состоянія спроса и предложенія. Если при прежнемъ количествѣ средствъ, употребляемыхъ на наемъ рабочихъ (requisites for the employment of labour), число рабочихъ увеличилось бы въ полтора раза, то очевидно, что новые рабочіе, желая получить занятіе, стали бы предлагать свои услуги за меньшую плату,—и уровень платы понизился бы. И наоборотъ,—если бы количество капитала увеличилось, а число рабочихъ осталось бы неизмѣннымъ, то плата поднялась бы. Примѣняя эти соображенія къ общему запасу капитала страны и общему количеству ея населенія, Милль и устанавливаетъ окончательный выводъ, что „если населеніе возрастаетъ безъ увеличенія капитала, плата падаетъ, и если капиталъ увеличивается, безъ возрастанія населенія, плата поднимается. Очевидно также, что если и капиталъ и населеніе увеличиваются, но одинъ быстрѣе другого, то результатъ будетъ такой же, какъ если бы одинъ изъ этихъ элементовъ совсѣмъ не увеличивался, а другой возросъ только на величину разницы. Предположимъ, для примѣра, что населеніе увеличилось на одну восьмую и капиталъ на одну восьмую; для вознагражденія за трудъ это будетъ имѣть такое значеніе, какъ если бы они оставались неизмѣнными. Но допустимъ, что въ придачу къ вышеупомянутой одной восьмой населеніе увеличилось еще на одну восьмую; тогда вліяніе этого на заработную плату будетъ таково же, какъ если бы капиталъ совсѣмъ не увеличился, а населеніе увеличилось на одну восьмую.

Такимъ образомъ, заключаетъ Джемсъ Милль, мы можемъ установить всеобщій выводъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, если отношеніе между капиталомъ и населеніемъ останется прежнимъ, плата не измѣнится; если отношеніе капитала къ населенію увеличится, плата поднимется, если отношеніе населенія къ капиталу увеличится, плата упадетъ[1]).

[1]) James Mill, указ. соч., стр. 26—28.

Въ этихъ словахъ уже заключается въ скрытомъ видѣ положеніе, что дѣйствительная заработная плата составляетъ частное, полученное отъ дѣленія общей суммы капитала, заготовленнаго въ странѣ на выдачу заработной платы, на общее количество рабочихъ; но Джемсъ Милль не рѣшился еще высказать его съ полной опредѣленностью. Это сдѣлалъ другой популяризаторъ классической доктрины—весьма извѣстный въ свое время въ Англіи экономистъ и практическій дѣятель—Макъ Кёллокъ.

„Способность какой-либо страны содержать и употреблять рабочихъ, говоритъ Макъ-Кёллокъ, ни малѣйшимъ образомъ не зависитъ отъ выгоды положенія, богатства почвы или размѣровъ территоріи. Это—несомнѣнно, обстоятельства, имѣющія весьма большое значеніе... Но, очевидно, не отъ нихъ, но отъ дѣйствительнаго количества накопленнаго продукта прежняго труда, или отъ капитала, назначаемаго на выдачу заработной платы, имѣющагося въ странѣ, должна зависѣть ея способность содержать и нанимать рабочихъ... Необходимымъ послѣдствіемъ этого принципа является, что количество средствъ существованія, приходящееся на каждаго рабочаго, или размѣръ заработной платы, должно зависѣть отъ пропорціи, въ какой капиталъ находится ко всему трудящемуся населенію. Если бы количество капитала увеличилось, а соотвѣтственнаго возрастанія населенія не произошло бы, то каждый индивидуумъ получилъ бы большую долю, т. е. размѣръ заработной платы увеличился бы. А если бы, напротивъ, населеніе увеличилось быстрѣе, чѣмъ капиталъ, то каждому индивидууму досталась бы меньшая доля, т. е. размѣръ заработной платы уменьшился бы. Для иллюстраціи этого предположимъ, что капиталъ какой-либо страны, назначаемый на выдачу заработной платы, выраженный въ пшеницѣ, образуетъ массу въ 10,000,000 квартеровъ. Если бы количество рабочихъ въ этой странѣ равнялось двумъ милліонамъ, то очевидно, что заработная плата каждаго изъ нихъ, выраженная также въ пшеницѣ, составила бы пять квартеровъ; и очевидно также, что такой размѣръ заработной платы не могъ бы быть увеличенъ иначе,

чѣмъ посредствомъ увеличенія количества капитала въ большей пропорціи, чѣмъ количества рабочихъ, или путемъ уменьшенія количества рабочихъ въ большей пропорціи сравнительно съ уменьшеніемъ количества капитала... Благосостояніе и комфортъ трудящихся классовъ зависитъ поэтому спеціально отъ отношенія между возрастаніемъ ихъ количества и возрастаніемъ капитала, назначеннаго, чтобы кормить и употреблять ихъ. Если ихъ число будетъ увеличиваться быстрѣе, чѣмъ капиталъ, ихъ заработная плата уменьшится; а если они будутъ размножаться медленнѣе, ихъ плата увеличится. Въ дѣйствительности, въ распоряженіи рабочаго класса нѣтъ никакихъ средствъ увеличить потребленіе предметовъ необходимости и удобства, кромѣ ускоренія возрастанія капитала сравнительно съ населеніемъ или замедленія возрастанія населенія по сравненію съ капиталомъ; и каждая схема улучшенія положенія рабочаго, не основанная на этомъ принципѣ, или не имѣющая своей цѣлью увеличенія размѣра капитала сравнительно съ населеніемъ, должна быть совершенно вздорной и недѣйствительной" [1]). Въ видѣ примѣра вліянія на высоту заработной платы отношенія между населеніемъ и капиталомъ Макъ-Кёллокъ беретъ Ирландію (по сравненію съ Англіей и Шотландіей). Населеніе Великобританіи, указываетъ онъ, увеличилось за 100 лѣтъ, съ 1620 по 1721 г., немного болѣе чѣмъ вдвое; населеніе же Ирландіи, капиталъ которой возрасталъ очень медленно, увеличилось за то же самое время почти вчетверо. Отсюда, по его мнѣнію, и разница въ заработной платѣ въ Ирландіи и Великобританіи. „Никакое утвержденіе не можетъ быть болѣе вѣрнымъ, чѣмъ то, что безпримѣрная нищета ирландскаго народа непосредственно обязана чрезмѣрному увеличенію его численности; и ничто не можетъ быть болѣе безплоднымъ, чѣмъ ожиданіе какого нибудь дѣйствительнаго или длящагося улучшенія въ его положеніи, пока не будетъ создано дѣйствительное препят-

[1]) J. R. M-c Culloch. The Principles of Political Economy etc. London 1830 (2-d ed.), стр. 377—379.

ствіе росту населенія. Очевидно также, что низкое и жалкое положеніе, въ которомъ погрязъ теперь ирландскій народъ, является положеніемъ, до котораго долженъ унизиться всякій народъ, численность котораго будетъ увеличиваться въ теченіе значительнаго періода быстрѣе средствъ доставленія ему удобнаго и приличнаго существованія; и таково должно быть будущее каждой старо-заселенной страны, въ которой принципъ размноженія не встрѣчаетъ могущественнаго противовѣса въ моральномъ воздержаніи, или въ надлежащемъ благоразуміи и предусмотрительности при образованіи супружескихъ союзовъ" [1]).

Въ Principles of Political Economy Макъ-Кёллокъ какъ въ первомъ, такъ и послѣдующихъ изданіяхъ проходитъ молчаніемъ вопросъ о вліяніи на измѣненія въ заработной платѣ дѣятельности рабочихъ организацій. Но въ спеціальной работѣ о заработной платѣ, выпущенной первымъ изданіемъ еще въ 1826 году и повторенной въ 1851, онъ отводитъ особую главу этому вопросу. Онъ высказывается здѣсь съ рѣшительнымъ осужденіемъ закона, воспрещающаго коалиціи рабочихъ и привѣтствуетъ его отмѣну (въ 1824 году), находя, въ строгомъ соотвѣтствіи съ основными принципами своего міровоззрѣнія, что и въ этомъ случаѣ такъ же какъ и въ другихъ, вмѣшательство законодательства въ свободную борьбу сторонъ на рынкѣ не можетъ быть оправдано [2]). Впрочемъ, быть можетъ, эта послѣдовательность Макъ-Кёллока вытекала въ извѣстной мѣрѣ и изъ его убѣжденія, что никакія усилія рабочихъ не въ состояніи поднять заработную плату выше

[1]) M-c Culloch, указ. соч., стр. 380—383.

[2]) „That workmen ought to be allowed freely to combine or associate together for the purpose of adjusting the terms on which they shall sell their labour, is apparently a most reasonable proposition. Wages, like everything else, ought always be left to be regulated by the fair and free competition of the parties in the market, and ought never to be controlled by the interference of the Legislator". M-c Culloch. An Essay on the circumstances which determine the rate of wages, and the condition of the labouring classes. Edinbourg 1826, стр. 184—175. Извѣстно, что Макъ-Кёллокъ принималъ дѣятельное участіе и въ самой борьбѣ противъ закона о коалиціяхъ.

ея „естественнаго“ предѣла [1]). Дѣятельность рабочихъ союзовъ можетъ поднимать заработную плату, по мнѣнію Макъ-Кёллока, только въ томъ случаѣ, если въ данный моментъ хозяева удерживаютъ ее насильственно ниже ея нормальнаго уровня [2]). Но тотъ же самый результатъ, спѣшитъ онъ добавить, можетъ быть достигнутъ и простой конкуренціей между хозяевами. Поэтому, „разсматривая въ цѣломъ предпріятія нашей страны, мы не думаемъ, чтобы законы о коалиціяхъ рабочихъ имѣли малѣйшее вліяніе на среднюю и обычную норму (курсивъ Макъ-Кёллока) заработной платы“. „Разница между запрещеніемъ и свободой коалицій рабочихъ заключается (въ вопросѣ о подъемѣ заработной платы) только въ томъ, что при свободѣ рабочіе могутъ немедленно поднять свое вознагражденіе до его надлежащаго предѣла; тогда какъ при запрещеніи для этого требуется болѣе или менѣе продолжительное время, пока высокая прибыль, созданная ненадлежащимъ уменьшеніемъ заработной платы, не станетъ общеизвѣстной и не привлечетъ въ дан-

[1]) См. Mac-Culloch, указ. соч., стр. 189—205. Интересно, что Макъ-Кёллокъ аргументируетъ здѣсь не просто ссылкой на фондъ заработной платы, а и на слабость рабочихъ по сравненію съ хозяевами (ссылаясь на извѣстное мѣсто изъ Ад. Смита).

[2]) Здѣсь Макъ Кёллокъ также не вполнѣ еще отрѣшился отъ вліянія разсужденія Смита о борьбѣ между хозяевами и рабочими. „Никакой хозяинъ, говоритъ онъ, никогда не согласится добровольно на подъемъ заработной платы; и требованіе увеличенія платы, предъявляемое однимъ или немногими индивидуумами, вѣроятно, будетъ не принято во вниманіе, пока ихъ товарищи будутъ продолжать работать за прежнюю плату. Только когда всѣ или большая часть рабочихъ, занятыхъ у какого-либо хозяина или въ какой-либо отрасли промышленности, объединятся... и откажутся продолжать работу, пока не получатъ прибавки къ заработной платѣ,—у хозяевъ возникнетъ непосредственный интересъ согласиться на ихъ требованіе. Отсюда очевидно, что безъ существованія открытой и признанной (курсивъ вездѣ Макъ-Кёллока) или молчаливой и дѣйствительной коалиціи, рабочіе никогда не будутъ въ состояніи добиться подъема заработной платы ихъ собственными усиліями, но будутъ цѣликомъ поставлены въ зависимость отъ конкуренціи между ихъ хозяевами“. Mac-Gulloch, указ. соч., стр. 187.

ныя предпріятія капитала изъ другихъ предпріятій [1]). Поэтому въ заключеніи разсматриваемой главы Макъ-Кёллокъ съ особенной энергіей настаиваетъ на гибельности усилій рабочихъ „искусственно" поднять заработную плату выше уровня, указываемаго отношеніемъ количества рабочихъ къ имѣющемуся фонду, т. е. расчитывать на какія бы то ни было иныя средства, кромѣ благоразумнаго воздержанія отъ чрезмѣрнаго размноженія [2]).

[1]) Mac-Culloch, указ. соч., стр. 187—188.

[2]) „Предполагать, что какая бы то ни было коалиція можетъ имѣть результатомъ удержаніе заработной платы на искусственно поднятомъ уровнѣ,—значитъ обнаружить крайнюю степень невѣжества и безумія. Размѣры заработной платы зависятъ. какъ мы показали уже, не отъ опаснаго и обыкновенно разорительнаго средства коалиціи, но отъ благоразумія и предусмотрительности рабочихъ и сдержанности, обнаруживаемой ими въ заключеніи брачныхъ связей. Если рынокъ переполненъ трудомъ, заработная плата будетъ низка, до какого объема ни была бы доведена организація рабочихъ; если же, напротивъ, онъ недостаточно снабженъ трудомъ, заработная плата будетъ высока, хотя бы организація рабочихъ была совершенно неизвѣстна. Конкуренція капиталистовъ всегда обезпечитъ рабочимъ всю заработную плату, какую при всѣхъ обстоятельствахъ даннаго случая они могутъ получить"... Mac-Culloch, указ. соч., стр. 204—205. Во второмъ изданіи разсматриваемой работы Макъ-Кёллокъ повторилъ по существу тѣ же мысли, останавливаясь только съ нѣсколько большею подробностью на вопросѣ о стачкахъ съ цѣлями подъема платы выше ея „нормальнаго" уровня. Безплодность этого рода стачекъ Макъ-Кёллокъ доказываетъ и здѣсь тѣми же аргументами, что и въ первомъ изданіи, между прочимъ, особенно настаивая (помимо вышеприведенныхъ соображеній) на томъ, что 1) хозяева всегда могутъ замѣнить стачечниковъ новыми рабочими; 2) сдѣлать излишнимъ извѣстное количество рабочихъ введеніемъ новыхъ машинъ и 3) вывезти капиталы за границу. Всего подробнѣе, по сравненію съ предыдущимъ изданіемъ, Макъ-Кёллокъ останавливается здѣсь на послѣднемъ аргументѣ (высказанномъ въ первомъ изданіи лишь вскользь). Вообще вопросу о союзахъ въ этомъ изданіи Макъ-Кёллокъ удѣлилъ больше вниманія, чѣмъ въ первомъ, что отмѣтилъ даже и въ самомъ заглавіи книги (A treatise on the circumstances which determine the rate of wages and the condition of the labouring classes including an inquiry into the influence of combinations. London 1854). Однако, было бы неправильно думать (какъ напр. Тауссигъ), что второе изданіе по существу содержитъ новые аргументы по данному вопросу по сравненію съ первымъ изданіемъ. Ср. Taussig, стр. 212—213.

Черезъ 23 года послѣ выхода въ свѣтъ Principles Макъ-Кёллока теорія фонда была поддержана и на долго закрѣплена въ англійской политической экономіи Джономъ Стюартомъ Миллемъ, цѣликомъ принявшимъ ее въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи". Къ этому времени существовала уже въ англійской литературѣ попытка построенія новой теоріи, болѣе отвѣчающей новымъ жизненнымъ условіямъ (Сеньора); но Милль почему-то не обратилъ на нее вниманія и остался въ вопросѣ о заработной платѣ „вѣренъ идеямъ своего дѣтства" [1]). Впрочемъ, онъ не просто повторилъ извѣстныя уже положенія, а придалъ имъ оригинальную формулировку и болѣе строгое обоснованіе.

Для вывода общаго закона заработной платы Милль принимаетъ два допущенія: 1) однородность труда („какъ если бы не существовало другого труда, кромѣ обыкновеннаго неискуснаго труда") и 2) наличность свободной конкуренціи.

При такихъ условіяхъ, утверждаетъ Милль, „заработная плата зависитъ отъ спроса и предложенія труда; или, какъ часто говорятъ, отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ здѣсь понимается количество только рабочаго класса, или скорѣе лицъ, работающихъ по найму; а подъ капиталомъ—только оборотный капиталъ и даже не весь цѣликомъ, а только та его часть, которая расходуется на непосредственную покупку труда. Къ ней, однако, должны быть прибавлены всѣ фонды, которые, не входя въ составъ капитала, уплачиваются въ обмѣнъ за трудъ, какъ напр., заработная плата солдатъ, домашней прислуги и всѣхъ другихъ непроизводительныхъ работниковъ. Къ несчастью, нельзя выразить какимъ-нибудь однимъ понятнымъ терминомъ тотъ аггрегатъ, который можно было бы назвать фондомъ заработной платы данной страны; а такъ какъ плата производительныхъ работниковъ составляетъ почти весь этотъ фондъ, то обыкновенно не принимаютъ въ расчетъ меньшую и менѣе важную часть его, и говорятъ,

---

[1]) Cannan, указ. соч., стр. 270.

что заработная плата зависитъ отъ населенія и капитала... При такомъ ограниченіи понятій (terms), заработная плата не только зависитъ отъ относительнаго количества капитала и населенія, но на нее не можетъ вліять ничто иное. Заработная плата (понимая подъ ней, конечно, общую норму) не можетъ подняться, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда увеличится сумма фондовъ, употребляемыхъ на наемъ рабочихъ или уменьшится количество лицъ, конкурирующихъ изъ за найма на работу; и не можетъ упасть, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уменьшатся фонды, назначаемые на оплату труда, или увеличится количество работниковъ, которымъ нужно платить" [1]).

Обычныя возраженія противъ этого закона, по мнѣнію Милля, нисколько не колеблятъ его значенія. Напр., говорятъ, что плата бываетъ высока, когда промышленность оживляется, и наоборотъ, что во время промышленнаго застоя плата падаетъ, хотя капиталъ страны и не уменьшился. Однако, капиталъ, лежащій праздно и не употребляемый на наемъ труда, имѣетъ для работниковъ на это время такое значеніе, какъ если бы его вовсе не было. Равнымъ образомъ, при оживленіи какой-либо отрасли промышленности предприниматели занимаютъ больше капитала, благодаря чему плата и повышается. Но всѣ такія колебанія имѣютъ мѣстный и временный характеръ; „общую же заработную плату ничто не можетъ измѣнить постояннымъ образомъ (permanently), кромѣ увеличенія или уменьшенія самого капитала (понимая всегда подъ этимъ терминомъ фонды всякаго рода, назначенные на оплату труда) сравнительно съ количествомъ труда, предлагаемаго въ наймы" [2]).

Точно такъ же, утвержденіе, что высокія цѣны на товары создаютъ высокую плату, не противорѣчитъ теоріи фонда заработной платы, потому что „высокія цѣны сами по себѣ могутъ поднять заработную плату только въ томъ слу-

[1]) John Stuart Mill. Principles of Political Economy with some of their applications to social philosophy. London 1900, стр. 237—238.

[2]) J. S. Mill, Principles of Political Economy, стр. 238.

чаѣ, если продавцы (dealers), получая больше, побуждаются и къ большимъ сбереженіямъ и такимъ образомъ создаютъ прибавку къ ихъ капиталу или по крайней мѣрѣ къ ихъ покупкамъ труда".

Наконецъ, положеніе, что заработная плата измѣняется вмѣстѣ съ цѣной пищи, также вѣрно лишь потому, что оно вытекаетъ изъ закона фонда заработной платы. Если цѣна пищи упадетъ настолько, что рабочій не въ силахъ будетъ содержать семью обычнаго размѣра, то часть дѣтей его преждевременно умретъ; и т. обр. заработная плата въ концѣ концовъ поднимется, но только потому, что уменьшится количество рабочихъ. Если же плата понизится на меньшую величину, отражаясь лишь на стѣсненіи обычнаго комфорта, то рабочіе „ограничатъ силу своего размноженія", и заработная плата поднимется благодаря уменьшенію рожденій [1]).

На этомъ основаніи Милль не считаетъ важной для рабочихъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ, какъ и вообще всякія мелкія улучшенія въ ихъ бытѣ. Только, если улучшеніе настолько значительно, что оно существенно измѣняетъ привычки рабочихъ и слѣдовательно отражается на ихъ размноженіи, можно надѣяться, по его мнѣнію, на постоянство подъема уровня жизни рабочихъ. Напр. „второе поколѣніе, выросшее послѣ французской революціи, настолько измѣнило привычный образъ жизни, что хотя страна никогда не была въ столь цвѣтущемъ состояніи, ежегодное количество рожденій оказывается теперь почти неизмѣняющимся, и увеличеніе населенія происходитъ чрезвычайно медленно" [2]).

Такъ сложилась новая теорія заработной платы, которая быстро была подхвачена популярной литературой, широко распространившей ее въ англійскомъ обществѣ 30-хъ—60-хъ г.г. Новыя теченія въ англійской рабочей средѣ и въ законодательствѣ, имѣвшія цѣлью обезпечить за рабочими болѣе твердую позицію въ ихъ отношеніяхъ къ предприни-

[1]) J. S. Mill, Principles, стр. 238—241.

[2]) Тамъ-же, стр. 241.

мателямъ, постоянно наталкивались на эту теорію, бывшую наиболѣе употребительнымъ оружіемъ въ рукахъ сторонниковъ господствующихъ классовъ. До какой степени вульгаризаціи доходили аргументы сторонниковъ теоріи фонда, показываетъ напр. курсъ политической экономіи американскаго профессора Перри, пользовавшійся долгое время весьма солидной репутаціей въ англійскомъ образованномъ мірѣ. Пересматривая теперь книгу Перри, трудно понять, какимъ образомъ эта чрезвычайно поверхностная и слабая работа могла пользоваться въ теченіе долгаго времени вниманіемъ публики. Вотъ напр., какимъ образомъ Перри раздѣлывается съ „популярными средствами противъ низкаго уровня заработной платы": Назначеніе законодательнаго минимума заработной платы? Давленіе общественнаго мнѣнія на предпринимателей въ пользу рабочихъ? Дѣятельность рабочихъ союзовъ? Каждое изъ этихъ средствъ, отвѣчаетъ Перри, „есть иллюзія, какъ вообще всякое другое предложеніе, игнорирующее законъ заработной платы... То, чѣмъ оплачивается трудъ въ каждой странѣ, есть извѣстная доля дѣйствительно накопленнаго капитала, который не можетъ быть увеличенъ ни предлагаемой дѣятельностью правительства, ни вліяніемъ общественнаго мнѣнія, ни организаціями самихъ рабочихъ. Въ каждой странѣ существуетъ также извѣстное количество рабочихъ, и это количество не можетъ быть уменьшено ни предлагаемой дѣятельностью правительства, ни общественнымъ мнѣніемъ, ни организаціями самихъ рабочихъ... Нельзя спорить противъ какого-либо изъ четырехъ основныхъ правилъ ариѳметики. Вопросъ о заработной платѣ есть вопросъ дѣленія. Жалуются, что частное очень мало. Прекрасно, но какіе же существуютъ пути для того, чтобы увеличить частное? Два пути: увеличьте ваше дѣлимое, оставивъ прежнимъ дѣлитель, и частное станетъ больше, уменьшите вашъ дѣлитель, оставивъ прежнимъ дѣлимое, и частное увеличится" [1]).

[1]) A. L. Perry. Elements of Political Economy. New-York 1866, стр. 120—121.

Казалось бы, что столь рѣшительныхъ утвержденій достаточно, чтобы прекратить всякую возможность дальнѣйшаго обсужденія вопроса о высотѣ заработной платы; но не имѣя силъ сдержать свое негодованіе по поводу попытокъ рабочихъ бороться противъ столь убѣдительно доказываемаго имъ „закона заработной платы", Перри выдѣляетъ особо вопросъ о стачкахъ. Признавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе могутъ, съ помощью стачки, заставить предпринимателя уплачивать имъ бóльшую плату, Перри обрушивается на эти способы борьбы съ тѣмъ большей горячностью.

Во-первыхъ, говоритъ онъ, стачки нарушаютъ принципъ свободы договора. „Конечно, пусть каждый устанавливаетъ наилучшія условія, какія онъ можетъ, но пусть сдѣлка всегда будетъ свободной. Если одна сторона, имѣя возможность употребить принужденіе надъ другой стороной, сдѣлаетъ такъ, то это будетъ уже совсѣмъ не сдѣлка, а родъ грабежа. Если проѣзжая на хорошей лошади по пустынной дорогѣ, я встрѣчу другого человѣка, ѣдущаго на худшей лошади, и онъ, будучи сильнѣе меня, заставитъ меня помѣняться лошадьми, то это можетъ быть очень хорошо для него, но я протестую противъ того, чтобы это была сдѣлка. Это грабежъ"...

Во-вторыхъ, стачки производятъ губительное дѣйствіе, потому что они понижаютъ фондъ заработной платы. Казалось бы, что, по мнѣнію Перри, стачки должны понижать этотъ фондъ только для слѣдующаго производственнаго періода, къ которому, благодаря пріостановкѣ работы на извѣстное время, будетъ создано меньше капитала. Но, увлеченный протестомъ противъ ненавистной ему формы борьбы рабочихъ съ хозяевами, Перри измѣняетъ здѣсь основному принципу защищаемой имъ теоріи, допуская, что вредъ отъ стачекъ можетъ быть и непосредственнымъ, такъ какъ заработная плата часто не авансируется изъ заранѣе заготовленнаго капитала, а создается въ теченіе даннаго производственнаго періода. „Капиталистъ никогда не имѣетъ въ виду уплачивать заработную плату изъ своихъ прежнихъ

сбереженій, и не надо ожидать, что онъ сдѣлаетъ такъ, а если бы онъ былъ вынужденъ поступать такимъ образомъ, то это вскорѣ принесло бы худшія послѣдствія для рабочихъ, если бы эти сбереженія были единственнымъ источникомъ содержанія труда. Не только справедливо, но необходимо для рабочихъ, чтобы заработная плата выплачивалась изъ процессовъ той работы, въ которой рабочіе теперь участвуютъ. Поэтому все, что стремится уменьшить эти процессы, необходимо уменьшаетъ фондъ заработной платы" [1]).

Въ самой Англіи укрѣпленію идеи о фондѣ заработной платы среди большинства образованной публики, интересовавшейся экономическими вопросами, болѣе другихъ книгъ способствовалъ „Manual of Political Economy" Фаусета, и до сихъ поръ не утратившій читателей. Не будучи оригинальнымъ изложеніемъ системы политической экономіи, учебникъ Фаусета обладалъ нѣкоторыми внѣшними достоинствами, дѣлавшими его доступнымъ большому кругу малоподготовленныхъ и нетерпѣливыхъ читателей; онъ излагалъ экономическія проблемы кратко и въ весьма упрощенной формѣ, представлявшей популярное, приноровленное къ пониманію широкой публики, изложеніе мыслей Джона Стюарта Милля. Злые языки справедливо называли его въ свое время— „Милль пополамъ съ водой" [2]).

[1]) Perry, указ. соч., стр 130—132. Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ позднѣйшемъ, расширенномъ и переработанномъ изданіи своего курса, выпущенномъ черезъ много лѣтъ послѣ перваго, когда теорія фонда была уже разрушена ударами авторитетной критики и въ самой англо-американской литературѣ, Перри значительно сгладилъ рѣзкость приведенныхъ выше положеній, хотя и не сдался вполнѣ. Перри избѣгаетъ здѣсь употребленія самаго термина „wages-fund", замѣняя его новымъ „wages-portion", и не говоритъ уже о проблемѣ заработной платы, какъ простой ариѳметической задачѣ. Что же касается рабочихъ союзовъ и стачекъ, то онъ и въ этомъ изданіи относится къ нимъ крайне враждебно, въ особенности къ стачкамъ, которыя онъ по прежнему называетъ „a sort of robbery". См. A. L. Perry. Principles of Political Economy. London 1891, стр. 226—227, 257 и 261—268.

[2]) Первое изданіе учебника Фаусета вышло въ 1863 году. Вскорѣ послѣ выхода этого изданія въ исторіи ученія о фондѣ произошли, какъ

Въ сложившейся такимъ образомъ къ 60-мъ г.г. теоріи фонда заработной платы намѣтились два основныхъ положенія, которыя и служили впослѣдствіи главными пунктами критическихъ нападеній: 1) характеристика источника заработной платы и 2) отношеніе къ развивавшимся въ то время въ Англіи формамъ коллективнаго договора.

До второй половины 60-хъ годовъ теорія фонда заработной платы почти не встрѣчала возраженій въ англійской литературѣ. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя при первомъ ея появленіи, не были поддержаны и вскорѣ были совершенно забыты [1]). Зато вторая половина 60-хъ гг. сразу принесла три страшныхъ удара, отъ которыхъ теорія фонда никогда уже не могла оправиться. Первый ударъ былъ на-

---

мы увидимъ ниже, крупныя событія: появленіе критики Лонджа и Торнтона и отреченіе Милля. Фаусетъ остался однако непоколебимо вѣренъ прежнему воззрѣнію, въ чемъ его поддерживалъ, между прочимъ, авторитетный голосъ Кэрнса (см. ниже). Впрочемъ, Фаусетъ и не далъ себѣ труда внимательно пересмотрѣть аргументы противниковъ, а просто повторилъ возраженіе, высказанное Кэрнсомъ. См. Fawcett, Manual of Political Economy, 6-th ed., London 1883, стр. 130—131. Необходимо отмѣтить, что въ противоположность Перри, Фаусетъ не обнаруживалъ особой вражды къ организованной дѣятельности рабочихъ, слѣдуя въ оцѣнкѣ ея за Макъ-Кёллокомъ.

[1]) На слѣдующій годъ послѣ изданія Principles Макъ-Кёллока сэръ Эдвардъ Вестъ въ своей книгѣ „Price of Corn and Wages of Labour" уже доказывалъ, что при оживленіи промышленности плата можетъ увеличиться безъ соотвѣтственнаго увеличенія капитала, а слѣдовательно и фонда заработной платы. Въ 1834 году въ изданіи своихъ дублинскихъ лекцій Лонгфильдъ, возражая противъ теоріи фонда, пытался противопоставить ей теорію производительности труда (Sir Edward West, Price of Corn and Wages of Labour etc. 1826. Mountifort Longfield. Lectures on Political Economy, delivered in Trinity and Michaelmas terms 1833—1834). См. Cannan, указ. соч., стр. 265—266. С. и Б. Веббъ указываютъ на соч. д-ра Calvert Holland'a: Mortality, Sufferings and Diseases of Grinders, part II, Sheffield 1842, въ которомъ было подробно охарактеризовано вліяніе рабочихъ союзовъ на повышеніе заработной платы шеффильдскихъ рабочихъ и вредное дѣйствіе примѣненія принципа свободной конкуренціи къ отношеніямъ между хозяевами и рабочими. См. С. и Б. Веббъ, Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, II, стр. 500.

несенъ малоизвѣстнымъ сравнительно экономистомъ Лонджемъ въ 1866 году; за нимъ послѣдовала обстоятельная критика Торнтона, имѣвшая неожиданнымъ результатомъ немедленное обращеніе Милля.

Работа Лонджа, небольшая по объему и не очень глубоко продуманная, не обнаруживающая въ авторѣ ни большой начитанности въ экономической литературѣ, ни серьезнаго знакомства съ условіями экономической дѣйствительности, намѣчала тѣмъ не менѣе весьма удачно главные слабые пункты въ теоріи фонда. Теорія эта покоилась на столь искусственныхъ разсужденіяхъ, что одной смѣлой постановки вопроса было уже достаточно, чтобы обнаружить ея дефекты.

Лонджъ выдвинулъ противъ теоріи фонда слѣдующіе три аргумента:

1) Если даже предположить, что въ странѣ дѣйствительно существуетъ заранѣе заготовленный фондъ, изъ котораго рабочимъ будетъ уплачено ихъ вознагражденіе, то и въ такомъ случаѣ разсужденіе теоретиковъ фонда окажется неправильнымъ. Размѣры фонда указывали бы лишь, сколько рабочіе могутъ получить; но сколько они должны получить и получатъ въ дѣйствительности, этого еще изъ одного факта существованія фонда заключить нельзя. Правильная оцѣнка вліянія спроса и предложенія заставляла бы во всякомъ случаѣ склониться къ выводу, что предприниматели не будутъ имѣть стимула отдать все, что они могутъ, какъ заработную плату. Вѣдь предложеніе рабочихъ въ отличіе отъ предложенія товаровъ не сообразуется непосредственно съ требованіями рынка, а является результатомъ неэкономическихъ стремленій (заключенія браковъ) и въ общемъ должно имѣть тенденцію преобладать по сравненію съ спросомъ [1]).

2) Но невѣрно и самое основное положеніе разсматриваемой теоріи. Капиталъ страны въ дѣйствительности не

[1]) F. D. Longe. A Refutation of the Wage-Fund Theory of Modern Political Economy as enunciated by m-r Mill, M. P. and m-r Fawcett, M. P. London, 1866, стр. 34—37.

составляетъ ни опредѣленнаго фонда, отдѣльнаго отъ общаго ея богатства, ни части ея богатства, назначенной на покупку труда до заключенія договоровъ, которыми время отъ времени опредѣляется заработная плата производительныхъ работниковъ. Истинная теорія производства богатства заключается въ слѣдующихъ словахъ: и капиталъ, и трудъ являются слугами потребителя. Потребитель, предъявляя спросъ на извѣстные товары, тѣмъ самымъ сообщаетъ направленіе производству, и слѣдовательно, создаетъ и спросъ на трудъ. Спросъ на товары, конечно, не опредѣляетъ непосредственно количества труда или числа рабочихъ въ странѣ, или количества хлѣба или другихъ вещей, требуемыхъ для содержанія рабочихъ, но онъ опредѣляетъ количество занятого труда, и количество богатства, расходуемаго въ въ качествѣ платы рабочимъ. Ошибка теоріи фонда заключается въ смѣшеніи двухъ понятій: 1) богатства или капитала, пригоднаго (available) для содержанія рабочихъ въ то время, когда они производятъ новыя блага или новое богатство, и 2) количества богатства, пригоднаго (available) для покупки ихъ продукта (work). Первое можетъ имѣть источникомъ или собственныя средства рабочихъ, или средства ихъ предпринимателей, или можетъ быть занято въ банкахъ, или какимъ-либо инымъ путемъ; второе можетъ слагаться изъ фондовъ, принадлежащихъ потребителю или предпринимателю, или имъ обоимъ вмѣстѣ или можетъ быть взято изъ тѣхъ самыхъ товаровъ (или ихъ денежной цѣнности), которые производятся рабочими. Плата рабочихъ ограничена этими послѣдними фондами, а не первыми, безразлично, уплачивается ли она изъ ранѣе существовавшаго капитала предпринимателей, или нѣтъ. Наконецъ, что касается вопроса, дѣйствительно ли рабочіе содержатся во время работы на капиталъ предпринимателя, то Лонджъ вполнѣ опредѣленно даетъ на него отрицательный отвѣтъ. Исторія производительной дѣятельности, говоритъ онъ, вѣроятно не даетъ ни одного примѣра, гдѣ естественный порядокъ былъ бы настолько извращенъ, что предприниматели имѣли бы обычай уплачивать заработную плату нанятымъ

ими рабочимъ прежде, чѣмъ эти рабочіе закончили свой продуктъ (work), цѣну котораго представляетъ ихъ заработная плата. Работникъ, ходящій за плугомъ, содержится въ теченіе выполненія его работы на получаемую имъ въ концѣ недѣли заработную плату не больше, чѣмъ фермеръ содержится весной или лѣтомъ на тѣ деньги, которыя онъ ожидаетъ получить отъ продажи своего хлѣба въ октябрѣ. Фонды, на которые рабочій и его семья содержатся изъ недѣли въ недѣлю,—это ихъ собственный капиталъ, а не капиталъ ихъ предпринимателей, состоятъ ли эти фонды изъ заработной платы, которая была уплачена ему его предпринимателемъ въ каждую предшествующую субботу, или изъ денегъ, унаслѣдованныхъ отъ предка [1]).

3) Наконецъ, Лонджъ приводитъ противъ утвержденій теоретиковъ фонда то возраженіе, что конкуренція между всѣми рабочими въ странѣ невозможна. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, могли бы сапожники конкурировать съ портными или кузнецы съ выдувальщиками стекла? Или какимъ образомъ капиталъ, сбереженный хозяиномъ - сапожникомъ путемъ уменьшенія платы своимъ рабочимъ, могъ бы попасть въ руки хозяина - портного?... Понятіе, что всѣ рабочіе страны образуютъ группу простыхъ рабочихъ (general labourers), способныхъ конкурировать другъ съ другомъ, и „общая" или „средняя" заработная плата которыхъ зависитъ отъ отношенія между ихъ количествомъ и общей суммой фонда заработной платы, столь же нелѣпо, какъ понятіе о томъ, что всѣ различные товары, существующіе въ какой-либо стра ѣ въ извѣстное время, т. е. корабли, паровыя машины, сукна и т. д., образуютъ запасъ обыкновенныхъ товаровъ (a stock of general commodities), „общая" или „средняя" цѣна которыхъ опредѣляется отношеніемъ между предполагаемымъ количествомъ всего запаса ихъ и всѣмъ покупательнымъ фондомъ общества [2]).

Возраженія Лонджа, какъ видно, имѣли въ виду только первую сторону теоріи фонда,—вопросъ объ источникѣ

[1]) Longe, указ. соч., стр. 55—56.

[2]) Longe, указ. соч., стр. 55 - 56.

заработной платы и о роли спроса и предложенія въ опредѣленіи доли рабочихъ; что же касается вопроса о значеніи коллективнаго договора, въ частности—дѣятельности рабочихъ союзовъ, то Лонджъ мало останавливается надъ нимъ, считая его скорѣе этической, чѣмъ экономической проблемой. Въ тѣхъ немногихъ замѣчаніяхъ, какія онъ удѣляетъ этому вопросу, онъ включаетъ его въ болѣе широкій принципъ контроля надъ конкуренціей между рабочими, который, по его мнѣнію, долженъ быть различенъ для высоко и низкооплачиваемыхъ отраслей промышленности. Въ первыхъ такой контроль должна дать (и даетъ уже отчасти) организація рабочихъ; во вторыхъ (въ земледѣліи)—справедливое и благоразумное отношеніе къ нуждамъ рабочихъ со стороны предпринимателей [1]).

Возраженія Лонджа несомнѣнно имѣли бы бо̀льшее вліяніе на современную ему экономическую литературу, если бы его голосъ вообще пользовался въ ней достаточнымъ вѣсомъ. Но Лонджъ былъ по профессіи адвокатъ, въ литературѣ выступалъ мало и скорѣе въ качествѣ диллетанта, чѣмъ спеціалиста. Поэтому его брошюра, хотя и была замѣчена, но не оказала разрушительнаго дѣйствія на общепринятую теорію. Гораздо болѣе крупную роль въ судьбѣ теоріи фонда сыграла книга Торнтона „О Трудѣ".

Въ англійской экономической литературѣ шестидесятыхъ годовъ Торнтонъ пользовался солидной репутаціей талантливаго и добросовѣстнаго писателя, къ мнѣнію котораго привыкли прислушиваться. И дѣйствительно, Торнтону нельзя отказать въ вдумчивомъ и серьезномъ отношеніи какъ къ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, такъ и къ задачамъ соціальной политики. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его книга сохраняетъ и до сихъ поръ довольно крупный интересъ, если не по предложенному рѣшенію тео-

[1]) Longe, указ. соч., стр. 77—80. Въ такомъ отношеніи къ вопросу о коллективномъ договорѣ у Лонджа сказалось вліяніе торійской агитаціи противъ фабрикантовъ, рѣзко разграничивавшей задачи соціальной политики по отношенію къ промышленнымъ и земледѣльческимъ рабочимъ.

ретическихъ вопросовъ, то по ихъ постановкѣ. Для того же времени она являлась очень оригинальной и смѣлой попыткой вступить въ борьбу съ господствующимъ ученіемъ, оставаясь на его же почвѣ, именно, путемъ дальнѣйшаго углубленія анализа условій спроса и предложенія, изъ которыхъ исходили теоретики фонда. Прежде чѣмъ перейти къ критикѣ теоріи заработной платы, Торнтонъ ставитъ болѣе общій вопросъ: да опредѣляется ли вообще цѣна предметовъ, продаваемыхъ на рынкѣ, равновѣсіемъ между спросомъ и предложеніемъ (т. е. между количествами спрашиваемыхъ и предлагаемыхъ товаровъ), какъ учитъ господствующая доктрина?

Эта доктрина предполагаетъ, что лица, предлагающія товары, готовы ихъ сбыть сейчасъ же, во всей массѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности каждый продавецъ сбываетъ свой запасъ постепенно, и каждый покупатель предъявляетъ обыкновенно спросъ только на очень незначительную часть его запаса. Но если такимъ образомъ въ каждый данный моментъ спросъ оказывается значительно ниже предложенія, значитъ ли это, что цѣна товара соотвѣтственно понизится, какъ предполагаетъ господствующая теорія? Вовсе нѣтъ. Продавецъ обыкновенно заранѣе опредѣляетъ цѣну на свой товаръ, и удовлетворивъ одного покупателя, будетъ ждать, пока не явятся другіе купить его товаръ по такой же цѣнѣ, какую онъ назначилъ, и упорно отказываясь продавать по низшей [1]). Способность къ выжиданію, т. е. наличность извѣстной силы на сторонѣ торговца приводитъ, такимъ образомъ, къ тому, что при продажѣ товаровъ опредѣленіе цѣны ихъ находится въ зависимости не отъ покупателя, а отъ продавца.

Съ другой стороны, если предположить, что товары предлагаются торговцемъ безъ установленія заранѣе твердой цѣны (unreservedly), то и тогда ученіе о равновѣсіи между спросомъ и предложеніемъ будетъ неправильно. Правда,

---

[1]) W. Th. Thornton. On Labour, its wrongful claims and rightful dues, its actual present and possible future. London 1870 (2-d ed.), стр. 52 и слѣд.

критика значительно ниже замѣчаній, задолго передъ тѣмъ

купностью меньшихъ подобныхъ фондовъ, находящихся въ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ классъ предпринимателей въ странѣ. А между тѣмъ обладаетъ ли какой-нибудь индивидуальный предприниматель такого рода фондомъ? Существуетъ ли такая специфическая доля капитала какого-нибудь лица, которую собственникъ необходимо долженъ затратить на вознагражденіе труда? Конечно, каждый предприниматель имѣетъ извѣстную сумму денегъ, собственную или занятую, изъ которой мотутъ быть покрыты всѣ его расходы, если они вообще могутъ быть покрыты. Съ такимъ количествомъ изъ этой суммы, какая останется послѣ вычета того, что онъ беретъ для семьи и для личныхъ расходовъ, онъ ведетъ свое промышленное дѣло, покупая или ремонтируя на одну его часть машины и зданія, на другую—сырые матеріалы, на третью—нанимая рабочихъ. Но развѣ существуетъ какой-нибудь законъ, фиксирующій сумму его домашнихъ расходовъ, и тѣмъ указывающій остатокъ, который онъ можетъ употребить на промышленныя операціи?.. А изъ того, что остается, развѣ онъ опредѣляетъ заранѣе и развѣ можетъ опредѣлить, сколько будетъ истрачено на зданія, сколько на матеріалы и сколько на рабочихъ? Развѣ не могутъ его издержки на ремонтъ неожиданно увеличиться благодаря пожару или другому несчастному случаю? Развѣ его расходы на матеріалы не измѣняются съ ихъ вздорожаніемъ или удешевленіемъ или съ измѣненіемъ въ спросѣ на готовый продуктъ? И развѣ сумма, употребляемая на заработную плату, не можетъ также измѣниться? И даже если бы послѣдняя была заранѣе точно опредѣлена, если бы даже онъ зналъ до послѣдняго фартинга, сколько онъ въ состояніи истратить на трудъ, развѣ онъ обязанъ заплатить какъ разъ столько, сколько онъ можетъ истратить на эту статью? Если бы онъ могъ найти столько труда, сколько ему нужно, за болѣе дешевую плагу, заплатилъ ли бы онъ рабочимъ добровольно столько за ихъ трудъ, сколько онъ вынужденъ былъ бы заплатить, когда трудъ дорогъ?.. А разъ не существуетъ фондовъ заработной платы у отдѣльныхъ предпринимателей, т. е. опредѣленныхъ или опредѣлимыхъ долей ихъ капиталовъ, которыя—и не больше, и не меньше—они должны каждый въ отдѣльности употреблять на наемъ труда,—то очевидно не можетъ быть и совокупности такихъ фондовъ, а слѣдовательно и національнаго фонда заработной платы. Между тѣмъ необходимо имѣть въ виду, что фиксированность или опредѣленность составляютъ главную сущность предполагаемаго фонда заработной платы. Никто не отрицаетъ, что въ теченіе даннаго періода должно быть израсходовано въ формѣ заработной платы то или иное количество. Вопросъ состоитъ единственно въ томъ, опредѣленно или неопредѣленно это количество. А если оно неопредѣленно, то, конечно, оно не можетъ быть раздѣлено, а слѣдовательно и не можетъ выполнять единственной функціи фонда заработной платы, т. е. дать частное, которое указывало бы среднюю норму заработной платы". Thornton, On Labour, стр. 84—85.

высказанныхъ Германомъ и Родбертусомъ, но оставшихся совершенно неизвѣстными ему [1]).

Критика Торнтона, несмотря на вѣскость выдвинутыхъ имъ аргументовъ и при всемъ уваженіи современниковъ къ его писательскому авторитету, конечно, не произвела бы такого ошеломляющаго впечатлѣнія на сторонниковъ теоріи фонда, какое она имѣла, если бы на помощь къ нему не явился одинъ изъ крупнѣйшихъ теоретиковъ ихъ собственнаго лагеря. Книга Торнтона вышла первымъ изданіемъ въ началѣ 1869 года, а уже въ майской книжкѣ „Fortnightly Review" за тотъ же годъ Дж. Ст. Милль заявилъ о своемъ отреченіи отъ теоріи, которой онъ держался съ ранней молодости и которую воспроизводилъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ во всѣхъ изданіяхъ своихъ „Основаній политической экономіи", начиная съ 1848 года.

Милль отмѣтилъ важность общихъ предварительныхъ разсужденій Торнтона о законѣ спроса и предложенія для выясненія главнаго предмета его книги—вопроса о вознагражденіи за трудъ. Если разница между рынкомъ труда и рынкомъ на обыкновенные товары заключается въ томъ, что для товаровъ иниціатива опредѣленія цѣны принадлежитъ продавцу, для труда же—покупателю, то очевидно, что при полномъ господствѣ принципа конкуренціи рабочіе всегда должны оказаться въ невыгодномъ положеніи. Ихъ единственной поддержкой можетъ служить поэтому только организованная защита ихъ интересовъ... „Въ этомъ состязаніи въ выносливости (endurance), происходящемъ между покупщикомъ и продавцомъ, ... ничто кромѣ тѣснаго союза рабочихъ не можетъ дать имъ хотя бы одинъ шансъ успѣшной

---

[1]) Во всякомъ случаѣ недочеты въ критикѣ Торнтона не оправдываютъ нѣсколько пренебрежительнаго отношенія къ ней, которое встрѣчается иногда въ новѣйшей экономической литературѣ. См. напр. предисловіе М. И. Туганъ-Барановскаго къ изданію выдержекъ изъ сочиненій Кэрнса (Библіотека экономистовъ. Кэрнсъ. Москва 1898, стр. IV).

борьбы съ предпринимателями" [1]). Однако, Милль предвидитъ здѣсь возможность возраженія со стороны защитниковъ теоріи фонда,—что установленіе заработной платы вовсе не отличается указываемыми Торнтономъ особенностями и что весь вопросъ о размѣрѣ заработка индивидуальнаго работника рѣшается простымъ дѣленіемъ національнаго „фонда" на число имѣющихся рабочихъ. „Но, спрашиваетъ онъ, правильно ли такое изображеніе сущности дѣла? Требуетъ ли предприниматель больше труда, и появляются ли новые наниматели рабочихъ только потому, что трудъ можетъ быть купленъ дешевле? Навѣрное нѣтъ. Потребители желаютъ больше какого-либо товара, или привлекаются новые потребители, если цѣна упала; но предприниматель покупаетъ трудъ не ради удовольствія потреблять его; онъ покупаетъ его затѣмъ, чтобы воспользоваться его производительными силами, и онъ покупаетъ ровно столько труда, и не больше. сколько достаточно для производства такого количества товаровъ, которое, по его мнѣнію, онъ можетъ продать съ выгодой. Паденіе заработной платы не вызываетъ у него непремѣнно ожиданія большей продажи его товара, а потому и не приводитъ къ необходимому увеличенію его спроса на трудъ" [2]). Теоретикъ фонда возразилъ бы на это, что если существуетъ непомѣщенная часть фонда заработной платы, то она все равно найдетъ себѣ примѣненіе, если не въ данномъ, то въ какомъ нибудь другомъ предпріятіи. Такой результатъ наступилъ бы, конечно, при предположеніи, что на заработную плату отдѣляется совершенно точно опредѣленная доля капитала. Это и приводитъ Милля къ постановкѣ рѣшительнаго вопроса: „Но существуетъ ли такая вещь, какъ фондъ заработной платы?.... Существуетъ ли такое опредѣленное количество, которое (и ни больше, ни меньше, чѣмъ оно) назначено быть израсходованнымъ на заработную плату? Конечно, есть непереходимый предѣлъ для количества, какое можетъ быть израсходовано такимъ

[1]) J. S. Mill, Thornton on Labour and its claims. Fortnightly Review 1869, I (January—June), стр. 514—515.

[2]) J. S. Mill, указ. соч., стр. 115.

образомъ; оно не можетъ превышать общую сумму средствъ предпринимательскаго класса. Оно не можетъ поглотить всѣ эти средства, потому что предприниматели должны имѣть также, на что содержать себя и свои семьи. Но недалеко отъ такого предѣла, оно не является ни въ какомъ смыслѣ опредѣленнымъ количествомъ (a fixed amount). Въ обычной теоріи, продолжаетъ Милль, порядокъ идей таковъ. Денежныя средства капиталиста состоятъ изъ двухъ частей—его капитала и его прибыли, или дохода. Его капиталъ слагается изъ того, съ чѣмъ онъ начинаетъ (предпріятіе) въ началѣ года, или когда онъ открываетъ извѣстный циклъ операцій; доходъ же онъ получаетъ не ранѣе конца года, или не раньше того, какъ завершится циклъ операцій. Его капиталъ, за исключеніемъ той части, которая помѣщена въ зданіяхъ и машинахъ, или вложена въ матеріалы,—и составляетъ то, что имѣется въ его распоряженіи для выдачи заработной платы. Онъ не можетъ уплатить ее изъ своего дохода, потому что онъ еще не получилъ его. Когда же онъ его получитъ, онъ можетъ отложить извѣстную долю въ видѣ прибавки къ его капиталу, которая какъ таковая и станетъ частью фонда заработной платы слѣдующаго года. Однако, такое разграниченіе между отношеніемъ капиталиста къ его капиталу и отношеніемъ къ доходу оказывается совершенно воображаемымъ. Онъ выступаетъ при началѣ дѣла со всѣми своими накопленными средствами, которыя всѣ потенціально составляютъ капиталъ. И изъ этихъ средствъ онъ авансируетъ (advances) свои личные и семейные расходы, совершенно также, какъ и выдаетъ впередъ плату своимъ рабочимъ. Конечно, онъ намѣренъ покрыть дѣлаемый авансъ изъ прибылей, когда онъ ихъ получаетъ; и онъ покрываетъ его день за днемъ, также, какъ онъ производитъ всѣ остальныя выдачи; ибо едва ли нужно указывать, что его прибыль образуется по мѣрѣ того какъ идутъ его сдѣлки, а не къ Рождеству или въ Петровки, когда онъ подводитъ балансъ въ своихъ книгахъ... Если мы назовемъ все, чѣмъ онъ владѣетъ и что можетъ быть употреблено на выдачу заработной платы,—фондомъ заработной платы,

то окажется, что этотъ фондъ... расходуется совмѣстно на него самого и на его рабочихъ. Чѣмъ меньше онъ израсходуетъ на одно, тѣмъ больше онъ будетъ въ состояніи израсходовать на другое, и наоборотъ. Цѣна труда, вмѣсто того чтобы опредѣляться раздѣленіемъ дохода между предпринимателемъ и рабочими, опредѣляетъ его. Если онъ получаетъ трудъ дешевле, то онъ можетъ истратить больше на себя самого. Если же онъ долженъ больше платить за трудъ, то добавочный платежъ исходитъ изъ его собственнаго дохода; быть можетъ, изъ той части, которую онъ сберегъбы и присоединилъ бы къ капиталу, когда слѣдовательно его добровольная бережливость была бы замѣнена принудительною; быть можетъ, изъ того, что онъ истратилъ бы на свои частныя нужды и удовольствія. Нѣтъ такого естественнаго закона, который дѣлалъ бы по существу невозможнымъ подъемъ заработной платы до поглощенія не только тѣхъ фондовъ, которые онъ намѣривался посвятить на веденіе своего дѣла, но и всего того, что онъ ассигнуетъ на свои частные расходы, сверхъ предметовъ необходимости. Реальнымъ предѣломъ подъема оказывается практическое соображеніе, какая сумма разорила бы его или заставила бы покинуть предпріятіе,—но не неумолимые предѣлы фонда заработной платы".

Соглашаясь съ отрицательными аргументами Горнтона, Милль принялъ и то, что было положительнаго въ ученіи послѣдняго, а именно, призналъ вліяніе рабочихъ союзовъ на заработную плату. „Доктрина, заявляетъ Милль въ концѣ первой части разсматриваемой статьи,—которую исповѣдовали до сихъ поръ всѣ или большинство экономистовъ (и я въ томъ числѣ),—отрицавшая возможность подъема платы профессіональными союзами рабочихъ (trade combinations) или ограничивавшая ихъ дѣйствіе въ данномъ отношеніи нѣкоторымъ предвосхищеніемъ подъема, который былъ бы созданъ и безъ нихъ рыночной конкуренціей,--эта доктрина лишена научнаго основанія и должна быть оставлена. Правильное и неправильное въ дѣйствіяхъ трэдъ-юніоновъ становится простымъ вопросомъ благоразумія и соціальной обя-

занности, а не вопросомъ, заранѣе рѣшеннымъ непреклонной экономической необходимостью" [1]).

Указаннымъ эпизодомъ заканчивается героическій періодъ въ исторіи ученія о фондѣ заработной платы. Съ этихъ поръ оно утрачиваетъ свое вліяніе на широкіе круги англійскаго образованнаго общества, въ которомъ начинаетъ распространяться признаніе крупной роли рабочихъ союзовъ въ установленіи рабочаго договора и сочувствіе новой общей теоріи заработной платы, указывавшей ея источникъ и условія возрастанія въ производительности труда. Однако, нѣкоторые изъ защитниковъ теоріи фонда не желали складывать оружія. Выше было уже упомянуто, что Фаусетъ остался до конца вѣрнымъ теоріи фонда, не смотря на глубокій піэтетъ, который онъ питалъ къ Дж. Ст. Миллю. Не отказался отъ прежняго взгляда и Кэрнсъ, связанный болѣе другихъ англійскихъ экономистовъ того времени какъ своимъ общимъ міросозерцаніемъ, такъ и пріемами изслѣдованія съ традиціями классической школы. Кэрнсъ нашелъ въ представленныхъ возраженіяхъ противъ теоріи фонда только стимулъ къ болѣе обстоятельному и полному обоснованію ея. По натурѣ гораздо болѣе односторонній и сухой, онъ не могъ понять новыхъ перспективъ, какія указывали разработкѣ вопроса о заработной платѣ Торнтонъ и Милль, считая ихъ отступленіе отъ старыхъ путей просто недостаткомъ логической послѣдовательности, созданнымъ тяготѣніемъ примѣнять абстрактныя положенія политической экономіи къ „общественной философіи". Взявшись со всей энергіей за реабилитацію столь скомпрометтированной теоріи, Кэрнсъ проявилъ и на этотъ разъ недюжинную способность къ абстрактному изслѣдованію, углубивъ теоретическое обоснованіе ученія о фондѣ въ значительно большей степени, чѣмъ это удавалось его предшественникамъ. Порою въ его аргументаціи проглядываетъ и сознаніе важности нѣкоторыхъ моментовъ, вообще очень мало оцѣненныхъ теоретиками фонда; но связанный по рукамъ и ногамъ главнымъ тезисомъ, за-

---

[1]) J. S. Mill, указ. соч., стр. 516—517.

щиту котораго онъ поставилъ своей задачей, Кэрнсъ насильственно заставляетъ свою мысль держаться въ тѣхъ рамкахъ, какія намѣчаетъ строгое логическое развитіе идеи о фондѣ. Поэтому попытка Кэрнса, выполненная съ такой внимательностью и добросовѣстностью, по существу не внесла ничего положительнаго въ разработку вопроса о заработной платѣ, являясь новымъ примѣромъ запоздалаго отстаиванія устарѣлыхъ идей, которое такъ часто встрѣчается въ развитіи человѣческой мысли, тормозя правильный ходъ ея поступательнаго движенія. Но во всякомъ случаѣ при общей критической оцѣнкѣ англійской теоріи фонда ученіе Кэрнса и теперь заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія, какъ наиболѣе продуманная, обстоятельная и полная формулировка ея [1]).

Кэрнсъ начинаетъ съ разграниченія проблемы цѣнности товаровъ и заработной платы. „Нѣтъ ничего легче, говоритъ онъ, какъ сказать, что цѣнность труда.... подобно цѣнности другихъ предметовъ зависитъ отъ спроса и предложенія; мы можемъ найти такую формулу въ любой газетѣ; но какой свѣтъ бросаетъ это на причины, управляющія цѣнностью какъ труда, такъ и товаровъ? Никакого или почти никакого. Намъ нужно знать не то, что увеличеніе предложенія понижаетъ цѣну товара или труда, а увеличеніе спроса повышаетъ—всякій торговецъ скажетъ вамъ это;—но мы ищемъ, что́ управляетъ спросомъ и предложеніемъ въ каждомъ случаѣ. Между тѣмъ.... условія, дѣйствующія въ этихъ случаяхъ, существенно различны“ [2])..... Во-первыхъ, производство товаровъ является дѣломъ выгоды, предпринимаемымъ только въ надеждѣ на вознагражденіе; производство же труда, т. е людей, является результатомъ слѣдованія одному изъ

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что въ единственно доступныхъ русскимъ читателямъ выдержкахъ изъ сочиненій Кэрнса, изданныхъ въ серіи „Библіотеки экономистовъ“ (Вып. IX, Москва 1898), пропущена та именно часть его „Руководящихъ принциповъ политической экономіи“, въ которой трактуется вопросъ о заработной платѣ.

[2]) J. F. Cairnes, Some Leading Principles of Political Economy newly expounded. London 1874, стр. 173—176.

сильнѣйшихъ инстинктовъ человѣчества, который не нуждается въ поощреніи выгодой, а можетъ быть контролируемъ только сильнымъ сдерживающимъ началомъ. Правда, подготовка будущаго работника къ труду, требующая издержекъ (на воспитаніе и обученіе), представляется какъ бы аналогичной съ процессомъ производства товара; но, замѣчаетъ Кэрнсъ, здѣсь существуетъ и глубокое различіе. „Издержки производства товара принимаются сознательно съ опредѣленнымъ расчетомъ на промышленныя цѣли; при подготовкѣ же людей къ ихъ жизненной карьерѣ— я не скажу, чтобы промышленныя цѣли совсѣмъ не входили въ разсчеты, но я утверждаю, что кромѣ случаевъ техническаго или профессіональнаго обученія, составляющихъ пустякъ въ общихъ расходахъ на воспитаніе рабочаго, промышленныя соображенія бываютъ цѣликомъ подчинены соображеніямъ болѣе широкаго и совершенно иного характера.... Приспособленіе предложенія товаровъ къ спросу опредѣляется строго коммерческими мотивами; приспособленіе предложенія труда къ спросу опредѣляется иначе. Люди, по крайней мѣрѣ внѣ рабскихъ странъ, производятся не ради потребностей рынка, но по совершенно инымъ основаніямъ" [1]).

Разграничивъ такимъ образомъ понятія цѣнности товаровъ и труда, Кэрнсъ приступаетъ къ разсмотрѣнію вопроса о причинахъ, опредѣляющихъ общую или среднюю норму заработной платы (the general or average rate of wages). Нѣкоторые думаютъ, что такой общей нормы не можетъ быть, потому что рабочіе различныхъ отраслей промышленности представляютъ собою замкнутыя и изолированныя группы, не конкурирующія одна съ другой [2]). Кэрнсъ считаетъ это возраженіе неправильнымъ. „Хотя рабочіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, говоритъ онъ, въ дѣйствительности отрѣзаны отъ соперничества съ рабочими въ другихъ

[1]) Тамъ же, стр. 177 - 179.

[2]) Здѣсь Кэрнсъ имѣетъ въ виду Лонджа, въ критикѣ котораго это возраженіе занимало, какъ было показано выше, одно изъ видныхъ мѣстъ.

отрасляхъ, тѣмъ не менѣе конкуренція капиталистовъ дѣйствуетъ повсюду. Сообщеніе между различными отдѣлами промышленной жизни, закрытое для передвиженій труда, поддерживается успѣшно (effectually) дѣятельностью капитала, постоянно стремящагося къ болѣе прибыльнымъ занятіямъ. Такимъ путемъ вся наша промышленная организація становится объединенной (connected) системой, всякое измѣненіе которой, происходящее въ одной части, передается другимъ и вызываетъ дальнѣйшія измѣненія. Поэтому мы не только имѣемъ право обобщать различные факты въ единой концепціи и обсуждать „общую" или „среднюю" заработную плату, но мы имѣемъ также основаніе разсматривать эту общую или среднюю норму въ качествѣ величины, составленной изъ элементовъ, объединенныхъ общею связью и образующихъ части самостоятельнаго цѣлаго" [1]).

Лучшей формулировкой проблемы заработной платы Кэрнсъ считаетъ извѣстную уже намъ характеристику Дж. Ст. Милля въ „Основаніяхъ политической экономіи". Она является, однако, по его мнѣнію, только формулировкой или лучше сказать постановкой проблемы, но никоимъ образомъ не рѣшеніемъ ея. „Она представляетъ въ ясномъ освѣщеніи два фактора, образующіе это явленіе—фондъ заработной платы, вытекающій изъ непосредственнаго спроса на трудъ, и трудящееся населеніе, образующее предложеніе (труда). Разрѣшеніе же (проблемы) должно состоять въ приведеніи этихъ факторовъ въ связь съ тѣми принципами человѣческой природы и фактами внѣшняго міра, которые составляютъ посылки экономической науки" [2]).

Изъ указанныхъ двухъ сторонъ проблемы заработной платы одна—предложеніе труда—по мнѣнію Кэрнса, настолько удачно выяснена Мальтусомъ, что ея не стоитъ касаться, тѣмъ болѣе, что послѣ выхода въ свѣтъ труда Дарвина она не возбуждаетъ болѣе споровъ. Въ ней видятъ теперь „лишь частный примѣръ закона, проникающаго

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 179—182

[2]) Тамъ-же, стр. 185—187.

(pervading) весь органическій міръ" [1]). Поэтому Кэрнсъ ставитъ своей задачей единственно выясненіе „причинъ, регулирующихъ спросъ, регулирующихъ количество богатства, назначаемаго на непосредственную покупку труда, или, что одно и тоже, регулирующихъ фондъ заработной платы".

Сторонники доктрины фонда заработной платы держатся, говоритъ Кэрнсъ, того взгляда, что количество богатства націи, расходуемое въ какое-либо время на заработную плату, находится — при данномъ характерѣ національной промышленности и примѣняемыхъ способовъ производства — въ опредѣленномъ отношеніи къ ея общему капиталу, тогда какъ сумма ея общаго капитала опредѣляется извѣстными экономическими условіями, вытекающими изъ характера народа и окружающей его среды. Поэтому фондъ заработной платы, согласно этому взгляду, зависитъ при данныхъ условіяхъ производства ближайшимъ образомъ отъ суммы капитала націи и уже затѣмъ отъ тѣхъ болѣе отдаленныхъ причинъ, которыя контролируютъ возрастаніе этого фонда [2]). Въ своемъ собственномъ развитіи указаннаго взгляда Кэрнсъ ограничивается, слѣдуя Миллю, разсмотрѣніемъ только той части общаго фонда заработной платы, которая идетъ на содержаніе производительныхъ работниковъ, оставляя въ сторонѣ суммы, назначаемыя на содержаніе солдатъ, домашней прислуги и иныхъ непроизводительныхъ работниковъ.

Принимая это въ соображеніе, мы должны, говоритъ Кэрнсъ, прежде всего имѣть въ виду, „что наемъ труда на производительныя цѣли представляется случаемъ помѣщенія капитала. Капиталистъ нанимаетъ рабочаго и платитъ ему совершенно по тѣмъ же мотивамъ, которые приводятъ его къ покупкѣ сырого матеріала, фабрики или машины. Поэтому, разыскивая причины, управляющія количествомъ богатства, расходуемымъ на наемъ труда, мы должны обратиться къ соображеніямъ, имѣющимъ вѣсъ у людей при употребленіи ихъ средствъ въ производительныхъ предпріятіяхъ. Почему,

---

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 182—183 и 187—188.

[2]) Тамъ же, стр. 188.

напр., А В. помѣщаетъ свое богатство въ производительныя операціи? И почему онъ употребляетъ его для этихъ цѣлей въ такомъ то, а не большемъ количествѣ? Мнѣ кажется, говоритъ Кэрнсъ, что правильнымъ отвѣтомъ будетъ слѣдующій. Помѣщеніе средствъ А. В. въ производительныя операціи опредѣлится слѣдующими обстоятельствами: 1) количествомъ его средствъ вообще; 2) его характеромъ и наклонностями, въ смыслѣ вліянія на нихъ, съ одной стороны, искушенія непосредственнаго пользованія (имѣющимися средствами), а съ другой стороны—видами на будущее увеличеніе ихъ; 3) условіями полученія прибыли. Прилагая эти соображенія къ цѣлому обществу, Кэрнсъ находитъ, что онъ имѣетъ основаніе выставить слѣдующее положеніе:

„При данныхъ размѣрахъ богатства страны, доля этого богатства, назначаемая на помѣщеніе въ производительныя операціи въ расчетѣ на прибыль, будетъ зависѣть, во первыхъ, отъ силы тѣхъ качествъ въ среднемъ характерѣ ея жителей, которыя ведутъ къ производительному помѣщенію (капитала) и которыя Милль называетъ „дѣйствительнымъ желаніемъ накопленія"; и во вторыхъ, отъ условій промышленнаго помѣщенія, открытыхъ данному обществу,—обѣщаютъ ли они норму прибыли, достаточную для того, чтобы вызвать къ дѣятельности этотъ принципъ,—одимъ словомъ, отъ „протяженія поля помѣщенія капитала" [1]).

Если бы капиталъ заключался цѣликомъ въ заработной платѣ, то весь вопросъ этимъ бы и рѣшался; но дѣло въ томъ, что заработная плата составляетъ только одну долю капитала наряду съ двумя другими: постояннымъ капиталомъ и сырыми матеріалами (Fixed Capital and Raw Material). Проблема, такимъ образомъ, усложняется и принимаетъ такой видъ: каковы причины, опредѣляющія при данномъ протяженіи поля промышленности пропорціональныя доли, въ которыхъ комбинируются указанные три элемента?

Предположимъ опять, что индивидуумъ А. В. обдумываетъ помѣщеніе капитала; онъ уже рѣшилъ, сколько изъ своихъ

[1]) Cairnes, стр. 128.

(pervading) весь органическій міръ" [1]). Поэтому Кэрнсъ ставитъ своей задачей единственно выясненіе „причинъ, регулирующихъ спросъ, регулирующихъ количество богатства, назначаемаго на непосредственную покупку труда, или, что одно и тоже, регулирующихъ фондъ заработной платы".

Сторонники доктрины фонда заработной платы держатся, говоритъ Кэрнсъ, того взгляда, что количество богатства націи, расходуемое въ какое-либо время на заработную плату, находится—при данномъ характерѣ національной промышленности и примѣняемыхъ способовъ производства—въ опредѣленномъ отношеніи къ ея общему капиталу, тогда какъ сумма ея общаго капитала опредѣляется извѣстными экономическими условіями, вытекающими изъ характера народа и окружающей его среды. Поэтому фондъ заработной платы, согласно этому взгляду, зависитъ при данныхъ условіяхъ производства ближайшимъ образомъ отъ суммы капитала націи и уже затѣмъ отъ тѣхъ болѣе отдаленныхъ причинъ, которыя контролируютъ возрастаніе этого фонда [2]). Въ своемъ собственномъ развитіи указаннаго взгляда Кэрнсъ ограничивается, слѣдуя Миллю, разсмотрѣніемъ только той части общаго фонда заработной платы, которая идетъ на содержаніе производительныхъ работниковъ, оставляя въ сторонѣ суммы, назначаемыя на содержаніе солдатъ, домашней прислуги и иныхъ непроизводительныхъ работниковъ.

Принимая это въ соображеніе, мы должны, говоритъ Кэрнсъ, прежде всего имѣть въ виду, „что наемъ труда на производительныя цѣли представляется случаемъ помѣщенія капитала. Капиталистъ нанимаетъ рабочаго и платитъ ему совершенно по тѣмъ же мотивамъ, которые приводятъ его къ покупкѣ сырого матеріала, фабрики или машины. Поэтому, разыскивая причины, управляющія количествомъ богатства, расходуемымъ на наемъ труда, мы должны обратиться къ соображеніямъ, имѣющимъ вѣсъ у людей при употребленіи ихъ средствъ въ производительныхъ предпріятіяхъ. Почему,

---

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 182—183 и 187—188.

[2]) Тамъ же, стр. 188.

напр., А В. помѣщаетъ свое богатство въ производительныя операціи? И почему онъ употребляетъ его для этихъ цѣлей въ такомъ то, а не большемъ количествѣ? Мнѣ кажется, говоритъ Кэрнсъ, что правильнымъ отвѣтомъ будетъ слѣдующій. Помѣщеніе средствъ А. В. въ производительныя операціи опредѣлится слѣдующими обстоятельствами: 1) количествомъ его средствъ вообще; 2) его характеромъ и наклонностями, въ смыслѣ вліянія на нихъ, съ одной стороны, искушенія непосредственнаго пользованія (имѣющимися средствами), а съ другой стороны—видами на будущее увеличеніе ихъ; 3) условіями полученія прибыли. Прилагая эти соображенія къ цѣлому обществу, Кэрнсъ находитъ, что онъ имѣетъ основаніе выставить слѣдующее положеніе:

„При данныхъ размѣрахъ богатства страны, доля этого богатства, назначаемая на помѣщеніе въ производительныя операціи въ расчетѣ на прибыль, будетъ зависѣть, во первыхъ, отъ силы тѣхъ качествъ въ среднемъ характерѣ ея жителей, которыя ведутъ къ производительному помѣщенію (капитала) и которыя Милль называетъ „дѣйствительнымъ желаніемъ накопленія"; и во вторыхъ, отъ условій промышленнаго помѣщенія, открытыхъ данному обществу,—обѣщаютъ ли они норму прибыли, достаточную для того, чтобы вызвать къ дѣятельности этотъ принципъ,—одимъ словомъ, отъ „протяженія поля помѣщенія капитала" [1]).

Если бы капиталъ заключался цѣликомъ въ заработной платѣ, то весь вопросъ этимъ бы и рѣшался; но дѣло въ томъ, что заработная плата составляетъ только одну долю капитала наряду съ двумя другими: постояннымъ капиталомъ и сырыми матеріалами (Fixed Capital and Raw Material). Проблема, такимъ образомъ, усложняется и принимаетъ такой видъ: каковы причины, опредѣляющія при данномъ протяженіи поля промышленности пропорціональныя доли, въ которыхъ комбинируются указанные три элемента?

Предположимъ опять, что индивидуумъ А. В. обдумываетъ помѣщеніе капитала; онъ уже рѣшилъ, сколько изъ своихъ

[1]) Cairnes, стр. 128.

средствъ онъ затратитъ на производительныя цѣли; но какъ распредѣлится эта сумма между постояннымъ капиталомъ, сырыми матеріалами и заработной платой? Очевидно, это будетъ зависѣть, прежде всего, отъ характера промышленности, въ которую онъ помѣщаетъ капиталъ. Напр., хлопчатобумажная фабрика потребовала бы большихъ затратъ на зданія, машины и сырой матеріалъ, такъ что на заработную плату осталась бы сравнительно небольшая доля. Наоборотъ, въ земледѣліи на заработную плату пришлось бы гораздо больше. А такъ какъ соображенія, имѣющія силу для одного капиталиста, существуютъ также и для совокупности капиталистовъ (a community of capitalists), то мы вправѣ заключить, что главное обстоятельство, опредѣляющее пропорцію фонда заработной платы къ общему капиталу націи, заключается въ природѣ національныхъ отраслей промышленности [1]).

Однако, если это обстоятельство является главнымъ, то оно не единственное. Природа національныхъ отраслей промышленности опредѣляетъ долю труда въ комбинаціи съ другими средствами производства (постояннымъ капиталомъ и сырыми матеріалами); но вѣдь намъ нужно знать мѣсто, занимаемое заработной платой въ этой комбинаціи. Для этого намъ необходимо обратить вниманіе на предложеніе труда, измѣненія котораго вносятъ модификаціи въ установленіе доли заработной платы, образуемой по первому изъ указанныхъ моментовъ (характеръ отраслей промышленности). Когда рабочіе заняты въ соединеніи съ постояннымъ капиталомъ и сырыми матеріалами, размѣры фонда заработной платы испытываютъ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе количества компетентныхъ рабочихъ, предлагающихъ свои услуги. При прочихъ равныхъ условіяхъ подъемъ обычной нормы заработной платы имѣетъ результатомъ расширеніе ея фонда, и наоборотъ паденіе—сокращеніе фонда. Но если мы говоримъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ размѣры заработной платы измѣняются въ обратномъ отношеніи къ предложенію труда, то это тождественно съ утвержденіемъ, что фондъ заработной платы расширяется, по мѣрѣ того

[1]) Тамъ же, стр. 199—200.

какъ суживается предложеніе труда, и сокращается, по мѣрѣ того какъ предложеніе труда возрастаетъ. Изъ этой игры экономическихъ силъ, замѣчаетъ Кэрнсъ, вытекаетъ неожиданное и до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, неуказанное слѣдствіе, а именно, что увеличеніе или уменьшеніе предложенія труда, гдѣ онъ примѣняется въ соединеніи съ постояннымъ капиталомъ и сырыми матеріалами, дѣйствуетъ на размѣры заработной платы съ силой болѣе чѣмъ пропорціональной увеличенію или уменьшенію, потому что оно сказывается въ одно и то же время на обоихъ факторахъ, отъ которыхъ зависитъ результатъ, измѣняя ихъ въ противоположныхъ направленіяхъ;—фондъ уменьшается по мѣрѣ того какъ количество лицъ, между которыми его нужно дѣлить, увеличивается, или съ другой стороны, фондъ расширяется, по мѣрѣ того какъ число его пайщиковъ становится меньше [1]). Впрочемъ, это условіе имѣетъ сравнительно съ первыми двумя маловажное значеніе. Такимъ образомъ, Кэрнсъ устанавливаетъ слѣдующій выводъ: „общая сумма богатства, приходящаяся (appropriated) рабочему населенію какой-либо страны, измѣняется не просто съ прогрессомъ національнаго богатства, и даже не съ прогрессомъ національнаго капитала, а съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, взятымъ въ связи съ характеромъ національныхъ отраслей промышленности, причемъ результатъ модифицируется въ извѣстныхъ узкихъ границахъ предложеніемъ труда“ [2]).

Отсюда объясняется и разница въ заработной платѣ въ разныхъ странахъ и въ разные историческіе періоды. Напр., въ силу употребленія большаго количества постояннаго капитала въ Великобританской промышленности, въ ней долженъ быть меньшій фондъ заработной платы, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и слѣдовательно она можетъ содержать (принимая въ расчетъ разницу въ высотѣ заработной платы въ обѣихъ странахъ) меньшее рабочее населеніе. Подобнымъ же образомъ можно намѣтить и законъ

[1]) Cairnes, стр. 203—204.

[2]) Тамъ же, стр. 204 -205.

историческаго развитія промышленности въ прогрессивныхъ обществахъ. Мы находимъ въ нихъ постоянное возрастаніе доли капитала, идущей на содержаніе производительнаго труда. Это является не избѣжнымъ слѣдствіемъ прогресса промышленной техники, которая постоянно замѣщаетъ человѣческій трудъ дѣятельностью неодушевленной природы. Не слѣдуетъ думать, однако, будто техническій прогрессъ противорѣчитъ интересамъ труда. Онъ уменьшаетъ не абсолютную сумму фонда заработной платы, а только долю его въ общемъ капиталѣ страны, что вполнѣ совмѣстимо съ постояннымъ прогрессивнымъ увеличеніемъ фонда. Тѣмъ не менѣе при изученіи современной промышленной жизни необходимо постоянно имѣть въ виду, что фондъ заработной платы имѣетъ тенденцію при прогрессѣ богатства и техники отставать отъ движенія другихъ факторовъ національнаго капитала. Этотъ фактъ имѣетъ весьма важное значеніе и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны изучающихъ соціальные вопросы. Ибо онъ предполагаетъ двоякаго рода послѣдствія: —тенденцію сравнительнаго увеличенія классовъ, не живущихъ наемнымъ трудомъ, противъ классовъ, живущихъ имъ; и затѣмъ, тенденцію возрастанія неравенства въ распредѣленіи богатства [1]).

Эти тенденціи, указываетъ Кэрнсъ, до сихъ поръ очень широко осуществлялись и въ дѣйствительной жизни, въ особенности въ Англіи. Однако, онѣ остаются только тенденціями, т. е. могутъ быть парализованы дѣйствіемъ противоположныхъ силъ. Напр. рабочіе могутъ кое-что сберечь изъ своего дохода и такимъ образомъ становиться отчасти капиталистами и расширять имѣющійся фондъ заработной платы. Но, высказавъ такое оптимистическое предположеніе, Кэрнсъ возвращается опять къ главной темѣ своего разсужденія, указывая, что даже при прогрессивномъ состояніи

[1]) Cairnes, стр. 205—207. Мы видимъ, что въ этомъ утвержденіи Кэрнсъ сходится съ сторонниками теоріи обнищанія, не раздѣляя, однако, ихъ мысли о необходимомъ тяготѣніи заработка отдѣльнаго рабочаго къ минимуму средствъ существованія. Впрочемъ, онъ былъ очень близокъ и къ этой мысли (см. ниже).

промышленности часто наблюдаются такіе случаи, когда „прогрессъ богатства и промышленности сопровождается положительнымъ сокращеніемъ фонда заработной платы". Это бываетъ при извѣстномъ экономическомъ процессѣ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный. Правда, обыкновенно, по мнѣнію Кэрнса, такой процессъ происходитъ въ незначительныхъ размѣрахъ, а сопровождающее его повышеніе производительности вскорѣ заполняетъ пробѣлы, образовавшіеся въ фондѣ заработной платы. Но иногда онъ захватываетъ всю страну, производя весьма опустошительные результаты, какъ это было напр. въ Англіи въ XVI ст. (переходъ отъ примитивнаго земледѣлія къ раціональному и обращеніе пахатныхъ земель въ пастбища, что вызвало, въ связи съ общими условіями торговли и промышленности того времени, быстрый ростъ національнаго капитала и крайнее развитіе пауперизма) и въ современной Ирландіи (перемѣны въ земледѣльческой техникѣ и общее увеличеніе богатства страны вмѣстѣ съ внезапнымъ сокращеніемъ фонда заработной платы, уменьшившимъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ съ восьми до пяти съ половиной милліоновъ) [1]).

Установивъ эти основныя положенія, Кэрнсъ и переходитъ къ отвѣту на критическія замѣчанія Торнтона, выбравъ пунктомъ своихъ нападеній самый слабый изъ его аргументовъ — относительно предопредѣленности фонда заработной платы. Справедливо упрекая Торнтона въ противорѣчіи (т. е. что онъ высказывается противъ фонда вообще, а въ видѣ аргумента выдвигаетъ только отрицаніе предопредѣленности фонда, допуская, что такой фондъ все-таки существуетъ) и въ недостаточно строгомъ разграниченіи понятій (смѣшеніе научнаго закона съ юридическою обязательностью), Кэрнсъ легко одерживаетъ надъ нимъ побѣду въ глазахъ читателей, недостаточно внимательно относящихся къ поднятому Торнтономъ спору. Если понимать, что капиталистъ должен ъ затрачивать на заработную плату ровно столько, сколько имѣется фонда, не въ смыслѣ внѣшней

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 209—211.

обязательности, а закономѣрности, т. е. естественной вынужденности такого образа дѣйствій, то аргументація Торнтона, по мнѣнію Кэрнса, вовсе не колеблетъ выставленныхъ основныхъ положеній. Все-таки остается правильнымъ, что при данномъ протяженіи поля помѣщенія капитала и размѣрѣ прибыли, какъ побудительной причины къ обращенію капиталовъ на производительныя цѣли, а также характерѣ отраслей промышленности, требующемъ опредѣленныхъ долей постояннаго капитала, сырыхъ матеріаловъ и рабочей силы, - капиталисты должны расходовать на заработную плату весь имѣющійся фондъ. Если бы напр. имъ удалось понизить заработную плату далѣе этого предѣла, то куда помѣстили бы они полученный такимъ образомъ остатокъ? Вѣдь постояннаго капитала и сырыхъ матеріаловъ занято уже столько, сколько нужно. Очевидно, между капиталистами возникла бы просто конкуренція изъ-за рабочихъ, которая и привела бы ни къ чему иному, какъ къ возвращенію въ фондъ заработной платы того, что было изъ него вынуто. Возраженіе же, что такой остатокъ былъ бы употребленъ капиталистами просто на свое личное потребленіе, несостоятельно, потому что если такое явленіе и можетъ наблюдаться въ отдѣльныхъ случаяхъ, то, при сохраненіи въ общемъ у богатыхъ классовъ тѣхъ же психологическихъ побужденій, оно компенсировалось бы явленіями противоположнаго характера [1]).

Такъ какъ въ теоріи фонда существенное мѣсто занимала всегда доктрина, что рабочіе безсильны поднять плату какими бы то ни было средствами, кромѣ увеличенія фонда заработной платы, т. е. увеличенія капитала, или сокращенія рожденій, то всѣ сторонники этой теоріи высказывались противъ усилій трэдъ-юніоновъ, направленныхъ въ значительной мѣрѣ на борьбу съ хозяевами изъ-за повышенія заработной платы. Вопросу о значеніи трэдъ-юніоновъ въ дѣлѣ подъема платы посвящаетъ много мѣста и Кэрнсъ, главнѣйшіе аргументы котораго по этому вопросу

---

[1]) Cairnes, стр. 212—220.

мы и приведемъ, ограничиваясь самымъ существеннымъ, такъ какъ наша характеристика взглядовъ Кэрнса на заработную плату и безъ того уже слишкомъ растянулась. Для того, чтобы судить о правильности притязаній трэдъ-юніонистовъ, по мнѣнію Кэрнса, необходимо составить себѣ ясное представленіе о томъ, каковы предѣлы фонда заработной платы. Политическая экономія признаетъ, во-первыхъ, что при данномъ состояніи промышленной и торговой техники количество капитала, какое можетъ быть употреблено въ странѣ, строго ограничено тѣми условіями, которыя ставятъ предѣлы желанію сберегать и помѣщать капиталъ, т. е. совершать дѣйствія, составляющія источникъ, изъ котораго вытекаетъ и которымъ питается капиталъ; и во-вторыхъ, что въ странахъ, достигшихъ такой стадіи экономическаго развитія, какой давно уже достигла Англія и черезъ которую она прошла, накопленіе капитала подъ вліяніемъ обычныхъ мотивовъ оказывается по общему правилу постоянно превышающимъ то количество, какое можетъ быть помѣщено въ странѣ съ минимальной нормой прибыли. При такихъ условіяхъ каковъ можетъ быть результатъ попытокъ трэдъюніоновъ вынудить, путемъ давленія на капиталъ, увеличеніе фонда заработной платы? Такое увеличеніе можетъ быть достигнуто только однимъ изъ двухъ путей: или увеличеніемъ всего помѣщеннаго капитала, или измѣненіемъ въ его распредѣленіи между отдѣльными агентами, изъ которыхъ онъ слагается, въ пользу труда, напр., обращеніемъ того, что теперь идетъ на поддержаніе машинъ, въ заработную плату. Но каждый изъ этихъ путей долженъ имѣть неизбѣжнымъ результатомъ паденіе прибыли, а между тѣмъ прибыль и такъ уже находится на волосокъ отъ минимума. Вѣрно, что поле помѣщенія капитала постоянно расширяется въ Англіи и другихъ прогрессивныхъ странахъ. Каждый шагъ въ прогрессѣ промышленныхъ изобрѣтеній, каждый выигрышъ въ производительности труда, каждый новый рынокъ, открытый для продуктовъ промышленности, отодвигаетъ предѣлъ, полагаемый минимумомъ прибыли, и очищаетъ новое пространство для помѣщенія капитала. Но

такъ какъ обычныхъ мотивовъ, управляющихъ капиталистами, достаточно, чтобы заполнить это вновь открывающееся пространство для помѣщенія капитала, то какимъ образомъ трэдъ-юніоны могли бы расширить фондъ заработной платы? Признаюсь, замѣчаетъ Кэрнсъ, я не вижу, какимъ образомъ они могли бы это сдѣлать. „Постоянное повышеніе средней нормы заработной платы, или, что то же самое, постоянное повышеніе нормы заработной платы въ какой-либо отрасли промышленности, не сопровождаемое соотвѣтственнымъ паденіемъ въ какой-либо другой отрасли или отрасляхъ далѣе уровня, опредѣленнаго экономическими условіями, господствующими въ данной странѣ, составляетъ, какъ мнѣ кажется, задачу выше ихъ силъ" [1]).

Но если трэдъ-юніоны не могутъ вліять на повышеніе средней нормы заработной платы и постояннымъ образомъ, то остается еще открытымъ вопросъ: насколько они способны измѣнять норму платы на время или ускорить повышеніе, которое стало возможно благодаря состоянію промышленности, но которое пока еще не реализовано?

Конечно, соглашается Кэрнсъ, рабочіе могутъ принудить своихъ хозяевъ временно поднять плату, потому что до извѣстной степени всѣ лица, помѣщающія свои средства въ промышленное дѣло, находятся въ зависимости отъ тѣхъ, на сотрудничество которыхъ они расчитываютъ для осуществленія своихъ плановъ. Если бы напр. хозяину предстояла альтернатива—или отказаться совсѣмъ отъ веденія дѣла, или поднять плату, то благоразуміе требовало бы уступить требованіямъ рабочихъ, хотя бы въ результатѣ этого его прибыль не только уменьшилась, но была бы совершенно уничтожена, или даже если бы сверхъ того онъ несъ прямые убытки, потому что полное прекращеніе его предпріятія на продолжительное время могло бы принести ему еще большіе убытки. Но, говоритъ онъ, еще остается открытымъ вопросъ: каковы же будутъ конечные результаты такой дѣятельности?

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 254—259

Здѣсь можетъ быть два случая: 1) когда промышленность страны находится въ нормальномъ или среднемъ состояніи, когда слѣдовательно (въ старыхъ странахъ, подобно Великобританіи) норма прибыли достигла минимума или близка къ нему; 2) когда промышленность находится въ чрезвычайно цвѣтущемъ состояніи и прибыль стоитъ значительно выше минимальной нормы.

Въ первомъ случаѣ успѣшная стачка рабочихъ должна понизить прибыль далѣе минимума. Капиталъ будетъ постепенно выниматься изъ этой отрасли промышленности, такъ какъ хозяева будутъ стараться перевести его въ другія отрасли, гдѣ прибыль не такъ низка. Такимъ образомъ черезъ нѣкоторое время рабочіе окажутся безъ дѣла и ихъ появленіе на рынкѣ труда понизитъ общую норму платы по крайней мѣрѣ до прежняго уровня. Если же такіе случаи принудительнаго повышенія платы будутъ широко распространены, то послѣдствія ихъ для рабочихъ будутъ еще серьезнѣе. Капиталисты введутъ тогда въ свои расчеты возможность такого внезапнаго пониженія прибыли и, прежде чѣмъ помѣстить свой капиталъ въ предпріятіе, постараются о томъ, чтобы оно давало имъ достаточную прибыль, которая вознаграждала бы ихъ за такой рискъ. Такимъ образомъ дѣятельность трэдъ-юніоновъ привела бы къ результату, противоположному ихъ стремленіямъ, поднимая минимальный уровень прибыли и соотвѣтственно съуживая поле для употребленія капитала въ данной странѣ. А такъ какъ общая сумма капитала уменьшилась бы, то caeteris paribus сталъ бы меньше и фондъ заработной платы, и слѣдовательно, если рабочіе не согласились бы уменьшить свое число, общая норма заработной платы упала бы [1]).

Во второмъ случаѣ, т. е. когда промышленность находится въ чрезвычайно цвѣтущемъ состояніи, когда, слѣдовательно, прибыль поднимается значительно выше минимума, рабочіе могутъ добиться еще легче возвышенія платы. Впрочемъ, это не доказываетъ мудрости подобной политики;

---

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 262—265.

потому что все еще остается открытымъ вопросъ, стоила ли игра свѣчъ. Вѣдь плата могла бы подняться и въ силу естественной конкуренціи между капиталистами. Однако, въ такомъ случаѣ рабочимъ приходилось бы долго выжидать, а потому, если они имѣютъ возможность сократить такой промежутокъ, то они, конечно, и въ правѣ это сдѣлать. „Мнѣ кажется, что здѣсь лежитъ вполнѣ законное поле для дѣятельности трэдъ-юніоновъ. Разъ состояніе промышленности допускаетъ повышеніе заработной платы, трэдъ-юніоны, разумно пользуясь своими силами, могутъ заставить капиталъ немедленно придти къ тѣмъ результатамъ, какіе во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, были бы достигнуты подъ вліяніемъ обычныхъ мотивовъ, управляющихъ помѣщеніемъ капитала въ промышленности“ [1]).

Направленія дѣятельности трэдъ-юніоновъ по этому единственно законному пути Кэрнсъ ожидаетъ отъ благоразумія ихъ руководителей, къ которому онъ относится впрочемъ съ большимъ скептицизмомъ. Такой скептицизмъ естественно возникалъ у Кэрнса благодаря строгости требованій, предъявляемыхъ имъ къ умѣренности трэдъ-юніонистовъ. „Трэдъ-юніонисты должны открыто признать невозможность насильственнаго постояннаго пониженія прибыли ниже той нормы, которую капиталисты считаютъ, подкрѣпляя свой взглядъ соотвѣтственнымъ поведеніемъ, необходимымъ вознагражденіемъ за ихъ расходы“ [2])... При такихъ условіяхъ, по мнѣнію Кэрнса, стачки бы исчезли, сдѣлавшись ненужными, потому что рабочіе опирались бы въ своихъ требованіяхъ на такіе безспорные факты, противъ которыхъ предприниматели не имѣли бы ничего возразить, и такимъ образомъ обѣ стороны знали бы, что согласно съ обстоятельствами достижимо, и что нѣтъ, и не выдвигали бы своихъ претензій далѣе предѣла, взаимно признаваемаго ими [3]). Подобно тому какъ союзы рабочихъ не могутъ под-

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 265–267.
[2]) Тамъ же, стр. 270.
[3]) Тамъ же, стр. 272.

нять заработной платы далѣе предѣловъ, указываемыхъ состояніемъ промышленности, въ такомъ же положеніи оказываются и соглашенія хозяевъ понизить заработную плату. Разъ хозяева побуждаются къ помѣщенію капитала вплоть до извѣстной нормы $^{n}/_{0}$, то никакія усилія отдѣльныхъ капиталистовъ не заставятъ эту норму подняться выше. Если бы напр., какой-нибудь капиталистъ понизилъ плату своимъ рабочимъ, то часть его капитала осталась бы свободной, и какъ бы онъ помѣстилъ ее? Очевидно, онъ опять пустилъ бы ее въ дѣло, и слѣдовательно та часть богатства, которая была отнята отъ заработной платы, превратилась бы опять въ заработную плату [1]).

При такомъ воззрѣніи на движеніе заработной платы Кэрнсъ, подобно защитникамъ теоріи средствъ существованія, очевидно долженъ былъ пессимистически смотрѣть на будущее рабочаго класса. Это не мѣшало ему, однако, считать современный экономическій строй самымъ совершеннымъ. Идеалъ соціализма Кэрнсъ прямо устраняетъ какъ нежелательный. На вопросъ, почему распредѣленіе промышленнаго продукта не должно было бы регулироваться законами справедливости, онъ отвѣчаетъ: „Во-первыхъ, я не знаю никакого принципа справедливости, который былъ бы приложимъ къ проблемѣ распредѣленія продукта промышленности; и во-вторыхъ, всякая попытка осуществить то, что считается требованіями справедливости, и которая предполагала бы въ качествѣ средствъ для такой цѣли нарушеніе основныхъ допущеній экономическаго разсужденія, въ особенности права частной собственности и свободы индивидуальной промышленной дѣятельности,—имѣла бы по моему мнѣнію своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ соображенія кромѣ матеріальныхъ,—уничтоженіе или нѣкоторое сокращеніе того самаго фонда, изъ котораго почерпается вознагражденіе всѣхъ классовъ“ [2]). Наша современная промышленная система представляется

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 277—279.
[2]) Тамъ же, стр. 313—314.

Кэрнсу наиболѣе раціональной, потому что она основана на мотивахъ, гарантирующихъ накопленіе наибольшей суммы капитала, составляющаго матеріальный базисъ цивилизаціи [1]). А если это такъ, то остается только разсмотрѣть, какія перспективы открываетъ эта система трудящимся классамъ. Зная, каковъ минимумъ вознагражденія рабочаго и капиталиста [2]), мы можемъ возлагать надежды за рабочаго на ту долю капитала, которая является сверхъ указаннаго минимума. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, насколько будетъ возрастать фондъ, изъ котораго рабочіе могли бы получить такое добавочное вознагражденіе. „Здѣсь, замѣчаетъ Кэрнсъ, я долженъ сказать съ сожалѣніемъ, что виды рабочаго на будущее никоимъ образомъ не такъ свѣтлы, какъ это можно было бы предполагать при поверхностномъ взглядѣ на дѣло". Повышеніе производительной силы труда, какъ намъ извѣстно по опыту, не сопровождалось ни соотвѣтственнымъ повышеніемъ заработной платы, ни повышеніемъ прибыли. „Производительность промышленности оказываетъ вліяніе на норму заработной платы и прибыли лишь постольку, поскольку она имѣетъ своимъ результатомъ удешевленіе товаровъ, входящихъ въ кругъ предметовъ потребленія рабочаго" (курсивъ автора) [3]). Между тѣмъ при современномъ промышленномъ прогрессѣ техническія улучшенія касались

---

[1]) Cairnes, указ. соч., стр. 323—325.

[2]) Минимумомъ вознагражденія работника Кэрнсъ считаетъ предѣлъ физически необходимаго. „Для доли продукта, приходящейся рабочему, сама природа весьма наглядно поставила минимальный предѣлъ въ средствахъ, необходимыхъ для его существованія: онъ никогда не можетъ быть ниже того, что достаточно для поддержанія людей, выполняющихъ какую-либо работу, въ состояніи такой физической и умственной силы, какой требуетъ эта работа". „Доля же капиталиста опредѣляется, какъ мы видѣли, его наклонностями и характеромъ; минимумъ его вознагражденія долженъ быть по меньшей мѣрѣ такой, какой кажется ему достаточнымъ вознагражденіемъ за жертвы, какія онъ несетъ при помѣщеніи капитала". Cairnes, указ. соч., стр. 326.

[3]) Cairnes, указ соч., стр. 329.

въ значительной мѣрѣ производства товаровъ, не потребляемыхъ рабочими; когда же удешевлялись предметы потребленія рабочихъ, то выгода сохранялась только временно, пока за улучшеніемъ положенія рабочихъ не слѣдовало возрастанія населенія и увеличенія спроса на подешевѣвшій товаръ. Большая же часть предметовъ потребленія рабочихъ состоитъ изъ сырыхъ матеріаловъ или такихъ предметовъ, главнымъ элементомъ цѣнности которыхъ является стоимость сырыхъ матеріаловъ (за исключеніемъ только одежды). Между тѣмъ извѣстно, что расширеніе добыванія сырыхъ матеріаловъ требуетъ пропорціональнаго увеличенія издержекъ. Поэтому большая часть увеличенія національнаго богатства ушла бы не на возрастаніе заработной платы или прибыли, а на увеличеніе ренты землевладѣльца... Прибыль совсѣмъ не поднялась бы, а реальное вознагражденіе работника, разсматривая все поле приложенія труда, увеличилось бы только въ незначительной степени—во всякомъ случаѣ въ пропорціи, далеко несоизмѣримой съ общимъ прогрессомъ промышленности" [1]). По мнѣнію Кэрнса, для рабочихъ открывается единственный выходъ для улучшенія ихъ положенія въ будущемъ—ограниченіе ихъ количества. Впрочемъ, авторъ не видитъ основанія быть оптимистомъ и въ данномъ вопросѣ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока трудящіяся массы останутся классомъ наемныхъ рабочихъ, зависящихъ въ своемъ существованіи отъ ихъ ежедневнаго труда. Поэтому слѣдуетъ возложить всю надежду на устраненіе существующаго теперь рѣзкаго дѣленія промышленнаго населенія на капиталистовъ и рабочихъ. Рабочій долженъ перестать быть только рабочимъ, и, слѣдовательно, и его прибыль должна пойти на подкрѣпленіе фонда заработной платы. Раньше было показано, что въ порядкѣ экономическаго развитія фондъ заработной платы въ какой-либо странѣ растетъ медленнѣе, чѣмъ ея общій капиталъ. Сдѣлать рабочихъ участниками въ общемъ ростѣ національнаго богатства значитъ дать имъ долю и въ капиталѣ. Но это

[1]) Cairnes, стр. 332—334.

надо сдѣлать, не нарушая принципа собственности и не ослабляя въ работникѣ тѣхъ качествъ характера, отъ которыхъ зависитъ промышленный успѣхъ. Принимая это во вниманіе, мы найдемъ, что „для царей нѣтъ особаго пути къ капиталу". Капиталъ можетъ быть созданъ только сбереженіемъ, а потому и работникъ, если онъ долженъ выйти изъ его настоящаго положенія и стать участникомъ въ выгодахъ капитала, долженъ прежде всего научиться сберегать. Скажутъ, замѣчаетъ Кэрнсъ, что ему не изъ чего дѣлать сбереженія; но это невѣрно. По даннымъ объ акцизѣ оказывается, что ежегодно тратится въ Англіи на спиртные напитки не менѣе 120,000,000 фунтовъ ст. Если признать, что три четверти этой суммы расходуются рабочими классами, то они могли бы сберегать безъ всякаго ущерба для своего благосостоянія, скажемъ, 60,000,000 фунт. въ годъ. Таковъ былъ бы первый шагъ по пути промышленной эмансипаціи рабочаго класса, за которымъ послѣдовали бы громадныя затрудненія. Вѣдь сбереженный капиталъ нужно было бы помѣстить въ предпріятія и притомъ такія, которыя давали бы достаточную прибыль. Простая отдача капитала въ займы привела бы къ чрезмѣрному пониженію процента, который не вознаградилъ бы рабочаго за его жертвы при сбереженіи капитала. Между тѣмъ устройство собственнаго предпріятія для рабочаго было бы крайне затруднительно, потому что его сбереженія слишкомъ малы. Очевидно, оставался бы одинъ выходъ: объединить эти малыя сбереженія въ достаточно крупныя суммы, чтобы можно было съ успѣхомъ вести промышленное предпріятіе. „Другими словами, наше разсужденіе приводитъ насъ къ заключенію, что „кооперація"... составляетъ единственное разрѣшеніе настоящей проблемы,—единственный путь, по которому рабочій классъ какъ цѣлое или значительная часть его можетъ выйти изъ настоящей жизни изо дня въ день, чтобы получить свою долю въ выгодахъ и почетѣ прогрессирующей цивилизаціи" [1]). Конечно, рабочіе еще мало подготовлены, чтобы пойти по

[1]) Cairnes, стр. 343—345.

этому пути; но препятствія имѣютъ не физическій и даже не экономическій, а интеллектуальный и моральный характеръ. Рабочимъ необходимо бороться съ искушеніемъ тратить деньги на вредныя удовольствія, а также съ собственнымъ невѣжествомъ и низкимъ уровнемъ нравственности. Но нѣкоторыя группы англійскихъ рабочихъ сдѣлали уже значительный прогрессъ въ этомъ направленіи, какъ показываетъ существующее кооперативное движеніе. Во всякомъ случаѣ самымъ важнымъ представляется „выясненіе того направленія, въ которомъ скрывается освобожденіе труда отъ такъ называемой (довольно нелѣпо) тиранніи капитала. Такимъ направленіемъ является, поскольку я могу судить, единственно развитіе кооперативной промышленности“ [1]). Но здѣсь Кэрнсъ предвидитъ очень серьезное возраженіе. Могутъ сказать, что кооперативный режимъ присоединитъ прибыль къ заработной платѣ и увеличитъ такимъ образомъ ея фондъ; но вѣдь этотъ фондъ будетъ имѣть свои предѣлы въ ограниченности средствъ существованія сравнительно съ размноженіемъ людей. Можно ли надѣяться, что при новомъ режимѣ рабочіе будутъ удерживать свое число соотвѣтственно требованіямъ ихъ повышеннаго благосостоянія?

Кэрнсъ надѣется, что грозящая опасность будетъ устранена при кооперативномъ строѣ слѣдующими обстоятельствами:

1) При режимѣ коопераціи фондъ на содержаніе рабочихъ будетъ почерпаться не только изъ фонда заработной платы, какъ теперь, а изъ всего капитала страны. А этотъ послѣдній, какъ извѣстно, возрастаетъ быстрѣе фонда заработной платы, слѣдовательно суммы, идущія на содержаніе рабочихъ, будутъ не только увеличены, но и будутъ съ теченіемъ времени возрастать съ болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ при настоящихъ условіяхъ.

2) Успѣшное примѣненіе коопераціи предполагаетъ такія качества характера, какихъ въ настоящее время нельзя найти въ массахъ трудящагося люда способность къ само-

[1]) Тамъ же, стр. 345—347.

отреченію, предусмотрительность и болѣе высокую оцѣнку будущаго сравнительно съ настоящимъ, словомъ, самоконтроль и благоразуміе. А эти качества, разъ они развились въ человѣкѣ, дѣйствуютъ не исключительно въ какомъ-либо одномъ направленіи: они вліяютъ на весь его характеръ и сказываются въ его поведеніи въ брачныхъ и домашнихъ отношеніяхъ такъ же, какъ и въ другихъ сторонахъ его жизни. При настоящемъ промышленномъ строѣ будущее работника и его дѣтей зависитъ отъ случайностей и закутано туманомъ:

„The present moment is their own:
„The next they never saw" [1]).

Наоборотъ, кооперація, требуя такихъ качествъ характера, которыя необходимы для контроля размноженія населенія, въ то же время дѣлаетъ сравнительно опредѣленными и ясными границы рессурсовъ работника. Онъ является тогда какъ получателемъ, такъ и плательщикомъ заработной платы, и разсматривая проблему заработка съ обѣихъ сторонъ, скорѣе усвоитъ правильный взглядъ на нее; но если бы даже заработная плата и представлялась ему таинственной, то ему, по крайней мѣрѣ, было бы ясно, что прибыль будетъ возрастать только пропорціонально росту его капитала. Подобно крестьянину-собственнику и промышленный рабочій разсчитывалъ бы издержки въ своемъ хозяйствѣ соотвѣтственно опредѣленному, имѣющемуся у него фонду. Онъ видѣлъ бы, что для сохраненія пріобрѣтеннаго имъ независимаго и комфортабельнаго положенія необходимо поддерживать въ неприкосновенности его капиталъ. Такимъ образомъ при коопераціи есть много основаній для надеждъ. Она дѣлаетъ менѣе страшными препятствія человѣческому улучшенію, неизбѣжно связанныя съ нашими животными инстинктами (propensities) и стремится развить въ тѣхъ, кто принимаетъ въ ней участіе, типъ характера, въ высокой степени приспособленный для успѣшной борьбы съ ними [2]).

[1]) „Настоящій моментъ принадлежитъ имъ;
„Слѣдующаго—они никогда не видѣли".

[2]) Cairnes, стр. 348—352.

Такова послѣдняя серьезная попытка защиты старой теоріи фонда заработной платы. Отдавая должное аналитическому таланту и добросовѣстности Кэрнса, ярко проявившимся и въ настоящемъ случаѣ, все же нельзя не видѣть, что поставленная имъ цѣль осталась недостигнутой. Кэрнсу не удалось, несмотря на сложный арсеналъ выдвинутыхъ имъ аргументовъ, возвратить довѣріе доктринѣ, несостоятельность которой была уже достаточно раскрыта нападеніями критики въ той самой странѣ, гдѣ она, повидимому, могла еще разсчитывать на поддержку благодаря связи ея съ интересами вліятельныхъ общественныхъ круговъ. Даже наоборотъ, ученіе Кэрнса только яснѣе подтвердило мысль, уже намѣтившуюся въ сознаніи англійскаго образованнаго общества того времени, что отстаивать теорію фонда значитъ упорно закрывать глаза на такія стороны экономической дѣйствительности, которыя властно заявляли о себѣ и настойчиво требовали перестройки теоретической системы, сложившейся еще при старомъ экономическомъ укладѣ общества.

Мы видѣли, что въ основѣ теоріи фонда лежала точка зрѣнія частнаго предпринимателя. Ее сохраняетъ и Кэрнсъ. Несмотря на то, что формальныя рамки теоріи фонда требовали, повидимому, одинаковаго вниманія къ условіямъ спроса и предложенія труда, и Кэрнсъ ограничиваетъ свое изслѣдованіе почти исключительно спросомъ на трудъ. Вопросъ о предложеніи труда, по его мнѣнію, достаточно разъясняется простой справкой съ закономъ населенія Мальтуса. Но не говоря уже о совершенно некритическомъ отношеніи Кэрнса къ этому закону [1]), онъ оказывается вынужденнымъ повторить здѣсь нелѣпое допущеніе старыхъ теоретиковъ фонда, будто при данномъ запасѣ капитала, назначеннаго

[1]) Ссылка на ученіе Дарвина, сообщающее яко бы универсальный характеръ Мальтусовой теоріи, представляется въ высшей степени странной въ устахъ представителя обществовѣдѣнія, для котораго, казалось бы, должны были бы быть ясными особенности условій общественной жизни, придающія своеобразный характеръ борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ обществѣ.

на заработную плату, все рабочее населеніе страны будетъ занято. Существованіе извѣстной доли рабочаго класса, не имѣющей занятія, или по терминологіи Маркса, резервной рабочей арміи, и онъ совершенно не принимаетъ въ расчетъ. Становясь, подобно старымъ теоретикамъ фонда, на точку зрѣнія количественнаго сравненія, Кэрнсъ естественно считаетъ несущественнымъ вопросъ о безработныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли оказать серьезное вліяніе на выводъ о средней нормѣ заработной платы то обстоятельство, что въ данный моментъ дѣлитель будетъ на 2 или 3% больше или меньше? Если же видѣть въ процессѣ установленія заработной платы не простое ариѳметическое дѣленіе, а борьбу живыхъ силъ, то ясно, что существованіе даже небольшого процента безработныхъ можетъ оказывать громадное вліяніе на высоту заработной платы, если только рабочіе, имѣющіе занятіе, не съумѣли оградить себя какими-либо средствами отъ давленія со стороны ихъ товарищей, оставшихся безъ работы. Отсюда въ теоріи Кэрнса остается громадный пробѣлъ, крайне неблагопріятно отражающійся и на его конечныхъ выводахъ.

Невниманіе къ вопросу о предложеніи труда сказалось у Кэрнса и поверхностнымъ разрѣшеніемъ вопроса о подвижности рабочаго населенія. Въ виду нападеній критики, Кэрнсу нельзя было обойти молчаніемъ этотъ вопросъ. Но онъ устранилъ необходимость широкаго и разносторонняго изслѣдованія его простымъ соображеніемъ, что недостаточная подвижность труда компенсируется большею подвижностью капитала, какъ будто капиталу дѣйствительно принадлежитъ чудодѣйственная сила преодолѣнія громадныхъ—и что особенно важно—весьма неодинаковыхъ для различныхъ разрядовъ рабочихъ препятствій равномѣрному распредѣленію ихъ по занятіямъ и мѣстностямъ. Между тѣмъ мысль о неодинаковости условій установленія заработной платы для различныхъ разрядовъ трудящагося населенія настойчиво указывалась критикой (Лонджъ), къ которой и на этотъ разъ Кэрнсъ отнесся далеко не съ должнымъ вниманіемъ.

должно считаться только удовлетвореніе потребностей немногихъ членовъ общества, потребленіе же большинства—разсматривалось какъ исходный пунктъ дальнѣйшаго производственнаго процесса, какъ простое средство его продолженія, подобно подогрѣванію или смазкѣ машины.

Между тѣмъ, даже оставаясь при индивидуалистическомъ взглядѣ на хозяйственную жизнь, можно было видѣть, что источникъ дохода рабочаго слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ скрываются доходы и другихъ классовъ общества. Стоило только продолжить анализъ изъ сферы производства продукта въ область его реализаціи, чтобы найти правильную нить къ разрѣшенію вопроса. На такой путь сталъ прежде другихъ экономистовъ одинъ изъ крупнѣйшихъ теоретиковъ индивидуалистической школы—Германъ. Источникомъ заработной платы является, по его мнѣнію, не капиталъ предпринимателя, а доходъ потребителя. Реализація производственнаго процесса наступаетъ, когда созданные продукты перейдутъ въ руки ихъ послѣднихъ владѣльцевъ, т. е. когда обнаружится, какой результатъ дала производственная кампанія [1]). Связанный индувидуалистической точ-

[1]) Давленіе на цѣны продуктовъ, указываетъ Германъ, передается назадъ въ видѣ давленія на плату рабочихъ, а потому „такъ называемая гарантія рабочихъ уплатой имъ фиксированной платы предпринимателями представляется весьма сомнительной". „Истинный и всегда притекающій источникъ вознагражденія производительнаго труда есть доходъ покупщика, покупающаго продуктъ для своихъ собственныхъ потребностей". Предприниматель, продолжаетъ Германъ, на каждой ступени работы расходуетъ плату своимъ рабочимъ только до того времени, пока продуктъ не перейдетъ на слѣдующую ступень производства или къ потребителю: тогда онъ ожидаетъ возмѣщенія въ цѣнѣ своего продукта. Расходовать на такую работу больше капитала, производя на запасъ,—весьма рискованно и часто сопряжено съ убыткомъ, такъ какъ каждый такой добавочный расходъ ожидаетъ возмѣщенія отъ потребителя. Это возмѣщеніе должно всегда возобновлять капиталъ производителя, если производство должно постоянно продолжаться. Поэтому капиталъ предпринимателя въ техническомъ производствѣ является только средствомъ воплощенія въ продуктѣ труда, требуемаго на каждой ступени производства, причемъ плата за этотъ трудъ будетъ погашена изъ продажной цѣны продукта. „Онъ никоимъ образомъ не служитъ фон-

кой зрѣнія на хозяйственныя явленія, Германъ не продолжилъ своей мысли до ея необходимыхъ логическихъ послѣдствій. Чистый доходъ потребителя есть только часть чистаго дохода общества. Покупая на свой денежный доходъ разнаго рода предметы, потребитель предъявляетъ какъ бы требованіе на извѣстную долю реальнаго чистаго дохода общества. Источникомъ реальнаго дохода всѣхъ общественныхъ классовъ, а слѣдовательно и рабочихъ, оказывается поэтому ни что иное какъ совокупность предметовъ, пригодныхъ къ непосредственному потребленію, т. е. та часть общественнаго продукта за данный періодъ, которая остается за вычетомъ предметовъ, назначаемыхъ не на потребленіе, а на цѣли производства. При изолированномъ хозяйствѣ самостоятельнаго производителя источникъ чистаго дохода выступаетъ въ наиболѣе ясныхъ очертаніяхъ. Въ обществѣ же, построенномъ на широкомъ раздѣленіи труда, гдѣ потребитель отдѣленъ отъ производителя, и гдѣ кромѣ того составъ хозяйственныхъ дѣятелей разбивается на неоднородныя группы (предприниматели, рабочіе), отношенія между которыми осложняются еще условіями денежнаго обмѣна, истинный смыслъ хозяйственныхъ процессовъ затемняется. Научное изслѣдованіе наталкивается при этомъ на серьезныя

домъ, изъ котораго уплачивается заработная плата. Съ самымъ громаднымъ капиталомъ предприниматель не могъ бы нанять рабочихъ для предпріятія, за продукты котораго нельзя было бы ожидать никакого вознагражденія со стороны того, кто ищетъ ихъ для удовлетворенія собственной потребности и можетъ заплатить за нихъ". Производитель является только временнымъ собственникомъ матеріаловъ, труда и пользованій, которые объединяетъ въ себѣ продуктъ, и служитъ благодаря своему капиталу только посредникомъ въ этомъ обмѣнѣ трудовыхъ усилій (Leistungen) рабочихъ на труды и пользованія послѣднихъ потребителей. Капиталъ предпринимателя оказывается лишь передаточнымъ средствомъ (Frachtmittel, Ueberlieferungsmittel). Нельзя представить себѣ, чтобы заработная плата зависѣла отъ величины свободнаго капитала сравнительно съ количествомъ рабочихъ, имѣющихся въ странѣ, какъ говорили. Она всегда зависитъ только отъ цѣны, какую желаютъ и могутъ заплатить за продуктъ окончательные покупщики"... Fr. v. Hermann, Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 2-te Aufl. München 1874, стр. 460—461 и 476—478.

затрудненія, преодолѣніе которыхъ требуетъ отъ изслѣдователя необыкновенной проницательности, умѣнья заглянуть въ самую глубь изучаемыхъ отношеній, не смущаясь видимою спутанностью ихъ внѣшней оболочки. Этими качествами въ высокой степени обладалъ Родбертусъ, которому и принадлежитъ заслуга раскрытія основной ошибки теоріи фонда выясненіемъ мѣста заработной платы въ общественномъ хозяйствѣ.

Въ одной изъ раннихъ своихъ работъ (Zur Erkenntniss unsrer Staatswirthschaftlichen Zustände) Родбертусъ блестяще охарактеризовалъ разницу между заработной платой и капиталомъ. Онъ проводитъ здѣсь параллель между общественнымъ и изолированнымъ хозяйствомъ, указывая, что раздѣленіе труда дѣлаетъ и для цѣлаго общества излишнимъ накопленіе предварительныхъ запасовъ капитала на заработную плату. Пониманіе роли раздѣленія труда въ обществѣ и должно, по мнѣнію Родбертуса, разсѣять ложное представленіе, будто задачи хозяйственной дѣятельности различны у изолированнаго производителя и общества. И тутъ и тамъ люди одинаково производятъ для того, чтобы удовлетворять свои потребности, а потому и рабочіе, получая свою заработную плату, тѣмъ самымъ заканчиваютъ хозяйственный циклъ, цѣлью котораго было такое же удовлетвореніе ихъ потребностей, какъ и капиталиста, предпринимателя и землевладѣльца. Ихъ доходъ является вовсе не частью капитала, а такой же долей общественнаго дохода, какъ и процентъ, прибыль на капиталъ и поземельная рента. Въ хозяйствѣ изолированнаго человѣка, говоритъ Родбертусъ, сырые матеріалы и орудія „производятся только для того, чтобы изъ нихъ и съ ихъ помощью производить (продуктъ)... Но всѣ средства существованія производятся только для того, чтобы жить на нихъ, а не затѣмъ, чтобы они давали силы для дальнѣйшаго производства. Они являются доходомъ того періода, въ теченіе котораго они созданы... Но и при состояніи раздѣленія труда... не существуетъ никакого естественнаго запаса средствъ существованія, изъ котораго сначала должна была быть выдана заработная плата для

дальнѣйшаго производства... Заработная плата есть напротивъ того доля въ продуктѣ, т. е. сама является продуктомъ того періода, за который она уплачивается. Было бы величайшей хозяйственной расточительностью, если бы при началѣ производства заработная плата имѣлась бы уже для него въ видѣ натуральныхъ благъ. Напротивъ, раздѣленіе труда обладаетъ свойствомъ, обильнымъ послѣдствіями, что работа происходитъ одновременно во всѣхъ промыслахъ. Въ то время какъ на самой низшей ступени производства матеріалъ постоянно извлекается изъ земли, на слѣдующей ступени этотъ матеріалъ постоянно перерабатывается въ полуфабрикатъ и въ то же время—на послѣдней ступени постоянно заканчивается созданіе благъ, готовыхъ для потребленія (Einkommensgüter). Такимъ образомъ, въ то время какъ въ какомъ-либо предпріятіи, гдѣ могутъ производиться совершенно иные предметы, чѣмъ средства существованія, рабочіе работаютъ день, недѣлю или мѣсяцъ,—рядомъ съ ними, въ теченіе того же дня, недѣли или мѣсяца заканчивается производство средствъ существованія. Эти одновременно производимыя средства существованія и составляютъ то, чѣмъ вознаграждается работникъ... Слѣдовательно, рабочіе получаютъ плату не изъ капитала, не изъ запаса, бывшаго уже налицо при началѣ работы, а изъ своего собственнаго продукта, или, если этотъ продуктъ не составляетъ средствъ существованія, то — въ силу раздѣленія труда и обмѣна—точно такъ же изъ средствъ существованія, составляющихъ продуктъ того періода, за который онъ получаетъ свою заработную плату [1]... Къ сожалѣнію, замѣчанія Родбертуса, повидимому, остались неизвѣстными англійскимъ теоретикамъ фонда, не исключая и Кэрнса. Если судить по впечатлѣнію, произведенному на сторонниковъ теоріи фонда возраженіями англійскихъ экономистовъ (Уокера и Джорджа), поднявшихъ вопросъ объ

[1]) Rodbertus-Jagetzow. Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände. Erstes Heft. Fünf Theoreme. Neubrandenburg und Friedland 1842, стр. 14—16.

источникѣ заработной платы значительно позднѣе, то нельзя не придти къ заключенію, что теорія фонда потеряла бы въ Англіи всякій кредитъ еще въ сороковые годы, если бы въ то время существовала живая связь между германской и англійской экономической наукой [1]).

Конечно, пониманіе хозяйственной дѣятельности какъ органическаго цѣлаго слишкомъ противорѣчило всему міровоззрѣнію Кэрнса и требовало бы полнаго пересмотра защищаемыхъ имъ теоретическихъ положеній. Но его ошибочное представленіе объ источникѣ заработной платы могло быть исправлено гораздо проще. Достаточно было бы отрѣшиться на минуту отъ апріорнаго метода и обратиться къ наблюденію живой экономической дѣйствительности. Простые ежедневно во множествѣ встрѣчающіеся случаи расплаты съ рабочими показали бы ему, что предприниматель часто не нуждается даже въ авансированіи заработной платы. Реализація продукта происходитъ иногда такъ быстро, что капиталистъ можетъ безъ всякихъ затрудненій выдавать плату рабочимъ изъ текущей выручки его собственнаго предпріятія [2]).

---

[1]) Любопытно, что даже Джорджъ едва ли былъ знакомъ съ возраженіями Родбертуса, которыя могли бы оказать ему незамѣнимую услугу, потому что онъ развиваетъ аналогичныя мысли при критикѣ теоріи фонда. Такое знакомство несомнѣнно заставило бы его измѣнить пренебрежительный отзывъ о своихъ предшественникахъ (впрочемъ несправедливый также и по отношенію къ Уокеру). См. Генри Джорджъ, Прогрессъ и бѣдность, переводъ Николаева, Спб. 1896, стр. 10.

[2]) Даже въ старыхъ странахъ, указываетъ Уокеръ, иногда предприниматель реализуетъ свой продуктъ въ болѣе короткое время, чѣмъ недѣля (самый краткій срокъ выдачи рабочей платы), такъ что рабочій не только получаетъ свою плату цѣликомъ изъ продукта его промышленности, но даже ссужаетъ предпринимателя частью капитала, съ которой онъ оперируетъ. Таковы напр. разныя отрасли перевозочной промышленности, въ которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ насчитываются сотни тысячъ рабочихъ. Этимъ рабочимъ рѣдко платятъ ежедневно, обыкновенно же понедѣльно или помѣсячно. Компаніи же получаютъ всю плату за провозъ пассажировъ и часть товарныхъ фрахтовъ ежедневно, а слѣдовательно находятся въ постоянномъ долгу у своихъ рабочихъ. Въ новыхъ же странахъ, гдѣ капитала оказывается недостаточно съ точки зрѣнія промышленной иниціативы, приносимой туда изъ странъ старой культуры, заработная плата вообще только частью выплачивает-

Обращаясь къ дальнѣйшимъ положеніямъ Кэрнса, связаннымъ съ вопросомъ объ источникѣ заработной платы, мы находимъ и въ нихъ также слѣды ошибочныхъ теоретическихъ пріемовъ, принятыхъ отъ его предшественниковъ. Посылку, что заработная плата выдается изъ капитала, онъ принималъ какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Но условія „помѣщенія" этого капитала онъ считалъ уже нужнымъ подвергнуть внимательному и подробному разсмотрѣнію. Многія замѣчанія его по вопросу о побужденіяхъ, руководящихъ

ся изъ капитала. Примѣромъ можетъ служить исторія самихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ съ первыхъ поселеній и до открытія калифорнійскаго золота рабочихъ нанимали обыкновенно на годъ и платили имъ по истеченіи года. До истеченія срока предприниматель давалъ иногда необходимыя жизненныя средства, небольшія денежныя суммы „на обзаведеніе"; хозяинъ могъ уплачивать за рабочихъ налогъ или за рецептъ врача; но эти платежи обыкновенно были такого рода, что предприниматель постоянно оставался въ долгу у своего рабочаго. F. Walker, The Wages Question, стр. 134—137. Очень подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ Джорджъ въ „Прогрессѣ и бѣдности". Онъ намѣчаетъ послѣдовательныя ступени выдачи платы рабочимъ не изъ заранѣе заготовленнаго капитала. Первый случай наблюдается въ хозяйствѣ самостоятельнаго производителя. „Если напр., говоритъ онъ, я посвящаю свой трудъ собиранію птичьихъ яицъ или дикихъ ягодъ, то яйца и ягоды, которыя я такимъ образомъ соберу, суть моя заработная плата. Безъ сомнѣнія, никто не будетъ утверждать, что въ этомъ случаѣ заработная плата берется изъ капитала. Тутъ нѣтъ никакого капитала. Абсолютно нагой человѣкъ, выброшенный на островъ, куда ранѣе не ступала человѣческая нога, можетъ уже собирать яйца или искать ягоды. Или, если я беру кусокъ кожи и шью изъ него башмаки, то башмаки эти и будутъ моей заработной платой, вознагражденіемъ за мой трудъ. Безъ сомнѣнія, они берутся не изъ капитала, моего капитала или капитала другого лица, а являются на свѣтъ благодаря труду, составляя его заработную плату, и вырабатывая эти башмаки, какъ плату за мой трудъ, я ни на минуту и ни на іоту не уменьшалъ капитала Ибо, если говорить о капиталѣ, мой капиталъ въ началѣ работы состоялъ изъ куска кожи, нитокъ и проч. По мѣрѣ того какъ двигалась впередъ моя работа, ея цѣнность постоянно увеличивалась, и когда мой трудъ выразился въ готовыхъ башмакахъ, я имѣлъ мой капиталъ плюсъ разница въ цѣнности между матеріаломъ и башмаками. И добывая эту добавочную цѣнность, мою заработную плату, развѣ я бралъ ее въ какой-нибудь моментъ изъ капитала?"

капиталистами при наймѣ рабочихъ, представляются весьма цѣнными. Однако, ложное направленіе, приданное изслѣдованію, и здѣсь мѣшаетъ Кэрнсу надлежащимъ образомъ охватить различныя стороны изучаемыхъ отношеній. Выше было уже упомянуто, что онъ принимаетъ въ расчетъ только мотивы капиталиста (предпринимателя). Но и среди этихъ

Итакъ, указываетъ Джорджъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ работникомъ (крестьяниномъ, ремесленникомъ), мы никакъ не можемъ сказать, что его заработная плата берется изъ капитала. Но это—вовсе не единственный случай, когда продуктъ труда составляетъ непосредственное вознагражденіе работника. Мы наблюдаемъ его также и при наемномъ трудѣ, уплачиваемомъ натурою. „Если я нанимаю человѣка собирать яйца, искать ягоды или шить башмаки, платя ему изъ яицъ, ягодъ или башмаковъ, которые добываются его трудомъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что источникомъ заработной платы является тотъ трудъ, за который она уплачивается... Слѣдующей ступенью... будетъ тотъ случай, когда заработная плата, хотя и оцѣнивается натурою, но выплачивается въ эквивалентномъ количествѣ чего-либо другого. „Напр. на американскихъ китоловныхъ судахъ уплачиваютъ извѣстную долю добычи. Заработная плата выдается тогда изъ добытой экипажемъ судна массы китоваго уса и жира, и даже если доля каждаго уплачивается деньгами, соотвѣтственно денежной цѣнѣ причитающейся ему части этихъ матеріаловъ, дѣло не измѣняется, потому что собственникъ корабля производитъ уплату не предварительно, а когда судно пришло уже въ гавань". „Въ тотъ самый моментъ какъ собственникъ выдаетъ изъ своего капитала деньги въ уплату экипажу, онъ придаетъ къ своему капиталу жиръ и усъ".

Дальнѣйшею ступенью является выдача заранѣе опредѣленной денежной платы послѣ передачи хозяину продукта труда. Напр., собиратели птичьихъ яицъ на Фарелбнскихъ островахъ получаютъ опредѣленную плату по окончаніи сезона; до этого времени яйца постепенно доставляются ихъ нанимателямъ и продаются ими. И здѣсь, какъ видно, плата получается изъ продукта, потому что деньги, уплаченныя рабочимъ хозяевами, были выручены послѣдними отъ продажи собранныхъ рабочими яицъ. Послѣ этого Джорджъ переходитъ къ доказательству положенія, что и во всѣхъ родахъ производства заработная плата не выдается изъ капитала. Здѣсь его доказательства представляются, однако, мало убѣдительными, потому что онъ становится на точку зрѣнія индивидуальнаго хозяйства, а не распредѣленія всего общественнаго продукта. Слѣдуя за аргументаціей Родбертуса, онъ могъ бы найти необходимыя ему доказательства, не дѣлая ненужныхъ натяжекъ. Г. Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность, стр. 35 и слѣд.

мотивовъ Кэрнсъ упускаетъ изъ вида очень важныя побужденія, имѣющія мѣсто въ особенности при новомъ промышленномъ строѣ. Теоретики фонда вообще исходили изъ ретроспективнаго взгляда на организацію хозяйственной дѣятельности, ища ея основаній въ прошломъ, а не въ ожидаемомъ будущемъ. Размѣръ затратъ на заработную плату казался имъ опредѣленнымъ условіями закончившагося хозяйственнаго періода, а не предполагаемымъ исходомъ начинаемаго дѣла. Наличныя средства предпринимателя и имѣющееся число рабочихъ точно указывали, по ихъ мнѣнію, сколько должно быть дано каждому рабочему. Если рабочихъ мало, то (при неизмѣнномъ количествѣ средствъ предпринимателя) плата будетъ высока, если много, то низка, каковы бы ни были въ томъ и другомъ случаѣ качества лицъ, нанимающихся на работу. Исходя изъ этихъ соображеній, Кэрнсъ приписываетъ предпринимателю полное равнодушіе къ качествамъ нанимаемыхъ имъ рабочихъ. Предприниматель, по мнѣнію Кэрнса, стремится только распредѣлить накопленный запасъ капитала между имѣющимися рабочими, если есть надежда, что наемъ ихъ дастъ ему достаточную прибыль. Между тѣмъ въ дѣйствительности расчеты предпринимателя тѣсно связываются съ количествомъ продукта, ожидаемаго отъ предпріятія, а такъ какъ размѣры этого количества зависятъ въ значительной степени отъ производительности труда рабочихъ, то естественно, что при наймѣ рабочихъ онъ предпочтетъ дать болѣе искуснымъ высшую плату, чѣмъ менѣе искуснымъ, хотя бы его „фондъ заработной платы" въ томъ и другомъ случаѣ былъ одинаковъ. Упущеніе изъ вида этого въ высшей степени важнаго условія могло еще быть оправдано у первыхъ теоретиковъ фонда, имѣвшихъ передъ глазами сравнительно простыя формы производства; въ 70-хъ же гг., когда новый строй промышленныхъ предпріятій и новыя формы предпринимательской дѣятельности достаточно выяснились, игнорированіе значенія производительности труда можетъ быть объяснено только крайней отрѣшенностью научнаго изслѣдо-

ванія отъ наблюденія живой дѣйствительности [1]). Для динамическаго вліянія повышенной производительности труда теорія фонда отводитъ еще нѣкоторое мѣсто, но она ставитъ его въ зависимость отъ предварительнаго увеличенія фонда. Между тѣмъ, если новое техническое изобрѣтеніе, требующее болѣе дорогихъ рабочихъ, обѣщаетъ дать большее количество продукта, то предприниматель не станетъ ждать увеличенія имѣющагося у него фонда, а сразу найметъ необходимыхъ для него рабочихъ за болѣе высокую плату.

Невниманіе къ дѣйствительной организаціи промышленной дѣятельности сказывается и въ утвержденіи теоретиковъ фонда, будто увеличеніе количества рабочихъ должно при неизмѣнномъ „фондѣ" всегда понижать заработную плату. У нихъ не возникало мысли, что большее количество рабочихъ можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже выгоднѣе для предпринимателя, давая ему возможность примѣнить болѣе усовершенствованные пріемы труда. Если же, присоединяя къ имѣющимся рабочимъ нѣсколько новыхъ, предприниматель улучшитъ пріемы производства и слѣдовательно увеличитъ количество продукта, приходящееся на каждаго рабочаго, то почему онъ будетъ непремѣнно понижать имъ заработную плату? Не проще ли было бы предположить, что и въ данномъ случаѣ онъ будетъ стремиться заплатить рабочимъ возможно меньше; но если они станутъ настаивать на повышеніи платы и будутъ имѣть достаточно силы, чтобы подкрѣпить это требованіе, то ему было бы все-таки вы-

[1]) На этотъ недостатокъ ученія о фондѣ съ особенной энергіей указалъ Уокеръ, въ теоретической системѣ котораго вопросу о производительности труда придано выдающееся значеніе (даже нѣсколько преувеличенное). Теоретики фонда предполагаютъ, справедливо замѣчаетъ Уокеръ, что если бы при имѣющемся фондѣ для 1000 рабочихъ явилась тысяча англичанъ или тысяча индусовъ, то они получили бы одинаковую плату, или если бы явились въ оба раза англичане, но одинъ разъ пьяницы, лѣнтяи и невѣжды, а на другой разъ искусные, трезвые и образованные рабочіе, то они получили бы одинаковую плату, такъ какъ ни дѣлимое, ни дѣлитель не измѣнились бы. F. Walker, The Wages Question, стр. 145.

годно повысить имъ заработную плату, поскольку это повышеніе не уменьшало бы его обычной прибыли [1]).

Непониманіе вліянія производительности труда на заработную плату вытекало у Кэрнса, какъ и у другихъ теоретиковъ фонда, между прочимъ и изъ игнорированія вопроса о различныхъ группахъ рабочаго населенія, которое ссставляетъ у теоретиковъ фонда общій недостатокъ съ сторонниками теоріи средствъ существованія. Гипотеза о „средней" заработной платѣ для цѣлой страны въ теоріи фонда играетъ даже большую роль, чѣмъ въ доктринѣ средствъ существованія. Между тѣмъ реальныхъ основаній для постановки такой гипотезы у теоретиковъ фонда, писавшихъ въ болѣе поздній періодъ англійской промышленности, - было еще меньше. Только слѣпое слѣдованіе традиціоннымъ положеніямъ, принимаемымъ безъ всякой повѣрки

[1]) Возьмемъ, говоритъ Уокеръ, страну, которая не достигла еще ступени „убывающаго плодородія". Если въ ней работали 100 рабочихъ съ капиталомъ въ 100 а, а затѣмъ пришли 20 рабочихъ съ капиталомъ въ 20 а, то плата по теоріи фонда должна остаться прежнею. Между тѣмъ эти 120 рабочихъ произведутъ на каждаго больше продукта, чѣмъ 100, потому что можно провести лучшую кооперацію, болѣе детальное раздѣленіе труда и взяться за операціи, очень выгодныя, но для которыхъ силы 100 работниковъ были еще недостаточны. Въ странѣ, достигшей уже состоянія „убывающаго плодородія", при увеличеніи количества рабочихъ плата будетъ дѣйствительно понижаться, но въ силу того обстоятельства, что производительность труда каждаго новаго работника будетъ меньше. Однако, это пониженіе заработной платы должно совершаться медленно, во первыхъ, потому, что трудъ новыхъ пришельцевъ долго будетъ давать еще результаты, близкіе къ производительности труда прежнихъ жителей („природа очень терпѣливо относится къ людямъ"); и во-вторыхъ, потому что предѣлы производительности будутъ все раздвигаться открытіемъ новыхъ рессурсовъ, увеличеніемъ экономіи труда, приложеніемъ новыхъ техническихъ знаній и т. д. Теорія фонда заработной платы разсматривала каждаго новаго работника какъ простую прибавку къ дѣлителю, не признавая того факта, что его трудъ долженъ прибавлять также кое-что и къ дѣлимому. Если даже онъ не производитъ столько, сколько онъ требуетъ, все же онъ производитъ кое-что, и это количество, какъ бы оно мало ни было, способствуетъ увеличенію суммы, которая можетъ быть уплачена въ видѣ заработной платы". Walker, указ. соч., стр. 147 – 151.

на фактахъ дѣйствительнаго развитія экономической жизни, могло привести ученыхъ страны, гдѣ дифференцированіе различныхъ разрядовъ рабочаго населенія все увеличивалось, къ выводу объ однообразіи труда [1]).

[1]) „Когда сторонники теоріи фонда говорили о различіяхъ заработной платы въ различныхъ занятіяхъ, они (за исключеніемъ Милля) всего болѣе удалялись отъ дѣйствительности. Макъ-Кёллокъ утверждаетъ, что заработная плата въ его время была ближе къ общему уровню, чѣмъ когда было написано „Богатство народовъ", и была „почти одинакова во всей странѣ"... Но послѣдняя часть этого утвержденія рѣшительно невѣрна, а истинность первой части весьма сомнительна. Улучшенныя сообщенія, несомнѣнно, сдѣлали много для облегченія передвиженія труда съ мѣста на мѣсто. Газеты и объявленія указываютъ рабочему, гдѣ его трудъ всего болѣе нуженъ, а желѣзныя дороги и пароходы даютъ ему возможность отправиться туда. Но можетъ ли трудъ переходить изъ одного занятія въ другое гораздо легче, чѣмъ во времена Ад. Смита? Я не утверждаю, что онъ не можетъ, я говорю только, что возможность эта далеко не несомнѣнна, и что для передвиженія рабочихъ все еще существуютъ многія препятствія. Совершенно также, какъ улучшенныя сообщенія и притокъ золота между 1850 и 1870 гг. разрушили старыя неравенства въ заработной платѣ и создали новыя, такъ и введеніе машинъ и расширеніе раздѣленія труда воздвигли новыя неравенства въ заработной платѣ, создавъ новыя препятствія, мѣшающія переходу рабочихъ изъ одного занятія въ другое, вмѣсто прежнихъ препятствій, которыя были устранены... Нерѣдко можно видѣть тысячи искусныхъ рабочихъ, которые не могутъ найти занятія, въ то время когда много машинъ стоятъ праздно вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, потому что искусство незанятыхъ рабочихъ не такого рода, какое требуется для работы при этихъ машинахъ. Въ 1860 году фабричные инспектора доносили, что въ Лондонѣ болѣе 90.000 рабочихъ были безъ занятія въ одной серіи промысловъ, тогда какъ въ другой существовалъ большой спросъ на работу при машинахъ, стоявшихъ праздными. Такимъ образомъ мы находимъ, что даже въ примѣненіи къ высоко-цивилизованнымъ обществамъ допущеніе, что конкуренція уравниваетъ выгоды въ различныхъ занятіяхъ, является лишь грубымъ приближеніемъ къ истинѣ. Насколько же дальше отъ нея оно должно быть въ тѣхъ странахъ, гдѣ обычай, въ большей или меньшей степени, исключаетъ конкуренцію, гдѣ плата часто выдается натурой или различными суррогатами денегъ, и гдѣ самый искусный статистикъ или актуарій иногда затрудился бы опредѣлить, какая среди различныхъ отраслей промышленности обладаетъ большими выгодами по сравненію съ другими. Для современнаго англичанина или американца трудно составить поня-

Отъ Кэрнса можно было бы ожидать большаго вниманія къ этой сторонѣ вопроса, такъ какъ онъ отводитъ много мѣста разсмотрѣнію особенностей „національныхъ отраслей промышленности". Но онъ усматриваетъ такія особенности только въ распредѣленіи различныхъ затратъ капитала. Разница же въ качествѣ людей, трудящихся въ различныхъ предпріятіяхъ, совершенно ускользаетъ изъ его поля зрѣнія. Паэтому и здѣсь, находясь на порогѣ чрезвычайно плодотворнаго изслѣдованія, онъ вмѣсто разъясненія вопроса только нагромождаетъ новыя ошибки. Изслѣдованіе особенностей различныхъ отраслей промышленности приводитъ Кэрнса къ неожиданному выводу, что такъ какъ въ земледѣліи на основной капиталъ уходитъ меньшая доля, чѣмъ въ фабричныхъ производствахъ, а слѣдовательно на заработную плату остается большая, то заработная плата въ земледѣльческой странѣ должна быть выше заработной платы въ государствахъ съ высоко развитой фабричной промышленностью. Поэтому логическимъ поводомъ изъ ученія Кэрнса было бы принятіе Verelendungstheorie, что опять таки сближаетъ разсматриваемую теорію съ теоріей средствъ существованія [1]).

По второму основному вопросу теоріи фонда—о значеніи коллективнаго договора при установленіи заработной платы -- Кэрнсъ также высказывается въ духѣ старыхъ за-

тіе о той степени, въ какой въ нѣкоторыхъ уголкахъ міра соціальный организмъ какъ бы заключенъ въ скорлупу обычая, дѣлающаго для рабочаго невозможнымъ поиски лучшаго рынка. И даже если бы ничто не препятствовало такимъ поискамъ, необходимыя для этого свѣдѣнія могли бы оставаться недоступными для него. Эти соображенія приводятъ меня къ заключенію, что та вѣтвь теоріи фонда заработной платы, которая трактуетъ проблему о различіяхъ въ заработной платѣ (the problem of particular wages), основывается на допущеніяхъ, которыя правильны только относительно небольшой части свѣта, и даже о такой части они вѣрны только съ цѣлымъ рядомъ ограниченій, которыя игнорировались—конечно, не всѣми, но многими англійскими экономистами". M-c Donnell, указ. соч., стр. 16—19.

[1]) До извѣстной степени Кэрнсъ и дѣлаетъ такой выводъ, хотя ему и недостаетъ рѣшимости принять его цѣликомъ. (См. выше).

щитниковъ этой теоріи. Онъ не усматриваетъ въ дѣятельности рабочихъ союзовъ новаго фактора, требующаго пересмотра принятыхъ теоретическихъ посылокъ, а относится къ ней просто какъ къ одной изъ формъ неумѣренныхъ и необоснованныхъ притязаній рабочихъ, подстрекаемыхъ невѣжественными или недобросовѣстными агитаторами. Поэтому ему не приходила въ голову и мысль о сближеніи этого способа охраны интересовъ рабочихъ съ законодательнымъ вмѣшательствомъ въ заключеніе рабочаго договора, которое онъ даже считалъ возможнымъ совершенно игнорировать при теоретическомъ разсмотрѣніи вопроса. Подобно аргументаціи его предшественниковъ и его собственные доводы въ защиту „нормальныхъ" условій конкуренціи при наймѣ рабочихъ оказываются чрезвычайно блѣдными и натянутыми. Ошибочность его указаній на необходимость для успѣха дѣла предварительнаго увеличенія фонда заработной платы видна уже изъ предыдущаго изложенія; намъ остается упомянуть только объ одномъ его аргументѣ, который представляется нѣсколько болѣе обоснованнымъ. Мы видѣли, что Кэрнсъ съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на невозможности для рабочихъ удержать надолго вынужденное ими повышеніе заработной платы, потому что вызванное этимъ сокращеніе прибыли, достигшей уже минимальной нормы въ силу конкуренціи между капиталистами, парализовало бы ходъ сбереженій на дальнѣйшее время. И это соображеніе Кэрнса, однако, также далеко отъ истины, какъ и предыдущія. Во-первыхъ, Кэрнсъ упускаетъ здѣсь изъ вида обстоятельство, которое намъ не разъ приходилось уже отмѣчать ранѣе, и о которомъ мы будемъ еще говорить подробно въ одной изъ слѣдующихъ главъ,—именно, возможность повышенія производительности труда, благодаря которой увеличеніе заработной платы, вынужденное трэдъюніонами, можетъ и не приводить къ сокращенію прибыли. Во-вторыхъ, пониженіе размѣра процента вовсе не вызываетъ такого фатальнаго сокращенія сбереженій, какъ думалъ Кэрнсъ. Для крупныхъ капиталистовъ уменьшеніе прибыли можетъ, не сокращая доли, идущей на ихъ лич-

ныя потребности, отразиться лишь на размѣрахъ остатка. Но и тѣ лица, личныя траты которыхъ должны были бы убавиться благодаря уменьшенію процента, все-таки продолжали бы сберегать, потому что отказъ отъ сбереженія лишалъ бы ихъ всякаго дохода. Для многочисленной группы лицъ, откладывающихъ часть своего заработка (сюда входятъ не только представители либеральныхъ профессій, чиновники, высшіе служащіе и т. п., но и значительное количество простыхъ рабочихъ), уменьшеніе процента можетъ служить даже побужденіемъ къ большимъ сбереженіямъ, чѣмъ прежде. Если бы Кэрнсъ бралъ за основаніе для разсужденія не воображаемаго, а дѣйствительнаго капиталиста, то онъ увидѣлъ бы, что процессъ сбереженія въ капиталистическихъ государствахъ вовсе не обнаруживалъ тенденціи къ уменьшенію, несмотря на постоянное паденіе размѣра процента [1]). Въ третьихъ, повышеніе заработной платы,

[1])...„Есть основаніе полагать, что значительная часть—въ настоящее время быть можетъ, самая значительная часть—сбереженій совершенно не зависитъ отъ процента, который можно получить за пущенный въ оборотъ капиталъ. Самые сильные мотивы къ сбереженію,—желаніе обезпечить себя самого на случай болѣзни или на старость, или же обезпечить будущее дѣтей, оказываютъ свое вліяніе, какъ свидѣтельствуютъ сбереженія французскихъ крестьянъ, совершенно независимо отъ того, приносятъ эти сбереженія прибыль или процентъ, или нѣтъ. Вся исторія народныхъ сберегательныхъ кассъ показываетъ, что большая частъ сберегающаго населенія заботится главнымъ образомъ о безопасности своихъ сбереженій, а не о томъ или другомъ уровнѣ процентовъ... На другомъ концѣ соціальной лѣстницы,—хотя, быть можетъ, по другимъ причинамъ,—накопленіе совершается, повидимому, точно также независимо отъ уровня прибыли. Ежегодныя сбереженія Асторовъ и Вандербильтовъ, періодическое пусканіе въ оборотъ своихъ доходовъ Кэвендишами и Гросвинорами, автоматическое накопленіе Ротшильдовъ зависятъ не отъ того, какой процентъ эти милліонеры надѣются получить за свой новый капиталъ, а отъ суммы излишка сверхъ ихъ обычныхъ расходовъ. По меньшей мѣрѣ весьма сомнительно, чтобы обширный кругъ людей, доходъ которыхъ несравненно больше того, что имъ нужно или желательно расходовать, увеличивалъ свой вкладываемый въ торгово-промышленныя дѣла капиталъ въ предвидѣніи, что уровень процента возрастаетъ съ 3 на 4, или уменьшилъ его, потому что процентъ долженъ понизиться съ 3 на 2. Наконецъ, есть третій типъ сбереженій,

вынужденное трэдъ-юніонами, можетъ совершенно не отразиться на размѣрѣ процента, а слѣдовательно и на стремленіи къ сбереженію, задѣвая исключительно предпринимательскую прибыль.

Мы видѣли, что Кэрнсъ не выдержалъ до конца отрицательнаго отношенія къ трэдъ-юніонамъ, и вынужденъ былъ сдѣлать ихъ защитникамъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя уступки. Сущность его взгляда, конечно, нисколько не измѣнилась отъ этого и, рекомендуя рабочимъ способы улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, онъ ни разу не вспоминаетъ уже о трэдъ-юніонахъ, обращаясь исключительно къ принципу коопераціи (въ англійскомъ смыслѣ этого слова). Этотъ принципъ не противорѣчилъ, какъ ему казалось, его основной точкѣ зрѣнія (индивидуалистическое пониманіе условій и задачъ общественнаго хозяйства) [1]): но

на которыя всякое измѣненіе въ уровнѣ прибыли имѣетъ какъ разъ обратное дѣйствіе, такъ что размѣръ накопленія возрастаетъ съ паденіемъ прибыли и понижается съ повышеніемъ ея. Значительная часть сбереженій дѣлается съ тѣмъ, чтобы имѣть въ будущемъ доходъ, на который можно было бы существовать, не занимаясь никакимъ трудомъ. Когда кто-нибудь дѣлаетъ сбереженія, чтобы имѣть возможность оставить свое дѣло или практику, чтобъ скопить что-нибудь для вдовы или дочерей, или чтобы—по народному выраженію „обзавестись семьей",—онъ стремится къ тому, чтобъ создать себѣ какой-либо опредѣленный годовой доходъ. Это особенно вѣрно по отношенію къ представителямъ либеральныхъ профессій или зажиточныхъ среднихъ классовъ, которые въ настоящее время дѣлаютъ наиболѣе значительную часть сбереженій. Если нужно 5.000 фунт. ст. въ годъ, чтобъ содержать семью въ помѣстьѣ приличнымъ образомъ, или если для каждой дочери нужно откладывать по 300 фунт. въ годъ, то это служитъ самымъ сильнымъ стимуломъ дѣлать сбереженія, пока не накопится необходимая капитальная сумма, и если уровень процента падаетъ, то, разумѣется, эта капитальная сумма должна быть больше. Ни одинъ наблюдатель англійской жизни не можетъ сомнѣваться въ томъ, что недавнее паденіе уровня процента, при хорошемъ помѣщеніи капитала, съ 4-хъ до 2 $^1/_2$, имѣло своимъ послѣдствіемъ не только то, что во многихъ семействахъ возрасла необходимость работать, но и то, что абсолютно усилилось стремленіе къ накопленію". С. и Б. Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма, II, стр. 508—509.

[1]) Кэрнсъ ошибался и въ данномъ случаѣ. Англійское кооперативное движеніе показало, что эта форма совмѣстной дѣятельности не

изъ его собственнаго изложенія съ очевидностью обнаружтвается, что онъ и самъ сознавалъ утопичность такого совѣта и не возлагалъ слишкомъ много надеждъ на его осуществленіе. Нельзя не отмѣтить также, что въ его указаніи на источникъ сбереженій рабочаго класса сквозитъ нѣсколько презрительное отношеніе къ народнымъ массамъ [1]).

только не противорѣчитъ профессіональнымъ союзамъ рабочихъ, какъ орудіямъ борьбы съ хозяевами изъ-за заработной платы, но составляетъ ихъ естественное дополненіе. Но дѣйствительно крупное значеніе имѣетъ при этомъ не тотъ видъ коопераціи, который предполагалъ Кэрнсъ (производительныя товарищества), а потребительскія общества. См. B. Potter, The cooperative movement in Great Britain и Holyoake, The history of cooperation in England и The cooperative movement to day.

[1]) Сколько разъ излишняя „расточительность" рабочихъ служила предметомъ разсужденій проповѣдниковъ дешевой морали, упускающихъ изъ виду то простое соображеніе, что наклонность къ пьянству создается у рабочаго человѣка благодаря тяжелой обстановкѣ его жизни, и что всякое крупное улучшеніе въ положеніи рабочихъ чрезвычайно облегчаетъ борьбу со зломъ алкоголизма. Нельзя ждать, что обездоленный рабочій перестанетъ пить и тѣмъ поправитъ свое благосостояніе; наоборотъ — есть много основаній за то, что когда онъ достигнетъ благосостоянія, ему будетъ легче бороться съ искушеніемъ. Рекомендуя рабочимъ сбереженіе, Кэрнсъ не задумывается надъ вопросомъ о значеніи сокращенія и расширенія потребленія для народнаго хозяйства. Многія затрудненія современной экономической жизни (которыя отчасти имѣетъ въ виду и самъ Кэрнсъ, говоря о препятствіяхъ помѣщенію накопленнаго рабочими капитала) проистекаютъ именно изъ того, что извѣстная часть общественнаго дохода не можетъ быть потреблена классами, которымъ она поступаетъ, и потому направляется на расширеніе производства, хотя бы потребности общества и не вызывали этого. При увеличеніи же потребленія рабочихъ классовъ въ такомъ излишнемъ расширеніи поля производства было бы меньше надобности. А такъ какъ увеличеніе потребленія рабочихъ классовъ, какъ показываетъ опытъ передовыхъ странъ, выражается въ болѣе широкомъ удовлетвореніи разумныхъ физическихъ и интеллектуальныхъ потребностей, то оно создаетъ еще новыя выгоды для общества. Повышеніе уровня жизни благопріятно отражется не только на интеллектуальномъ и моральномъ положеніи самихъ рабочихъ, но и на развитіи промышленности, пріобрѣтающей такимъ путемъ лучшія рабочія силы. См. Гобсонъ, Эволюція современнаго капитализма Спб. 1898, стр. 309—312 и G. Gunton, Principles of Sociai Economics, 2-d ed. New-York and London 1897, стр. 209—214. Гентонъ указываетъ, что въ Америкѣ наиболѣе бережливыми ока-

Ошибочность основныхъ допущеній теоретиковъ фонда естественно сказывалась и на ихъ предсказаніяхъ относительно будущаго движенія заработной платы. Напримѣръ вопреки всѣмъ ихъ соображеніямъ дѣйствительная жизнь вскорѣ наглядно показала, что союзы рабочихъ могутъ выполнять успѣшно свои задачи. Въ настоящее время значеніе усилій рабочихъ союзовъ въ дѣлѣ подъема заработной платы высшихъ слоевъ рабочаго населенія признается уже и экономистами, очень близкими по духу къ старой англійской теоріи фонда (напр. Тауссигомъ). Равнымъ образомъ, теорія фонда давала неправильныя указанія и относительно общаго движенія заработной платы въ какой-либо странѣ. Въ началѣ настоящей главы мы отмѣтили, наприм., мнѣніе Макъ-Кёллока, что Ирландія обязана своей низкой заработной платой по сравненію съ Великобританіей болѣе быстрому приросту ея населенія. Слѣдуя указанію Макъ-Кёллока, въ настоящее время должно было бы ожидать, что заработная плата въ Ирландіи выше, чѣмъ въ Англіи, потому что условія возрастанія населенія въ ней стали совершенно иными. Между тѣмъ всѣмъ извѣстенъ фактъ, что даже въ высоко-развитыхъ формахъ промышленности заработная плата ирландца и въ настоящее время значительно ниже заработной платы англійскаго рабочаго [1]).

зываются пришлые рабочіе, которые работаютъ хуже и получаютъ меньшую плату, чѣмъ американцы. Ихъ добродѣтель (съ точки зрѣнія Кэрнса) объясняется не высшимъ культурнымъ уровнемъ, а какъ разъ наоборотъ—сравнительно ограниченнымъ кругомъ потребностей, привычкой къ болѣе грубому образу жизни, сложившейся на родинѣ.

[1]) Напр. въ угольной промышленности при среднемъ размѣрѣ заработной платы для всего Соединеннаго Королевства въ 52 ф. ст. въ годъ, въ Ирландіи заработная плата углекоповъ составляла въ среднемъ (въ 1886 г.) 33 ф. ст. См. Returns of Rates of Wages in the Mines aud Quarries. London 1891, C.—6455. Между тѣмъ разница въ движеніи населенія, съ точки зрѣнія теоріи фонда, была чрезвычайно благопріятна для Ирландіи, число жителей которой, начиная съ 40-хъ гг., не только не увеличивалось, но постоянно убывало, тогда какъ населеніе Великобританіи возрастало значительнымъ темпомъ. Если взять для

Итакъ старая теорія фонда заработной платы даже въ формулировкѣ лучшаго защитника ея должна быть признана совершенно отжившимъ ученіемъ, непригоднымъ для объясненія хотя бы одной какой-либо стороны вопроса о причинахъ установленія заработной платы. Въ настоящее время для историка экономической мысли представляютъ интересъ скорѣе психологическія предпосылки, вызвавшія къ жизни эту теорію, чѣмъ самыя ея положенія. Нѣкоторое значеніе она могла бы имѣть въ смыслѣ указанія на важность накопленія капитала для промышленныхъ успѣховъ страны и въ частности для благосостоянія ея рабочаго класса [1]), но

сравненія только ближайшія десятилѣтія къ времени ценза заработной платы, то мы найдемъ громадную разницу въ пользу Ирландіи:

Приростъ населенія между переписями
(въ процентахъ)

	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
Въ Англіи	12,0	13,4	14,5	11,7
„ Уэльсѣ	10,5	9,5	11,8	11,6
„ Шотландіи	6,0	9,7	11,2	7,8
„ Ирландіи	— 11,8	— 6,7	— 4,4	— 9,1

The Statesman's Year-Book for 1902, стр. 14.

[1]) „Въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ ни велика была бѣдность англійскаго народа, другія страны были еще бѣднѣе. Въ большинствѣ ихъ населеніе было рѣдко, а потому пища была дешева; но при всемъ томъ ихъ жители недоѣдали и не могли обезпечить себѣ „нервъ войны". Франція, послѣ ея первыхъ побѣдъ, помогла себѣ принудительными контрибуціями съ другихъ странъ. Но государства Центральной Европы не могли содержать своихъ армій безъ англійской помощи. Даже Америка со всей ея энергіей и національными рессурсами была не богата; она не могла субсидировать континентальныя арміи. Экономисты искали объясненія этого, и находили его главнымъ образомъ въ капиталѣ, накопленномъ въ Англіи, который хотя и былъ малъ, если его разсматривать съ нашей современной точки зрѣнія, но былъ тогда значительно больше капитала всякой другой страны. Другія націи завидовали Англіи и желали идти по ея слѣдамъ; но онѣ были не въ состояніи сдѣлать этого частью по другимъ причинамъ, но главнымъ образомъ потому, что онѣ имѣли недостаточно капитала. Ихъ ежегодный доходъ

эта мысль была облечена въ такую плотную скорлупу неправильныхъ положеній, что она не могла помочь дѣйствительному разъясненію вопроса о заработной платѣ. Въ элементарной формѣ она и не нуждалась въ спеціальной защитѣ; отъ болѣе же сложнаго анализа ея теоретики фонда уклонялись, сосредоточивая свою аргументацію на защитѣ предпринимателей отъ „неумѣренныхъ" претензій рабочихъ [1]).

поглощался непосредственнымъ потребленіемъ. Въ нихъ не было обширнаго класса людей, которые имѣли бы хорошій запасъ богатства, въ немедленномъ потребленіи котораго они не нуждались, и который поэтому они могли бы посвятить на выдѣлку машинъ и другихъ предметовъ, могущихъ облегчать трудъ и дѣлать его способнымъ производить большій запасъ вещей для будущаго потребленія... Особенное значеніе ихъ аргументы пріобрѣтали благодаря тому факту, что капиталъ вездѣ былъ скуденъ, даже въ Англіи; что производительность труда начинала все болѣе и болѣе зависѣть отъ машинъ..., и наконецъ, что нѣкоторые неразумные послѣдователи Руссо убѣждали рабочихъ, что ихъ благосостояніе улучшилось бы безъ всякаго капитала. Въ результатѣ, экономисты придали крайнее значеніе положеніямъ: 1) что трудъ требуетъ поддержки отъ капитала, т. е. хорошей одежды и т. п., которая была уже произведена, и 2) что для труда необходима помощь капитала въ формѣ фабрикъ, запасовъ сырого матеріала и т. п."... Alf. Marshall, Principles of Economics, стр. 618 - 619

[1]) Давидсонъ приписываетъ теоріи фонда крупное значеніе въ развитіи ученій о заработной платѣ, указывая, что она 1) намѣчаетъ формальныя рамки для полной теоріи заработной платы; 2) опредѣляетъ силу, подъ дѣйствіемъ которой дѣйствительная заработная плата устанавливается въ извѣстномъ пунктѣ между ея возможными предѣлами, и 3) обращаетъ особенное вниманіе на вопросъ объ общей суммѣ заработной платы въ странѣ (въ отличіе отъ высоты ея для индивидуальныхъ рабочихъ). Мы видѣли, однако, что теорія фонда разсматривала только условія спроса на трудъ и по существу дѣла была не менѣе одностороння, чѣмъ, напр. теорія средствъ существованія. Еще менѣе основаній искать въ теоріи фонда указанія на силу, опредѣляющую центръ заработной платы, потому что для этого необходимо предварительное установленіе связи между теоріей обмѣна и теоріей заработной платы, чего именно недоставало ученію о фондѣ (Маршаллъ напр. объясняетъ ошибки теоретиковъ фонда въ значительной степени искусственнымъ отдѣленіемъ вопроса о заработной платѣ отъ вопросовъ обмѣна. См. Marshall, Principles of Economics, стр. 620 -621). Наконецъ, нельзя согласиться и съ утвержденіемъ Давидсона, будто бы теорія фонда выяснила вопросъ объ общей суммѣ заработной платы въ странѣ. Заслуга поста-

Теорія фонда вмѣстѣ съ теоріей средствъ существованія подводитъ итоги тому, что могли дать въ вопросѣ о заработной платѣ идеи, пущенныя въ оборотъ классической школой. Изъ первоначальныхъ неопредѣленныхъ и противорѣчивыхъ объясненій постепенно образовались двѣ одностороннія, но очень стройныя теоретическія схемы, вплетенныя въ противоположныя системы міросозерцанія и тѣсно связанныя съ интересами двухъ антагонистическихъ общественныхъ группъ. Вглядываясь глубже въ основы этихъ враждебныхъ другъ другу теоретическихъ построеній, мы найдемъ, однако, въ нихъ много общаго. На первый взглядъ казалось бы, что убѣжденія Лассаля, Родбертуса, Маркса и Энгельса съ одной стороны и Джемса Милля, Макъ-Кёллока и Кэрнса съ другой, раздѣлены непроходимой пропастью. Въ дѣйствительности же ихъ объединяетъ тѣсная связь ихъ съ классической доктриной. Теоретики фонда, благодаря большей узости ихъ общаго міровоззрѣнія и черствому отношенію къ великимъ вопросамъ соціальныхъ преобразованій, только съ

новки этого вопроса принадлежитъ, какъ было показано въ предыдущей главѣ, Рикардо и Родбертусу; сторонники же теоріи фонда, ставя своей главной задачей доказательство цѣлесообразности „естественнаго" установленія заработной платы, особенно подробно говорили именно о высотѣ заработной платы для отдѣльнаго рабочаго. Это отмѣчаетъ въ концѣ концовъ и самъ Давидсонъ. „Теорія фонда заработной платы, говоритъ онъ, несомнѣнно считалась объясняющею размѣры заработка отдѣльныхъ рабочихъ. Она постоянно употреблялась, въ своей популярной версіи... какъ аргументъ противъ трэдъ-юніоновъ... и самъ Милль, когда онъ предлагаетъ обсудить факты, находящіеся въ видимомъ противорѣчіи съ этой теоріей, въ дѣйствительности требуетъ, чтобы общій законъ заработной платы включалъ въ себя и объяснялъ бы спеціальныя причины дѣйствительныхъ различій въ заработной платѣ. Но его объясненія или неубѣдительны, если они согласны съ его общей теоріей, или не согласны съ этой теоріей, когда они убѣдительны". David-son, The bargain theory of wages, стр. 45. Но вѣдь самимъ сторонникамъ теоріи фонда эти соображенія казались вполнѣ убѣдительными. Во всякомъ случаѣ они настойчиво ставили эти именно вопросы и пытались разрѣшить ихъ. При этомъ большинство изъ нихъ (напр. Кэрнсъ и Фаусетъ въ Англіи, Перри въ Америкѣ) выдвигали эту сторону гораздо энергичнѣе Милля.

большей ясностью обнаружили недочеты принятыхъ ими исходныхъ пунктовъ; но по существу дѣла какъ они, такъ и защитники теоріи средствъ существованія одинаково приводили теорію распредѣленія въ глухой уголъ. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что теорія фонда, гораздо послѣдовательнѣе развивавшая точку зрѣнія экономическаго индивидуализма, закрывала уже всякія перспективы для дальнѣйшей теоретической работы. Въ ученіяхъ же соціалистовъ мы слышимъ зачатки новыхъ теоретическихъ построеній. Общее міровоззрѣніе ихъ порой властно вторгается въ анализъ экономическихъ отношеній, начатый подъ сильнымъ давленіемъ идей классической школы. Поэтому для ихъ преемниковъ задача оказывается гораздо болѣе легкой, чѣмъ для изслѣдователей, продолжающихъ традиціи экономическаго индивидуализма. Во всякомъ случаѣ теорія средствъ существованія, также какъ теорія фонда, въ своихъ наиболѣе существенныхъ положеніяхъ опиралась еще на старую доктрину. На очереди стоялъ коренной пересмотръ всѣхъ основныхъ положеній экономической теоріи, въ результатѣ котораго новая теоретическая система, согласованная съ общимъ міровоззрѣніемъ соціалистовъ, могла бы быть противопоставлена отжившей системѣ экономическаго индивидуализма. Мы видѣли, что ни Родбертусъ, ни Марксъ, ученія которыхъ были связаны еще очень живыми нитями съ классической доктриной, не могли рѣшиться на такой пересмотръ, а упорное отстаиваніе „теоріи обнищанія" ихъ преемниками также не подвигало впередъ разработки экономической теоріи.

Въ англійской литературѣ, непосредственно слѣдующей за теоріей фонда, мы также не найдемъ попытокъ широкаго пересмотра основаній экономической системы. Новыя мысли, исправлявшія ошибки и пробѣлы въ господствующихъ ученіяхъ, пробивались впередъ въ пылу полемики, какъ оружіе противъ старыхъ идей, и потому невольно имѣли односторонній и иногда случайный характеръ, отражая въ себѣ тѣ стороны экономическихъ отношеній, игнорированіе которыхъ теоретиками фонда особенно било въ глаза. Шести-

десятые и семидесятые годы представляются поэтому переходнымъ временемъ, въ теченіе котораго въ развитіе теоріи заработной платы были внесены нѣкоторые свѣжіе элементы, но не было создано ни одного ученія, которое по своей стройности напомнило бы оставленныя теоріи фонда и средствъ существованія. Такъ какъ теоретики фонда упорно не хотѣли признавать значенія рабочихъ союзовъ, то аргументъ въ пользу послѣднихъ невольно пріобрѣлъ размѣры самостоятельной доктрины; и въ еще большей степени характеръ цѣлостнаго объясненія вопроса стремились сообщить защищаемому ими ученію сторонники теоріи производительности, несмотря на то, что формулировка, данная ими этой теоріи, страдала также крайней односторонностью.

Глава четвертая.

Аргументъ о вліяніи рабочихъ союзовъ.

Положеніе вопроса о рабочихъ союзахъ во время полемики противъ теорій фонда и средствъ существованія. „Arbeitergilden" Брентано. Отношеніе Брентано къ его англійскимъ предшественникамъ. Что давала въ дѣйствительности англійская критика теоріи фонда въ выясненіи роли профессіональныхъ организацій? Статья Гаррисона въ „Fortnightly Review". Торнтонъ. Брентано повторяетъ данную ими характеристику особенностей продажи труда. Аналогія между трудомъ и товаромъ проведена въ „Arbeitergilden" болѣе прямолинейно, чѣмъ у англійскихъ критиковъ. Неблагопріятное вліяніе ея на выводы Брентано о значеніи фабричнаго законодательства и примирительныхъ камеръ. Преувеличенно низкая оцѣнка перваго и преувеличенно высокая—вторыхъ. „Вопросъ силы" въ ученіи Брентано. Подысканіе моральнаго оправданія для высокой заработной платы. Одобреніе соціально-политической умѣренности англійскихъ трэдъ-юніонистовъ. Призывъ къ великодушію и сознанію общественныхъ обязанностей, обращенный къ богатымъ. Значеніе „Arbeitergilden" въ разработкѣ теоріи заработной платы.

Во время полемики противъ теорій фонда и средствъ существованія вопросъ о значеніи рабочихъ союзовъ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Такъ какъ защитники господствующаго взгляда на условія установленія заработной платы упорно настаивали на безплодности попытокъ рабочихъ повысить ихъ заработокъ путемъ коллективной борьбы съ

предпринимателями, то сторонники рабочихъ союзовъ, доказывая обратное положеніе, невольно были склонны преувеличить значеніе выдвинутаго ими аргумента. Въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ превращался поэтому какъ бы въ новое цѣльное ученіе, которое можно было противопоставить старымъ теоріямъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялись соображенія, развитыя Брентано въ его извѣстной книгѣ „Arbeitergilden der Gegenwart", теоретическая часть которой представляетъ въ сущности тенденціозный полемическій памфлетъ и притомъ не столько противъ теоріи фонда, какъ противъ „желѣзнаго закона" Лассаля, авторитетъ котораго поддерживался въ то время въ широкихъ слояхъ общества свѣжимъ еще обаяніемъ произведеній и личности знаменитаго агитатора. Въ замѣчаніяхъ англійскихъ критиковъ теоріи фонда (Гаррисона и Торнтона) молодой нѣмецкій ученый нашелъ благодарный матеріалъ для построенія новой, хотя и односторонней, но достаточно убѣдительной теоріи, опираясь на которую было бы легко бороться съ послѣдователями Лассаля и вообще съ представителями нарождавшагося соціалистическаго движенія въ рабочей средѣ. Аргументація Брентано, вставленная въ раму обширнаго историческаго изслѣдованія, нашла себѣ сочувственный откликъ среди современныхъ ему германскихъ ученыхъ, интересовавшихся въ то время болѣе чѣмъ когда-либо всякаго рода попытками мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса,—и оставила глубокій слѣдъ въ разработкѣ ученія о заработной платѣ въ германской экономической литературѣ. Правда, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ „Arbeitergilden" Брентано дополнилъ свою теорію новыми соображеніями (о значеніи производительности труда); тѣмъ не менѣе и въ позднѣйшихъ работахъ онъ не пересталъ повторять свою прежнюю мысль, что по условіямъ современнаго хозяйственнаго строя организація профессіональныхъ рабочихъ союзовъ оказывается преимущественнымъ средствомъ для установленія нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими въ ихъ переговорахъ о заработной платѣ.

Теоретическая аргументація Брентано въ пользу рабочихъ союзовъ основывалась, какъ было упомянуто выше, на соображеніяхъ англійскихъ критиковъ теоріи фонда. Однако, самъ Брентано отнесся къ нимъ крайне несправедливо. Онъ не только не оттѣнилъ ихъ заслугъ въ дѣлѣ выясненія отстаиваемой имъ точки зрѣнія, но своей пристрастной и придирчивой критикой, повидимому, очень способствовалъ тому, что сдѣланныя ими указанія не получили себѣ надлежащей оцѣнки и въ послѣдующей нѣмецкой экономической литературѣ [1]). Между тѣмъ бѣглаго сравненія его

[1]) Брентано особенно несправедливъ къ Торнтону. Подчеркивая напр. неправильность мнѣнія Торнтона о „диктатурѣ" рабочихъ союзовъ, Брентано высказываетъ по этому поводу общее осужденіе какъ выводовъ, такъ и метода Торнтона. „Долженъ сознаться, говоритъ онъ, что я съ величайшимъ удивленіемъ прочелъ указаніе Торнтона, будто рабочіе стремятся посредствомъ своихъ трэдъ-юніоновъ къ диктатурѣ надъ предпринимателями и что тенденція къ устраненію постоянныхъ колебаній заработной платы не является одной изъ главныхъ задачъ этихъ союзовъ. Среди многихъ поверхностныхъ главъ его книги глава, содержащая эти указанія,— совершенно легкомысленна (leichtfertig)". Ошибка Торнтона, по мнѣнію Брентано, объясняется его методомъ. „Вмѣсто историческаго трэдъ-юніона, трэдъ-юніона дѣйствительной жизни, онъ построилъ трэдъ-юніонъ апріорнымъ путемъ. И точка зрѣнія, изъ которой онъ при этомъ исходитъ, не иная, какъ точка зрѣнія манчестерской школы. Всякій договоръ..., къ которому капиталъ можетъ вынудить рабочихъ, или наоборотъ рабочіе—капиталъ, представляется ему справедливымъ, поскольку при немъ не замѣчается никакого насилія и обмана. Онъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ выше цитированный предприниматель, который отвѣтилъ на требованіе рабочихъ принять мѣры къ обезпеченію жизни въ рудникахъ вопросомъ, развѣ рабочіе не свободны спускаться въ шахты, на что рабочіе отвѣтили—„или умереть съ голоду". Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи его книга оказываетъ даже большую услугу. Въ ней указываются сторонникамъ этой (манчестерской) школы послѣдствія ихъ ученій въ ихъ примѣненіи со стороны рабочихъ, и они увидятъ изъ нея, что они могутъ быть вынуждены ихъ точкой зрѣнія оправдывать даже чрезмѣрныя требованія рабочихъ. Но мнѣ непонятно, какъ даже нѣмецкіе доктора философіи могутъ говорить, что Торнтонъ, который „не можетъ привести ни одного разумнаго основанія, почему должна существовать какая-либо разница въ оплатѣ механическаго и умственнаго труда,—даже самаго низшаго механическаго и самаго возвышеннаго умственнаго труда", и который съ своей точки зрѣ-

главныхъ доводовъ въ пользу вліянія рабочихъ союзовъ съ аргументами англійскихъ критиковъ теоріи фонда достаточно, чтобы видѣть, какъ много онъ заимствовалъ хотя бы у того же Торнтона, о которомъ онъ отзывается съ такимъ пренебреженіемъ.

60-е годы были въ Англіи чрезвычайно благопріятнымъ временемъ для разносторонней и справедливой оцѣнки вліянія трэдъ-юніоновъ на установленіе заработной платы. По поводу крупныхъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями въ это время все настойчивѣе начинаютъ раздаваться голоса въ защиту профессіональныхъ союзовъ не только изъ среды ихъ собственныхъ представителей, но и изъ литературныхъ круговъ, близкихъ къ буржуазному міру. Среди литераторовъ, сочувствовавшихъ трэдъ-юніонамъ, уже со времени крупнаго спора между рабочими союзами и предпринимателями въ строительной промышленности особенно выдѣлился молодой адвокатъ Ф. Гаррисонъ, принимавшій впослѣдствіи дѣятельное участіе и въ трудахъ большой парламентской комиссіи, назначенной въ 1867 году для разслѣдованія вопроса о трэдъ-юніонахъ по поводу извѣстныхъ „шеффильдскихъ событій". Независимо отъ глубокаго пониманія юридическаго положенія трэдъ-юніоновъ и ихъ политической роли [1]), Гаррисонъ обнаружилъ и большую проницательность въ оцѣнкѣ ихъ экономическаго значенія.

Въ статьѣ Гаррисона, помѣщенной въ „Fortnightly Review" за 1865 г. [2]), мы находимъ уже въ существѣ всѣ тѣ

нія могъ сказать вполнѣ послѣдовательно: „требованія рабочихъ ни въ какомъ случаѣ не несправедливы", — „установилъ рѣшающія точки зрѣнія для оцѣнки трэдъ-юніоновъ"... Если такое поверхностное разсмотрѣніе и можетъ быть достаточнымъ для практической цѣли защиты трэдъ-юніоновъ, то этимъ ничего не достигнуто въ нравственномъ и научномъ отношеніи". Lujo Brentano, Die Arbeitergilden der Gegenwart. Bd. II, Leipzig 1872, стр. 28—31 и 42—43. О Гаррисонѣ Брентано отзывается благосклоннѣе, но не даетъ вполнѣ справедливой оцѣнки и его заслугъ въ выясненіи роли трэдъ-юніоновъ при установленіи заработной платы.

[1]) О дѣятельности Гаррисона, связанной съ вопросомъ о реформѣ законодательства о рабочихъ союзахъ и ихъ политической тактикѣ, см. у Webb, History of trade-unionism, 2-е изд., стр. 229 и 246 и слѣд.

[2]) Fr. Harrison. The Good and Evil of the Trade-Unionism. The Fortnightly Review, 1865, т. III.

мысли, какія развивалъ впослѣдствіи и Брентано въ теоретической части своихъ „Arbeitergilden". Положенія, что продажа труда существенно отличается отъ продажи обыкновенныхъ товаровъ на рынкѣ; что изолированный рабочій вслѣдствіе бѣдности не въ состояніи выжидать болѣе благопріятныхъ условій, чѣмъ тѣ, какія предлагаются ему въ данный моментъ; что продажа рабочимъ своего труда означаетъ и зависимость всѣхъ существенныхъ сторонъ его жизни отъ обстановки, создаваемой въ предпріятіи и въ связи съ предпріятіемъ совершенно независимо отъ его воли и желанія и т. п.,—не только отмѣчены, но и обстоятельно развиты Гаррисономъ въ этой статьѣ.

Гаррисонъ прежде всего останавливается на матеріальной безпомощности рабочаго. Найти работу для рабочаго значитъ получить единственно доступныя для него средства поддерживать свое существованіе. Пріостановка работы для фабриканта можетъ означать просто сокращеніе прибыли; вліяніе ея на фабриканта аналогично съ вліяніемъ плохого коммерческаго разсчета или неблагопріятной случайности при веденіи дѣла; для рабочаго же пріостановка выдачи заработной платы, если онъ не принадлежитъ ни къ какой организаціи, на фонды которой онъ могъ бы разсчитывать, означаетъ крайнюю нищету, болѣзнь, личное униженіе, изгнаніе изъ квартиры, продажу вещей, вообще разрушеніе его домашняго очага и бѣдственное состояніе его жены и дѣтей. Понятно поэтому, что рабочіе не могутъ выжидать благопріятнаго времени для заключенія сдѣлки. „Если бы всѣ рабочіе въ Англіи, говоритъ Гаррисонъ, могли лежать въ постели въ теченіе мѣсяца во время жатвы, то они могли бы получить всякую плату, какую ни запросили бы, и шампанское въ придачу". Если говорятъ, что невыгоды положенія рабочихъ смягчаются конкуренціей между хозяевами, то при этомъ забываютъ, что эта конкуренція вовсе не такъ сильна (о чемъ говорилъ еще Ад. Смитъ), и что противовѣсомъ ея является сильная конкуренція въ средѣ самихъ рабочихъ (разъ они неорганизованы [1]).

[1]) Harrison, указ. соч., стр. 33—49. Интересно, что въ послѣднемъ аргументѣ Гаррисонъ отмѣчаетъ обстоятельство, впослѣдствіи съ осо-

Съ особенною обстоятельностью Гаррисонъ останавливается на вопросѣ объ отличіи рабочаго рынка отъ товарнаго. Сближеніе этихъ понятій приводитъ, по его мнѣнію, къ коренной ошибкѣ, благодаря которой оказываются невѣрными выводы объ установленіи заработной платы многихъ капиталистовъ и большинства экономистовъ-теоретиковъ. На самомъ дѣлѣ рабочій вовсе не имѣетъ какой-либо вещи для продажи (has not got a thing to sell), а потому и рабочій рынокъ, какъ его называютъ неудачнымъ уподобленіемъ, въ дѣйствительности совершенно непохожъ на товарный рынокъ (the produce market). Рабочій, какъ продавецъ труда, отличается отъ продавца товара, по мнѣнію Гаррисона, слѣдующими особенностями:

Во-первыхъ, всякій продавецъ товаровъ имѣетъ запасъ (a stock), складъ, т. е. извѣстную видимую и переносимую вещь—товаръ. Если бы онъ нуждался въ непосредственной поддержкѣ, т. е. въ заработной платѣ, онъ не былъ бы совсѣмъ ни продавцомъ, ни торговцемъ. Торговецъ необходимо свободенъ отъ всякаго физическаго давленія нужды. У рабочаго же нѣтъ такихъ средствъ, и для него ежедневно представляется задача--или достать хлѣба на завтра, или умереть. Во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ продавецъ товара легко можетъ послать его или перенести съ мѣста на мѣсто и съ рынка на рынокъ. Ему не надо быть на мѣстѣ—онъ можетъ послать образчикъ и обыкновенно онъ пользуется для сдѣлокъ корреспонденціей. Купецъ, сидя въ своей конторѣ, съ помощью немногихъ писемъ и образцовъ передвигаетъ и распредѣляетъ средства существованія цѣлаго города съ континента на континентъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ напр. у лавочника, приливъ и отливъ проходящихъ массъ покупателей замѣняетъ недостатокъ пере-

бенной настойчивостью выдвинутое Марксомъ—именно наличность „резервной арміи рабочихъ". „With our redundant population, говоритъ онъ, and our vast reserve of Labour - power just struggling for life-that incubus of destitute and unemployed labour which lies so heavily on all efforts of our artisans, hungering for their places – the common state of things is that of labourers competing for employment.

движенія его товаровъ. Таковъ истинный рынокъ. Здѣсь конкуренція дѣйствуетъ быстро, полно, просто и правильно. Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ рабочимъ, кокорый не имѣетъ товара для продажи. Онъ долженъ самъ присутствовать на каждомъ рынкѣ, что означаетъ дорого стоющее личное передвиженіе. Онъ не можетъ переписываться со своимъ предпринимателемъ; онъ не можетъ послать образчика своей силы, и предприниматели не стучатся въ дверь его коттэджа"....

Въ-третьихъ, (на что Гаррисонъ обращаетъ особенное вниманіе) рабочій становится въ постоянныя отношенія къ предпринимателю, чѣмъ опредѣляется вся его жизнь. „Когда покупатель и продавецъ встрѣчаются на рынкѣ или внѣ его,—уплачивается цѣна, товары переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія, покупатель и продавецъ расходятся и ихъ договоръ законченъ и сдѣлка совершена. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ сложныхъ торговыхъ отношеніяхъ, сдѣлка имѣетъ длящійся характеръ, предметъ ея составляютъ специфическія блага. Это не есть образованіе постоянной связи, которая для рабочаго поглощаетъ и опредѣляетъ всю его жизнь. Если торговцу не удастся заключить сдѣлку съ однимъ покупателемъ. онъ обращается къ другому; когда сдѣлка закончена, онъ оставляетъ его, быть можетъ, навсегда. Во всякомъ случаѣ его договоръ есть договоръ о продажѣ (т. е. простой передачѣ) какого-либо специфическаго предмета Насколько отличается это отъ отношеній между предпринимателемъ и рабочими! Эти отношенія постоянны или скорѣе непрерывны: они касаются всего существованія (рабочаго). Это не договоръ о продажѣ чего-либо, это договоръ о какой либо работѣ; это договоръ соучастія или совмѣстной дѣятельности, это ассоціація, затрогивающая каждую сторону жизни. Рабочій долженъ жить вблизи отъ своей работы, его часы должны соотвѣтствовать ей; устройство его домашняго хозяйства, обязанности и занятія его жены, его домашняя обстановка (home) во всѣхъ подробностяхъ цѣликомъ зависятъ отъ условій его работы. Лицо, у кого онъ работаетъ, и конечно, классъ предпринимателей могутъ вліять на него

въ дурную или хорошую сторону самымъ постояннымъ и существеннымъ (vital) образомъ. Весь его комфортъ, спокойствіе и успѣхъ, очень часто его здоровье, при фабричной системѣ обыкновенно его жилище—находятся въ рукахъ того же самаго предпринимателя. Рядомъ мелкихъ распорядковъ (arrangements), которые трудно прослѣдить въ деталяхъ, предприниматель можетъ сдѣлать его положеніе удовлетворительнымъ или невыносимымъ. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ называть вопросы труда просто дѣломъ заработной платы или денегъ. Совершенно независимо отъ цѣны труда, въ большинствѣ отраслей промышленности существуетъ множество условій и обстоятельствъ, которыя и производятъ всю разницу въ благосостояніи рабочихъ" [1]). Отсюда понятенъ и общій выводъ о роли трэдъ-юніоновъ, къ которому приходитъ Гаррисонъ. Въ силу неблагопріятныхъ особенностей въ положеніи изолированныхъ рабочихъ, хозяинъ можетъ легко справиться съ ними поодиночкѣ, подобно тому какъ гигантъ одинъ могъ бы уничтожить цѣлую армію, побивая послѣдовательно одного солдата за другимъ. Но какъ только рабочіе согласились дѣйствовать вмѣстѣ и взаимно помогать другъ другу, обстоятельства измѣняются, и положеніе сторонъ при договорѣ о наймѣ на работу приблизительно уравнивается.

Еще болѣе обстоятельную оцѣнку значенія трэдъ-юніоновъ попытался дать Торнтонъ въ своей книгѣ „О трудѣ". Несмотря на нѣкоторую расплывчатость и недостаточно строгую послѣдовательность изложенія, Торнтонъ несомнѣнно настолько подвинулъ разработку даннаго вопроса, что для Брентано, какъ мы увидимъ ниже, осталась только сравнительно легкая задача подведенія итоговъ, т. е. извлеченія изъ замѣчаній Гаррисона и Торнтона наиболѣе существенныхъ положеній и облеченія ихъ въ форму единой и стройной доктрины.

Торнтонъ, подобно Гаррисону, съ особенною настойчивостью указывалъ на особенности продажи и покупки труда по сравненію съ покупкой и продажей товаревъ.

[1]) Harrison, указ. соч., стр. 50—51.

„Тогда какъ цѣну матеріальныхъ (tangible) товаровъ, указываетъ Торнтонъ, почти всегда опредѣляетъ конкуренція торговцевъ, цѣна труда можетъ быть опредѣлена конкуренціей потребителей, и на практикѣ послѣдняя конкуренція опредѣлитъ ее съ безконечно большею вѣроятностью, чѣмъ первая. Это объясняется тѣмъ фактомъ, что трудъ почти всегда предлагается на продажу безъ предварительнаго назначенія цѣны (without reservation of price), чего никогда или почти никогда не бываетъ съ другими товарами; а это въ свою очередь объясняется двумя особенностями, одной — необходимо присущей труду, другой—обыкновенно связанной съ нимъ,—особенностями, отличающими его отъ всѣхъ другихъ товаровъ и оказывающими на его цѣну замѣчательное и обыкновенно весьма неблагопріятное вліяніе.

Во-первыхъ, трудъ, въ отличіе отъ всякаго другого товара, не можетъ быть сохраняемъ. Всѣ другіе товары могутъ быть сохраняемы (stored up) въ теченіе долгаго или короткаго времени, не теряя ни въ качествѣ, ни въ количествѣ. Но трудъ нельзя сохранять; его нельзя оставлять неиспользованнымъ ни на одинъ моментъ безъ того, чтобы не потерять части его (without partially wasting away). Если онъ не будетъ проданъ немедленно, то извѣстная часть его никогда не будетъ продана. Трудъ сегодняшняго дня не можетъ быть проданъ послѣ; рабочій не можетъ на самое короткое время отложить продажу своего труда, не теряя полной цѣны работы, которую онъ могъ бы выполнить за время отсрочки [1]).

Во-вторыхъ, рабочій бѣденъ. „Трудъ — разумѣя здѣсь, конечно, одинъ только наемный ручной трудъ,—рѣдко встрѣчается внѣ тѣсной связи съ бѣдностью..., настолько, что въ обыкновенной рѣчи названія: „рабочіе классы“ (labouring classes) и „трудящіеся бѣдняки“ (labouring poor) употребляются какъ синонимы. Рабочіе, живущіе продажей своего труда, по большей части не имѣютъ ничего, на что они могли бы жить, кромѣ ихъ труда. Такіе рабочіе никогда не

---

[1]) Thornton, On Labour, стр. 93—94.

были сберегающей расой (a saving race). Ихъ обычаемъ всегда было жить изо дня въ день, завися въ удовлетвореніи настоящихъ потребностей отъ цѣны ихъ настоящаго труда безъ всякихъ другихъ средствъ даже къ временной поддержкѣ своего существованія. Но, какъ сказалъ Соломонъ..., „погибель бѣдныхъ—это ихъ бѣдность"; это изреченіе особенно вѣрно относительно бѣдныхъ наемныхъ рабочихъ. Ибо благосостояніе ихъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ договора (bargain), какой они могутъ заключить относительно своего труда, а крайняя бѣдность въ дѣйствительности лишаетъ ихъ способности отстаивать свои выгоды (virtually disables them from bargaining). Она мѣшаетъ имъ выдерживать выжиданіе лучшей цѣны, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ другіе продавцы. Самый незначительный мелочной торговецъ, если онъ не можетъ получить того, что спрашиваетъ утромъ, можетъ ждать до вечера или до слѣдующаго дня или до слѣдующей недѣли, потому что за пачку товаровъ онъ можетъ навѣрное достать себѣ въ кредитъ столько пищи, чтобы жить до того времени. Но очень бѣдные рабочіе почти вынуждены вступать въ сдѣлку съ первыми покупщиками, какіе представляются. Они не могутъ ожидать случая, когда явятся лучшіе покупщики, потому что они крайне нуждаются въ немедленномъ заработкѣ для поддержанія ихъ существованія. Они должны поэтому отдавать свой трудъ за то, что онъ можетъ немедленно добыть, лишь бы эта сумма не была меньше того минимальнаго количества (pittance), на которое они могутъ прожить" [1]...

Таковы условія продажи труда при договорѣ хозяина съ отдѣльнымъ рабочимъ. Союзная организація лицъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, вноситъ въ такой порядокъ отношеній существенныя перемѣны. „Къ счастью, говоритъ Торнтонъ, цѣлительная сила природы..., которая рѣдко позволяляетъ зародышамъ зла достигнуть полнаго развитія,—и въ данномъ случаѣ помѣстила противоядіе вблизи отъ отравы. Въ человѣческихъ дѣлахъ крайности всегда встрѣчаются,

[1]) Thornton, On Labour, стр. 94 и слѣд.

за акціей постоянно слѣдуетъ реакція, и деспотизмъ вызываетъ возстаніе; а потому и очевидный перевѣсъ капитала поднялъ противъ себя оппозицію, которой часто капиталъ сталъ вынужденъ уступать... Люди рѣдко собираются большими массами безъ того, чтобы не открыть скоро, что союзъ есть сила"... Пока земледѣліе продолжало быть главнымъ занятіемъ народовъ и на мануфактурахъ было занято, главнымъ образомъ, рѣдкое сельское населеніе, а въ городахъ не было еще очень крупныхъ предпріятій, коалиціи рабочихъ не могли происходить. „Но въ той мѣрѣ какъ промышленность постепенно концентрировала свои операціи, рабочіе, которыхъ она сосредоточивала, становились въ благопріятныя условія для созданія ассоціацій; и они инстиктивно воспользовались этими условіями. Тогда то... они и положили основы... тѣмъ трэдъ-юніонамъ, которые потомъ стали столь знамениты, и быстрый ростъ которыхъ несомнѣнно отмѣчаетъ собою начало эпохи, не имѣющей параллели въ промышленной исторіи" [1]). Напомнивъ читателю о томъ, что при отсутствіи организаціи рабочіе находятся въ неблагопріятномъ положеніи сравнительно съ продавцами другихъ товаровъ и сравнительно съ хозяевами, Торнтонъ замѣчаетъ: „Если предприниматели такъ часто оказываются въ состояніи диктовать рабочимъ условія, на какихъ послѣдніе будутъ наняты, то это потому, что они обыкновенно могутъ ждать дольше..., чѣмъ ихъ рабочіе... просто въ силу того, что они имѣютъ въ собственныхъ сбереженіяхъ или сбереженіяхъ другихъ лицъ резервные фонды, на которые они могутъ существовать во время выжиданія. Очевидно, что если бы рабочіе имѣли подобные резервы, они также могли бы выжидать, а потому для членовъ трэдъ-юніоновъ увеличеніе взно-

[1]) Какъ показали послѣдующія изслѣдованія, это указаніе „поверхностнаго" англійскаго писателя было болѣе близко къ истинѣ, чѣмъ искусственное сближеніе современныхъ рабочихъ союзозъ съ средневѣковыми гильдіями, проводимое Брентано въ „Arbeitergilden". И до сихъ поръ, послѣ появленія труда С. и Б. Веббъ, Брентано все еще не отказался вполнѣ отъ прежняго взгляда. См. его ст. „Gewerkvereine" въ Handwörterbuch des Staatswissenschaften, Bd. IV, стр. 619—611 и 623—624.

совъ, которыхъ уже хватало на ихъ обычныя страховыя цѣли, естественно могло напрашиваться какъ готовое средство для созданія такихъ резервовъ. Принятіе такихъ мѣръ было бы, въ дѣйствительности, только распространеніемъ принципа страхованія, который они уже примѣняли. До тѣхъ поръ взносы примѣнялись къ поддержкѣ членовъ, лишившихся способности къ труду вслѣдствіе физическихъ причинъ; теперь они прилагались бы также и къ поддержкѣ трудоспособныхе членовъ, временно оставившихъ работу по приказанію ассоціаціи и ради преслѣдованія ея политики. При такихъ условіяхъ объединенные рабочіе не жили бы уже изо дня въ день. но имѣли бы на что просуществовать нѣкоторое время безъ работы. Слѣдовательно, они могли бы встрѣтить коалицію коалиціей, и хотя пока они оставались праздными, дожидаясь болѣе высокой платы, они теряли бы ту заработную плату, которую они получили бы за этоть промежутокъ, если бы согласились работать,—тѣмъ не менѣе они не безъ основанія могутъ надѣяться, что впослѣдствіи они будутъ вознаграждены за такую потерю. Ибо споры между рабочими и хозяевами, не завися уже въ ихъ результатѣ отъ воли послѣднихъ, становились бы вопросами времени, которые никоимъ образомъ не рѣшалисъ бы необходимо въ пользу стороны, обладающей бо̀льшими резервами, и поэтому болѣе сильной... Несомнѣнно, если бы обѣ партіи напрягали свою энергію до крайности, рабочіе должны были бы первые сдаться; но хозяева, вѣроятно, остановились бы гораздо ранѣе такихъ крайнихъ усилій. Конечно. они могли бы, если бы они старались, выдерживать всего дольше; но всего вѣроятнѣе, что они не старались бы дѣлать это, потому что держаться до послѣдняго стоило бы имъ безконечно больше, чѣмъ ихъ оппонентамъ. Для нихъ полное истощеніе средствъ было бы абсолютно роковымъ, тогда какъ для рабочихъ это было бы только временнымъ разореніемъ. Ибо капиталистъ, теряя свой капиталъ, теряетъ все, включая и отдѣльное классовое существованіе; онъ перестаетъ быть капиталистомъ; тогда какъ рабочій, истративъ всѣ свои сбереженія, можетъ еще прибѣгнуть къ неуменьшенному за-

пасу личной силы и ловкости и все еще быть такимъ же рабочимъ, какъ и прежде. Поэтому рабочіе могутъ съ гораздо меньшими рессурсами выдерживать также долго или дольше, чѣмъ хозяева пожелали бы держаться. Принявъ такой взглядъ на дѣло, трэдъ-юніоны и соображали съ нимъ свои практическія мѣры" [1]).

Если отъ этихъ замѣчаній англійскихъ теоретиковъ трэдъ-юніонизма мы обратимся къ положеніямъ, развитымъ Брентано въ „Arbeitergilden der Gegenwart" и повтореннымъ въ позднѣйшихъ его работахъ, то мы увидимъ, что нѣмецкій ученый только повторилъ ихъ въ своей аргументаціи. Особенность его разсужденія заключается лишь въ томъ, что онъ включилъ эти мысли въ рамку общаго міросозерцанія экономистовъ историко-этической школы. Въ самомъ дѣлѣ— Брентано отмѣчаетъ въ „Arbeitergilden" два условія, неблагопріятныя для рабочаго при продажѣ его труда по сравненію съ продажей другихъ товаровъ: 1) неразрывную связь товара - труда съ личностью его владѣльца и 2) бѣдность рабочаго. Первое изъ этихъ условій было прекрасно охарактеризовано уже Гаррисономъ; второе—Торнтономъ [2]).

Повторяя такимъ образомъ въ своей аргументаціи доводы, выдвинутые его англійскими предшественниками, Брен-

[1]) Thornton, On Labour, стр. 176—177. Бэджготъ, отзываясь въ одномъ изъ своихъ „экономическихъ этюдовъ" съ большой похвалой объ анализѣ старой доктрины спроса и предложенія, данномъ Торнтономъ, обнаруживаетъ, однако, недостаточное пониманіе содержащихся въ немъ указаній. Онъ становится самъ на старую точку зрѣнія количественнаго сравненія матеріальныхъ факторовъ, утверждая, что въ борьбѣ съ хозяевами организованные рабочіе могутъ выиграть только поскольку ихъ фонды сильнѣе фондовъ хозяевъ. „It is imagined, говоритъ онъ, that because Trades Unions have sometimes raised wages to some extent, they can raise them, at any rate gradually, to any extent. But we now see the limit of their power. They can only win when the funds of the Union are stronger than the funds of the capitalists; and this will sometimes be so, and sometimes not be so". Walter Bagehot. Economic Studies, 5th impr. London 1902, стр. 141.

[2]) При характеристикѣ связи товара-труда съ личностью его владѣльца Брентано почти буквально воспроизводитъ разсужденіе Гаррисона. См. Arbeitergilden, II, стр. 5—8 и 11—15.

тано идетъ по ихъ же слѣдамъ и въ указаніи пути, какимъ рабочіе могутъ избавиться отъ неблагопріятнаго положенія при продажѣ ихъ труда по сравненію съ хозяевами. Однако при этомъ онъ ставитъ вопросъ болѣе прямолинейно, стараясь сохранить начерченную въ предыдущемъ изложеніи параллель между трудомъ и товаромъ. Задачей изслѣдованія Брентано ставитъ отысканіе такихъ силъ, которыя парализовали бы вредное вліяніе особенностей труда какъ товара, и ставили бы слѣдовательно рабочаго въ положеніе, одинаковое съ продавцами всѣхъ другихъ товаровъ. Такая постановка вопроса на первый взглядъ представляется полезнымъ и во всякомъ случаѣ вполнѣ невиннымъ продолженіемъ употребленнаго ранѣе метафорическаго пріема. Однако, прямолинейное слѣдованіе принятому направленію вредно отразилось на отношеніи Брентано къ нѣкоторымъ весьма важнымъ сторонамъ изучаемаго вопроса. Съ точки зрѣнія, считающей для рабочаго идеальнымъ положеніе, когда трудъ его становится „настоящимъ товаромъ", Брентано невольно склоняется къ признанію за рабочими союзами исключительнаго значенія въ дѣлѣ улучшенія условій рабочаго договора. Коалиціи рабочихъ, говоритъ онъ, заставили законодательство принять, въ виду особенностей товара-труда, такія мѣры къ его охраненію, какія не принимаются при продажѣ другихъ товаровъ (фабричное законодательство). „Однако большинство этихъ законовъ давало защиту только тѣмъ рабочимъ, которыхъ они считали неспособными самостоятельно отстаивать свои интересы. Напротивъ, взрослыхъ мужчинъ они отсылали къ ихъ способности противодѣйствовать условіямъ продажи, устанавливаемымъ покупщиками, и кажущимся имъ непріемлемыми. Этимъ законодательство прямо указываетъ рабочимъ на коалиціи, какъ на средство защиты. И дѣйствительно, говоритъ Брентано, для рабочихъ защита посредствомъ коалицій оказывается гораздо желательнѣе, дѣйствительнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, чѣмъ посредствомъ законовъ. Ибо независимо отъ большого значенія коалиціи для воспитанія рабочихъ, она занимается не только поверхностнымъ устраненіемъ симптомовъ; она доходитъ до корня

зла и стремится устранить его причины; потому что благодаря ей рабочій оказывается въ такомъ же положеніи, какъ и продавецъ всякихъ другихъ товаровъ. Посредствомъ коалиціи работникъ пріобрѣтаетъ контроль надъ предложеніемъ своего товара на рынкѣ; благодаря ей ему открывается возможность не торопясь предлагать свой товаръ, присоединяя и собственный голосъ при установленіи условій его продажи; благодаря ей слѣдовательно пріобрѣтаетъ онъ независимость продавца другихъ товаровъ; такимъ образомъ, въ то время какъ онъ пріобрѣтаетъ свободу и силу самоопредѣленія для собственной личности, какой обладаетъ продавецъ другихъ товаровъ, въ то время какъ онъ оказывается въ состояніи устранить невыгоды соединенія своего товара съ своей личностью,—его товаръ какъ бы отдѣляется отъ него и такимъ образомъ впервые становится такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой товаръ. Итакъ, только благодаря коалиціи трудъ становится настоящимъ товаромъ, а работникъ—настоящимъ продавцомъ товара. Гдѣ онъ нуждается въ защитѣ, онъ сейчасъ же можетъ создать ее для себя" [1].

Такимъ образомъ, столь важный факторъ, какъ фабричное законодательство, Брентано считаетъ лишь второстепеннымъ, имѣющимъ значеніе для слабѣйшихъ элементовъ рабочей массы (и то только по полу и возрасту), которые не могутъ достаточно защитить себя. Между тѣмъ характерною чертой въ развитіи фабричнаго законодательства было именно постепенное распространеніе государственной охраны и на взрослыхъ рабочихъ. При этомъ фабричное законодательство не конкурировало съ рабочими союзами и не всегда замѣняло ихъ, а служило важнымъ дополнительнымъ условіемъ въ ряду обстоятельствъ, обезпечивающихъ благопріятную позицію рабочихъ передъ предпринимателями. Вредное вліяніе прикрѣпленности рабочаго къ мѣсту работы, такъ обстоятельно характеризуемое Брентано, въ большей мѣрѣ устраняется именно фабричнымъ законодательствомъ,

[1]) Arbeitergilden, II, стр. 22—25.

чѣмъ дѣятельностью рабочихъ союзовъ. Нѣкоторыя формы расплаты, вредныя для рабочихъ, также съ успѣхомъ могутъ быть устранены только общимъ запрещеніемъ законодательства. Самая дѣятельность рабочихъ союзовъ часто можетъ направляться на дальнѣйшее распространеніе законодательной охраны, имѣя въ виду какъ лучшее достиженіе такимъ путемъ задачъ, преслѣдуемыхъ союзами, такъ и освобожденіе силъ на преслѣдованіе другихъ цѣлей. Брентано не рѣшается, однако, признать за государственной охраной рабочихъ равновеликое значеніе съ ихъ самопомощью, потому что это противорѣчило бы установленному имъ принципу (рабочіе страдаютъ отъ того, что трудъ не поставленъ въ такія же условія, какъ „настоящіе товары"). Среди другихъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для рабочихъ при установленіи договора о заработной платѣ, кромѣ трэдъ-юніоновъ, точка зрѣнія, принятая Брентано, допускала только примирительныя камеры, какъ учрежденія, играющія для труда, по его мнѣнію, такую же роль, какъ товарныя биржи для товаровъ [1]). Брентано справедливо отмѣчаетъ, что только трэдъ-юніоны способны сообщить дѣйствительную силу рѣшеніямъ примирительныхъ камеръ; но сознаніе необходимости подкрѣпленія силой рѣшеній примирительныхъ камеръ все-таки не наводило его на мысль, что система камеръ въ дѣйствительности далеко не играетъ такой благотворной роли въ жизни рабочихъ, какую склонны были ей приписывать представители германской историко-этической школы. Новѣйшее экономическое развитіе Англіи показало, что, даже опираясь на трэдъ-юніоны, примирительныя камеры не имѣли сколько-нибудь замѣтнаго успѣха. Правда, Брентано требовалъ, чтобы обращеніе къ суду примирительныхъ камеръ было не факультативнымъ, а обязательнымъ; но тогда и вся организація дѣла должна была бы соотвѣтственно измѣниться, утрачивая характеръ „биржевыхъ отношеній". Развитіе промышленнаго законодательства англійскихъ колоній указало здѣсь на единственное средство, примѣнимое

[1]) Arbeitergilden, II, стр. 287—288 и 295—308.

въ достаточно широкомъ масштабѣ—связь трэдъ-юніоновъ съ государственнымъ третейскимъ судомъ, что, конечно, противорѣчило пожеланіямъ Брентано, для котораго нормальнымъ строемъ отношеній между хозяевами и рабочими при договорѣ о заработной платѣ представлялась единственно „продажа настоящаго товара" [1]). Какъ ни старался Брентано выдерживать свое основное положеніе, что вся бѣда при современномъ рабочемъ договорѣ заключается въ существованіи иныхъ условій для продажи товара-труда по сравненію съ другими товарами, изученіе фактическихъ отношеній между хозяевами и рабочими не разъ наталкивало его на мысль, что эти отношенія вообще регулируются сравнительной силой договаривающихся сторонъ, и что слѣдовательно всѣ условія, способствующія наростанію силы на сторонѣ рабочихъ, должны быть приняты во вниманіе, а не одна организація въ союзы [2]). Но принятая имъ точка зрѣнія (идеалъ

[1]) Въ статьѣ „Gewerkvereine" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" Брентано по прежнему указываетъ на необходимую связь между трэдъ-юніонами и примирительными камерами. Но мы не найдемъ уже здѣсь восторженныхъ отзывовъ о благотворномъ значеніи камеръ, какъ въ „Arbeitergilden". См. Handwörterbuch, IV, стр. 622.

[2]) „Вступая въ рабочій союзъ, говоритъ Брентано, рабочій получаетъ возможность настаивать на своихъ условіяхъ при продажѣ своего товара. Если онъ не получаетъ предлагаемыхъ имъ и одобренныхъ трэдъ-юніономъ условій, то онъ совершенно отказывается отъ предложенія своего труда и живетъ въ это время на средства союза. Этимъ трэдъ-юніонъ вліяетъ не только на рыночную цѣну труда; онъ имѣетъ для англійскаго рабочаго такое же значеніе, какое для американскаго—земля... Этимъ и объясняется то, что всегда представлялось загадочнымъ въ ученіи о заработной платѣ. Когда континентальному рабочему ставили въ примѣръ англійскаго, имѣющаго лучшій standard of life, то было непонятно, какъ же воспользоваться этимъ примѣромъ. Кругъ потребленія англійскаго рабочаго естественно бóльше, потому что онъ имѣетъ большій доходъ. Но если стоитъ только лучше ѣсть и лучше одѣваться, чтобы и имѣть бóльшую заработную плату, то такой результатъ представляется очень загадочнымъ". И только съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна дѣятельность трэдъ-юніоновъ, загадка разъяснилась. Такъ какъ трэдъ-юніонъ даетъ возможность точно приспособлять предложеніе труда къ спросу, существующему въ данный моментъ, онъ не только препятствуетъ паденію рыночной цѣны труда въ настоя-

условій рабочаго договора—положеніе, одинаковое съ продажей товаровъ) постоянно заставляла его возвращаться къ вліянію рабочихъ союзовъ. Сила рабочихъ, какъ стороны при установленіи заработной платы, рисуется ему всегда лишь въ видѣ добровольнаго соглашенія ихъ составить для защиты общихъ интересовъ профессіональный союзъ. Но даже и такое ограниченное пониманіе значенія силы, какъ фактора заработной платы, представляется ему какъ бы слишкомъ смѣлымъ, и онъ спѣшитъ подыскать ему оправданіе въ моральномъ принципѣ, который можно было бы примѣ-

щемъ, но, давая также возможность регулированія будущаго предложенія, препятствуетъ и паденію цѣны издержекъ производства (Kostenpreises) труда и регулируетъ такъ называемую естественную заработную плату, т. е. онъ даетъ рабочимъ возможность удержаться на ихъ прежнемъ Standard of life....Наука о народномъ хозяйствѣ, отмѣтивъ результатъ вліянія трэдъ-юніоновъ — высокій standard of life рабочихъ въ качествѣ единственнаго спасенія, оправдалатѣмъ самымъ и трэдъ-юніоны, какъ единственное средство, которымъ достигается эта желанная цѣль". Разсмотрѣвъ возраженія противъ трэдъ - юніоновъ сторонниковъ теоріи средствъ существованія и теоріи фонда, Брентано опять указываетъ на силу, какъ на рѣшающій факторъ. „Вмѣсто естественно-необходимой заработной платы прежней теоріи, говоритъ онъ, теперь остались только два крайнихъ предѣльныхъ пункта, ниже которыхъ заработная плата не можетъ оставаться продолжительное время: именно, въ качествѣ минимальнаго предѣла - заработная плата, абсолютно необходимая для обезпеченія жизненныхъ потребностей необходимаго количества рабочихъ; въ качествѣ максимальнаго предѣла—такая плата, превышеніе которой разорило бы предпринимателя или заставило бы его прекратить свое предпріятіе. Опредѣленіе же дѣйствительнаго размѣра заработной платы между этими крайними предѣльными пунктами составляетъ вопросъ силы (ist eine Machtfrage) между рабочими и хозяевами". И здѣсь этотъ „вопросъ силы" Брентано понимаетъ исключительно въ смыслѣ наличности или отсутствія у рабочихъ профессіонально-союзной организаціи. Положеніе абстрактной школы, говоритъ онъ, что заработная плата регулируется обычнымъ образомъ жизни рабочихъ, „отличается отъ дѣйствительной жизни только тѣмъ, что оно допускаетъ, будто изолированный рабочій можетъ медлить соглашаться на работу ниже такой обычной нормы, тогда какъ въ дѣйствительности... только благодаря трэдъ-юніону рабочимъ представляется возможность удержаться на ихъ обычномъ standard of life". Brentano, указ. соч., II, стр. 131—133 и 210—211.

нить къ существующимъ промышленнымъ отношеніямъ. „Если..., говоритъ онъ, установленіе заработной платы оказывается исключительно вопросомъ силы, и если поэтому въ томъ, что касается отношеній между хозяевами и рабочими, никакая плата сама по себѣ не является ни справедливой, ни несправедливой, то никоимъ образомъ нельзя признать, что и не существуетъ мѣрила для оцѣнки справедливости повышенія заработной платы. Такое мѣрило даетъ сама наука о народномъ хозяйствѣ. Именно, съ одной стороны она учитъ, что рыночная цѣна труда постоянно должна соотвѣтствовать естественной заработной платѣ, т. е. обычному и регулярному образу жизни рабочихъ, и считаетъ несчастіемъ, если плата упадетъ ниже этой нормы; съ другой стороны она указываетъ на высокую и повышающуюся плату рабочихъ, какъ на нѣчто желательное. Такимъ образомъ наука о народномъ хозяйствѣ сама даетъ намъ въ руки нравственное мѣрило для сужденія о справедливости данной высоты заработной платы, именно, характеръ употребленія послѣдней. Съ ея точки зрѣнія справедливой оказывается такая заработная плата, размѣры которой равны тому, что необходимо для удовлетворенія установившихся регулярныхъ (der geordneten, regelmässigen), а слѣдовательно и разумныхъ потребностей работника. Она считаетъ несправедливой заработную плату, которая стоитъ ниже этого предѣла. Но она считаетъ также несправедливой и такую заработную плату, которая стоитъ выше его, поскольку такая прибавка не расходуется разумно. Ибо неразумный, расточительный образъ жизни рабочихъ никогда не можетъ быть или сдѣлаться обычнымъ, регулярнымъ образомъ жизни (die geordnete, regelmässige Lebensweise) рабочихъ, ихъ естественной платой. Но далѣе—конечной цѣлью также и науки о народномъ хозяйствѣ является только нравственный и интеллектуальный подъемъ всего народа, и она подвергаетъ особому разсмотрѣнію матеріальное благосостояніе, только какъ необходимое предварительное условіе такого подъема. Поэтому она желаетъ подъема обычныхъ, регулярныхъ потребностей рабочихъ также только въ виду всего

ихъ нравственнаго и интеллектуальнаго развитія. Равнымъ образомъ разумнымъ и экономически справедливымъ оказывается только такое повышеніе заработной платы, которое или отвѣчаетъ уже поднявшимся разумнымъ потребностямъ рабочихъ, или которое имѣетъ своимъ результатомъ повышеніе ихъ, которое направляетъ рыночную цѣну труда къ его естественной платѣ или вызываетъ приспособленіе послѣдней къ первой. И равнымъ же образомъ вопросъ, какая заработная плата представляется въ данный моментъ спратедливой, рѣшается никоимъ образомъ не абсолютно, но только съ точки зрѣнія состоянія и распространенія цивилизаціи въ разсматриваемый моментъ. Съ прогрессомъ и распространеніемъ цивилизаціи естественная плата необходимо должна возрасти; при такомъ прогрессѣ высшая заработная плата всегда будетъ справедливой. Это снова показываетъ, что рабочій вопросъ никоимъ образомъ не является простымъ вопросомъ о заработной платѣ, но и вопросомъ культуры. Англійскіе же трэдъ-юніоны, разрушая съ одной стороны введеніемъ болѣе короткаго рабочаго времени препятствія распространенію культуры и стремясь способствовать подъему нравственнаго и интеллектуальнаго уровня рабочихъ и, съ другой стороны, придерживаясь по общему правилу постоянства въ заработной платѣ и повышая ее только чрезъ продолжительные промежутки времени, отвѣчаютъ обѣимъ указаннымъ сторонамъ вопроса [1]).

Въ этихъ соображеніяхъ Брентано слышатся отголоски старинныхъ воззрѣній на рабочихъ, отъ которыхъ представители германскаго историко-этическаго направленія никогда не умѣли отрѣшиться. И Брентано, какъ видимъ, живо раздѣляетъ опасеніе, какъ бы деньги, идущія на повышеніе заработной платы, не пропали даромъ, потому что рабочіе не съумѣютъ или не пожелаютъ употребить ихъ на что-либо полезное для нихъ самихъ. Въ трэдъ-юніонахъ онъ видитъ какъ бы замѣну прежней опеки надъ личностью рабочаго,

---

[1]) Brentano, указ. соч., II, стр. 218—219.

а не свободно самоуправляющійся союзъ лицъ, совершенно способныхъ къ самостоятельному строительству собственной жизни. Кромѣ того, быть можетъ, само культурное вліяніе трэдъ-юніоновъ не было бы такъ цѣнно въ глазахъ Брентано, если бы оно не соединялось съ качествомъ, въ высшей степени заслуживающимъ одобренія съ его точки зрѣнія, именно, съ весьма умѣренными притязаніями къ современному соціальному порядку. Въ условіяхъ англійской промышленной жизни обученные рабочіе (которые и объединяются въ трэдъ-юніоны) занимаютъ, по мнѣнію Брентано, такую же ступень надъ пролетаріями въ собственномъ смыслѣ, какую въ Германіи—мелкіе ремесленники, на которыхъ еще Гофманъ указывалъ, какъ на гарантію прочности всего общественнаго строя. „Консервативный характеръ всего англійскаго юніонистскаго движенія мы встрѣчаемъ уже при самомъ возникновеніи его. Мы видѣли, что трэдъ-юніоны вступили въ жизнь не для того, чтобы установить новый общественный порядокъ въ пользу рабочихъ, а чтобы поддержать правила, нѣкогда введенныя закономъ... Подобно тому, какъ первая французская революція создала въ мелкомъ крестьянствѣ рѣшительныхъ противниковъ всякихъ попытокъ соціалистической нивеллировки, такъ трэдъ-юніоны создали такихъ же противниковъ ея, поддержавъ классъ обученныхъ рабочихъ... Далекіе отъ того, чтобы быть враждебными институту собственности, трэдъ-юніоны прямо опираются на существующія отношенія между хозяевами и рабочими и требуютъ отъ хозяевъ только признанія обязанностей, соотвѣтствующихъ ихъ положенію. Интернаціоналъ имѣетъ весьма мало сторонниковъ среди членовъ трэдъ-юніоновъ; но и тѣ далеко стоятъ отъ теорій Маркса, которыя даже и неизвѣстны имъ, какъ я выяснилъ это путемъ личныхъ распросовъ, да и самъ Марксъ смотритъ на трэдъ-юніонистовъ съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ на „мелкихъ буржуа“... Они не имѣютъ сходства и съ чартистами и одинаково считаютъ въ свой средѣ республиканцевъ и тори... Чартистъ, какъ настоящій пролетарій, былъ абсолютно непа-

тріотиченъ; трэдъ-юніонистъ же восклицаетъ: „Англія, при всѣхъ твоихъ недостаткахъ я люблю тебя“ [1])!

Въ концѣ своего изслѣдованія Брентано какъ бы забываетъ объ оптимистическихъ выводахъ, сдѣланныхъ имъ относительно вліянія трэдъ-юніоновъ на положеніе рабочихъ, и обращается за поддержкой къ инымъ общественнымъ элементамъ. При этомъ онъ совершенно неожиданно открываетъ, что въ дѣлѣ хозяйственнаго развитія общество должно возлагать надежды на великодушіе предпринимателей и благоразуміе богачей. Заканчивая свою книгу, онъ совершенно упускаетъ изъ вида, что все ея содержаніе раскрываетъ ничто иное, какъ упорную, никогда не прекращающуюся борьбу рабочихъ съ хозяевами. „Представляется желательнымъ и необходимымъ, говоритъ онъ, чтобы владѣющіе признавали болѣе, чѣмъ прежде, обязанности, налагаемыя обладаніемъ богатства по отношенію къ всему обществу... Подобно королю долженъ онъ (богачъ) смотрѣть на свое положеніе въ обществѣ, какъ на должность, которая даетъ меньше правъ, чѣмъ налагаетъ обязанностей. Онъ долженъ понять, что общество, допуская сосредоточеніе богатства въ его рукахъ, ожидаетъ отъ него, что онъ употребитъ его лучше, чѣмъ масса, если бы это богатство было равномѣрно распредѣлено между нею. Такъ напр., одною изъ крупнѣйшихъ задачъ богатства представляется способствованіе прогрессу человѣческой культуры, въ особенности искусства и науки. Въ ней заключается одно изъ главнѣйшихъ основаній частнаго богатства, потому что оно лучше можетъ выполнить эту задачу, чѣмъ многія мелкія и среднія имущества. Но именно поэтому общественное мнѣніе должно клеймить позоромъ поведеніе богача, который вмѣсто осуществленія такой задачи употребляетъ свой доходъ только на удовольствія и удовлетвореніе собственныхъ прихотей. Что же въ частности касается предпринимателей, то представляется желательнымъ и необходимымъ, чтобы они не только пользовались правами

[1]) Это восклицаніе Брентано беретъ изъ данныхъ парламентскаго обслѣдованія. См. Brentano, указ. соч., стр. 331—332.

своего положенія какъ предводителей промышленной арміи, но и признавали бы также обязанности предводителей по отношенію къ ихъ солдатамъ. Они должны смотрѣть на себя менѣе какъ на вкладывающихъ и употребляющихъ капиталъ, чѣмъ какъ на руководителей людей, чье духовное и физическое благосостояніе ввѣрено ихъ заботамъ... Въ особенности желательно, чтобы предприниматели не вызывали неразумной спекуляціей хозяйственныхъ кризисовъ, и не видѣли бы ничего худого въ повышеніи заработной платы и сокращеніи рабочаго дня". Впрочемъ, высказавъ такія пожеланія, Брентано сейчасъ же начинаетъ сомнѣваться въ возможности ихъ практическаго осуществленія. Для укрѣпленія у владѣющихъ классовъ желательныхъ добродѣтелей онъ признаетъ необходимымъ даже не одно давленіе общественнаго мнѣнія, а опять таки самопомощь рабочихъ и законодательство [1]).

Въ этихъ заключительныхъ соображеніяхъ Брентано всего нагляднѣе обнаруживается тенденціозность, проникающая его изслѣдованіе. Въ концѣ 60-хъ г.г., послѣ бурной и успѣшной агитаціи Лассаля, образованія сильныхъ рабочихъ партій и выхода перваго тома „Капитала"—германская экономическая наука переживала тяжелый кризисъ. Старая германская политическая экономія, проникнутая идеями классической школы и манчестерства, теоретически непоколебленная попытками представителей историческаго направленія, которое въ вопросахъ общей экономической теоріи даже и впослѣдствіи оставалось очень близкимъ къ идеямъ классическихъ экономистовъ,—потеряла свой авторитетъ въ глазахъ молодыхъ ученыхъ, которые старались найти для борьбы съ соціалистической критикой болѣе подходящее оружіе, чѣмъ какое имѣлось въ старомъ арсеналѣ. Такое оружіе, между прочимъ, и давали нѣкоторыя теченія англійской промышленной жизни, указывавшія, повидимому, на возможность мирнаго разрѣшенія „соціальнаго вопроса". Законодательная охрана труда, профессіональные рабочіе союзы, устройство

[1]) Arbeitergilden, II, стр. 334—339.

разнаго рода трудовыхъ и потребительскихъ ассоціацій, принципъ страхованія противъ несчастныхъ случаевъ, на старость и болѣзнь, участіе въ прибыляхъ предпріятія—всѣ эти начинанія, развивавшіяся по преимуществу въ Англіи, давали благодарный матеріалъ для проектовъ спасительныхъ реформъ и построенія умѣренныхъ теорій, рисующихъ въ болѣе привлекательномъ видѣ существующія промышленныя отношенія. Къ этому германскіе писатели присоединяли обыкновенно въ большей или меньшей степени „этическіе принципы" въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими и покровительство со стороны сильной, стоящей внѣ партій государственной власти. Сочетаніе такихъ элементовъ мы находимъ и въ теоріи Брентано. Подчеркнувъ интересный и важный факторъ въ установленіи заработной платы, Брентано придаетъ ему несоразмѣрно большое значеніе сравнительно съ цѣлымъ рядомъ другихъ факторовъ, несомнѣнно дѣйствующихъ при опредѣленіи заработной платы. Кромѣ того, самый характеръ отношеній, создаваемыхъ трэдъ-юніонами при договорѣ о заработной платѣ, Брентано рисуетъ въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ сравнительно съ дѣйствительностью. Въ дѣятельности трэдъ-юніоновъ не все было и не все происходитъ мирно: исторія ихъ знаетъ годы упорной тяжелой борьбы, неизбѣжные случаи насилій и бурныхъ протестовъ во времена угнетенія ихъ правящими классами. Многое вошло въ ихъ организацію благодаря усиліямъ такихъ общественныхъ элементовъ, которыхъ у себя на родинѣ Брентано не нашелъ бы достаточно мирными. Тѣмъ не менѣе, Брентано не могъ не увлечься перспективой счастливаго разрѣшенія не только проблемы заработной платы, но и „соціальнаго вопроса", о которомъ, начиная съ 60-хъ гг., такъ любили и любятъ говорить германскіе экономисты [1]). Теоріи рабочихъ союзовъ, изложенной въ „Arbeitergilden",

[1]) Самая исторія разсматриваемой книги указываетъ на поспѣшность автора въ поискахъ открытія спасительнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Идея ея возникла у Брентано по внушенію извѣстнаго статистика Энгеля (который также горячо интересовался средствами разрѣшенія соціальнаго вопроса при современномъ общественномъ строѣ),

Брентано остался вѣренъ и впослѣдствіи. Въ 1876 году ученіе о заработной платѣ онъ дополнилъ изслѣдованіемъ о связи между заработной платой, продолжительностью рабочаго времени и производительностью труда; выводы этого изслѣдованія онъ объединилъ затѣмъ съ прежнимъ ученіемъ въ „Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht", хотя и здѣсь его теорія строится по преимуществу на положеніяхъ, высказанныхъ уже въ Arbeitergilden (и повторяемыхъ часто тѣми же самыми словами). Нѣтъ новыхъ мыслей, по сравненію съ указанными сочиненіями, и въ его послѣдней работѣ по данному вопросу (статья „Gewerkvereine" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" [1]). Сосредоточивъ

предложившаго ему сопровождать его въ поѣздкѣ по англійскимъ фабричнымъ округамъ. См. Brentano, Arbeitergilden, I, стр. VIII—IX. Много лѣтъ спустя, Брентано еще разъ напомнилъ, какъ совершилось его превращеніе изъ послѣдователя классической школы въ катедеръ-соціалиста. „Выросши въ школѣ Германа, и я нѣкогда испыталъ на себѣ волшебное вліяніе этого (классическаго) ученія. Однако такое очарованіе продолжалось недолго. Слишкомъ сильно обстоятельства того времени указывали даже начинающему ученому противорѣчіе между дѣйствительностью и теоріею. Это было время Фердинанда Лассаля, и неспособность доктрины (классиковъ) отвѣтить на вопросы, выставленные агитаціей, обнаружилась ужасающимъ образомъ. Что пользы было намъ въ томъ, что мы такъ блестяще сдавали экзамены въ университетѣ, если мы не могли выдержать экзамена, поставленнаго намъ жизнью. Во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства насъ одолѣвало сомнѣніе въ выученномъ нами, и наше господствующее настроеніе нашло себѣ характерное выраженіе въ отвѣтѣ одного моего товарища и сверстника, когда профессоръ спросилъ его послѣ образцово выдержаннаго экзамена о причинѣ его дурного расположенія духа: Ахъ, профессоръ, отвѣтилъ онъ, я охотно желалъ бы еще чему-нибудь поучиться"!

[1]) По вопросу объ источникѣ заработной платы Брентано высказывался, начиная съ самыхъ раннихъ своихъ работъ, въ духѣ Германа. См. его статью „Die Lehre von den Lohnsteigerungen mit besondereń Rücksicht auf die englischen Wirtschaftslehrer" въ Hildebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Bd 16, Jena 1871 г., въ особ. стр. 255 и слѣд., гдѣ онъ полемизируетъ съ англійскими теоретиками фонда, а также второй томъ „Arbeitergilden", стр. 201 и слѣд., и въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft (23 Bd , стр. 466—478) отвѣтъ на статью Пирсона, помѣщенную въ томъ же журналѣ. Въ этихъ работахъ Брентано еще не принимаетъ въ расчетъ вліянія производительности труда, вполнѣ

ныхъ дѣятелей результатовъ фабричнаго законодательства. Предсказанія, что сокращеніе рабочаго дня погубитъ англійскую промышленность, столь блистательно опровергнутыя развитіемъ ея въ 50-е годы, смѣнились широкимъ распространеніемъ идеи о пользѣ законодательной охраны труда не только въ моральномъ отношеніи (что прежде всего имѣли въ виду и многіе дѣятели фабричной реформы, какъ напр. Остлеръ и лордъ Шафтсбери), но и для матеріальныхъ интересовъ страны. Тогда-то на смѣну теоріи фонда у англійскихъ экономистовъ все болѣе и болѣе выступаетъ новая теорія—производительности труда, которую ея защитники формулируютъ въ пылу полемики съ неменьшей односторонностью, чѣмъ въ свое время была отстаиваема теорія средствъ существованія.

Вопросъ о связи производительности труда съ размѣрами заработной платы трактовался и трактуется съ двухъ точекъ зрѣнія: одни (по преимуществу въ практическихъ цѣляхъ лучшей организаціи промышленной дѣятельности) стремятся доказать, что всякое увеличеніе заработной платы приводитъ за собой повышеніе производительности труда; другіе (преслѣдующіе главнымъ образомъ теоретическія задачи) выдвигаютъ положеніе, что высокая производительность труда имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ высокую заработную плату [1]). Легко видѣть, что къ теоріямъ заработной платы, изслѣдующимъ причины ея высоты, можетъ быть причислена только вторая категорія изслѣдованій; первая же относится не къ области распредѣленія, а производства, потому что она изучаетъ не причины, вліяющія на заработную плату, а заработную плату какъ причину размѣровъ продукта, получаемаго отъ производства. Но такъ какъ у писателей. разсматривающихъ вопросъ о связи производительности труда съ заработной платой, нельзя найти такого строгаго разграниченія двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія, то намъ по необходимости придется касаться тѣхъ и другихъ попытокъ разрѣшенія этого вопроса. Важно лишь постоянно

---

[1]) Ср. Davidson, The bargain theory of wages, стр. 82 и слѣд.

имѣть въ виду разграниченіе обѣихъ областей изслѣдованія, чтобы не спутывать ихъ при критической оцѣнкѣ.

Зачатки теоріи производительности труда (и притомъ въ обѣихъ указанныхъ версіяхъ) мы находимъ уже у Ад. Смита (см. первую главу) [1]). Мысль, брошенная Смитомъ, не была подхвачена его преемниками, которые продолжали держаться стараго принципа „экономіи низкой заработной платы". Рикардо, напр., совершенно опредѣленно указывалъ, что повышеніе заработной платы всегда должно понижать прибыль, а пониженіе—повышать. Принципъ, что увеличеніе заработной платы можетъ быть выгодно и для капиталиста, совершенно не укладывался въ его теоретическую систему. Равнымъ образомъ для этого принципа не было мѣста и въ теоріи фонда заработной платы. Мысль, что предприниматель, назначая норму платы своимъ рабочимъ, руководится не расчетомъ на предполагаемый продуктъ отъ предпріятія, а соображеніемъ о размѣрѣ имѣющагося у него капитала по сравненію съ количествомъ предлагаемыхъ рабочихъ рукъ, уводила изслѣдователей въ противоположную сторону. Значеніе высокой заработной платы для повышенія производительности труда впервые послѣ Смита отчетливо понялъ и сталъ настойчиво пропагандировать Роб. Овэнъ (послѣ успѣха его опытовъ въ Нью-Ланаркѣ). Овэнъ становится на точку зрѣнія разумнаго предпринимателя, рекомендуя своимъ коллегамъ улучшить положеніе ихъ рабочихъ не изъ филантропическихъ или гуманныхъ соображеній, а ради матеріальной выгоды. Въ своемъ третьемъ „Опытѣ объ образованіи характера", обращенномъ къ „завѣдующимъ фабриками и вообще тѣмъ лицамъ, которыя, давая занятіе массѣ людей, легко могли бы принять мѣры къ воспитанію (to form) чувствъ и нравовъ такой массы" [2]), Овэнъ проситъ ихъ обратить вни-

---

[1]) И до Смита принципъ „экономіи низкой заработной платы" вызывалъ уже возраженія со стороны нѣкоторыхъ экономистовъ (напр. Вандерлинта, Постльуэйта, Фостера и Туккера). См. Шульце-Геверницъ. Крупное производство, стр. 5—9.

[2]) Этотъ памфлетъ принадлежитъ къ серіи „Опытовъ объ образованіи характера" и былъ опубликованъ въ 1813 г. Общее заглавіе

ныхъ дѣятелей результатовъ фабричнаго законодательства. Предсказанія, что сокращеніе рабочаго дня погубитъ англійскую промышленность, столь блистательно опровергнутыя развитіемъ ея въ 50-е годы, смѣнились широкимъ распространеніемъ идеи о пользѣ законодательной охраны труда не только въ моральномъ отношеніи (что прежде всего имѣли въ виду и многіе дѣятели фабричной реформы, какъ напр. Остлеръ и лордъ Шафтсбери), но и для матеріальныхъ интересовъ страны. Тогда-то на смѣну теоріи фонда у англійскихъ экономистовъ все болѣе и болѣе выступаетъ новая теорія—производительности труда, которую ея защитники формулируютъ въ пылу полемики съ неменьшей односторонностью, чѣмъ въ свое время была отстаиваема теорія средствъ существованія.

Вопросъ о связи производительности труда съ размѣрами заработной платы трактовался и трактуется съ двухъ точекъ зрѣнія: одни (по преимуществу въ практическихъ цѣляхъ лучшей организаціи промышленной дѣятельности) стремятся доказать, что всякое увеличеніе заработной платы приводитъ за собой повышеніе производительности труда; другіе (преслѣдующіе главнымъ образомъ теоретическія задачи) выдвигаютъ положеніе, что высокая производительность труда имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ высокую заработную плату [1]). Легко видѣть, что къ теоріямъ заработной платы, изслѣдующимъ причины ея высоты, можетъ быть причислена только вторая категорія изслѣдованій; первая же относится не къ области распредѣленія, а производства, потому что она изучаетъ не причины, вліяющія на заработную плату, а заработную плату какъ причину размѣровъ продукта, получаемаго отъ производства. Но такъ какъ у писателей. разсматривающихъ вопросъ о связи производительности труда съ заработной платой, нельзя найти такого строгаго разграниченія двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія, то намъ по необходимости придется касаться тѣхъ и другихъ попытокъ разрѣшенія этого вопроса. Важно лишь постоянно

---

[1]) Ср. Davidson, The bargain theory of wages, стр. 82 и слѣд.

нія и спасти ихъ отъ преждевременнаго изнашиванія? Хотите вы также посвятить годы усердныхъ занятій на то, чтобы понять связь между различными частями этихъ безжизненныхъ машинъ, улучшить ихъ производительныя силы и высчитать съ математической точностью всѣ ихъ мелкія и комбинированныя движенія? И если при такихъ занятіяхъ вы высчитываете время по минутамъ, а деньги, расходуемыя въ видахъ увеличенія барыша, по малымъ долямъ,— то неужели вы не удѣлите вашего вниманія разсмотрѣнію вопроса,— не можетъ ли часть вашего времени и капитала быть затрачена съ большей выгодой на улучшеніе вашихъ живыхъ машинъ? На основаніи опыта, который не можетъ меня обманывать, я рѣшаюсь увѣрить васъ, что если вы употребите такъ ваше время и деньги, и если вы будете руководиться истиннымъ знаніемъ дѣла, то вы получите на вашъ капиталъ, затраченный такимъ образомъ, не 5, 10 или 20 процентовъ, но часто 50 и во многихъ случаяхъ 100 процентовъ" [1]).

Впослѣдствіи Овэнъ не разъ возвращался къ этому вопросу, присоединяя къ непосредственному призыву къ фабрикантамъ обращеніе къ государственной власти (пропаганда фабричнаго законодательства). Въ послѣднемъ отношеніи усилія Овэна имѣли крупное практическое значеніе, но они совершенно не вліяли на господствовавшую тогда теоретическую систему политической экономіи не только въ вопросахъ распредѣленія (что было бы понятно, такъ какъ Овэнъ ставилъ своей задачей выясненіе вліянія повышенія заработной платы на размѣры продукта, а не наоборотъ), но и производства.

Въ 30-хъ г.г. въ англійской экономической литературѣ мы встрѣчаемъ уже рядъ попытокъ ввести вопросъ о производительности труда въ изслѣдованіе причинъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы. Такъ, въ лекціяхъ, изданныхъ въ 1834 г., давно уже забытый ирландскій экономистъ

---

[1]) См. Lloyd Jones, The Life, Times and Labours of Robert Owen, London 1900, стр. 101--103.

маніе на улучшеніе работника, какъ важнаго фактора предпріятія, качества котораго сильно вліяютъ на прибыль фабриканта. „Многіе изъ васъ, говоритъ онъ, давно уже испытали въ вашихъ мануфактурныхъ операціяхъ выгоду прочныхъ. хорошо устроенныхъ и хорошо выдѣланныхъ машинъ. Опытъ также показалъ вамъ разницу въ результатахъ, когда механизмъ чистъ, точенъ, хорошо приспособленъ и всегда прекрасно поддерживается и когда, наоборотъ, онъ запущенъ, грязенъ, въ безпорядкѣ... Въ первомъ случаѣ вся экономія и управленіе идутъ хорошо, всякая операція совершается легко, въ порядкѣ и съ успѣхомъ; во второмъ случаѣ должно наступить обратное — представится зрѣлище противодѣйствія, замѣшательства и неудовлетворительности среди всѣхъ агентовъ и орудій, занятыхъ въ общемъ процессѣ или связанныхъ съ нимъ, что не можетъ не создавать крупныхъ потерь. Если, такимъ образомъ, надлежащая забота о состояніи вашихъ неодушевленныхъ машинъ можетъ дать столь благодѣтельные результаты, то чего же можно ожидать, если вы посвятите столько же вниманія вашимъ живымъ машинамъ, которыя устроены гораздо удивительнѣе? Когда вы пріобрѣтете правильное познаніе ихъ, ихъ любопытнаго механизма, ихъ приспособляемости (self-adjusting powers), когда ихъ различнымъ движеніямъ данъ надлежащій ходъ, — вы сознаете ихъ истинную цѣнность и вы охотно склонитесь къ тому, чтобы чаще обращать ваши мысли отъ вашихъ бездушныхъ машинъ къ живымъ. Вы откроете, что послѣднія могутъ быть легко тренируемы и направляемы на доставленіе (вамъ) большого приращенія денежной выгоды, причемъ вы получите и высокое и прочное нравственное удовлетвореніе. Итакъ, хотите ли вы продолжать расходовать большія суммы денегъ на покупку лучшихъ механизмовъ изъ дерева, мѣди или желѣза и поддерживать ихъ въ полномъ порядкѣ, — для того, чтобы имѣть лучшее средство противъ излишняго тре-

всѣхъ четырехъ опытовъ, составляющихъ эту серію — „A new view of society; or essays on the principle of the formation of the human character and the application of the principle to practice".

нія и спасти ихъ отъ преждевременнаго изнашиванія? Хотите вы также посвятить годы усердныхъ занятій на то, чтобы понять связь между различными частями этихъ безжизненныхъ машинъ, улучшить ихъ производительныя силы и высчитать съ математической точностью всѣ ихъ мелкія и комбинированныя движенія? И если при такихъ занятіяхъ вы высчитываете время по минутамъ, а деньги, расходуемыя въ видахъ увеличенія барыша, по малымъ долямъ,—то неужели вы не удѣлите вашего вниманія разсмотрѣнію вопроса,—не можетъ ли часть вашего времени и капитала быть затрачена съ большей выгодой на улучшеніе вашихъ живыхъ машинъ? На основаніи опыта, который не можетъ меня обманывать, я рѣшаюсь увѣрить васъ, что если вы употребите такъ ваше время и деньги, и если вы будете руководиться истиннымъ знаніемъ дѣла, то вы получите на вашъ капиталъ, затраченный такимъ образомъ, не 5, 10 или 20 процентовъ, но часто 50 и во многихъ случаяхъ 100 процентовъ" [1]).

Впослѣдствіи Овэнъ не разъ возвращался къ этому вопросу, присоединяя къ непосредственному призыву къ фабрикантамъ обращеніе къ государственной власти (пропаганда фабричнаго законодательства). Въ послѣднемъ отношеніи усилія Овэна имѣли крупное практическое значеніе, но они совершенно не вліяли на господствовавшую тогда теоретическую систему политической экономіи не только въ вопросахъ распредѣленія (что было бы понятно, такъ какъ Овэнъ ставилъ своей задачей выясненіе вліянія повышенія заработной платы на размѣры продукта, а не наоборотъ), но и производства.

Въ 30-хъ г.г. въ англійской экономической литературѣ мы встрѣчаемъ уже рядъ попытокъ ввести вопросъ о производительности труда въ изслѣдованіе причинъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы. Такъ, въ лекціяхъ, изданныхъ въ 1834 г., давно уже забытый ирландскій экономистъ

---

[1]) См. Lloyd Jones, The Life, Times and Labours of Robert Owen, London 1900, стр. 101--103.

Лонгфильдъ развивалъ мысль, что заработная плата зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ рабочихъ и спросомъ на нихъ, причемъ предложеніе состоитъ въ существующей въ данное время расѣ рабочихъ. Спросъ же на нихъ опредѣляется полезностью или цѣнностью работы, какую они способны выполнить. Заработная плата большой массы рабочихъ должна выплачиваться изъ продукта или изъ цѣны продукта ихъ труда. Затѣмъ, опредѣливъ прибыль какъ результатъ уравненія спроса и предложенія капитала, Лонгфильдъ устанавливаетъ положеніе, что заработная плата зависитъ отъ нормы прибыли и производительности труда, занятаго въ производствѣ тѣхъ товаровъ, въ которыхъ уплачивается заработная плата, а потому благосостояніе рабочаго будетъ зависѣть отъ доли прибыли и относительной цѣнности его труда и отъ производительности того труда, который употребляется въ производствѣ тѣхъ товаровъ, на которые онъ желаетъ расходовать свою заработную плату". Неясность представленія Лонгфильда о вліяніи производительности труда на заработную плату вытекала изъ смѣшенія опредѣленія заработной платы съ указаніемъ ея причинъ. Онъ постоянно колеблется между утвержденіями, что спросъ на рабочихъ опредѣляется полезностью или цѣнностью работы, какую они способны выполнить, и—что заработная плата зависитъ отъ производительности труда въ производствѣ тѣхъ предметовъ, на которые она расходуется. Между тѣмъ послѣднее положеніе является просто опредѣленіемъ реальной заработной платы, а не указаніемъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ она устанавливается. Еще большею неясностью страдаетъ ученіе о вліяніи производительности труда у Сеньора, выступившаго съ нимъ впервые въ 1830 году (т. за три года до лекцій Лонгфильда), но развившаго ее опредѣленѣе только въ 1836 г.—въ курсѣ политической экономіи. Количество и качество товаровъ, указывалъ Сеньоръ, назначенныхъ для потребленія рабочихъ, сравнительно съ количествомъ рабочихъ семей, зависитъ, во первыхъ, отъ производителъности труда въ прямомъ или косвенномъ производствѣ товаровъ, потребляемыхъ рабочими,

и во вторыхъ, отъ количества лицъ, прямо или косвенно занятыхъ въ производствѣ предметовъ потребленія рабочихъ сравнительно съ всѣмъ числомъ рабочихъ семей. По вопросу же объ отношеніи между количествомъ лицъ, производящихъ предметы потребленія рабочихъ, и количествомъ рабочихъ семей Сеньоръ замѣчаетъ: существуетъ три цѣли, на которыя можетъ быть обращенъ трудъ, который иначе могъ бы быть употребленъ на созданіе фонда потребленія рабочихъ: именно, 1) производство вещей, назначаемыхъ для потребленія собственниковъ естественныхъ агентовъ; 2) для правительства и 3) для капиталистовъ; или говоря короче, хотя и менѣе правильно, трудъ, вмѣсто того чтобы быть употребленнымъ на производство заработной платы, можетъ быть употребляемъ на производство ренты, налоговъ и прибыли. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Сеньоръ уклоняется однако отъ такого плана изслѣдованія, что и дало нѣкоторымъ экономистамъ считать его полнымъ сторонникомъ теоріи фонда заработной платы (см. M-c Donnell, указ. соч., стр. 33). Особенно вопіющимъ противорѣчіемъ теоріи производительности было враждебное отношеніе Сеньора къ фабричному законодательству, существенно сближавшее его съ теоретиками фонда. Неудивительно поэтому, что замѣчанія Сеньора объ источникѣ заработной платы не оказали вліянія на послѣдующую литературу [1]).

Въ 30-хъ же г.г. вопросъ о связи между высотою заработной платы и производительностью труда поднялъ въ американской экономической литературѣ извѣстный проповѣдникъ „гармоніи интересовъ" въ капиталистическомъ обществѣ—Кэри. Сначала въ „Essay on the Rate of Wages" (1835), затѣмъ въ курсѣ политической экономіи (1838) Кэри старался на основаніи обширнаго фактическаго матеріала доказать мысль, которой суждено было найти себѣ широкое признаніе лишь долго спустя благодаря работамъ Брассея,—что національныя различія въ заработной платѣ могутъ быть въ значительной мѣрѣ сведены къ разницѣ въ степени произво-

[1]) См. Cannan, указ. соч., стр. 266—270.

дительности труда [1]). Отсюда Кэри выводилъ и дальнѣйшее слѣдствіе, противоположное „теоріи обнищанія", а именно, что въ общемъ составѣ чистаго дохода общества съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній заработная плата имѣетъ тенденцію занять все бо́льшую долю [2]). Однако доводы Кэри не оказали сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на современную ему экономическую литературу, вѣроятно, благодаря тому, что его работы, составленныя изъ груды плохо переваренныхъ матеріаловъ и страдающія сильною примѣсью

[1]) Напр. въ пятой главѣ курса, говоря о „качествѣ труда", Кэри ссылается на мнѣніе спеціальнаго излѣдователя экономическихъ отношеній въ Британской Индіи, что низкій уровень заработной платы объясняется тамъ малою производительностью труда туземныхъ рабочихъ (the cause of the low rate of wages of labourers in India, appears to be e smallh quantity of useful work they do). Ту же причину онъ усматриваетъ и для скудости заработковъ французскаго земледѣльческаго населенія (capital is scarce; employment in manufactures is obtained with difficulty; every man desires a piece of land, to enable him to obtain food; the product barely enables him to subsist, and he is unable to accummulate capital). Наоборотъ, въ Америкѣ, гдѣ въ земледѣліи вводятся различныя усовершенствованія, заработная плата сравнительно высока, и самая высота ея побуждаетъ къ введенію дальнѣйшихъ улучшеній. Говоря о текстильной промышленности въ Англіи, Кэри находитъ, что низкій заработокъ ручныхъ ткачей объясняется тою-же причиной, т. е. низкой производительностью труда ихъ (wages must depend upon production, and... low as are those received by the weavers, they are fully equal to their deserts as producers). Наоборотъ, высокая производительность труда на американскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ приводитъ къ тому, что тамъ даже женщины получаютъ бо́льшую заработную плату, чѣмъ средняя заработная плата, приходящаяся мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ въ Англіи и т. д. Основываясь на этихъ фактахъ, Кэри находитъ возможнымъ выставить такое общее положеніе. „Wherever the quality of labour is high, its reward or wages will be so. Where wages are high, there will exist a strong inducement to adopt improvements, and the employer will not be deterred by the fear of throwing people out of employment. The higher, therefore, the quality of labour, the greater will be the tendency to improvement". H. C. Carey, Principles of Political Economy. vol. II, Philadelphia 1838, стр. 129, 137, 140–142, 149 и 153–154 и 159.

[2]) „As capital increases and machinery is improved, production is augmented, and the labourer obtains an increased share of an increased quantity". Principles, II, стр. 295.

субъективизма, вообще имѣли мало успѣха. Идеямъ Кэри суждено было найти себѣ сочувствующую аудиторію позднѣе, въ болѣе доступной широкой публикѣ переработкѣ, выполненной съ цѣлями практическаго характера бойкимъ авторомъ „Harmonies économiques".

Наконецъ, не обратила на себя вниманія съ точки зрѣнія изученія причинъ заработной платы и знаменитая теорія „естественной заработной платы" Тюнена, въ которой до самаго поздняго времени (и въ особенности въ Германіи) видѣли только попытку построенія идеальной нормы вознагражденія за трудъ, а не вспомогательную гипотезу для каузальнаго изслѣдованія [1]).

Вполнѣ отчетливую и обстоятельную формулировку теоріи производительности труда мы находимъ впервые у извѣстнаго уже намъ изъ предыдущей главы американскаго экономиста Фрэнсиса Уокера, выдвинувшаго ее противъ теоріи фонда [2]). Уокеръ намѣтилъ свою теорію въ небольшой статьѣ, посвященной критикѣ теоріи фонда (въ North American Review, янв. 1875), и вскорѣ послѣ этого подробно развилъ ее въ спеціальномъ трактатѣ „The Wages Question" (первое изд. 1876 г.). Черезъ одинадцать лѣтъ, онъ еще разъ повторилъ ее въ курсѣ политической экономіи, — на этотъ разъ съ существенными дополненіями.

Въ „Wages Question" Уокеръ пользуется теоріей производительности по преимуществу съ полемическими цѣлями, чтобы обнаружить несостоятельность ученія о фондѣ заработной платы. Въ одной изъ предыдущихъ главъ сущность

[1]) Подробно о теоріи Тюнена см. ниже въ соотвѣтств. главѣ.

[2]) Джевонсъ въ своей „Теоріи политической экономіи" высказываетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о зависимости заработной платы отъ производительности труда. Но его взгляды по этому вопросу недостаточно продуманы. Несмотря на заявленіе, что теорія фонда оказывается „простымъ труизмомъ", его ученіе по существу ближе къ ней, чѣмъ къ теоріи производительности. См. W. Stanley Jevons, The Theory of Political Economy. London 1871, стр. 233—236, 160—161, 238—242 и 256—267. Объ его взглядахъ на причины заработной платы мы будемъ еще имѣть случай говорить ниже.

его возраженій была уже указана. Концентрируя свою аргументацію на принципѣ, что предприниматель имѣетъ въ виду при назначеніи заработной платы ожидаемый въ будущемъ продуктъ, а не накопленный въ прошломъ капиталъ, Уокеръ останавливается 1) на силахъ, которыя вообще могутъ способствовать увеличенію продукта и во 2) на условіяхъ, бладодаря которымъ полученное увеличеніе можетъ достаться (вполнѣ или отчасти) рабочему. Для выясненія первыхъ онъ точно разграничиваетъ понятія заработной платы и стоимости труда (cost of labour), доказывая, что высокая заработная плата вовсе не предполагаетъ высокой стоимости труда, а низкая—низкой стоимости. Размѣры стоимости труда опредѣлятся при ходѣ производства въ прямой зависимости отъ его производительности. На цѣломъ рядѣ примѣровъ (между прочимъ и изъ „Work and Wages" Брассея) Уокеръ показываетъ, что „дорогой" трудъ въ смыслѣ высокой заработной платы въ дѣйствительности часто бываетъ дешевъ, если посмотрѣть на вознагражденіе за него какъ на долю въ продуктѣ. Работа, напр., англійскаго рабочаго, получающаго по сравненію съ индусомъ громадную заработную плату, можетъ быть дешевле труда индуса, потому что производительность труда англичанина выше. Это—не случайный фактъ, а характерная черта промышленной дѣятельности вообще. Вѣдь цѣнность услугъ рабочаго для предпринимателя является результатомъ двухъ элементовъ — одного положительнаго и одного отрицательнаго—труда и порчи (waste) [1]). На оба эти элемента огромное вліяніе оказываютъ качества рабочихъ, различія которыхъ, служа такимъ образомъ причинами большей или меньшей производительности труда, сами стоятъ въ тѣсной зависимости отъ слѣдующихъ условій:

[1]) Порча или потеря (waste), замѣчаетъ Уокеръ, употребляя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ (поломка и ненужное изнашиваніе машинъ, уничтоженіе или порча матеріаловъ, расходы на надзоръ, вызываемый лѣностью или небрежностью, затрудненія въ трудѣ многихъ рабочихъ, создаваемыя недобросовѣстностью или неспособностью одного) при современномъ строѣ промышленности составляютъ столь же существенную часть производственнаго процесса, какъ и сама полезная работа. Walker, Wages Question, стр. 48—49.

1) различій расы и воспитанія; 2) скудости или обилія питанія; 3) существующихъ обычаевъ или при принудительныхъ для рабочаго условій, относящихся къ поддержанію чистоты тѣла и чистоты воздуха и воды; 4 общаго умственнаго развитія рабочаго; 5) техническаго образованія и промышенной среды; 6) привлекательности и перспективъ труда, связанныхъ съ чувствомъ самоуваженія рабочаго и его соціальными притязаніями, и связи интересовъ рабочаго съ результатами его труда.

Такъ какъ увеличеніе заработной платы можетъ измѣнить къ лучшему многія изъ этихъ условій, то понятно, что оно должно имѣть своимъ результатомъ повышеніе производительности труда, а слѣдовательно представлять выгоды и для хозяина, и наоборотъ—всякое уменьшеніе заработной платы должно понижать въ извѣстной степени производительность труда. Уокеръ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ гибельное вліяніе униженіярабочаго. „Когда уменьшеніе платы начинаетъ затрогивать способность рабочаго содержать себя соотвѣтственно уровню приличной жизни (decency), который онъ установилъ для себя, уменьшеніе его трудовыхъ качествъ (the decline in industrial quality) совершается всего быстрѣе. Фактъ, что онъ доведенъ до нищенскаго положенія, не только уменьшаетъ его физическія силы; почти неизбѣжно онъ портитъ и его чувство самоуваженія и соціальнаго достоинства (social ambition)—чувство, которое такъ трудно вызвать и такъ фатально легко уничтожить“ [1])...

Но мало знать условія, содѣйствующія производительности труда рабочаго; вѣдь получаемая прибавка къ продукту можетъ просто остаться въ рукахъ предпринимателя (какъ и учила напр. теорія средствъ существованія). Вотъ почему необходимо обратиться къ дальнѣйшему анализу промышленныхъ отношеній, выясняя условія раздѣла полученнаго продукта между лицами, участвующими въ производствѣ. Съ точки зрѣнія Уокера въ этихъ отношеніяхъ для даннаго случая представляетъ интересъ только „конфликтъ между пред-

[1]) Walker, Wages Question, стр. 86.

принимателемъ и рабочимъ", потому что землевладѣлецъ получаетъ свой доходъ по основаніямъ, не зависящимъ отъ воли предпринимателя, а капиталистъ не можетъ диктовать предпринимателю никакихъ связывающихъ послѣдняго условій (по отношенію къ оплатѣ труда), такъ какъ онъ самъ находится въ зависимости отъ него, предлагая ему свой капиталъ для употребленія на промышленное дѣло. Приступая къ выясненію намѣченнаго вопроса, Уокеръ предполагаетъ сначала наличность совершенно свободной конкуренціи въ капиталистическомъ обществѣ. При такомъ условіи, по его мнѣнію, не было бы никакихъ преимуществъ ни на сторонѣ хозяевъ, ни на сторонѣ рабочихъ. Рабочіе, правда, соглашались бы на наименьшую норму изъ тѣхъ, какія имъ желательны; но эта наименьшая плата была бы наивысшей изъ тѣхъ нормъ, какія желаютъ дать капиталисты. Иначе говоря, при совершенной конкуренціи рабочіе имѣли бы полную гарантію того, что они постоянно будутъ получать наибольшую заработную плату, какая возможна при существующемъ состояніи промышленности [1]). Для рабочаго былъ бы гарантированъ „доступъ къ

[1]) „Конкуренція выражаетъ желаніе и усилія покупателя покупать возможно дешевле и продавца—продавать возможно дороже... и поскольку каждый человѣкъ является въ одно и то же время покупщикомъ и продавцомъ, мы говоримъ, что онъ даетъ возможно меньше и получаетъ возможно больше, насколько позволяютъ существующія условія промышленности. Конкуренція предполагаетъ поэтому... свободный, легкій и надежный доступъ къ лучшему рынку, каковъ бы ни былъ продаваемый или покупаемый предметъ. Если конкуренція совершенна, то не можетъ быть вопроса объ ея результатѣ въ смыслѣ равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ тягостей и распространенія всѣхъ выгодъ въ промышленномъ обществѣ"... Предполагая состояніе совершенно свободной конкуренціи, мы найдемъ, что заработная плата установилась бы на наивысшей нормѣ не только въ одной какой-нибудь отрасли промышленности, но во всѣхъ областяхъ, какъ бы ни были разсѣяны предприниматели и рабочіе по различнымъ мѣстностямъ и занятіямъ. Вѣдь рабочіе искали бы тогда предпринимателей, а предприниматели—рабочихъ съ совершенной легкостью, свободно и безъ всякихъ затрудненій переходя раздѣляющія ихъ территоріальныя или промышленныя границы. „Всѣ неравенства положенія были бы тогда немедленно сглажены. Уси-

наилучшему рынку" и, слѣдовательно, вся прибавка къ продукту, создаваемая повышеніемъ производительности его труда, цѣликомъ доставалась бы на его долю. Не слѣдуетъ забывать, однако, напоминаетъ Уокеръ, что такое предположеніе, принимаемое для удобства изслѣдованія, не соотвѣтствуетъ условіямъ дѣйствительной экономической жизни. „Подобно тому какъ географы, исходя только изъ принципа тяготѣнія и упуская изъ вида силу сцѣпленія, пришли бы къ выводу, что горы должны упасть въ долины и что земля должна имѣть совершенно гладкую поверхность, такъ и экономисты апріорной школы упускаютъ изъ вида характерную структуру промышленнаго общества, раздѣленіе классовъ и націй, препятствія, полагаемыя различіями расы, религіи и языка, стѣсненія, возникающія благодаря невѣжеству и предразсудкамъ, привязанность съ своему дому, странѣ и друзьямъ, безпомощность рабочихъ въ новыхъ занятіяхъ, ненависть къ ввезеннымъ рабочимъ и, быть можетъ, больше, чѣмъ все остальное,—препятствія къ передвиженію, возникающія для огромнаго большинства населенія вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ и средствахъ существованія" [1]). Въ современномъ обществѣ рабочіе и предприниматели оказываются въ неодинаковомъ положеніи, и потому необходимо отдать себѣ ясный отчетъ, какія преимущества и невыгоды оказываются на каждой сторонѣ, прежде чѣмъ дѣлать выводы о характерѣ распредѣленія продукта промышленности. Уокеръ и разсматриваетъ условія, затрудняющія свободный доступъ къ наилучшему рынку. На сторонѣ рабочихъ такихъ обстоятельствъ больше, но отъ нихъ не вполнѣ избавлены и предприниматели. Обращаясь сначала къ рабочимъ, Уокеръ находитъ, что для нихъ прежде всего имѣютъ серьезное значеніе препятствія къ перемѣщенію изъ одного предпріятія въ другое какъ при передвиженіи съ одной мѣстности въ другую, такъ и при перемѣнѣ занятія. Американецъ, замѣчаетъ Уокеръ,

лія каждаго получить для себя возможно больше имѣли бы результатомъ, при равной силѣ и равныхъ условіяхъ, что всѣмъ давалось бы одно и тоже"... Walker, указ. соч., стр. 157—160.

[1]) Walker, указ. соч., стр. 174—176.

легко склоненъ слишкомъ низко оцѣнивать препятствія передвиженію рабочихъ, потому что Соединенные Штаты представляютъ, быть можетъ, самый крайній примѣръ подготовки и снаряженія массы рабочихъ для поисковъ лучшаго рынка ихъ труда, гдѣ бы онъ ни былъ. Это объясняется особо благопріятными условіями Сѣверной Америки—1) щедростью природы, позволяющей производить столь большой расходъ; 2) широкимъ распространеніемъ свѣдѣній путемъ прессы и почты; 3) можетъ быть еще въ большей степени—почти полной соціальной и политической свободой. Вообще же говоря, препятствія передвиженію очень значительны, въ особенности если сравнивать положеніе рабочаго и предпринимателя [2]). Конечно, рабочему открываются различныя перспективы передвиженія, не только въ видѣ эмиграціи въ чужую страну, но въ особенности въ предѣлахъ собственной. Въ послѣднемъ случаѣ „систематики политической экономіи обыкновенно предполагаютъ полную подвижность труда. Однако, мы находимъ, что импульсъ, достаточный для того, чтобы послать рабочихъ изъ Англіи въ Австралію, оказывается не всегда настолько сильнымъ, чтобы переселить ихъ изъ Девоншира въ Дэргэмъ". Уокеръ приводитъ рядъ интересныхъ примѣровъ, указывающихъ, что передвиженія рабочихъ иногда не происходятъ при небольшомъ разстояніи, несмотря на громадную разницу въ заработной платѣ [1]). Принимая это въ соображеніе и разсматривая условія жизни низшаго разряда рабочихъ во многихъ европейскихъ странахъ, „мы будемъ имѣть основаніе, говоритъ Уокеръ, не для утвержденія, что существуетъ много и притомъ крупныхъ исключеній изъ правила подвижности (труда), но для отрицанія какой бы то ни было силы (validity) за этимъ правиломъ. Если мы будемъ наблюдать населеніе самыхъ грязныхъ кварталовъ какого-нибудь города, то мы будемъ въ состояніи только заключить, что вопреки предположенію экономи-

[1]) Здѣсь Уокеръ ссылается на извѣстное (приведенное въ предыдущей главѣ) мѣсто изъ статьи Гаррисона въ Fortnightly Review. Walker, указ. соч., стр. 183—184.

[2]) Wages Question, стр. 184—187.

стовъ, относительно самыхъ бѣдныхъ людей будетъ наименѣе вѣроятнымъ, что они станутъ искать и найдутъ лучшее мѣсто въ обществѣ и промышленности. Ихъ бѣдность, ихъ невѣжество, ихъ суевѣрныя опасенія и, быть можетъ, болѣе всего ихъ апатія, проистекающая изъ угнетенія духа, привязываютъ ихъ къ ихъ мѣсту и ихъ судьбѣ...“ [1]).

По вопросу о перемѣнѣ занятія Уокеръ подробно разсматриваетъ мнѣніе Кэрнса, что въ различныхъ промышленныхъ группахъ обмѣнъ рабочихъ происходитъ совершенно свободно. Между прочимъ онъ отвергаетъ и ту мысль Кэрнса, что перераспредѣленіе труда между различными отраслями промышленности происходитъ путемъ подготовки молодого поколѣнія къ новымъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ. „Пока вы не обезпечите, говоритъ онъ, подвижности взрослыхъ рабочихъ, вы не найдете ея въ подрастающемъ поколѣніи.,. Среди невѣжественнаго и деградированнаго населенія $^{4}/_{5}$, а можетъ быть и $^{9}/_{10}$ всѣхъ дѣтей благодаря тому, что можно назвать моральной необходимостью, слѣдуютъ занятіямъ ихъ родителей или тѣхъ, съ кѣмъ ихъ соединила судьба. Крупное исключеніе составляютъ только дѣти земледѣльческихъ рабочихъ, живущихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ цвѣтущихъ фабрикъ [2]).

Къ препятствіямъ передвиженію рабочихъ изъ менѣе выгодныхъ предпріятій въ болѣе выгодныя, по мнѣнію Уокера, присоединяются еще слѣдующія неблагопріятныя для нихъ обстоятельства: 1) многочисленность рабочихъ сравнительно съ предпринимателями; 2) обычная бѣдность рабочихъ; 3) законы, ограничивающіе передвиженіе рабочихъ или свободу договора; 4) недостатки денежнаго обращенія; 5) тяжесть налоговъ; 6) дурные законы о бѣдныхъ, и 7) неблагопріятныя для рабочихъ формы заработной платы (truck system, уплата хозяину ренты за пользованіе орудіями производства). Какъ видно, рабочій во многихъ отношеніяхъ поставленъ въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ предпринима-

[1]) Тамъ же, стр. 187—188.
[2]) Тамъ же, стр. 203—204.

тель. Но было бы неправильно думать, указываетъ Уокеръ, что на сторонѣ предпринимателя оказываются одни преимущества. Выжиданіе конца затѣянной рабочими стачки часто бываетъ также тягостно для предпринимателя, какъ и для рабочаго. Къ прекращенію спора предпринимателя побуждаетъ потребность (иногда ощущаемая весьма остро) въ непрерывности производства (дѣловой міръ скоро забываетъ фирму, которая на время удаляется съ рынка) и въ постоянствѣ труда (смѣна рабочихъ вредно отзывается на ихъ дѣловыхъ качествахъ и вызываетъ лишнюю потерю времени и энергіи). Эти соображенія заставляютъ хозяевъ не только дорожить старыми рабочими, но даже платить имъ больше по мѣрѣ удлинненія ихъ службы и накопленія опытности. Немногіе хозяева, въ какой бы то ни было отрасли промышленности, могутъ считать внезапную перемѣну всѣхъ ихъ рабочихъ меньшимъ зломъ, чѣмъ дѣловая катастрофа, тогда какъ во многихъ отрасляхъ производства она повлекла бы за собою громадныя потери, если не разореніе. Частичныя перемѣны рабочихъ, дѣйствительно, могутъ быть произведены безъ пожертвованія капиталомъ; но не безъ замѣтнаго увеличенія труда и заботъ со стороны предпринимателей.

Но если на сторонѣ хозяевъ оказываются не одни преимущества, то и на сторонѣ рабочихъ—не одни неблагопріятныя обстоятельства. Есть много условій, дающихъ рабочимъ возможность не упустить „лучшаго рынка" и обезпечить себѣ долю въ продуктѣ соотвѣтственно повышенію производительности труда. Таковы:

1) воздержность. Рабочій, накопившій средства на черный день, не будетъ бояться неожиданныхъ невзгодъ, оставляющихъ его на время безъ работы или вынуждающихъ переѣхать въ другое мѣсто [1]).

[1]) Здѣсь естественно было бы вспомнить о взносахъ въ трэдъ-юніоны, гарантирующихъ рабочему „наилучшій рынокъ для его труда", но Уокеръ не видитъ большой пользы для рабочихъ отъ союзной организаціи, а потому и весь вопросъ о трэдъ-юніонахъ разсматриваетъ въ особой главѣ. Въ дѣлѣ отстаиванія заработной платы онъ придаетъ

2) индивидуальное развитіе и взаимное пониманіе среди рабочихъ. Чтобы выгодно воспользоваться благопріятными обстоятельствами (свобода передвиженія, хорошіе пути сообщенія и т. д.) необходимо отчетливое пониманіе собствен-

больше значенія стачкамъ, устраиваемымъ независимо отъ объединенія въ постоянные союзы. Такія стачки онъ признаетъ полезными иногда даже для самихъ предпринимателей, противъ которыхъ онѣ направлены, такъ какъ полученное рабочими повышеніе заработной платы можетъ быть употребляемо и на болѣе удобныя жилища, лучшую пищу, одежду и т. п., что должно благопріятно отразиться на производительности ихъ труда, или подниметъ ихъ чувство собственнаго достоинства, что также не можетъ не повліять на успѣшность ихъ работы, или наконецъ, можетъ дать имъ возможность посылать дѣтей въ учебныя заведенія, и подготовить изъ нихъ въ недалекомъ будущемъ лучшихъ работниковъ, чѣмъ они сами. Обычный аргументъ противъ стачекъ, что онѣ часто кончаются неудачей рабочихъ, и потому приносятъ только напрасныя потери, Уокеръ устраняетъ справедливымъ соображеніемъ, что даже неудачная стачка измѣняетъ многое къ лучшему въ положеніи рабочихъ. „Такой аргументъ, говоритъ онъ, очень похожъ на соображеніе, выдвигавшееся прежде реакціонными писателями .. въ доказательство неудачи французской революціи. Революція (говорили они) слѣдовала за революціей, одна конституція смѣняла другую, назначались проскрипціи, совершались конфискаціи и убійства, нація понесла громадную потерю крови и богатства, и въ концѣ-концовъ возвратился король, который не принялъ конституціи, а даровалъ хартію. Не странно ли, замѣчаетъ Уокеръ, что находились люди, которые вѣрили такимъ аргументамъ и не видѣли разницы въ положеніи Франціи при Людовикѣ XVIII и до революціи? Стачки, продолжаетъ Уокеръ, суть возстанія труда. Подобно возстаніямъ въ политическомъ организмѣ онѣ являются часто разрушительными дѣятелями. Въ нихъ нѣтъ творческой или исцѣляющей силы. Однако, подобно тому какъ политическое возстаніе можетъ разрушить политическія учрежденія, пережившія свое назначеніе и сдѣлавшіяся безсмысленными и вредными, и такимъ путемъ очистить путь для послѣдующей работы гармоническаго построенія,—такъ и стачка можетъ разорвать кору обычая, образовавшагося относительно вознагражденія извѣстнаго разряда рабочихъ, или разрушить соглашеніе хозяевъ противъ повышенія платы въ томъ случаѣ, когда изолированныя усилія отдѣльныхъ членовъ рабочаго класса, дѣйствующихъ безъ достаточнаго знанія положенія дѣлъ и подъ страхомъ личной проскрипціи,—оказываются безсильными для достиженія такихъ цѣлей". Иначе смотритъ Уокеръ на постоянныя организаціи рабочихъ. Такъ какъ стачки являются по его мнѣнію возстаніями, то на трэдъ-юніоны, имѣющія въ виду

наго интереса. А для этого требуется умѣнье получать правильныя свѣдѣнія и отвергать ложныя [1]).

3) половое самоограниченіе. Значеніе этого условія Уокеръ видитъ не въ сокращеніи общаго предложенія труда, какъ Мальтусъ и его послѣдователи, а въ облегченіи молодымъ рабочимъ доступа къ лучшимъ занятіямъ [2]).

борьбу съ предпринимателями путемъ стачекъ можно смотрѣть какъ на организаціи, подготовляющія возстанія. Но если можно иногда считать возстаніе полезнымъ (разрушеніе отжившаго порядка), то отсюда не слѣдуетъ, чтобы была полезна постоянная организація, подготовляющая возстаніе. Самыми успѣшными возстаніями обыкновенно бывали такія, которыя не были подготовлены сознательно, а возникали внезапно, благодаря накопившемуся взрыву негодованія противъ угнетенія. При невѣжественности большинства рабочихъ и при слабомъ развитіи у нихъ способности къ правильной корпоративной жизни, по мнѣнію Уокера, возникаетъ серьезная опасность, что трэдъ-юніоны будутъ предъявлять къ предпринимателямъ неразумныя требованія, подчиняясь незначительному большинству членовъ или даже „склонности служащихъ и завѣдующихъ дѣлами союза вмѣшиваться въ чужія дѣла и наглости ихъ". При соединеніяхъ для одной спеціальной и временной цѣли рабочіе тщательнѣе взвѣшивали бы всѣ данныя. Walker, указ. соч., стр. 383 и слѣд. Какъ видно, Уокеру совершенно не былъ извѣстенъ достаточно уже установленный и въ то время фактъ, что именно эти организованные рабочіе гораздо внимательнѣе относятся къ стачкамъ, чѣмъ изолированные рабочіе—изъ опасенія растраты фонда, накапливаемато долгими годами сбереженій.

[1]) Walker, указ. соч., стр. 351—352.

[2]) „Въ мальтузіанствѣ единственнымъ соображеніемъ является среднее количество дѣтей на семью; для него не имѣетъ значенія, имѣетъ ли каждая семья по четверо дѣтей, или одна семья ни одного ребенка, а другая восемь: на предложеніе труда будетъ оказано одинаковое вліяніе. Съ другой стороны, хотя мальтузіанство и не смотритъ съ полнымъ безразличіемъ на возрастъ заключенія браковъ и дѣторожденія, для него это имѣетъ значеніе только, поскольку вліяетъ на періодъ удвоенія населенія. Я же указываю здѣсь на желательность полового самоограниченія ради. . вліянія, какое оно должно оказывать на подвижность рабочаго. Желательно, чтобы въ молодости, когда работникъ еще приспособляется къ дѣлу, которымъ будетъ заниматься всю послѣдующую жизнь,- ето способность къ передвиженію была максимальная. Конечно, въ рѣдко населенныхъ новыхъ странахъ, напр., въ колоніяхъ, гдѣ можно сразу найти хорошее занятіе, это не важно, тѣмъ болѣе, что подросшія дѣти будутъ очень полезны. Но въ странѣ съ густымъ населеніемъ ранніе браки могутъ оказаться очень вредными въ данномъ отношеніи". Walker, стр. 435—355.

4) законодательная регламентація, которую однако Уокеръ считаетъ полезной только „въ исключительныхъ случаяхъ". „Для совершенной конкуренціи въ наемномъ трудѣ, говоритъ Уокеръ, требуется, чтобы хозяинъ и рабочій оба понимали и преслѣдовали свой истинный и постоянный интересъ. Но это требованіе никогда не осуществляется съ полнотой. Предприниматель всегда въ большей или меньшей степени находится подъ ненадлежащимъ господствомъ непосредственныхъ цѣлей. Торопливое стремленіе къ богатству, часто приносящее убытки; жадность, которая всегда неразумна; скупость, которая лишаетъ дѣлового успѣха многихъ людей, имѣющихъ въ другомъ отношеніи подходящія качества, такъ какъ она дѣлаетъ ихъ неспособными къ широкому взгляду на промышленныя отношенія; соперничество, взаимная зависть между фабрикантами, нарушающая правильный тонъ дѣла и уводящая производство съ его лучшаго пути—эти страсти и слабости предпринимателей, обостряемыя временами подъ вліяніемъ насущныхъ финансовыхъ нуждъ, должны въ большей или меньшей степени раздѣлять ихъ кажущіеся настоящіе отъ постоянныхъ будущихъ интересовъ. Такимъ образомъ и становится возможнымъ, что предприниматель будетъ стараться понижать заработную плату, удлиннять часы труда, ускорять движеніе машинъ, приставлять дѣтей нѣжнаго возраста къ тяжелому и продолжительному труду, урѣзывать удобства производства и пренебрегать вентиляціей и санитарными условіями его мастерской или фабрики ради стремленія увеличить мѣсячную или годичную прибыль, хотя такіе пріемы, съ точки зрѣнія отдаленнаго будущаго, оказываются вредными не только для его рабочихъ, но и для него самого. Совершенная конкуренція сдѣлала бы предпринимателя хранителемъ интересовъ рабочаго. А что дѣлаетъ изъ предпринимателя несовершенная конкуренція, неограниченная закономъ или дѣятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, можно видѣть изъ оффиціальныхъ отчетовъ Великобританіи, въ которыхъ описывается положеніе ея рудниковъ, заводовъ и фабрикъ до ихъ регулиро-

ванія закономъ [1]). Фабричный рабочій оказывается безпомощнымъ передъ строемъ фабричной работы, который установленъ не имъ и который неумолимо заставляетъ его подчиняться наравнѣ съ другими товарищами, убивая въ немъ всякую индивидуальность и стремленіе къ независимости. Такая безпомощность всего больше у женщинъ и дѣтей, по отношенію къ которымъ поэтому отвѣтственность государства становится болѣе непосредственной и настоятельной[2]).

5) Симпатія и уваженіе къ труду въ обществѣ.

Противъ такого мнѣнія особенно протестовала ортодоксальная политическая экономія, ссылаясь на „неумолимость закона спроса и предложенія". Уокеръ думаетъ, однако, что отношеніе общества къ рабочему много значитъ въ его поискахъ „лучшаго рынка труда". Возьмемъ отрицательный примѣръ: Допустимъ, что забитый и несчастный ходжъ, получающій 12 шилл. въ недѣлю, послушавъ пропаганды Джозэфа Арча, почувствовалъ ясно недостатки своего положенія и рѣшилъ его улучшить. Но будетъ ли онъ въ дѣйствительности искать и найдетъ ли онъ свой лучшій рынокъ? Посмотримъ, какъ ему будутъ помогать въ его стремленіи, какъ будутъ поощрять его слабый, невѣжественный, сомнѣвающійся умъ землевладѣлецъ, епископъ и судья.

Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ Spectator'ѣ (4 авг. 1872): „Рабочій былъ, такъ сказать, бичеванъ морально въ теченіе шести мѣсяцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ друга, кромѣ прессы, которую онъ не можетъ ни читать, ни понимать. Герцогъ лишилъ его участка (allotment); епископъ посовѣтовалъ, чтобы его наставникъ убрался; сквайръ угрожалъ ему расчетомъ на зимнее время; магистратъ оштрафовалъ его за прогулъ, что справедливо, и порицалъ его за слушаніе лекцій, что является тиранническимъ поступкомъ; мэръ запретилъ ему посѣщать митинги на лугу, а адвокатъ сказалъ ему, что всякій, кто совѣтуетъ ему или поможетъ эмигрировать, есть безнадежный негодяй". При такихъ условіяхъ,

[1]) Walker. указ. соч., стр. 357—358.

[2]) Тамъ-же, стр. 359.

спрашиваетъ Уокеръ, развѣ у ходжа хватитъ силъ добиваться намѣченной цѣли, и развѣ не замретъ въ его груди слабый огонекъ, зароненный туда ораторомъ?" [1]).

Итакъ, согласно теоріи, развиваемой Уокеромъ въ „Wages Question", производительность труда оказывала бы полное вліяніе на заработную плату только при предположеніи совершенно свободной конкуренціи; при современномъ же промышленномъ строѣ дѣйствіе этой причины проявляется съ цѣлымъ рядомъ ограниченій, создаваемыхъ препятствіями „свободному доступу къ наилучшему рынку", существующими на сторонѣ рабочихъ. Эту же доктрину Уокеръ повторяетъ и въ своемъ курсѣ политической экономіи (первое изданіе 1887 г.), значительно дополняя ея первую часть (изслѣдованіе высоты заработной платы при предположеніи совершенно свободной конкуренціи). Вводя теорію заработной платы въ общую рамку системы политической экономіи, Уокеръ помѣщаетъ ее послѣ ученія о рентѣ, процентѣ и предпринимательской прибыли. Это—не случайный порядокъ. Уокеръ выбираетъ его потому, что съ его точки зрѣнія рабочій является „послѣднимъ претендентомъ" на долю въ общественномъ продуктѣ (the labourer—the residual claimant to the product of industry) [2]). „Заработная плата равна продукту промышленности минусъ три другія доли (рента, процентъ и предпринимательская прибыль)" [3]). Иначе говоря, всѣ три формы дохода, кромѣ заработной платы, опредѣляются совершенно независимо отъ нея, по спеціально дѣйствующимъ причинамъ. При этомъ рента и предпринимательская прибыль, по мнѣнію Уокера, не входятъ въ цѣну продукта, а процентъ входитъ. Почему рента не входитъ въ цѣну продукта, не требуетъ объясненій (здѣсь Уокеръ слѣдуетъ ученію Рикардо). Предпринимательская же прибыль, по мнѣнію Уокера, имѣетъ такой же характеръ, какъ и рента. „Подобно тому, какъ существуютъ

---

[1]) Walker, указ. соч., стр. 365—369.

[2]) Fr Walker, Political Economy, 3-d ed. London 1896, стр. 250.

[3]) Тамъ-же, стр. 248.

земли, не дающія ренты, точно такъ же существуетъ и разрядъ предпринимателей, которые извлекаютъ изъ руководимаго ими дѣла только скудныя средства существованія, цѣною большихъ хлопотъ и быть можетъ даже позора, такъ какъ многіе изъ нихъ живутъ на счетъ своихъ кредиторовъ. Ихъ мы называемъ предпринимателями безъ прибыли (no-profit employers). Начиная съ этого пункта, когда прибыль, если и есть, то настолько незначительна и зарабатывается съ такимъ трудомъ, что для научныхъ цѣлей ея можно не принимать въ расчетъ, и идя впередъ многими ступенями, мы находимъ предпринимателей, которые получаютъ умѣренную прибыль, солидную прибыль, большую прибыль, монументальную прибыль, доставляющую въ теченіе жизни колоссальное состояніе, соотвѣтственно той степени, въ какой они вносятъ въ организацію и веденіе промышленныхъ предпріятій смѣлость, благоразуміе, предусмотрительность, воздержность и власть надъ людьми... Прибыль (предполагая полную свободу конкуренціи) состоитъ вполнѣ изъ богатства, созданнаго самими индивидуальными предпринимателями, образующаго излишекъ сверхъ того богатства, какое было бы произведено, въ подобныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, той же самой силой капитала и той же самой силой труда подъ руководствомъ менѣе производительныхъ предпринимателей" [1]).

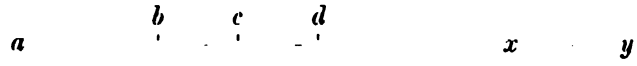
Что касается процента, то онъ входитъ въ цѣну продуктовъ, но опредѣляется все-таки самостоятельно дѣйствующими причинами. Вознагражденіе за пользованіе капиталомъ „должно быть достаточно высоко для того, чтобы побуждать тѣхъ, кто произвелъ богатство, сберегать его и хранить, вмѣсто того чтобы немедленно употребить его на удовлетвореніе личныхъ аппетитовъ или вкусовъ. Это можетъ требовать при одномъ состояніи общества годичной нормы въ 8%, въ другомъ—5%, въ третьемъ—3%" [2]).

Такъ опредѣляются первыя доли въ раздѣлѣ общественнаго продукта. Рабочій же оказывается „послѣднимъ претен-

[1]) Fr. Walker, Political Economy. 3-d ed. London 1896, стр. 250.
[2]) Political Economy, стр. 249.

дентомъ". Смыслъ этого выраженія, по указанію Уокера, заключается въ томъ, „что заработная плата увеличивается, благодаря всякой причинѣ, какова бы она ни была, которая увеличиваетъ продуктъ, не давая ни одному изъ остальныхъ трехъ участниковъ въ производствѣ притязанія на увеличенное вознагражденіе при дѣйствіи указанныхъ выше принциповъ; въ томъ смыслѣ, что даже если бы какой-нибудь изъ остальныхъ участниковъ производства, или всѣ они были такъ связаны съ увеличеніемъ продукта, что имѣли бы право на увеличенную долю въ его распредѣленіи, то ихъ доли все же оставались бы подчиненными дѣйствію положительныхъ причинъ, тогда какъ заработная плата получаетъ всю выгоду, остающуюся послѣ удовлетворенія остальныхъ претендентовъ" [1]).

Уокеръ иллюстрируетъ это положеніе слѣдующимъ примѣромъ. Допустимъ, что линія



изображаетъ количество продукта въ данномъ обществѣ. Доли ея изображаютъ части продукта: ab—ренту, bc—процентъ, dx—заработную плату и cd—прибыль предпринимателей. Если улучшеніе промышленныхъ качествъ рабочаго класса (бо́льшая ловкость, наблюдательность, бережное отношеніе къ матеріаламъ и орудіямъ и т. д.) увеличило бы продуктъ, скажемъ, на 10%, то на приведенномъ чертежѣ такая прибавка была бы отмѣчена точечной линіей xy.

Кому же должна достаться эта прибавка?

„Я отвѣчаю, говоритъ Уокеръ, что... она достанется рабочему классу въ видѣ увеличенія заработной платы".

Въ самомъ дѣлѣ, рента не можетъ подняться, потому что происшедшее улучшеніе въ качествахъ труда не требуетъ увеличенія сырыхъ матеріаловъ (наоборотъ, оно возникло именно благодаря болѣе экономному пользованію матеріалами, количество которыхъ осталось прежнимъ), а слѣдовательно

[1]) Political Economy, стр. 253.

и большаго спроса на земли, т. е. обращенія къ худшимъ почвамъ. Такимъ образомъ линія ab останется безъ измѣненія. Процентъ также не увеличится, потому что улучшеніе въ качествѣ труда предполагаетъ болѣе экономное обращеніе съ предметами, служащими капиталомъ (о части которыхъ уже сказано при разсмотрѣніи вопроса о рентѣ), слѣдовательно, спросъ на капиталъ не поднимется, и вознагражденіе за него не увеличится. Остается предпринимательская прибыль. Но вѣдь улучшеніе трудовыхъ качествъ рабочихъ не требуетъ увеличенія числа предпринимателей, а слѣдовательно не можетъ увеличить и ихъ прибыль. Наоборотъ, улучшеніе труда должно вести къ подъему дѣловыхъ способностей предпринимательскаго класса, вытѣсняя менѣе компетентныхъ и поднимая низшій предѣлъ производства въ данномъ отношеніи и уменьшая, такимъ образомъ, общую сумму, реализуемую въ качествѣ прибыли. Такимъ образомъ линіи ab, bc, cd останутся безъ измѣненія и значитъ вся прибавочная линія xy присоединится къ линіи dx, изображающей заработную плату. Такой же результатъ, по мнѣнію Уокера, наступитъ, если повышенная производительность труда скажется не въ увеличеніи количества продуктовъ, а въ улучшеніи ихъ качества, т. е. въ повышеніи цѣнности ихъ [1]).

Ученіе Уокера было несомнѣнно крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи теоріи заработной платы. Указаніе на источникъ возможнаго повышенія платы въ производительности труда успѣшно заканчивало старую контроверзу, поднятую теоріей фонда. Доктрина, защищаемая Уокеромъ, какъ бы обвѣяна атмосферой американской промышленной дѣятельности, болѣе подвижной и эластичной, болѣе свободной отъ давленій старыхъ традицій, чѣмъ европейская. Вводя читателя въ сложную сѣть современныхъ промышленныхъ отношеній, Уокеръ не перестаетъ напоминать ему столь часто забываемое положеніе, что какъ бы ни измѣнялась и ни совершенствовалась технически хозяйственная дѣятельность,

[1]) Political Economy, 253—258.

главнымъ факторомъ все же остается въ ней живой человѣкъ. Усложненіе и усовершенствованіе промышленности означаетъ и усовершенствованіе типа трудящагося человѣка и—какъ необходимое условіе этого—повышеніе его матеріальнаго благосостоянія. Увеличеніе производительности труда даетъ возможность постепеннаго подъема заработка и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ лучшей гарантіей дальнѣйшаго промышленнаго прогресса. Но прекрасно намѣтивъ эту сторону проблемы, Уокеръ далъ гораздо болѣе слабую характеристику другой ея стороны, не менѣе важной,—условій, въ силу которыхъ повышеніе заработной платы, сдѣлавшееся (благодаря измѣненію въ производительности труда) возможнымъ, наступаетъ или не наступаетъ въ дѣйствительности. Уокеръ слишкомъ легко раздѣлывается съ этимъ вопросомъ, опираясь на гипотезу „совершенной конкуренціи", при свѣтѣ которой такъ просто объясняется возможность для современнаго рабочаго стать „послѣднимъ", т. е. наиболѣе счастливымъ претендентомъ при раздѣлѣ національнаго продукта. Правда, Уокеръ не чуждъ сознанія, что пользованіе выгодами техническаго прогресса дается современнымъ рабочимъ не даромъ. Въ особенности въ „Wages Question" онъ выдвигаетъ важность „конфликта между предпринимателемъ и рабочимъ", настойчиво указывая на роль умственнаго развитія рабочаго, его чувства собственнаго достоинства, уваженія къ трудящимся классамъ со стороны общественнаго мнѣнія и т. п. какъ факторовъ, усиливающихъ стратегическую позицію рабочаго въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Всѣ эти указанія обнаруживаютъ въ Уокерѣ вдумчиваго и проницательнаго наблюдателя, умѣющаго подмѣчать и правильно оцѣнивать совершающіяся на его глазахъ перемѣны въ общественной жизни. Въ его ученіи слышится уже признаніе нарождающихся новыхъ экономическихъ отношеній, сущность которыхъ была впослѣдствіи такъ мѣтко охарактеризована названіемъ „промышленной демократіи". И при всемъ томъ, характеризуя причины, опредѣляющія доли различныхъ общественныхъ классовъ при раздѣлѣ національнаго продукта, Уокеръ не сумѣлъ отрѣшиться отъ старыхъ

традицій справедливо осуждаемой имъ „апріорной школы". Высказываясь со всей горячностью противъ обычныхъ посылокъ этой школы въ вопросѣ объ источникѣ повышенія заработной платы, Уокеръ неожиданно принимаетъ ихъ, переходя къ изслѣдованію процесса раздѣла полученнаго продукта. Ставя въ основу такого изслѣдованія гипотезу „совершенной конкуренціи", Уокеръ широко распахиваетъ двери старымъ, имъ же самимъ осмѣяннымъ заблужденіямъ. Дѣло здѣсь, конечно, не въ указанной гипотезѣ самой по себѣ. Какъ одинъ изъ пріемовъ, упрощающихъ и облегчающихъ первые шаги предпринятаго изслѣдованія, гипотеза „совершенной конкуренціи" представляется вполнѣ допустимой. Но съ ея помощью невозможно дать исчерпывающаго разрѣшенія вопроса, такъ какъ, будучи очевидно односторонней, она нуждается въ дополненіи рядомъ дальнѣйшихъ допущеній, все болѣе и болѣе приближающихъ объектъ изслѣдованія къ его дѣйствительнымъ очертаніямъ. Необходимости такого постепеннаго усложненія работы не сознавали экономисты индивидуалистической школы первой половины XIX ст.; не сознаетъ ея и Уокеръ. Разсматривая вліяніе различныхъ факторовъ, не укладывающихся въ гипотезу „совершенной конкуренціи", Уокеръ считаетъ его несущественнымъ, не измѣняющимъ основной сущности главнаго вывода. Выше было указано, что въ „Wages Question" Уокеръ подробно останавливается на выясненіи нѣкоторыхъ условій, ограничивающихъ въ дѣйствительной жизни чистое проявленіе принципа „совершенной конкуренціи". Но онъ оказывается не въ силахъ дать имъ правильную оцѣнку. Смущаясь тѣмъ, что эти обстоятельства лежатъ за предѣлами намѣченной имъ главной линіи изслѣдованія, онъ не можетъ найти ихъ надлежащее мѣсто. Наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ затрудненія представляется ему разсматривать ихъ именно какъ препятствія „совершенной конкуренціи", тогда какъ въ дѣйствительности они имѣютъ часто самостоятельное и болѣе глубокое значеніе. Съ другой стороны, и условія, благопріятныя для повышенія заработной платы, Уокеръ разсматриваетъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, видя

въ нихъ только обстоятельства. благопріятствующія совершенной конкуренціи, тогда какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ не только не благопріятствуютъ, а прямо исключаютъ свободную конкуренцію. Поэтому построеніе Уокера, столь яркое при характеристикѣ источника повышенія заработной платы, чрезвычайно блѣднѣетъ и удаляется отъ дѣйствительности, какъ только онъ переходитъ къ изученію силъ, опредѣляющихъ раздѣлъ продукта. Результатъ этого раздѣла наступаетъ у него автоматически, внѣ той сложной игры интересовъ и силъ, которая въ дѣйствительности присуща „конфликту между предпринимателями и рабочими". Отсюда—самой слабой стороной въ ученіи Уокера является его характеристика роли рабочихъ союзовъ и законодательнаго вмѣшательства въ промышленныя отношенія. Въ оцѣнкѣ значенія рабочихъ союзовъ и стачекъ его разсужденія имѣютъ архаическій оттѣнокъ, опираясь цѣликомъ на старыя идеи объ единоличномъ заключеніи сдѣлки о заработной платѣ. Быть можетъ, въ этой части ученія Уокера сказалось отраженіе хозяйственныхъ условій американской жизни, съ ея сравнительно болѣе слабыми формами коллективнаго договора, чѣмъ въ Англіи. Далекій отъ сознанія того факта, который становился уже довольно яснымъ и въ то время собственно англійскимъ экономистамъ,—что на извѣстной стадіи хозяйственнаго развитія отношенія между промышленными группами начинаютъ все болѣе и болѣе проникаться коллективнымъ характеромъ, Уокеръ видитъ въ трэдъюніонахъ только организаціи, „подготовляющія возстанія", а въ этихъ возстаніяхъ, т. е. въ стачкахъ—единственную форму коллективной дѣятельности рабочихъ въ ихъ отношеніяхъ къ предпринимателямъ. Громадная мирная дѣятельность, развиваемая рабочими союзами, остается не только не оцѣненной, но даже не затронутой разсужденіями Уокера, какъ будто бы такіе способы регулированія рабочаго договора, какъ напр. установленіе расцѣнокъ поштучной платы и т. п. не заслуживаютъ никакого теоретическаго интереса. Такое отношеніе къ вопросу, странное въ особенности у столь проницательнаго наблюдателя, какъ Уокеръ, объясняется его ис-

ходной точкой зрѣнія. Если принять за основаніе для изслѣдованія гипотезу „совершенной конкуренціи", то выводъ о маловажности вліянія рабочихъ союзовъ напрашивается самъ собою. Даже болѣе: съ точки зрѣнія „совершенной конкуренціи" между индивидуальными рабочими, очевидно, трэдъ-юніоны приходится разсматривать чаще какъ условіе, препятствующее, а не содѣйствующее такой конкуренціи, и слѣдовательно только нарушающее нормальное развитіе отношеніймежду хозяевами и рабочими. Тяготѣніе въ вопросѣ объ условіяхъ, опредѣляющихъ раздѣлъ продукта между общественными классами, къ посылкамъ старой индивидуалистической школы помѣшало Уокеру выяснить истинное значеніе и вмѣшательства общественной власти въ промышленныя отношенія. Усматривая извѣстныя основанія за такое вмѣшательство въ нѣкоторыхъ случаяхъ (фабричное законодательство, санитарныя мѣропріятія, заботы о народномъ образованіи), Уокеръ относится къ нему, однако, съ большимъ недовѣріемъ. Какъ ни противорѣчитъ такое отношеніе новѣйшимъ требованіямъ экономическаго развитія, которыя въ общемъ довольно живо сознавались Уокеромъ,—оно находитъ себѣ достаточное объясненіе въ отмѣченномъ главномъ направленіи его изслѣдованія. Если исходить изъ соображенія объ идеальномъ (хотя бы и гипотетически) состояніи промышленнаго строя, гарантируемомъ „совершенной конкуренціей", то въ мѣрахъ общественной власти, хотя бы и самыхъ благодѣтельныхъ по существу, легко усмотрѣть нарушеніе священнаго принципа экономической свободы. Во всякомъ случаѣ при такой постановкѣ задачи изученія мысль изслѣдователя невольно должна направляться скорѣе въ сторону ограниченія общественнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, чѣмъ розыскиванія новыхъ положительныхъ функцій общественной власти, полезныхъ для правильнаго и прогрессивнаго развитія промышленной дѣятельности. Ни расширеніе самостоятельной хозяйственной дѣятельности государственныхъ и муниципальныхъ учрежденій, ни вопросы раціональной политики по отношенію къ уже существующимъ предпріятіямъ такого рода, ни проблемы государственнаго третейскаго суда

въ спорахъ между хозяевами и рабочими не привлекаютъ къ себѣ вниманія Уокера, сосредоточеннаго исключительно на излюбленномъ принципѣ промышленной свободы.

Выводъ Уокера, что „совершенная конкуренція" гарантируетъ рабочему весь выигрышъ, получаемый отъ повышенія производительности его труда, очевидно, грѣшитъ чрезвычайнымъ оптимизмомъ. Если сторонники теоріи обнищанія, исходя изъ того же принципа, полагали, что этотъ выигрышъ цѣликомъ отбирается предпринимателями, то они, какъ мы имѣли случай указывать выше, также ошибались, но все же были ближе къ истинѣ. Предоставленные только своимъ индивидуальнымъ силамъ и не поддержанные общественной властью, могли-ли бы рабочіе разсчитывать не только на повышеніе ихъ дохода, но даже на сохраненіе его на уровнѣ сколько-нибудь сноснаго существованія? Мы видѣли, что промышленная исторія рядомъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ отвѣчаетъ на это отрицательно, указывая на крайнюю степень бѣдствій, испытываемыхъ рабочими классами, если дѣйствительное положеніе ихъ приближается къ типу принимаемаго Уокеромъ гипотетическаго состоянія. Съ другой стороны, ученіе Уокера совершенно не даетъ мѣста какому-либо увеличенію заработной платы, помимо повышенія производительности труда. Между тѣмъ въ жизни каждой страны, развивающейся въ промышленномъ и культурномъ отношеніи, легко найти немало примѣровъ, указывающихъ на то, что чрезмѣрная прибыль, получаемая предпринимателями на счетъ эксплуатаціи рабочихъ, сломленныхъ и забитыхъ тяжелыми условіями стараго режима, съ извѣстнаго момента начинаетъ падать, благодаря повышенію заработной платы, вынужденному усиліями рабочихъ, освобожденныхъ отъ тяготѣвшаго надъ ними ранѣе гнета. Вообще разница въ заработной платѣ между различными группами рабочихъ какъ въ историческомъ движеніи промышленности, такъ и въ статическомъ ея состояніи съ точки зрѣнія Уокера часто совсѣмъ не поддается объясненію. Напр. разница въ оплатѣ труда женщинъ и мужчинъ только отчасти объясняется различіемъ въ производительности труда

водствѣ, сообразно принципу справедливости. Въ современномъ обществѣ, гдѣ матеріальные факторы производства (земля и капиталъ) находятся въ исключительномъ обладаніи тѣхъ или иныхъ лицъ, распредѣленіе общественнаго продукта принимаетъ съ внѣшней стороны форму раздѣла между факторами. Но по существу и здѣсь распредѣленіе совершается между лицами, представляющими эти факторы,— съ той только разницей противъ нормальнаго строя хозяйственныхъ отношеній, что принципомъ раздѣла служитъ не принципъ справедливости, а просто сравнительная сила борющихся сторонъ. Каждый получитъ въ концѣ концовъ изъ продукта столько, сколько онъ будетъ въ состояніи взять, т. е. на сколько у него хватаетъ силъ по сравненію съ другими участниками. Въ этой борьбѣ каждый является одинаковымъ претендентомъ, и положеніе рабочаго, какъ хорошо извѣстно всякому безпристрастному наблюдателю, далеко не изъ лучшихъ [1]).

Итакъ теорія производительности и въ формулировкѣ Уокера была еще очень далека отъ полнаго и правильнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса. Но благодаря обстоятельности изслѣдованія связи повышенія заработной платы съ производительностью труда она открывала, при всѣхъ ея недочетахъ, широкій путь для дальнѣйшей научной работы

[1]) ... „Мы не должны переносить въ распредѣленіе идеи, имѣющія силу для производства. Простой фактъ, что какой-нибудь факторъ употребляется въ процессахъ производства, не даетъ никакого основанія, почему бы ему должна была быть назначена извѣстная доля въ продуктѣ, какъ достаточно показываетъ вопросъ о свободныхъ дарахъ природы... Простое физическое участіе въ данномъ результатѣ не имѣетъ никакого значенія. Въ распредѣленіи продукта никакая доля не будетъ назначена, если данный факторъ не является, такъ сказать, способнымъ заявить притязаніе и подкрѣпить его такъ или иначе. Притязаніе можетъ быть поддержано угрозой; и способность выполнить такую угрозу является единственнымъ мѣриломъ доли, какую другіе претенденты допустятъ перейти въ обладаніе перваго"... Davidson, The Bargain Theory of Wages, стр. 123—124. Ниже мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу, характеризуя ученія Визера и Кларка, вновь выдвинувшія вопросъ о соотвѣтствіи между доходомъ каждаго фактора и его участіемъ въ созданіи продукта.

въ данномъ направленіи. Къ сожалѣнію, ни современники, ни преемники Уокера не попытались исправить и продолжить его работу, грѣша еще въ бо̀льшей степени наклонностью къ оптимистическимъ выводамъ относительно положенія рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ и вообще къ слишкомъ поспѣшнымъ заключеніямъ изъ принятаго основного принципа. Наиболѣе выдающимися изъ сторонниковъ теоріи производительности (въ ея первой версіи) послѣ Уокера являются Шёнгофъ, Леруа Болье и Шульце-Геверницъ, но ихъ труды во многомъ повторяютъ прежнія ошибки, не удѣляя надлежащаго мѣста вопросу о характерѣ тѣхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ повышеніе производительности труда отражается на заработкѣ трудящагося человѣка.

Шенгофъ, въ своей весьма популярной книгѣ объ „экономіи высокой заработной платы", имѣющей скорѣе характеръ памфлета, чѣмъ научнаго изслѣдованія, и посвященной главнымъ образомъ выясненію первой версіи теоріи производительности, затрогиваетъ и вопросъ о причинахъ высоты вознагражденія за трудъ. Впрочемъ, занятый по преимуществу пропагандой основного тезиса—вліянія высокой заработной платы на производительность труда, Шенгофъ относится къ изслѣдованію причинъ заработной платы крайне поверхностно, съ односторонностью и страстностью публициста, желающаго во что бы то ни стало доказать принятую доктрину. Проблема заработной платы выступаетъ у Шенгофа въ чрезвычайно упрощенномъ видѣ. Изъ прежней экономической литературы онъ беретъ только теорію Рикардо и „школъ, принимающихъ ее", противополагая ей теорію производительности, причемъ въ его аргументаціи преобладающее мѣсто занимаютъ безаппелляціонныя ссылки на предпринимательскій опытъ [1]).

[1]) „Факты приводятъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ выводамъ Рикардо... Каждый, имѣющій опытъ въ промышленныхъ дѣлахъ, знаетъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій, что плата рабочаго увеличивается въ пропорціи, въ какой возрастаетъ его трудоспособность (his productive capacity)... Каждый предприниматель, нани-

Въ качествѣ же основного довода по существу поставленнаго вопроса Шенгофъ выдвигаетъ соображеніе, что при внезапномъ спросѣ на трудъ рабочіе не могутъ быть „оторваны отъ старыхъ домовъ и ассоціацій". Пришлые (заграничные) рабочіе сначала работаютъ хуже, чѣмъ и объясняется ихъ сравнительно низкая плата. Обыкновенно они принимаются вначалѣ за болѣе простыя и грубыя работы, чѣмъ американцы. Думать, что при возникновеніи спроса сразу же появятся искусные и опытные рабочіе для данной промышленности, могутъ только „составители учебниковъ", предполагаемыя которыми условія промышленности настолько же

маюшій рабочихъ, знаетъ и охотно согласится, что цѣнность работника находится въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ выполняемой работы" и т. д. Эта точка зрѣнія промышленнаго дѣятеля проникаетъ и всю дальнѣйшую аргументацію автора. Возраженіе, что заработная плата можетъ быть понижена конкуренціей худшихъ и новыхъ рабочихъ, взятыхъ изъ „резервной арміи", Шенгофъ устраняетъ также ссылкой на предпринимательскій опытъ. „Только во время очень большого спроса на трудъ и крайней рѣдкости его будутъ нанимать простыхъ рабочихъ на такія фабрики, гдѣ требуются искусные рабочіе. Первый вопросъ, который всегда предложитъ предприниматель, будетъ—что вы можете дѣлать? На сколько вы искусны? каковъ вашъ заработокъ? Никогда онъ не спроситъ: какъ дешево можете вы работать?... Норма заработной платы не можетъ быть серьезно затронута и приливомъ новыхъ рабочихъ, потому что новые рабочіе рѣдко являются людьми, привычными къ данному занятію. Ни въ какой промышленности никогда не бываетъ замѣтнаго количества желаемаго труда въ текучемъ состояніи, которымъ можно было бы воспользоваться для дѣйствительной конкуренціи съ обученными рабочими, занятыми въ данной промышленности (holding the field). Никакой разумный предприниматель не найметъ новыхъ рабочихъ на мѣсто такихъ, которые привыкли къ своей работѣ и тренированы въ ней"... Проф. Или, указывавшему на пониженіе заработной платы предложеніемъ труда, исходящимъ отъ „резервной арміи", Шенгофъ отвѣчаетъ: „Я могу увѣрить профессора, что за двадцать пять лѣтъ моего промышленнаго опыта я никогда не могъ найти желательныхъ кандидатовъ среди „резервной арміи", какое бы дѣло ни требовало отъ меня увеличенія моего запаса рабочихъ. Я знаю, что опытъ другихъ фабрикантовъ имѣетъ совершенно такой же характеръ" J. Schoenhof, The Economy of High Wages. An inquiry into the cause of high wages and their effect on methods and cost of production. New Iork. 1893, стр. 20 и 27—29.

удалены отъ живой дѣйствительности, какъ кабинетъ такого изслѣдователя отъ мастерской работника.

Шенгофъ не пытается разграничить, въ какой мѣрѣ вліяніе производительности труда на заработную плату обязано разумному расчету предпринимателя, въ какой—требованіямъ рабочихъ; его главная задача—доказать, что производительность труда имѣетъ вліяніе, а какъ проявляется это вліяніе, черезъ посредство какихъ силъ, онъ не считаетъ нужнымъ выяснять спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Поэтому въ отдѣлѣ, носящемъ заглавіе: „что служитъ причиной высокой заработной платы" (What causes high wages), онъ безразлично отмѣчаетъ всякаго рода условія, лишь бы они доказывали тезисъ о вліяніи производительности.

„Представляется счастливымъ знаменіемъ времени, говоритъ онъ, что мы наконецъ начинаемъ признавать..., что дешевый трудъ никоимъ образомъ не означаетъ дешеваго производства, что наоборотъ низкія издержки производства и высокая заработная плата идутъ рука объ руку... Главный принципъ (объясняющій это явленіе) можетъ быть формулированъ въ немногихъ словахъ. Соединенные Штаты, съ ихъ громадными рессурсами, свободными законами и обширной территоріей, даютъ такое поприще для употребленія труда, какимъ не владѣетъ никакая другая страна, за исключеніемъ, быть можетъ, австралійскихъ колоній. Большое пространство незанятой земли даетъ возможность удовлетворенія одного изъ главныхъ стремленій человѣка быть владѣльцемъ хозяйства (a homestead) на своей собственной землѣ. Около широко распространенной собственности на землю располагаются и всѣ другія занятія. Этимъ обезпечивается высокая норма заработной платы и высокій уровень жизни. Пока земля способна поглощать, во время промышленной депрессіи и кризисовъ въ фабричныхъ отрасляхъ промышленности, избыточный трудъ городовъ, болѣе низкая норма платы, однажды достигнутая, не можетъ удержаться постоянно. Трудъ при всѣхъ обстоятельствахъ, вмѣсто того чтобы, какъ утверждали прежніе экономисты, всегда быть готовымъ покориться угнетающему давленію капитала, пользу-

Въ качествѣ же основного довода по существу поставленнаго вопроса Шенгофъ выдвигаетъ соображеніе, что при внезапномъ спросѣ на трудъ рабочіе не могутъ быть „оторваны отъ старыхъ домовъ и ассоціацій". Пришлые (заграничные) рабочіе сначала работаютъ хуже, чѣмъ и объясняется ихъ сравнительно низкая плата. Обыкновенно они принимаются вначалѣ за болѣе простыя и грубыя работы, чѣмъ американцы. Думать, что при возникновеніи спроса сразу же появятся искусные и опытные рабочіе для данной промышленности, могутъ только „составители учебниковъ", предполагаемыя которыми условія промышленности настолько же

мающій рабочихъ, знаетъ и охотно согласится, что цѣнность работника находится въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ выполняемой работы" и т. д. Эта точка зрѣнія промышленнаго дѣятеля проникаетъ и всю дальнѣйшую аргументацію автора. Возраженіе, что заработная плата можетъ быть понижена конкуренціей худшихъ и новыхъ рабочихъ, взятыхъ изъ „резервной арміи", Шенгофъ устраняетъ также ссылкой на предпринимательскій опытъ. „Только во время очень большого спроса на трудъ и крайней рѣдкости его будутъ нанимать простыхъ рабочихъ на такія фабрики, гдѣ требуются искусные рабочіе. Первый вопросъ, который всегда предложитъ предприниматель, будетъ—что вы можете дѣлать? На сколько вы искусны? каковъ вашъ заработокъ? Никогда онъ не спроситъ: какъ дешево можете вы работать?... Норма заработной платы не можетъ быть серьезно затронута и приливомъ новыхъ рабочихъ, потому что новые рабочіе рѣдко являются людьми, привычными къ данному занятію. Ни въ какой промышленности никогда не бываетъ замѣтнаго количества желаемаго труда въ текучемъ состояніи, которымъ можно было бы воспользоваться для дѣйствительной конкуренціи съ обученными рабочими, занятыми въ данной промышленности (holding the field). Никакой разумный предприниматель не найметъ новыхъ рабочихъ на мѣсто такихъ, которые привыкли къ своей работѣ и тренированы въ ней"... Проф. Или, указывавшему на пониженіе заработной платы предложеніемъ труда, исходящимъ отъ „резервной арміи", Шенгофъ отвѣчаетъ: „Я могу увѣрить профессора, что за двадцать пять лѣтъ моего промышленнаго опыта я никогда не могъ найти желательныхъ кандидатовъ среди „резервной арміи", какое бы дѣло ни требовало отъ меня увеличенія моего запаса рабочихъ. Я знаю, что опытъ другихъ фабрикантовъ имѣетъ совершенно такой же характеръ" J. Schoenhof, The Economy of High Wages. An inquiry into the cause of high wages and their effect on methods and cost of production. New Iork. 1893, стр. 20 и 27—29.

ною только послѣднюю. „Заработная плата, говоритъ онъ, имѣетъ тенденцію устанавливаться на извѣстномъ уровнѣ соотвѣтственно производительности труда, т. е. цѣнности продуктовъ данной „рабочей силы" въ данное время. Какъ прекрасно говоритъ Рошеръ, спросъ на трудъ зависитъ отъ его полезности (Gebrauchwerth) и платежной способности его покупщика (Zählungsfähigkeit). Соединеніе обоихъ элементовъ—полезности труда и платежной способности (предпринимателя) образуетъ максимальный предѣлъ цѣны труда точно такъ же, какъ стоимость существованія работника составляетъ минимальный предѣлъ ея, по крайнней мѣрѣ въ теченіе продолжительнаго періода. А полезность труда, его потребительная цѣнность, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше предметовъ хорошаго качества онъ доставляетъ въ одно и то же время. Отсюда происходитъ, что лучшее распредѣленіе труда, техническій прогрессъ, машины—имѣютъ тенденцію повысить размѣры заработной платы если не немедленно, то въ конечномъ счетѣ, и если не нѣкоторыхъ спеціальныхъ рабочихъ, которымъ и раньше платили очень обильно, то по крайней мѣрѣ большой массы рабочихъ, и еще въ большей степени реальную, чѣмъ денежную заработную плату... Всѣ эти усовершенствованія увеличиваютъ дѣлимую массу и платежную способность публики" [1]). Послѣ этого Леруа-Больё подробно говоритъ о вредѣ стремленія рабочихъ ограничить трудъ, напр. путемъ болѣе медленнаго выполненія предлагаемыхъ работъ. Этимъ они сокращаютъ въ дѣйствительности спросъ на трудъ, уменьшая платежную способность предпринимателя. Вѣдь чѣмъ выше будетъ производительность труда, тѣмъ обильнѣе долженъ быть и источникъ, изъ котораго они получаютъ свою заработную плату. „Не претендуя устанавливать формулу, которая прилагалась бы математически ко всѣмъ случаямъ, мы можемъ..., заключаетъ Леруа-Больё, выставить положеніе, противоположное формулѣ Тюрго: Во всякомъ родѣ труда заработная

[1]) Leroy-Beaulieu, Traité thèorique et pratique d'économie politique, II, Paris 1896, стр. 272.

ющагося надлежащимъ образомъ своею силой,—при свободныхъ законахъ и свободѣ ассоціаціи удерживаетъ и съ незначительными колебаніями всегда возстановляетъ свое прежнее положеніе и прежнюю норму заработной платы, если они были утрачены [1]).

Шенгофъ отмѣчаетъ здѣсь условія, усиливающія позицію рабочихъ въ борьбѣ изъ-за заработной платы; но онъ не задумывается дальше надъ этимъ вопросомъ и въ этомъ же отдѣлѣ переходитъ къ указанію того, какъ предприниматели совмѣщаютъ въ своихъ предпріятіяхъ дорогихъ рабочихъ съ уменьшеніемъ издержекъ выработки продукта [2]).

Еще болѣе поверхностна защита теоріи производительности у Леруа-Больё, несмотря на то, что въ противоположность Шенгофу французскій экономистъ ставитъ своей задачей не практическую пропаганду, а выясненіе теоретической стороны вопроса. Онъ принимаетъ теорію производительности въ ея наиболѣе упрощенной формулировкѣ, устраняя изъ соображеній о причинахъ высоты заработной платы многія изъ тѣхъ условій, о которыхъ Шенгофъ считалъ необходимымъ упомянуть. Леруа-Больё считаетъ теорію производительности исчерпывающимъ объясненіемъ вопроса. Изъ трехъ извѣстныхъ ему „системъ" объясненія причинъ, вліяющихъ на высоту заработной платы,—теоріи издержекъ производства рабочей силы, теоріи фонда заработной платы и теоріи производительности, Леруа-Больё объявляетъ истин-

[1]) Schoenhof, указ. соч., стр. 31—32.

[2]) „По истинѣ законъ тяготѣнія не болѣе абсолютенъ, чѣмъ то, что тамъ, гдѣ, какъ въ Америкѣ, плата за рабочій день высока, первой цѣлью предпринимателя является экономія въ пользованіи трудомъ. Въ результатѣ оказывается, что ни въ одной странѣ организація труда на фабрикахъ не совершенна настолько, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь изобрѣтенія и улучшенія въ трудовыхъ процессахъ встрѣчаются съ величайшей готовностью... Усовершенствованіе, введенное въ какомъ-либо направленіи однимъ фабрикантомъ, быстро воспринимается его конкурентами. Результатомъ оказывается сбереженіе труда и удешевленіе производства, которое является законнымъ порожденіемъ высокой стоимости рабочаго дня въ Соединенныхъ Штатахъ". Schoenhof, стр. 33—34.

ною только послѣднюю. „Заработная плата, говоритъ онъ, имѣетъ тенденцію устанавливаться на извѣстномъ уровнѣ соотвѣтственно производительности труда, т. е. цѣнности продуктовъ данной „рабочей силы" въ данное время. Какъ прекрасно говоритъ Рошеръ, спросъ на трудъ зависитъ отъ его полезности (Gebrauchwerth) и платежной способности его покупщика (Zählungsfähigkeit). Соединеніе обоихъ элементовъ—полезности труда и платежной способности (предпринимателя) образуетъ максимальный предѣлъ цѣны труда точно такъ же, какъ стоимость существованія работника составляетъ минимальный предѣлъ ея, по крайнней мѣрѣ въ теченіе продолжительнаго періода. А полезность труда, его потребительная цѣнность, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше предметовъ хорошаго качества онъ доставляетъ въ одно и то же время. Отсюда происходитъ, что лучшее распредѣленіе труда, техническій прогрессъ, машины—имѣютъ тенденцію повысить размѣры заработной платы если не немедленно, то въ конечномъ счетѣ, и если не нѣкоторыхъ спеціальныхъ рабочихъ, которымъ и раньше платили очень обильно, то по крайней мѣрѣ большой массы рабочихъ, и еще въ большей степени реальную, чѣмъ денежную заработную плату... Всѣ эти усовершенствованія увеличиваютъ дѣлимую массу и платежную способность публики" [1]). Послѣ этого Леруа-Больё подробно говоритъ о вредѣ стремленія рабочихъ ограничить трудъ, напр. путемъ болѣе медленнаго выполненія предлагаемыхъ работъ. Этимъ они сокращаютъ въ дѣйствительности спросъ на трудъ, уменьшая платежную способность предпринимателя. Вѣдь чѣмъ выше будетъ производительность труда, тѣмъ обильнѣе долженъ быть и источникъ, изъ котораго они получаютъ свою заработную плату. „Не претендуя устанавливать формулу, которая прилагалась бы математически ко всѣмъ случаямъ, мы можемъ..., заключаетъ Леруа-Больё, выставить положеніе, противоположное формулѣ Тюрго: Во всякомъ родѣ труда заработная

[1]) Leroy-Beaulieu, Traité théorique et pratique d'économie politique, II, Paris 1896, стр. 272.

плата имѣетъ тенденцію регулироваться производительностью труда работника; подъ этимъ словомъ „производительность“ слѣдуетъ понимать количество полезностей (jouissances), которыя, согласно потребностямъ и вкусамъ общества, производитъ каждый родъ труда“ [1]).

Таковъ основной принципъ. Но существуютъ „нѣкоторыя причины, которыя имѣютъ тенденцію, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, уменьшать дѣйствіе этого закона, никогда не будучи въ состояніи заставить его исчезнуть“. Леруа-Больё разсматриваетъ только одну изъ такихъ причинъ— количество населенія, какъ наиболѣе важную, по его мнѣнію. „Когда возрастаніе населенія превышаетъ увеличеніе капитала и опережаетъ техническій прогрессъ, прогрессъ промышленности и земледѣлія, то реальная заработная плата должна понизиться. Такого случая въ теченіе настоящаго столѣтія не произошло. Когда возрастаніе населенія идетъ въ ногу съ техническимъ прогрессомъ и увеличеніемъ капиталовъ, реальная заработная плата остается неизмѣнной (stationnaire); когда, наконецъ, (что было общимъ правиломъ для человѣчества въ настоящемъ вѣкѣ и почти во всю его исторію), увеличеніе населенія происходитъ менѣе быстро, чѣмъ техническій прогрессъ индустріи и земледѣлія и накопленіе капиталовъ, то заработная плата должна подняться“. „Въ концѣ концовъ, замѣчаетъ Леруа-Больё, здѣсь все сводится къ производительности труда“. Не указывая никакихъ другихъ ограниченій защищаемаго имъ общаго принципа, Леруа-Больё прямо переходитъ къ „торжеству“ доктрины производительности, причемъ довольно подробно мотивируетъ свой пріоритетъ передъ Уокеромъ въ созданіи этой теоріи [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 276.

[2]) Это притязаніе Леруа-Больё представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что „заслуга открытія закона, что производительность труда составляетъ преобладающій элементъ при опредѣленіи заработной платы“, не принадлежитъ и Уокеру. Теорія производительности, какъ мы видѣли, развивалась постепенно въ теченіе весьма долгаго времени. Мы указывали слѣды ея у Ад. Смита и даже болѣе раннихъ писателей. Что же

Формулировка теоріи производительности у Леруа-Больё не только не подвигаетъ впередъ дѣла, начатаго Уокеромъ, но представляется даже значительно болѣе слабою. Леруа-Больё еще въ бо̀льшей степени игнорируетъ вопросъ о дѣйствительныхъ условіяхъ, благодаря которымъ рабочимъ удается воспользоваться повышеніемъ производительности ихъ труда, да и самый вопросъ объ источникѣ возможнаго повышенія заработной платы онъ излагаетъ черезъ-чуръ обще, догматически, безъ достаточно обстоятельнаго обоснованія и не безъ крупныхъ противорѣчій. Такъ, въ одномъ и томъ же трактатѣ и даже въ одномъ и томъ же томѣ Леруа-Больё не разъ дѣлаетъ отступленія отъ выдвигаемой имъ теоріи. Напр., говоря о заработной платѣ женщинъ, онъ указываетъ какъ факторъ, вліяющій на ея высоту, наряду съ производительностью труда — и меньшій уровень ихъ по-

касается обстоятельной и послѣдовательной формулировки этой теоріи, то ссылка Леруа-Больё на свои предыдущія произведенія, въ которыхъ будто бы ранѣе Уокера была дана опредѣленная теорія производительности, совершенно неубѣдительна. Въ „Le Travail des Femmes" главной причиной разницы между заработной платой мужчинъ и женщинъ Леруа-Больё считаетъ еще различія въ предложеніи и спросѣ на трудъ. Очъ подробно обосновываетъ здѣсь положеніе, что женщинъ, ищущихъ работы, больше, чѣмъ представляющихся имъ занятій; указаніе же на значеніе производительности труда для высоты заработной платы дано имъ въ видѣ частнаго замѣчанія (по поводу вопроса, можетъ ли заработная плата женщинъ понижать плату мужчинъ). См. P. Leroy-Beaulieu, Le Travail des femmes au XIX-e siécle. Paris 1873, стр. 132—133; 139—140 и др. Еще менѣе опредѣленна формулировка теоріи производительности въ „La Question Ouvrière". Даже въ „Essai sur la repartition des richesses" Леруа-Больё помѣщалъ еще вліяніе производительности труда на ряду съ двумя другими причинами—1) отношеніемъ матеріальныхъ капиталовъ страны къ ея населенію и 2) выгодами, которыя могутъ быть даваемы законами и нравами одной изъ договаривающихся сторонъ, т. е. или хозяевамъ, или рабочимъ. Въ курсѣ же политической экономіи, послѣ того какъ Леруа-Больё познакомился съ ученіемъ Уокера, онъ выдвигаетъ элементъ производительности труда какъ основной, не указывая никакихъ иныхъ равновеликихъ вліяній, кромѣ возрастанія населенія, вліяніе котораго, какъ мы видѣли, Леруа-Больё въ свою очередь ставитъ въ зависимость отъ основного принципа производительности труда.

требностей, и притомъ не какъ исключеніе, а какъ подтвержденіе общаго правила, что „заработная плата имѣетъ тенденцію опредѣляться соотвѣтственно производительности труда работника и размѣру его потребностей“ [1]); говоря о стачкахъ, признаетъ вліяніе и этого условія на повышеніе заработной платы, хотя въ общемъ относится къ стачкамъ уже съ меньшей терпимостью, чѣмъ въ „Essai sur la repartition des richesses“ [2]).

Наконецъ, попытку характеристики вліянія производительности труда на высоту заработной платы мы находимъ и въ трудахъ извѣстнаго ученика и послѣдователя Брентано — Шульце-Геверница [3]). Онъ затрогиваетъ этотъ вопросъ въ обѣихъ своихъ крупныхъ работахъ („Zum Socialen Frie-

---

[1]) „Заработная плата женщинъ остается почти всегда ниже платы мужчинъ какъ потому, что женскій трудъ оказывается вообще менѣе производительнымъ, такъ и потому, что женщины имѣютъ меньше потребностей, напр. въ отношеніи пищи и лучше умѣютъ обернуться и устроиться въ домашнемъ хозяйствѣ. Такъ какъ заработная плата имѣетъ тенденцію опредѣляться соотвѣтственно производительности труда работника и размѣру его потребностей, то естественно, что женскій трудъ оказывается въ общемъ менѣе вознаграждаемымъ, чѣмъ мужской“. Leroy-Beaulieu, Traité, II, стр. 341—342.

[2]) Законность стачекъ Леруа-Больё признаетъ и здѣсь, но въ большей мѣрѣ выставляетъ на видъ вредныя стороны ихъ. Онъ доказываетъ напр., что стачки благопріятствуютъ нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ на счетъ остальной рабочей массы (цѣны на продукты поднимаются, сокращая спросъ на нихъ, благодаря чему производство ихъ уменьшается, и рабочіе, не находя достаточнаго количества мѣстъ, вынуждаются выступать конкурентами рабочихъ другихъ занятій), и съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ фактъ, что частыя стачки усиливаютъ неустойчивость положенія рабочаго и его средствъ. О трэдъ-юніонахъ Леруа-Больё и здѣсь (такъ же какъ въ „Essai“) отзывается съ неодобреніемъ, указывая, что въ случаѣ успѣха ихъ дѣятельности Европѣ должна угрожать конкуренція азіатскихъ націй (ростъ промышленной культуры японцевъ). Leroy-Beaulieu. Traité, II, стр. 453—456 и 461—465.

[3]) Брентано, которому германская литература болѣе другихъ обязана распространеніемъ идеи о связи между производительностью труда и высотой заработной платы, останавливается почти исключительно на второй версіи теоріи производительности. См. ниже.

den" и „Grossbetrieb"), но въ большей степени во второй, посвященной главнымъ образомъ обоснованію положенія, что высокая заработная плата и короткій рабочій день не вредны для промышленности, такъ какъ создаютъ повышеніе производительности труда и слѣдовательно удешевленіе производства. Нельзя сказать, однако, чтобы и въ „Крупномъ производствѣ" Шульце-Геверницъ удѣлилъ вопросу о производительности труда, какъ причинѣ высоты заработной платы, столько вниманія, сколько онъ заслуживаетъ; его и здѣсь по преимуществу интересуетъ вторая версія теоріи производительности; тѣмъ не менѣе, въ этой работѣ мы находимъ у него замѣчанія, представляющія крупный теоретическій интересъ.

Въ „Zum socialen Frieden" Шульце-Геверницъ находится еще подъ подавляющимъ вліяніемъ Брентано; всѣ основныя мысли, развиваемыя имъ здѣсь по вопросу о причинахъ высоты заработной платы, представляются какъ бы отвѣтомъ на заданную программу. Онъ отмѣчаетъ въ особенности вліяніе рабочихъ союзовъ и фабричнаго законодательства, подробно останавливается на примирительныхъ камерахъ, и по каждому пункту повторяетъ положенія, выдвинутыя его учителемъ, сопровождая ихъ только фактическими поясненіями (часто, впрочемъ, заимствованными изъ того же источника). По вопросу о связи между высотой заработной платы и производительностью труда и онъ останавливается главнымъ образомъ на второй версіи теоріи производительности, подробно цитируя „Work and Wages" Брассея. Поэтому ученіе о вліяніи производительности труда на высоту заработной платы оказывается и въ „Zum socialen Frieden" недостаточно согласованнымъ съ оцѣнкой значенія рабочихъ союзовъ и фабричнаго законодательства. Вынужденный признать, подобно Брентано, что установленіе заработной платы при современныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими есть „вопросъ силы", что рабочіе стремятся поднять свою заработную плату на счетъ прибыли предпринимателя,—Щульце-Геверницъ ищетъ спасенія для своего основного тезиса о „соціальномъ мирѣ" въ указаніи

на ограниченную общность интересовъ" (eine beschränkte Interessengemeinschaft) хозяевъ и рабочихъ, коренящуюся въ разумномъ сознаніи необходимости каждой стороны для другой и поддерживаемую такими учрежденіями, какъ примирительныя камеры и промышленные третейскіе суды [1]). Впрочемъ отсутствіе самостоятельности въ вопросѣ о причинахъ заработной платы объяснялось у Шульце-Геверница не только давленіемъ авторитета его учителя, естественнымъ для

[1]) Противоположность ихъ (хозяевъ и рабочих.) интересовъ коренится въ природѣ современнаго способа производства.... Высокая заработная плата означаетъ—предполагая другіе факторы неизмѣнившимися—низкую прибыль. Эта противоположность, которой не могутъ прикрыть предпринимательскія учрежденія для блага рабочихъ, находитъ свое разрѣшеніе, какъ всякое противорѣчіе экономическихъ интересовъ, въ соотношеніи силъ (in einer Machtfrage)". Но, продолжаетъ Шульце-Геверницъ, цѣлью стремленій обѣихъ сторонъ является не уничтоженіе противника. Хозяева видятъ, что плату рабочихъ не слѣдуетъ низводить дальше такого минимума, при которомъ они могли бы поддерживать свою жизнь и продолжать свой родъ; рабочіе же—начинаютъ понимать, что и для предпринимателя долженъ быть обезпеченъ такой уровень прибыли, при которомъ способные предприниматели имѣли бы интересъ заниматься промышленной дѣятельностью. Таковы предѣлы для заработной платы, признаніе которыхъ хозяевами и рабочими и даетъ право говорить объ „ограниченной общности ихъ интересовъ". А что придется на заработную плату и что на прибыль между этими предѣлами,—рѣшаетъ вопросъ силы". Сознаніе этой ограниченной общности интересовъ прокладываетъ, по мнѣнію Шульце-Геверница, путь къ мирному разрѣшенію споровъ, подкрѣпленному, однако, также организаціей рабочихъ. Признавъ такимъ образомъ, что предѣломъ заработной платы со стороны хозяевъ является жизненный минимумъ, а не производительность труда работника, Шульце-Геверницъ прямо переходитъ къ вопросу о вліяніи высоты заработной платы на производительность труда, не замѣчая тѣсной связи между этими вопросами, а въ заключеніи параграфа заявляетъ даже, что если можно говорить объ общности интересовъ между развитіемъ крупной промышленности и трудомъ, то не между отдѣльными предпринимателями и рабочими, такъ какъ выгоды для предпринимателя отъ улучшенія положенія рабочихъ проявляются только постепенно. Въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими поэтому несмотря на сознаніе вліянія лучшихъ условій труда по прежнему рѣшающее значеніе остается за вопросомъ силы". G. v. Schulze-Gaevernitz, Zum socialen Frieden, II Bd, Leipzig 1890, стр. 254—258 и 278.

начинающаго ученаго, но, повидимому, въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что главной задачей автора „Zum socialen Frieden" было не разрѣшеніе теоретической проблемы распредѣленія, а соціально-политическаго вопроса о „соціальномъ мирѣ". Можно было надѣяться, что, пересматривая снова и болѣе тщательно вопросъ о причинахъ заработной платы, Шульце-Геверницъ отрѣшится отъ недочетовъ, вполнѣ понятныхъ въ „Zum Socialen Frieden". Однако, выходъ въ свѣтъ „Крупнаго производства" не оправдалъ этихъ надеждъ. Правда, изложенное здѣсь ученіе имѣетъ менѣе эклектическій характеръ; но упрощеніе поставленной проблемы не сдѣлало ея яснѣе, а только усилило тенденціозность разрѣшенія ея. И въ „Крупномъ производствѣ" та часть, которая касается вопроса о причинахъ заработной платы, носитъ черты предвзятости и слишкомъ торопливой и мѣстами поверхностной работы [1]).

Шульце-Геверницъ посвящаетъ здѣсь свое вниманіе по преимуществу вопросу о взаимоотношеніи частей общественнаго дохода, поднятому и значительно разработанному Рикардо, Родбертусомъ и Марксомъ, противъ которыхъ Шульце-Геверницъ, слѣдуя Брентано, и направляетъ свои полемиче-

[1]) Авторъ пытается здѣсь, между прочимъ, намѣтить историческую перспективу въ развитіи теоріи производительности. Но и въ этомъ отношеніи разсматривая работа оставляетъ желать многаго. Предложенный Шульце-Геверницемъ историческій очеркъ даетъ по преимуществу характеристику второй версіи теоріи производительности, а въ той части, которая касается взглядовъ новѣйшихъ экономистовъ, онъ составленъ крайне поверхностно. Особенно поражаетъ полное игнорированіе Уокера. Въ заключеніе обзора взглядовъ на значеніе высокой заработной платы Шульце-Геверницъ заявляетъ просто, что „самый сильный ударъ теоріи Рикардо нанесенъ Брентано" (сперва въ „Arbeitergilden", затѣмъ въ другихъ работахъ), забывая, что въ „Arbeitergilden" Брентано указывалъ только на значеніе рабочихъ союзовъ, а при характеристикѣ связи производительности труда съ высотой заработной платы (къ которой онъ обратился позже) имѣлъ въ виду почти исключительно вторую версію теоріи производительности. См. Г. Ф. Шульце-Геверницъ. Крупное производство. Пер. Красина, подъ ред. Струве Спб. 1897, стр. 2—23.

скія стрѣлы. Повидимому, Шульце-Геверницъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ отличаются другъ отъ друга проблемы заработной платы какъ доли общественнаго дохода и какъ вознагражденія отдѣльнаго рабочаго. Поэтому онъ и не задается цѣлью детально прослѣдить каждую изъ этихъ проблемъ въ отдѣльности и установить надлежащую связь между ними. Разсматривая главнымъ образомъ первую проблему, онъ по пути затрогиваетъ и вторую, возвращаясь при этомъ къ тѣмъ указаніямъ, которыя были даны ранѣе Брентано.

Впрочемъ, общій абрисъ ученія, излагаемаго Шульце-Геверницемъ въ „Крупномъ производствѣ", намѣченъ очень удачно. Принявъ за исходный пунктъ развитіе крупнаго производства, Шульце-Геверницъ разграничиваетъ условія распредѣленія въ эпоху, предшествующую распространенію крупнаго производства, первоначальный періодъ развитія крупнаго производства и время, когда крупное производство заняло господствующее положеніе въ промышленности. Въ первый періодъ, указываетъ Шульце-Геверницъ, когда распредѣленіе народнаго дохода регулировалось закономъ или по крайней мѣрѣ обычаемъ, продуктъ общественнаго труда, незначительный по сравненію съ нынѣшнимъ, распредѣлялся между рабочими и предпринимателями, обезпечивая обоимъ сносное существованіе, но не болѣе того, и землевладѣніемъ, которое получало весь излишекъ и занимало первое мѣсто въ соціальномъ отношеніи. Во второмъ періодѣ, благодаря утвержденію свободной конкуренціи, „въ области заработной платы, такъ какъ рабочій въ психологическомъ отношеніи всецѣло принадлежитъ старому времени, царитъ такъ называемый жизненный минимумъ. При улучшающихся конъюнктурахъ плата лишь незначительно можетъ подняться надъ минимумомъ, ибо увеличеніе числа браковъ и рожденій неизбѣжно создаетъ резервную армію, которая своимъ наплывомъ понижаетъ плату до прежняго уровня. При падающихъ конъюнктурахъ, заработная плата можетъ спускаться даже ниже этого минимума, причемъ разница восполняется общественнымъ призрѣніемъ, пороками, преступленіями и т. д. „На-

оборотъ, процентъ на капиталъ и предпринимательская прибыль очень высоки, первый—благодаря большому спросу на капиталы и рѣдкости ихъ, вторая—вслѣдствіе монопольнаго положенія индустріи по сравненію съ мелкими формами производства, поддерживающаго высокія цѣны на продукты. Такимъ обр. „новое развитіе, въ противоположность прежнему распредѣленію народнаго дохода, основанному на обычаѣ или законѣ, привело на первыхъ порахъ къ обостренію имущественныхъ противоположностей". Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, когда руководящимъ мотивомъ развитія становится удешевленіе издержекъ производства, въ силу необходимости вести борьбу на открытомъ міровомъ рынкѣ,—доля труда въ раздѣлѣ продукта постепенно увеличивается. Производительность труда растетъ усиленнымъ темпомъ, а между тѣмъ процентъ на капиталъ и предпринимательская прибыль не увеличиваются. Размѣры процента составляютъ постоянную величину, вслѣдствіе условій предложенія капиталовъ; но такой же постоянной величиной стремится стать и предпринимательская прибыль. Отчасти благодаря сильному развитію соперничества въ области примѣненія предпринимательскаго искусства, отчасти благодаря „давленію снизу", производимому „возвышающимся рабочимъ классомъ", предпринимательская прибыль низводится до того минимума, ниже котораго она не можетъ спуститься безъ ущерба для промышленности. „На первой ступени развитія крупной промышленности капиталистъ получаетъ остатокъ послѣ уплаты процентовъ на занятый капиталъ и заработной платы рабочимъ; теперь же трудъ получаетъ остатокъ послѣ уплаты процента и вознагражденія за управленіе дѣломъ (Administrationslohn) [1]).

[1]) Вотъ что говорилъ мнѣ, понимая такое положеніе вещей, вожакъ англійскихъ рабочихъ прядильщиковъ, поясняетъ Шульце-Геверницъ: надо всѣми силами стараться обезпечить за предпринимателемъ опредѣленную высоту прибыли, которая не могла бы быть урѣзана въ пользу заработной платы безъ вреда для рабочихъ. Высоко стоящій рабочій классъ долженъ стараться привлечь къ промышленности интеллигентныхъ людей и удерживать ихъ въ ней, для того чтобы этихъ интел-

Такимъ образомъ при развитіи крупнаго производства выигрываютъ, во-первыхъ, потребители, такъ какъ продукты становятся все дешевле, и во-вторыхъ, среди общественныхъ группъ, имѣющихъ отношеніе къ производству,—рабочіе. „Трудъ получаетъ все бо̀льшую и бо̀льшую долю общаго національнаго производства. Ему все болѣе и болѣе начинаетъ доставаться остатокъ, получающійся послѣ уплаты долей процента и прибыли. Соціальныя послѣдствія охарактеризованнаго процесса состоятъ въ уравненіи имущественныхъ противоположностей. Отнюдь не дѣлая богатыхъ богаче, а бѣдныхъ бѣднѣе, онъ приводитъ какъ разъ къ обратному, какъ это статистически доказано для Англіи" (здѣсь Шульце-Геверницъ ссылается на рефератъ Гиффена о ростѣ малыхъ доходовъ) [2]).

Какъ видно изъ изложеннаго, и Шульце-Геверницъ приходитъ къ выводу, поразительно сходному съ выводомъ Уокера. Трудъ и у него оказывается "послѣднимъ", т. е. наиболѣе могущественнымъ претендентомъ на долю въ національномъ продуктѣ. Но Шульце-Геверница приводитъ къ указанному выводу не „гипотеза совершенной конкуренціи" и не идея о рентномъ характерѣ предпринимательскаго дохода, а положеніе о конкуренціи среди предпринимателей и организаціи среди рабочихъ. Менѣе оригинальное, чѣмъ у Уокера, построеніе Шульце-Геверница кажется на первый взглядъ болѣе близкимъ къ дѣйствительной жизни. На самомъ же дѣлѣ оно удалено отъ нея не въ меньшей степени, потому что, указывая на существующія явленія, оно придаетъ имъ крайне преувеличенную оцѣнку, которая и создаетъ неправильность конечнаго вывода. Рабочій классъ „въ періодъ крупнаго производства" оказывается у Шульце-Геверница торжествующей силой, одерживающей легко побѣду надъ враждебными ему общественными элементами. Это, быть

лигентныхъ людей по возможности было больше у насъ, чѣмъ у нашихъ заграничныхъ конкурентовъ. Рабочій долженъ платить за то, что онъ имѣетъ самыхъ способныхъ предпринимателей". Шульце-Геверницъ, указ. соч., стр. 227—228.

[2]) Шульце-Геверницъ, указ. соч., стр. 218—229.

можетъ, и лестно для успѣховъ молодой промышленной демократіи, но фактически невѣрно. Снабдивъ рабочихъ въ своемъ изображеніи могучими средствами борьбы, Шульце-Геверницъ рисуетъ предпринимателей совершенно беззащитными существами, которыя окончательно не погибли только потому, что рабочіе благоразумно рѣшили привлекать къ промышленности интеллигентныя предпринимательскія силы. Для ученаго, близко знакомаго съ механизмомъ современныхъ промышленныхъ отношеній, такое наивное предположеніе представляется настолько неподходящимъ, что невольно заставляетъ предполагать крайній субъективизмъ, если не сознательное лицемѣріе. Отношенія между капиталомъ и трудомъ и во второй періодъ капитализма вовсе не окрашены въ такой розовый цвѣтъ, и картина благополучія нѣсколькихъ англійскихъ рабочихъ, нарисованная далѣе Шульце-Геверницемъ для иллюстраціи его основной мысли, если и вѣрна сама по себѣ, то далеко не характерна для общаго положенія англійскаго рабочаго класса въ новѣйшій періодъ развитія крупной промышленности. Едва ли необходимо особенно настаивать на чрезмѣрномъ оптимизмѣ автора „Крупнаго производства", радующагося притомъ не столько прославляемымъ имъ побѣдамъ рабочаго класса, сколько тому, что этими побѣдами обезпечивается сохраненіе капиталистическаго строя [1]).

Во всякомъ случаѣ теорія производительности труда въ формулировкѣ Шульце-Геверница, при всѣхъ ея недостаткахъ, вытекающихъ какъ изъ тенденціознаго отношенія къ вопросу, такъ и изъ недостаточной продуманности въ особенности объясненія причинъ высоты заработной платы отдѣльнаго рабочаго, — заслуживаетъ серьезнаго интереса. Среди писателей, выясняющихъ главнымъ образомъ вторую версію теоріи производительности, Шульце-Геверницъ вы-

---

[1]) Въ русской экономической литературѣ позиція, занятая въ соціальномъ вопросѣ Шульце-Геверницемъ, получила уже справедливую оцѣнку. См. напр. предисловіе редактора къ русскому переводу „Крупнаго производства", а также М. И. Туганъ-Барановскаго — „Очерки изъ исторіи политической экономіи", Спб. 1903, стр. 205.

дѣляется отчетливымъ сознаніемъ важности для теоріи политической экономіи первой ея версіи. Съ другой стороны, разграниченіе различныхъ историческихъ періодовъ въ данномъ вопросѣ и попытка сравненія взаимоотношенія долей общественнаго дохода въ различные періоды интересна какъ опытъ динамическаго изученія проблемы заработной платы въ ея наименѣе разработанномъ отдѣлѣ. И остается только пожалѣть, что и Шульце-Геверницу не удалось отрѣшиться отъ субъективнаго отношенія къ изучаемой проблемѣ и понять ее во всей ея сложности. Увлеченный заманчивой для горячаго сторонника капиталистическаго строя перспективой доказать наличность тенденціи къ „соціальному миру", Шульце-Геверницъ забываетъ, что однимъ техническимъ прогрессомъ, т. е. удешевленіемъ производства и взаимодѣйствіемъ между заработной платой и производительностью труда вопросъ далеко не исчерпывается. Поэтому, прекрасно намѣтивъ задачу, Шульце-Геверницъ оставляетъ ее неразрѣшенной и даже запутанной, стушевывая многія стороны ея и тѣмъ вводя въ заблужденіе даже тѣхъ, у кого нѣтъ никакого сомнѣнія относительно общаго духа міросозерцанія, представляемаго Шульце-Геверницемъ [1]).

---

[1]) Напр. М. И. Туганъ-Барановскій, справедливо указывая на 205 стр. „Очерковъ изъ исторіи политической экономіи", что „слабость Брентано и всей его школы (и въ томъ числѣ Шульце-Геверница) заключается въ чрезмѣрномъ экономическомъ и соціальномъ оптимизмѣ", въ то же время, нѣсколькими страницами выше (стр. 187) принимаетъ цѣликомъ теорію заработной платы, предложенную Шульце-Геверницемъ. „Желѣзный законъ заработной платы", говоритъ онъ здѣсь, долженъ быть замѣненъ теперь инымъ обобщеніемъ, гласящимъ, что „техническій прогрессъ, благодаря возрастанію производительности труда, приводитъ къ постоянному пониженію задѣльной платы, связанному съ возрастаніемъ недѣльнаго заработка рабочаго и съ сокращеніемъ рабочаго времени". Недоразумѣніе здѣсь заключается въ томъ, что М. И. Туганъ-Барановскій противопоставляетъ „желѣзному закону заработной платы" не непосредственно взглядъ Шульце-Геверница на взаимоотношеніе частей общественнаго дохода (съ чѣмъ онъ конечно не могъ бы согласиться), а характеристику второй версіи теоріи производительности, которая сама по себѣ вѣрна, но изъ которой Шульце-Геверницъ неправильно извлекаетъ слишкомъ широкіе выводы относительно распредѣленія общественнаго дохода.

До сихъ поръ, говоря о новѣйшихъ представителяхъ теоріи производительности, мы имѣли въ виду ея первую версію, т. е. ученіе о причинахъ заработной платы [1]). Намъ остается отмѣтить только нѣкоторые пункты изъ второй версіи, въ которой заработная плата сама разсматривается какъ причина производительности труда,—имѣющіе значеніе для болѣе отчетливаго выясненія постановки вопроса о связи производительности труда съ заработной платой въ новѣйшей экономической литературѣ. Эта версія, вѣроятно, болѣе извѣстна широкой публикѣ, чѣмъ первая, потому что значеніе лучшихъ условій жизни рабочаго для повышенія его трудоспособности съ давнихъ поръ служитъ предметомъ живой, не прекращающейся пропаганды [2]). Сторонники этой версіи придерживаются неодинаковыхъ воззрѣній на причины заработной платы; мнѣніе, что они и въ ученіи объ этихъ причинахъ выступаютъ представителями теоріи производительности, основано на недоразумѣніи, порожденномъ недостаточнымъ разграниченіемъ двухъ указанныхъ версій въ теоретической литературѣ (см. начало главы). Внимательное изученіе мнѣній авторовъ, развивающихъ эту версію, показываетъ, что ихъ взгляды на условія, опредѣляющія заработную пла-

---

[1]) Въ ряды сторонниковъ теоріи производительности (въ ея первой версіи) вступилъ недавно и Дитцель. Въ брошюрахъ „Kornzoll und Socialreform" (Berlin 1901) и „Das Produzenteninteresse der Arbeiter und die Handelsfreiheit" (Jena 1903), выпущенныхъ въ защиту принципа свободы хлѣбной торговли, онъ обстоятельно доказываетъ мысль, что движеніе заработной платы противоположно движенію земельной ренты (Conträrtheorie противъ старой Paralleltheorie, защищаемой протекціонистами) и прямо пропорціонально производительности труда. При этомъ онъ справедливо напоминаетъ о крупномъ теоретическомъ значеніи ученія Тюнена, столь мало оцѣненнаго (съ этой стороны) въ родной ему литературѣ. H. Dietzel. Kornzoll und Socialreform. Berlin 1901 ,стр. 42—46". Das Produzenteninteresse der Arbeiter und die Handelsfreiheit, Jena 1903, стр. 96—101.

[2]) Мысль, лежащая въ основѣ разсматриваемаго ученія,—именно, что лучшія условія жизни рабочаго повышаютъ производительность его труда, опредѣленно выдвигалась уже при сравненіяхъ успѣшности свободнаго и зависимаго труда. См. Roscher, System der Volkswirthschaft, Bd., Stuttgart 1883, стр. 78 и слѣд., II Bd., Stuttgart 1885, стр. 407—409,

ту, слагались независимо отъ изслѣдованія вліянія самой заработной платы на условія производства. Ихъ выводы, правда, служили весьма цѣннымъ матеріаломъ для сторонниковъ первой версіи; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они сами раздѣляли взгляды этихъ ученыхъ.

Но со второй версіей теоріи производительности связывается еще одно недоразумѣніе. Въ популярной и публицистической литературѣ широко распространена мысль, что всякое повышеніе заработной платы (или за ничтожными исключеніями) должно повышать и производительность труда. Между тѣмъ болѣе глубокое изученіе промышленныхъ условій показываетъ, что такого постояннаго соотвѣтствія между увеличеніемъ заработной платы и производительностью труда не существуетъ. Отсюда и надежды, что „разумный предприниматель" всегда имѣетъ достаточные мотивы къ повышенію заработной платы, оказываются сильно преувеличенными. Указанія на такое необходимое ограниченіе разсматриваемой версіи теоріи производительности можно найти у самихъ авторовъ, выводы которыхъ охотно цитируются крайними представителями этого взгляда. Обратимся, напр., къ Брассею. Обыкновенно изъ его „Work and wages" приводятъ примѣры, собранные въ третьей главѣ (что въ Канадѣ французы-канадцы получали 3 шил. 6 пенсовъ въ день, а англичане отъ 5 до 6 шил. и тѣмъ не менѣе англійскіе рабочіе были выгоднѣе; что въ Индіи при заработной платѣ въ $4^1/_2$ и 6 пенсовъ въ день стоимость желѣзнодорожныхъ работъ была такая же какъ въ Англіи; что при постройкѣ желѣзнодорожной линіи изъ Парижа въ Руанъ производительность труда англичанъ по сравненію съ французами равнялась отношенію 5: 3; что на одной французской каменоломнѣ, гдѣ работали вмѣстѣ французы, ирландцы и англичане, французы получали 3 франка въ день, ирландцы — 4, а англичане—6, и однако англичане оказывались самыми выгодными рабочими и т. д.) [1]). Однако Брассей-младшій, добро-

[1]) Всѣ эти данныя были собраны Брассеемъ отцомъ во время его грандіозныхъ предпріятій по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. „Это

совѣстно приводящій всѣ эти свѣдѣнія, не закрываетъ глазъ и на случаи, когда увеличеніе заработной платы не имѣло своимъ послѣдствіемъ повышенія производительности труда. Этимъ и объясняется, почему въ ученіи о причинахъ заработной платы онъ является сторонникомъ не теоріи производительности, а спроса и предложенія. Передъ третьей главой Брассей подробно отстаиваетъ принципъ, что заработная плата опредѣляется спросомъ и предложеніемъ труда. Въ подтвержденіе этого принципа онъ также между прочимъ ссылается и на данныя, собранныя его отцомъ. Такъ, при постройкѣ Grand Trunk Railway въ Канадѣ Брассей выписалъ много рабочихъ изъ Англіи за плату, на 40% большую той, какую они получали въ Англіи. Стоимость постройки оказалась поэтому дороже англійской (на 30%). Такіе же случаи наблюдались при постройкѣ дорогъ въ Новомъ Уэльсѣ и въ Испаніи. Брассей отмѣчаетъ и обратные случаи—паденія заработной платы вслѣдствіе измѣненій въ спросѣ и предложеніи. Такъ, плата, вздувшаяся во время желѣзнодорожной маніи въ 1846 году, вскорѣ настолько упала, что издержки постройки Cheshire Junction Line убавились не менѣе какъ на 15% [1]).

По словамъ Брассея-младшаго, благодаря повышенію заработной платы, работы въ большихъ городахъ и въ особенности около Лондона представляются теперь уже не такими выгодными для предпринимателя, какъ прежде, „Въ то

былъ, говоритъ Уокеръ, быть можетъ, величайшій изъ „полководцевъ промышленности", какого когда-либо зналъ міръ. Онъ строилъ между 1834 и 1870 гг. желѣзныя дороги въ Англіи, Франціи, Саксоніи, Австріи, Венгріи, Молдавіи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Канадѣ, Австраліи, Аргентинѣ, Сиріи, Персіи и Индіи. Въ его карьерѣ, по словамъ его біографа, были періоды, въ теченіе которыхъ онъ и его компаньоны давали занятіе 80 тысячамъ чел. въ предпріятіяхъ, требовавшихъ для ихъ завершенія семнадцати милліоновъ фунтовъ капитала". Общая длина желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ при участіи Брассея-отца, превышаетъ 6,500 англ. миль. Walker, The Wages Question, стр. 45.

[1]) Thomas Brassey. On Work and Wages. 4-е изд. London 1875, стр. 35—38. См. тамъ также выдержки изъ дѣловыхъ замѣтокъ Брассея-отца, стр. 39—40.

время какъ цѣны за желѣзнодорожную работу теперь почти тѣ же, какія были въ періодъ постройки Лондонско-Бирмингамской линіи, стоимость труда въ общемъ стала нѣсколько дороже чѣмъ прежде, и сберегающія трудъ приспособленія не вполнѣ покрыли возрастанія заработной платы". При этомъ онъ ссылается и на аналогичныя заявленія нѣкоторыхъ весьма видныхъ предпринимателей въ строительномъ дѣлѣ [1]). Въ другомъ сочиненіи (Lectures on the Labour Question") Брассей также подтверждаетъ эту мысль. Такъ напр., по свѣдѣніямъ, доставленнымъ ему одной выдающейся кораблестроительной фирмой, въ началѣ 70-хъ г.г. уменьшеніе часовъ труда съ 59—60 до 54 въ недѣлю и вызванное этимъ (и достигнутое по требованію рабочихъ) повышеніе заработной платы отъ $7^1/_2$ до 15% повело къ повышенію издержекъ производства на 20—25%. Вообще же стоимость постройки пароходовъ и машинъ для военныхъ судовъ перваго разряда, вслѣдствіе повышенія заработной платы и вздорожанія матеріаловъ, поднялась на 30—40%. То же самое сообщаетъ и одна крупная кораблестроительная фирма на Кляйдѣ [2]). Въ машиностроительномъ дѣлѣ въ одномъ крупномъ предпріятіи повышеніе платы рабочимъ и вздорожаніе матеріаловъ также повели къ повышенію издержекъ производства; „это показываетъ, замѣчаетъ Брассей, что самое обширное приложеніе капитала, самыя совершенныя машины и искусная администрація не могли компенсировать большого подъема нормы заработной платы". Брассей приводитъ также подробныя свѣдѣнія относительно одного крупнаго машиностроительнаго предпріятія, въ которомъ онъ самъ состоитъ участникомъ. По этимъ даннымъ оказывается, что повышеніе платы рабочимъ за послѣдніе годы привело къ вздорожанію производства локомотивовъ, изготовляемыхъ въ этомъ предпріятіи. „Обыкновенный локомотивъ для пассажирскаго поѣзда въ 1871 году могъ быть построенъ за 2,200 фунтовъ,

---

[1]) Brassey, Work and Wages, стр. 197—198.

[2]) Th. Brassey. Lectures on the Labour Question. London 1878 стр. 54—56.

а въ 1872 г. онъ стоилъ уже 2,600 фунтовъ.., Машина для морского парохода, которую въ 1871 году можно было выстроить за 40 фунтовъ на одну лошадиную силу, въ 1872 г. стоила 46 фунтовъ. Въ настоящемъ году цѣна поднялась отъ 55 до 60 фунтовъ на лошадиную силу" [1]). Поэтому и здѣсь Брассей, становясь на теоретическую точку зрѣнія, начинаетъ развивать теорію спроса и предложенія. „Позвольте мнѣ напомнить вамъ, говоритъ онъ, элементарную истину политической экономіи, что когда капиталъ находится въ сравнительномъ изобиліи, а трудъ сравнительно скуденъ, то заработная плата имѣетъ тенденцію подняться. Уменьшите предложеніе капитала—и вознагражденіе за трудъ неизбѣжно должно будетъ понизиться" и т. д. [2]). По поводу заявленій нѣкоторыхъ экономистовъ, что рабочіе вановаты въ упадкѣ англійской промышленности, такъ какъ они предъявляютъ предпринимателямъ чрезмѣрныя требованія, Брассей замѣчаетъ, что это справедливо лишь отчасти, и что извѣстную долю вины слѣдуетъ отнести и на счетъ предпринимателей. Но и въ этомъ разъясненіи онъ цѣликомъ становится на точку зрѣнія теоріи спроса и предложенія. „Если мы будемъ исторически изслѣдовать новѣйшее рабочее движеніе, то увидимъ, что вздуваніе промышленности (the inflation of trade) предшествовало вздуванію заработной платы. Спросъ на рабочемъ рынкѣ становился поэтому все болѣе и болѣе настоятельнымъ, и когда въ силу естественнаго дѣйствія спроса и предложенія рабочій становился господиномъ положенія, онъ во многихъ случаяхъ принималъ диктаторскій тонъ и давалъ меньше работы какъ по количеству, такъ и по качеству за повышенную заработную плату... Капиталистъ, однако, долженъ нести и свою долю отвѣтственности" [3]).

Итакъ Брассея никакъ нельзя считать ни сторонникомъ первой версіи теоріи производительности, ни предста-

---

[1]) Brassey, Lectures on the Labour Question, стр. 57 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 236.

[3]) Тамъ же, стр. 237. Это и предыдущее мѣсто взяты изъ рѣчи Брассея на конгрессѣ трэдъ-юніоновъ (въ Лейстерѣ, въ октябрѣ 1877 г.)

вителемъ воззрѣнія, что всякое повышеніе заработной платы должно приводить за собою и повышеніе производительности труда. Всюду, гдѣ можетъ существовать сомнѣніе на счетъ соотвѣтствія измѣненій въ заработной платѣ измѣненіямъ производительности труда, онъ его тщательно констатируетъ, не увлекаясь сохраненіемъ стройности общаго теоретическаго вывода.

Равнымъ образомъ и Лотіанъ Белль, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ англійской крупной (желѣзодѣлательной) промышленности, также отмѣчающій значеніе производительности труда при установленіи заработной платы, не проходитъ молчаніемъ и такихъ случаевъ, гдѣ повышеніе платы не сопровождается повышеніемъ производительности, и гдѣ, слѣдовательно, издержки производства увеличиваются. Въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ онъ, когда промышленность впервые вводится въ земледѣльческой странѣ, плата въ ней регулируется общими условіями оплаты труда и чрезвычайно разнится отъ платы, существующей въ передовыхъ странахъ. Напр., въ Испаніи авторъ осматривалъ доменныя печи и нашелъ, что заработная плата всѣхъ разрядовъ рабочихъ была тамъ гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи. „Частью благодаря менѣе совершенному устройству сравнительно съ заводами, выстроенными въ послѣднее время въ Великобританіи, частью несомнѣнно благодаря низшему уровню жизни (рабочихъ), въ разсмотрѣнныхъ заведеніяхъ было занято почти въ полтора раза больше рабочихъ на почти въ половину меньшее количество вырабатываемаго продукта по сравненію съ лучшими печами Кливлэнда. Средній заработокъ рабочихъ, взятыхъ вмѣстѣ, составлялъ менѣе 2 шил. въ день, т. е. менѣе чѣмъ половину размѣра, уплачиваемаго въ Англіи. Но несмотря на это по причинамъ, уже указаннымъ, стоимость труда на тонну желѣза была приблизительно такая же, какъ и стоимость въ англійскихъ округахъ, съ которыми мы проводили сравненіе“ [1]). Говоря о томъ, что

[1]) J. Lowtian Bell. Principles of the manufacture of iron and steel, with some notes on the economic conditions of their production. London 1884, стр. 476.

англійскіе рабочіе питаются лучше континентальныхъ. Лотіанъ Белль замѣчаетъ: „Это можетъ быть до извѣстной степени выгодно (there may be some economy in this), потому что никто не знаетъ лучше тяжело работающаго работника при нашихъ доменныхъ печахъ и на прокатныхъ заводахъ, что его занятіе требуетъ обильнаго питанія; безъ такого питанія онъ не могъ бы выдерживать столь тяжелаго напряженія его физическихъ силъ" [1]).

Уже изъ приведенныхъ мѣстъ обнаруживается, что Лотіанъ Белль, признавая значеніе повышенной заработной платы для увеличенія производительности труда, отмѣчаетъ рядомъ съ нею и вліяніе улучшенія техническихъ пріемовъ. Иногда онъ отводитъ послѣднему фактору сравнительно большую роль, какъ можно, напр., видѣть изъ его характеристики работы при англійскихъ доменныхъ печахъ. Въ 1872 и 1873 г.г. (во время чрезвычайнаго подъема желѣзодѣлательной промышленности), отмѣчаетъ Лотіанъ Белль, жалованье нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ поднялось въ три раза; потомъ произошло уменьшеніе, но во всякомъ случаѣ — „хорошій рабочій можетъ даже теперь въ самое худшее время заработать вдвое болѣе, чѣмъ получалъ его отецъ въ этомъ же занятіи". И вмѣстѣ съ тѣмъ издержки производства желѣза для хозяевъ не увеличились. „Хотя это и не было констатировано въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе хозяинъ-желѣзозаводчикъ не несъ убытковъ, давая болѣе высокую плату сравнительно съ прежними годами. Этотъ благопріятный результатъ былъ обезпеченъ отчасти большимъ количествомъ выполняемой работы, но еще болѣе введеніемъ хорошо обдуманныхъ плановъ сбереженія труда [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 484.

[2]) Lowtian Bell, стр. 521. Необходимо принять во вниманіе, что по собственнымъ указаніямъ Лотіана Белля заработная плата занимаетъ громадную долю въ общей суммѣ издержекъ производства желѣза. Поэтому здѣсь повышеніе производительности труда рабочаго должно было бы сказываться съ подавляющей силой. „Трудъ добыванія руды, доставки сырого матеріала къ печи и плавленія руды, говоритъ Лотіанъ Белль, образуетъ около 80% стоимости чугуна въ болванкахъ. Когда

Но мы найдемъ у Лотіана Белля и прямыя указанія на то, что иногда повышеніе заработной платы не компенсируется повышеніемъ производительности труда рабочихъ, соотвѣтственно увеличивая издержки производства. Напр., одинъ „высокообразованный директоръ иностраннаго завода „сообщилъ Лотіану Беллю въ 1878 году, что въ тѣхъ производствахъ, гдѣ требуется, главнымъ образомъ, простой трудъ, Великобританія имѣетъ преимущества передъ Германіей; тамъ же, гдѣ значительную долю расходовъ составляетъ плата за искусный трудъ, Великобританія не можетъ конкурировать съ Германіей. Въ первую категорію входитъ, по мнѣнію этого лица, производство чугуна въ болванкахъ; во вторую — производство паровыхъ машинъ. Лотіанъ Белль соглашается съ этимъ, прибавляя отъ себя, что въ наиболѣе невыгодномъ положеніи оказывается въ Англіи, благодаря сравнительно высокой платѣ, производство прядильныхъ машинъ и постройка желѣзныхъ судовъ [1]).

Принимая въ расчетъ разницу въ производительности труда англійскихъ и континентальныхъ (нѣмецкихъ) рабочихъ въ пудлингованіи желѣза и производствѣ Бессемеровской стали, Лотіанъ Белль находитъ, что и здѣсь производительность труда не можетъ повыситься настолько, чтобы привести къ полному уравненію издержекъ производства (хотя проявляется въ весьма значительной степени). Напр. „въ Уэльсѣ средній заработокъ рабочихъ высшихъ разрядовъ при бессемеровскихъ аппаратахъ составляетъ отъ 30 до 42 шил. въ недѣлю. Въ Германіи же онъ составляетъ... отъ 18 до 20 шил. Средняя плата всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ Уэльсѣ на бессемеровскихъ заводахъ, равняется приблизит. 3 шил. 7 пенсамъ въ день противъ 2 шил. 6 пенсовъ въ Германіи, т. е. разнится на 33%. Однако, если сравнить размѣры дѣйствительнаго платежа денегъ, даваемыхъ за трудъ

мы будемъ изслѣдовать детали расходовъ на производство ковкаго желѣза или стали даже въ ихъ простѣйшихъ формахъ, то мы найдемъ, что заработная плата составитъ около 90% всѣхъ издержекъ“. Указ. соч., стр. 475.

[1]) Lowtian Bell, указ. соч., стр. 501.

въ обоихъ случаяхъ, то окажется, что благодаря большему количеству рабочихъ за границей по сравненію съ Англіей (разница почти вдвое), дѣйствительный расходъ на рабочую силу составляетъ въ Уэльсѣ на тонну продукта сумму, только приблизительно на 22 ½% большую, чѣмъ въ Германіи [1]). Въ постройкѣ мостовъ и кораблестроеніи, по указанію Лотіана Белля, дешевый иностранный трудъ оказывается не хуже англійскаго. Одинъ англійскій инженеръ сообщилъ ему, что при постройкѣ моста въ Голландіи онъ получалъ желѣзные матеріалы изъ Германіи, такъ какъ они были дешевле англійскихъ, „и въ то же время выдѣлка оказалась совершенно такой же, если даже не лучшей, чѣмъ въ матеріалахъ, доставляемыхъ англійскими фирмами". Въ кораблестроеніи, благодаря большей дороговизнѣ англійскаго труда какъ въ изготовленіи матеріаловъ для судна, такъ и въ самой постройкѣ его, положеніе германскаго предпринимателя опять оказывается болѣе выгоднымъ по сравненію съ англійскимъ. Впрочемъ, и здѣсь все-таки разница въ стоимости постройки парохода далеко не такъ велика, какъ могло бы показаться изъ одного сравненія нормъ заработной платы въ Германіи и Англіи: производительность труда и здѣсь приходитъ на помощь, сильно сглаживая разницу [2]).

Нѣкоторые (напр. Давидсонъ) относятъ и Брентано къ сторонникамъ принципа абсолютнаго соотвѣтствія между повышеніемъ производительности труда и увеличеніемъ заработной платы. Такой взглядъ основанъ, однако, на недоразумѣніи. Стоитъ внимательно просмотрѣть брошюру Брентано, чтобы видѣть, что и онъ допускаетъ крупныя ограниченія разсматриваемаго принципа, хотя и не въ такой мѣрѣ,

---

[1]) Lowtian Bell, указ. соч., стр. 537. Лотіанъ Белль повторилъ эти взгляды и въ позднѣйшей работѣ „The Iron Trade"—меморандумѣ, представленномъ въ Парламентскую комиссію по вопросу о промышленной депрессіи (въ 1886 году). И здѣсь онъ отмѣчаетъ вліяніе повышенія производительности труда на сокращеніе издержекъ производства, но въ то же время указываетъ и на то, что иногда, благодаря повышенію заработной платы, увеличивается и стоимость продуктовъ.

[2]) Lowtian Bell, The iron trade, стр. 89—92 и 162—164.

какъ указанные только что авторы. Онъ особенно подчеркиваетъ значеніе повышенія уровня жизни рабочихъ и техническаго прогресса (въ смыслѣ не только усовершенствованій въ машинахъ, но и лучшей организаціи производства) [1]). Что же касается воззрѣнія Брентано на причины, опредѣляющія заработную плату, то оно по существу не измѣнилось и послѣ изданія этой брошюры. Ставя своей задачей выясненіе связи производительности труда съ повышеніемъ заработной платы съ точки зрѣнія производства, а не распредѣленія, Брентано не считаетъ нужнымъ затрогивать въ ней свое прежнее ученіе (о роли рабочихъ союзовъ), о которомъ онъ здѣсь даже и не упоминаетъ не только въ первомъ, но и во второмъ изданіи. Вотъ почему, широко пользуясь данными и соображеніями Брассея, Лотіана Белля, Шенгофа, Шульца-Геверница и другихъ авторовъ, изучавшихъ данный вопросъ съ точки зрѣнія условій производства, внѣ связи съ общей теоріей заработной платы,—онъ ни разу не ссылается ни на Джевонса, ни на Уокера, ни на Леруа-Больё, трактующихъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія распредѣленія. Онъ изслѣдуетъ здѣсь не причины заработной платы, а вліяніе самой заработной платы на другія явленія хозяйства.

Къ вопросу о значеніи производительности труда съ точки зрѣнія распредѣленія національнаго продукта Брентано подходитъ въ своей небольшой книгѣ Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht, подводящей итоги тому, что было дано въ его предыдущихъ работахъ. Но и здѣсь онъ не придаетъ этому вопросу большого значенія, механически вдвигая его въ цѣпь аргументовъ, развитыхъ въ „Arbeitergilden". Не пересматривая въ связи съ этимъ дополненіемъ основаній защищаемой имъ теоріи заработной платы, онъ помѣщаетъ вліяніе производительности труда просто какъ одинъ изъ моментовъ, позволяющихъ предпринимателю уплачивать безъ вреда для себя повышенную заработную плату [2]). При этомъ онъ примѣняетъ и къ данному случаю

[1]) См. Луйо Брентано. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. В. Э. Дена и В. В. Святловскато 2-го. Спб. 1895, стр. 31—53.

[2]) „... При выясненіи способности предпринимателей уплачивать высшую плату мы видѣли, что въ большинствѣ случаевъ подъема зара-

обычные аргументы второй версіи теоріи производительности, повторяя между прочимъ и прежнее предупрежденіе, что не всякое повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени приводятъ за собой непремѣнно и повышеніе производительности труда, а лишь поскольку за ними слѣдуетъ повышеніе жизненнаго уровня рабочаго [1]). Такимъ образомъ теорія производительности въ этомъ построеніи Брентано вливается какъ мало замѣтный придатокъ въ его старую теорію объ условіяхъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы, изложенную въ „Arbeitergilden". И здѣсь Брентано по преимуществу останавливается на значеніи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ и примирительныхъ камеръ, отнимающихъ у дѣятельности союзовъ ихъ аггрессивный характеръ и сообщающихъ наконецъ труду качества „настоящаго товара" [2]).

ботной платы предприниматели оказываются въ состояніи предохранить себя отъ ущерба повышеніемъ цѣнъ ихъ продуктовъ. Однако, ... платить болѣе высокую плату позволяетъ предпринимателямъ еще одинъ моментъ. Этотъ второй моментъ .... состоитъ въ томъ фактѣ, что съ повышеніемъ заработной платы цѣна труда вовсе не должна повыситься, подобно тому какъ съ уменьшеніемъ рабочаго времени количество труда, выполняемое рабочими, вовсе не необходимо должно уменьшиться, а что наоборотъ у большинства рабочихъ высшая заработная плата и уменьшенное рабочее время имѣютъ результатомъ бо́льшую производительность". Lujo Brentano. Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht. Leipzig 1877, стр. 252.

[1]) Брентано повторяетъ здѣсь и положеніе, что при подъемѣ жизненнаго уровня рабочихъ повышеніе заработной платы находитъ себѣ и моральное оправданіе. Arbeitsverhältniss, стр. 257—258 и 262—264.

[2]) Брентано настаиваетъ здѣсь на роли примирительныхъ камеръ еще съ бо́льшей энергіей, чѣмъ въ „Arbeitergilden". Повторяя, что примирительныя камеры играютъ для труда такую же роль, какъ биржи для обыкновенныхъ товаровъ, выясняя условія рынка и опредѣляя черезъ посредство третейскихъ судей цѣну труда, по поводу которой не могло состояться до этого соглашенія между заинтересованными сторонами, онъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ ихъ значеніе какъ силы, устраняющей изъ современной промышленной жизни ненависть и вражду и вообще обостренныя отношенія между общественными классами, создаваемыя на почвѣ обычныхъ формъ борьбы (при помощи стачекъ). См. Arbeitsverhältniss, стр. 281 - 283.

какъ указанные только что авторы. Онъ особенно подчеркиваетъ значеніе повышенія уровня жизни рабочихъ и техническаго прогресса (въ смыслѣ не только усовершенствованій въ машинахъ, но и лучшей организаціи производства) [1]). Что же касается воззрѣнія Брентано на причины, опредѣляющія заработную плату, то оно по существу не измѣнилось и послѣ изданія этой брошюры. Ставя своей задачей выясненіе связи производительности труда съ повышеніемъ заработной платы съ точки зрѣнія производства, а не распредѣленія, Брентано не считаетъ нужнымъ затрогивать въ ней свое прежнее ученіе (о роли рабочихъ союзовъ), о которомъ онъ здѣсь даже и не упоминаетъ не только въ первомъ, но и во второмъ изданіи. Вотъ почему, широко пользуясь данными и соображеніями Брассея, Лотіана Белля, Шенгофа, Шульца-Геверница и другихъ авторовъ, изучавшихъ данный вопросъ съ точки зрѣнія условій производства, внѣ связи съ общей теоріей заработной платы,—онъ ни разу не ссылается ни на Джевонса, ни на Уокера, ни на Леруа-Больё, трактующихъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія распредѣленія. Онъ изслѣдуетъ здѣсь не причины заработной платы, а вліяніе самой заработной платы на другія явленія хозяйства.

Къ вопросу о значеніи производительности труда съ точки зрѣнія распредѣленія національнаго продукта Брентано подходитъ въ своей небольшой книгѣ Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht, подводящей итоги тому, что было дано въ его предыдущихъ работахъ. Но и здѣсь онъ не придаетъ этому вопросу большого значенія, механически вдвигая его въ цѣпь аргументовъ, развитыхъ въ „Arbeitergilden". Не пересматривая въ связи съ этимъ дополненіемъ основаній защищаемой имъ теоріи заработной платы, онъ помѣщаетъ вліяніе производительности труда просто какъ одинъ изъ моментовъ, позволяющихъ предпринимателю уплачивать безъ вреда для себя повышенную заработную плату [2]). При этомъ онъ примѣняетъ и къ данному случаю

[1]) См. Луйо Брентано. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. В. Э. Дена и В. В. Святловскато 2-го. Спб. 1895, стр. 31—53.

[2]) „... При выясненіи способности предпринимателей уплачивать высшую плату мы видѣли, что въ большинствѣ случаевъ подъема зара-

обычные аргументы второй версіи теоріи производительности, повторяя между прочимъ и прежнее предупрежденіе, что не всякое повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени приводятъ за собой непремѣнно и повышеніе производительности труда, а лишь поскольку за ними слѣдуетъ повышеніе жизненнаго уровня рабочаго [1]). Такимъ образомъ теорія производительности въ этомъ построеніи Брентано вливается какъ мало замѣтный придатокъ въ его старую теорію объ условіяхъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы, изложенную въ „Arbeitergilden". И здѣсь Брентано по преимуществу останавливается на значеніи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ и примирительныхъ камеръ, отнимающихъ у дѣятельности союзовъ ихъ аггрессивный характеръ и сообщающихъ наконецъ труду качества „настоящаго товара" [2]).

ботной платы предприниматели оказываются въ состояніи предохранить себя отъ ущерба повышеніемъ цѣнъ ихъ продуктовъ. Однако, ... платить болѣе высокую плату позволяетъ предпринимателямъ еще одинъ моментъ. Этотъ второй моментъ .... состоитъ въ томъ фактѣ, что съ повышеніемъ заработной платы цѣна труда вовсе не должна повыситься, подобно тому какъ съ уменьшеніемъ рабочаго времени количество труда, выполняемое рабочими, вовсе не необходимо должно уменьшиться, а что наоборотъ у большинства рабочихъ высшая заработная плата и уменьшенное рабочее время имѣютъ результатомъ бо́льшую производительность". L u j o B r e n t a n o. Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht. Leipzig 1877, стр. 252.

[1]) Брентано повторяетъ здѣсь и положеніе, что при подъемѣ жизненнаго уровня рабочихъ повышеніе заработной платы находитъ себѣ и моральное оправданіе. Arbeitsverhältniss, стр. 257—258 и 262—264.

[2]) Брентано настаиваетъ здѣсь на роли примирительныхъ камеръ еще съ бо́льшей энергіей, чѣмъ въ „Arbeitergilden". Повторяя, что примирительныя камеры играютъ для труда такую же роль, какъ биржи для обыкновенныхъ товаровъ, выясняя условія рынка и опредѣляя черезъ посредство третейскихъ судей цѣну труда, по поводу которой не могло состояться до этого соглашенія между заинтересованными сторонами, онъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ ихъ значеніе какъ силы, устраняющей изъ современной промышленной жизни ненависть и вражду и вообще обостренныя отношенія между общественными классами, создаваемыя на почвѣ обычныхъ формъ борьбы (при помощи стачекъ). См. Arbeitsverhältniss, стр. 281 - 283.

Глава шестая.

Германъ, Тюненъ, Джевонсъ.

Потребность полнаго пересмотра вопроса о заработной платѣ послѣ крушенія старыхъ теорій, примыкавшихъ къ классической доктринѣ. Обращеніе къ элементамъ новаго объясненія вопроса, содержащимся въ трудахъ Германа, Тюнена и Джевонса. Ученіе Германа. Сближеніе условій установленія заработной платы съ условіями образованія рыночныхъ цѣнъ вообще. Характеристика спроса на трудъ. Тюненъ. Недоразумѣніе, связанное съ его ученіемъ въ германской экономической литературѣ. Взглядъ Тюнена на характеръ установленія заработной платы въ современной ему дѣйствительности. „Естественная заработная плата". Переходъ къ каузальному изслѣдованію при ея повѣркѣ. Новая формула заработной платы. Вопросъ объ опредѣленіи долей продукта, являющихся результатомъ приложенія труда и капитала. Плата, равная $\sqrt{ap}$ и условія оплаты труда въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Отношеніе къ ученію Тюнена въ германской экономической литературѣ. Невниманіе къ выдвинутымъ имъ принципамъ производительности и предѣльнаго измѣренія. Theory of Political Economy Джевонса. Общій характеръ его замѣчаній о заработной платѣ. Соединеніе въ нихъ теорій производительности и фонда. Замѣчанія по поводу установленія рыночной цѣны. Постановка задачи изслѣдованія вопроса о заработной платѣ въ предисловіи къ „Theory". Примѣненіе рентнаго принципа къ теоріи заработной платы.

Въ предшествующемъ изложеніи было показано, что въ вопросѣ о заработной платѣ экономическая мысль XIX вѣка выдвинула два главныхъ объясненія, тѣсно связанныя съ двумя противоположными міросозерцаніями, рѣзко обозначившимися къ этому времени — индивидуалистически-буржуазнымъ и соціалистическимъ. Однако, оба эти объясненія, т. е. какъ теорія средствъ существованія, такъ и теорія фонда, имѣли своимъ общимъ источникомъ классическую доктрину, основныя положенія которой они и доводили, каждое по своему, до крайнихъ предѣловъ логическаго развитія, но не преступая завѣтной черты, намѣченной общимъ ученіемъ классическихъ экономистовъ. Когда—приблизительно къ семидесятымъ годамъ XIX вѣка—и теорія средствъ существованія, и теорія фонда были уже поколеблены ударами критики, опиравшейся на наблюденіе новыхъ, свѣжихъ побѣговъ экономической жизни, мало замѣченныхъ и еще менѣе оцѣненныхъ въ прежней экономической лите-

ратурѣ,—наступила пора созданія новой теоріи заработной платы, которая дала бы полное и стройное объясненіе новымъ формамъ и отношеніямъ, опредѣлившимся въ особенности въ народномъ хозяйствѣ Англіи, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣла бы, замѣняя старыя доктрины, найти въ нихъ здоровое зерно, сообщавшее имъ такую жизненность и силу для своего времени. Требовалась крупная творческая работа, которая не только подвела бы итоги тѣмъ элементамъ, какіе были накоплены предшествующимъ научнымъ развитіемъ, но создала бы изъ нихъ, въ связи съ свѣжими наблюденіями и выводами, цѣлостную доктрину, сложную и многостороннюю, но проникнутую единою мыслью. Политическая экономія, раздѣленная между враждебными соціально-политическими лагерями, опять ждала новаго Адама Смита, который возвратилъ бы ее съ поля житейскихъ столкновеній на путь спокойнаго, объективнаго и многосторонняго изученія. Внѣшнимъ образомъ теорія заработной платы съ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ какъ бы дѣйствительно начинаетъ становиться на этотъ путь. Въ первыхъ рядахъ теоретической работы появляются почти исключительно профессіональные ученые, подходящіе къ изслѣдованію съ солиднымъ запасомъ свѣдѣній о ходѣ теоретической разработки поставленныхъ вопросовъ въ прошломъ развитіи экономическихъ ученій и повидимому не связанные, по крайней мѣрѣ, столь тѣсными узами, какъ предыдущіе экономисты, съ практическими интересами тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ и группъ. Но, приглядываясь ближе къ дѣйствительному ходу разработки вопроса о распредѣленіи въ ближайшее къ намъ время, нельзя не видѣть, что на пути его стояли препятствія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе вредныя, чѣмъ тѣ, съ какими приходилось имѣть дѣло экономистамъ первой половины XIX вѣка. Кабинетный ученыи скорѣе другого изслѣдователя способенъ удовлетвориться поверхностнымъ эклектизмомъ, лишь бы составленное изъ разныхъ лоскутковъ объясненіе имѣло видимость полноты и обстоятельности; съ другой стороны, и онъ, не менѣе практическаго дѣятеля, можетъ быть склоненъ къ тенденціозному

Глава шестая.

Германъ, Тюненъ, Джевонсъ.

Потребность полнаго пересмотра вопроса о заработной платѣ послѣ крушенія старыхъ теорій, примыкавшихъ къ классической доктринѣ. Обращеніе къ элементамъ новаго объясненія вопроса, содержащимся въ трудахъ Германа, Тюнена и Джевонса. Ученіе Германа. Сближеніе условій установленія заработной платы съ условіями образованія рыночныхъ цѣнъ вообще. Характеристика спроса на трудъ. Тюненъ. Недоразумѣніе, связанное съ его ученіемъ въ германской экономической литературѣ. Взглядъ Тюнена на характеръ установленія заработной платы въ современной ему дѣйствительности. „Естественная заработная плата". Переходъ къ каузальному изслѣдованію при ея повѣркѣ. Новая формула зарасотной платы. Вопросъ объ опредѣленіи долей продукта, являющихся результатомъ приложенія труда и капитала. Плата, равная $\sqrt{ap}$ и условія оплаты труда въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Отношеніе къ ученію Тюнена въ германской экономической литературѣ. Невниманіе къ выдвинутымъ имъ принципамъ производительности и предѣльнаго измѣренія. Theory of Political Economy Джевонса. Общій характеръ его замѣчаній о заработной платѣ. Соединеніе въ нихъ теорій производительности и фонда. Замѣчанія по поводу установленія рыночной цѣны. Постановка задачи изслѣдованія вопроса о заработной платѣ въ предисловіи къ „Theory". Примѣненіе рентнаго принципа къ теоріи заработной платы.

Въ предшествующемъ изложеніи было показано, что въ вопросѣ о заработной платѣ экономическая мысль XIX вѣка выдвинула два главныхъ объясненія, тѣсно связанныя съ двумя противоположными міросозерцаніями, рѣзко обозначившимися къ этому времени — индивидуалистически-буржуазнымъ и соціалистическимъ. Однако, оба эти объясненія, т. е. какъ теорія средствъ существованія, такъ и теорія фонда, имѣли своимъ общимъ источникомъ классическую доктрину, основныя положенія которой они и доводили, каждое по своему, до крайнихъ предѣловъ логическаго развитія, но не преступая завѣтной черты, намѣченной общимъ ученіемъ классическихъ экономистовъ. Когда—приблизительно къ семидесятымъ годамъ XIX вѣка—и теорія средствъ существованія, и теорія фонда были уже поколеблены ударами критики, опиравшейся на наблюденіе новыхъ, свѣжихъ побѣговъ экономической жизни, мало замѣченныхъ и еще менѣе оцѣненныхъ въ прежней экономической лите-

ратурѣ,—наступила пора созданія новой теоріи заработной платы, которая дала бы полное и стройное объясненіе новымъ формамъ и отношеніямъ, опредѣлившимся въ особенности въ народномъ хозяйствѣ Англіи, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣла бы, замѣняя старыя доктрины, найти въ нихъ здоровое зерно, сообщавшее имъ такую жизненность и силу для своего времени. Требовалась крупная творческая работа, которая не только подвела бы итоги тѣмъ элементамъ, какіе были накоплены предшествующимъ научнымъ развитіемъ, но создала бы изъ нихъ, въ связи съ свѣжими наблюденіями и выводами, цѣлостную доктрину, сложную и многостороннюю, но проникнутую единою мыслью. Политическая экономія, раздѣленная между враждебными соціально-политическими лагерями, опять ждала новаго Адама Смита, который возвратилъ бы ее съ поля житейскихъ столкновеній на путь спокойнаго, объективнаго и многосторонняго изученія. Внѣшнимъ образомъ теорія заработной платы съ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ какъ бы дѣйствительно начинаетъ становиться на этотъ путь. Въ первыхъ рядахъ теоретической работы появляются почти исключительно профессіональные ученые, подходящіе къ изслѣдованію съ солиднымъ запасомъ свѣдѣній о ходѣ теоретической разработки поставленныхъ вопросовъ въ прошломъ развитіи экономическихъ ученій и повидимому не связанные, по крайней мѣрѣ, столь тѣсными узами, какъ предыдущіе экономисты, съ практическими интересами тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ и группъ. Но, приглядываясь ближе къ дѣйствительному ходу разработки вопроса о распредѣленіи въ ближайшее къ намъ время, нельзя не видѣть, что на пути его стояли препятствія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе вредныя, чѣмъ тѣ, съ какими приходилось имѣть дѣло экономистамъ первой половины XIX вѣка. Кабинетный ученыи скорѣе другого изслѣдователя способенъ удовлетвориться поверхностнымъ эклектизмомъ, лишь бы составленное изъ разныхъ лоскутковъ объясненіе имѣло видимость полноты и обстоятельности; съ другой стороны, и онъ, не менѣе практическаго дѣятеля, можетъ быть склоненъ къ тенденціозному

разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ, внося въ него, если не отраженіе прямого практическаго расчета, который даже легче усчитать,—то извѣстную долю тяготѣній, вытекающихъ изъ давленія окружающей его общественной среды, съ примѣсью сентиментальности и иныхъ настроеній и чувствъ, нарушающихъ правильный ходъ теоретической работы. Наконецъ, его подстерегаетъ серьезная опасность односторонняго разрѣшенія изслѣдуемыхъ вопросовъ, вытекающая не столько изъ практической тенденціи, какъ изъ отрѣшенности отъ близкаго наблюденія надъ живой дѣйствительностью и стремленія къ созданію черезчуръ абстрактныхъ, а потому и блѣдныхъ и мертвенныхъ схемъ. Поэтому при всемъ богатствѣ разработки вопроса о заработной платѣ въ ближайшей къ намъ экономической литературѣ мы найдемъ въ ней мало положительныхъ пріобрѣтеній. Теорія распредѣленія разростается у нѣкоторыхъ современныхъ экономистовъ въ многовѣтвистую и чрезвычайно хитросплетенную систему, но въ конечномъ результатѣ сводится главнымъ образомъ къ повторенію давно уже высказанныхъ мыслей, съ сохраненіемъ, а часто даже съ увеличеніемъ старыхъ ошибокъ.

Для того чтобы правильнѣе разобраться въ этихъ новыхъ попыткахъ разрѣшенія вопроса о заработной платѣ, необходимо вспомнить объ экономистахъ, которые стояли особнякомъ съ своими ученіями въ періодъ господства теорій средствъ существованія и фонда и вообще имѣли тогда мало вліянія, но значеніе которыхъ усилилось въ недавнее время, въ связи съ указанными новыми попытками. Среди нихъ особенно выдѣляются Германъ, Тюненъ и Джевонсъ, высказанныя которыми мысли въ значительной мѣрѣ послужили фундаментомъ для новыхъ теоретическихъ построеній въ вопросахъ распредѣленія общественнаго дохода.

Въ ученіи о заработной платѣ современная германская литература въ большинствѣ ея представителей (историко-этическое направленіе) опирается по преимуществу на теорію Германа. Какъ будетъ показано ниже, основныя указанія, данныя Германомъ, остаются и до сихъ поръ почти неза-

тронутыми дальнѣйшей аналитической работой и воспроизводятся его послѣдователями безъ всякаго критическаго отношенія, какъ удобная схема для эклектическаго расположенія моментовъ, вліяніе которыхъ на установленіе заработной платы выяснено частными изслѣдованіями.

Наиболѣе характерной чертой теоріи Германа представляется сближеніе условій установленія заработной платы съ условіями образованія рыночныхъ цѣнъ вообще. Въ этомъ отношеніи она предвосхищаетъ новѣйшія теоріи заработной платы, созданныя подъ впечатлѣніемъ успѣховъ разработки теоріи цѣнности и цѣны съ помощью принципа предѣльной полезности. Свое изложеніе соотвѣтственнаго отдѣла „Staatswirthschaftliche Untersuchungen" онъ начинаетъ прямымъ указаніемъ, что вопросъ объ установленіи заработной платы является лишь частнымъ вопросомъ образованія рыночной цѣны, а потому долженъ разсматриваться въ соотвѣтственной перспективѣ [1]). Что касается его положительныхъ выводовъ, то, будучи болѣе слабыми по сравненію съ постановкой вопроса, они содержатъ также нѣкоторыя весьма любопытныя указанія, слишкомъ мало оцѣненныя его ближайшими послѣдователями.

Смерть помѣшала Герману закончить главу о заработной платѣ для второго изданія „Staatswirthschaftliche Untersuchungen". Онъ ограничивается здѣсь только разсмотрѣніемъ условій, вліяющихъ со стороны спроса (т. е. первыхъ

[1]) „Заработная плата зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и цѣна благъ вообще. Трудовая дѣятельность (die Leistung) нужна тому, кто думаетъ нанять рабочаго... для какой-либо потребности и требуется въ опредѣленномъ количествѣ; онъ долженъ заплатить за нее, и онъ не дастъ за нее больше самой низкой цѣны, какой требуютъ отъ него конкурирующіе между собою рабочіе. Съ другой стороны, рабочіе прежде всего будутъ требовать возмѣщенія за то пожертвованіе, какое они дѣлаютъ своей работой къ выгодѣ предпринимателя; они будутъ принимать въ соображеніе видъ и мѣновую цѣнность благъ, которыми будетъ уплачиваться ихъ заработная плата, и не будутъ спускать цѣны ниже наивысшей нормы, какая будетъ имъ предлагаема конкурирующими между собою предпринимателями". Staatswirthschaftliche Untersuchungen, стр. 460—461.

трехъ изъ намѣченныхъ шести пунктовъ). Но даваемая имъ характеристика этихъ условій косвеннымъ образомъ указываетъ на задачи изслѣдованія и другой стороны поставленнаго вопроса.

О соображеніяхъ, высказываемыхъ Германомъ по поводу второго элемента спроса на трудъ — платежной способности покупщика, мы уже говорили выше, разсматривая теорію фонда. Мы отмѣтили тогда громадное значеніе, какое имѣло въ разрушеніи этой теоріи указаніе Германа, что источникомъ, изъ котораго въ конечномъ счетѣ выплачивается заработная плата, служитъ доходъ лица, потребляющаго продуктъ, созданный рабочими. Менѣе удачно охватывающее сущность вопроса, чѣмъ возраженіе Родбертуса, это указаніе имѣло, однако, для германской экономической литературы, въ общемъ болѣе близкой къ индивидуалистической, чѣмъ общественной точкѣ зрѣнія, практически даже большее значеніе. Именно Герману германская экономическая литература обязана тѣмъ, что теорія фонда, дискредитированная съ первыхъ шаговъ, никогда не могла получить въ ней сколько-нибудь широкаго признанія.

При характеристикѣ перваго элемента спроса — потребности въ трудовой дѣятельности другого лица,—Германъ проводитъ интересное разграниченіе. Онъ отмѣчаетъ разницу въ силѣ этой потребности при удовлетвореніи ея непосредственно трудомъ нанятаго работника и путемъ изготовленія продукта, отвѣчающаго потребности. Въ первомъ случаѣ (для выясненія котораго Германъ подробно останавливается на спросѣ на домашнюю прислугу и батраковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, выполняющихъ отчасти аналогичныя функціи), по мнѣнію Германа, наниматель почти всегда находится въ невыгодномъ, а работникъ наоборотъ въ благопріятномъ положеніи [1]. Во второмъ случаѣ Германъ различаетъ наемъ рабочихъ подрядчикомъ и предпринимателемъ, ведущимъ дѣло за собственный счетъ. Положеніе послѣдняго, по его мнѣнію, менѣе выгодно, чѣмъ положеніе

[1]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen, стр. 461—468.

подрядчика, который заранѣе знаетъ, сколько будетъ уплочено ему за подрядъ, и слѣдовательно можетъ съ большей увѣренностью опредѣлить сумму, какую онъ можетъ дать рабочимъ въ видѣ заработной платы. Не зная будущихъ шансовъ продажи продукта, предприниматель долженъ стараться удерживать плату своимъ рабочимъ по возможности даже ниже того уровня, какой позволила бы платить средняя цѣна продаваемыхъ имъ товаровъ. Разсматривая условія, въ какія поставлены при этомъ предприниматели въ различныхъ отрасляхъ производства, Германъ наталкивается на мысль, значенія которой онъ не могъ однако правильно уяснить себѣ, и которая осталась совершенно неоцѣненной его ближайшими преемниками. Положеніе предпринимателя, указываетъ онъ, становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ дальше отстоитъ изготовляемый имъ продуктъ отъ конечной цѣли производства. Сырой продуктъ и полуфабрикатъ будутъ зависѣть въ своей цѣнѣ отъ цѣны готоваго продукта и, слѣдовательно, предприниматели этихъ раннихъ ступеней производства могутъ производить свои расчеты на ожидаемую выручку съ меньшей увѣренностью, чѣмъ предприниматели послѣдней ступени производства (изготовляющіе уже готовые продукты) [1]). Такимъ образомъ, спросъ на трудъ представляется Герману въ видѣ послѣдовательной цѣпи рыночныхъ договоровъ, послѣднимъ звеномъ которой является у него потребитель готоваго продукта. Въ эту цѣпь, однако, онъ не включаетъ (какъ было бы нужно для вполнѣ логически-послѣдовательнаго развитія его мысли) оптовыхъ и розничныхъ продавцовъ, переходя непосредственно отъ фабриканта готовыхъ издѣлій къ потребителю. Давленіе на покупщика рабочей силы распространяется, по мнѣнію Германа, все усиливаясь, по мѣрѣ отдаленія отъ конечнаго пункта—потребителя. Отсюда и заработная плата, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должна быть тѣмъ выше, чѣмъ ближе изготовленный рабочимъ продуктъ къ его окончанію. „Есть существенная разница, говоритъ онъ, между тѣми, кто сбываетъ готовый про-

[1]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen, стр. 468—471.

дуктъ потребителю, и тѣми, кто изготовляетъ только матеріалы или полуфабрикаты для дальнѣйшей переработки. На послѣдней ступени производства работникъ оказывается часто въ лучшемъ положеніи, чѣмъ на болѣе раннихъ. Поясняя эту мысль примѣромъ, Германъ вводитъ въ нее новое соображеніе, противорѣчащее ей, о разницѣ въ заработной платѣ рабочихъ, производящихъ продукты, потребленіе которыхъ продолжается не одинаковое время. Если продуктъ, указываетъ онъ, подлежитъ быстрому и ежедневному потребленію, такимъ образомъ, что онъ настоятельно требуется въ приблизительно одинаковомъ количествѣ, то производитель можетъ и долженъ предлагать своимъ рабочимъ высшую заработную плату, чѣмъ въ томъ случаѣ, если продуктъ служитъ для потребленія въ теченіе извѣстнаго времени, и его новое производство можетъ быть отложено. Пекаря и мясники получаютъ почти всегда, портные и сапожники въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшую плату, а ткачи, быть можетъ, самую низкую. Съ значительной быстротой поднимается и падаетъ заработная плата каменщиковъ и плотниковъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ и убылью новыхъ построекъ. Не замѣчая противорѣчія высказанной имъ основной мысли (положеніе каменщика и плотника съ точки зрѣнія послѣдовательныхъ ступеней изготовленія продукта ничѣмъ не разнится отъ положенія пекаря и мясника), Германъ переходитъ къ ея дальнѣйшему развитію. „Всякій, кто покупаетъ матеріалъ для дальнѣйшей переработки, говоритъ онъ, стремясь получить его возможно дешевле, оказываетъ давленіе на заработную плату раннихъ ступеней (производства), и всякій предприниматель, изготовляющій такой матеріалъ, вынужденъ поэтому измѣрять свои расходы на заработную плату еще тщательнѣе, чѣмъ послѣдній продавецъ товара, и соотвѣтственно ограничивать ее. На всѣхъ ступеняхъ производства господствуетъ экономическая забота доставить послѣднему пріобрѣтателю (Abnehmer) продукта заключающуюся въ немъ работу возможно дешевле При этомъ подъемъ и паденіе окончательнаго возмѣщенія всѣхъ расходовъ на заработную плату цѣной готоваго продукта оказываютъ послѣдовательное обратное давленіе на заработ-

ную плату предыдущихъ ступеней труда черезъ посредство цѣнъ матеріаловъ; и тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше на какой-нибудь изъ нихъ количество однороднаго труда. Въ то время какъ цѣна главной работы повышается или падаетъ, заработная плата за простую вспомогательную работу можетъ оставаться неизмѣнной. При такомъ обратномъ давленіи большое вліяніе оказываетъ время, въ теченіе котораго продуктъ остается на каждой ступени работы. Чѣмъ оно короче, тѣмъ быстрѣе можетъ измѣняться предлагаемая плата; чѣмъ длиннѣе—тѣмъ медленнѣе будутъ чувствоваться измѣненія въ цѣнѣ готоваго продукта. Оказываетъ вліяніе также и то, въ большей или меньшей степени зависитъ предприниматель отъ объема постояннаго капитала, и можетъ ли этотъ капиталъ быстро пополняться или быть вынутъ изъ предпріятія безъ большой потери. Заработная плата шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ, полотняныхъ ткачей колеблется быстрѣе, чѣмъ заработная плата механическихъ прядильщиковъ... Заработная плата овечьихъ пастуховъ, образующая только незначительную часть расходовъ производства шерсти, остается постоянной при колебаніи цѣнъ на шерсть. Проходитъ долгое время, пока измѣненія цѣнъ ткани окажутъ вліяніе на плату рабочихъ, занимающихся починкой фабричныхъ машинъ, и еще болѣе продолжительное,—пока эти цѣны отразятся на заработной платѣ рабочихъ машиностроительныхъ фабрикъ, если они изготовляютъ разнообразныя машины. Много значитъ, имѣютъ ли предприниматели и рабочіе выходъ въ обращеніи къ другимъ отраслямъ производства, или что то же самое, ограниченъ ли изготовляемый ими матеріалъ или полуфабрикатъ извѣстными путями сбыта, или же онъ требуется для различныхъ цѣлей (напр. сталь, ковкое желѣзо, чугунъ)." „Въ наихудшемъ положеніи,—заключаетъ Германъ, должны... оказаться рабочіе первой ступени (производства) въ горномъ дѣлѣ, въ земледѣліи,.. если со стороны рабочихъ не встрѣчается сопротивленія (курсивъ автора) [1]).

[1]) Staatswirthschaftliche Untersuchungen, стр. 471—472.

Также оригинально задуманы и замѣчанія Германа по поводу вліянія третьяго элемента спроса на трудъ—конкуренціи между рабочими. Германъ пытается разсмотрѣть и это условіе съ различныхъ сторонъ, не довольствуясь обычными въ то время соображеніями, чрезмѣрно упрощавшими проблему.

„Кто нанимаетъ рабочихъ, говоритъ Германъ, не согласится дать имъ плату выше самаго низкаго размѣра, за который онъ можетъ еще получить соотвѣтственную работу (Leistung) въ достаточномъ количествѣ". Рабочій рынокъ захватываетъ въ данное время всегда только рабочихъ однородной технической дѣятельности. Конкуренція можетъ происходить только между такими рабочими; изъ другихъ же отраслей занятій съ ними можетъ конкурировать только тотъ, кто безъ труда выполняетъ такую же работу. Всѣ остальные исключаются изъ конкуренціи въ силу недостатка въ техническомъ умѣньи. Продолжительность ограниченія конкуренціи, лежащаго въ технической неспособности, равняется времени, протекающему до того, пока не подготовится и не станетъ трудоспособнымъ молодое поколѣніе такихъ рабочихъ... Притокъ качественно подходящихъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей зависитъ отъ расходовъ на переѣздъ, отъ характера пребыванія въ данномъ мѣстѣ или формы осѣдлости, особенностей пріема чужихъ рабочихъ и обращенія съ ними мѣстныхъ жителей, отъ языка, нравовъ, общительности, отъ отношенія къ иновѣрцамъ... Имѣетъ значеніе также и общественная безопасность и характеръ правосудія; однако, не въ такой степени, какъ можно было бы думать,—въ томъ случаѣ, когда преобладаютъ другіе моменты, въ особенности же надежда на удачу въ болѣе широкомъ кругѣ дѣятельности. Что касается притока рабочихъ въ мѣстности съ высшей заработной платой, то можно было бы думать, что трудъ очень дешево транспортировать. Однако, издержки на путешествіе и содержаніе рабочаго, до тѣхъ поръ пока онъ найдетъ себѣ занятіе, настолько высоки, что доступны немногимъ рабочимъ, причемъ далекое путешествіе (напр. за океанъ) и не вознаградитъ такихъ жертвъ, потому что трудно

приспособиться къ требованіямъ новой страны (для ремесленниковъ). Большое вліяніе на конкуренцію рабочихъ оказываетъ количество однороднаго труда, которое требуется, и регулярность спроса. Большое количество труда, требуемое регулярно, побуждаетъ къ тому, чтобы молодые люди подготовлялись къ данному дѣлу, и способствуетъ такимъ образомъ уравненію спроса и предложенія... Работы, требуемыя регулярно въ большомъ количествѣ, для которыхъ нужна незначительная спеціальная подготовка, по большей части возбуждаютъ сильную конкуренцію. Примѣрами служатъ ткачество, лавочничество, трактирный промыселъ, носильщики и т. д. Для временныхъ простыхъ работъ, не требующихъ никакой подготовки, если въ извѣстной мѣстности на нихъ предъявляется большой спросъ, рѣдко можно найти достаточно рабочихъ безъ подрядчиковъ. Если сильный спросъ на работу исходитъ отъ немногихъ предпринимателей, то предложеніе труда легко становится сравнительно слишкомъ большимъ, такъ что заработная плата падаетъ. Напротивъ, такое же число рабочихъ при многихъ предпринимателяхъ можетъ получать долго неизмѣненную заработную плату. Конкуренція рабочихъ теряетъ въ силѣ и заработная плата держится твердо, если рабочіе могутъ переходить въ другія мѣстности или къ другимъ занятіямъ; поэтому она слабѣе между холостыми, чѣмъ между женатыми рабочими; въ ремеслахъ сравнительно съ фабрикой; слабѣе среди батраковъ (Gesinde), чѣмъ среди поденщиковъ (Taglöhner); слабѣе у послѣднихъ, даже если они женаты,—при работѣ у многихъ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ въ крупныхъ имѣніяхъ... Рабочій можетъ оказывать сопротивленіе давленію конкуренціи тѣмъ меньше, чѣмъ одностороннѣе его дѣятельность, чѣмъ меньше она требуется ради нея самой; и чѣмъ больше она слагается изъ такихъ процессовъ, которые не требуются нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но можетъ быть собственная конкуренція принуждаетъ рабочихъ на крайнее пониженіе заработной платы въ еще большей степени при побочныхъ работахъ, такъ какъ здѣсь открывается мало иныхъ путей къ употребленію свободнаго времени, а ра-

бота для фабрики представляетъ выгоду въ силу ея регулярности, хотя бы и давалась маленькая плата [1]).

Такова непосредственная конкуренція между рабочими; но есть конкуренція косвенная, не менѣе дѣйствительная и иногда болѣе вредная, выражающаяся въ ввозѣ иностранныхъ продуктовъ. Конкуренція дешевыхъ иностранныхъ продуктовъ съ туземными является вмѣстѣ съ тѣмъ и конкуренціей иностранныхъ рабочихъ съ мѣстными; при этомъ дешевые иностранные продукты не всегда предполагаютъ и дешевый заграничный трудъ, но просто, что „остальные элементы производства, употребляемые при иностранномъ трудѣ, болѣе производительны или создаются дешевле, чѣмъ это возможно у насъ" [2]). Съ другой стороны, косвенная конкуренція проявляется и въ конкуренціи между отраслями промышленности, изготовляющими различные предметы, но для одной и той же цѣли (производство торфа и дровъ съ каменноугольнымъ и пр.).

Эти формы конкуренціи Германъ предлагаетъ различать и при изученіи стремленій рабочихъ, направленныхъ къ тому, чтобы удерживать предложеніе труда на уровнѣ, указываемомъ спросомъ на него.

а) При непосредственной конкуренціи рабочему приходится или перейти въ другое занятіе (но это рѣдко возможно, потому что требуется умѣнье), или переѣхать въ другую мѣстность (но это стоитъ дорого и иногда затрудняется условіями поселенія на новомъ мѣстѣ), или обучить подрастающее поколѣніе новому занятію (но это трудно, потому что другіе болѣе выгодные роды труда могутъ быть неизвѣстны, а къ старому привязываютъ традиціи и привычки; кромѣ того, въ фабричныхъ мѣстностяхъ родители отдаютъ дѣтей съ ранняго возраста на работу, чтобы они помогали заработкамъ семьи). Что же остается?

„Учили, что воздержаніе отъ вступленія въ бракъ или во время брака отъ произведенія дѣтей является единствен-

[1]) Hermann, указ. соч., стр. 478—479.
[2]) Тамъ же, стр. 482—483.

нымъ средствомъ препятствовать дальнѣйшему паденію заработной платы, и если оно происходитъ въ соотвѣтственномъ объемѣ—уменьшать конкуренцію и повышать заработную плату. Необходимо согласиться, что прежде всего рабочій, остающійся холостымъ, и женатый рабочій, не имѣющій дѣтей, могутъ жить и при болѣе умѣренной заработной платѣ, чѣмъ семьи съ дѣтьми; также нельзя возражать и противъ того, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и даже въ отдѣльныхъ областяхъ, даже въ цѣлыхъ странахъ уменьшеніе потомства можетъ уменьшать конкуренцію рабочихъ и повышать заработную плату. Но это можетъ оказывать дѣйствительное вліяніе на заработную плату только въ томъ случаѣ, если трудъ по преимуществу ограниченъ въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, областяхъ или странахъ, и если существуетъ небольшой ввозъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ, если не считать Англіи, ввозъ по большей части еще весьма малъ по сравненію съ собственнымъ производствомъ". Примѣры: во Франціи высокая заработная плата въ земледѣліи, благодаря малому числу дѣтей, къ чему присоединяется еще отливъ сельскаго населенія въ города; въ Англіи—низкая, доходящая до степени условій жизни раба, потому что у англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ большая семья, а отливъ сельскихъ рабочихъ въ города возмѣщается притокомъ ирландцевъ; кромѣ того, ввозится много иностраннаго хлѣба.

b) При косвенной конкуренціи (ввозъ иностранныхъ продуктовъ) всякое стремленіе рабочихъ сократить свое число уменьшеніемъ размноженія оказывается напраснымъ, потому что потребители все равно будутъ покупать болѣе дешевые иностранные продукты, не обращая вниманія на то, сокращаютъ свое потомство мѣстные рабочіе, или нѣтъ. При такихъ условіяхъ плата мѣстныхъ рабочихъ должна фатально понизиться, потому что иначе иностранные товары просто вытѣснили бы мѣстные [1]).

Какъ видно изъ изложеннаго, ученіе Германа о заработной платѣ, въ общемъ менѣе обработанное, чѣмъ другіе

[1]) Hermann, указ. соч., стр. 485—487.

отдѣлы его „Staatswirthschaftliche Untersuchungen", давало тѣмъ не менѣе хорошую точку опоры для дальнѣйшаго изслѣдованія. Оно устраняло теорію фонда; оно указывало на неодинаковость рыночнаго давленія на различныя группы покупщиковъ труда; оно давало во многихъ отношеніяхъ мѣткую характеристику значенія конкуренціи между рабочими для высоты ихъ заработной платы. Конечно, оно страдало и крупными недостатками. Насъ непріятно поражаетъ въ немъ полное отсутствіе исторической перспективы и недостачно глубокій анализъ фактическихъ особенностей статики рыночнаго торга. Германъ былъ связанъ еще слишкомъ крѣпкими нитями съ старой абстрактной школой политической экономіи, чтобы обратить серьезное вниманіе на эти стороны вопроса. Вотъ почему выступленіе на арену экономической науки исторической и историко-этической школъ возбуждало большія надежды на соотвѣтственное расширеніе разработки вопросовъ распредѣленія и въ частности вопроса о заработной платѣ. Однако, новые экономисты, выступившіе съ столь горячими требованіями къ реформѣ политической экономіи съ точки зрѣнія реалистическаго изученія экономическихъ отношеній, не оправдали надеждъ ни въ одномъ крупномъ вопросѣ экономической теоріи. И ихъ ученія о заработной платѣ не даютъ почти ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что мы находимъ у Германа и у представителей охарактеризованныхъ выше одностороннихъ теорій. Что же касается самой постановки вопроса, то всѣ крупнѣйшіе представители указанныхъ реалистическихъ школъ съ значительнымъ единодушіемъ повторяютъ, безъ дальнѣйшей критической переработки, мысли Германа.

Работу, намѣченную Германомъ, въ гораздо бо́льшей степени (хотя по бо́льшей части независимо отъ его прямого вліянія) продолжали представители новаго абстрактнаго направленія въ политической экономіи, связаннаго съ примѣненіемъ къ разрѣшенію основныхъ экономическихъ проблемъ принципа предѣльнаго измѣренія. Только въ ихъ трудахъ мысль о сближеніи изслѣдованія причинъ заработной платы съ анализомъ образованія рыночныхъ цѣнъ вообще

получаетъ новую постановку и болѣе детальную разработку, въ особенности въ видѣ такъ наз. теоріи „рыночнаго торга" [1]). Но эти попытки новаго теоретическаго освѣщенія вопроса о заработной платѣ стоятъ еще въ бо́льшей связи съ ученіями Тюнена и Джевонса, къ характеристикѣ которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Если теоретическое значеніе взглядовъ Германа на заработную плату было мало понято его ближайшими преемниками и послѣдователями, несмотря на высокое уваженіе ихъ къ его авторитету,—то судьба теоріи Тюнена представляется еще болѣе печальной. Ученіе Тюнена до самого недавняго времени сопровождалось страннымъ недоумѣніемъ, дѣлавшимъ его совершенно безполезнымъ для теоретической разработки вопроса о заработной платѣ. На него принято было смотрѣть, какъ на оригинальную и остроумную, но утопическую попытку опредѣленія нормальной заработной платы, которая вытекала бы изъ нормальныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ. Критикой практической неосуществимости схемы, предложенной Тюненомъ, болѣе или менѣе однообразной, и наполнялись обыкновенно соотвѣтственные отдѣлы въ общихъ нѣмецкихъ трактатахъ по политической экономіи, прибавляя новый балластъ къ грудѣ матеріала, отягощающаго безъ пользы для дѣла ихъ теоретическую часть. Мысль, что въ ученіи Тюнена можно найти данныя, которыя послужили бы орудіемъ каузальнаго изслѣдованія вопроса о заработной платѣ, повидимому, даже и не возникала у большинства нѣмецкихъ экономистовъ, положившихъ немало усилій на его критику, и во всякомъ случаѣ совершенно не отразилась на ихъ положительныхъ выводахъ относительно причинъ заработной платы [2]). Ко-

[1]) Подробно объ этой теоріи см. ниже, въ соотвѣтств. главѣ.

[2]) Даже Конрадъ Шмидтъ, отказывающійся признать формулу „естественной заработной платы" Тюнена справедливой и идеальной и признающій за ней только „теоретическое значеніе", сводитъ свою критику ея къ указанію на ея неприложимость къ сложнымъ условіямъ современныхъ хозяйственныхъ отношеній. См. Conrad Schmidt, Der natürliche Arbeitslohn. Jena 1887, стр. 17—18 и 39—40. Значеніе те-

формулы Тюненъ исключаетъ изъ предположеній всякое насильственное давленіе одной стороны на другую и существованіе какихъ-либо монополій и привилегій; результатъ наступаетъ благодаря полному самоопредѣленію рабочихъ. Характернымъ въ этой формулѣ является признаніе Тюнена, что при предполагаемыхъ имъ нормальныхъ условіяхъ въ заработной платѣ сказалось бы (и притомъ въ полной мѣрѣ) вліяніе производительности труда, которому, по его мнѣнію, въ современной жизни мѣшаютъ проявиться несправедливыя преимущества на сторонѣ предпринимателей [1]). Производительность труда въ формулѣ Тюнена находитъ себѣ вполнѣ закругленное математически выраженіе. Такъ какъ

$$a : \sqrt{ap} = \sqrt{ap} : p,$$

то это значитъ, что „естественная заработная плата" составляетъ среднее пропорціональное между потребностью рабочаго и продуктомъ его труда, т. е. заработная плата превышаетъ необходимыя потребности рабочихъ въ такой же мѣрѣ, въ какой продуктъ превышаетъ заработную плату" [2]).

При общеизвѣстности этой части ученія Тюнена едва ли есть надобность указывать, что принимаемыя имъ допущенія представляютъ условія установленія заработной платы въ весьма упрощенномъ видѣ, далекомъ отъ ихъ дѣйствительнаго состоянія при капиталистическомъ строѣ. Необходимо напомнить лишь, что уже и здѣсь Тюненъ вводитъ принципъ предѣльнаго измѣренія для ренты съ капитала. Основываясь на положеніи, что „всякій вновь вкладываемый въ какое-либо предпріятіе или промыселъ, присоединяемый къ прежнему капиталъ приноситъ меньшую ренту, чѣмъ вложенный раньше", Тюненъ приходитъ къ выводу, что „рента, какую капиталъ гарантируетъ въ цѣломъ при отдачѣ его въ ссуду, опредѣляется послѣдней, примѣненной къ дѣлу частицей капитала". Отсюда же онъ выводитъ и дальнѣйшее слѣдствіе, а именно, что возрастаніе прилагаемаго

[1]) Какъ увидимъ ниже, въ дальнѣйшемъ изложеніи Тюненъ не выдерживаетъ послѣдовательно этой точки зрѣнія.

[2]) Der isolierte Staat, II, стр. 77—158.

капитала, уменьшающее размѣръ ренты, тѣмъ самымъ идетъ на пользу работнику, повышая плату за его трудъ [1]).

Выводъ относительно размѣра "естественной заработной платы" Тюненъ подвергаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи разносторонней повѣркѣ, вводя въ него при этомъ новыя положенія, значительно менѣе замѣченныя его критиками. Особенно характерно, что здѣсь Тюненъ обращается съ гораздо бо́льшей настойчивостью къ принципу предѣльнаго употребленія факторовъ производства, который онъ намѣчалъ уже и выше, говоря о примѣненіи капитала. Въ параллель къ прежнему положенію о высотѣ ренты съ капитала онъ выдвигаетъ и новую формулу заработной платы, не противорѣчащую, по его мнѣнію, а только подтверждающую первую ($\sqrt{ap}$), именно, что „заработная плата въ крупномъ предпріятіи равна продукту, созданному послѣднимъ, приставленнымъ къ дѣлу рабочимъ" [1]). Незамѣтно для себя самого, Тюненъ переходитъ здѣсь къ каузальному изслѣдованію, которое въ гораздо бо́льшей мѣрѣ проникаетъ собою эту вторую часть его разсужденій о заработной платѣ.

Тюненъ разсуждаетъ такъ: размѣры труда, прилагаемаго къ предпріятію, заранѣе установить нельзя. Если напр. помѣщикъ начинаетъ уборку картофеля, то количество труда, которое придется затратить на нее, опредѣлится въ зависимости отъ того, какъ чисто будетъ выполнена эта операція. Если будутъ извлечены только клубни, лежащіе въ поверхностномъ слоѣ, рабочихъ потребуется меньше, чѣмъ при полной очисткѣ поля. Но такъ какъ добываніе картофеля изъ болѣе глубокаго слоя почвы требуетъ больше труда, и слѣдовательно трудъ каждаго новаго рабочаго, приставленнаго для этой цѣли, будетъ менѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ рабочаго, добывающаго картофель только

[1]) Der isolierte Staat, II, стр. 99—104. См. здѣсь вычисленія Тюнена относительно вліянія на доходъ рабочаго примѣненія капиталовъ различной степени производительности.

[1]) „Der Arbeitslohn ist gleich dem Mehrerzeugniss, was durch den, in einemgrossen Betrieb, zuletzt angestellten Arbeiter hervorgebracht wird". Der isolierte Staat, II, стр. 178.

изъ поверхностнаго слоя, то для хозяина возникаетъ вопросъ: до какой степени чистоты ему выгодно собирать картофель? „Очевидно, отвѣчаетъ Тюненъ, до того пункта, на которомъ цѣнность полученнаго приращенія продукта (des mehr erlangten Ertrags) компенсируется издержками затраченнаго на это труда". Слѣдовательно, предприниматель заинтересованъ въ увеличеніи количества имѣющихся у него рабочихъ до тѣхъ поръ, пока каждый новый рабочій доставляетъ ему еще какую-нибудь выгоду, т. е. до той поры, пока доставляемый имъ продуктъ не будетъ равенъ его заработной платѣ [1]).

Такимъ образомъ, вопреки задачѣ, поставленной имъ въ началѣ изслѣдованія, Тюненъ дѣлаетъ здѣсь попытку анализа существующихъ отношеній; въ дальнѣйшемъ же изложеніи онъ идетъ еще дальше, покидая на время гипотезу изолированнаго государства и обращаясь прямо къ объясненію современной ему экономической дѣйствительности.

„Цѣнность труда послѣдняго приставленнаго рабочаго, говоритъ онъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его заработная плата. Это... положеніе допускаетъ столь многообразное примѣненіе къ общественной жизни, что мнѣ можетъ быть позволено прервать систематическій ходъ моего изслѣдованія... и обратиться къ дѣйствительности. Подобно тому, какъ въ приведенномъ примѣрѣ..., и въ дѣйствительности имѣетъ всеобщій характеръ (ist ganz allgemein) стремленіе предпринимателей увеличивать количество ихъ рабочихъ до тѣхъ поръ,

[1]) „Da es im Interesse des Unternehmer liegt—diese mögen Landwirthe oder Fabrikanten sein—die Zahl ihrer Arbeiter so weit zu steigern, als aus deren Vermehrung noch ein Vortheil für sie erwächst, so ist die Grenze dieser Steigerung da, wo das Mehrerzeugniss des letzten Arbeiters durch den Lohn, den derselbe erhält, absorbirt wird; umgekehrt ist also auch der Arbeitslohn gleich dem Mehrerzeugniss des lezten Arbeiters". Der isolierte Staat, II, стр. 181. Тюненъ замѣчаетъ здѣсь, между прочимъ, что это положеніе примѣнимо къ самымъ разнообразнымъ ступенямъ сельскаго хозяйства, потому что задачей его всегда является не повышеніе собираемаго продукта, а полученіе возможно бóльшаго чистаго дохода, т. е. установленіе разумнаго отношенія между затратами и получаемымъ отъ нихъ результатомъ. Тамъ же, стр. 182—185.

пока изъ дальнѣйшаго увеличенія для нихъ будетъ какая-нибудь выгода, т. е. до тѣхъ поръ, пока плата за трудъ не достигнетъ цѣнности труда, такъ какъ это коренится въ природѣ даннаго дѣла и въ интересѣ предпринимателей [1]).

Отсюда Тюненъ дѣлаетъ и дальнѣйшій выводъ, что и плата всѣхъ рабочихъ одного разряда регулируется платой послѣдняго работника. „Заработная плата, которую получаетъ послѣдній приставленный къ дѣлу рабочій, должна регулировать плату всѣхъ рабочихъ одинаковой ловкости и умѣнья, потому что за одинаковыя услуги не можетъ быть уплочена неодинаковая плата (курсивъ Тюнена) [2]).

Устанавливая здѣсь это положеніе, что заработная плата опредѣляется „цѣнностью услугъ работника", Тюненъ какъ бы забываетъ, что приступая къ изслѣдованію, онъ объяснялъ дѣйствительныя условія вознагражденія за трудъ притѣсненіями предпринимателей, пользующихся беззащитностью рабочихъ. Возражая Прудону, который возмущается несправедливостью оплаты часа труда нотаріуса такой же суммой, какъ двѣнадцатичасовая тяжелая работа обыкновеннаго рабочаго, или высшаго вознагражденія фабричнаго надсмотрщика, чѣмъ носильщика, — Тюненъ заявляетъ: „Спросимъ, что побуждаетъ фабриканта къ высшему вознагражденію надсмотрщика. Это не благосклонность, не гуманность, не дружба; онъ сейчасъ же разсчиталъ бы его, если бы онъ могъ безъ него обойтись, если бы польза, какую приноситъ ему надсмотрщикъ, не была равна по крайней мѣрѣ его жалованью. Слѣдовательно, и здѣсь цѣнность оказывается мѣриломъ вознагражденія. Принимать за мѣрило заработной платы вмѣсто цѣнности труда длину рабочаго времени—химера. Итакъ, если работникъ получаетъ въ своей платѣ цѣнность своего труда, то отсюда слѣдуетъ, что угнетенное положеніе рабочихъ вытекаетъ не изъ жадности и любостяжанія (Hab-und Gewinnsucht) землевладѣльцевъ и

---

[1]) Der isolierte Staat, II, стр. 185 186.

[2]) Der isolierte Staat, II, стр. 186.

фабрикантовъ, такъ какъ они (ибо здѣсь нѣтъ рѣчи о подачѣ милостыни) не могутъ заплатить за трудъ больше, чѣмъ онъ для нихъ стоитъ (als was sie ihnen werth ist), такъ что источникъ бѣдственнаго положенія рабочаго класса слѣдуетъ искать глубже и въ другомъ мѣстѣ" [1]).

Если бы, продолжаетъ Тюненъ, фабриканты повысили заработную плату рабочимъ дальше указаннаго предѣла, то при неизмѣнившемся общемъ числѣ рабочихъ имъ пришлось бы уволить часть ихъ, такъ какъ цѣнность создаваемаго ими продукта была бы меньше того, что имъ платили. Чтобы не умереть съ голоду, эти рабочіе вернулись бы и согласились бы работать за прежнюю плату. „Это предположеніе приводитъ Тюнена и къ указанію вообще тѣхъ результатовъ, какіе должны наступить для рабочихъ въ томъ случаѣ, если число ихъ (т. е. предложеніе ихъ труда) было бы больше имѣющагося спроса на ихъ работу. Если бы при прежнихъ размѣрахъ обрабатываемой земли и капитала количество рабочихъ увеличивалось, то плата ихъ все падала бы, соотвѣтственно уменьшенію цѣнности продукта, создаваемаго новыми рабочими. Границей уменьшенія платы была бы сумма необходимыхъ средствъ существованія, т. е. она наступила бы тогда, когда продуктъ труда новыхъ рабочихъ сталъ бы равняться ихъ необходимымъ средствамъ существованія, ибо за меньшую плату, чѣмъ какая требуется для поддержанія его жизни, человѣкъ не можетъ работать [2]). Продолжая развитіе этой мысли, Тюненъ приходитъ къ еще болѣе безотрадному выводу, а именно, что зарабатывать себѣ необходимыя средства къ существованію могли бы при такихъ условіяхъ только наиболѣе здоровые и сильные среди рабочихъ [3]).

---

[1]) Der isolierte Staat, стр. 186—187.

[2]) Тамъ же, стр. 188—189.

[3]) „Если рабочіе, предлагающіе свой трудъ, находятся въ избыткѣ, то только наиболѣе здоровые и сильные изъ нихъ найдутъ себѣ занятіе; другіе же останутся безъ хлѣба. А такъ какъ сила человѣка въ различныя эпохи его жизни не остается одинаковой, а уменьшается къ старости, то можетъ дойти до того, что и способнѣйшіе рабочіе будутъ

Выдвигая принципъ предѣльнаго измѣренія при изученіи размѣровъ заработной платы, Тюненъ подходитъ съ этой точки зрѣнія и къ вопросу, который вообще возбуждаетъ большой интересъ у экономистовъ, примѣняющихъ къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій математическій методъ, и который съ новой силой выдвинулся опять въ ученіяхъ австрійской экономической школы,—именно, какимъ образомъ можно опредѣлить доли продукта, являющіяся результатомъ приложенія труда и капитала. „Капиталъ самъ по себѣ мертвъ, говоритъ Тюненъ, и не можетъ произвести ничего безъ движущей силы человѣка. Но столь же мало можетъ произвести что-нибудь въ нашемъ европейскомъ климатѣ и человѣкъ, не снабженный капиталомъ, т. е. одеждой, жизненными припасами, орудіями и т. д. Продуктъ труда р есть общій результатъ труда и капитала. Какимъ же образомъ можно измѣрить долю, какую каждый изъ этихъ факторовъ имѣетъ для себя въ ихъ общемъ продуктѣ?"

Путь для разрѣшенія этого вопроса, по мнѣнію Тюнена, довольно простъ. Для того чтобы опредѣлить производительность капитала, необходимо разсматривать трудъ какъ постоянную величину, и наблюдать, какія приращенія въ продуктѣ будутъ получаться при послѣдовательномъ увеличеніи капитала. И наоборотъ, чтобы опредѣлить производительность труда, необходимо разсматривать капиталъ какъ постоянную величину и наблюдать, какія измѣненія въ продуктѣ будутъ получены при послѣдовательномъ увеличеніи труда [1]). Разрѣшая проблему въ ея общей постановкѣ, Тюненъ различаетъ два случая. При соблюденіи условій, гарантирующихъ рабочему его „естественную заработную плату", „законъ раздѣла между капиталистами и рабочими" выразился бы въ томъ, что „оба вида труда, а именно—содержащійся въ капиталѣ и выполняемый за заработную плату должны были бы (предполагая равное количество ихъ) да-

находить занятіе только въ расцвѣтѣ юности и мужественной силы, въ старости же должны будутъ бѣдствовать". Der isolierte Staat, II, стр. 189—193.

[1]) Der isolierte Staat, II, стр. 193—196.

вать и одинаковыя ренты". Поэтому при указанныхъ условіяхъ рабочіе и капиталисты были бы одинаково заинтересованы въ повышеніи производительности; и тѣ, и другіе теряли бы при уменьшеніи производства и выигрывали бы при его увеличеніи. Иначе говоря, „пока заработная плата $= \sqrt{ap}$, до тѣхъ поръ... и работникъ защищенъ противъ нужды и недостатка". Второй случай Тюненъ усматриваетъ въ условіяхъ современной ему экономической дѣйствительности. Здѣсь рабочій не имѣетъ уже выхода (какъ въ гипотетическомъ изолированномъ государствѣ) въ обращеніи къ воздѣлыванію необработаннаго еще участка земли. Размѣры заработной платы рѣшаетъ конкуренція, и чѣмъ больше убываетъ въ заработной платѣ излишекъ сверхъ необходимыхъ средствъ существованія, тѣмъ больше растетъ процентъ. „Поэтому въ интересахъ предпринимателей и капиталистовъ понижать заработную плату все дальше, и въ то время какъ рабочій можетъ удовлетворять на свою заработную плату только необходимыя жизненныя потребности, капиталистъ пользуется еще высокимъ процентомъ". „Въ этой противоположности интересовъ, заключаетъ Тюненъ (курсивъ его), и коренится причина того, почему пролетаріи и владѣющіе (классы) постоянно находятся въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и останутся непримиримыми, пока не будетъ устранено раздвоеніе ихъ интересовъ". Тюненъ идетъ еще дальше, заявляя, что въ современномъ хозяйственномъ строѣ нѣтъ соотвѣтствія не только между положеніемъ капиталистовъ и рабочихъ, но и между положеніемъ рабочихъ и національнымъ благосостояніемъ, т. е. высказывается въ духѣ Verelendungstheorie.

„Благодаря открытіямъ въ фабричномъ дѣлѣ, проведенію шоссе и желѣзныхъ дорогъ, завязыванію новыхъ торговыхъ связей и т. д. національный доходъ время отъ времени можетъ сильно подниматься. Но при нашей современной общественной организаціи работникъ оказывается незатронутымъ этимъ, его положеніе остается какъ было, и весь приростъ дохода достается предпринимателямъ, капитали-

стамъ и землевладѣльцамъ". Указавъ, что съ 1836 года въ Мекленбургѣ средняя аренда поднялась въ полтора и два раза, Тюненъ замѣчаетъ, что „изъ этого чрезвычайнаго увеличенія національнаго дохода рабочему классу не досталось ничего, и не можетъ достаться при нашей соціальной организаціи" [1]).

Противополагая общественный строй, при которомъ была бы возможна „естественная заработная плата", современнымъ ему европейскимъ экономическимъ порядкамъ, Тюненъ видѣлъ въ немъ, однако, не одинъ только идеалъ будущаго, а считалъ его уже осуществленнымъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ хозяйственныя условія вообще, по его мнѣнію, весьма близки къ предположеннымъ для изолированнаго государства. „Тамъ такъ же, какъ въ изолированномъ государствѣ, можно еще получить плодородную землю въ любомъ количествѣ или даромъ, или за пустяки. Тамъ, какъ и въ изолированномъ государствѣ, предѣлы расширенію культуры можетъ поставить только отдаленность отъ рынка. Но эти предѣлы отодвигаются все дальше распространеніемъ рѣчного пароходства, проведеніемъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Тамъ слѣдовательно заработная плата $\sqrt{ap}$ можетъ достигнуть осуществленія, и дѣйствительно достигла этого; ибо мы находимъ въ Америкѣ между заработной платой и процентомъ отношеніе, сходное съ тѣмъ, какое мы вывели изъ нашихъ формулъ для плодородной почвы. Въ результатѣ такихъ отношеній между рабочими и капиталистами мы находимъ въ Сѣверной Америкѣ всеобщее

---

[1]) Der isolierte Staat, II, стр. 201—209. Въ видѣ контраста такому положенію вещей Тюненъ указываетъ, какъ мы упоминали выше,—условія, при которыхъ заработная плата равнялась бы $\sqrt{ap}$. При этомъ у него проглядываетъ характерная для крупнаго землевладѣльца идеализація „патріархальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими". При предполагаемыхъ имъ нормальныхъ условіяхъ „волненія и насильственныя дѣйствія, которыми рабочіе вынудили себѣ высшую плату весной 1848 г., не состоялись бы, и прекрасная патріархальная связь, существовавшая ранѣе между господами и подчиненными (Herrn und Untergebenen) не была бы разорвана".

благосостояніе, растущее исполинскими шагами; тамъ нѣтъ рѣзкаго обособленія между различными классами и между ними господствуетъ миръ и согласіе, и даже среди низшаго класса народа начальныя школьныя свѣдѣнія—чтеніе, письмо и счетъ—распространены шире, чѣмъ въ Европѣ" [1]).

Такимъ образомъ, ученіе Тюнена, при кажущейся опредѣленности его формулировки (заработная плата $= \sqrt{ap}$), въ дѣйствительности представляется совокупностью разнородныхъ и часто противорѣчивыхъ положеній, которыя, не будучи удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса сами по себѣ, давали тѣмъ не менѣе въ высшей степени интересный матеріалъ для его дальнѣйшей теоретической разработки. Въ настоящее время нѣтъ надобности останавливаться подробно на недостаткахъ главнаго ученія Тюнена, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ правильно отмѣчены въ посвященной Тюнену критической литературѣ [1]). Наиболѣе крупнымъ недочетомъ его теоріи представляется, на нашъ взглядъ, полное исключеніе изъ условій распредѣленія общественнаго дохода отношеній между живыми общественными группами, владѣющими различными факторами производства. Допуская существованіе антагонизма интересовъ между капиталистами и рабочими въ современномъ хозяйственномъ строѣ,—для „изолированнаго государства" Тюненъ принимаетъ обратную гипотезу, что, естественно, значительно ослабляетъ теорети-

[1]) Der isolierte Staat, II, 211—212.

[1]) Еще Гельферихъ, авторъ первой серьезной критической работы объ „естественной заработной платѣ" Тюнена, указывалъ, что допущенія Тюнена предполагаютъ слишкомъ упрощенную промышленную структуру страны, существенно противорѣчащую дѣйствительнымъ отношеніямъ, однообразный уровень необходимыхъ потребностей рабочей семьи, который нельзя установить даже въ одной отрасли промышленности въ близъ лежащихъ мѣстностяхъ, и наконецъ средняго рабочаго, тогда какъ „въ самой жизни существуютъ только безконечно различныя трудовыя дѣйствія (Arbeitsleistungen), которыя съ трудомъ поддаются комбинированію въ одну среднюю величину". Helferich. Johann Heinrich von Thünen und sein Gesetz über die Theilung des Products unter die Arbeiter und Kapitalisten. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, Bd. VIII (1852), стр. 429—430.

ческую цѣнность его выводовъ. Однако, это не значитъ еще, что указанный недостатокъ лишаетъ его теорію какого бы то ни было значенія для объясненія дѣйствительной экономической жизни. Если смотрѣть на теорію Тюнена только какъ на предварительную гипотезу, которая въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи должна быть дополнена рядомъ новыхъ допущеній, все болѣе и болѣе приближающихъ ее къ дѣйствительнымъ экономическимъ отношеніямъ, то значеніе ея должно представиться въ иномъ свѣтѣ.

Также существенными недостатками теоріи Тюнена объ „естественной заработной платѣ" представляется допущеніе, очевидно навѣянное постояннымъ наблюденіемъ сельскохозяйственной промышленности, что рента съ капитала послѣдовательно понижается въ связи съ уменьшеніемъ его производительности. Это положеніе, спорное даже для употребленія капитала въ земледѣліи, еще менѣе примѣнимо къ индустріи, а между тѣмъ Тюненъ строитъ на немъ очень важные выводы [1]). Съ другой стороны, Тюненъ видитъ въ капиталѣ факторъ образованія цѣнности, равный труду, что представляется противорѣчащимъ его же собственному признанію теоріи цѣнности Рикардо. Отожествляя значеніе приложенія капитала въ производствѣ съ употребленіемъ труда, Тюненъ слишкомъ легко относился и къ вопросу объ опредѣленіи долей, приходящихся въ продуктѣ на каждый факторъ производства. Впрочемъ и въ данномъ отношеніи его изслѣдованіе могло имѣть крупное теоретическое значеніе, если бы оно было принято въ качествѣ перваго шага научной работы и затѣмъ было бы дополнено новыми чертами, взятыми изъ дѣйствительной жизни. Однако, германскіе критики Тюнена не обратили вниманія на эту сторону вопроса, сосредоточивъ всѣ усилія на доказательствѣ простой мысли (на развитіе которой едва ли стоило затрачивать столько

---

[1]) Ср. Conrad Schmidt, указ. соч., стр. 21—22. Наоборотъ, Маршаллъ, отмѣчая также неправильность этого мнѣнія Тюнена, признаетъ за нимъ большой историческій интересъ. Principles of Economics, стр. 593.

труда), что теорія „естественной заработной платы“ Тюнена, въ томъ видѣ какъ она была имъ изложена, неприложима къ объясненію фактовъ современной хозяйственной дѣйствительности [1]). Германская литература прошла мимо и самыхъ

[1]) Особенно легкомысленное отношеніе къ теоріи Тюнена (какъ впрочемъ и вообще къ вопросамъ распредѣленія) проявляетъ Клейнвехтеръ, тѣмъ болѣе досадное, что у него, въ отличіе отъ большинства экономистовъ историко-этической школы, проглядываетъ стремленіе освободиться отъ принятаго этой школой шаблона. По поводу опредѣленія долей каждаго фактора Клейнвехтеръ замѣчаетъ просто, что оно невозможно, такъ какъ здѣсь пришлось бы рѣшать уравненіе съ тремя неизвѣстными, которое, „какъ знаетъ всякій ученикъ гимназіи, не можетъ быть разрѣшено“. Вообще, „цыфровое вычисленіе абсолютно справедливой или „сообразной природѣ“ заработной платы, даже если бы оно и было возможно, представляется Кленвехтеру „совершенно лишнимъ“, и вытекаетъ, по его мнѣнію, „изъ того чисто манчестерскаго взгляда на жизнь, по которому весь міръ является ничѣмъ инымъ какъ одной огромной биржевой залой“... Наша жизнь есть ничто иное, какъ непрерывная цѣпь взаимныхъ услугъ (Dienstleistungen) и устройство ея на такую дѣловую ногу, чтобы за всякій отвѣтъ на предложенный вопросъ или за всякій поданный стаканъ воды сейчасъ же вычислять „естественную заработную плату“ и требовать—„стоитъ столько-то“,—привело бы къ безнадежному отчаянію даже самыхъ заядлыхъ биржевиковъ. „Къ чему человѣкъ стремится въ данномъ направленіи и къ чему онъ единственно и можетъ разумно стремиться, это къ существованію, достойному человѣка (eine menschenwürdige Existenz), т. е., какъ справедливо говорятъ англичане,—къ „a fair day wage for a fair days work“... Значеніе теоріи Тюнена Клейнвехтеръ неожиданно усматриваетъ просто въ тяжеловѣсности употребляемаго Тюненомъ научнаго аппарата, импонирующаго невѣжественной публикѣ. „Только съ того времени, говоритъ онъ, какъ этотъ предметъ (вопросъ о справедливости существующей заработной платы) былъ облеченъ въ такъ назыв. научное одѣяніе и представители интересовъ рабочихъ явились съ большимъ ученымъ аппаратомъ и стали доказывать, что дѣйствительная заработная плата стоитъ далеко ниже справедливой или „сообразной природѣ“ заработной платы,—тогда только (ибо ничто такъ сильно не импонируетъ среднему человѣку, какъ груда дѣйствительной или мнимой, но — и это главное — непонятной учености) стало проглядывать въ обширныхъ кругахъ сомнѣніе въ справедливости существовавшей до тѣхъ поръ заработной платы, и съ того же времени ведутъ свое начало и стремленія сдѣлать положеніе рабочаго болѣе благопріятнымъ путемъ законодательства и иныхъ государственныхъ мѣропріятій“. Klein-

крупныхъ положительныхъ указаній, содержащихся въ ученіи Тюнена, — на принципы производительности и предѣльнаго измѣренія. Если бы такое отношеніе къ этимъ принципамъ вытекало у германскихъ экономистовъ изъ сознательнаго отрицанія ихъ значенія, то это было бы еще понятно. Но они просто не обратили на нихъ вниманія. Между тѣмъ приведенныя выше мѣста изъ труда Тюнена, думается намъ, съ достаточною ясностью показываютъ, что вліяніе производительности труда отмѣчено у Тюнена очень яркими чертами. Правда, мы видѣли, что онъ недостаточно отчетливо разграничивалъ въ данномъ случаѣ требованія идеальнаго установленія заработной платы отъ анализа того, что происходитъ въ дѣйствительности; но для сколько-нибудь внимательнаго критика Тюнена не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ его ученіи содержатся прямыя и весьма цѣнныя указанія и на дѣйствительныя условія установленія заработной платы въ духѣ теоріи производительности [1]). Отчасти этой небрежностью по отношенію

---

wächter, указ. соч., стр. 231—233. Такія заявленія, не говоря уже о странности указанія на чудодѣйственную силу „непонятной учености" въ дѣлѣ соціальныхъ реформъ, обличаютъ въ авторѣ слишкомъ поверхностное отношеніе къ задачамъ теоретическаго изслѣдованія, мало понятное въ особенности при слабой разработкѣ теоріи распредѣленія въ современной экономической литературѣ вообще, а тѣмъ болѣе германской, на которую опирается почти исключительно Клейнвехтеръ. По его мнѣнію, теорія Тюнена совершенно не будитъ теоретической мысли. Вычисленія и разсужденія Тюнена доказываютъ „всѣмъ извѣстную истину (eine platte selbstverständliche Wahrheit), что на границѣ культуры рабочій долженъ получать по крайней мѣрѣ такую заработную плату, при которой онъ не предпочелъ бы удалиться въ пустыню и завести тамъ собственное хозяйство, а въ болѣе общей формѣ,— что если моему рабочему представляется возможность получить болѣе выгодное мѣсто гдѣ-либо, то я долженъ платить ему столько же, если я хочу, чтобы онъ остался на моей фабрикѣ. Необходимо ли доказывать истинность этого положенія съ помощью высшей математики,—это можно поставить подъ сомнѣніемъ". Kleinwächter, указ. соч., стр. 234.

[1]) Постоянныя колебанія Тюнена между теоріями производительности и средствъ существованія имѣли своимъ источникомъ, повидимому, недостаточное разграниченіе особенностей въ положеніи при дого-

къ Тюнену, о теоріи котораго, однако, пространно трактуется въ каждомъ болѣе и менѣе обстоятельномъ нѣмецкомъ учебникѣ политической экономіи, отчасти—малымъ знакомствомъ съ разработкой теоріи распредѣленія въ англо-американской литературѣ, повидимому, объясняется и вообще слабое распространеніе въ Германіи первой версіи теоріи производительности [1]).

Равнымъ образомъ остались неоцѣненными въ германской литературѣ и положенія Тюнена, что размѣры процента опредѣляются послѣдней, вложенной въ дѣло частицей капитала, а заработной платы—послѣднимъ работникомъ,—которыя, какъ бы ни относиться къ нимъ по существу, несомнѣнно должны были будить теоретическую мысль. Между прочимъ, они указывали на то, что въ теоріи распредѣленія есть возможность выдѣлить извѣстную систему наиболѣе абстрактныхъ и элементарныхъ выводовъ, облегчающихъ дальнѣйшее теоретическое изслѣдованіе. Такое значеніе этой части ученія Тюнена осталось, впрочемъ, темнымъ и для его послѣдователей по духу. Германскіе же экономисты историческаго направленія совершенно не вдумывались въ ея методологическій смыслъ, а между тѣмъ критическая оцѣнка этихъ положеній при свѣтѣ общихъ методологическихъ принциповъ, защищаемыхъ исторической и историко-этической школами, могла бы послужить даже хорошимъ предохранительнымъ оружіемъ противъ крайностей и

ворѣ о наймѣ на работу различныхъ группъ трудящагося населенія. Склонный вообще къ установленію абсолютныхъ теоретическихъ формулъ, Тюненъ совершенно покидалъ одно объясненіе, какъ только переходилъ къ другому, не видя возможности согласовать ихъ. Между тѣмъ, какъ было показано въ предыдущей главѣ, вліяніе производительности труда точно такъ же, какъ и уровня жизни, проявляется не абсолютно, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, которыя не всегда имѣются на лицо и которыя различны для отдѣльныхъ разрядовъ рабочихъ.

[1]) Благопріятнымъ указаніемъ на начинающійся уже въ германской экономической литературѣ поворотъ въ сторону признанія значенія принципа производительности для установленія общей теоріи заработной платы представляются отмѣченныя въ предыдущей главѣ работы Дитцеля.

злоупотребленій пользованіемъ идеей предѣльнаго измѣренія, въ которыхъ были потомъ особенно повинны представители австрійской школы.

Поэтому незначительное вліяніе, какое теорія Тюнена въ дѣйствительности оказала на разработку вопросовъ распредѣленія въ ближайшей къ нему экономической литературѣ, нельзя не признать результатомъ прискорбнаго историческаго недоразумѣнія, къ сожалѣнію, часто встрѣчающагося въ развитіи научнаго знанія. И Тюнену пришлось въ данномъ отношеніи раздѣлить судьбу многихъ крупныхъ теоретиковъ, значеніе которыхъ стали надлежащимъ образомъ оцѣнивать только тогда, когда истины, впервые намѣченныя ими, были развиты независимо отъ нихъ, другими путями, и въ такомъ видѣ нашли себѣ признаніе.

Гораздо большее вліяніе на новѣйшее развитіе разработки вопроса о заработной платѣ имѣли замѣчанія Джевонса, разсѣянныя въ его „Theory of Political Economy". Отрывочныя и противорѣчивыя, часто переходящія въ парадоксы, они блещутъ, однако, остроуміемъ и оригинальностью, какъ все, что выходило изъ-подъ пера этого талантливаго писателя. Въ указанномъ трактатѣ, вообще не отличающемся систематичностью изложенія, Джевонсъ не задавался цѣлью дать полную теорію заработной платы, и по бо́льшей части онъ касается ея не непосредственно, а по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Если попытаться возсоздать нѣчто единое изъ этихъ отдѣльныхъ замѣчаній, то мы получимъ своеобразное соединеніе теоріи производительности съ теоріей фонда, которыя находятся въ такой непримиримой враждѣ другъ съ другомъ въ рукахъ другихъ экономистовъ [1]). Эти

[1]) Съ вопросомъ объ отношеніи Джевонса къ теоріи фонда связано одно недоразумѣніе, объясняемое неточностью употребляемой имъ терминологіи. Принимая по существу многія положенія теоріи фонда, Джевонсъ тѣмъ не менѣе высказывается о ней отрицательно, понимая подъ этимъ терминомъ только ея наивную старую формулировку. Поэтому онъ отзывается съ сочувствіемъ о всѣхъ позднѣйшихъ попыткахъ ея критики, исходили ли онѣ изъ враждебнаго ей или союзнаго лагеря,— объ указаніяхъ Уокера не въ меньшей степени, чѣмъ о замѣчаніяхъ Кэрнса. См. напр. Theory of Political Economy, 3-е изд. London 1888, введеніе, стр. XLIII.

мысли Джевонсъ противополагаетъ экономической системѣ школы Рикардо, въ которой онъ вообще видѣлъ наиболѣе вредное препятствіе для правильнаго развитія экономической науки [1]). Однако, цѣль, какую онъ себѣ ставитъ, въ дѣйствительности оказывается недостигнутой. Оставаясь при той же индивидуалистической точкѣ зрѣнія на явленія хозяйственной жизни, изъ которой исходили Рикардо и его школа, Джевонсъ самъ еще весьма близокъ къ столь ненавистной ему теоретической системѣ этой школы. Многія изъ существенныхъ ея положеній даже прямо воскресаютъ въ его собственномъ ученіи и притомъ съ еще бóльшей рѣзкостью и прямолинейностью. Поэтому среди замѣчаній Джевонса наиболѣе оригинальными и сильными представляются или такія, которыя противорѣчатъ его основной точкѣ зрѣнія, или такія, которыя представляютъ собою только начало изслѣдованія, какъ предварительная характеристика явленій индивидуальной экономіи, съ которыми приходится затѣмъ посчитаться и экономіи соціальной. Во всякомъ случаѣ ученіе Джевонса для непредубѣжденнаго читателя представляется не реформой политической экономіи, которая

[1]) ...„Я увѣренъ, что когда, освободившись отъ теоріи фонда заработной платы, ученія о цѣнности, построеннаго на издержкахъ производства, естественной нормы заработной платы и другихъ смущающихъ (misleading) или ложныхъ Рикардіанскихъ доктринъ, мы начнемъ намѣчать ясно и просто результаты правильной теоріи, будетъ нетрудно достигнуть вѣрнаго ученія о заработной платѣ"... „Если наконецъ установится истинная система экономической науки, то увидятъ, что способный, но ошибочно мысливший человѣкъ—Давидъ Рикардо поставилъ колесницу политической экономіи на неправильный путь,—по которому, однако, ее подвинулъ дальше по направленію къ теоретической смутѣ его столь же способный и столь же ошибочно мысливший поклонникъ—Джонъ Стюартъ Милль. И тогда были экономисты, какъ Мальтусъ и Сеніоръ, обладавшіе далеко лучшимъ пониманіемъ истинныхъ доктринъ (хотя и они не были свободны отъ Рикардіанскихъ ошибокъ); но они были устранены съ поля единствомъ и вліяніемъ школы Рикардо-Милля. Потребуется большой трудъ, чтобы поднять обломки разсѣяннаго знанія и отправиться въ путь сызнова, но это—работа, передъ которой не должны отступать тѣ, кто желаетъ видѣть какой-либо прогрессъ въ экономической наукѣ." Theory, стр. L.

замѣнила бы собою старую систему классической школы, а просто собраніемъ отдѣльныхъ замѣчаній, изъ которыхъ многія остроумны, блестящи и глубоки, но которыя не могутъ считаться элементами сколько-нибудь стройнаго теоретическаго цѣлаго. Мѣткое и ошибочное, глубокопродуманное и парадоксальное сплетаются въ немъ въ очень сложную и запутанную сѣть теоретическихъ положеній, въ оцѣнкѣ которыхъ трудно опредѣлить сравнительное значеніе каждаго, а въ дальнѣйшей разработкѣ — легко стать на ошибочный путь. Поэтому и среди преемниковъ и послѣдователей Джевонса мы не встрѣтимъ цѣльнаго отношенія къ защищаемымъ имъ взглядамъ и очень часто, разсматривая ихъ попытки подвинуть дальше работу, начатую или намѣченную Джевонсомъ, мы найдемъ, что они гоняются за призраками, развивая изъ ученія Джевонса не то, что было въ немъ наиболѣе свѣжаго и сильнаго, а что вкралось въ него какъ пережитокъ старой, имъ же самомъ отвергнутой доктрины, прикрытый своеобразной внѣшней формулировкой, затрудняющей выясненіе его истинной сущности.

Джевонсъ расматриваетъ вопросъ о вознагражденіи за трудъ съ точки зрѣнія общей, указываемой имъ, задачи экономическаго изслѣдованія, состоящей въ изученіи отношеній между удовольствіемъ и непріятностью (pleasure and pain), такъ какъ въ созданіи перваго и устраненіи второй заключается, по его мнѣнію, весь смыслъ хозяйственной дѣятельности. А такъ какъ все, что доставляетъ намъ удовольствіе, мы считаемъ обладающимъ полезностью (utility), то, наоборотъ, все, что доставляетъ намъ непріятность, и что мы желали бы устранить, мы считаемъ обладающимъ обратнымъ свойствомъ, которое Джевонсъ предлагаетъ назвать disutility (терминъ, который, за неимѣніемъ подходящаго русскаго слова, мы будемъ передавать выраженіями: „отрицательная полезность“ или „непріятность“)[1]. А такъ какъ подъ

[1]) Въ самой полезности Джевонсъ разграничиваетъ три вида: дѣйствительную, будущую и потенціальную (actual, prospective and potential utility), отмѣчая, что настоящая полезность, въ силу господствующихъ

трудомъ Джевонсъ понимаетъ „тягостное напряженіе ума или тѣла, выполняемое вполнѣ или частью съ цѣлью (полученія) будущаго блага", то онъ видитъ въ немъ просто случай отрицательной полезности (disutility), къ изслѣдованію которой приложимы тѣ же пріемы, какъ и при изученіи полезности вообще [1]). Нормальнымъ отношеніемъ между трудомъ и вознагражденіемъ за него Джевонсъ считаетъ равновѣсіе между непріятностью, проистекающею изъ труда, и удовольствіемъ, получаемымъ отъ его результатовъ. Нормальная, т. е. наиболѣе выгодная для работника продолжительность труда опредѣляется, по его мнѣнію, принципомъ „предѣльной эквивалентности труда и полезности". Свободный работникъ претерпѣваетъ тягость труда, потому что удовольствіе, какое онъ ожидаетъ получить, или непріятность, которую онъ надѣется устранить посредствомъ продукта, превышаетъ непріятность напряженія. Когда самъ трудъ оказывается худшимъ зломъ, чѣмъ то, отъ котораго онъ спасаетъ работника, у послѣдняго не можетъ быть никакого мотива для дальнѣйшаго напряженія, и онъ прекратитъ работу. Поэтому онъ перестанетъ работать какъ разъ на томъ пунктѣ, на которомъ непріятность становится равной получаемому удовольствію. Когда трудъ производитъ больше продукта, т. е. когда вознагражденіе работника выше, онъ можетъ полнѣе удовлетворить свои потребности, и если непріятность труда достигла для него уже высокаго пункта, онъ можетъ получить больше удовольствія, отказываясь отъ труда, чѣмъ расширяя свое потребленіе. Такое стремленіе, указываетъ Джевонсъ, и въ дѣйствительности замѣчается среди совре-

въ человѣкѣ психологическихъ чертъ оцѣнивается обыкновенно выше будущей (положеніе, которое сыграло впослѣдствіи видную роль въ развитіи ученія о распредѣленіи австрійской школы). См. Theory, стр. 37—38 и 69—73.

[1]) „We might in fact treat labour as simply one case of disutility or negative utility, that is as pain, or at any rate as a generally painful balance of pleasure and pain, endured in the action of acquiring commodity. Thus its dimensions might be described as identical with those of utility"... Theory, стр. 178.

менныхъ рабочихъ, получающихъ уже довольно высокую реальную плату. „Ремесленники (artisans), фабричные рабочіе и другіе, повидимому, обыкновенно предпочитаютъ большій досугъ (ease) большему богатству, доказывая этимъ, что тягостность труда возрастаетъ для нихъ столь быстро, что легко перевѣшиваетъ выигрышъ въ полезности“ [1]). Стремленіе уравновѣсить выгоды съ непріятностью должно опредѣлять и распредѣленіе труда между различными занятіями, потому что рабочій будетъ переходить изъ одного занятія въ другое, пока приращеніе полезности, даваемое какимъ-либо занятіемъ, не станетъ уравновѣшивать приращенія непріятности [2]).

Давая такимъ образомъ объясненіе нормальныхъ условій вознагражденія за трудъ въ духѣ теоріи производительности, Джевонсъ забываетъ о немъ и становится на точку зрѣнія теоріи фонда, переходя къ изслѣдованію вопроса о роли капитала при употребленіи наемнаго труда. Взглядъ старыхъ теоретиковъ фонда, по которому вознагражденіе за трудъ представляется только условіемъ дальнѣйшаго производства, выступаетъ у Джевонса въ еще болѣе обнаженномъ и упрощенномъ видѣ. Онъ опредѣляетъ капиталъ просто какъ средства существованія рабочихъ, а „единственной

[1]) Theory, стр. 179—183. Джевонсъ возвращается къ этому вопросу въ другомъ мѣстѣ, говоря объ интенсивности труда. „Когда работа можетъ быть закончена въ короткій промежутокъ времени, рабочіе могутъ быть побуждаемы необычной наградой выработать гораздо больше обычной нормы; но такая высокая норма вознагражденія не была бы выгодна при другихъ обстоятельствахъ. Усталость всегда быстро возрастаетъ, когда скорость работы перейдетъ извѣстный пунктъ, такъ что полученный придатокъ къ продукту въ дѣйствительности окажется гораздо болѣе дорого стоющимъ. Въ регулярномъ и постоянномъ занятіи наибольшій результатъ всегда будетъ полученъ при такой нормѣ (вознагражденія), которая позволяла бы рабочему каждый день или по крайней мѣрѣ каждую недѣлю совсѣмъ оправляться отъ усталости и снова приступать къ дѣлу съ неуменьшеннымъ запасомъ энергіи“. Тамъ же, стр. 203—209.

[2]) Theory, стр. 183—185.

и самой существенной" функціей капитала считаетъ, что онъ даетъ рабочему возможность ждать результата продолжительной работы, т. е. установить интервалъ между началомъ и концомъ какого-либо предпріятія [1]). Джевонсъ подробно развиваетъ здѣсь мысль, которую впослѣдствіи такъ широко популяризовалъ Бемъ-Баверкъ во второй части „Capital und Capitalzins". „Capital simply allows us to expend labour in advance", повторяетъ онъ. „I would say, then, in the most general manner, читаемъ въ заключительномъ мѣстѣ отдѣла, озаглавленнаго „Capital is concerned with Time",—that whatever improvement in the supply of commodities lengthen the average interval between the moment when labour is exerted and its ultimate result or purpose accomplished, such improvements depend upon the use of capital". Чувствуя, что этотъ взглядъ стоитъ въ противорѣчіи съ общественной организаціей хозяйственной дѣятельности, построенной на принципѣ раздѣленія труда, Джевонсъ отмѣчаетъ его, но, не желая нарушать стройности намѣченной мысли, сейчасъ же выходитъ изъ затрудненія, объявляя это противорѣчіе несущественнымъ осложненіемъ основного принципа. „And I would say, продолжаетъ онъ приведенное выше заключеніе, that this is the sole use of capital. Whenever we overlook the irrelevant complications introduced by the division of labour and the frequency of exchange, all employments of capital resolve themselves into the fact of time elapsing between the beginning and the end of industry" [1]).

---

[1]) „Capital, as I regard it, consist merely in the aggregate of those commodities which are required for sustaining labourers of any kind or class engaged in work (курсивъ вездѣ Джевонса). A stock of food is the main element of capital; but supplies of clothes, furniture, and all the other articles in common daily use are also necessary parts of capital. The current means of sustenance constitute capital in its free or uninvested form. The single and all-important function of capital is to enable the labourer to await the result of any long-lasting work, --to put an interval betweeen the beginning and the end of an enterprise". Theory, стр. 222 – 223.

[1]) Theory, стр. 227 228

Опираясь на указанное соображеніе, Джевонсъ настаиваетъ на введеніи въ политическую экономію точнаго опредѣленія терминовъ „свободный и помѣщенный капиталъ". „Подъ свободнымъ капиталомъ, говоритъ онъ, я понимаю заработную плату, или въ ея переходной денежной формѣ, или въ ея реальной формѣ пищи и другихъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Обыкновенныя средства существованія, требуемыя для содержанія рабочихъ всѣхъ разрядовъ, когда они заняты своей работой, являются дѣйствительно истинной формой капитала (really the true form of capital). Въ согласіи съ духомъ обыкновеннаго языка коммерческихъ людей слѣдуетъ сказать не то, что фабрика, или докъ, или желѣзная дорога, или судно есть капиталъ (курсивъ Джевонса), но что каждое (изъ указанныхъ предпріятій) представляетъ столько-то капитала, поглощеннаго въ предпріятіи. Помѣстить капиталъ значитъ истратить деньги, или пищу и содержаніе, которыя покупаются деньгами, на совершеніе какого-нибудь дѣла. Капиталъ остается помѣщеннымъ или поглощеннымъ (sunk), пока это дѣло не даетъ прибыли, эквивалентной первоначальнымъ издержкамъ съ процентами. Много свѣта было бы внесено, продолжаетъ Джевонсъ, если бы языкъ политической экономіи близко подходилъ къ языку торговли. Согласно этому, я не сказалъ бы, что желѣзная дорога есть закрѣпленный капиталъ (fixed capital), но что капиталъ закрѣпленъ въ желѣзной дорогѣ (capital is fixed in railway). Капиталъ—не желѣзная дорога, а пища тѣхъ, которые сдѣлали желѣзную дорогу. Обиліе свободнаго капитала въ странѣ значитъ, что въ ней есть обширные запасы пищи, одежды и всякихъ предметовъ, которые народъ желаетъ имѣть (which people insist on having),—что, однимъ словомъ, все устроено такъ, что обильныя средства существованія и удобства всякаго рода притекаютъ безъ того, чтобы на трудѣ страны лежало большое бремя доставленія ихъ (that abundant subsistence and conveniences of every kind are forthcoming without the labour ot the country being much taxed to provide them). При такихъ обстоятельствахъ оказывается

возможнымъ, что часть рабочихъ страны могутъ быть употребляемы на работы, полезность которыхъ проявится въ будущемъ (is distant), и однако никто не будетъ чувствовать недостатка (scarcity) въ настоящемъ [1]).

Такія же колебанія между теоріей производительности и теоріей фонда находимъ и въ заключительномъ отдѣлѣ книги Джевонса. Разсматривая вопросъ объ отношеніи между заработной платой и прибылью, онъ высказывается сначала противъ теоріи фонда, которая, по его мнѣнію, „есть простой труизмъ" и имѣетъ „иллюзорный" характеръ, какъ рѣшеніе поставленной проблемы. „Хотя трудъ, говоритъ отъ, есть исходный пунктъ производства, а интересы работника—истинный предметъ науки, однако экономисты не успѣваютъ подвинуться далеко, какъ вдругъ поворачиваютъ назадъ и начинаютъ трактовать трудъ какъ товаръ, покупаемый капиталистами. Трудъ становится самъ предметомъ законовъ спроса и предложенія вмѣсто того, чтобы эти законы дѣйствовали въ распредѣленіи продуктовъ труда". Въ противоположность „обычному взгляду" Джевонсъ выдвигаетъ положеніе, что „заработная плата рабочаго въ концѣ концовъ совпадаетъ съ тѣмъ, что онъ производитъ, за вычетомъ ренты, налоговъ и процента на капиталъ" [2]). Но было бы ошибкой думать, что Джевонсъ надолго удерживается на такой точкѣ зрѣнія. Онъ сохраняетъ ее только для самостоятельнаго работника. Употребленіе же наемнаго труда „вводитъ осложненія въ проблему" и заставляетъ прибѣгнуть къ теоріи фонда, отъ которой Джевонсъ только что отказывался. И это не случайное противорѣчіе. Теорія фонда воскресаетъ у Джевонса постоянно, какъ только онъ покидаетъ гипотезу самостоятельнаго работника и переходитъ къ изслѣдованію системы наемнаго труда, потому что исход-

[1]) Theory, стр. 241—242. Въ этомъ возвращеніи къ старой классической доктринѣ Джевонсъ начинаетъ склоняться и къ идеѣ объ единообразіи вознагражденія за трудъ, противъ которой онъ опредѣленно высказывается въ теоріи обмѣна и заключеніи книги. Ср. Theory, стр. 163—166 и 266-268 и 243.

[2]) Theory, стр. 265-267.

нымъ пунктомъ его разсужденія оказывается здѣсь не трудовая же, хотя и болѣе сложная, организація общества, а—подобно тому, какъ въ ученіяхъ школы Рикардо и Мальтуса—дѣятельность частнаго предпринимателя.

„Капиталисты или предприниматели, разсуждаетъ Джевонсъ, входятъ какъ отдѣльный интересъ. Они задумываютъ предпріятіе и руководятъ имъ и вычисляютъ ожидаемый продуктъ. Количество этого продукта и побуждаетъ ихъ вкладывать капиталъ и покупать трудъ. Они уплачиваютъ самыя низшія обычныя (current) нормы платы за требуемый родъ труда; и если продуктъ превышаетъ средній уровень, то тѣ, которые окажутся на данномъ полѣ первыми, получатъ большія прибыли. Это вскорѣ вызываетъ конкуренцію со стороны другихъ капиталистовъ, которые,стараясь получить хорошихъ рабочихъ, будутъ поднимать заработную плату. Конкуренція будетъ продолжаться, пока не будетъ достигнутъ пунктъ, на которомъ будетъ получаться только рыночная норма процента на помѣщенный капиталъ. Въ то же самое время заработная плата поднимется настолько, что рабочіе пожнутъ весь избытокъ продукта, если только цѣна продукта не упадетъ, и выгода не достанется публикѣ, какъ потребителямъ. Наступитъ или нѣтъ послѣдній результатъ, будетъ зависѣть отъ количества рабочихъ, годныхъ для даннаго дѣла. Гдѣ требуется много искусства и большое образованіе, обширная конкуренція не будетъ возможна, и высокая норма заработной платы будетъ существовать постоянно. Но если требуется только обыкновенный трудъ, то цѣну товаровъ нельзя будетъ удерживать (на прежнемъ уровнѣ), и заработная плата упадетъ до ея прежняго размѣра, а публика получитъ выигрышъ въ видѣ удешевленія продуктовъ". Джевонсъ обращаетъ здѣсь самъ вниманіе читателя на то, что приводимое разсужденіе „включаетъ временное приложеніе теоріи фонда заработной платы". „Истинная функція капиталистовъ — содержать трудъ пока результатъ не законченъ, и такъ какъ многія отрасли промышленности требуютъ значительныхъ затратъ (a large outlay) задолго до того, какъ будетъ достигнутъ какой-либо

опредѣленный результатъ, то отсюда слѣдуетъ, что капиталисты должны взять на себя рискъ каждой отрасли промышленности, въ которой окончательныя прибыли не извѣстны точно. Но мы имѣемъ теперь нѣкоторую нить, указывающую на количество капитала, которое должно быть ассигновано (will be appropriated) на выдачу заработной платы въ какой-либо промышленности. Это количество капитала будетъ зависѣть отъ размѣровъ предполагаемой (anticipated) прибыли, и конкуренція изъ-за надлежащихъ рабочихъ должна сильно способствовать гарантіи имъ всей ихъ законной доли въ окончательномъ продуктѣ". Въ видѣ примѣра Джевонсъ приводитъ проложеніе телеграфныхъ кабелей. Вначалѣ „окончательныя прибыли очень недостовѣрны, такъ какъ онѣ будутъ зависѣть отъ полезности кабелей посравненію съ издержками на нихъ. Если капиталисты имѣютъ расчеты на большіе барыши, они приложатъ много капитала къ немедленному производству кабелей. Всѣ компетентные рабочіе, какіе могутъ быть употреблены въ данный моментъ, будутъ наняты, и если необходимо, имъ будетъ заплачена высокая плата. Каждый рабочій, обладающій спеціальнымъ искусствомъ, знаніемъ или опытомъ, которые дѣлаютъ цѣннымъ его участіе, будетъ нанятъ за всякую требуемую цѣну (cost). Въ это время дѣйствуетъ теорія фонда заработной платы (at this point it is the wage-fund theory that is in operation). Но чрезъ извѣстное число лѣтъ положеніе дѣлъ будетъ совершенно иное. Капиталисты точно узнаютъ, путемъ опыта, какія прибыли отъ кабелей могутъ быть; и въ дѣло будетъ помѣщенъ капиталъ такого размѣра, чтобы онъ получилъ среднее количество прибыли, не больше и не меньше. Издержки передачи извѣстій будутъ уменьшены конкуренціей, такъ что ни одно изъ участвующихъ предпріятій не будетъ въ состояніи нажить чрезмѣрные барыши. Поэтому норма заработной платы за каждый родъ труда будетъ уменьшена до средняго размѣра, слѣдуемаго труду такой степени искусства. Но если въ какой-либо отрасли работы потребуется очень спеціальный видъ искуснаго и опытнаго труда, то конкуренція не окажетъ на него такого вліянія, и заработная

плата или жалованье останутся высокими. Я думаю, заключаетъ Джевонсъ, что такимъ путемъ вполнѣ возможно согласить теоріи, которыя на первый взглядъ столь различны. Теорія фонда заработной платы дѣйствуетъ совершенно временнымъ образомъ. Каждый рабочій въ концѣ концовъ получаетъ надлежащую цѣнность (the due value) его продукта, послѣ того какъ капиталисту уплачена надлежащая доля (a proper fraction) въ вознагражденіе за воздержаніе и рискъ. Въ то же самое время рабочіе различныхъ ступеней искусства получаютъ очень различныя доли, согласно тому, прилагаютъ ли они къ созданію результата обыкновенный или рѣдкій родъ труда [1]). Нетрудно видѣть, однако, въ особенности зная подробности контроверзы между теоріей производительности и теоріей фонда, что такое согласованіе ихъ невозможно. Въ сущности Джевонсъ вынужденъ въ концѣ концовъ и самъ отказаться отъ теоріи фонда, такъ какъ не только въ такой (заключительный) періодъ, когда средняя прибыль съ кабелей уже достаточно выяснилась, но и въ начальный періодъ, когда капиталисты предъявляютъ усиленный спросъ на трудъ, они, согласно самому примѣру Джевонса, руководствуются при наймѣ рабочихъ не размѣрами имѣющагося у нихъ капитала, а высотой ожидаемой (по повышенному расчету) прибыли и качествомъ нанимаемыхъ рабочихъ, т. е. совсѣмъ не тѣми побужденіями, какія были бы приписаны имъ теоретиками фонда.

Помимо этихъ главныхъ положеній, сталкивающихся въ предлагаемомъ Джевонсомъ объясненіи причинъ заработной платы, мы найдемъ у него еще рядъ замѣчаній, также не оставшихся безъ вліянія на послѣдующую разработку вопроса и представляющихъ и самостоятельный интересъ. Такъ какъ нѣкоторые послѣдователи Джевонса особенно настаивали на небходимости сближенія теоріи заработной платы съ теоріей рыночной цѣны, то мы найдемъ у нихъ примѣненіе къ изслѣдованію заработной платы замѣчаній, высказанныхъ Джевонсомъ по поводу установленія рыночной цѣны

[1]) The Theory, стр. 268—271.

вообще. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ его замѣчаній не получили себѣ должной оцѣнки. Таково въ особенности его указаніе, подтверждающее въ примѣненіи къ заработной платѣ общее значеніе теоріи резервной трудящейся арміи Маркса, что на установленіе цѣны въ каждый данный моментъ оказываютъ вліяніе не всѣ обмѣниваемыя количества (которыя могутъ быть громадны), а лишь незначительная часть ихъ. Напр. цѣна бумагъ государственнаго долга поднимается и падаетъ не потому, что каждый разъ всѣ они предлагаются на продажу и спрашиваются, а лишь сравнительно ничтожная часть ихъ [1]). Больше вниманія (въ особенности въ англійской литературѣ) привлекла къ себѣ данная Джевонсомъ характеристика процесса рыночной борьбы, въ которой онъ развиваетъ мысль, намѣченную еще Торнтономъ, что цѣна въ дѣйствительности должна упасть не на высшемъ и не на низшемъ изъ ея возможныхъ предѣловъ, а гдѣ-нибудь между ними. Джевонсъ указываетъ здѣсь три случая, которые онъ иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ. „Предположимъ, что мы можемъ читать мысли сторонъ при продажѣ лошади. Если А говоритъ, что 1200 ф. есть наименьшая цѣна, какая можетъ удовлетворить его, а В заявляетъ, что 800 ф. есть самая высокая цѣна, какую ему выгодно дать, то никакого обмѣна не состоится. Если бы А нашелъ, что его низшій предѣлъ 1000 ф., въ то время, какъ В назвалъ бы эту же сумму своимъ высшимъ предѣломъ, то сдѣлка можетъ быть закончена, и цѣна будетъ опредѣлена точно. Но предположимъ, наконецъ, что А въ дѣйствительности готовъ продать за 900 ф., а В—купить за 1100 ф. Какимъ образомъ можемъ мы теоретически опредѣлить цѣну? Я не вижу никакого способа разрѣшить вопросъ. Всякая цѣна между 900 и 1100 ф. оставитъ прибыль на каждой сторонѣ, и обѣ стороны потеряютъ, если не придутъ къ соглашенію. Я полагаю, что такая сдѣлка можетъ быть установлена на другихъ основаніяхъ, чѣмъ строго-экономическія. Результатъ сдѣлки будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ

[1]) Theory, стр. 108--111.

сравнительной степени знанія положенія и нуждъ каждой стороны, какою каждый изъ торгующихся можетъ обладать или съумѣетъ пріобрѣсти въ теченіе переговоровъ. Такимъ образомъ, способность чтенія чужихъ мыслей имѣетъ большое значеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ (in business), и искусство договариванія главнымъ образомъ заключается въ умѣньи покупателя опредѣлить низшую цѣну, при которой продавецъ согласится разстаться съ своимъ товаромъ, не открывая, по возможности, высшей цѣны ,которую онъ, продавецъ, готовъ дать. Расположенія и сила характера сторонъ, ихъ сравнительная настойчивость, ихъ ловкость и опытность въ хозяйственныхъ дѣлахъ (in business), или, быть можетъ, чувства справедливости или доброты (kindliness) также должны вліять на рѣшеніе. Это—мотивы, болѣе или менѣе посторонніе теоріи экономики, и однако, они необходимо должны быть приняты въ расчетъ при разсмотрѣніи данной проблемы. Быть можетъ, неопредѣленныя сдѣлки такого рода лучше всего устанавливать третейскимъ судьей или третьей стороной" [1]).

Интересно, что Бёмъ-Баверкъ (какъ и другіе современные ему австрійскіе экономисты), столь много почерпнувшій изъ ученія Джевонса, совершенно прошелъ мимо этой мысли не только въ примѣненіи ея къ вопросу объ установленіи заработной платы, но и въ самомъ анализѣ процесса образованія рыночныхъ цѣнъ. Наиболѣе полную оцѣнку она нашла въ новѣйшей литературѣ въ работѣ Гобсона „Economics of distribution", хотя и Гобсонъ не съумѣлъ примѣнить ее къ общимъ основамъ защищаемой имъ теоретической схемы.

Наконецъ, изъ замѣчаній Джевонса объ явленіяхъ обмѣна, которыя отразились на дальнѣйшей разработкѣ вопроса о заработной платѣ, необходимо отмѣтить его характеристику „выигрыша, получаемаго при обмѣнѣ" (the gain by exchange). Цѣнность, или норма обмѣна (ratio of exchange), говоритъ Джевонсъ, не даетъ никакого указанія на реаль-

[1]) Theory, стр. 122—125.

ную выгоду, получаемую изъ акта обмѣна. Напр. извѣстное ученіе Милля о выгодахъ международнаго обмѣна ошибочно потому, что основывается на смѣшеніи двухъ различныхъ вещей—цѣны товара и его полной полезности. „Страна есть не только какъ бы большая торговая фирма, покупающая и продающая товары и наживающая прибыль на разницѣ въ цѣнѣ; она покупаетъ товары съ тѣмъ, чтобы потреблять ихъ. Но, оцѣнивая выгоду, какую потребитель получаетъ отъ товара, мѣриломъ надо брать всю полезность (the total utility), а не предѣльную степень полезности, отъ которой зависятъ условія обмѣна“ [1]).

Какъ видно изъ изложеннаго, замѣчанія Джевонса, которыми послѣдующіе экономисты могли воспользоваться для дальнѣйшей разработки вопроса о заработной платѣ, не давали для этого достаточно опредѣленныхъ указаній. Отрывочныя и противорѣчивыя, связанныя всѣми корнями съ индивидуалистическимъ взглядомъ на хозяйственную жизнь, они послужили впослѣдствіи въ бо̀льшей мѣрѣ источникомъ ошибочныхъ построеній, чѣмъ дѣйствительнаго прогресса теоріи распредѣленія. Между тѣмъ въ нихъ пробивалась уже новая струя теоретической мысли, значенія которой ни самъ Джевонсъ, ни его преемники по духу, спутанные узкимъ горизонтомъ ихъ общаго міровоззрѣнія, не могли оцѣнить надлежащимъ образомъ, сбиваясь постоянно на старую тропинку, проложенную индивидуалистической школой. Даже Гобсонъ, который съ особеннымъ вниманіемъ извлекаетъ изъ разсужденій Джевонса все, что можетъ пролить новый свѣтъ на теорію распредѣленія, не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія, повторяя, вмѣстѣ съ остальными послѣдователями и преемниками Джевонса, ихъ обычныя ошибки.

Несмотря на индивидуалистическій взглядъ на хозяйственныя явленія, подкрѣпленный у Джевонса его (математическимъ) методомъ, который невольно долженъ заставлять изслѣдователя стремиться къ упрощенію теоретическихъ

[1]) Theory, стр. 141—143. По этимъ же основаніямъ Джевонсъ не соглашается съ Миллемъ въ оцѣнкѣ вліянія налоговъ. Стр. 145—146.

построеній, Джевонсъ былъ очень близокъ къ мысли, вытекающей изъ противоположнаго соціальнаго міровоззрѣнія, что распредѣленіе общественнаго продукта является результатомъ борьбы живыхъ общественныхъ группъ, пользующихся при этомъ каждая орудіями соціальнаго же характера, создаваемыми строемъ той общественной среды, въ которой завязываются и развиваются отношенія между ними. Эта мысль всего яснѣе проглядываетъ у него въ предисловіи ко второму изданію „Theory".

„Мы должны, говоритъ онъ здѣсь, разсматривать трудъ, землю, знаніе и капиталъ, какъ совмѣстныя (conjoint) условія (созданія) всего продукта, а не какъ самостоятельныя причины полученія извѣстной части продукта. Т. обр. въ первоначальномъ (elementary) состояніи общества, когда каждый работникъ имѣетъ собственность на всѣ три или четыре фактора (requisites) производства, въ дѣйствительности не было бы совсѣмъ такихъ вещей, какъ заработная плата, рента или процентъ. Распредѣленіе (при такихъ условіяхъ) не возникаетъ даже въ идеѣ, и продуктъ есть просто сложный результатъ сложныхъ условій (the aggregate effect of the aggregate conditions). Только когда отдѣльные собственники элементовъ производства соединяютъ то, что находится въ ихъ собственности, и вступаютъ въ обмѣнъ (traffic) другъ съ другомъ—начинается распредѣленіе, и оно цѣликомъ подчинено тогда принципамъ цѣнности и законамъ спроса и предложенія. Каждаго работника слѣдуетъ разсматривать какъ каждаго землевладѣльца или капиталиста въ качествѣ лица, вносящаго въ общій фондъ (stock) часть составныхъ элементовъ и торгующагося за наилучшую долю въ продуктѣ, какую позволяютъ ему съ успѣхомъ требовать условія рынка. Въ теоріи рабочій имѣетъ монополію на трудъ каждаго спеціальнаго вида такъ же, какъ землевладѣлецъ на землю, а капиталъ на другіе требуемые предметы. Собственность есть только другое названіе для монополіи". Джевонсъ подходитъ здѣсь къ пониманію того, что задачей экономическаго изслѣдованія представляется выясненіе процесса „выторговыванія себѣ наилучшей доли въ продуктѣ" при помощи средствъ, созда-

ваемыхъ соціальнымъ строемъ, въ число которыхъ несомненно входитъ „монополія собственности". Однако, приблизившись къ постановкѣ вопроса, которая дѣйствительно должна была требовать коренной реформы старой англійской политической экономіи, Джевонсъ вдругъ отступаетъ назадъ, къ прежней точкѣ зрѣнія, принимая, что въ современной экономической жизни вліяніе указываемой имъ монополіи вполнѣ стирается конкуренціей. „Когда различныя лица, продолжаетъ онъ, имѣютъ собственность одного и того же рода, то они начинаютъ подлежать важному закону безразличія (Law of Indifference)...., именно, что на одномъ и томъ же открытомъ рынкѣ въ какой-либо моментъ не можетъ быть двухъ цѣнъ для одного и того же рода предметовъ. Такимъ образомъ монополія ограничивается конкуренціей (курсивъ Джевонса), и никакой собственникъ, труда ли, земли или капитала не можетъ, разсуждая теоретически, получить за предметъ, находящійся въ его собственности, бóльшую долю продукта, чѣмъ готовы принять другіе собственники предметовъ такого же рода". Однако, Джевонсъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы удовлетвориться столь банальнымъ разрѣшеніемъ вопроса. Продумывая дальнѣйшія слѣдствія принимаемаго имъ положенія, онъ опять даетъ пробиться свѣжимъ идеямъ, съ которыми приступалъ къ изслѣдованію.

„Какъ только мы начнемъ прослѣживать дальше этотъ простой взглядъ, продолжаетъ онъ, то результаты окажутся довольно поразительными. Мы вынуждены, напр., допустить, что размѣры заработной платы управляются формально такими же законами, какъ размѣры ренты... Еще болѣе поразительнымъ результатомъ представляется, что поскольку издержки производства регулируютъ цѣнность товаровъ, заработная плата должна входить въ расчеты совершенно такъ же, какъ рента"... Возражая Миллю, который допускалъ существованіе ренты какъ элемента издержекъ производства только въ видѣ исключенія (когда земля, способная давать земледѣльческую ренту, употребляется для какой-нибудь другой цѣли), Джевонсъ настаиваетъ, что этотъ счи-

таемый исключительнымъ случай въ дѣйствительности только подтверждаетъ общее правило. „Почему, спрашиваетъ онъ, (необходимо принимать) такое разграниченіе между земледѣліемъ и другими отраслями промышленности? Почему тотъ же самый принципъ не примѣняется къ двумъ различнымъ способамъ сельскохозяйственнаго употребленія земли? Если бы земля, дающая 2 фунта ст. ренты на акръ какъ пастбище, была бы распахана и употреблена подъ воздѣлываніе пшеницы, то развѣ два фунта за акръ не были бы занесены въ счетъ издержекъ производства пшеницы? (must not the Ł 2 per acre be debited against the expenses of the production of wheat)? Предположимъ, что кто-нибудь ввелъ въ Англіи культуру свекловицы съ цѣлью производства сахара; тогда про эту новую отрасль промышленности нельзя было бы сказать, что она оплачиваетъ (издержки), если бы она не давала, кромѣ (покрытія) всѣхъ другихъ издержекъ, полной ренты за земли, взятыя отъ другихъ видовъ культуры. Но если это допущено, то тотъ же самый принципъ долженъ имѣть всеобщее примѣненіе... Каждый участокъ земли долженъ быть употребляемъ для такой культуры или такого пользованія, которое даетъ наибольшую сумму полезности, измѣряемой цѣнностью продукта (курсивъ Джевонса); если онъ будетъ употребленъ иначе, то получится убытокъ. Такимъ образомъ рента съ земли опредѣляется избыткомъ продукта въ наиболѣе выгодномъ употребленіи ея“. „Но если вполнѣ продумать это, то будетъ видно, что точно такой же принципъ примѣняется и къ заработной платѣ. Человѣкъ, который можетъ заработать шесть шиллинговъ въ день въ одномъ занятіи, не перейдетъ къ другому роду работы, если онъ не ожидаетъ получить отъ нея шесть шиллинговъ въ день или больше. Нѣтъ такой вещи, какъ абсолютная стоимость (cost) труда; все—дѣло сравненія. Каждый добываетъ за свои усилія наибóльшее, что онъ можетъ; нѣкоторые могутъ добыть мало или ничего, потому что они не имѣютъ достаточно силы, знанія, или способности (ingenuity); другіе—добываютъ много, потому что они располагаютъ, говоря относительно, монополіей на извѣстныя силы (powers). Каждый ищетъ ра-

боты, въ которой его спеціальныя способности были бы наиболѣе производительны въ смыслѣ созданія полезности, измѣряемой тѣмъ, что другіе люди согласны платить за (его) продуктъ. Такимъ образомъ ясно, что заработная плата является результатомъ, а не причиной цѣнности продукта. Но когда трудъ переходитъ отъ одного занятія къ другому, то заработная плата, которую онъ давалъ бы въ первомъ занятіи, должна быть включена (debited) въ издержки новаго продукта. Такимъ образомъ параллелизмъ между теоріями ренты и заработной платы оказывается полнымъ (perfect) въ теоріи" [1]...

Эту программу, намѣченную Джевонсомъ, и которую онъ самъ оставилъ невыполненной въ своей „Theory of Political Economy", принялъ впослѣдствіи Гобсонъ въ его „Экономикѣ распредѣленія", но, къ сожалѣнію, и онъ понялъ задачу слишкомъ формально, пространно развивая мысли, намѣченныя Джевонсомъ, но не вдумываясь глубже въ заключенный въ нихъ смыслъ. Подробно объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ еще говорить ниже.

Таковы элементы новой разработки вопроса о заработной платѣ, оставленные разсмотрѣнными ученіями въ наслѣдство слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ какой мѣрѣ и съ какими результатами для выясненія вопроса они были въ дѣйствительности использованы, мы попытаемся показать въ слѣдующихъ главахъ.

[1]) Theory, стр. XLIV—XLIX. Тотъ же самый принципъ примѣнимъ, прибавляетъ Джевонсъ, и къ доходу на капиталъ.

Глава седьмая.

Эклектики.

Постановка вопроса о заработной платѣ у экономистовъ германской исторической и историко-этической школъ. „Система народнаго хозяйства" Рошера. Соединеніе въ его ученіи о заработной платѣ постановки вопроса, данной Германомъ, теорій фонда и средствъ существованія и указаній Торнтона и Брентано. Отсутствіе исторической точки зрѣнія. Вопросъ о заработной платѣ въ коллективныхъ трудахъ германскихъ экономистовъ историко-этическаго направленія. Митгофъ. Шёнбергъ. Кемъ-Эльстеръ. Клейнвехтеръ. Общая черта ихъ ученій—эклектическое отношеніе къ имѣющимся теоретическимъ указаніямъ и отсутствіе сознанія потребности новой серьезной разработки вопроса. Статья Шмоллера въ „Soziale Praxis". Преобладаніе конкретнаго матеріала надъ теоретическимъ анализомъ.

Какъ было показано въ предыдущей главѣ, къ семидесятымъ годамъ XIX ст., когда почувствовалась уже потребность въ коренномъ пересмотрѣ основныхъ вопросовъ экономической системы, имѣлись нѣкоторые, правда несогласованные, но весьма существенные элементы для новаго построенія теоріи заработной платы. Насущной задачей момента было—объединить въ стройной доктринѣ то, что было здороваго у отжившихъ ученій, съ тѣмъ, что выдвинула въ противовѣсъ имъ новѣйшая критика, и что было намѣчено у экономистовъ, стоявшихъ внѣ господствующихъ теченій Конечно, такая задача представляла громадныя трудности. Необходимо было превратить творческой работой хаотическую груду накопленныхъ въ экономической литературѣ отдѣльныхъ мыслей и положеній въ стройно систематизированное цѣлое, въ которомъ каждому элементу, дѣйствительно имѣющему значеніе, было бы отведено его надлежащее мѣсто. Такъ открывался бы и путь къ дальнѣйшему, болѣе глубокому изученію вопроса, потому что подведеніе итоговъ тому, что было уже сдѣлано, должно было отчетливо указывать на имѣющіеся пробѣлы и недочеты въ его разработкѣ. А такъ какъ главнымъ недостаткомъ прежнихъ теорій было отсутствіе правильной исторической перспективы, то казалось бы, что историческая школа и моло-

дая вѣтвь ея (историко-этическое направленіе), такъ быстро завоевавшая себѣ признаніе среди германскихъ экономистовъ, были болѣе другихъ экономическихъ направленій призваны къ этой плодотворной работѣ. Однако появленіе изъ этого лагеря отвѣтовъ на поставленный вопросъ быстро разсѣяло первыя надежды, показавъ, что и труды экономистовъ историко-этическаго направленія не только не подвигаютъ впередъ разрѣшенія выпавшей на ихъ долю задачи, но имѣютъ даже реакціонный характеръ, затемняя то цѣнное, что начинало уже пробиваться во время полемики противъ теорій фонда и средствъ существованія и на что давали указанія намеки, содержащіеся въ работахъ теоретиковъ, разсмотрѣнныхъ въ предыдущей главѣ.

Бѣда заключалась въ томъ, что историческая и историко-этическая школы стали на очень легкій, но безнадежный для научнаго развитія путь эклектическаго соединенія въ одно безпорядочное, механически связанное цѣлое всѣхъ теоретическихъ элементовъ, выдвинутыхъ прежними изслѣдованіями, которые казались имъ почему-либо заслуживающими вниманія. Схемой, въ которой можно было бы удобно расположить эти разнообразные элементы, они единодушно принимаютъ построеніе Германа, относясь къ нему по существу безъ всякой критики [1]). Въ этомъ отношеніи экономисты указаннаго направленія настолько стереотипно повторяютъ другъ друга, что мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя, наиболѣе распространенныя ихъ произведенія.

Обратимся прежде всего къ „Системѣ народнаго хозяйства" основателя исторической школы. Глава о заработной платѣ въ курсѣ Рошера поражаетъ эклектическимъ характеромъ; въ общую рамку, заимствованную у Германа, Рошеръ включаетъ съ полнымъ безразличіемъ самыя разнообразныя

[1]) Исключеніе составляютъ Вагнеръ и его ученикъ и послѣдователь (хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не согласный съ нимъ) Дитцель, которые, впрочемъ, и не могутъ быть причислены къ историко-этической школѣ въ строгомъ смыслѣ слова, и Книсъ, который при положительномъ изслѣдованіи экономическихъ проблемъ отступаетъ отъ защищаемыхъ имъ методологическихъ принциповъ.

соображенія, предложенныя въ разное время по вопросу о причинахъ заработной платы представителями разнородныхъ, часто враждебныхъ другъ другу направленій экономической мысли. При этомъ Рошеръ ни разу не вспоминаетъ о необходимости взглянуть на дѣло съ исторической точки зрѣнія, и только вполнѣ исчерпавъ чисто-теоретическую часть главы о заработной платѣ, механически приставляетъ къ ней отдѣлы объ „исторіи заработной платы за простой трудъ" и „политикѣ заработной платы", которые также страдаютъ отсутствіемъ опредѣленной исторической перспективы, представляя довольно случайный подборъ разнаго рода фактовъ изъ исторіи заработной платы.

Рамку для изслѣдованія вопроса, какъ мы уже упоминали, Рошеръ заимствуетъ у Германа, сближая установленіе заработной платы съ процессомъ образованія рыночной цѣны вообще. Но уже съ первыхъ строкъ его эклектическія стремленія обнаруживаются съ совершенной ясностью. Онъ начинаетъ съ указанія на спросъ и предложеніе въ духѣ старой англійской теоріи.

„Подобно всякой товарной цѣнѣ, и непосредственная плата за простой трудъ, говоритъ онъ, прежде всего опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ поэтому обыкновенно всякая большая эпидемія или эмиграція, уменьшая предложеніе, повышаетъ заработную плату—всего сильнѣе плату за самыя низшія работы. Равнымъ образомъ заработную плату поднимаетъ увеличенный спросъ во время жатвы, причемъ и содержаніе рабочихъ во время жатвы бываетъ лучше; напротивъ, зимой уменьшеніе спроса понижаетъ заработную плату" [1]). Какъ видно, Рошеръ понимаетъ здѣсь спросъ и предложеніе пока только въ смыслѣ количественнаго отношенія. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію разнаго рода условій, вліяющихъ на цѣну какъ со стороны спроса, такъ и со стороны предложенія, онъ указываетъ на особенности

[1]) Wilh. Roscher. System der Volkswirthschaft. I-er Bd. 17-te Auflage, Stuttgart 1883, стр. 399.

товара-труда, слѣдуя Торнтону и Брентано. Онъ отмѣчаетъ, что 1) число лицъ, предлагающихъ трудъ, больше, чѣмъ число лицъ, предъявляющихъ на него спросъ (Торнтонъ), и 2) что рабочій, продавая свой товаръ-трудъ, становится въ зависимость отъ покупщика (Брентано). Къ этому Рошеръ замѣчаетъ уже отъ себя: „если обмѣнъ труда на заработную плату долженъ быть справедливъ, то и хозяинъ долженъ какъ бы уничтожить нѣчто въ своей личности, долженъ принимать къ сердцу интересы хорошихъ рабочихъ и такимъ образомъ добровольно связывать самаго себя", „подобно тому какъ, прибавляетъ Рошеръ въ примѣчаніи, мужъ связываетъ себя въ бракѣ, тогда какъ конкубинатъ при кажущемся равенствѣ въ дѣйствительности стоитъ женѣ гораздо большихъ жертвъ, чѣмъ мужу" [1]).

Соединивши так. обр. теорію спроса и предложенія съ теоріей Торнтона-Брентано, Рошеръ не ограничивается такой амальгамой различныхъ теорій, а расширяетъ свое ученіе присоединеніемъ къ нему еще и теоріи средствъ существованія. „Подобно всякому товару, говоритъ онъ, и человѣческій трудъ не можетъ предлагаться долго по цѣнѣ ниже его издержекъ производства. Это понятіе обнимаетъ здѣсь необходимыя или считаемыя необходимыми въ силу обычая естественныя и культурныя потребности не только самихъ рабочихъ, но и ихъ семей, т. е. и подростающаго поколѣнія рабочихъ. Какъ велико должно быть число послѣднихъ, существенно зависитъ отъ спроса на трудъ. Если онъ напр. настолько силенъ, что его можетъ удовлетворить только воспитаніе шести дѣтей, то заработная плата должна быть такова, чтобы она могла покрыть, кромѣ содержанія самого рабочаго, также и издержки воспитанія шести дѣтей. Гдѣ принято, чтобы жена и дѣти работали вмѣстѣ за плату, тамъ отцу не нужно уже самому добывать все содержаніе для семьи; поэтому индивидуальная заработная плата можетъ быть ниже. Однако, если бы она упала ниже указанной нормы издержекъ, то вскорѣ, благодаря увеличенію

[1]) Тамъ же, стр. 399—401.

смертности и эмиграціи, уменьшенію количества браковъ и рожденій, наступило бы уменьшеніе предложенія, которое должно было бы при неизмѣнившемся спросѣ опять поднять заработную плату. И наоборотъ, поддерживать заработную плату значительно выше суммы издержекъ тѣмъ труднѣе (въ теченіе долгаго времени), чѣмъ распространеннѣе взглядъ на удовлетвореніе половой потребности какъ на величайшее чувственное наслажденіе и на любовь родителей къ дѣтямъ какъ на естественную человѣческую обязанность" [1]).

Этотъ главный моментъ въ опредѣленіи заработной платы находится, по мнѣнію Рошера, въ рукахъ самого рабочаго класса; когда заработная плата въ силу благопріятныхъ конъюктуръ поднимается выше уровня необходимыхъ потребностей, то передъ рабочимъ открывается альтернатива: или поднять свой standard of life, не увеличивая семьи далѣе предѣла, полагаемаго новыми потребностями, или остаться при прежнемъ уровнѣ жизни и обрат .ть излишекъ пищевыхъ средствъ на большее удовлетвореніе половой потребности, т. е. на увеличеніе числа рабочихъ. Для подкрѣпленія этой мысли Рошеръ обращается къ представителю еще иной теоріи (фонда заработной платы) — Макъ-Кёллоку. Первый путь, повторяетъ онъ, избрали англичане во второй четверти XVIII ст. и шотландцы поколѣніемъ позже; второй—ирландцы, увеличившіе населеніе съ 1731 по 1821 г. съ двухъ до почти 7 милліоновъ, тогда какъ населеніе Великобританіи между 1720 и 1821 г.г. немного болѣе чѣмъ удвоилось. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, восклицаетъ Рошеръ, если средняя ежедневная плата въ Великобританіи составляла 20--24, а въ въ Ирландіи только 5 пенсовъ [2]).

Если дешевизна жизненныхъ средствъ, продолжаетъ Рошеръ, въ томъ случаѣ, когда кругъ потребностей .рабочаго соотвѣтственно не увеличился, имѣетъ послѣдствіемъ паденіе заработной платы, то вздорожаніе ихъ должно поднимать заработную плату, если она стоитъ на уровнѣ только

---

[1]) Roscher, I, стр. 401—402.

[2]) Тамъ же, стр. 406—407.

необходимаго. Переходъ къ такому повышенію совершается не гладко, а съ „печальнѣйшими кризисами". Чѣмъ медленнѣе происходитъ повышеніе цѣнъ на жизненные припасы, тѣмъ больше слѣдуетъ опасаться, что рабочіе будутъ стремиться бороться съ нимъ не эмиграціей, не уменьшеніемъ браковъ, не болѣе позднимъ вступленіемъ въ бракъ и т. д.; но пониженіемъ уровня своихъ потребностей, напр. введеніемъ худшихъ пищевыхъ средствъ и т. п.[2]).

Таковы условія предложенія труда. Въ характеристикѣ спроса на трудъ Рошеръ послушно слѣдуетъ за Германомъ, забывая, что первая часть его разужденій включаетъ въ себя нѣкоторыя соображенія, противорѣчащія общему міровоззрѣнію Германа. Спросъ на трудъ, по его мнѣнію, „подобно спросу на всякій другой товаръ, основывается съ одной стороны на потребительной цѣнности его, съ другой— на платежной способности покупщиковъ. Оба эти момента опредѣляютъ максимальную границу заработной платы, какъ средства существованія — минимальную границу. Мыслимы такія условія, когда повышеніе заработной платы поглощаетъ поземельную ренту; напротивъ, для прибыли на капиталъ всегда должна быть сохранена извѣстная часть народнаго дохода. Если бы заработная плата поглотила также и ее, то прекратился бы у простыхъ капиталовладѣльцевъ интересъ къ продолженію производства; капиталы были бы извлечены и потреблены. Очевидно, что никакой предприниматель не дастъ своимъ рабочимъ большей платы, чѣмъ во сколько онъ самъ цѣнитъ трудъ.

Примѣромъ самой высокой заработной платы Рошеръ считаетъ вознагражденіе, какое обѣщаютъ за спасеніе человѣческой жизни или другого весьма цѣннаго блага. При матеріальныхъ же продуктахъ, по его мнѣнію, самая высокая оцѣнка труда предпринимателемъ равняется цѣнѣ продукта за вычетомъ остальныхъ издержекъ производства.

Платежная способность покупщиковъ при товарѣ столь всеобщаго спроса, какъ человѣческій трудъ, приблизительно

[2]) Тамъ же, стр. 409.

должна совпадать съ величиной народнаго дохода (точнѣе сказать, мірового дохода). Плата за простой трудъ зависитъ отъ характера распредѣленія народнаго дохода. Если бы всѣ рабочіе занимались ничѣмъ инымъ, какъ производствомъ предметовъ потребленія рабочихъ, то высота заработной платы опредѣлялась бы почти исключительно отношеніемъ между количествомъ рабочихъ и народнымъ доходомъ. Тогда землевладѣльцы и капиталисты должны были бы жить совершенно такъ, какъ рабочіе, и ихъ роскошь могла бы заключаться самое большее въ прокормленіи праздныхъ лицъ. Весьма аналогичнымъ образомъ вліяло бы то обстоятельство, если бы богатые были чрезвычайно бережливы, и употребляли бы свои сбереженія возможно скорѣе на наемъ туземнаго простого труда; тогда какъ наоборотъ напр. вывозъ хлѣба, дерева и другихъ предметовъ потребленія рабочихъ въ обмѣнъ на алмазы, кружева и шампанское уменьшаетъ дѣйствительный спросъ на простой трудъ въ странѣ. Слѣдуя Герману, Рошеръ высказывается здѣсь противъ теоріи фонда, къ которой, какъ мы видѣли, были очень близки его разсужденія объ условіяхъ предложенія труда. „Капиталъ предпринимателя даже для платы нанимаемыхъ на него рабочихъ представляется совсѣмъ не источникомъ въ собственномъ смыслѣ, а только промежуточнымъ резервуаромъ, изъ котораго заработная плата расходуется до тѣхъ поръ, пока покупщики товаровъ, производимыхъ съ помощью этого труда, не возмѣстятъ сдѣланнаго расхода и не поощрятъ этимъ предпринимателя къ новой покупкѣ труда. Съ этимъ связывается то обстоятельство, что при прочихъ равныхъ условіяхъ обыкновенно тотъ рабочій получаетъ самую высшую плату, который находится всего ближе къ потребителю[1]).

До сихъ поръ мы не находили у Рошера исторической точки зрѣнія на теоретическую проблему заработной платы. Напрасно стали бы мы искать ея и въ самомъ отдѣлѣ объ „исторіи заработной платы за простой трудъ“. Рошеръ ве-

---

[1]) Roscher, I, стр. 413—414. Здѣсь опять-таки Рошеръ повторяетъ безъ всякой критики мысли Германа.

детъ здѣсь свое разсужденіе въ рамкахъ, намѣченныхъ еще Ад. Смитомъ, разсматривая положеніе заработной платы „на весьма низкой ступени культуры", „при цвѣтущемъ народномъ хозяйствѣ" и при „уменьшеніи общаго національнаго дохода" [1]).

Въ отдѣлѣ о „политикѣ заработной платы" Рошеръ разсматриваетъ послѣдовательно вопросы о правительственныхъ таксахъ заработной платы, стачкахъ (и въ связи съ ними о трэдъ-юніонахъ) и о правѣ на трудъ. При обсужденіи второго вопроса Рошеру приходится касаться причинъ заработной платы, причемъ онъ опять-таки остается вѣренъ эклектическому отношенію къ предлагаемымъ различными авторами теоретическимъ соображеніямъ.

„Трудно сказать, говоритъ онъ, чаще ли удаются стачки, или терпятъ неудачу". Обыкновенно, по его мнѣнію, должны побѣждать „богатые покупщики труда", потому что они могутъ дольше выдерживать борьбу. Однако, организація можетъ помогать рабочимъ искуснѣе вести борьбу изъ-за заработной платы, и если напр. повышенію платы въ данномъ случаѣ препятствуетъ только сила стараго обычая, то стачка можетъ быстро достигнуть цѣли. Борьба же рабочихъ противъ естественныхъ причинъ, опредѣляющихъ ихъ заработную плату, если она временно и можетъ имѣть успѣхъ, то на продолжительное время навѣрно обречена на неудачу [2]). Трэдъ-юніоны Рошеръ считаетъ деспотическими организаціями (по отношенію къ членамъ) и надежду на ихъ широкое распространеніе въ будущемъ въ качествѣ господствующаго регулятора отношеній между трудомъ и капиталомъ химерой. „Несмотря на это, прибавляетъ онъ, я не сомнѣваюсь, что новѣйшее развитіе англійскихъ союзовъ (Strikevereine) связано съ повышеніемъ заработной платы въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ промышленности, равно какъ и

---

[1]) Roscher, I, стр. 426—441. Здѣсь Рошеръ отмѣчаетъ между прочимъ и значеніе производительности труда (подъ впечатлѣніемъ указаній Ад. Смита).

[2]) Roscher, I, стр. 443—444.

съ соціальнымъ и нравственнымъ подъемомъ рабочаго класса... не только какъ слѣдствіе, но и какъ причина. Уже простая возможность стачки весьма способствуетъ созданію при рѣшеніи напр. относительно высоты заработной платы желательнаго перевѣса справедливаго хозяина надъ несправедливымъ" [1]).

[1]) Roscher, I, стр. 444—445. Признавая возможность большого вреда отъ стачекъ, Рошеръ тѣмъ не менѣе высказывается въ пользу ихъ юридической свободы. Что же касается трэдъ-юніоновъ, то относительно ихъ онъ требуетъ „строгой справедливости государства, которая удерживала бы вожаковъ союза отъ всякой тиранніи по отношенію къ членамъ, отъ всякаго правонарушенія по отношенію къ нечленамъ". Въ послѣднемъ (посмертномъ) изданіи III тома „System der Volkswirthschaft" Рошеръ высказывается еще благосклоннѣе о рабочихъ союзахъ, хотя его симпатіи по прежнему лежатъ на сторонѣ „добродѣтельнаго" фабриканта. „Богатый, умѣлый и благородный фабрикантъ можетъ дать и даетъ своимъ хорошимъ рабочимъ все то, что необходимо для ихъ истиннаго счастья. Но къ сожалѣнію, такіе фабриканты составляютъ столь рѣдкое исключеніе, что рабочимъ такъ же невозможно отказать въ стремленіи къ установленію самостоятельныхъ гарантій противъ злоупотребленій ихъ зависимостью, какъ въ политической жизни подданнымъ аристократической касты или абсолютной монархіи. Это оказывается возможнымъ только путемъ товарищества фабричныхъ рабочихъ, которое такъ же правильно понимаетъ общій интересъ своихъ членовъ и такъ же энергически защищаетъ его, какъ это было раньше на сторонѣ капитала и руководительства предпріятіемъ... Демократическіе по отношенію къ верхнимъ слоямъ общества, эти союзы—по отношенію къ низшимъ—имѣютъ много аристократически-исключительнаго. Большинство изъ нихъ требуетъ отъ своихъ членовъ, чтобы они имѣли хорошую репутацію, прошли пятилѣтній срокъ ученичества и получали по крайней мѣрѣ среднюю плату; къ этому они присоединяютъ еще ограниченіе извѣстнымъ предѣломъ отношенія количества учениковъ къ обученнымъ рабочимъ. Насколько надлежащей кажется экономисту ихъ частая борьба противъ поштучной платы, настолько же достойной подражанія представляется ихъ борьба противъ паразитическихъ посредниковъ и ихъ стремленіе уравнять своими мѣстными союзами мѣстные избытки и недостатки въ рабочихъ и тѣмъ впервые практически осуществить свободу передвиженія. То обстоятельство, что они, какъ прежде цехи, распространяютъ свою дѣятельность на всѣ потребности, которыя рабочій можетъ удовлетворить только коопераціей съ себѣ подобными, усиливаетъ ихъ пригодность для боевыхъ цѣлей стачекъ и т. п., но можетъ быть очень опаснымъ для ихъ мирныхъ цѣлей страхо-

Въ этихъ соображеніяхъ Рошера, какъ видно, нашли себѣ отраженіе взгляды Торнтона и Брентано. Но высказавшись въ духѣ этихъ противниковъ старой англійской доктрины,—на слѣдующей же страницѣ, переходя къ вопросу о нормировкѣ справедливаго минимума заработной платы и правѣ на трудъ, Рошеръ неожиданно начинаетъ аргументировать соображеніями, взятыми изъ теоріи фонда. „Положеніе наемныхъ рабочихъ, говоритъ онъ, можетъ по существу остаться хорошимъ или сдѣлаться лучше только тогда, если ихъ количество возрастаетъ менѣе быстро, чѣмъ капиталы, назначаемые въ послѣднемъ счетѣ на ихъ заработную плату. Послѣдніе же растутъ обыкновенно и всего надежнѣе путемъ сбереженій. Но дѣйствительно бережливымъ является почти только средній классъ. Напр. въ Англіи онъ увеличиваетъ народный капиталъ по крайней мѣрѣ на 50 милл. ф. ст. ежегодно, тогда какъ рабочій классъ ежегодно расходуетъ по меньшей мѣрѣ 60 милліоновъ ф. ст. на одни спиртные напитки и табакъ, т. е. только на скоропреходящее и въ безчисленныхъ случаяхъ вредное удовольствіе взрослыхъ мужчинъ этого класса, въ которомъ семьи почти совершенно не принимаютъ участія. Поэтому всякое вынужденное повышеніе заработной платы отнимало бы у сберегающаго класса и передавало бы несберегающему. Не похоже ли это на ди-

---

ванія. Во всякомъ случаѣ при этомъ предполагается такая сила корпоративнаго настроенія, какая рѣдко можетъ встрѣтиться въ Германіи. Развитіе трэдъ-юніоновъ въ политическую силу со времени распространенія избирательнаго права въ Нижнюю палату и при все болѣе и болѣе поразительномъ ослабленіи Верхней палаты, конечно, является только вопросомъ времени. Будетъ ли такая прогрессирующая демократизація благопріятна для истиннаго процвѣтанія англійской государственной жизни, будетъ зависѣть вполнѣ отъ того, на сколько у рабочихъ классовъ разовьется истинное умственное образованіе и нравственно-религіозная доброта сердца. До сихъ поръ, повидимому, вліяніе трэдъ-юніонизма и въ этомъ отношеніи не было неблагопріятнымъ: нужно только принять въ соображеніе, чего стоитъ превратить орудіе, первоначально назначенное для борьбы, въ регулярное мирное учрежденіе". Roscher, III, стр. 976—978.

карей, которые подрубаютъ фруктовое дерево, чтобы удобнѣе пользоваться его плодами?" [1])

Всматриваясь въ замѣчанія Рошера о заработной платѣ, нельзя не удивляться необыкновенному благодушію, съ какимъ онъ помѣщаетъ другъ возлѣ друга разнороднѣйшія, непримиримо враждебныя другъ другу теоріи. Англійская теорія спроса и предложенія, ученіе Рикардо, теорія Германа, взгляды Брентано, теорія производительности—все это смѣшано въ одну хаотическую груду отдѣльныхъ замѣчаній, безъ всякой попытки критическаго пересмотра ихъ и установленія какой бы то ни было объединяющей точки зрѣнія. Здѣсь сказалась, однако, не только индивидуальность Рошера (по натурѣ вообще болѣе наклоннаго къ эклектизму), но слабость самихъ методологическихъ пріемовъ исторической и историко-этической школъ. Въ ученіи Рошера эклектическое отношеніе къ предложеннымъ объясненіямъ заработной платы дѣйствительно достигаетъ кульминаціоннаго пункта; но его можно въ бо́льшей или меньшей степени отмѣтить и у другихъ сторонниковъ историческаго и историко-этическаго направленія въ германской экономической наукѣ. Во избѣжаніе напрасныхъ повтореній, остановимся только на наиболѣе характерныхъ представителяхъ современной германской политической экономіи, главнымъ образомъ, поскольку ихъ воззрѣнія выражены въ коллективныхъ работахъ, суммирующихъ основныя положенія разсматриваемой группы ученыхъ.

Въ статьѣ о заработной платѣ Митгофа (въ курсѣ Шёнберга) мы напрасно стали бы искать оригинальнаго разрѣшенія вопроса; ученіе о причинахъ заработной платы по-

[1]) Roscher, I, стр. 454—455. „Дѣйствительно, продолжаетъ Рошеръ развитіе мысли текста, положеніе всего рабочаго класса могутъ улучшить на продолжительное время только такія измѣненія, которыя полезны для всего народа: повышенная производительность народнаго хозяйства, увеличеніе капиталовъ, возрастаніе (также и относительное) промышленныхъ среднихъ классовъ, большее образованіе, улучшеніе качества труда и характера самихъ рабочихъ. Совершенно особенное значеніе имѣетъ ихъ предусмотрительность и самообладаніе по отношенію къ производству дѣтей: безъ этой добродѣтели даже самыя благопріятныя условія въ короткое время были бы опять утрачены".

строено тамъ цѣликомъ по Герману, различіе же въ точкѣ зрѣнія между Германомъ и историко-этической школой проявилось лишь въ механическомъ присоединеніи нѣкоторыхъ оговорокъ, признаваемыхъ самимъ Митгофомъ несущественными.

Митгофъ указываетъ слѣдующія причины, опредѣляющія высоту заработной платы:

1) на сторонѣ рабочихъ:

а) издержки производства труда (важнѣйшее условіе);

б) цѣны на жизненныя средства (условіе, аналогичное съ мѣновой цѣнностью платежнаго средства при установленіи цѣны всѣхъ другихъ товаровъ).

2) на сторонѣ покупщиковъ труда:

а) потребительная цѣнность труда (важнѣйшее условіе);

б) платежная способность покупщиковъ труда (зависящая отъ платежной способности потребителя, т. е. отъ размѣровъ народнаго дохода) [1]).

Въ отличіе отъ ученія Германа, ставившаго конкуренцію (въ спросѣ и предложеніи труда) рядомъ съ другими причинами установленія заработной платы, Митгофъ выдѣляетъ ее какъ особый моментъ. Предыдущія причины устанавливаютъ возможный максимальный и минимальный предѣлы заработной платы; конкуренція же въ спросѣ и предложеніи опредѣляетъ, гдѣ заработная плата въ дѣйствительности ляжетъ между этими предѣлами (при этомъ, слѣдуя Брентано, Митгофъ отмѣчаетъ, что положеніе изолированнаго рабочаго оказывается гораздо менѣе благопріятнымъ, чѣмъ положеніе предпринимателя).

Эти выводы, оговаривается Митгофъ, дѣлаются при предположеніи, что обѣ стороны одинаково и свободно преслѣдуютъ свои эгоистическіе мотивы. Но такое допущеніе, однако, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не вѣрно, что при установленіи заработной платы всегда ока-

---

[1]) Mithoff. Die volkswirthschaftliche Verteilung. Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie. Bd. I, 4-te Auflage, Tübingen 1896, стр. 700—710.

зываетъ вліяніе только эгоистическій интересъ; подобно тому какъ въ другихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ, такъ и здѣсь на ряду съ эгоизмомъ дѣйствуютъ нравственные мотивы, какъ напр. любовь къ ближнему, чувство права, справедливости и обязанности, а также обычай, лѣность, привязанность къ сдѣлавшемуся привычнымъ... Также къ установленію заработной платы не вполнѣ подходитъ и допущеніе полной свободы. Соглашеніе о заработной платѣ происходитъ только внутри существующаго правового порядка, который полагаетъ ему предѣлы. Напр. онъ не позволяетъ вполнѣ свободно употреблять трудъ женщинъ и дѣтей и запрещаетъ уплату заработной платы товарами. Юридическое вмѣшательство оправдывается особенностью товара-труда—неразрывной связью съ личностью его продавца. Опытъ показалъ, что личность становится въ опасное положеніе при неограниченной рыночной борьбѣ (Preiskampf) изъ-за заработной платы. Если вышеуказанныя предположенія, говоритъ онъ,... оказываются абстракціями, которыя не вполнѣ покрываются дѣйствительностью, но безъ которыхъ не можетъ обойтись наука, то однако они уклоняются отъ фактическихъ условій не настолько, чтобы образованіе цѣны труда, происходящее при допущеніи ихъ, было неправдоподобно. Если какой-нибудь случай заработной платы опредѣляется въ меньшей степени личнымъ интересомъ, чѣмъ нравственными мотивами или обычаемъ, или не въ силу сознательнаго установленія цѣны, то по общему правилу заработная плата является результатомъ рыночной борьбы (Preiskampfes), опредѣляемой только эгоистическими мотивами, особенно при установленіи цѣны за простой матеріальный трудъ и въ сферѣ дѣйствія частнохозяйственной системы свободной конкуренціи [1]). При этомъ убѣжденіи Митгофъ остается, несмотря на хорошо извѣстную ему (помѣщенную въ томъ же томѣ курса Шёнберга) статью Неймана, въ которой предложена попытка пересмотра ученія Германа о цѣнѣ, составляющаго основу и его теоріи заработной платы. Митгофъ прибѣгаетъ при

---

[1]) Mithoff, указ. соч., стр. 701.

этомъ къ обычному для эклектиковъ пріему, спокойно примиряя обѣ доктрины. „Моменты, оказывающіе вліяніе на высоту заработной платы, изложены здѣсь, говоритъ онъ, примѣнительно къ извѣстнымъ причинамъ опредѣленія цѣны, указаннымъ Германомъ. Поскольку послѣдніе не оказываются исчерпывающими, какъ подробно указано въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія [1]), на высоту заработной платы могутъ оказывать также вліяніе и другіе моменты, кромѣ описанныхъ здѣсь. Однако, они имѣютъ по сравненію съ этими подчиненное значеніе, хотя въ спеціальныхъ случаяхъ они могутъ вліять на образованіе цѣны вмѣстѣ съ первыми существеннымъ образомъ“ [2]). Однако, самое поверхностное сравненіе обоихъ ученій показываетъ, что между ними существуетъ разница не просто въ кругѣ примѣненія, а въ принципіальномъ отношеніи къ изучаемому вопросу. Въ качествѣ „спеціальныхъ“ причинъ заработной платы Митгофъ приводитъ указанные уже выше нравственные мотивы, а также „рядъ частныхъ и правительственныхъ установленій, соціальныхъ и политическихъ учрежденій и въ особенности промышленное законодательство страны“ (промышленная свобода или цеховая система, право коалицій или запрещеніе ихъ, свобода переселенія или ограниченіе ея). За характеристикой этихъ вліяній Митгофъ отсылаетъ читателя къ соотвѣтственному спеціальному отдѣлу трактата, а для цѣлей своей статьи считаетъ необходимымъ остановиться лишь на „ассоціаціи и организаціи рабочихъ, страхованіи рабочихъ и вспомогательныхъ кассахъ“, при чемъ ограничивается самыми элементарными и шаблонными замѣчаніями [3]).

---

[1]) Въ только что упомянутой статьѣ Неймана.

[2]) Mithoff, стр. 712.

[3]) Митгофъ особенно цѣнитъ въ ассоціаціяхъ рабочихъ развиваемое ими стремленіе къ самопомощи. Признавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на выручку слабѣйшихъ элементовъ рабочей массы должно приходить законодательство, Митгофъ рѣшительно отвергаетъ всякое непосредственное вмѣшательство общественной власти въ установленіе заработной платы. „Какъ ни велико, говоритъ онъ, значеніе постоянной высокой заработной платы для государства, ...тѣмъ не менѣе оно долж-

Еще болѣе характернымъ для взглядовъ современныхъ германскихъ экономистовъ на заработную плату представляется ученіе Шёнберга (въ общемъ сходное съ изложеннымъ ученіемъ Митгофа [1]), но развивающее болѣе подробно нѣкоторыя стороны вопроса). Помѣщенное въ обширной энциклопедіи экономическихъ наукъ, естественно включающей бо́льшее разнообразіе точекъ зрѣнія, чѣмъ какое возможно хотя бы и въ коллективномъ курсѣ, оно тѣмъ не менѣе представляется яркимъ выраженіемъ взглядовъ большей части сотрудниковъ сборника (исключая австрійскихъ и примыкающихъ къ нимъ экономистовъ).

При опредѣленіи заработной платы и Шёнбергъ слѣдуетъ Герману. „Заработная плата, установленная рабочимъ договоромъ, говоритъ онъ, экономически имѣетъ природу цѣны: она есть эквивалентъ, двусторонне нормируемое вознагражденіе за трудовую дѣятельность. Всякое образованіе заработной платы есть образованіе цѣны. Это образованіе цѣны въ настоящее время является юридически свободнымъ... Заработная плата устанавливается теперь, какъ цѣна труда, путемъ свободной конкуренціи наемныхъ рабочихъ при предложеніи ихъ рабочихъ силъ и свободной конкуренціи предпринимателей при спросѣ на рабочія силы; она есть „свободная конкурентная цѣна". И она бываетъ обыкновенно также „дѣловой цѣной", т. е. обѣ стороны при образованіи ея обыкновенно опредѣляются дѣловыми соображеніями. Какъ при всѣхъ дѣловыхъ цѣнахъ, такъ и здѣсь существуетъ противоположность инте-

но предоставить достиженіе и упроченіе высокой заработной платы прежде всего собственнымъ силамъ рабочихъ, если оно не желаетъ уничтожить благороднѣйшую основу нашей современной хозяйственной жизни—свободное самоопредѣленіе и покоящееся на немъ чувство отвѣтственности". Mithoff, указ. соч., стр. 713. Митгофъ даже и не подозрѣваетъ, что нормированіе государствомъ заработной платы возможно при полной неприкосновенности самодѣятельности рабочихъ (за предѣлами установленнаго минимума).

[1]) Въ четвертомъ изданіи Handbuch des politischen Oekonomie, вышедшемъ послѣ смерти Митгофа, статья послѣдняго о распредѣленіи была помѣщена Шёнбергомъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій прежняго текста.

этомъ къ обычному для эклектиковъ пріему, спокойно примиряя обѣ доктрины. „Моменты, оказывающіе вліяніе на высоту заработной платы, изложены здѣсь, говоритъ онъ, примѣнительно къ извѣстнымъ причинамъ опредѣленія цѣны, указаннымъ Германомъ. Поскольку послѣдніе не оказываются исчерпывающими, какъ подробно указано въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія [1]), на высоту заработной платы могутъ оказывать также вліяніе и другіе моменты, кромѣ описанныхъ здѣсь. Однако, они имѣютъ по сравненію съ этими подчиненное значеніе, хотя въ спеціальныхъ случаяхъ они могутъ вліять на образованіе цѣны вмѣстѣ съ первыми существеннымъ образомъ“ [2]). Однако, самое поверхностное сравненіе обоихъ ученій показываетъ, что между ними существуетъ разница не просто въ кругѣ примѣненія, а въ принципіальномъ отношеніи къ изучаемому вопросу. Въ качествѣ „спеціальныхъ“ причинъ заработной платы Митгофъ приводитъ указанные уже выше нравственные мотивы, а также „рядъ частныхъ и правительственныхъ установленій, соціальныхъ и политическихъ учрежденій и въ особенности промышленное законодательство страны“ (промышленная свобода или цеховая система, право коалицій или запрещеніе ихъ, свобода переселенія или ограниченіе ея). За характеристикой этихъ вліяній Митгофъ отсылаетъ читателя къ соотвѣтственному спеціальному отдѣлу трактата, а для цѣлей своей статьи считаетъ необходимымъ остановиться лишь на „ассоціаціи и организаціи рабочихъ, страхованіи рабочихъ и вспомогательныхъ кассахъ“, причемъ ограничивается самыми элементарными и шаблонными замѣчаніями [3]).

---

[1]) Въ только что упомянутой статьѣ Неймана.

[2]) Mithoff, стр. 712.

[3]) Митгофъ особенно цѣнитъ въ ассоціаціяхъ рабочихъ развиваемое ими стремленіе къ самопомощи. Признавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на выручку слабѣйшихъ элементовъ рабочей массы должно приходить законодательство, Митгофъ рѣшительно отвергаетъ всякое непосредственное вмѣшательство общественной власти въ установленіе заработной платы. „Какъ ни велико, говоритъ онъ, значеніе постоянной высокой заработной платы для государства, ...тѣмъ не менѣе оно долж-

Еще болѣе характернымъ для взглядовъ современныхъ германскихъ экономистовъ на заработную плату представляется ученіе Шёнберга (въ общемъ сходное съ изложеннымъ ученіемъ Митгофа [1]), но развивающее болѣе подробно нѣкоторыя стороны вопроса). Помѣщенное въ обширной энциклопедіи экономическихъ наукъ, естественно включающей бо́льшее разнообразіе точекъ зрѣнія, чѣмъ какое возможно хотя бы и въ коллективномъ курсѣ, оно тѣмъ не менѣе представляется яркимъ выраженіемъ взглядовъ большей части сотрудниковъ сборника (исключая австрійскихъ и примыкающихъ къ нимъ экономистовъ).

При опредѣленіи заработной платы и Шёнбергъ слѣдуетъ Герману. „Заработная плата, установленная рабочимъ договоромъ, говоритъ онъ, экономически имѣетъ природу цѣны: она есть эквивалентъ, двусторонне нормируемое вознагражденіе за трудовую дѣятельность. Всякое образованіе заработной платы есть образованіе цѣны. Это образованіе цѣны въ настоящее время является юридически свободнымъ... Заработная плата устанавливается теперь, какъ цѣна труда, путемъ свободной конкуренціи наемныхъ рабочихъ при предложеніи ихъ рабочихъ силъ и свободной конкуренціи предпринимателей при спросѣ на рабочія силы; она есть „свободная конкурентная цѣна". И она бываетъ обыкновенно также „дѣловой цѣной", т. е. обѣ стороны при образованіи ея обыкновенно опредѣляются дѣловыми соображеніями. Какъ при всѣхъ дѣловыхъ цѣнахъ, такъ и здѣсь существуетъ противоположность инте-

но предоставить достиженіе и упроченіе высокой заработной платы прежде всего собственнымъ силамъ рабочихъ, если оно не желаетъ уничтожить благороднѣйшую основу нашей современной хозяйственной жизни—свободное самоопредѣленіе и покоящееся на немъ чувство отвѣтственности". Mithoff, указ. соч., стр. 713. Митгофъ даже и не подозрѣваетъ, что нормированіе государствомъ заработной платы возможно при полной неприкосновенности самодѣятельности рабочихъ (за предѣлами установленнаго минимума).

[1]) Въ четвертомъ изданіи Handbuch des politischen Oekonomie, вышедшемъ послѣ смерти Митгофа, статья послѣдняго о распредѣленіи была помѣщена Шёнбергомъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій прежняго текста.

ресовъ... Однако другія „дѣловыя“ же соображенія часто дѣйствуютъ въ смыслѣ устраненія или уменьшенія такой противоположности“. Предприниматель заинтересованъ въ постоянномъ успѣхѣ предпріятія, для чего нужны часто хорошіе рабочіе и добрыя отношенія ихъ съ хозяиномъ; рабочіе же заинтересованы въ постоянной работѣ у предпринимателя, почему имъ нужно щадить послѣдняго и не предъявлять къ нему чрезмѣрныхъ требованій. Мысли Германа Шёнбергъ повторяетъ и при характеристикѣ источника заработной платы [1]).

Въ положенія Германа и въ дальнѣйшемъ изложеніи Шёнбергъ вноситъ только одну поправку, указывая на значеніе различныхъ разрядовъ заработной платы въ связи съ существованіемъ разнородныхъ группъ въ рабочемъ населеніи. Шёнбергъ очень настаиваетъ на этомъ разграниченіи, но не находитъ нужнымъ обосновать его анализомъ фактическихъ данныхъ относительно состава трудящейся массы, ограничиваясь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. И въ этомъ отношеніи онъ оказывается типичнымъ представителемъ направленія, которое выступило съ требованіемъ реалистическаго пересмотра основаній политической экономіи, на самомъ же дѣлѣ ограничило свою работу изслѣдованіями въ области хозяйственной исторіи и хозяйственной политики, довольствуясь въ теоретической части экономической науки по преимуществу ученіями отвергаемой имъ англійской классической школы, въ тѣсной связи съ которыми стояли и

[1]) Предприниматель, указываетъ Шёнбергъ, смотритъ на рабочаго какъ на средство производства товаровъ, продажей которыхъ онъ долженъ выручить всѣ свои издержки производства и въ томъ числѣ заработную плату + процентъ и иногда премію за рискъ. Такъ какъ его спросъ на рабочихъ опредѣляется спросомъ на его товары, то и цѣна труда—заработная плата, которую онъ уплачиваетъ, опредѣляется цѣной его товаровъ. Онъ выплачиваетъ заработную плату какъ авансъ (vorschussweise), и „фондомъ заработной платы“, т. е. фондомъ, изъ котораго окончательно уплачивается заработная плата, является не капиталъ предпринимателя,—онъ служитъ какъ бы ссудной кассой (Vorschusskasse),—а доходъ и имущество потребителей трудовой дѣятельности.

соображенія Германа. „Для пониманія установленія заработной платы и правильной оцѣнки его, какъ причины современнаго рабочаго вопроса, говоритъ Шёнбергъ, существенно важнымъ пунктомъ, не принятымъ во вниманіе въ абстрактныхъ разсужденіяхъ о заработной платѣ физіократически-смитовскаго направленія, а также соціалистовъ и въ особенности Лассаля о „желѣзномъ законѣ" заработной платы, а также и въ другихъ изслѣдованіяхъ—представляется существованіе многихъ разрядовъ заработной платы. Рабочіе не являются однороднымъ классомъ, внутри котораго развивается спросъ и предложеніе и устанавливается закономѣрно одна заработная плата, одна высота ея, но они раздѣляются на весьма многіе классы (по отраслямъ производства, странамъ и мѣстностямъ), и для всякаго изъ многихъ разрядовъ установленіе заработной пааты происходитъ особеннымъ образомъ. Во всякомъ изъ этихъ разрядовъ заработной платы трудоспособность рабочихъ различна, трудъ является производительнымъ факторомъ различныхъ степеней, равнымъ образомъ въ каждомъ классѣ различно число рабочихъ, а въ нѣкоторыхъ классахъ также и отношенія между рабочими по возрасту, полу, брачному состоянію и т. д.; всякій классъ имѣетъ свои особенныя отношенія спроса и предложенія; въ каждомъ классѣ трудовыя услуги представляютъ цѣнность особаго рода; каждый классъ имѣетъ свои особенныя нормы высоты заработной платы и свои спеціальныя градаціи заработной платы; для каждаго привычный уровень жизненныхъ потребностей рабочихъ, которыя они желаютъ удовлетворить съ помощью заработной платы, является особеннымъ основаніемъ опредѣленія заработной платы и центромъ тяжести ея и его измѣнчивость, подобно измѣнчивости всѣхъ другихъ моментовъ, вліяющихъ на заработную прату, различна для различныхъ разрядовъ заработной платы" [1]). Существованіе этихъ классовъ, продолжаетъ Шёнбергъ, является историческимъ фактомъ. Оно представляетъ собою результатъ

---

[1]) Schönberg. Arbeitslohn, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, изд. 2-е, Bd. I, стр. 866—868.

всей предыдущей исторіи классовъ наемныхъ рабочихъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства различныхъ странъ, продуктъ весьма многихъ факторовъ и не только экономическихъ, но также и политическихъ, соціальныхъ, церковныхъ, климатическихъ и т. п. условій. Среди хозяйственныхъ факторовъ для образованія этихъ классовъ однимъ изъ важнѣйшихъ, если не самымъ важнымъ, является трудоспособность. Эта послѣдняя въ различныхъ классахъ количественно и качественно различна. Поэтому принадлежность къ какому-либо классу постоянно зависитъ отъ пріобрѣтенія трудоспособности, требуемой въ этомъ классѣ. Но она зависитъ также отъ размѣра спроса на продукты, изготовляемые соотвѣтственнымъ классомъ рабочихъ. Эти размѣры опредѣляютъ величину требуемаго количества труда, а слѣдовательно также и число рабочихъ силъ.—Почти во всѣхъ отрасляхъ производства существуетъ, однако, одинъ классъ, который является самымъ низшимъ между принадлежащими къ нимъ рабочими, благодаря незначительной производительности труда: классъ необученныхъ рабочихъ. Онъ выполняетъ работы, не требующія никакой спеціальной технической подготовки и обученія... У него поэтому и заработная плата стоитъ всего ниже. Конечно, и среди такихъ рабочихъ существуютъ различія въ производительности труда, но главнымъ образомъ только въ бо́льшей или меньшей физической силѣ, обусловливаемыя, напр., возрастомъ или поломъ, или индивидуальнымъ трудолюбіемъ, и эти различія вызываютъ также и здѣсь различія въ заработной платѣ. Эти рабочіе могутъ поэтому легко и во всякое время мѣнять роды предпріятій, въ которыхъ они работаютъ, такъ какъ повсюду отъ нихъ требуется примѣненіе ихъ естественной физической или психической силы. Необученные рабочіе всѣхъ отраслей производства образуютъ поэтому въ народномъ хозяйствѣ и для установленія ихъ заработной платы одинъ классъ съ подраздѣленіями только по возрасту (дѣти, подростки, взрослые) и полу. Что касается количества принадлежащихъ къ нему лицъ, то оно оказывается самымъ большимъ среди всѣхъ разрядовъ рабочихъ. Лица этого класса никогда не

входятъ въ расчетъ при предложеніи труда въ высшихъ классахъ, такъ какъ они не имѣютъ необходимой для этого подготовки; напротивъ, въ ихъ классъ могутъ спускаться члены всѣхъ высшихъ классовъ и увеличивать въ немъ предложеніе труда. Высказавъ эти соображенія, Шёнбергъ совершенно удовлетворяется ими, ничѣмъ не напоминая читателю о необходимости предварительнаго реалистическаго анализа этого вопроса, и прямо переходитъ къ изложенію ученія Брентано объ особенностяхъ труда, какъ товара. Этимъ онъ и заканчиваетъ общую характеристику „сущности и образованія заработной платы", обращаясь въ дальнѣйшемъ изложеніи уже непосредственно къ вопросу объ ея причинахъ. Здѣсь Шёнбергъ главнымъ образомъ ограничивается простымъ повторѣніемъ ученія Германа. „Заработная плата, указываетъ онъ, устанавливается договоромъ между предпринимателями и рабочими. Такъ называемыя „основанія опредѣленія" (Bestimmungsgründe) заработной платы суть поэтому тѣ факторы, которые вліяютъ рѣшающимъ образомъ на спросъ и предложеніе труда, равно какъ и на двустороннее волевое рѣшеніе относительно цѣны". При этомъ, подобно Митгофу, Шёнбергъ исходитъ изъ понятія о свободномъ установленіи рыночной цѣны, не принимая въ расчетъ сложной структуры современныхъ рыночныхъ отношеній. Онъ разсматриваетъ „только причины, проявляющіяся по общему правилу въ массовыхъ явленіяхъ, при предположеніи, что обѣ стороны преслѣдуютъ исключительно свой дѣловой интересъ, которому не препятствуютъ никакія законодательныя ограниченія". Въ настоящее время, говоритъ Шёнбергъ, заработная плата имѣетъ такой характеръ свободныхъ дѣловыхъ конкурентныхъ цѣнъ [1]).

[1]) Такимъ образомъ и Шёнбергъ не съумѣлъ подняться надъ построеніемъ Германа. Этотъ недостатокъ оригинальности онъ пытается возмѣстить проведеніемъ мысли о существованіи различныхъ разрядовъ рабочихъ; но всѣ его замѣчанія, имѣющія въ виду такую поправку, не идутъ далѣе общихъ мѣстъ.

Причины, опредѣляющія высоту заработной платы, по мнѣнію Шёнберга, таковы:

I. На сторонѣ предпринимателей:

a) цѣнность труда для предпринимателя и потребителя трудовой услуги. Сюда относятся количество и качество труда, а также прилежаніе, ловкость, пунктуальность, заботливость, честность, вѣрность, миролюбіе;

b) платежная способность предъявляющихъ спросъ (предпринимателей и потребителей трудовой дѣятельности);

c) цѣна труда, предлагаемая конкурирующими предпринимателями.

II. На сторонѣ рабочихъ:

a) привычный уровень потребностей класса (различный для различныхъ разрядовъ рабочихъ, т. е. расходъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей, къ которымъ рабочіе извѣстнаго класса привыкли и которыя они хотятъ удовлетворять изъ своего трудового дохода).

b) цѣна труда конкурирующихъ рабочихъ [1]).

[1]) Такъ какъ приведенная схема ничѣмъ не отличается отъ столь ненавистныхъ Шёнбергу ученій „абстрактной школы", то онъ спѣшитъ присоединить къ ней слѣдующее замѣчаніе: „Указанными причинами никоимъ образомъ не исчерпываются факторы установленія заработной платы. Какъ при другихъ свободныхъ конкурентныхъ цѣнахъ, такъ и здѣсь въ дѣйствительной жизни въ отдѣльныхъ случаяхъ соглашенія о заработной платѣ имѣютъ силу и другіе болѣе или менѣе случайные и индивидуальные моменты, вліяніе которыхъ однако не поддается формулированію въ видѣ общихъ правилъ. Многіе индивидуальные случаи заработной платы не являются чисто дѣловыми цѣнами труда. Въ установленіи ихъ могутъ участвовать и нравственные мотивы, какъ напр. любовь къ ближнему, благодарность, чувство права, справедливости и обязанности, общественное чувство, а у хозяевъ кромѣ того еще соображенія относительно семьи рабочаго и т. п. Равнымъ образомъ могутъ вліять модифицирующимъ образомъ благотворительныя учрежденія, устраиваемыя предпринимателями, добровольные и недобровольные взносы

Намѣтивъ главныя причины установленія заработной платы, Шенбергъ характеризуетъ закономѣрность ихъ дѣйствія, проявляющуюся, по его мнѣнію, въ томъ, что въ каждомъ классѣ наемнаго труда заработная плата тяготѣетъ къ опредѣленному центру тяжести между ея возможными максимальной и минимальной границами. Максимальный предѣлъ заработной платы образуетъ цѣна трудовой дѣятельности для платежеспособнаго потребителя ея, минимальный (выраженный въ деньгахъ) уровень обычныхъ классовыхъ потребностей даннаго разряда рабочихъ. Пунктъ, къ которому тяготѣетъ плата за трудъ при колебаніи ея въ этихъ предѣлахъ, образуетъ уровень потребностей рабочихъ (то-есть низшій предѣлъ). Но если плата тяготѣетъ постоянно къ низшему предѣлу, то какъ объяснить тогда (признаваемое и самимъ Шёнбергомъ) повышеніе заработной платы нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ? Шенбергъ разрѣшаетъ такое сомнѣніе простымъ указаніемъ, что при повышенной заработной платѣ минимальнымъ предѣломъ необходимо считать и повышенный жизненный уровень. „Когда, благодаря обстоятельствамъ, могущимъ создать повышеніе заработной платы, плата какого-либо класса рабочихъ поднимается, такъ что она можетъ служить уже для удовлетворенія бо́льшей суммы потребностей, чѣмъ какая соотвѣтствуетъ прежнему классовому уровню ихъ, то наступаетъ двоякій результатъ: или рабочіе привыкаютъ къ высшему объему потребностей, и, слѣдовательно, уровень классовыхъ потребностей поднимается; высшая плата соотвѣтствуетъ тогда опять уровню классовыхъ потребностей, но повысившемуся. Или, благодаря лучшей заработной платѣ даннаго класса къ нему притекаютъ рабочіе изъ другихъ классовъ; заработная плата падаетъ въ силу увеличенія предложенія, и такой притокъ

ихъ въ страховыя кассы. Но указанныя выше причины являются самыми существенными, важнѣйшими для народнаго хозяйства и соціальной политики и только одни онѣ создаютъ общія закономѣрныя явленія заработной платы“. Шёнбергъ не замѣчаетъ, что приведенная оговорка обнаруживаетъ полное теоретическое безсиліе защищаемаго имъ направленія. Schönberg, указ. соч., стр. 878 – 881.

продолжается до тѣхъ поръ, пока не возстановится опять прежній уровень, и, слѣдовательно, заработная плата опять будетъ отвѣчать прежнему уровню классовыхъ потребностей... И наоборотъ, если заработная плата понизилась и оказывается уже недостаточною для удовлетворенія классовыхъ потребностей во всемъ ихъ объемѣ, то или въ силу отлива рабочихъ, и, слѣдовательно, уменьшенія предложенія—наступаетъ повышеніе заработной платы до ея прежняго размѣра, по прежнему соотвѣтствующаго уровню классовыхъ потребностей, или самый уровень классовыхъ потребностей понизится на продолжительное время" [1]). Не замѣчая, что такое объясненіе противорѣчитъ его основному положенію, Шенбергъ присоединяетъ къ нему еще слѣдующее дополненіе: „Но, какъ уже видно изъ сказаннаго, этотъ центръ тяжести является не постоянной, но измѣнчивой величиной и его денежная цѣнность различна для различныхъ разрядовъ заработной платы. Въ общемъ у экономически-прогрессирующихъ народовъ онъ имѣетъ тенденцію подниматься, въ противоположность рентѣ и проценту на капиталъ, и такое повышеніе часто наступало и въ дѣйствительности. А то, что заработная плата колеблется вокругъ этого центра тяжести, никоимъ образомъ не означаетъ низкаго уровня заработной платы, скуднаго и дурного существованія наемныхъ рабочихъ. Наемные рабочіе могутъ быть при этомъ въ хорошемъ положеніи, и многіе и находятся въ немъ, имѣя лучшій доходъ, чѣмъ многіе ремесленники, крестьяне и низшіе чиновники. Только въ одномъ классѣ мы встрѣчаемъ такой случай какъ общее правило (низкій уровень заработной платы), въ классѣ необученныхъ рабочихъ—для одной его части, именно, женатыхъ рабочихъ, имѣющихъ неспособныхъ къ заработку и непризрѣваемыхъ (unversorgten) дѣтей. Здѣсь пунктъ тяготѣнія по общему правилу составляетъ постоянную величину, здѣсь обыкновенно обнаруживается явленіе, что заработная плата взрослыхъ мужчинъ постоянно движется около размѣра, допускающаго для рабочей семьи съ

[1]) Schönberg, указ. соч. стр. 879.

нѣсколькими дѣтьми только удовлетвореніе абсолютно необходимыхъ потребностей, скудно поддерживающее одно физическое существованіе, а для болѣе многочисленныхъ семей не дающее даже этого".

Такимъ образомъ, у Шёнберга мы не находимъ ни малѣйшей попытки систематизировать и пересмотрѣть съ единой точки зрѣнія тѣ указанія, какія даетъ современному изслѣдователю наблюденіе надъ фактическимъ состояніемъ и развитіемъ заработной платы. Большой запасъ данныхъ, накопленныхъ по вопросу о заработной платѣ въ XIX в.. остается совершенно незатронутымъ, если не считать отдѣльныхъ замѣчаній (о различныхъ разрядахъ рабочихъ и т. д.), весьма мало содержательныхъ. О необходимости же полной переработки стараго плана изслѣдованія, предложеннаго Германомъ, у Шёнберга нѣтъ и намека [1]).

Приблизительно такое же разрѣшеніе вопроса о заработной платѣ мы находимъ и въ другихъ энциклопедіяхъ и сводныхъ трактатахъ германскихъ ученыхъ. Такъ, въ статьѣ о заработной платѣ Кема-Эльстера, помѣщенной въ краткомъ „Словарѣ Народнаго Хозяйства", характеристика причинъ, вліяющихъ на установленіе заработной платы, воспроизводитъ буквально (только въ сокращеніи) изложеніе

---

[1]) Нельзя не отмѣтить характернаго для научнаго самодовольства германской историко-этической школы игнорированія Шёнбергомъ весьма интересныхъ теоретическихъ попытокъ разрѣшенія вопроса о заработной платѣ экономистовъ другихъ странъ. Изъ англо-американскихъ экономистовъ въ приложенномъ къ разсматриваемой статьѣ библіографическомъ указателѣ мы находимъ Ад. Смита, Милля, Брассея и Уокера (и то только „The Wages Question"). Остаются совершенно неотмѣченными, не говоря уже о менѣе крупныхъ работахъ, труды Макъ-Доннелла, Маршалла, Тауссига и Кеннана. „Essai sur la théorie du salaire" Борегара указано, но въ текстѣ статьи ни въ чемъ не обнаруживается, что ея авторъ принималъ въ соображеніе даваемую французскимъ экономистомъ постановку вопроса. Естественно возникаетъ мысль, что Шёнбергъ не обратилъ на нее вниманія, и просто помѣстилъ названіе книги Борегара для полноты указателя, какъ напр. совершенно слабую въ теоретическомъ отношеніи работу Шевалье (E. Chevalier, Les Salaires au XIX siècle).

Митгофа. Оригинальное отношеніе къ вопросу проявляется здѣсь (и то чрезвычайно слабо) лишь въ характеристикѣ причинъ, опредѣляющихъ, гдѣ въ дѣйствительности ляжетъ заработная плата (въ существѣ эта мысль, какъ мы видѣли, была высказана уже Митгофомъ). Пунктъ дѣйствительнаго установленія заработной платы между ея возможными предѣлами опредѣляется, по мнѣнію Кема-Эльстера, отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. А это отношеніе проявляется въ трехъ формахъ: 1) сравнительной интенсивности спроса и предложенія; 2) сравнительныхъ количественныхъ размѣровъ спроса и предложенія и 3) сравнительной организаціи спроса и предложенія. Интенсивность труда по общему правилу сильнѣе, чѣмъ спроса, и если организованные рабочіе могутъ нѣсколько улучшить свою позицію въ этомъ отношеніи, то все же въ тѣхъ случаяхъ, когда и предприниматели организованы, рабочіе оказываются въ худшемъ положеніи. Количественное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ различно для различныхъ разрядовъ рабочихъ; оно становится тѣмъ неблагопріятнѣе, чѣмъ ниже разрядъ рабочихъ. Наконецъ, говоря объ организаціи предложенія и спроса, Кемъ-Эльстеръ повторяетъ мысль, высказанную уже въ первомъ пунктѣ, именно, что союзы рабочихъ улучшаютъ ихъ стратегическую позицію при договорѣ съ изолированнымъ предпринимателемъ, при столкновеніи же съ организаціей на сторонѣ спроса, т. е. съ союзами предпринимателей, рабочіе опять попадаютъ въ неблагопріятное положеніе. Эта единственно оригинальная мысль, выдвинутая авторами разсматриваемой статьи и весьма энергически подчеркнутая ими,—не подкрѣплена никакими фактическими доказательствами, кромѣ чисто голословнаго заявленія, что „борьба труда въ настоящее время не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія" [1]). Авторы

---

[1]) Kehm (Elster). Lohn. Wörterbuch der Volkswirtschaft. Bd. II, Iena 1898, стр. 196 и 198. „Какъ только работодатели прочно объединились, пробилъ часъ и для рабочихъ союзовъ, поскольку они являются союзами борьбы; передъ объединенными предпринимателями объеди-

не дали себѣ труда вдуматься не только въ указанія, даваемыя практикой современныхъ отношеній между союзами рабочихъ и предпринимателей, въ ихъ обычныхъ формахъ [1]), но даже въ такія явленія, какъ новѣйшіе альянсы между синдикатами предпринимателей и трэдъ-юніонами, дающія прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ. Если бы организованные рабочіе стояли передъ союзами предпринимателей столь же безпомощными, какъ единичный рабочій передъ единичнымъ предпринимателемъ, то чего ради стали бы такія могуществен-

---

ненные рабочіе оказываются экономически приблизительно настолько же слабыми (untermächtig), какъ отдѣльный работникъ передъ отдѣльнымъ предпринимателемъ... Если поэтому рабочимъ союзамъ часто приписывается значеніе, будто бы они оказываются въ состояніи вообще повышать заработную плату и слѣдовательно долю рабочихъ въ національномъ доходѣ на счетъ предпринимательской прибыли, то забываютъ, что такое значеніе можетъ удержаться только до тѣхъ поръ, пока организація предложенія обгоняетъ организацію спроса, но что оно сейчасъ же находитъ свой предѣлъ, т. е. или ограничивается, или прекращается, какъ только начинаетъ выступать концентрація предпріятій или коалиція предпринимателей".

[1]) Насколько общепринятымъ оказывается въ современной Англіи мнѣніе, что трэдъ-юніоны могутъ поддерживать свои требованія не только противъ изолированныхъ предпринимателей, достаточно показываютъ хотя бы слѣдующія заключительныя соображенія большинства „Королевской Комиссіи труда": „...Именно въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ раздѣленіе классовъ и слѣдовательно причины столкновеній замѣтны всего болѣе, мы наблюдаемъ и наиболѣе полное развитіе той организаціи обѣихъ сторонъ, которая представляется намъ самой замѣчательной и важной чертой современнаго промышленнаго положенія. Могущественные трэдъ-юніоны на одной сторонѣ и могущественныя организаціи предпринимателей на другой—были средствомъ сближенія представителей обоихъ классовъ на почвѣ ихъ конференцій, давая возможность каждой сторонѣ оцѣнить положеніе другой, и понять условія, согласно которымъ должна идти ихъ общая работа. Взаимное воспитаніе, возникающее отсюда, подвинулось настолько, что, какъ мы видѣли, было найдено возможнымъ устанавливать пункты соглашенія относительно заработной платы, которые лойяльно и мирно поддерживались въ теченіе долгихъ періодовъ времени". Royal Gommission on Labour. Fifth and final Report, Part I, London 1894, стр. 112.

ныя организаціи вступать въ спеціальныя соглашенія съ союзами рабочихъ? [1])

Пессимистическій взглядъ на силы рабочихъ сказывается и въ выводахъ авторовъ относительно пункта тяготѣнія заработной платы. Правда, и они высказываются противъ „желѣзнаго закона" (ссылаясь на общепринятыя соображенія историко-этической школы), но, подобно Шенбергу, все же склоняются къ выводу, что плата имѣетъ тенденцію тяготѣть къ минимальному предѣлу. „Съ Рикардо и Лассалемъ, говорятъ они, можно согласиться... что заработная плата имѣетъ тенденцію падать до уровня издержекъ производства труда, такъ какъ въ той мѣрѣ, въ какой заработная плата превышаетъ этотъ уровень, предложеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться и этимъ оказывать давленіе на цѣну труда. Конечно, степень этой тенденціи различна для различныхъ видовъ труда и различныхъ мѣстностей. Напримѣръ, для различныхъ видовъ труда она оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ легче и дешевле можно обучиться имъ, чѣмъ пріятнѣе ихъ выполненіе, чѣмъ меньше связанный съ ними личный и хозяйственный рискъ и т. д." [2]).

---

[1]) Объединеніе въ одну организацію союзовъ предпринимателей и рабочихъ (new trades combination movement) началось по мысли бирмингамскаго фабриканта Смита. Такое объединеніе предполагаетъ со стороны рабочихъ—обязательство работать только у предпринимателей, принадлежащихъ къ союзу, а со стороны предпринимателей—принимать на работу только членовъ трэдъ-юніона и кромѣ того повышать имъ заработную плату въ той мѣрѣ, въ какой предпринимателямъ удается благодаря союзу поднять цѣны на продукты. См. Rob. Liefmann. Die Allianzen, gemeinsame monopolistische Vereinigungen der Unternehmer und Arbeiter in England. Conrad's Jahrbücher für Nationälök. u. St., III Folge, 20 Bd., стр. 433—477, а также замѣтку о книгѣ иниціатора дѣла (E. J. Smith, The New Trades Gombination Movement) проф. Эшли (W. J. Aschley, Surveys historic and economic, London 1900, стр. 394—398). Въ виду указанныхъ явленій слѣдовало бы, прежде чѣмъ столь рѣшительно устанавливать общій выводъ, вдуматься въ тѣ условія, благодаря которымъ нѣкоторыя формы объединенія предпринимателей парализуютъ силу, создаваемую организаціями рабочихъ.

[2]) Kehm (Elster), указ. соч., стр. 198—199.

Намъ остается отмѣтить лишь соотвѣтственныя ученія въ обширномъ трактатѣ по экономической наукѣ Франкенштейна и Геккеля. Спеціально вопросъ о заработной платѣ трактуется здѣсь въ монографіи о доходѣ (Клейнвехтера), но ему же посвящена цѣлая глава въ монографіи объ основныхъ понятіяхъ политической экономіи, написанной извѣстнымъ (нынѣ покойнымъ) мюнхенскимъ профессоромъ Леромъ.

Леръ указываетъ условія, опредѣляющія высшую и низшую границы заработной платы. Высшую границу образуетъ цѣнность трудовой услуги для предпринимателя, иначе говоря, высшая плата, какую предприниматель согласится заплатить, опредѣляется просто размѣромъ ожидаемой имъ прибыли отъ нанимаемого труда. Низшую границу составляетъ прежде всего цѣнность, приписываемая работникомъ своей трудовой дѣятельности. Нельзя считать не только теоретически, но и практически невозможнымъ такой случай, когда работникъ откажется отъ работы, если ему предложатъ плату, низшую по сравненію съ его собственной оцѣнкой труда. Но, замѣчаетъ Леръ, бóльшая часть рабочихъ не можетъ поступать такимъ образомъ. „Большинству, если они вообще хотятъ жить, не остается иного выбора, кромѣ работы за плату. А любовь къ жизни такъ велика, что ее стремятся поддерживать даже при весьма тяжелыхъ условіяхъ. Мы можемъ поэтому сказать, что низшую границу и притомъ абсолютный минимумъ заработной платы образуютъ средства существованія, достаточныя на данный моментъ". Однако, такой крайній минимумъ, подобно товарной цѣнѣ, не обезпечивающей регулярныхъ издержекъ производства, не можетъ считаться дѣйствительнымъ минимумомъ заработной платы въ странѣ, экономическая дѣятельность которой развивается регулярно. Для этого заработная плата должна имѣть по крайней мѣрѣ такой размѣръ, чтобы рабочій классъ (das Arbeitergeschlecht) былъ въ состояніи поддерживать постоянно пріобрѣтенный уже уровень культурнаго существованія, а свою рабочую силу—въ прежнемъ объемѣ, т. е., чтобы плата рабочаго была достаточна какъ для его

собственнаго существованія, такъ и для прокормленія и воспитанія семьи [1]). Леръ полагаетъ, что заработная плата можетъ довольно значительно колебаться между этими границами, но ближе къ низшей, чѣмъ къ высшей. Союзы рабочихъ, по его мнѣнію, могутъ поднимать плату надъ низшей границей, но зато и союзы хозяевъ—могутъ понижать ее, тѣмъ болѣе, что только предпринимателю точно извѣстно, насколько вообще можетъ еще быть повышена заработная плата [2]). Поэтому хотя Леръ и не соглашается съ теоріей желѣзнаго закона, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ крупный подъемъ заработной платы невозможнымъ. При этомъ онъ идетъ такъ далеко, что не видитъ возможности значительнаго улучшенія участи трудящихся даже при предположеніи полной перестройки современнаго общественнаго строя. Современныя отношенія измѣнились бы, по его мнѣнію, „лишь по формѣ, но не по существу". „Конечно, легко сулить золотыя горы, но, насколько человѣкъ вообще можетъ предвидѣть, тотъ, кто стучитъ молотомъ, куетъ или коситъ, и въ будущемъ будетъ получать не больше, сколько ему нужно для жизни". Однако, только что высказавъ это суровое пророчество, Леръ прибавляетъ, что самый уровень потребностей относителенъ, что онъ поднялся теперь по сравненію съ прежнимъ временемъ, а слѣдовательно будетъ повышаться и въ будущемъ [3]).

Въ монографіи Клейнвехтера вопросъ излагается обстоятельнѣе, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ взгляды автора выгодно отличаются отъ идей другихъ представителей историко-этическаго направленія большей смѣлостью мысли, большей свободой отъ общепринятаго шаблона и рутины. Однако, и Клейнвехтеръ никакъ не можетъ выбиться изъ круга, начерченнаго указаннымъ направленіемъ, потому что у него онъ почерпаетъ весь матеріалъ для своихъ разсу-

[1]) J. Lehr. Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. 2-te Aufl. Leipzig 1901 (Frankenstein's Handbuch, I Abth. 1 Bd.), стр. 330—335.

[2]) Lehr, указ. соч., стр. 333—334.

[3]) Тамъ же, стр. 339.

жденій. Поэтому, если онъ иногда и подходитъ къ новой постановкѣ вопроса, то все еще не преступаетъ завѣтной черты, помѣщая свои выводы въ заранѣе установленный кругъ понятій и положеній. Самостоятельное отношеніе къ вопросу у него мы находимъ только въ болѣе рѣзкомъ указаніи на силу, какъ на факторъ установленія заработной платы. Отмѣтивъ роль спроса и предложенія при установленіи заработной платы, Клейнвехтеръ продолжаетъ: „Однако, дѣло не обстоитъ такъ просто и гладко въ дѣйствительности. Всякое установленіе цѣны двумя сторонами, заключающими договоръ..., есть результатъ борьбы противоположныхъ интересовъ, въ которой каждая сторона по мѣрѣ силъ старается вполнѣ использовать имѣющіяся у нея выгоды... Въ борьбѣ изъ-за заработной платы (какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ случаевъ борьбы изъ за-цѣны) другъ противъ друга стоятъ не одинъ рабочій и одинъ предприниматель, а на каждой сторонѣ цѣлые ряды рабочихъ и предпринимателей... Въ борьбѣ въ концѣ концовъ рѣшаютъ каждый разъ отношенія силъ (die Machtverhältnisse) и сильнѣйшая сторона (въ чемъ состоитъ большая сила, безразлично) выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ“ [1]). Однако, и Клейнвехтеръ не пользуется высказанной мыслью для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса, довольствуясь, подобно Шёнбергу, немногими поверхностными замѣчаніями. „Кто будетъ въ конкретномъ случаѣ сильнѣйшей стороной, говоритъ онъ, конечно, нельзя опредѣлить, какъ общее правило. Въ общемъ можно только сказать, что обыкновенно одинокій рабочій слабѣе предпринимателя на томъ основаніи, что количество лицъ, ищущихъ работы, громадно, и что въ каждой отрасли (производства) и во всякое время есть незанятые рабочіе (такъ наз. „резервная армія“ Маркса)... И конечно, рабочій тѣмъ легче можетъ быть замѣщенъ другимъ, чѣмъ проще и неквалифицированнѣе его работа“ и т. д. Дальше Клейнвехтеръ повторяетъ обычныя соображе-

[1]) F. Kleinwächter. Das Einkommen und seine Verteilung. Leipzig 1896, стр. 181—182.

нія историко-этической школы (роль рабочихъ союзовъ, общественнаго мнѣнія, чувства справедливости у предпринимателей, вмѣшательства государства). Признаніе за силой большаго значенія въ дѣлѣ установленія заработной платы, по сравненію съ ученіями другихъ представителей историко-этическаго направленія, сказывается у Клейнвехтера только въ томъ, что онъ даетъ ему болѣе рѣзкую формулировку и выдвигаетъ его съ большей настойчивостью. Онъ еще разъ напоминаетъ о немъ и въ заключеніи параграфа: „Въ краткихъ словахъ: установленіе заработной платы происходитъ путемъ борьбы интересовъ. Для исхода этой борьбы отношеніе между спросомъ и предложеніемъ имѣетъ весьма важное значеніе, однако, спросъ и предложеніе являются не единственнымъ рѣшающимъ факторомъ, такъ какъ на ряду съ ними, какъ указано, участвуетъ еще цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ. Поэтому относительно высоты заработной платы нельзя сказать ничего иного, кромѣ того, что рабочіе постоянно получаютъ такую плату, на которую они въ состояніи вынудить предпринимателей (den sie den Arbeitgebern abzutrotzen oder abzuringen im Stande sind.) [1]).

Наконецъ, остановимся еще на недавней попыткѣ пересмотра вопроса о заработной платѣ, предложенной Шмоллеромъ въ статьѣ въ „Soziale Praxis", составляющей главу изъ будущаго второго тома его „Grundriss'a) [2]). Статья эта, какъ бы подводящая итогъ долголѣтнимъ размышленіямъ и изслѣдованіямъ по данному вопросу одного изъ старѣйшихъ современныхъ представителей германской историко-этической школы, привлекаетъ живой интересъ какъ общимъ планомъ работы, такъ и нѣкоторыми отдѣльными мыслями, но въ общемъ, подобно только что размотрѣннымъ ученіямъ,

[1]) Kleinwächter, указ. соч., стр. 184. И Клейнвехтеръ обнаруживаетъ весьма мало вниманія къ новѣйшей негерманской литературѣ заработной платы. Особенно поразительно его отношеніе къ вопросу о вліяніи производительности труда.

[2]) Arbeitsverhältniss, Arbeitsrecht, Arbeitsertrag und Arbeitslohn. Soziale Praxis, XI Jahrg., №№ 8, 9, 10, 17, 18, 30, 31, 32 и 33.

оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разочарованнымъ.

Изложеніе собственныхъ воззрѣній Шмоллера на причины заработной платы занимаетъ въ этой статьѣ сравнительно мало мѣста (два послѣднихъ параграфа, къ которымъ семь предыдущихъ служатъ какъ бы введеніемъ). Видно, что и въ данномъ случаѣ Шмоллеръ съ бо́льшимъ вниманіемъ и интересомъ относится къ конкректнымъ условіямъ заключенія рабочаго договора. Онъ даетъ подробную характеристику процесса образованія свободнаго наемнаго труда и различныхъ элементовъ современнаго рабочаго класса; останавливается съ значительной обстоятельностью на характерѣ современнаго рабочаго договора, на его юридическихъ условіяхъ и отдѣльныхъ пунктахъ его содержанія (помимо заработной платы), и только послѣ этого переходитъ къ вопросу о причинахъ заработной платы, предпославъ ему нѣсколько замѣчаній о фактическихъ размѣрахъ заработной платы за послѣднія столѣтія и о прежнихъ теоріяхъ заработной платы.

Въ этихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ Шмоллера мы находимъ много цѣнныхъ мыслей, дающихъ прекрасный матеріалъ и для дальнѣйшихъ заключеній относительно причинъ изучаемаго явленія [1]); но, къ сожалѣнію, Шмоллеръ мало пользуется ими въ чисто-теоретической части своего изслѣдованія. Весьма интересенъ и сгруппированный Шмоллеромъ фактическій матеріалъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ заработной платы и ея движеніи, хотя и онъ также не введенъ надлежащимъ образомъ въ процессъ теоретическаго анализа [2]). Обзоръ старыхъ ученій о заработной

[1]) Отмѣтимъ хотя бы попытку выясненія историческато процесса образованія рабочаго класса и его состава въ современномъ хозяйственномъ строѣ; характеристику значенія иныхъ пунктовъ рабочаго договора кромѣ заработной платы и т. п.

[2]) Шмоллеръ разсматриваетъ здѣсь свѣдѣнія о заработной платѣ, начиная съ 13-го стол. и кончая послѣдними годами 19-го. Данныя за ранніе періоды имѣютъ, конечно, случайный и суммарный характеръ; для ближайшаго же къ намъ времени Шмоллеръ приводитъ и нѣкоторыя детальныя свѣдѣнія (географическія различія въ размѣрахъ зара-

платѣ представляется гораздо болѣе слабымъ по сравненію съ предыдущими параграфами; все развитіе теоретической мысли по вопросу о заработной платѣ до 60-хъ и 70-хъ гг. 19 столѣтія трактуется на 5-ти столбцахъ, причемъ болѣе подробно авторъ останавливается на ученіи Маркса. Новѣйшія же теоріи Шмоллеръ совершенно не разсматриваетъ, и изъ брошеннаго о нихъ замѣчанія не видно, чтобы онъ глубоко вдумывался въ нихъ и интересовался ими [1]). Равнымъ образомъ и изложеніе собственныхъ взглядовъ Шмоллера на причины заработной платы, дающихъ, по его словамъ, „краткую характеристику того, что можно сказать по данному вопросу при современномъ состояніи науки", оставляетъ желать многаго. Прежде всего эта характеристика отличается крайней несистематичностью. Шмоллеръ начинаетъ съ указанія на связь между уровнемъ жизни, размѣрами заработной платы и трудоспособностью, причемъ замѣчаетъ вскользь, что высота заработной платы опредѣдѣляется не только спросомъ и предложеніемъ труда въ количественномъ смыслѣ, но и психологическими, моральными, юридическими, политическими и иными культурными условіями, затѣмъ обращается къ изслѣдованію спроса и

ботной платы между отдѣльными государствами и въ предѣлахъ одной страны; особенности заработной платы мужчинъ и женщинъ, различныхъ разрядовъ рабочихъ и т. п.); тѣмъ не менѣе дѣлаемый имъ обзоръ настолько кратокъ, что на основаніи его можно придти только къ самымъ элементарнымъ теоретическимъ заключеніямъ. См. Soziale Praxis, № 30, стр. 775—781. Эти же данныя содержатся и въ докладѣ Шмоллера въ Берлинской академіи наукъ—„Die historische Lohnbewegung von 1300—1900 und ihre Ursachen". Sitzungsberichte der königlich—preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1902. IX.

[1]) Вотъ буквально, что говоритъ о нихъ Шмоллеръ: „Только съ 1860—1900 гг. стало возможно составить... болѣе правильное сужденіе о движеніи заработной платы, благодаря борьбѣ между буржуазными и соціалистическими теоріями и болѣе широкому историческому и статистическому наблюденію, въ связи съ правильной оцѣнкой трэдъ-юніоновъ, фабричнаго законодательства и другихъ соціальныхъ учрежденій. Труды Торнтона въ Англіи, Брентано въ Германіи, Ф. А. Уокера въ Соединенныхъ Штатахъ имѣли при этомъ руководящее значеніе". Soziale Praxis № 31, стр. 806.

предложенія труда и уже послѣ этого переходитъ къ извлеченію изъ подготовленнаго такимъ образомъ матеріала „выводовъ, важнѣйшихъ въ историческомъ и практическомъ отношеніяхъ", считаемыхъ имъ, повидимому, за теорію заработной платы въ собственномъ смыслѣ [1]).

По первому изъ указанныхъ вопросовъ (связь между уровнемъ жизни, размѣрами заработной платы и трудоспособностью) Шмоллеръ не высказываетъ какихъ-либо оригинальныхъ мыслей [2]). Въ предложеніи труда онъ разсматриваетъ исторически вліяніе измѣненій въ общей цифрѣ населенія и въ цифрѣ лицъ, вынужденныхъ жить наемнымъ трудомъ, а также цифры безработныхъ, которую онъ считаетъ „живѣйшимъ выраженіемъ размѣровъ предложенія" (труда). Онъ отмѣчаетъ при этомъ, что значеніе безработицы ослабляется устройствомъ посредническихъ бюро по пріисканію работы и дѣятельностью трэдъ-юніоновъ какъ въ смыслѣ выясненія имѣющагося спроса на трудъ, такъ и прямой поддержки безработнымъ или переселенія части ихъ заграницу. Въ характеристикѣ спроса на трудъ Шмоллеръ повторяетъ положеніе Ад. Смита, что здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ общее состояніе народнаго хозяйства (расцвѣтъ, застой или упадокъ), т. е., поясняетъ Шмоллеръ, производительность

---

[1]) Которую онъ понимаетъ, конечно, въ духѣ своихъ основныхъ методологическихъ воззрѣній, что прямо и оговариваетъ: „Не всеобщую, повсюду примѣнимую теорію заработной платы хотимъ мы абстрагировать изъ всего предшествующаго, но ,казать вкратцѣ существеннѣйшія причины конкретнаго движенія заработной платы за послѣднія столѣтія въ современныхъ культурныхъ государствахъ, которое насъ по преимуществу интересуетъ"... Sociaie Praxis, № 33, стр. 849.

[2]) Любопытно, что здѣсь онъ повторяетъ, между прочимъ, извѣстную мысль Маркса о томъ, что первые шаги наемнаго труда стоятъ въ зависимости отъ историческихъ условій, при которыхъ образовался классъ свободныхъ наемныхъ рабочихъ. Обычный заработокъ и образъ жизни обѣднѣвшихъ мелкихъ крестьянъ, избыточныхъ крѣпостныхъ, ремесленныхъ подмастерьевъ, которые не могли сдѣлаться мастерами, прежде всего опредѣлилъ уровень жизни и высоту заработной платы наемныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ". — Soziale Praxis, № 32, стр. 327.

народнаго хозяйства и его отдѣльныхъ отраслей. Останавливаясь подробно на этомъ положеніи, Шмоллеръ высказываетъ интересную мысль, что если повышеніе спроса на товары означаетъ вообще и повышенный спросъ на трудъ, то при этомъ необходимо помнить, что трудъ составляетъ только часть элементовъ производства, и что слѣдовательно повышенный спросъ на товары является и повышеннымъ спросомъ не на одинъ трудъ, а на трудъ въ соединеніи съ другими элементами производства. Называя эти другіе элементы капиталомъ, Шмоллеръ устанавливаетъ положеніе, что спросъ на наемный трудъ опредѣляется соотношеніемъ труда и капитала въ изготовленіи продуктовъ, на которые предъявляется спросъ потребителями [1]).

---

[1]) Полное выясненіе этого вопроса могла бы дать, по мнѣнію Шмоллера, „только исторія всего спроса съ точки зрѣнія примѣненія труда и капитала, исторія всей техники и формъ предпріятій и, наконецъ, исторія образованія капитала и рабочаго класса съ той же точки зрѣнія"; теперь же онъ находитъ возможность ограничиться только слѣдующими „суммарными выводами": „чѣмъ дальше мы уходимъ вглубь исторіи, тѣмъ больше труда и тѣмъ меньше процента на капиталъ (включая поземельную ренту и предпринимательскую прибыль) помѣщалось въ цѣнности продуктовъ, на которые предъявлялся спросъ; но спрашиваемый трудъ былъ въ меньшей степени наемнымъ трудомъ, а по преимуществу трудомъ мелкаго крестьянина, ремесленника, торговца. За послѣдніе двѣсти—триста лѣтъ среди элементовъ производства, опредѣляющихъ цѣнность, долженъ былъ значительно вырости капиталъ (а наряду съ нимъ поземельная рента и предпринимательская прибыль), но также и наемный трудъ сравнительно съ трудомъ въ семьѣ и въ мелкихъ предпріятіяхъ. Все же и до сихъ поръ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ горномъ дѣлѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, недоступныхъ машинамъ, какъ напр. въ строительныхъ промыслахъ, во многихъ промыслахъ по обработкѣ пищевыхъ веществъ (Nahrungsgewerben) и личныхъ услугахъ—трудъ остался преобладающимъ элементомъ; онъ съузился по большей части въ отрасляхъ крупной промышленности, насыщенныхъ капиталомъ и машинами. Напр. въ сѣверо-американской шерстяной промышленности заработная плата составляла 16% продажной цѣнности продуктовъ, въ тамошней же хлопчатобумажной промышленности—23%, тогда какъ въ силезской угольной промышленности 46—50%. Однако относительные размѣры спроса на трудъ и капиталъ не выясняются еще такими цыфрами, потому что возникаетъ вопросъ, какіе проценты дохода истрачиваются на текстильные товары, какіе—на жизненные припасы, уголь и

Помимо количественныхъ условій спроса на трудъ Шмоллеръ останавливается и на его интенсивности, которая, по его мнѣнію, опредѣляется „силой и имуществомъ" (Macht- und Besitzverhältnisse) лицъ, предъявляющихъ спросъ. Въ общемъ онъ того мнѣнія, что положеніе лицъ, предъявляющихъ спросъ (предпринимателей), благопріятнѣе лицъ, предлагающихъ трудъ (рабочихъ). И хотя существуютъ, по его мнѣнію, нѣкоторыя противодѣйствующія вліянія (недостатокъ рабочихъ рукъ въ колоніяхъ, рѣдкость хорошихъ наемныхъ рабочихъ въ странахъ съ большимъ количествомъ мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ и т. д., въ особенности же—повышеніе техническаго и экономическаго образованія рабочихъ, увеличеніе ихъ имущества и ростъ ихъ политической и профессіональной организаціи),—тѣмъ не менѣе „новѣйшіе колоссальные трёсты и союзы предпринимателей могутъ сокрушить (lahm legen) даже и организованныхъ рабочихъ и возстановить опять преобладаніе высшихъ классовъ"[1]).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ разсматриваемаго изслѣдованія, посвященномъ вопросу о движеніи заработной платы (въ которомъ, какъ было отмѣчено выше, Шмоллеръ видитъ основной вопросъ теоріи заработной платы), Шмоллеръ устанавливаетъ положеніе, что вообще плата стремится къ устойчивому равновѣсію около установившагося уровня жизни. Особенно сильна была такая тенденція въ прежнее время, при системѣ выдачи платы натурою, зависимости сельскаго труда и цеховыхъ ограниченіяхъ, но она существуетъ и въ настоящее время. Однако, независимо отъ временныхъ мелкихъ уклоненій, глубокія причины влекли за собой серьезныя измѣненія въ установившемся уровнѣ платы.

т. п., и затѣмъ, какую долю въ цѣнности составляетъ теперь транспортъ, который по преимуществу работаетъ съ капиталомъ. Soziale Praxis, № 32, стр. 831.

[1]) Возстановленія нарушеннаго равновѣсія Шмоллеръ ожидаетъ при этомъ отъ „государственной власти и хозяйственныхъ учрежденій", которыя противодѣйствовали бы слишкомъ сильному и сознаваемому какъ несправедливое (als ungerecht empfundenen) пользованію своей силой на той или на другой сторонѣ". Soziale Praxis, № 32, стр. 832.

Въ прежнее время замѣчалось скорѣе паденіе (реальной) заработной платы (періоды 1550—1700 и 1780—1850 г.г.), въ новѣйшее время (съ 50-хъ г.г. 19-го ст.)—повышеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ причинами такихъ измѣненій были не какія-нибудь случайныя и скоропреходящія явленія, а цѣлый рядъ глубокихъ измѣненій въ хозяйственномъ строѣ [1]). Поэтому Шмоллеръ высказывается противъ извѣстнаго намъ мнѣнія Рошера, будто высота заработной платы зависитъ въ главномъ отъ благоразумія самихъ рабочихъ. „Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ онъ, мы не можемъ по-фарисейски говорить о каждомъ рабочемъ классѣ, получающемъ низкую плату, что онъ виноватъ въ этомъ. Безъ безпримѣрно благопріятныхъ конъюнктуръ и крупныхъ соціальныхъ реформъ за періодъ 1840—1900 гг. заработная плата не поднялась бы". До сихъ поръ, какъ мы видѣли, Шмоллеръ обращаетъ главное вниманіе на соотношеніе силъ хозяевъ и рабочихъ, условія производительности и др. хозяйственныя „конъюнктуры"; и только въ самомъ концѣ статьи онъ обращается къ тѣмъ факторамъ, которые зани-

---

[1]) Напр. для періода 1780—1850 гг., когда положеніе рабочихъ было особенно тяжело, „мы видимъ всего яснѣе, говоритъ Шмоллеръ, что послѣдняя причина паденія заработной платы заключалась не въ одномъ увеличеніи населенія, ни въ недостаткѣ фонда заработной платы, ни въ машинахъ, ни въ кризисахъ, а въ томъ, что вмѣстѣ съ колоссальнымъ экономическимъ переворотомъ были разрушены старыя соціальныя учрежденія, новыя же образовывались очень медленно; что растущія массы рабочихъ, лишенные старой поддержки въ натуральномъ хозяйствѣ, альмендахъ, регулированіи домашней промышленности и т. д., перенесенныя въ новыя условія, выступая изолированными единицами, игнорируемые государствомъ и предоставленные самимъ себѣ,—стояли безсильными и безпомощными предъ быстро богатѣвшими, дѣйствовавшими по коммерческому расчету предпринимателями". Равнымъ образомъ и на подъемъ заработной платы съ 50-хъ гг. оказали вліяніе, въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ благопріятныя для рабочихъ крупныя общія экономическія измѣненія и конъюнктуры, — „лучшія соціальныя учрежденія". Обусловленный этимъ подъемъ „лучшихъ элементовъ рабочаго класса" сказался, по мнѣнію Шмоллера, и въ разумномъ отношеніи ихъ къ браку и въ упорномъ отстаиваніи уровня жизни. Soziaie Praxis, № 33, стр. 850—853.

маютъ такое выдающееся мѣсто въ методологическихъ спорахъ экономистовъ историко-этической школы и которымъ, однако, самымъ этимъ экономистамъ по неволѣ приходилось отводить весьма скромную роль при выясненіи основныхъ проблемъ теоретической экономіи—о моральныхъ силахъ. На подъемъ заработной платы, говоритъ Шмоллеръ, вліялъ „психологическій и духовный подъемъ рабочаго класса, на котсрый въ свою очередь дѣйствовали соціальныя реформы, усовершенствованныя учрежденія, увеличеніе могущества низшихъ классовъ, ростъ благоразумія и симпатіи къ нимъ со стороны высшихъ классовъ. А весь этотъ рядъ причинъ принадлежитъ къ міру человѣческаго дѣйствованія (Handelns), политики, и зависитъ отъ сознанія и воли, отъ идеаловъ и моральныхъ силъ". При этомъ, слѣдуя также основнымъ воззрѣніямъ своей школы, Шмоллеръ пытается найти подъемъ высшихъ нравственныхъ чувствъ и у предпринимателей и сближеніе между ними и рабочими, раздѣленными начальными процессами капиталистическаго развитія [1]). „Начинаетъ опять соединяться разорванная было связь между

[1]) „Какое вліяніе оказало одно улучшеніе общаго и техническаго народнаго образованія; какія силы освободила и воспитала самопомощь и корпоративная жизнь; какое вліяніе на всѣ стороны оказало общее союзное движеніе; какъ подняли и обезпечили людей сберегательныя кассы и страхованіе рабочихъ! Расширеніе политическихъ правъ въ общинѣ и государствѣ подняло сознаніе и чувство собственнаго достоинства и даже рабочая партія выросла уже въ страшную и часто употреблявшуюся во зло, но въ общемъ благодѣтельную силу для ихъ интересовъ. Какой хозяйственной и моральной воспитательной школой стали повсюду профессіональные союзы рабочихъ! Не смотря на отвратительную (hässlichen) и жестокую борьбу, которая связывалась съ этими организаціями, ихъ общее вліяніе было однако благотворнымъ. Безъ нихъ и высшіе классы не вспомнили бы настолько о своихъ соціальныхъ обязанностяхъ, законодательство по охранѣ труда, улучшеніе жилищъ, страхованіе рабочихъ не было бы настолько проведено (in Angriff genommen), не дѣйствовали бы въ такой мѣрѣ въ одномъ направленіи всѣ благородные и гуманные элементы высшихъ классовъ, движимые повышеніемъ общественнаго сочувствія, побуждаемые всевозможными соціальными апостолами, объединенные въ разнаго рода организаціи". Soziale Praxis, № 33, стр. 845.

высшими и низшими классами"; они становятся даже похожими другъ на друга; напр. „въ современной лучшей части рабочаго класса героическія стремленія родителей во что бы то ни стало лучше воспитать своихъ дѣтей—пробудились въ такой мѣрѣ, въ какой раньше они замѣчались только у средняго класса".

„Поэтому, заключаетъ Шмоллеръ, не одно сокращеніе рабочаго времени, не одно законодательство по охранѣ труда, не одни трэдъ-юніоны и ихъ борьба за заработную плату, не одна политическая организація рабочей партіи, а совокупность разнообразнѣйшихъ причинъ дѣйствовали совмѣстно соціально-реформаторскимъ образомъ и косвенно поднимали заработную плату. Выработка системы современныхъ соціальныхъ учрежденій даетъ намъ болѣе всего гарантію дальнѣйшаго прогресса, и дѣлаетъ вѣроятнымъ, что неблагопріятныя конъюнктуры и кризисы будутъ преодолѣваться и въ будущемъ" [1]).

Такимъ образомъ, характеристика причинъ заработной платы, даваемая Шмоллеромъ, несмотря на нѣкоторыя замѣчанія, цѣнныя и въ теоретическомъ отношеніи, въ общемъ представляется скорѣе совокупностью историческихъ очерковъ, чѣмъ теоретическимъ изслѣдованіемъ вопроса. Въ анализѣ условій, вліяющихъ на высоту заработной платы, и Шмоллеръ не идетъ далѣе Германа, будучи въ этомъ отношеніи даже слабѣе другихъ новѣйшихъ германскихъ экономистовъ, ученія которыхъ мы разсматривали въ настоящей главѣ.

[1]) Soziale Praxis, № 33, стр. 854.

Глава восьмая.

Воскрешеніе теоріи фонда.

Обращеніе школы предѣльной полезности къ вопросамъ распредѣленія. Характеръ ея пріемовъ. Попытка возрожденія теоріи фонда. Бёмъ-Баверкъ въ „Positive Theorie". Ученіе о фондѣ средствъ существованія. Его посылки. Отграниченіе отъ старой теоріи фонда. Сходство ученія Бёмъ-Баверка съ старой доктриной по существу примѣняемыхъ пріемовъ изслѣдованія, допущеній и выводовъ. Теорія Бёмъ-Баверка не подвигаетъ разработки вопроса далѣе того пункта, на которомъ ее оставила классическая (и манчестерская) доктрина. „Wages and Capital" Тауссига. Характеристика источника заработной платы. „Inchoate wealth". Ученіе о „механизмѣ распредѣленія". Зависимость дохода рабочихъ отъ фонда заработной платы. Эластичность фонда. Вліяніе повышенія заработной платы одной группы рабочихъ на заработокъ другихъ группъ. Общій смыслъ ученія Тауссига. Балансированіе между индивидуалистической и общественной точками зрѣнія. „Прошлое и настоящее" въ народномъ хозяйствѣ. Пониманіе Тауссигомъ „механизма распредѣленія" въ современномъ обществѣ. Реакціонное значеніе теоріи Тауссига.

Когда теоретическая слабость германской историко-этической школы достаточно выяснилась, первую позицію въ разработкѣ основныхъ вопросовъ политической экономіи заняло новое направленіе, представленное на европейскомъ континентѣ австрійскими экономистами (примкнувшими къ Карлу Менгеру), а въ Англіи (и отчасти въ Америкѣ) Джевонсомъ и его ближайшими преемниками и послѣдователями. Подробная разработка этими экономистами теоріи цѣнности съ точки зрѣнія принципа предѣльной полезности, не новаго, но незамѣченнаго ранѣе, сразу завоевала имъ широкое признаніе. За ними было какъ бы санкціонировано право на смѣлыя попытки пересмотра самыхъ коренныхъ вопросовъ экономической теоріи. Между прочимъ успѣхъ новаго ученія о цѣнности давалъ основаніе надѣяться на столь же счастливое разрѣшеніе и проблемы распредѣленія. Сомнѣнія, съ которыми относились къ теоретической дѣятельности новой школы экономисты, воспитанные въ принципахъ міроззрѣнія, завѣщаннаго крупными представителями научнаго соціализма, тонули въ общемъ морѣ похвалъ и восторговъ, вызванныхъ этой школой. Разработка теоріи распредѣленія,

дѣйствительно, сильно оживляется съ распространеніемъ идей новаго направленія, но, относясь безпристрастно къ обширному и сложному матеріалу предложенныхъ объясненій и имѣя терпѣніе внимательно разобраться въ немъ, нельзя не придти къ выводу, что положительныхъ научныхъ пріобрѣтеній въ немъ содержится чрезвычайно мало, и что именно въ данномъ вопросѣ проявились съ особенной яркостью недостатки метода, принятаго указаннымъ направленіемъ. Настойчивое проведеніе индивидуалистической точки зрѣнія черезъ всю систему теоретической экономіи и крайне упрощенное трактованіе экономическихъ проблемъ, выдѣляющее въ хозяйственныхъ явленіяхъ только ихъ наиболѣе элементарныя черты, и въ особенности игнорированіе соціальной атмосферы, въ которой развертываются процессы человѣческаго хозяйства,—не могло не возвращать экономическаго изслѣдованія къ старымъ путямъ, ошибочность которыхъ, казалось, была уже достаточно выяснена развитіемъ экономическихъ идей въ первыя три четверти XIX вѣка. Реакціонный характеръ новой школы, первые шаги которой были встрѣчены столь восторженно, обнаружился всего отчетливѣе въ сдѣланныхъ ея видными представителями попыткахъ возрожденія теоріи фонда.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ было уже показано, что слѣды теоріи фонда замѣчаются, хотя въ довольно неопредѣленныхъ очертаніяхъ, въ ученіи о заработной платѣ Джевонса. Съ утвержденіемъ же идей австрійской школы теорія фонда еще болѣе выдвигается впередъ (конечно, и на этотъ разъ въ новой формулировкѣ) сначала во второмъ томѣ „Capital und Capitalzins“ Бёмъ-Баверка, затѣмъ въ „Wages and Capital“ Тауссига, болѣе другихъ американскихъ экономистовъ близкаго къ міровоззрѣнію австрійской школы. Первая изъ этихъ попытокъ прошла мало замѣченною. Возвратившись по существу къ старой доктринѣ, Бёмъ-Баверкъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ значеніи сдѣланнаго имъ шага. Онъ рѣзко отграничилъ свое объясненіе причинъ заработной платы отъ старой англійской теоріи, о которой онъ имѣлъ тогда, повидимому, подобно большинству

современныхъ ему нѣмецкихъ экономистовъ, довольно смутное и поверхностное представленіе. Съ другой стороны, теорія заработной платы занимала сравнительно ничтожный уголокъ въ обширномъ теоретическомъ зданіи, выведенномъ имъ въ положительной части его изслѣдованія. Еще меньше значенія придали этой попыткѣ континентальные критики и послѣдователи Бёмъ-Баверка. Поглощенные вопросами о цѣнности, цѣнѣ, капиталѣ и процентѣ, они проходили мимо теоріи заработной платы, намѣченной въ „Capital und Zins", не пытаясь критически разобраться въ ней и развивать дальше заложенныя въ ней мысли. Но въ англійской и американской литературѣ, гдѣ интересъ къ вопросамъ распредѣленія въ то время былъ значительно живѣе, чѣмъ на европейскомъ континентѣ, теорія Бёмъ-Баверка привлекла къ себѣ гораздо больше вниманія. Она была тщательно отмѣчена англійскимъ переводчикомъ книги Бёмъ-Баверка—однимъ изъ извѣстныхъ молодыхъ англійскихъ экономистовъ—Смартомъ, который въ предисловіи къ переводу „Положительной теоріи капитала" удѣлилъ очень много мѣста именно характеристикѣ и истолкованію значенія взгляда Бёмъ-Баверка на заработную плату [1]), и вскорѣ была подхвачена и развита экономистомъ, несомнѣнно выдѣляющимся среди своихъ американскихъ коллегъ—Тауссигомъ, посвятившимъ вопросу объ эволюціи теоріи фонда спеціальное изслѣдованіе [2]).

Бёмъ-Баверкъ излагаетъ свой взглядъ на причины заработной платы въ пятомъ отдѣлѣ третьей книги „Positive Theorie", посвященномъ вопросу о высотѣ процента на капиталъ. Разсматривая „покупку труда" только въ условіяхъ свободной конкуренціи, онъ принимаетъ всѣ установленныя имъ ранѣе допущенія относительно рыночнаго обмѣна: имен-

[1]) См. E. v. Böhm-Bawerk. The positive Theory of Capital. Translated with a preface and analysis by William Smart. London 1891, стр XIII—XXII. Въ этомъ же году въ Quarterly Journal of Economics появилась и статья Маквэна, открывшая полемику по поднятому Бёмъ-Баверкомъ вопросу въ этомъ журналѣ.

[2]) F. W. Taussig. Wages and Capital An examination of the wages-fund doctrine. New-Iork 1896.

но, что предложеніе настоящихъ товаровъ представлено имѣющимся имущественнымъ запасомъ (Vermögensstock) народнаго хозяйства—съ нѣкоторыми незначительными исключеніями, а спросъ на настоящія блага предъявляется лицами, ищущими производительнаго кредита для цѣлей самостоятельнаго производства, наемной работы и потребительнаго кредита. Сюда же при извѣстныхъ условіяхъ присоединяются еще и притязанія земельныхъ собственниковъ. Сверхъ того, предполагается, что весь спросъ и все предложеніе настоящихъ благъ встрѣчаются на единомъ, обнимающемъ все народное хозяйство рынкѣ, и, наконецъ, что всѣ отрасли производства имѣютъ одну и ту же производительность и одинаковое возрастаніе производительности при удлинненіи производственнаго періода, т. е. тождественную скáлу приращеній продукта (Mehrerträgnisse). [1]).

---

[1]) Бёмъ-Баверкъ принимаетъ, что доходность предпріятія стоитъ въ непосредственной зависимости отъ продолжительности „окольнаго" пути производства (т. е. при примѣненіи капитала). Получаемыя при этомъ приращенія продукта съ извѣстнаго момента начинаютъ все уменьшаться. Если напр. при ловлѣ рыбы установленіе окольнаго пути производства продолжительностью въ одинъ мѣсяцъ (для приготовленія лодки и сѣти) подниметъ ежедневный уловъ съ трехъ рыбъ до тридцати, т. е. на 27 рыбъ, то при удлинненіи производственнаго пути до двухъ мѣсяцевъ трудно ожидать, чтобы приращеніе улова удвоилось по сравненію съ прежнимъ, т. е. дошло бы до 54 рыбъ, при удлинненіи до трехъ мѣсяцевъ утроилось, и во всякомъ случаѣ при удлинненіи окольнаго пути до 100 мѣсяцевъ ежедневное приращеніе улова не увеличится въ сто разъ, т. е. не дойдетъ до 2700 рыбъ. Приращеніе продукта хотя и будетъ всегда, но оно будетъ увеличиваться въ болѣе медленной прогрессіи по сравненію съ періодомъ производства. Для поясненія этой мысли Бёмъ-Баверкъ приводитъ слѣдующую гипотетическую скáлу приращенія продукта:

Продолжительность періода прозводства.	Доходъ одного трудового года.	Приращеніе дохода.
1 день (безкапитальное производство).	150 гульд.	—
1 годъ	350 „	200
2 года	450 „	100
3 „	530 „	80

Исходя изъ этихъ предварительныхъ допущеній и установленнаго ранѣе положенія, что настоящія блага по общему правилу цѣнятся дороже будущихъ, Бёмъ-Баверкъ ставитъ для разрѣшенія такую задачу. Предположимъ, что на рынкѣ предлагается имущественный запасъ въ 15,000 милліоновъ гульденовъ и имѣется 10 милліоновъ наемныхъ рабочихъ. Спрашивается: какъ великъ будетъ (при указанномъ въ приведенной скалѣ процессѣ приращенія продукта) лажъ на стоящія блага?

Разрѣшеніе этого вопроса встрѣчаетъ, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, спеціальныя трудности, благодаря особенностямъ товара „трудъ". Всякій другой товаръ имѣетъ для каждаго, желающаго купить его, опредѣленную субъективную цѣнность, трудъ же—нѣтъ. Онъ оцѣнивается соотвѣтственно ожидаемому отъ него продукту; но этотъ продуктъ, какъ мы знаемъ изъ приведенной скалы, можетъ быть различенъ, смотря по тому, будетъ ли этотъ же самый трудъ употребленъ въ короткій или въ продолжительный періодъ производства. Онъ можетъ принести и 350, и 580, и 700 гульденовъ; по какой же изъ этихъ цыфръ оцѣнитъ его капиталистъ?

Можно было бы отвѣтить: по тому продукту, который получается при установленіи экономически наиболѣе раціональнаго метода производства (т. е. производственнаго періода наиболѣе цѣлесообразной продолжительности); но дѣло въ томъ, что самый выборъ наиболѣе раціональнаго метода не данъ заранѣе, а стоитъ въ прямой зависимости отъ высоты заработной платы, устанавливаемой на рабочемъ рынкѣ. Напр. при платѣ въ 250 гульденовъ для предпринимателя наиболѣе цѣлесообразнымъ будетъ годичный періодъ, потому

4 года	580 гульд.	50
5 „	620 „	40
6 „	650 „	30
7 „	670 „	20
8 „	685 „	15
9 „	695 „	10
10 „	700 „	5

Böhm-Bawerk, указ. соч., стр. 400—401.

что согласно приведенной скалѣ приращенія продукта онъ даетъ наибольшую прибыль на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ, въ противоположность другимъ товарамъ, обращающимся на рынкѣ, употребленіе товара-труда не представляется заранѣе опредѣленной величиной, которая сразу служила бы основаніемъ для его оцѣнки. Однако, отсутствіе такого основанія возмѣщается, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, наличностью другой постоянной величины, именно, обмѣниваемыхъ количествъ. На наличный имущественный запасъ всегда можно купить весь предлагаемый трудъ; если этотъ запасъ обширенъ, то трудъ можетъ быть занятъ на продолжительный періодъ производства; если незначителенъ, то—на короткій періодъ. Но не только можно купить весь трудъ, но онъ и въ дѣйствительности весь покупается. „Между капиталистами и рабочими экономическія условія совершенія обмѣна, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, поставлены въ высшей степени благопріятно. Рабочіе настоятельно нуждаются въ настоящихъ благахъ, и съ однимъ только собственнымъ трудомъ, за собственный счетъ, не могутъ начать ничего или почти ничего; поэтому они, вплоть до послѣдняго изъ нихъ, охотно продадутъ свой трудъ за дешевую цѣну, чѣмъ откажутся отъ его продажи. Но то же самое имѣетъ силу и для капиталистовъ. По условіямъ образованія и удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей для нихъ ихъ настоящія блага... стоятъ не болѣе, чѣмъ равная сумма будущихъ благъ. Поэтому они предпочтутъ всякую покупку труда, при которой можно получить хотя бы небольшой лажъ, оставленію ихъ капитала въ бездѣятельномъ состояніи; это имѣетъ результатомъ, что какъ всякій трудъ, такъ и всякій капиталъ фактически обмѣниваются другъ на друга“ [1]).

Придавая, такимъ образомъ, при кажущейся сложности нѣкоторыхъ допущеній по существу чрезвычайно упрощенную постановку вопросу о заработной платѣ, Бёмъ-Баверкъ не тратитъ много труда и на отысканіе причинъ, опредѣляющихъ высоту вознагражденія рабочихъ. Такъ какъ, согласно

[1]) Böhm-Bawerk, указ. соч., стр. 403—409.

принятымъ допущеніямъ, единственной дѣятельной силой въ раздѣлѣ продукта между предпринимателями и рабочими оказывается только предприниматель, то очевидно, что отъ его выбора наиболѣе цѣлесообразнаго, т. е. наиболѣе выгоднаго для него способа производства и будетъ зависѣть исключительно и высота заработной платы. Вопросъ сводится слѣдовательно къ установленію такой комбинаціи между высотой заработной платы и продолжительностью періода производства, при которой былъ бы израсходованъ весь имѣющійся фондъ средствъ существованія и дано занятіе всѣмъ имѣющимся рабочимъ и въ то же время былъ гарантированъ наивысшій размѣръ прибыли.

Какъ именно сложится выборъ капиталиста, Бёмъ-Баверкъ показываетъ съ помощью слѣдующихъ таблицъ. Допустимъ, что капиталистъ, имѣющій 10,000 гульденовъ, останавливается предъ выборомъ заработной платы изъ трехъ возможныхъ размѣровъ ея: 300, 600 и 500 гульд. При платѣ въ 300 гульденовъ производство будетъ давать при различныхъ періодахъ производства слѣд. результаты:

Періодъ производства.	Продуктъ одного трудового года.	Годичная прибыль отъ одного работника.	Число принятыхъ рабочихъ.	Общая сумма годичной прибыли на каждыя 10,000 гульденовъ.
1 годъ	350 гульд.	50 гульд.	66,66	3333,3 гульд.
2 „	450 „	150 „	33,33	5000,0 „
3 „	530 „	230 „	22,22	5111,1 „
4 „	580 „	280 „	16,66	4666,6 „
5 „	620 „	320 „	13,33	4266,6 „
6 „	650 „	350 „	11,11	3888,5 „
7 „	670 „	370 „	9,52	3522,4 „
8 „	685 „	385 „	8,33	3208,2 „
9 „	695 „	395 „	7,4	2925,0 „
10 „	700 „	400 „	6,66	2666,6 „

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе выгоднымъ для предпринимателей было бы установленіе трехлѣтняго періода производства. Но при такомъ періодѣ потребовалось бы больше рабочихъ, чтобы занять весь имѣющійся капиталъ (на каждыя 10,000 гульд. здѣсь требуется 22,2 рабочихъ; слѣдовательно на все народное хозяйство съ его 15,000,000

гульденовъ потребовалось бы $33^1/_2$ милліона рабочихъ, а ихъ въ дѣйствительности имѣется только 10,000,000 человѣкъ). Оставалось бы $10^1/_2$ милліоновъ свободнаго капитала, и предприниматели стали бы поднимать плату, чтобы привлечь къ себѣ рабочихъ. Такимъ образомъ, при предположенныхъ условіяхъ плата въ 300 гульд. на продолжительное время оказалась бы невозможной.

Путемъ аналогичной таблицы Бёмъ-Баверкъ пробуетъ узнать, нельзя ли было бы установить плату въ двойномъ размѣрѣ, т. е. въ 600 гульденовъ. При новомъ расчетѣ оказывается, что наиболѣе выгоднымъ періодомъ производства былъ бы восьмилѣтній, но при этомъ и здѣсь наблюдается несоотвѣтствіе между всѣмъ имѣющимся въ странѣ капиталомъ и общимъ количествомъ рабочихъ, но уже въ другую сторону. Капитала хватитъ на содержаніе только $6._{25}$ милліоновъ рабочихъ, остальные же $3,_{75}$ милліона останутся безъ занятія и будутъ сбивать плату нанятыхъ уже рабочихъ, а слѣдовательно плата опять не установится на долгое время и на этомъ уровнѣ.

Гдѣ же наступитъ дѣйствительный пунктъ равновѣсія? Очевидно, замѣчаетъ Бёмъ-Баверкъ, тамъ, гдѣ установленіе наиболѣе раціональнаго періода производства совпадетъ съ взаимнымъ поглощеніемъ фонда заработной платы и предлагаемаго труда. При принятыхъ предположеніяхъ это случится при высотѣ заработной платы въ 500 гульденовъ.

Періодъ производства.	Продуктъ одного трудового года.	Годичная прибыль отъ одного рабочаго.	Число принятыхъ рабочихъ.	Общая сумма годичной прибыли на каждыя 10,000 гульденовъ.
1 годъ	350 гульд.	150 гульд.	40	(Убытокъ)
2 „	450 „	50 „	20	(Убытокъ)
3 „	530 „	30 „	$13,_{33}$	400 гульд.
4 „	580 „	80 „	10	800 „
5 „	620 „	120 „	8	960 „
6 „	650 „	150 „	$6,_{66}$	1000 „
7 „	670 „	170 „	$5,_{71}$	$970,_{7}$ „
8 „	685 „	185 „	5	925 „
9 „	695 „	195 „	$4,_{44}$	$866,_{66}$ „
10 „	700 „	200 „	4	800 „

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе выгоднымъ для предпринимателей будетъ шестилѣтній періодъ производства; а такъ какъ при немъ найдутъ себѣ занятіе всѣ рабочіе, и будетъ помѣщенъ весь имѣющійся капиталъ [1]) то, очевидно, что размѣры заработной платы и установятся, какъ постоянная норма, именно на 500 гульденахъ [2]).

Такимъ образомъ на высоту заработной платы (и процента) оказываютъ, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, рѣшающее вліяніе три фактора: 1) величина національнаго фонда средствъ существованія; 2) число рабочихъ, долженствующихъ содержаться на этотъ фондъ, и 3) характеръ скàлы производидительности при постепенномъ удлинненіи періодовъ производства. Обращаясь въ дальнѣйшемъ изложеніи къ „включенію въ абстрактную схему полноты жизненныхъ формъ", Бёмъ-Баверкъ указываетъ прежде всего на существующія различія въ заработной платѣ рабочихъ различныхъ разрядовъ. Но это не измѣняетъ, по его мнѣнію, прежнихъ выводовъ. Существованіе лучше оплачиваемыхъ рабочихъ можно разсматривать просто какъ увеличеніе количества обыкновенныхъ рабочихъ. Результатъ отношенія между фондомъ средствъ существованія и количествомъ рабочихъ будетъ одинаковъ, существуютъ ли двое рабочихъ, производящихъ каждый на 650 гульд. и требующихъ средствъ существованія каждый на 500 гульд., или только одинъ, но производящій на 1300 гульденовъ и требующій за то на 1000 гульденовъ средствъ существованія. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, существо установленныхъ положеній не нарушается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности въ различныхъ отрасляхъ производства наблюдаются различныя скàлы приращенія продукта соотвѣтственно удлинненію періодовъ производства. Не измѣняетъ дѣла и то, что на фондъ средствъ существованія въ дѣйствительности, кромѣ наемныхъ рабочихъ, предъявляютъ притязанія лица, ищущія по-

[1]) На каждые 10 000 гульденовъ здѣсь требуется $6^2/_3$ рабочихъ, а слѣдовательно на 15,000,000 гульденовъ—10,000,000 рабочихъ.

[2]) Böhm-Bawerk, указ. соч., стр. 410—416.

требительнаго кредита, землевладѣльцы и сами капиталисты (поскольку они живутъ — цѣликомъ или отчасти — на свои ренты). Необходимо лишь внести соотвѣтственныя дополненія въ установленнную выше формулу, присоединяя къ тремъ уже указаннымъ факторамъ (1) величина національнаго фонда средствъ существованія; 2) число производителей, содержимыхъ на этотъ фондъ; 3) характеръ скáлы приращенія продукта) три новыхъ: 1) объемъ и интенсивность стремленія къ потребительнымъ займамъ; 2) поземельную ренту; 3) существованіе многочисленнаго класса капиталистовъ, живущихъ на свои ренты. Наконецъ, Бёмъ-Баверкъ присоединяетъ еще одинъ факторъ, именно, хозяйственный духъ населенія, вліяющій прямо и косвенно (косвенно—такъ какъ національная бережливость приводитъ къ накопленію бóльшаго запаса имущества; непосредственно—такъ какъ болѣе бережливый образъ жизни требуетъ меньшихъ средствъ существованія и, слѣдовательно, позволяетъ при данныхъ размѣрахъ національнаго фонда нѣсколько болѣе удлиннить періодъ производства) [1]).

Усматривая въ своемъ ученіи сходство съ англійской теоріей фонда, къ которой Бёмъ-Баверкъ относится, слѣдуя установившемуся у нѣмецкихъ экономистовъ воззрѣнію, отрицательно [2]), онъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на его отличіе отъ этой теоріи. Фондъ, предполагаемый англійскими экономистами, въ дѣйствительности не является сколько-нибудь опредѣленной величиной, тогда какъ „фондъ средствъ существованія" (Subsistenzfonds) выводится изъ твердо опредѣленной величины—запаса имущества (Vermögensstock), накопленнаго въ данномъ народномъ хозяйствѣ, въ которомъ рабочіе классы имѣютъ свою долю (т. е. фондъ заработной платы въ тѣсномъ смыслѣ слова) въ зависимости отъ такъ же точно опредѣленныхъ законовъ. Важнѣйшимъ

---

[1]) Böhm-Bawerk, указ. соч., стр. 420—440.

[2]) Онъ не находитъ даже нужнымъ подробно мотивировать свое отношеніе къ англійской теоріи, отсылая читателя просто къ статьѣ Митгофа въ Schönberg's Handbuch.

же отличіемъ своего ученія отъ англійской теоріи фонда Бёмъ-Баверкъ считаетъ указаніе продолжительности періодовъ производства, въ теченіе которыхъ имѣетъ быть израсходованъ фондъ заработной платы. „Англійская теорія полагаетъ, что высота платы рабочихъ должна являться просто розультатомъ дѣленія заработной платы на число имѣющихся рабочихъ. Это совершенно невѣрно. Конечно, наличные рабочіе получаютъ фондъ заработной платы просто, какъ заработную плату; но этимъ еще не сказано—плату за какое время: за годъ ли, за два, три, или болѣе. Увеличеніе фонда средствъ существованія вовсе не имѣетъ результатомъ, какъ это принимаетъ англійская теорія, что при прежнемъ количествѣ рабочихъ высота заработной платы увеличится въ такомъ же отношеніи, въ какомъ возрасла величина фонда средствъ существованія; напротивъ, увеличеніемъ фонда средствъ существованія прежде всего и вообще воспользуются для удлинненія періода производства; и лишь поскольку удлинненіе періода производства приводитъ въ то же время къ уменьшенію приращеній продукта (при уменьшающейся скалѣ приращеній продукта, связывающихся съ послѣдовательными удлинненіями производства), оно приводитъ также и къ сокращенію доли капиталистовъ и къ сравнительному возвышенію заработной платы; но къ повышенію гораздо болѣе слабому по сравненію съ тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ увеличились размѣры фонда средствъ существованія. Англійская теорія фонда заработной платы, заключаетъ Бёмъ-Баверкъ, содержитъ такимъ образомъ зернышко истины, скрытое въ гораздо бо́льшей массѣ ошибокъ" [1]).

Однако, Бёмъ-Баверкъ напрасно отграничиваетъ свое ученіе отъ старой доктрины. Съ ней его связываетъ прежде всего крайне упрощенная постановка вопроса. Повторяя взглядъ старыхъ теоретиковъ фонда, и Бёмъ-Баверкъ смотритъ на отношенія между хозяевами и рабочими при договорѣ о заработной платѣ просто какъ на вопросъ объ уста-

[1]) Böhm-Bawerk, указ. соч., стр. 449—450.

новленіи равновѣсія между двумя количествами (имѣющимся запасомъ имущества и числомъ рабочихъ). При этомъ и онъ устраняетъ изъ изслѣдованія вопросъ, представляющій столь важное значеніе въ глазахъ всякаго внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя современнаго хозяйственнаго строя,—о давленіи на занятыхъ рабочихъ со стороны безработныхъ, мотивируя такое отношеніе къ нему изумительнымъ по наивности соображеніемъ, что наличность въ каждомъ народномъ хозяйствѣ рабочихъ, не имѣющихъ занятія, представляется несущественнымъ нарушеніемъ охарактеризованнаго выше порядка, естественнымъ при сложномъ механизмѣ трудораздѣльнаго производства въ обширномъ народномъ хозяйствѣ. Бёмъ-Баверкъ забываетъ здѣсь о положеніи, отчетливо установленномъ Джевонсомъ (у котораго вообще при массѣ заимствованій онъ просмотрѣлъ нѣкоторыя весьма существенныя мысли), что при установленіи цѣнъ рѣшающее значеніе часто принадлежитъ сравнительно малому количеству случаевъ обмѣна. Если бы Бёмъ-Баверкъ предполагалъ, что между занятыми рабочими и безработными есть какіе-нибудь непереходимые барьеры, то его выводъ былъ бы понятенъ; но вѣдь онъ принимаетъ, что всѣ представители трудящейся массы имѣютъ одинаковый доступъ къ открывающимся занятіямъ. При такомъ предположеніи очевидно, что для давленія на заработную плату, получаемую въ какомъ-либо занятіи, достаточно ничтожнаго количества предложеній со стороны голодающихъ претендентовъ на это занятіе. Вообще постановка вопроса, данная Бёмъ-Баверкомъ, исключаетъ изслѣдованіе всякаго рода обстоятельствъ, помимо отношеній между указанными количествами, вліяющихъ на сравнительное положеніе сторонъ при заключаемомъ ими договорѣ. Въ этомъ отношеніи Бёмъ-Баверкъ совершенно сходится съ представителями старой англійской теоріи фонда, которые, постепенно освобождая свое разсужденіе отъ различныхъ „осложняющихъ“ и „несущественныхъ“ обстоятельствъ, пришли наконецъ къ знаменитому выводу, что вопросъ о заработной платѣ есть вопросъ простого ариѳметическаго

дѣленія [1]). Равнымъ образомъ, и въ вопросѣ о существованіи различныхъ разрядовъ рабочихъ Бёмъ-Баверкъ обнаружилъ неспособность подняться надъ теоретическимъ горизонтомъ классической доктрины. Повторяя старый взглядъ (который вытекалъ изъ инстинктивнаго признанія теоріи производительности, въ общемъ, однако, непринимаемой сторонниками этого взгляда), что при изслѣдованіи причинъ, опредѣляющихъ высоту заработной платы, квалифицированный трудъ можно разсматривать, какъ умноженный простой трудъ, Бёмъ-Баверкъ предполагаетъ, что условія установленія заработной платы (въ смыслѣ сравнительнаго положенія сторонъ при договорѣ) одинаковы для всѣхъ вообще рабочихъ. Между тѣмъ и въ то время, когда Бёмъ-Баверкъ писалъ свою „Положительную теорію капитала", вопросъ о существенныхъ различіяхъ въ положеніи рабочихъ различныхъ разрядовъ при договорѣ о заработной платѣ былъ уже достаточно выясненъ въ экономической литературѣ.

Что касается ученія о фондѣ средствъ существованія, противополагаемаго Бёмъ-Баверкомъ старой идеѣ фонда за-

[1]) Устраняя изъ предварительныхъ допущеній все, что касается качественной стороны въ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими, Бёмъ-Баверкъ даже не упоминаетъ о возможности иныхъ мнѣній на этотъ счетъ. Это не могло не коробить англійскихъ читателей, которые даже во время почти полнаго господства старой теоріи фонда привыкли видѣть при обсужденіи вопроса о заработной платѣ по крайней мѣрѣ разборъ контроверзы о трэдъ-юніонахъ и стачкахъ, какъ бы она ни рѣшалась даннымъ авторомъ. Поэтому Смартъ, предлагая англійской публикѣ книгу Бёмъ-Баверка, счелъ необходимымъ въ своемъ предисловіи сгладить неблагопріятное впечатлѣніе текста, стараясь объяснить, почему именно Бёмъ-Баверкъ нашелъ возможнымъ исключить изъ обсужденія всѣ условія, вліяющія на соотношеніе силъ между борющимися сторонами, кромѣ соображенія объ отсутствіи у рабочихъ средствъ для самостоятельной работы. Однако его объясненія крайне сбивчивы и неубѣдительны. См. Smart, предисловіе къ „Positive Theory", стр. XIII—XIV. Характерно, что впослѣдствіи, вернувшись къ вопросу о заработной платѣ въ спеціальномъ изслѣдованіи (The distribution of income), Смартъ не нашелъ уже нужнымъ повторить теорію Бёмъ-Баверка, а примкнулъ къ другимъ объясненіямъ, предложеннымъ независимо отъ нея въ англійской литературѣ. См. ниже.

работной платы, то и оно по существу не противорѣчитъ ей, выдвигая въ качествѣ источника заработной платы не доходъ общества, а накопленный въ прошломъ „запасъ имущества". Подобно старымъ теоретикамъ фонда и Бёмъ-Баверкъ предполагаетъ, что этотъ запасъ расходуется постепенно, по мѣрѣ того, какъ протекаетъ установленный періодъ производства, и будетъ возстановленъ только по завершеніи этого періода. Между тѣмъ въ дѣйствительности средства существованія, постоянно поглощаемыя, столь же постоянно возстановляются въ новыхъ продуктахъ, составляющихъ текущую выручку отъ производства. Поэтому сумма средствъ существованія, имѣющихся при началѣ производственнаго періода, вовсе не равна тому количеству, которое будетъ потреблено въ теченіе этого періода, а слѣдовательно и всѣ расчеты, основанные на ея размѣрахъ, оказываются несоотвѣтствующими дѣйствительности. Даже съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, на которую, слѣдуя старымъ теоретикамъ фонда, становится здѣсь Бёмъ-Баверкъ, расчетъ, предполагаемый имъ, оказывается неправильнымъ, потому что и для него нѣтъ надобности (какъ это подробно было указано при критикѣ старой теоріи фонда) запасать напередъ всю сумму средствъ, необходимыхъ для выдачи платы нанятымъ имъ рабочимъ въ теченіе извѣстнаго хозяйственнаго періода. Съ точки же зрѣнія общественныхъ отношеній, развертывающихся въ трудораздѣльномъ хозяйствѣ, какъ это прекрасно показалъ еще Родбертусъ, вопросъ о заготовленіи предварительныхъ запасовъ имѣетъ еще меньшее значеніе.

Новыми элементами въ ученіи Бёмъ-Баверка по сравненію съ старой теоріей фонда представляются положеніе объ уменьшеніи производительности по мѣрѣ удлинненія періода производства, заимствованное у Тюнена, и взятый изъ „Theory of Political Economy" Джевонса тезисъ о томъ, что настоящія блага по общему правилу цѣнятся дороже будущихъ. Первое положеніе, распространяющее вопреки обычному мнѣнію законъ убыванія продукта и на индустрію, у Бёмъ-Баверка остается не болѣе доказаннымъ, чѣмъ у Тюнена. Онъ принимаетъ его, какъ нѣчто само-собою разумѣ-

ющееся, ограничиваясь иллюстраціей его произвольно придуманнымъ примѣромъ [1]). Второе же положеніе, не касаясь вопроса о его правильности, просто непримѣнимо къ данному случаю. Бёмъ-Баверкъ ведетъ свое разсужденіе такъ, какъ будто заработная плата, обѣщаемая предпринимателемъ рабочему, и имѣющійся быть полученнымъ въ будущемъ продуктъ труда этого рабочаго одинаково точно извѣстны, чего, конечно, въ дѣйствительности не существуетъ. Съ другой стороны, принимая, что рабочій, получая настоящее благо — заработную плату, передаетъ предпринимателю будущее благо—весь продуктъ, созданный въ предпріятіи, Бёмъ-Баверкъ противорѣчитъ защищаемому имъ ученію о цѣнности, широко раскрывая двери трудовой теоріи, на сокрушеніе которой онъ затратилъ такъ много усилій [2]).

Если так. обр. ни въ постановкѣ вопроса, ни въ положительномъ ученіи объ источникѣ заработной платы Бёмъ-Баверкъ по существу не подвигаетъ разработки теоріи заработной платы далѣе того пункта, на которомъ она остановилась у старыхъ теоретиковъ фонда [3]), то по отношенію къ условіямъ раздѣла общественнаго продукта его ученіе

---

[1]) Противъ этого положенія рѣзко высказался и близкій къ Бёмъ-Баверку по духу американскій экономистъ Маквэнъ. См. S. M. Macvane. Böhm-Bawerk on Value and Wages. Quarterly Journal of Economics, vol. V. Бёмъ-Баверкъ не оставилъ возраженій Маквэна безъ отвѣта, но и на этотъ разъ не привелъ положительныхъ доказательствъ въ защиту своего мнѣнія, ссылаясь на отсутствіе надлежащаго фактическаго матеріала и на сложность условій, затрудняющихъ констатированіе ихъ. См. Böhm-Bawerk. The Positive Theory of Capital and its Critics. Quarterly Journal of Economics, vol. X.

[2]) Ср. Macvane, указ. соч. стр. 41—43.

[3]) Knut Wicksell усматриваетъ „высокое значеніе" теоріи Бёмъ-Баверка въ томъ, что она „впервые дѣйствительно замѣнила собою устарѣлую теорію фонда, которую много разъ хотѣли низвергнуть дешевой критикой, но никогда не умѣли замѣнить лучшей теоріей". Однако, онъ самъ сейчасъ же замѣчаетъ, что и ученіе Бёмъ-Баверка, подобно старой теоріи фонда, неправильно считаетъ постоянной величиной капиталъ, назначаемый на заработную плату, а потому заслуживаетъ такого же упрека. См. Knut Wicksell, Kapitalzins und Arbeitslohn, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 3 Folge, IV Bd., стр. 868—870.

даже значительно слабѣе многихъ изъ нихъ. Сводя весь вопросъ объ опредѣленіи размѣровъ заработной платы къ усмотрѣнію предпринимателя, который также совершенно изолируется отъ окружающей его соціальной обстановки, Бёмъ-Баверкъ доходитъ въ устраненіи изъ изслѣдованія всякаго рода факторовъ соціальнаго характера до такихъ крайнихъ предѣловъ, какихъ рѣдко достигали и экономисты манчестерской школы въ самый разгаръ борьбы съ притязаніями защитниковъ интересовъ рабочаго класса [1]). Такое отноше-

---

[1]) Впослѣдствіи Бёмъ-Баверкъ самъ призналъ этотъ недостатокъ своей теоріи, открыто заявивъ, что вообще новая теоретическая система, защищаемая имъ и другими экономистами австрійской школы, страдаетъ односторонностью въ смыслѣ игнорированія вліянія соціальныхъ факторовъ. Говоря о книгѣ Штольцмана (Stolzmann, Die sociale Kategorie in der Volkswirthschaftslehre), Бёмъ-Баверкъ признаетъ за нимъ большую заслугу въ томъ, что онъ указалъ на „пробѣлъ, фактически еще существующій въ наукѣ". „Я такъ же какъ Штольцманъ убѣжденъ въ томъ, что фактическій строй проявляющихся во внѣ отношеній цѣны и дохода долженъ быть объясненъ совмѣстными и взаимно-переплетающимися вліяніями чисто-хозяйственныхъ и соціальныхъ факторовъ силы. Великая, еще не рѣшенная удовлетворительно проблема заключается въ томъ, чтобы раскрыть характеръ и мѣру вліянія, исходящаго отъ каждой изъ обѣихъ сторонъ; раскрыть, на сколько можетъ (дѣйствовать) одна изъ нихъ рядомъ съ другой и если случится, противъ другой. Эта глава соціальной экономіи еще не написана удовлетворительнымъ образомъ"... Отмѣтивъ, что въ прошломъ въ отношеніи къ этому вопросу замѣчались двѣ крайности (преувеличенно низкая оцѣнка соціальныхъ факторовъ старой англійской теоріей фонда и преувеличенно высокой— соціалистическими теоріями), Бёмъ-Баверкъ продолжаетъ: „Конечно, истина лежитъ и здѣсь посрединѣ. Только точная линія, по которой она движется, еще не проведена. Не проведена она и теоріей предѣльной цѣнности... Теорія предѣльной цѣнности представила (и по резоннымъ основаніямъ) въ систематической формѣ и детально прежде всего и пока исключительно вліяніе чисто хозяйственныхъ моментовъ. Совмѣстное дѣйствіе соціальныхъ вліяній ею совершенно не отрицалось и даже не упускалось изъ виду... а просто не было еще спеціально (ex professo) разработано. Работа Штольцмана является сильнымъ и весьма почтеннымъ призывомъ заполнить этотъ пробѣлъ. Теорія должна быть и будетъ готова отвѣтить на него". Böhm-Bawerk. Zur theoretischen Nationalökonomie der letzten Jahre. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. VII Bd., 3 Heft., стр. 425—427.

ніе даетъ поводъ заподозрить автора не только въ умышленной тенденціозности, но и просто въ небрежности къ къ вопрссу, затронутому имъ лишь попутно, въ связи съ наиболѣе интересовавшей его главной темой [1]).

Совершенно иной характеръ носитъ отмѣченное выше изслѣдованіе Тауссига. Въ противоположность Бёмъ-Баверку, его американскій единомышленникъ отнесся съ серьезнымъ

[1]) Даже Тауссигъ, во многомъ слѣдующій за Бёмъ-Баверкомъ, признаетъ крайнюю спѣшность разработки вопроса о заработной платѣ въ „Capital und Zins", отказываясь, въ виду этого соображенія, отъ серьезной критики ея. „The conception of the subsistence fund, говоритъ онъ, is advanced briefly by Böhm-Bawerk, and its application to direct questions of wages is avowedly not completed. Criticism is therefore both difficult and likely to be unjust". Taussig, указ. соч., стр. 317—818. Мнѣніе Тауссига раздѣляетъ и Лембке, считающій Бёмъ-Баверка „геніальнымъ" изслѣдователемъ См. I. C. Lembke. Ueber einige Bestimmungsgründe des Arbeitslohnes, Jena 1899, стр. 76—77. Насколько непродуманъ взглядъ Бёмъ-Баверка на заработную плату, видно между прочимъ и изъ того, что онъ не считаетъ его противорѣчащимъ и ученію Маршалла, которое (въ Principles of Economics) исключаетъ уже всякую попытку реставраціи теоріи фонда. Впрочемъ, Бёмъ-Баверкъ не вполнѣ вѣрно характеризуетъ взглядъ Маршалла на причины заработной платы. Онъ находитъ у него двѣ, несогласованныя по его мнѣнію, точки зрѣнія: одна, по которой цѣнность труда опредѣляется цѣнностью продукта предѣльнаго рабочаго, другая—что заработная плата имѣетъ тенденцію уравняться съ издержками производства „человѣческихъ существъ". Ошибка Бёмъ-Баверка заключается въ томъ, что онъ упустилъ изъ вида двусторонній характеръ теоріи заработной платы, развиваемой Маршалломъ (подробно о его теоріи см. ниже). Принимая за истинное объясненіе причинъ заработной платы первое положеніе, Бемъ-Баверкъ цѣликомъ соглашается съ нимъ На вопросъ: wovon hängt dieser in einem bestimmten Zeitpunkt herrschende durchschnittliche oder „gewöhnliche" Stand des Arbeitslohnes selbst wider ab? онъ отвѣчаетъ прямо: „Wir haben auch dies schon oben gesagt; oder vielmehr Prof. Marshall hat es in der ersten seinen oben verzeichneten Antworten, die hier voll zu Ehren kommen muss, ausgesprochen, und wir haben ihm nur beizupflichten; der Preis des Arbeitstages hängt ab vom Werte des reinen Products eines Arbeitstages. Und als dieses ist anzusehen das Product des letztangestellten Arbeiters, in Prof. Marshall's Beispiel des „marginal shepherds". E. Böhm-Bawerk. Der letzte Maasstab des Güterwertes. Zeitschrift, III Bd (1894), 2 Heft, стр. 209—215.

вниманіемъ къ прежней разработкѣ вопроса и попытался прочнѣе связать защищаемый имъ взглядъ съ общей доктриной школы предѣльной полезности. Онъ предпринялъ обстоятельный пересмотръ всего существеннаго, что было высказано въ защиту теоріи фонда въ экономической литературѣ и согласно установленной исторической переспективѣ намѣтилъ себѣ задачу самостоятельнаго анализа поставленнаго вопроса [1]). Попытка Тауссига представляетъ поэтому гораздо болѣе крупный теоретическій интересъ, чѣмъ ученіе Бёмъ-Баверка. Въ ней мы не находимъ уже безсознательнаго смѣшенія принциповъ старой политической экономіи съ принципами школы предѣльной полезности; авторъ выступаетъ повсюду вполнѣ сознательнымъ представителемъ опредѣленнаго теоретическаго міровоззрѣнія, стараясь провести отъ него строго-послѣдовательные выводы и въ болѣе отдаленныя части теоретической системы. Самую проблему теоріи фонда онъ стремится поставить въ ея наиболѣе чистомъ видѣ, устраняя изъ нея всѣ наносные, посторонніе элементы, затемнявшіе у ея старыхъ защитниковъ ея истинный смыслъ [2]).

Тауссигъ совершенно опредѣленно высказывается противъ стараго взгляда, смѣшивавшаго заработную плату съ капиталомъ. Онъ основывался, по его мнѣнію, на широко распространенномъ въ то время убѣжденіи, что заработная плата всегда стоитъ на границѣ необходимыхъ средствъ существо-

[1]) Книга Тауссига распадается на двѣ главныя части: въ первой онъ, вопреки общепринятому порядку, излагаетъ свою положительную теорію, во второй даетъ историко-критическій обзоръ развитія идеи о фондѣ заработной платы.

[2]) Въ итальянской литературѣ сторонниками возрожденія теоріи фонда являются Панталеони (Pantaleoni, Principi d'economia pura) и Контенто (Aldo Contento. La teoria del salario nel concetto dei principali economisti. Milano 1894). Книга послѣдняго, повидимому, оказала вліяніе на Тауссига, но съ выходомъ его изслѣдованія утратила значительную долю интереса. Между прочимъ, даваемая Контенто характеристика ученій о заработной платѣ гораздо блѣднѣе, чѣмъ у Тауссига, а группировка ихъ имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ (по странамъ).

ванія. Понимая подъ капиталомъ средства дальнѣйшаго производства, старые теоретики фонда относили сюда и заработную плату, которая имѣла цѣлью, по ихъ мнѣнію, поддерживать производительную силу работника, иначе говоря, была средствомъ продолженія производства. Съ этимъ взглядомъ Тауссигъ не считаетъ возможнымъ согласиться. Во-первыхъ, указываетъ онъ, даже въ началѣ XIX ст. потребленіе рабочихъ не ограничивалось однимъ, строго необходимымъ для поддержанія ихъ трудоспособности. Поэтому уже и въ то время, чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было бы дѣлить заработную плату на двѣ части: одну, источникомъ которой служитъ капиталъ (предметы первой необходимости); другую—имѣющую иной источникъ (не строго необходимые предметы). Во вторыхъ, старые теоретики фонда понимали подъ лицами, получающими заработную плату, только простыхъ рабочихъ и притомъ такъ наз. „производительныхъ". Между тѣмъ въ составъ рабочихъ необходимо включить и служащихъ высшаго порядка, и лицъ либеральныхъ профессій, и прислугу, заработокъ которыхъ указанные экономисты не считали проистекающимъ изъ капитала. Въ дѣйствительности заработная плата слагается вовсе не изъ предметовъ, составляющихъ капиталъ по опредѣленію указанныхъ экономистовъ, а изъ предметовъ непосредственнаго потребленія, такъ же какъ и доходъ всѣхъ другихъ классовъ общества. Эти предметы „потребляются не для того, чтобы создать возможность выполненія (дальнѣйшей) работы, а какъ результатъ уже законченнаго труда. Они представляютъ не стадію въ производствѣ богатства, но потребленіе и пользованіе богатствомъ. Людей нельзя разсматривать какъ скотъ, который выкармливается и выращивается какъ средство для какой-либо цѣли. Человѣческое потребленіе есть уже цѣль всякаго производства. Поэтому его слѣдуетъ разсматривать какъ доходъ, и притомъ какъ доходъ единый и недѣлимый [1])".

[1]) Wages and Gapital, стр. 31—37.

При такомъ взглядѣ, казалось бы, нѣтъ уже никакихъ основаній къ реабилитаціи теоріи фонда; однако, Тауссигъ легко находитъ ихъ, измѣняя опредѣленіе капитала. Подъ капиталомъ онъ понимаетъ „начатое, незаконченное богатство" (inchoate wealth), т. е. такія блага, которыя въ данный моментъ не могутъ еще служить удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Если разсматривать приложеніе труда въ обществѣ, то окажется, что въ бóльшей своей части оно направляется на изготовленіе именно такого рода предметовъ. „Въ то время какъ немногіе накладываютъ послѣдніе штрихи, большая масса людей занята подготовительной работой, разсѣянной между ними въ безконечномъ множествѣ промысловъ и занятій". Эта подготовительная работа распадается на рядъ послѣдовательныхъ стадій, тѣмъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ выше хозяйственная культура общества. Поэтому, считая разграничительнымъ признакомъ при опредѣленіи капитала и предметовъ непосредственнаго потребленія моментъ, когда блага „переходятъ изъ рукъ розничнаго торговца въ руки покупателя", Тауссигъ и устанавливаетъ общее заключеніе, очень важное для его послѣдующихъ выводовъ, именно, что „бóльшая часть труда, выполняемаго въ настоящій моментъ, создаетъ потребительныя блага въ будущемъ (at some time in the future); тогда какъ имѣющіяся теперь потребительныя блага являются по большей части продуктами прошлаго труда [1])".

Въ чемъ же заключается вознагражденіе за трудъ? Очевидно, въ готовыхъ продуктахъ, составляющихъ реальный доходъ и другихъ классовъ общества. Но большая часть этихъ продуктовъ, какъ было указано, составляетъ результатъ не настоящаго, а прошлаго труда. Слѣдовательно, и заработная плата является по большей части, а практически и въ полномъ объемѣ (virtually to their full extent) продуктомъ прошлаго труда [2]). Этотъ выводъ примиряетъ Тауссига съ старыми теоретиками фонда, о разрывѣ съ которыми онъ

[1]) Wages and Capital, стр 3—14

[2]) Тамъ же, стр. 17—18.

такъ рѣшительно говоритъ въ другомъ (указанномъ выше) мѣстѣ [2]). Если предметы, потребляемые рабочими, и не являются въ глазахъ Тауссига капиталомъ, то источникомъ, откуда они поступаютъ, служитъ несомнѣнно капиталъ. „Текущая заработная плата, разсматриваемая по отношенію къ любому періоду времени, кромѣ самаго короткаго, проистекаетъ въ главномъ изъ капитала". Единственнымъ исключеніемъ служитъ отдача квартиръ въ наймы, гдѣ источникомъ реальной платы служитъ и по мнѣнію Тауссига не капиталъ, а „соціальный доходъ". Но этотъ источникъ незначителенъ. „Обыкновенно же товары, образующіе реальную заработную плату, находятся въ то время, когда работа закончена, еще въ послѣдней изъ незаконченныхъ стадій (inchoate stages): они помѣщаются какъ разъ на пунктѣ перехода изъ капитала въ доходъ. Они находятся въ рукахъ лавочника, ожидая покупщика. Послѣдній шагъ производства не сдѣланъ до тѣхъ поръ, пока они не попадутъ въ руки потребителя, потребности котораго они удовлетворяютъ. До этого момента они должны быть разсматриваемы, въ строгомъ смыслѣ слова, какъ капиталъ. Отсюда источникъ реальной заработной платы существуетъ, въ главномъ, въ формѣ капитала въ то время, когда работа закончена". Это болѣе ясно видно, если разсматривать не короткій періодъ, а довольно значительный промежутокъ времени. „Хлѣбъ для наступающаго срока долженъ выйти изъ зерна, которое находится теперь въ складѣ; одежда —изъ хлопка и шерсти, пряжи и некрашеныхъ матерій, и т. д. Каково бы ни было наше заключеніе относительно дохода настоящаго дня или настоящей недѣли,

[2]) Взглядъ старой школы, что фондомъ заработной платы служитъ запасъ хлѣба, имѣющійся въ данный сезонъ, ошибоченъ, по мнѣнію Тауссига, „скорѣе въ степени, чѣмъ по существу; это скорѣе неполнота, чѣмъ неточность"... Недостаткомъ его является лишь то, что онъ не принимаетъ въ расчетъ другихъ предметовъ потребленія рабочихъ, кромѣ хлѣба, а съ другой стороны ошибочно считаетъ, будто предприниматель является въ то же время и собственникомъ продуктовъ, составляющихъ реальную плату рабочихъ". Wages and Capital, стр. 19—20.

несомнѣнно, что доходъ текущаго года долженъ быть полученъ (is to be derived) главнымъ образомъ изъ того, что было капиталомъ въ теченіе этого года [1])". Этотъ выводъ, прибавляетъ Тауссигъ, примѣнимъ не къ одному какому-либо разряду заработной платы вообще, а ко всѣмъ доходамъ, существующимъ въ обществѣ: „всѣ они одинаково проистекаютъ изъ одного и того же источника и опредѣляются цѣпью прошлыхъ событій, общее вліяніе которыхъ одинаково для всѣхъ нихъ". Установивъ такимъ образомъ, въ согласіи съ духомъ прежняго ученія, что источникомъ заработной платы является капиталъ, Тауссигъ переходитъ къ дальнѣйшему обоснованію идеи о фондѣ заработной платы, анализируя механизмъ, посредствомъ котораго рабочіе получаютъ свой доходъ въ современномъ обществѣ.

Если предположить для простоты, что всѣ капиталы находятся въ собственности капиталистовъ, что всѣ рабочіе работаютъ по найму у капиталистовъ и что всѣ доходы принимаютъ вначалѣ денежную форму, то очевидно, что въ такомъ обществѣ употребленіе всего валового дохода общества зависѣло бы цѣликомъ отъ усмотрѣнія капиталистовъ, такъ какъ онъ вначалѣ поступалъ бы въ ихъ руки. Поэтому и доходъ рабочихъ зависѣлъ бы здѣсь отъ того, какое употребленіе сдѣлаютъ капиталисты изъ поступающаго къ нимъ валового дохода; если напр. они больше издержатъ на собственныя потребности, то меньше капитала будетъ обращено на производительныя цѣли, и слѣдовательно, доходъ рабочихъ въ общей массѣ будетъ меньше. Въ дѣйствительности столь упрощенныя условія, конечно, не встрѣчаются, а потому для полноты и точности изслѣдованія необходимо обратить вниманіе на нѣкоторые моменты, ограничивающіе первоначальное допущеніе. Во первыхъ, между предпринимателемъ и его предпріятіемъ существуетъ цѣлый рядъ посредниковъ (банкировъ, биржевыхъ агентовъ и т. п.), оказывающихъ вліяніе на характеръ употребленія получаемаго предпринимателемъ валового денежнаго дохода; во-вторыхъ,

[1]) Wages and Capital, стр. 37—42.

на предпринимателя оказываютъ (хотя и болѣе слабое) воздѣйствіе рантьеры, ссужающіе ему капиталъ; и въ-третьихъ, наряду съ наемными рабочими въ современномъ хозяйствѣ каждой капиталистической націи существуютъ и самостоятельные рабочіе, которые съ точки зрѣнія механизма распредѣленія входятъ въ одинъ разрядъ съ самими промышленными предпринимателями, такъ какъ и ихъ доходъ оказывается первоначальнымъ, а не производнымъ [1]).

Принимая въ расчетъ эти соображенія, Тауссигъ и приступаетъ къ характеристикѣ значенія фонда заработной платы при распредѣленіи дохода въ современномъ народномъ хозяйствѣ.

Наемный рабочій, говоритъ онъ, несомнѣнно зависитъ отъ капитала и получаетъ свою заработную плату изъ капитала. Его денежный доходъ, какъ средство полученія реальнаго дохода, выдается капиталистомъ. Если только онъ не заключилъ договора на продолжительное время, его заработная плата постоянно будетъ зависѣть отъ намѣренія предпринимателя (и другихъ лицъ, вліяющихъ на организацію дѣла) такъ или иначе распорядиться съ денежнымъ доходомъ. „Въ этомъ смыслѣ его заработокъ зависитъ отъ фонда заработной платы—отъ суммъ, которыя предприниматели считаютъ цѣлесообразнымъ обратить на наемъ труда; и въ этомъ смыслѣ самостоятельные рабочіе очевидно не зависятъ отъ капиталистовъ или отъ фонда заработной платы". Но только въ этомъ смыслѣ. Тауссигъ спѣшитъ прибавить, что съ точки зрѣнія реальнаго источника заработной платы и самостоятельные рабочіе зависятъ отъ фонда. „Въ другомъ смыслѣ всѣ рабочіе какъ наемные, такъ и самостоятельные получаютъ свою заработную плату изъ капитала и зависятъ отъ фонда заработной платы,— именно, что весь реальный доходъ получается (is derived) изъ потребительныхъ благъ; что они являются продуктами прошлаго

[1]) Wages and Capital, стр. 43—73. Эти условія, замѣчаетъ Тауссигъ, обыкновенно упускались изъ вида старыми теоретиками фонда, что и служило источникомъ многихъ недоразумѣній въ развитіи теоріи заработной платы.

труда; что предложеніе ихъ, имѣющееся въ какое-либо время...., невелико, и что предложеніе на какой-либо болѣе продолжительный періодъ времени существуетъ главнымъ образомъ въ формѣ „незаконченнаго богатства". Реальный доходъ всѣхъ классовъ общества проистекаетъ (comes) изъ прошлаго продукта, и въ главномъ—изъ реальнаго капитала [1]).

Если т. обр. доходъ рабочихъ зависитъ отъ размѣровъ и характера фонда заработной платы, то возникаетъ вопросъ: каковы предѣлы этого фонда, т. е. опредѣлены ли они заранѣе, какъ учила старая школа, или нѣтъ?

Разсмотрѣнію этого вопроса Тауссигъ посвящаетъ особую главу объ „эластичности фонда заработной платы".

Обращаясь прежде всего къ вопросу о денежной платѣ простыхъ наемныхъ рабочихъ, Тауссигъ обращаетъ вниманіе читателей на разницу въ положеніи дѣла, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать отдѣльнаго, непосредственнаго предпринимателя, или весь предпринимательскій классъ. Если взять отдѣльнаго предпринимателя, то, какъ справедливо указалъ еще Торнтонъ, здѣсь нѣтъ строго опредѣленнаго фонда (there is no rigidity or predetermination). „Онъ продаетъ и покупаетъ, приспособляетъ свои полученія къ платежамъ и поддерживаетъ свой счетъ у банкира. Въ извѣстныхъ и, конечно, не узкихъ предѣлахъ онъ можетъ приспособлять имѣющіеся у него фонды къ новымъ условіямъ и новымъ требованіямъ". Другое дѣло, если мы будемъ разсматривать весь классъ предпринимателей. Имѣющійся у нихъ въ данный сезонъ денежный фондъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограниченъ. Общей границей представляется уже сумма денегъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ предпринимательскаго класса отъ продажи выручки даннаго сезона. Но есть и спеціальныя ограниченія. Необходимо удѣлить извѣстную часть на платежъ процентовъ и ренты по ранѣе заключеннымъ обязательствамъ. Характеръ имѣющагося уже производства, съ другой стороны, также заранѣе требуетъ опредѣленныхъ

[1]) Wages and Capital, стр. 74—76.

затратъ на матеріалы, ремонтъ машинъ, содержаніе рабочихъ и т. д. Но при всемъ томъ нельзя считать, что и въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ „предопредѣленный и неизмѣнный фондъ заработной платы" (a predetermined and rigid wages fund). Если платежи процентовъ и ренты отчасти опредѣлены заранѣе, то доля, достающаяся самимъ предпринимателямъ, эластична. Если предположить всеобщій трэдъ-юніонъ, то возможно допустить, что ему удастся поднять денежную заработную плату въ ущербъ чистой прибыли предпринимателей или проценту рантьеровъ. Какъ распредѣлились бы убытки между этими двумя классами, трудно рѣшить; предѣлами въ каждомъ случаѣ будутъ тѣ минимальныя суммы дохода, при которыхъ предприниматели будутъ еще побуждаемы къ устройству предпріятій, а рантьеры — къ отдачѣ капитала взаймы. При этомъ въ обѣихъ случаяхъ, добавляетъ Тауссигъ, минимумъ, вѣроятно, ниже, чѣмъ онъ обыкновенно предполагается экономистами [1]).

Итакъ, денежный фондъ заработной платы, по мнѣнію Тауссига, эластиченъ. Но эластиченъ ли и реальный фондъ?

Такъ какъ источникъ реальнаго дохода одинаковъ для всѣхъ классовъ общества, то необходимо различать два случая: 1) каковы границы всего реальнаго дохода общества, и 2) спеціально той доли его, которая составляетъ заработную плату. Что касается дохода всего общества, то его эластичность довольно слаба, хотя несомнѣнно существуетъ. Для спеціально же заработной платы границы шире. Разница въ эластичности реальной заработной платы и всего дохода общества заключается, по мнѣнію Тауссига, въ слѣдующемъ. Выше уже упоминалось, что денежная плата можетъ подняться. Но это не значитъ еще, что соотвѣтственно поднимется и реальная плата. Полученныя деньги могутъ быть употреблены на покупку товаровъ, общая масса которыхъ, какъ мы знаемъ, не можетъ быть быстро увеличена. Но среди этой массы есть наряду съ предметами, составляющими обычное потребленіе рабочихъ, и предметы, покупа-

[1]) Wages and Capital, стр. 83—87.

емые обыкновенно другими классами общества. Въ зависимости отъ того, будутъ ли рабочіе покупать предметы второго рода, и стоитъ расширеніе фонда ихъ реальной платы. Благодаря существующему неравенству въ распредѣленіи богатствъ и потому большому различію между предметами, покупаемыми рабочими и привиллегированными классами, расширеніе реальнаго фонда заработной платы встрѣчаетъ большія затрудненія. Но оно во всякомъ случаѣ возможно и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ демократичнѣе данное общество (т. е. чѣмъ ближе другъ къ другу нравы и привычки различныхъ общественныхъ классовъ). Такимъ образомъ, и здѣсь предѣлы фонда „are elastic, not rigid" [1]).

Таковы заключенія Тауссига относительно общей суммы заработной платы. Обоснованіе ихъ Тауссигъ и считаетъ единственно важной задачей своего изслѣдованія; но такъ какъ въ старой литературѣ часто поднимался вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ повышеніе платы одной группы рабочихъ на плату другихъ группъ, то и онъ считаетъ необходимымъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу.

Въ старомъ взглядѣ, указываетъ онъ, есть извѣстная доля истины. Эластичность источниковъ заработной платы невелика, а потому дѣйствительно, если бы у значительной группы рабочихъ плата сильно поднялась, то другіе рабочіе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени терпѣли бы ущербъ. Но такъ какъ обыкновенные случаи подъема заработной платы распространяются на сравнительно небольшія группы рабочихъ и имѣютъ не очень крупные размѣры, то для каждаго частнаго случая, какимъ бы значительнымъ онъ ни казался, такого вреднаго вліянія повышенія заработной платы на положеніе другихъ рабочихъ установить нельзя. „Подъемъ на 10% платы углекоповъ или рабочихъ на желѣзныхъ заводахъ можетъ составить милліоны, и однако — это только небольшая доля всей суммы, уплачиваемой въ видѣ заработной платы, и всѣхъ покупокъ, совершаемыхъ изъ реальнаго дохода потребителями вообще. Во всякомъ случаѣ

[1]) Wages and Capital, стр. 88—93.

безпристрастный и разумный совѣтникъ не скажетъ рабочимъ, добивающимся въ томъ или иномъ частномъ случаѣ лучшихъ условій отъ предпринимателя, что ихъ стремленія вредны для ихъ товарищей. „Если не представляется какого-либо иного возраженія, то онъ можетъ съ увѣренностью заявить, что экономическая наука не имѣетъ ничего сказать противъ ихъ усилій, и много—въ пользу ихъ" [1]).

Указаній, насколько прочно получаемое рабочими повышеніе заработной платы, слѣдуетъ, по мнѣнію Тауссига, искать въ условіяхъ спроса на товары, предъявляемаго потребителями. Экономическая наука понимаетъ подъ потребителемъ не вполнѣ то, что обыкновенно подразумѣвается подъ этимъ терминомъ. „Промышленный дѣятель считаетъ потребителями почти всѣхъ покупателей: шерстяной фабрикантъ есть потребитель шерсти, а дрожащій индивидуумъ, покупающій себѣ пальто, есть потребитель шерстяныхъ издѣлій. Осторожный экономистъ думаетъ только объ этомъ послѣднемъ,—о лицѣ, имѣющемъ непосредственныя потребности, которыя должны быть удовлетворены, взвѣшивающимъ одну потребность по сравненію съ другой. Въ дѣйствительности онъ исключительно и является настоящимъ потребителемъ. Его покупки совершаются у прилавка мелочного торговца. Очевидно, онъ отдѣленъ длиннымъ и сложнымъ рядомъ посредниковъ отъ различныхъ рабочихъ, послѣдовательныя усилія которыхъ участвовали въ созданіи окончательнаго, годнаго для потребленія товара. Дѣлаетъ ли его спросъ возможнымъ подъемъ заработной платы нѣкоторыхъ или всѣхъ рабочихъ, участвовавшихъ въ производствѣ даннаго товара, слѣдуетъ опредѣлять не по приливамъ и отливамъ одного или двухъ сезоновъ, а періодомъ испытанія, который для промышленнаго дѣятеля кажется имѣющимъ вѣковую продолжительность. Экономисты, которые настаивали на спросѣ потребителя какъ на опредѣляющей причинѣ или источникѣ заработной платы, не всегда съ достаточной силой выдвигали разстояніе между потребителемъ и цѣпью

[1]) Wages and Capital, стр. 102—104.

производителей, которые участвуютъ въ совмѣстной работѣ на него. Они говорили о спросѣ потребителя какъ о причинѣ, непосредственно (closely) вліяющей на заработную плату,—вводимые въ заблужденіе, быть можетъ, безсознательнымъ смѣшеніемъ ближайшихъ покупателей съ конечными потребителями. Но остается истиннымъ, что въ концѣ концовъ заработная плата, какую извѣстная спеціальная группа рабочихъ можетъ добыть, зависитъ отъ того, что́ потребители способны и желаютъ заплатить за произведенные товары, и что дѣйствительный, прочный и постоянный подъемъ заработной платы можетъ быть достигнутъ такой группой только въ томъ случаѣ, если постоянныя условія рынка, т. е. конечнаго спроса—благопріятны имъ" [1]).

Такъ какъ этотъ вопросъ, касающійся не общей нормы заработной платы, а платы извѣстнаго разряда или группы рабочихъ, не входитъ въ прямую задачу изслѣдованія, поставленнаго Тауссигомъ, то онъ и не считаетъ нужнымъ подробно говорить о немъ. Но если бы о немъ пришлось говорить, то, по мнѣнію Тауссига, необходимо было бы перейти къ анализу другихъ силъ, стоящихъ за потребителемъ. Во-первыхъ, спросъ потребителя самъ опредѣляется условіями оцѣнки благъ. Во-вторыхъ, необходимо было бы принять въ расчетъ условія перехода рабочихъ изъ однихъ промысловъ въ другіе, что также связано съ вопросомъ о цѣнности [2]).

Какъ видно изъ изложеннаго, ученіе Тауссига представляетъ собою своеобразную смѣсь правильныхъ и часто мѣткихъ замѣчаній съ ухищренно-софистическими положені-

---

[1]) Wages and Capital, стр. 105—106.

[2]) Тауссигъ полагаетъ, что при условіи свободнаго передвиженія изъ одной группы рабочихъ въ другую цѣнность благъ опредѣлится издержками производства, если же такого передвиженія не существуетъ, то предѣльной полезностью. „Странно, замѣчаетъ при этомъ Тауссигъ, что въ недавнемъ обсужденіи основныхъ законовъ цѣнности игнорировали этотъ важный вопросъ относительно вліянія наличности или отсутствія свободнаго выбора рабочими ихъ занятія"... Wages and Capital, стр. 108.

ями. При характеристикѣ источника заработной платы Тауссигъ становится вначалѣ на путь, указанный лучшими критиками теоріи фонда; но онъ недолго остается на этомъ пути и съ помощью опредѣленія капитала какъ „inchoate wealth“ и разграниченія въ составѣ реальнаго общественнаго дохода продуктовъ „настоящаго“ и продуктовъ „прошлаго“ труда благополучно возвращается къ старой доктринѣ. Тауссигъ балансируетъ здѣсь между двумя противоположными точками зрѣнія—общественной и индивидуалистической, склоняясь въ бо́льшей степени къ послѣдней, но не заявляя объ этомъ прямо (а быть можетъ, и не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета). Съ общественной точки зрѣнія, разсматривая весь составъ средствъ производства даннаго національнаго цѣлаго и всю сумму прилагаемаго труда, представляется очевиднымъ, что новыя прибавки къ капиталу, не считая исключительныхъ эпохъ промышленнаго подъема страны, оказываются для каждаго хозяйственнаго періода (скажемъ, года) незначительными, по сравненію съ тѣмъ, что уже имѣется. Съ точки же зрѣнія установки отдѣльнаго предпріятія, требующаго сложныхъ техническихъ условій, представляется, что работа при капиталической организаціи производства должна долгое время находиться на стадіи „inchoate wealth“. Становясь на эту точку зрѣнія, Тауссигъ переноситъ ее и въ оцѣнку процессовъ, происходящихъ во всемъ народномъ хозяйствѣ, преувеличивая роль „прошлаго“ труда по сравненію съ „настоящимъ“. При этомъ ему помогаетъ въ особенности крайняя неопредѣленность употребляемыхъ имъ терминовъ. Если понимать (какъ это въ концѣ концовъ и дѣлаетъ Тауссигъ) подъ настоящимъ трудомъ трудъ настоящаго момента, а не (неистекшаго еще) болѣе или менѣе продолжительнаго періода, то практически можно ввести сюда что угодно [1]). Впро-

[1]) „Пунктъ времени, подобно другимъ пунктамъ, не имѣетъ ни частей, ни величины, такъ что, строго говоря, весь трудъ и весь доходъ оказывается или прошлымъ, или настоящимъ. „Настоящее“ есть только простое описательное выраженіе недавняго прошлаго или бли-

чемъ, и при такомъ опредѣленіи указанныхъ понятій Тауссигъ натолкнулся на крупное препятствіе для своей теоріи, не имѣя возможности даже съ принятой имъ точки зрѣнія отнести къ капиталу страны дома, сдаваемые въ наймы рабочимъ. Легкость, съ какой онъ выходитъ изъ затрудненія, объявляя это обстоятельство лишь незначительнымъ исключеніемъ изъ общаго порядка, лишній разъ подчеркиваетъ крайне небрежное отношеніе экономистовъ того направленія, къ которому онъ принадлежитъ, къ реальнымъ жизненнымъ фактамъ. Если изслѣдователь объявляетъ несущественными для главнаго вывода условія полученія одной пятой или одной четверти всего реальнаго дохода рабочихъ классовъ (а для нѣкоторыхъ, весьма многочисленныхъ группъ ихъ и гораздо бо́льшей доли), то мы имѣемъ всѣ основанія для того, чтобы заподозрить правильность употребляемыхъ имъ аналитическихъ пріемовъ.

жайшаго будущаго, или того и другого. Поэтому не требуется никакихъ доказательствъ для того, чтобы показать, что весь продуктъ, произведенный трудомъ.... произведенъ прошлымъ трудомъ. Въ дѣйствительности вопросъ заключается въ томъ, произведенъ-ли доходъ даннаго періода, скажемъ 1896 года, цѣликомъ трудомъ 1896 года. Проф. Тауссигъ, слѣдуя за австрійцами, говоритъ, что нѣтъ, но что онъ произведенъ частью трудомъ, затраченнымъ въ 1896, 1895, 1894, 1893 и т. д. до безконечнаго прошлаго, и что трудъ, затраченный въ 1896 году, произведетъ части дохода 1896, 1897, 1898 и т. д. до неопредѣленнаго будущаго. Если я сажаю, варю и ѣмъ картофель въ 1896 году, я не позволю факту, что я пользовался заступомъ и соусникомъ, помѣшать мнѣ разсматривать удовлетвореніе, получаемое отъ ѣды этого картофеля, какъ часть дохода, созданнаго въ 1896 году. Если я дѣлаю заступъ въ 1896 году, я считаю, что я способствую поддержанію, а можетъ быть, и увеличенію національнаго капитала заступовъ, и тѣмъ способствую производству реальнаго дохода 1896 года настолько же, какъ въ томъ случаѣ, когда я варю мой картофель. Но проф. Тауссигъ, наполненный австрійскими метафорами, не видитъ конкретнаго куска желѣза и дерева, называемаго заступомъ, въ моей рукѣ, когда я копаю картофельную грядку, но легіонъ людей, выдѣлывающихъ ручки заступовъ, литейщиковъ желѣза, рудокоповъ, которые какимъ-то образомъ вырвались изъ своего надлежащаго мѣста во времени и приходятъ ко мнѣ, чтобы вскопать мою землю своими призрачными руками". Cannan, рецензія на книгу Тауссига въ The Economic Journal. vol. VI, стр. 442—444.

Такое же балансированіе между указаніями критиковъ теоріи фонда и самой этой теоріей мы находимъ у Тауссига и при характеристикѣ „механизма распредѣленія" народнаго дохода. Выше было показано, что Тауссигъ вынужденъ былъ признать однородность дохода рабочихъ съ доходомъ другихъ классовъ общества. Онъ прямо заявляетъ, что при распредѣленіи продукта рабочіе являются равноправными со всѣми другими классами общества, и что ихъ доходъ есть такой же доходъ, какъ и всякій другой, т. е. имѣетъ цѣлью удовлетвореніе ихъ жизненныхъ потребностей въ томъ объемѣ, въ камомъ они могутъ и желаютъ, а не средство поддержанія ихъ трудоспособности для гарантіи нормальнаго хода производства. Но сдѣлавъ эту уступку демократическому духу времени, вполнѣ понятную для американскаго экономиста, Тауссигъ не развиваетъ логически принятой мысли въ примѣненіи къ анализу „механизма распредѣленія", а возращается опять къ идеямъ старыхъ теоретиковъ фонда. Если въ ихъ представленіи доходъ рабочихъ классовъ отличался отъ дохода капиталистовъ, какъ капиталъ отъ предметовъ потребленія, чего Тауссигъ, какъ мы видѣли, уже не считаетъ возможнымъ принять,—то и у Тауссига доходъ рабочаго класса неожиданно оказывается также отмѣченнымъ особою печатью, хотя онъ слагается изъ предметовъ потребленія, какъ и доходъ капиталистовъ. Совокупность предметовъ потребленія, составляющихъ реальный доходъ даннаго общества, дѣлится по ученію Тауссига на отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая по своимъ качествамъ предназначается для того или иного общественнаго класса. Это соображеніе Тауссига само по себѣ правильно, ибо кому же неизвѣстно, что доходъ рабочихъ не можетъ направляться на покупку дорогихъ мѣховъ, бриллiантовъ, выѣздныхъ лошадей, экипажей и т. п., составляющихъ часть реальнаго дохода каждаго общества? Но выводъ, который онъ изъ него дѣлаетъ въ примѣненіи къ вопросу объ измѣненіяхъ въ заработной платѣ, оказывается уже совершенно невѣрнымъ. Невозможность подъема реальной заработной платы, доказываемая Тауссигомъ на основаніи этого сообра-

женія, въ дѣйствительности вовсе не угрожаетъ рабочимъ. Ея слѣдовало бы ожидать лишь въ томъ случаѣ, если бы разъ данный составъ національнаго дохода воспроизводился неизмѣнно. Между тѣмъ, въ особенности при современномъ экономическомъ строѣ, онъ можетъ мѣняться и въ дѣйствительности мѣняется съ чрезвычайной быстротой. Тауссигъ разсуждаетъ такъ: въ данный моментъ запасъ благъ имѣетъ такой-то характеръ; поэтому для даннаго момента возможность расширенія рабочими своего реальнаго дохода ограничена, если бы даже ихъ денежная заработная плата и повысилась; слѣдовательно, расширеніе реальной заработной платы вообще очень затруднительно и доступно только въ незначительномъ объемѣ. Здѣсь опять мы находимъ у Тауссига старую игру понятіями „прошлаго" и „настоящаго". Составъ національнаго дохода, препятствующій рабочимъ сегодня воспользоваться повышеніемъ ихъ денежной заработной платы, черезъ мѣсяцъ можетъ уже вполнѣ приспособиться къ этому повышенію, а во многихъ случаяхъ—и на слѣдующій, если не въ тотъ же самый день. Если рабочимъ удалось бы повысить свою заработную плату, скажемъ, на десять рублей въ мѣсяцъ, благодаря чему они получили бы возможность предъявить спросъ на предметы, недоступные имъ ранѣе, то продавцы этихъ предметовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ легко справились бы съ столь благопріятнымъ для нихъ „затрудненіемъ", принимая мѣры къ соотвѣтственному расширенію продажи. Допустимъ, что послѣ повышенія платы рабочій получилъ возможность покупать ежедневно газету; нужно ли ему долго ждать, пока издатель приспособится къ его спросу? Очевидно, нѣтъ надобности тратить много времени на изслѣдованіе, въ какой мѣрѣ часть національнаго дохода въ видѣ газетныхъ номеровъ можетъ быть расширена; расширеніе, какъ всѣмъ извѣстно, наступитъ быстро и автоматически. Но тотъ же самый процессъ можно наблюдать и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Тауссигъ упускаетъ изъ вида наиболѣе характерную черту современной промышленной организаціи, состоящую въ томъ, что современное производство отличается крайне текучимъ характеромъ и способностью необык-

новенно быстро приспособляться къ измѣненіямъ спроса. Трудности для современныхъ предпринимателей наступаютъ не тогда, когда расширяется спросъ, а наоборотъ — когда онъ съуживается, или когда расширеніе его идетъ не столь быстрымъ темпомъ, какъ предполагалось. Впрочемъ, и самъ Тауссигъ сопровождаетъ свои заключенія цѣлымъ рядомъ оговорокъ, сообщающихъ имъ сравнительно безобидный характеръ. Благодаря имъ эта часть книги Тауссига лишена рѣзко выраженной тенденціи, что выгодно отличаетъ ее отъ старой, проникнутой специфически-буржуазнымъ духомъ, литературы теоріи фонда. Тауссигъ не ищетъ уже въ ученіи о фондѣ оружія противъ трэдъ-юніоновъ и вообще всякаго рода дѣятельности, направленной къ огражденію интересовъ рабочаго класса отъ притѣсненій предпринимателей.

Конечно, эти достоинства книги Тауссига не сообщаютъ ей крупнаго положительнаго значенія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Они указываютъ на то, что для старыхъ доктринъ время прошло уже безвозвратно, и что возстановленіе ихъ въ сколько-нибудь привлекательномъ видѣ возможно лишь цѣною такихъ уступокъ, которыя отнимаютъ у такого возстановленія всякій raison d'être. Попытка воскрешенія теоріи фонда, дѣлаемая Тауссигомъ, напоминаетъ намъ попытку ортодоксальнаго маркоизма отстоять теорію обнищанія. Подобно тому какъ Каутскому для спасенія старой теоріи пришлось сдѣлать рядъ уступокъ, лишающихъ его защиту всякаго значенія, и искать убѣжища въ искусственной интерпретаціи сокровеннаго смысла этой теоріи, такъ и Тауссигу не осталось ничего лучшаго, какъ согласиться въ самомъ существенномъ съ крупными критиками старой теоріи фонда и, сдѣлавъ эту уступку, убійственную для защищаемаго имъ взгляда, попытаться спасти дѣло новымъ опредѣленіемъ капитала и искуснымъ пользованіемъ понятіями „прошлаго“ и „настоящаго“ въ хозяйственной дѣятельности. Конечно, по сравненію съ замѣчаніями Бёмъ-Баверка, ученіе Тауссига стоитъ неизмѣримо выше. По ясности изложенія собственной точки зрѣнія, остроумію аргументаціи, обстоятельности и продуманности характеристики взглядовъ предшественниковъ—книга Тауссига не можетъ

заслужить упрека со стороны самой придирчивой критики. Какъ историческій обзоръ развитія идеи о фондѣ заработной платы, она, вѣроятно, долго еще не потеряетъ значенія. И тѣмъ ярче обнаруживается безнадежность дѣла, предпринятаго Тауссигомъ. Если при столь блестящихъ данныхъ положительное содержаніе книги Тауссига представляется слабымъ, натянутымъ и полнымъ противорѣчій, то очевидно, что задача изслѣдованія поставлена неправильно. И ученіе Тауссига вмѣсто помощи новому изслѣдователю вопроса, подобно теоріи Бёмъ-Баверка, должно сбивать его съ правильнаго пути, насильственно обращая его мысль назадъ, въ сторону давно уже отжившей доктрины. Поэтому, при всемъ уваженіи къ таланту автора и обширной эрудиціи, обнаруженной имъ въ разсматриваемой книгѣ, въ общемъ за ней слѣдуетъ признать реакціонное значеніе [1]).

[1]) Реакціонный характеръ теоріи Тауссига (и вообще идей, пропагандируемыхъ австрійской школой и ея англо-американскими послѣдователями) прекрасно отмѣчаетъ Кеннанъ въ своей рецензіи на книгу Тауссига въ Economic Journal. „Въ то самое время, говоритъ онъ, какъ мы, казалось, могли сложить въ складъ экономическаго хлама большую массу старыхъ безцѣльныхъ и раздражающихъ контроверзъ, вытекавшихъ изъ споровъ періода борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, мы подверглись вторженію трудовъ нѣсколькихъ очень острыхъ мыслителей изъ страны, которая находилась на болѣе ранней стадіи экономическаго развитія, и въ которой точка зрѣнія на капиталъ какъ на постоянный аггрегатъ извѣстныхъ предметовъ не замѣнила еще, какъ у насъ, взгляда, усматривающаго только переходный характеръ большинства вещей, составляющихъ капиталъ въ какое-либо время. Мы привыкли разсматривать капиталъ какъ одну гигантскую машину, которая, при условіи періодическихъ починокъ ея основныхъ частей, дѣйствовала съ незапамятныхъ временъ и будетъ продолжать дѣйствовать до конца міра. Наоборотъ, австрійцы, когда они говорятъ о „капиталѣ", думаютъ объ извѣстномъ количествѣ промежуточныхъ продуктовъ, постепенно созрѣвающихъ въ предметы потребленія, и тревожатъ себя вымысломъ, называемымъ среднимъ періодомъ производства. Поэтому въ томъ, что касается отношенія между капиталомъ и доходомъ общества, австрійское вліяніе было рѣшительно реакціоннымъ, и это представляется на мой взглядъ единственнымъ объясненіемъ того факта, что столь ретроградная работа... была написана столь талантливымъ и молодымъ экономистомъ, какъ проф. Тауссигъ"... The Economic Journal, vol. VI, стр. 442.

Глава девятая.

Приспособленіе теоріи заработной платы къ новѣйшимъ теоріямъ цѣны и цѣнности.

Попытки провести параллель между новѣйшими теоріями цѣнности и цѣны и теоріей заработной платы. Ученіе Маршалла. „Economics of Industry". Вниманіе къ организаціямъ хозяевъ и рабочихъ. Наклонность къ теоретическому консерватизму. Principles of economics. Болѣе послѣдовательное проведеніе индивидуалистической точки зрѣнія. Характеристика элементовъ спроса на трудъ. Гипотетическія условія раздѣла „національнаго дивиденда". Спросъ на трудъ при капиталистическомъ строѣ. Функція предпринимателя. Принципъ субституціи. „Предѣльный пастухъ". Предложеніе труда. Количество труда. Склонность къ работѣ. Дополнительныя разъясненія. Особенности рабочаго договора. Динамика заработной платы. Вліяніе измѣненій въ уровнѣ жизни и сокращенія рабочаго времени. Двѣ группы ученій, примыкающихъ къ теоріи Маршалла. I. „Disribution of Income" Смарта. Одностороннее выдвиганіе роли частнаго предпринимателя. Характеристика принципа субституціи. Отношеніе къ трэдъ-юніонизму. Кларкъ. Главный тезисъ его книги. Способы и средства его защиты Повтореніе попытки Тюнена и „теоріи вмѣненія" Визера. Объясненіе соціально-экономическихъ отношеній данными индивидуальной экономики. Предѣльная область труда. Гипотетическое образованіе „единицъ труда". II. Теорія „рыночнаго торга" (Давидсонъ и Гобсонъ). „The Bargain Theory of Wages" Давидсона. Смѣсь гипотетическаго и реалистическаго анализа. Элементы оцѣнки рабочаго и предпринимателя. Установленіе заработной платы между предѣлами, намѣчаемыми этой оцѣнкой. Дополнительныя характеристики. Гобсонъ. Абстрактно-психологическій характеръ его изслѣдованія. Анализъ рыночной сдѣлки. Координація объясненія причинъ вознагражденія всѣхъ факторовъ производства съ помощью закона ренты. „Рента труда". „Опредѣляющій рабочій". „Вынужденные выигрыши". Общія черты ученій, изложенныхъ въ этой главѣ. Сочетаніе положеній классической доктрины съ индивидуально-психологическимъ анализомъ. Особенности взглядовъ отдѣльныхъ авторовъ.—Заключеніе.

Парадоксальныя построенія Бёмъ-Баверка и Тауссига, возвращавшія изслѣдованіе вопроса о заработной платѣ къ давно оставленной всѣми и единодушно осужденной доктринѣ, не вызвали сочувствія даже среди большинства ихъ единомышленниковъ. Усилія экономистовъ, примкнувшихъ къ школѣ предѣльной полезности, направились по преимуществу на болѣе обѣщающій путь согласованія теоріи заработной платы съ теоріей цѣны и цѣнности, перенося принципы, найденные изслѣдованіемъ товарнаго обмѣна, въ изученіе проблемы распредѣленія. Впереди этихъ попытокъ стоитъ ученіе Мар-

шалла — „Нестора современной англійской политической экономіи", имѣющаго въ ней безспорно огромное вліяніе.

Планъ для новой разработки теоріи распредѣленія Маршаллъ намѣтилъ еще въ Economics of Industry [1]). Онъ упрекаетъ здѣсь Милля въ недостаточномъ вниманіи къ вопросу, оттѣняя необходимость строгаго согласованія теоріи распредѣленія съ теоріей цѣны [2]). Въ результатѣ такого соглашенія выясняется, по его мнѣнію, двусторонній характеръ проблемы заработной платы. „Законъ нормальной заработной платы" Маршаллъ выводитъ изъ изслѣдованія „нормальнаго предложенія" и „нормальнаго спроса" на трудъ. Нормальный спросъ на трудъ зависитъ отъ потребности, испытываемой въ немъ какъ предпринимателями (и вообіце лицами, участвующими въ производствѣ своими капиталами), такъ и потребителями продуктовъ, создаваемыхъ имъ, т. е. отъ „конкуренціи изъ-за его помощи въ производствѣ". Нормальное предложеніе труда опредѣляется для простого труда „уровнемъ комфорта", представляющимъ хотя и не „строго опредѣленную", но довольно устойчивую величину для даннаго мѣста и даннаго времени, регулирующую возрастаніе населенія, а для искуснаго труда—

[1]) Alfred and Mary Paley Marshall. The Economics of Industry. Книга эта была выпущена первымъ изданіемъ въ 1879 году и затѣмъ переиздавалась въ 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1888 и 1889 гг. почти безъ измѣненій (въ изданіи 1881 года были включены незначительныя поправки въ опредѣленія богатства и капитала; остальныя же части и въ томъ числѣ все, что относится къ заработной платѣ, оставлено нетронутымъ). Наше изложеніе всюду цитируетъ изданіе 1889 года (послѣднее).

[2]) „Онъ (Милль) никогда не разработалъ вполнѣ приложенія своихъ собственныхъ принциповъ къ проблемѣ распредѣленія; его послѣднія соображенія по данному вопросу, высказанныя въ рецензіи на книгу Торнтона, сознательно оставляютъ часть его въ неудовлетворительномъ состояніи. Милль далъ, правда, нѣкоторые намеки на то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать его разрѣшенія, но онъ не претендовалъ на собственную разработку его. Въ настоящей книгѣ сдѣлана попытка предложить такое рѣшеніе и показать, что существуетъ единство между различными частями теоріи цѣны, заработной платы и прибыли"... Economics of Industry, стр. V.

средствами и желаніемъ родителей подготовить своихъ дѣтей къ тому или другому занятію [1]). Кромѣ того, на сторонѣ спроса вліяютъ союзы и соглашенія хозяевъ, на сторонѣ предложенія—организаціи рабочихъ [2]). Характеристика всѣхъ этихъ факторовъ, вліяющихъ на установленіе заработной платы, дана очень кратко, мѣстами поверхностно и съ явнымъ намѣреніемъ, принявъ новыя ученія, не порвать связи съ старой доктриной. Эта нота чисто-англійскаго консерватизма звучитъ еще сильнѣе въ небольшихъ этюдахъ о заработной платѣ, выпущенныхъ Маршалломъ между Economics of Industry и Principles of Economics [3]). Вообще въ ученіи Маршалла, из-

[1]) Economics of Industry, стр. 128—131 и 103—112.

[2]) Среди объединеній хозяевъ наиболѣе дѣйствительными Маршаллъ считаетъ соглашенія между сельскими фермерами и не придаетъ большаго значенія синдикатамъ въ индустріи. По вопросу о значеніи рабочихъ союзовъ онъ отмѣчаетъ уже, что союзы стремятся главнымъ образомъ къ гарантіи коллективнаго договора и нормальнаго уровня заработной платы. Возможность подъема заработной платы ихъ усиліями ограничена, по его мнѣнію, размѣрами „фонда заработной платы и прибыли" (Wages and Profit Fund), подъ которымъ онъ понимаетъ, вопреки взгляду сторонниковъ теоріи фонда въ собственномъ смыслѣ,—чистый доходъ страны, за вычетомъ изъ него ренты и налоговъ. Такъ какъ пониженіе прибыли должно ослабить энергію предпринимателей и тѣмъ сократить размѣры „фонда заработной платы и прибыли", то повышеніе заработной платы, достигаемое трэдъ-юніонами, можетъ быть раціональнымъ и устойчивымъ только въ томъ случаѣ, если рабочіе сберегали бы большую часть своего дохода (что мало вѣроятно), или если соотвѣтственно поднялась бы производительность труда (или, какъ выражается Маршаллъ, „личный капиталъ" рабочихъ). Однако, благопріятнаго результата и въ послѣднемъ отношеніи можно ждать только тогда, если борьба рабочихъ съ хозяевами не ослабитъ предпріимчивости послѣднихъ. Economics of Industry, стр. 183—205.

[3]) „Мы слышимъ много относительно замѣны старомодныхъ теорій заработной платы болѣе новыми и болѣе правильными ученіями. Но въ дѣйствительности перемѣна въ самой теоріи была не очень велика. Хотя прибавилось много новой работы, а старое было развито,—тѣмъ не менѣе уничтожено очень немногое. Почти все, что когда-либо было сказано великими экономистами первой половины столѣтія, вѣрно и теперь, если только понимать надлежащимъ образомъ. Многое останется вѣрнымъ и навсегда, или во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ славная эпоха, когда люди захотятъ работать такъ же тя-

ложенномъ въ „Economics of Industry“ и указанныхъ спеціальныхъ этюдахъ, интересно не разрѣшеніе вопроса, предложенное въ видѣ слишкомъ бѣглаго наброска, а постановка его, намѣчавшая программу желательной работы. Въ этой программѣ обращаетъ на себя вниманіе пунктъ о вліяніи коллективныхъ организацій на обѣихъ договаривающихся сторонахъ, которымъ Маршаллъ несомнѣнно отдавалъ дань требованіямъ времени, когда въ особенности вопросъ о рабочихъ союзахъ живо интересовалъ англійское общество. Дальнѣйшее развитіе англійской политической экономіи, совершавшееся подъ сильнымъ вліяніемъ Джевонса и австрійской школы, отодвинуло назадъ вопросъ о соціальныхъ факторахъ и въ частности о коллективномъ договорѣ, направляя изслѣдованіе на такія высоты отвлеченно-психологическаго анализа, съ которыхъ всѣ, подобныя отмѣченнымъ, явленія міра реальныхъ экономическихъ отношеній представлялись очень мало замѣтными. Это сказалось и на послѣднемъ крупномъ трудѣ Маршалла (Principles of Economics [1]), гдѣ вопросъ объ организаціяхъ хозяевъ и рабочихъ

жело, побуждаемые чувствомъ обязанности, какъ теперь работаютъ за плату. Измѣненія были велики, — но не въ самой теоріи, а въ пониманіи того, какъ ее слѣдуетъ и какъ не слѣдуетъ прилагать“. A. Marshall. Theories and facts about wages. The Co-operative Wholesale Society Limited. Annual and Diary for the year 1885, стр. 379. Въ другой статьѣ, написанной вскорѣ послѣ цитированной, Маршаллъ заявляетъ даже, что ученіе, изложенное имъ въ Economics of Industry, не противорѣчитъ и теоріи фонда въ формулировкѣ Кэрнса. A. Marshall, Wages and Profits. Quarterly Journal of Economics, vol. II, стр. 218. Впрочемъ, по существу это заявленіе можно считать просто любезностью по адресу Кэрнса, такъ какъ въ этой же самой статьѣ Маршаллъ отказывается даже отъ самаго термина „Wages-and-Profit Fund“, принятаго въ „Economics of Industry, и опредѣляетъ источникъ заработной платы не какъ „фондъ запасеннаго богатства, достаточнаго для выдачи заработной платы за опредѣленный періодъ“, а какъ „имѣющій быть распредѣленнымъ потокъ дохода“. Wages and Profits, стр. 220—221.

[1]) „Principles of economics“ вышли первымъ изданіемъ въ 1890 г. Послѣдующее изложеніе всюду цитируетъ послѣднее изданіе (1898 г.). Въ этомъ изданіи по вопросу о заработной платѣ существенныхъ измѣненій по сравненію съ предыдущими изданіями не содержится.

занимаетъ ничтожное мѣсто по сравненію съ „Economics of Industry".

Конечно, этотъ пробѣлъ въ характеристикѣ причинъ, опредѣляющихъ заработную плату, можетъ быть объясненъ отчасти и незаконченностью „Principles", остановленныхъ на первомъ томѣ. Однако, Маршаллу приходится и здѣсь касаться вопроса о коллективномъ договорѣ, и едва ли можно сомнѣваться, что онъ нашелъ бы для него достаточно мѣста, если бы за время, отдѣляющее выходъ въ свѣтъ „Principles of economics" отъ „Economics of Industry", въ его взглядахъ не произошла дальнѣйшая эволюція въ сторону индивидуалистическаго пониманія проблемы заработной платы. Съ другой стороны таже индивидуалистическая точка зрѣнія побуждала Маршалла отнестись съ особымъ вниманіемъ къ выясненію условій спроса на трудъ, хотя онъ старается попрежнему выдержать двустороннюю постановку проблемы и посвящаетъ не мало мѣста изслѣдованію предложенія труда [1]).

Въ характеристикѣ спроса на трудъ Маршаллъ выступаетъ уже въ Principles вполнѣ модернизованнымъ писателемъ, усиленно выдвигая принципы предѣльнаго измѣренія и субституціи. Въ этомъ отношеніи онъ непосредственно продолжаетъ развитіе мыслей, намѣченныхъ Тюненомъ и пущенныхъ въ широкій оборотъ Джевонсомъ и австрійской школой.

[1]) Дѣлая по существу крупную уступку новому теченію, въ общей формулировкѣ проблемы Маршаллъ даже съ бо́льшимъ удареніемъ настаиваетъ на необходимости одинаковаго вниманія къ обѣимъ ея сторонамъ. Главнымъ недостаткомъ прежнихъ попытокъ выясненія вопроса о распредѣленіи національнаго дохода (физіократы, Ад. Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Милль, Уокеръ) онъ считаетъ именно ихъ односторонность. Въ дѣйствительности, указываетъ онъ, цѣнность каждаго фактора, участвующаго въ распредѣленіи, устанавливается подъ вліяніемъ сложнаго комплекса причинъ, дѣйствующихъ какъ со стороны спроса, такъ и со стороны предложенія. „Спросъ и предложеніе обнаруживаютъ координированныя вліянія на заработную плату: при этомъ ни та, ни другая сторона не могутъ претендовать на преобладаніе, какъ ни одинъ изъ концовъ ножницъ или одинъ изъ столбовъ арки". Marshall, Principles of Economics, стр. 573—578 и 603.

Въ частности же въ вопросѣ о принципѣ субституціи на теорію, защищаемую Маршалломъ въ Principles of economics, имѣла вліяніе статья американскаго экономиста Стюарта Вуда въ Quarterly Journal of Economics, въ которой идея субституціи была выдвинута на первое мѣсто [1]).

Характеристику обстоятельствъ, вліяющихъ со стороны спроса на трудъ, Маршаллъ начинаетъ съ разсмотрѣнія гипотетическаго міра, гдѣ каждый является собственникомъ

---

[1]) На этой статьѣ съ особенной силой сказалась тенденція новѣйшаго экономическаго направленія къ упрощенію трактуемыхъ проблемъ. Вудъ ставитъ вопросъ о заработной платѣ только какъ статическую проблему и рѣшаетъ ее только со стороны спроса на трудъ. Самый же спросъ на трудъ опредѣляется, по его мнѣнію, стремленіями предпринимателя, который тратитъ деньги на наемъ труда совершенно изъ тѣхъ же соображеній, какими онъ руководствуется при пріобрѣтеніи машины, т. е. взвѣшиваетъ, что для него выгоднѣе. Если трудъ дорогъ, предприниматель обратитъ больше денегъ на пріобрѣтеніе машинъ, стараясь употреблять возможно меньше живого труда; если дешевъ, то онъ поступитъ противоположнымъ образомъ. Иначе говоря, „выборъ предпринимателя между употребленіемъ труда и употребленіемъ вспомогательнаго капитала для производства какого-либо результата зависитъ отъ ихъ сравнительной стоимости; а отъ его выбора зависитъ спросъ на каждый изъ нихъ". Отсюда Вудъ и выводитъ свой „законъ заработной платы": „цѣна даннаго количества труда равна цѣнѣ, уплачиваемой за пользованіе такимъ количествомъ вспомогательнаго капитала, какое можетъ замѣнить этотъ трудъ въ тѣхъ операціяхъ, гдѣ обѣ эти силы могутъ быть безразлично употребляемы съ равной денежной выгодой". Этотъ общій законъ заработной платы Вудъ сопровождаетъ затѣмъ нѣкоторыми разъясненіями, смягчающими его односторонность, но очень запутанными и сбивчивыми, объединяющими безъ достаточнаго разграниченія современныя формы хозяйственнаго строя съ элементарными условіями хозяйственной дѣятельности вообще. Сущность этихъ разъясненій сводится къ тому, что въ предѣлахъ, полагаемыхъ хозяйственной дѣятельности человѣка естественными рессурсами страны и знаніемъ и умѣньемъ ея жителей (т. е. „природой" и „искусствомъ"), выборъ способовъ производства и вообще характера и направленія его, а слѣдовательно и сравнительная оцѣнка капитала и труда опредѣляются „природой человѣческихъ потребностей" (the nature of human desires), указывающихъ какъ взаимное отношеніе, такъ и послѣдовательный порядокъ затратъ труда и капитала. Stuart Wood. A new View of the Theory of Wages. Quarterly Journal of Economics, vol. III, стр. 60 и слѣд., 462 и слѣд.

небольшого количества капитала, и гдѣ дары природы такъ изобильны, что составляютъ свободное состояніе всѣхъ. Въ этомъ мірѣ, кромѣ того, по предположенію Маршалла, не только всѣ равны другъ другу по способностямъ, но и обладаютъ одинаковой охотой къ труду и въ дѣйствительности работаютъ съ одинаковымъ напряженіемъ, такъ что если бы два работника помѣнялись занятіями, то каждый сдѣлалъ бы послѣ этой перемѣны столько же, сколько и другой. Наконецъ, Маршаллъ допускаетъ, что каждый производитъ продукты, готовые для продажи, безъ помощи другихъ, и что онъ самъ сбываетъ ихъ потребителямъ, такъ что спросъ на каждый продуктъ оказывается непосредственнымъ. При такой гипотезѣ проблема заработной платы, по мнѣнію Маршалла, разрѣшается очень просто. Вещи обмѣнивались бы другъ на друга пропорціонально труду, затраченному на ихъ производство, а слѣдовательно каждый имѣлъ бы равную долю въ общей суммѣ чистаго дохода, слагающейся изъ произведенныхъ предметовъ и услугъ, или въ „національномъ дивидендѣ".

Въ эту гипотезу Маршаллъ вводитъ затѣмъ рядъ новыхъ допущеній, все болѣе и болѣе приближающихъ ее къ условіямъ современной дѣйствительности. Предположеніе, что новое изобрѣтеніе удвоило бы производительность труда въ какой-либо отрасли промышленности, или что для каждой промышленности потребовалась бы спеціализація въ искусствѣ труда, не измѣнило бы дѣла по существу, и цѣнность каждой вещи близко соотвѣтствовала бы количеству затраченнаго на нее труда, т. е. заработокъ каждаго члена предполагаемаго общества регулировался бы просто щедростью природы и прогрессомъ производственной техники. Равнымъ образомъ принципъ, регулирующій заработокъ каждаго, остался бы прежнимъ и при постепенномъ возрастаніи населенія, превышающемъ прогрессъ техники, и создающемъ „тенденцію убывающаго плодородія". Цѣнность каждаго предмета опредѣлялась бы тогда трудомъ, требуемымъ для его производства „на границѣ обработки" (on the margin of cultivation). Иначе говоря, въ предполагаемомъ

обществѣ появились бы наряду съ трудовыми рентные доходы. Но самое вознагражденіе за трудъ оставалось бы по прежнему единообразнымъ. Съ дальнѣйшимъ предположеніемъ мы вступаемъ въ область, гдѣ царитъ неравенство въ вознагражденіи за трудъ. Допуская, что трудъ имѣетъ по качеству различныя ступени, что родители подготовляютъ своихъ дѣтей только къ труду своей ступени и что возрастаніе населенія въ каждой ступени регулируется неэкономическими причинами, Маршаллъ находитъ, что вознагражденіе за трудъ устанавливается различно для каждой ступени соотвѣтственно объему и настоятельности нуждъ и размѣрамъ средствъ тѣхъ лицъ, которыя предъявляютъ спросъ на продукты каждаго изъ этихъ видовъ труда [1]).

Этими соображеніями Маршаллъ ограничивается для подготовки изслѣдованія дѣйствительныхъ элементовъ спроса на трудъ, наблюдаемыхъ въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства, и въ дальнѣйшемъ изложеніи переходитъ прямо къ ихъ характеристикѣ. Въ мірѣ явленій, на который Маршаллъ теперь обращаетъ вниманіе читателя, онъ указываетъ особенно бросающуюся въ глаза фигуру, для которой не было мѣста въ предыдущей гипотезѣ,—„предпринимателя", „дѣлового человѣка", „организатора экономическихъ силъ народа". Дѣятельность предпринимателя, говоритъ Маршаллъ, сводится къ тому, что въ каждомъ случаѣ, поскольку допускаютъ его знанія и предпріимчивость, онъ старается выбрать такіе факторы производства, которые всего лучше отвѣчаютъ ихъ назначенію. „Сумма цѣнъ, которую они (предприниматели) уплачиваютъ за употребляемые факторы, оказывается по общему правилу меньшей, чѣмъ сумма цѣнъ, которую они заплатили бы за какую бы то ни было другую группу факторовъ, которая могла бы замѣщать первые; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимателямъ кажется, что это не такъ, они по общему правилу постараются поставить (to substitute) на мѣсто прежняго менѣе дорогой способъ [2]).

---

[1]) Principles of Economics, стр. 578—582.

[2]) Тамъ-же, стр. 583.

Предприниматель является, такимъ образомъ, въ глазахъ Маршалла живымъ орудіемъ примѣненія принципа субституціи, которому онъ придаетъ громадное значеніе при объясненіи явленій распредѣленія. „Правда, замѣчаетъ онъ, принципъ этотъ дѣйствуетъ не безъ помѣхъ. Онъ можетъ быть ограниченъ обычаемъ или закономъ, профессіональнымъ этикетомъ или требованіямя трэдъ-юніоновъ; онъ можетъ быть ослабленъ недостаткомъ предпріимчивости или можетъ быть смягченъ великодушнымъ нежеланіемъ разстаться съ старыми сотрудниками. Но онъ никогда не перестаетъ дѣйствовать и проникаетъ собою всѣ формы экономическихъ приспособленій въ современномъ мірѣ... По общему правилу многіе роды труда, сырого матеріала, машинъ и другихъ орудій, а также внутренней и внѣшней организаціи предпріятія входятъ въ производство товара, и выгоды экономической свободы никогда не обнаруживались такъ поразительно, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предприниматель, одаренный геніемъ, производитъ промышленные опыты, изслѣдуя, на свой собственный рискъ, является ли какой-либо новый способъ или новыя комбинаціи старыхъ способовъ болѣе производительными, чѣмъ прежніе“ [1]).

Но если въ отношеніяхъ между различными факторами, участвующими въ производствѣ, проявляется принципъ субституціи, то въ примѣненіи послѣдовательныхъ долей каждаго отдѣльнаго фактора обнаруживается дѣйствіе аналогичнаго принципа—предѣльнаго подбора силъ. Если примѣненіе новой, прибавочной доли труда обѣщаетъ предпринимателю извѣстную выгоду, то онъ присоединитъ ее къ имѣющемуся уже у него запасу трудовыхъ силъ до той поры, пока не будетъ достигнутъ предѣлъ безразличія. Эту мысль Маршаллъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ:

Предположимъ, что предприниматель сомнѣвается, достаточно ли у него рабочихъ, чтобы извлечь хорошій доходъ изъ имѣющихся у него запасовъ, машинъ и другихъ промышленныхъ приспособленій. Ему кажется, что, нанявъ еще

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 583 и 585.

одного рабочаго, онъ увеличилъ бы производство на сумму, большую, чѣмъ его заработная плата, не затрачивая никакого другого добавочнаго капитала. Напр., фермеръ-овцеводъ, обсуждая достаточность комплекта работающихъ у него пастуховъ, можетъ найти, что если бы онъ нанялъ добавочнаго работника, не производя никакихъ другихъ измѣненій въ предпріятіи и не входя ни въ какіе добавочные расходы на орудія, зданія и т. п., то настолько больше ягнятъ оставалось бы въ живыхъ и вообще за стадомъ былъ бы настолько лучшій уходъ, что онъ могъ бы надѣяться посылать на рынокъ ежегодно на двадцать овецъ больше. Новый работникъ не требовалъ бы добавочныхъ орудій, на которыя нужно было бы выплачивать процентъ, и можно предположить, что онъ сберегалъ бы самому фермеру совершенно столько же хлопотъ въ однихъ отношеніяхъ, сколько онъ доставлялъ бы въ другихъ, такъ что ничего не нужно было бы ассигновать на расходы управленія (даже если ихъ понимать такъ широко, что включать въ нихъ страхованіе риска и т. п.). Тогда чистый продуктъ труда этого пастуха составилъ бы двадцать овецъ; если фермеръ можетъ нанять его даже за немного меньшую плату, чѣмъ двадцать овецъ, онъ сдѣлаетъ это, въ противномъ случаѣ онъ его не найметъ. Пастухъ, который стоитъ на границѣ найма на работу, заключаетъ Маршаллъ, предѣльный пастухъ... прибавляетъ къ общей суммѣ производства сумму чистаго дохода, совершенно равную по цѣнности его заработной платѣ".

Этотъ выводъ можно, по мнѣнію Маршалла, въ существѣ распространить и на всѣ другія отрасли промышленности, устанавливая болѣе общее положеніе, что заработная плата каждаго разряда рабочихъ имѣетъ тенденцію уравняться съ количествомъ чистаго продукта, произведеннаго добавочнымъ трудомъ предѣльнаго работника даннаго разряда [1]).

---

[1]) Marshall, стр. 586—588. Аналогичный принципъ, по мнѣнію Маршалла, примѣняется предпринимателемъ и при употребленіи въ дѣло другихъ факторовъ производства, причемъ соотношеніе между самыми

Приведенныя соображенія Маршалла заставляютъ думать, что онъ скорѣе долженъ быть зачисленъ въ рядъ представителей одностороннихъ теорій заработной платы; но онъ самъ сейчасъ же спѣшитъ предупредить читателя, что отмѣченная причина не объясняетъ еще всего вопроса [1]) и переходитъ къ характеристикѣ условій предложенія труда.

Предложеніе труда регулируется, какъ и предложеніе всякаго другого фактора, во-первыхъ, существующимъ запасомъ его и, во-вторыхъ, желаніемъ (willingness) тѣхъ, кто обладаетъ имъ, приложить его къ производству [2]). Объ условіяхъ, опредѣляющихъ количество предлагаемаго труда, Маршаллъ здѣсь не говоритъ, подразумѣвая, что они достаточно

факторами, участвующими въ предпріятіи, устанавливается посредствомъ принципа субституціи, отмѣченнаго выше, т. е. выборомъ въ каждомъ данномъ случаѣ наиболѣе выгоднаго фактора. „Пренебрегая различіями въ разрядахъ рабочихъ и разсматривая весь трудъ какъ однородный, или по крайней мѣрѣ какъ выраженный въ единицахъ извѣстнаго рода труда нормальной производительности, мы можемъ поискать предѣла безразличія въ непосредственномъ приложеніи труда или матеріальнаго капитала; и мы можемъ вкратцѣ сказать, цитируя слова Тюнена, что „производительность капитала должна быть мѣрой его дохода (earnings), потому что если бы трудъ капитала былъ дешевле труда людей, то предприниматель разсчиталъ бы нѣсколькихъ изъ своихъ рабочихъ, въ противномъ же случаѣ онъ увеличилъ бы ихъ число". Marshall, стр. 592—593.

[1]) „Эта доктрина иногда выдвигалась въ качествѣ теоріи заработной платы. Въ отвѣтъ на такія претензіи можно возразить, что ученіе о тенденціи заработка рабочаго уравняться съ чистымъ продуктомъ его труда само по себѣ не имѣетъ реальнаго значенія, такъ какъ для опредѣленія чистаго продукта должно считать данными всѣ издержки производства продукта, изготовляемаго рабочими, за исключеніемъ его заработной платы. Но, хотя это возраженіе имѣетъ силу противъ притязанія указанной доктрины на значеніе (полной) теоріи заработной платы, оно не можетъ быть примѣнено противъ заявленія, что она бросаетъ яркій свѣтъ на дѣйствіе одной изъ причинъ, регулирующихъ заработную плату". Marshall, указ. соч., стр. 588—589. Поэтому отмѣченное выше недоразумѣніе, въ какое впалъ Бёмъ-Баверкъ при характеристикѣ взгляда Маршалла на причины заработной платы, можно объяснить только недостаточно внимательнымъ отношеніемъ его къ книгѣ Маршалла.

[2]) Marshall, указ. соч., стр. 597.

выяснены раньше, въ главѣ о возрастаніи населенія, его силѣ и здоровьѣ и подготовкѣ къ промышленнымъ занятіямъ. Обращаясь къ этимъ главамъ, находимъ, что Маршаллъ принимаетъ доктрину Мальтуса въ той ея части, которая касается размноженія населенія, т. е. что „возрастаніе численности населенія было бы быстрымъ и непрерывнымъ, если бы оно не встрѣчало препятствій или въ скудости средствъ существованія, или въ какой-либо другой причинѣ, какъ, напр., болѣзни, войнѣ, дѣтоубійствѣ, или, наконецъ, въ добровольномъ воздержаніи". При этомъ наиболѣе благопріятнымъ условіемъ для размноженія Маршаллъ считаетъ жизнь въ земледѣльческихъ округахъ въ новыхъ странахъ. Но такъ какъ онъ не принимаетъ другой стороны теоріи Мальтуса—слабости возрастанія матеріальныхъ средствъ въ странѣ (т. е. спроса на трудъ), то вліянію размноженія населенія на заработную плату, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени, онъ не придаетъ большого значенія. Для Англіи онъ отмѣчаетъ происшедшую замѣну вліянія на брачность хлѣбныхъ цѣнъ вліяніемъ періодовъ оживленія и кризиса (или застоя) въ промышленности и быстрый ростъ standard of life англійскаго работника подъ дѣйствіемъ удешевленія цѣнъ на товары [1]). Что касается здоровья и физическихъ силъ населенія, то Маршаллъ находитъ, что „прогрессъ знанія, и въ частности медицины, постоянно растущая дѣятельность и мудрость правительства во всѣхъ вопросахъ, касающихся здоровья, и возрастаніе матеріальнаго богатства имѣютъ тенденцію уменьшить смертность, увеличить здоровье и силу и удлиннить жизнь. Съ другой стороны жизненность (населенія) понижается, а смертность повышается въ силу быстраго возрастанія городской жизни и стремленія высшихъ слоевъ населенія вступать въ бракъ позже и имѣть меньше дѣтей, чѣмъ у низшихъ слоевъ... Обѣ группы (причинъ) почти совершенно уравновѣшиваютъ одна другую, причемъ первая слегка преобладаетъ. Въ то время какъ населеніе Англіи возрастаетъ

---

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 255—268.

почти съ такою же быстротою, какъ раньше, тѣ изъ ея жителей, которые лишены физическаго или умственнаго здоровья, конечно, составляютъ не увеличивающуюся часть цѣлаго; а остальные гораздо лучше питаются и одѣваются и за немногими исключеніями оказываются сильнѣе, чѣмъ были" [1]). Наконецъ, обращаясь къ вопросу о подготовкѣ къ промышленнымъ занятіямъ, Маршаллъ отмѣчаетъ вліяніе семейной обстановки, школьнаго (общаго и техническаго) образованія и дѣятельности государства. Отношеніемъ къ дѣлу государства и родителей (въ особенности послѣднихъ) опредѣляется и степень возможности перехода рабочихъ изъ одного занятія въ другое. „Родители обыкновенно подготовляютъ своихъ дѣтей къ занятіямъ того же разряда, къ какому они сами принадлежатъ, и поэтому общая сумма предложенія труда въ какомъ-либо разрядѣ въ одномъ поколѣніи въ большой мѣрѣ опредѣляется количествомъ работы этого разряда предыдущаго поколѣнія. Однако, въ предѣлахъ самого разряда существуетъ большая подвижность. Если выгоды какого-либо занятія поднимаются въ немъ выше средняго уровня, то въ него быстро притекаютъ молодые люди изъ другихъ занятій даннаго разряда. Вертикальное же передвиженіе изъ одного разряда въ другой рѣдко бываетъ очень быстрымъ или очень обширнымъ; но когда выгоды какого-либо разряда поднимаются сравнительно съ трудностью работы, требуемой въ немъ, то многіе небольшіе потоки рабочихъ какъ молодыхъ, такъ и взрослыхъ начнутъ устремляться въ него; и хотя ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть очень обширнымъ, тѣмъ не менѣе всѣ они, взятые вмѣстѣ, будутъ имѣть достаточный объемъ для скораго удовлетворенія повышеннаго спроса на трудъ въ этомъ разрядѣ" [2]).

Высказавъ эти соображенія, Маршаллъ находитъ возможнымъ ограничиться ими и отказывается въ разсматриваемомъ трудѣ отъ „полнаго обсужденія препятствій, полагаемыхъ свободному передвиженію рабочихъ условіями мѣста

---

[1]) Тамъ же, стр. 282—286.

[2]) Marshall, указ. соч., стр. 297.

и времени, а также тѣхъ стимуловъ, какіе сообщаются этими условіями, побуждая рабочаго мѣнять его занятіе или подготовлять его сына къ занятію, отличному отъ его собственнаго". Однако, уже и приведенныя соображенія представляются, по его мнѣнію, достаточными для заключенія, что „при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаніе заработка, который должны получить рабочіе, увеличиваетъ степень прироста ихъ (rate of growth); или, иными словами, подъемъ цѣны спроса увеличиваетъ предложеніе труда. Если дано состояніе знанія и моральныхъ, соціальныхъ и домашнихъ обычаевъ, то можно сказать, что сила народа въ его цѣломъ, если не его численность, и сила и численность рабочихъ въ какой-либо спеціальной отрасли промышленности — имѣютъ цѣну предложенія (supply price) въ томъ смыслѣ, что существуетъ извѣстный уровень цѣны спроса, который будетъ поддерживать ихъ въ стаціонарномъ состояніи; что высшая цѣна вызоветъ увеличеніе ихъ, а низшая — уменьшеніе. Такимъ образомъ, экономическія причины играютъ свою роль въ регулированіи возрастанія населенія въ цѣломъ такъ же, какъ и предложенія труда въ какой-либо спеціальной отрасли промышленности. Но ихъ вліяніе на численность всего населенія въ значительной мѣрѣ косвенное; оно проявляется чрезъ посредство моральныхъ, соціальныхъ и домашнихъ обычаевъ. Ибо сами эти обычаи находятся подъ глубокимъ, хотя и медленно дѣйствующимъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, вліяній, обнаруживающихся такими путями, которые трудно констатировать и невозможно предсказать" [1]).

---

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 297—298. Изъ попытокъ намѣтить въ крупныхъ чертахъ существующіе разряды труда, передвиженіе между которыми встрѣчаетъ крупныя препятствія, Маршаллъ считаетъ наиболѣе удачной схему Гиддингса, различающаго въ общей массѣ труда: 1) автоматическій ручной трудъ (куда входятъ чернорабочіе и работающіе при машинахъ); 2) отвѣтственный ручной трудъ (лица, которымъ поручаются отвѣтственныя функціи и самостоятельный трудъ — labour of self-direction); 3) автоматическіе умственные работники (конторщики — book-keepers), и 4) отвѣтственные умственные работники (управляющіе и

Второе условіе, опредѣляющее предложеніе труда, это — желаніе работника принять открывающееся ему занятіе. Для выясненія его Маршаллъ прежде всего отмѣчаетъ психологическое вліяніе труда на человѣка, именно степень его удовлетворенія самымъ процессомъ работы, или наоборотъ — чувства отвращенія къ нему. Для болѣе отчетливаго пониманія доводовъ Маршалла намъ опять необходимо оставить на время разсматриваемую главу и обратиться къ четвертой книгѣ его труда.

Трудъ, указываетъ здѣсь Маршаллъ, слѣдуя извѣстной намъ характеристикѣ Джевонса, имѣетъ цѣлый рядъ „неудобствъ" (discommodities), проистекающихъ или отъ физическаго или умственнаго утомленія, или отъ нездоровой обстановки его, или отъ участія въ работѣ непріятныхъ товарищей, или отъ того, что онъ занимаетъ собою время, нужное для развлеченія или для преслѣдованія соціальныхъ или умственныхъ цѣлей. Но какова бы ни была форма неудобства, его интенсивность почти всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ тяжестью и продолжительностью труда. Правда, люди употребляютъ много усилій (напр., при спортѣ, въ занятіяхъ литературой и искусствомъ) ради нихъ самихъ; но главнымъ мотивомъ труда въ его экономическомъ значеніи является даваемое за него денежное вознагражденіе. Если часто и оплачиваемая работа даетъ сама по себѣ удовлетвореніе, то тѣмъ не менѣе обыкновенно работникъ начинаетъ чувствовать утомленіе отъ нея ранѣе ея прекращенія. Въ большинствѣ же занятій обыкновенно и та часть работы, которая доставляетъ работнику больше удовольствія, чѣмъ непріятности (pain), оцѣнивается такъ же, какъ и остальная часть. Поэтому „цѣна всей работы регулируется пожертвованіемъ, требуемымъ отъ рабочаго для той части труда,

—

директора). Легко видѣть, что и эта схема, слишкомъ упрощая дѣло, не можетъ быть признана удовлетворительной, въ особенности при обсужденіи вопроса о заработной платѣ, гдѣ наблюдаются крупныя и весьма характерныя отличія между группами рабочихъ и въ предѣлахъ указанныхъ разрядовъ.

которую онъ даетъ всего менѣе охотно, находясь на границѣ отказа отъ работы". Для этого качества наименѣе желательной для работника части его работы Маршаллъ предлагаетъ техническій терминъ — предѣльная непріятность (marginal disutility) труда. Отношеніе работника къ выполняемому имъ труду Маршаллъ характеризуетъ, почти буквально воспроизводя слова Джевонса: передъ приступомъ къ работѣ часто необходимо преодолѣть нѣкоторое отвращеніе. Довольно непріятное усиліе приходится дѣлать при началѣ работы, затѣмъ это чувство непріятности труда постепенно понижается до нуля и смѣняется удовольствіемъ, увеличивающимся въ теченіе нѣкотораго времени, пока оно не достигнетъ нѣкотораго—низкаго—максимума, послѣ чего уменьшится до нуля и затѣмъ смѣнится возрастающимъ утомленіемъ и желаніемъ отдыха и перемѣны. Поэтому, несмотря на нѣкоторое удовольствіе, получаемое работникомъ отъ его труда, въ общемъ представляется вѣрнымъ положеніе, что усилія, которыя извѣстная группа рабочихъ пожелаетъ сдѣлать, поднимаются или падаютъ вмѣстѣ съ повышеніемъ или паденіемъ предлагаемаго имъ вознагражденія [1]).

Къ этимъ соображеніямъ Маршаллъ возвращается и въ отдѣлѣ о распредѣленіи, отъ котораго мы не будемъ уже уклоняться въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія разсматриваемаго автора. „Правильно или нѣтъ, говоритъ онъ, но большинство людей вѣрятъ, что большая часть работы, выполняемой ими ради заработка, не даетъ имъ избытка удовольствія (yields them no surplus of pleasure), но напротивъ, стоитъ имъ чего-нибудь. Они рады, когда наступаетъ часъ остановки работы; быть можетъ, они забываютъ, что ранніе часы ихъ труда стоили имъ меньше послѣднихъ, и скорѣе склоняются къ мысли, что девятичасовая работа стоитъ имъ столько, сколько работа послѣдняго часа, увеличенная въ девять разъ, и рѣдко случается имъ думать, что они пожинаютъ

---

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 215—217.

избытокъ или ренту производителя (a producer's surplus or rent), получая плату за каждый часъ по нормѣ, достаточной для того, чтобы вознаградить ихъ за послѣдній, наиболѣе тягостный часъ. Чѣмъ больше человѣкъ работаетъ, или даже находится при исполненіи своихъ обязанностей, тѣмъ бо́льшимъ оказывается у него желаніе отдыха, если только онъ не впалъ въ оцѣпѣненіе отъ своей работы; а въ то же время добавочный трудъ каждаго часа даетъ ему больше вознагражденія и приводитъ его ближе къ предѣлу. при которомъ оказываются удовлетворенными его наиболѣе насущныя нужды; и чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ скорѣе достигается этотъ предѣлъ. Затѣмъ уже зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей рабочаго, возникнутъ ли у него вмѣстѣ съ растущей платой новыя потребности и новыя желанія доставить средства къ жизни для другихъ или для себя въ послѣдующемъ времени; или онъ скоро удовлетворится тѣми удовольствіями, которыя могутъ быть добыты только работой, и будетъ стремиться доставить себѣ больше отдыха и больше такихъ дѣятельностей, которыя пріятны сами по себѣ. Для этого нельзя установить всеобщаго правила; но опытъ, повидимому, показываетъ, что болѣе невѣжественныя и флегматическія расы и индивидуумы, въ особенности если они живутъ въ южномъ климатѣ, будутъ оставаться на работѣ болѣе короткое время и будутъ дѣлать при ней меньше усилій, если размѣръ заработной платы поднимется настолько, что будетъ давать имъ обычное удовлетвореніе (enjoyments) за меньшую, чѣмъ прежде, работу. Но тѣ, умственный горизонтъ которыхъ шире, и которые имѣютъ больше твердости и эластичности въ характерѣ, будутъ работать тѣмъ тяжелѣе и дольше, чѣмъ больше будетъ размѣръ вознагражденія, предлагаемый имъ, если только они не предпочтутъ обратить свою энергію на болѣе высокія цѣли, чѣмъ работа ради матеріальной выгоды... Поэтому въ цѣломъ мы можемъ сдѣлать заключеніе, что по общему правилу увеличеніе вознагражденія создаетъ непосредственное возрастаніе предложенія дѣйствительной рабо-

ты, и что исключенія изъ этого правила, хотя и значительны (significant), однако, рѣдко имѣютъ обширные размѣры" [1]).

Эти соображенія естественно приводятъ Маршалла къ постановкѣ прямого вопроса о вліяніи уровня жизни на приспособленіе предложенія труда къ спросу. Прежніе французскіе и англійскіе экономисты, выдвигая теорію средствъ существованія, поступали такъ, по мнѣнію Маршалла, отчасти ради простоты, отчасти потому, что рабочіе классы были тогда бѣдны въ Англіи и очень бѣдны во Франціи; и даже теперь по отношенію къ менѣе передовымъ странамъ слѣдуетъ дать почти такой же отвѣтъ на вопросъ о заработной платѣ. „Въ бо̀льшей части міра заработная плата регугулируется приблизительно согласно съ такъ называемымъ желѣзнымъ закономъ, который тѣсно связываетъ ее съ издержками воспитанія и содержанія довольно непроизводительнаго класса рабочихъ". Въ „современномъ западномъ мірѣ" дѣло стоитъ иначе, хотя и относительно него необходимо признать, что заработки, получаемые рабочими, оказываются „немного выше той низшей суммы, которая необходима для покрытія расходовъ на воспитаніе и подготовку трудоспособныхъ (efficient) рабочихъ и на поддержаніе и проявленіе ихъ полной энергіи" [2]). Въ качествѣ общаго заключенія Маршаллъ выдвигаетъ и здѣсь установленное уже имъ выше положеніе, что высота заработной платы оказываетъ несомнѣнное вліяніе на размѣры предложенія труда [3]).

Такимъ образомъ, въ современной хозяйственной жизни заработная плата опредѣляется, по мнѣнію Маршалла, подъ дѣйствіемъ трехъ элементовъ: на сторонѣ спроса—предѣльной производительности работника и на сторонѣ предложенія—количества рабочихъ и желанія ихъ взяться за работу [4]).

---

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 598—600.

[2]) Principles of Economics, стр. 601—603.

[3]) Тамъ же, стр. 603—604. Ср. также стр. 656—661.

[4]) Американскій экономистъ Карверъ, основываясь на ученіи Маршалла, нашелъ возможнымъ дать еще болѣе закругленную формулировку закону заработной платы. Такъ какъ предложеніе труда опредѣляется, по его мнѣнію, въ зависимости отъ предѣльныхъ издержекъ на подго-

Этотъ выводъ въ дальнѣйшемъ изложеніи Маршаллъ дополняетъ рядомъ замѣчаній и разъясненій, обнаруживающихъ въ немъ и на этотъ разъ внимательнаго и осторожнаго изслѣдователя, желающаго связать свою общую теорію съ дѣйствительными условіями заключенія договора о заработной платѣ, расположенными въ предѣлахъ его поля зрѣнія. Такъ, онъ оговаривается, что изъ его ученія было бы неправильно заключать о существованіи въ современной экономической жизни какой-либо общей нормы заработной платы [1]), или что при изслѣдованіи проблемы распредѣленія необходимо принимать гипотезу совершенной конкуренціи [2]). Интересны также его указанія относительно особенностей рабочаго договора. Онъ отмѣчаетъ здѣсь, между прочимъ, что частная предпріимчивость, способствующая усовершенствованіямъ въ производствѣ товаровъ, оказывается безсильною въ подготовкѣ работниковъ, благодаря скудости средствъ и ограниченности кругозора ихъ родителей [3]). Въ отличіе

товку къ труду или предѣльнаго пожертвованія, сопряженнаго съ трудомъ (степени отвращенія къ работѣ), то законъ заработной платы можетъ быть выраженъ такъ: цѣна единицы труда равняется предѣльной производительности единицъ труда, съ одной стороны, и предѣльной стоимости ихъ съ другой (the price of a labour unit will equal the marginal productivity of labor units, on the one hand, and the marginal cost, on the other). За единицу труда Карверъ принимаетъ часовой трудъ одного рабочаго при данной нормѣ затраты энергіи. Carver. The Theory of Wages, adjusted to the Recent Theories of Value. Quarterly Journal of Economics, vol. VIII, стр. 390 и слѣд.

[1]) Principles of economics, стр. 604.

[2]) „Процессъ субституціи... есть одна изъ формъ конкуренціи; и представляется умѣстнымъ опять подчеркнуть, что мы не предполагаемъ совершенной конкуренціи. Совершенная конкуренція требуетъ совершеннаго знанія состоянія рынка; и если нѣтъ большого уклоненія отъ фактовъ дѣйствительной жизни въ допущеніи такого знанія у торговцевъ, когда мы разсматриваемъ ходъ операцій Ломбардъ-Стрита, фондовой биржи или рынка оптовыхъ продажъ,—то такое допущеніе было бы совершенно неосновательнымъ при изслѣдованіи причинъ, управляющихъ предложеніемъ труда въ какомъ-либо изъ низшихъ разрядовъ промышленности". Principles, стр. 612.

[3]) Principles of Economics, стр. 643—650.

отъ Брентано, характеризуя неблагопріятныя условія заключенія рабочаго договора, онъ настаиваетъ не на особенностяхъ товара труда, а рабочаго, какъ продавца. Такія же невыгодныя личныя особенности встрѣчаются иногда, указываетъ онъ, и у продавцовъ настоящихъ товаровъ, напр., у женщинъ и дѣтей, продающихъ кружева ручной работы, столяровъ Восточнаго Лондона, продающихъ мебель крупнымъ торговцамъ и т. п. [1]). Къ невыгодамъ въ положеніи рабочаго Маршаллъ относитъ и продолжительность подготовки къ занятію. Пока подростающее поколѣніе рабочихъ подготовится къ избранному занятію, промышленность можетъ радикально измѣниться, и, слѣдовательно, всѣ усилія и затраты пропадутъ даромъ. Впрочемъ, это неудобство смягчается господствующей тенденціей современнаго техническаго прогресса, требующаго все болѣе общихъ трудовыхъ способностей и потому облегчающаго переходъ изъ одного занятія въ другое [2]). Наконецъ, въ заключительныхъ замѣчаніяхъ Маршаллъ удѣляетъ мѣсто и вопросу о динамикѣ заработной платы, къ которому вообще онъ относится съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ изученію статическаго ея состоянія. Процессъ историческихъ измѣненій какъ общей суммы дохода общества, такъ и его распредѣленія между различными общественными классами Маршаллъ связываетъ съ измѣненіями въ дѣйствіи трехъ основныхъ условій: укрѣпленія и расширенія рыночныхъ связей, естественныхъ рессурсовъ страны и умѣнія извле-

---

[1]) Положеніе изолированнаго рабочаго, справедливо замѣчаетъ Маршаллъ, никакъ нельзя сравнивать съ положеніемъ отдѣльнаго хозяина. Вѣдь „человѣкъ, дающій занятіе тысячѣ другихъ людей, самъ является коалиціей, совершенно равной тысячѣ отдѣльныхъ покупателей на трудовомъ рынкѣ". Исключеніемъ изъ этого правила Маршаллъ считаетъ положеніе лицъ свободныхъ профессій, а также спеціально подготовленной прислуги, нанимающейся въ богатыхъ домахъ; обыкновенная же прислуга у лицъ съ ограниченными средствами, по его мнѣнію, не можетъ отстоять себѣ хорошихъ условій и работаетъ очень тяжело за весьма низкую плату.

[2]) Principles of Economics, стр. 654--657.

кать изъ нихъ выгоды, основывающагося на успѣхахъ знанія и соціальной и промышленной организаціи. Въ частности, вліяніе новѣйшаго культурнаго прогресса на заработную плату выразилось, по мнѣнію Маршалла, въ перераспредѣленіи—по степени заработка—нѣкоторыхъ группъ рабочихъ. Такъ напр., развитіе образованности, увеличивая въ странѣ количество лучше подготовленныхъ рабочихъ, способствовало увеличенію „національнаго дивиденда", но въ то же время, лишая нѣкоторыя высшія трудовыя качества ихъ монопольнаго характера, понизило вознагражденіе за нихъ, такъ что занятія, которыя недавно считались еще „искусными", теперь вознаграждаются не лучше, чѣмъ простой трудъ (напр., переписка). Зато, съ другой стороны, нѣкоторыя грубыя занятія (напр., въ металлургической промышленности) вознаграждаются теперь лучше, чѣмъ прежде, потому что „духъ времени" побуждаетъ рабочихъ, которые могутъ выполнять также и работы высшаго разряда, отказываться отъ предлагаемой имъ грубой и тяжелой работы, если за нее не будетъ дано очень высокое вознагражденіе. Равнымъ образомъ, развитіе новѣйшей промышленности привело къ тому, что плата пожилыхъ рабочихъ теперь часто бываетъ ниже платы молодыхъ. „Условія промышленности измѣняются такъ быстро, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ долгій опытъ является почти невыгоднымъ обстоятельствомъ, и во многихъ онъ имѣетъ гораздо меньшую цѣнность по сравненію съ быстротой воспріятія новыхъ идей и приспособленія къ новымъ условіямъ". Аналогичная тенденція сказывается и въ подъемѣ заработной платы дѣтей по сравненію съ заработной платой ихъ родителей, и женщинъ—по сравненію съ мужчинами [1]).

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 755—772. „Послѣднее обстоятельство, прибавляетъ Маршаллъ, можно считать весьма благопріятнымъ, поскольку имъ создается возможность развитія способностей женщинъ; но также и вреднымъ, поскольку оно побуждаетъ ихъ пренебрегать ихъ обязанностью создать настоящій домашній уютъ (a true home) и влагать ихъ усилія въ личный капиталъ характера и способности ихъ дѣтей".

Въ общемъ, однако, Маршаллъ признаетъ, что повышеніе культурнаго уровня современныхъ капиталистическихъ націй пошло на пользу въ особенности болѣе необезпеченнымъ классамъ. „Распространеніе знаній, улучшеніе воспитанія, укрѣпленіе благоразумныхъ привычекъ среди народныхъ массъ и удобства, представляемыя новыми способами производства для надежнаго помѣщенія мелкихъ капиталовъ.., приводятъ къ тому, что доходы среднихъ классовъ растутъ быстрѣе доходовъ богатыхъ; заработки искусныхъ рабочихъ увеличиваются быстрѣе заработковъ лицъ либеральныхъ профессій, а заработная плата здоровыхъ и сильныхъ необученныхъ рабочихъ растетъ даже быстрѣе, чѣмъ заработная плата средняго искуснаго рабочаго [1]). Этотъ выводъ не ослабляется, по мнѣнію Маршалла, и общеизвѣстнымъ фактомъ, что выгоды повышенія заработной платы парализуются случаями безработицы. Зло это, замѣчаетъ онъ, обыкновенно преувеличивается [2]). Въ дѣйствительности пропорція болѣе постоянныхъ рабочихъ, напр. такихъ, которые фактически нанимаются на годъ, возрастаетъ. Это наблюдается, какъ общее правило, во многихъ занятіяхъ, связанныхъ съ транспортомъ, которыя растутъ всего быстрѣе и являются наиболѣе характерными формами промышленности

---

[1]) Marshall, указ. соч., стр. 773—774.

[2]) Когда большая фабрика работаетъ половинное время, говоритъ Маршаллъ, слухи распространяютъ объ этомъ молву по всей окрестности, а газеты, быть можетъ, по всей странѣ. Но немногіе узнаютъ о томъ, что какой-нибудь независимый работчикъ или даже мелкій предприниматель находитъ работу только на нѣсколько дней въ теченіе мѣсяца, и въ силу этого, каковы бы ни были пріостановки въ промышленности въ новѣйшее время, они кажутся болѣе значительными по сравненію съ аналогичными явленіями въ прошломъ. Въ прежнее время нѣкоторые рабочіе нанимались на годъ; но они не были свободны и удерживались на работѣ подъ страхомъ наказанія. Нѣтъ достаточнаго основанія думать, что средневѣковый ремесленникъ имѣлъ постоянное занятіе. И въ современной Европѣ наиболѣе непостоянныя занятія можно найти въ тѣхъ неземледѣльческихъ промыслахъ Запада, которые имѣютъ почти совершенно средневѣковые пріемы, и въ тѣхъ занятіяхъ Восточной и Южной Европы, въ которыхъ всего сильнѣе средневѣковыя традиціи.

второй половины 19 столѣтія, подобно тому какъ фабричная промышленность была для первой. Вообще, думаетъ Маршаллъ, въ цѣломъ въ современной промышленности непостоянство занятій не увеличилось. Но зато положеніе нѣкоторыхъ группъ рабочаго населенія и онъ не можетъ не признать весьма печальнымъ [3]).

Въ связи съ общей характеристикой динамическихъ процессовъ распредѣленія Маршаллъ останавливается и на вопросѣ о вліяніи на размѣры заработной платы измѣненій въ уровнѣ жизни и сокращенія рабочаго времени.

Подъемъ уровня жизни (standard of life), который Маршаллъ здѣсь рекомендуетъ уже строго отличать отъ сходнаго понятія уровня комфорта (standard ot comfort), означающаго просто увеличеніе искусственныхъ потребностей, среди которыхъ могутъ преобладать болѣе грубыя, — предполагаетъ повышеніе умственнаго развитія, энергіи и самоуваженія, и приводитъ къ бо́льшей осторожности и обдуманности въ расходахъ, побуждаетъ отказываться отъ такой пищи и питья, которыя не прибавляютъ силы, и отъ образа жизни, нездороваго въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Поэтому подъемъ уровня жизни всего населенія долженъ значительно увеличить національный дивидендъ и долю его, достающуюся каждому разряду рабочихъ и каждой отрасли промышленности. Но было бы ошибкой считать, что одно повышеніе потребностей само по себѣ имѣетъ тенденціей подъемъ заработной платы. Вліяніе его можетъ проявляться только косвеннымъ образомъ и по преимуществу черезъ посредство указанныхъ выше условій, потому что единствен-

[3]) „Все еще остается большой и благодаря улучшеннымъ санитарнымъ условіямъ, быть можетъ, растущій осадокъ (residuum) изъ лицъ, физически неспособныхъ выполнять хорошую дневную работу съ тѣмъ, чтобы заработать за нее хорошую дневную плату; нѣкоторые изъ рабочихъ, называемыхъ искусными (artisans), вмѣстѣ съ многими неискусными рабочими работаютъ тяжело и много часовъ въ день, доставляя другимъ лицамъ средства утонченности и роскоши, но не получая за это ни для самихъ себя, ни для своихъ дѣтей средствъ къ жизни, достойной человѣка". Marshall, указ. соч.. стр. 775—776.

ное средство, еще имѣющееся въ запасѣ,—сокращеніе предложенія труда—не имѣетъ, вопреки мнѣнію крайнихъ сторонниковъ Мальтусовой доктрины, сколько-нибудь крупнаго значенія [1]).

Съ той же точки зрѣнія необходимо разсматривать, по мнѣнію Маршалла, и вліяніе сокращенія часовъ труда. Если свободное время поднимаетъ уровень жизни рабочихъ, то вліяніе его и на заработную плату скажется въ благопріятномъ смыслѣ, въ особенности для низшаго разряда „честныхъ рабочихъ". Сокращеніе ихъ рабочаго времени, способствующее возстановленію ихъ силъ, истощенныхъ чрезмѣрно продолжительной работой, было бы даже съ точки зрѣнія матеріальной выгоды настолько же раціональнымъ, какъ отправка заболѣвшаго больного въ больницу, такъ какъ производительность ихъ труда поднялась бы. Но было бы неправильно думать, что всякое сокращеніе часовъ труда давало бы такіе же результаты. Во многихъ отрасляхъ промышленности оно повлекло бы за собой и уменьшеніе выработки, а слѣдовательно уменьшило бы и національный дивидендъ, и заработную плату тѣхъ рабочихъ, часы труда которыхъ были бы сокращены. Во-первыхъ, спросъ на работу исходитъ изъ національнаго дивиденда, т. е. отъ самой работы: чѣмъ меньше работы одного рода, тѣмъ меньше спросъ на работу другого рода, и если бы былъ недостатокъ въ трудѣ, то открывалось бы только меньше предпріятій. Съ другой стороны, постоянство занятія зависитъ отъ организаціи промышленности и торговли и отъ успѣха, съ какимъ лица, организующія предложеніе, могутъ предсказать будущія измѣненія въ спросѣ и цѣнѣ и приспособлять къ нимъ свою дѣятельность. Но это было бы сдѣлано не лучше при короткомъ рабочемъ днѣ, чѣмъ при длинномъ, и даже установленіе короткаго дня безъ двухъ смѣнъ мѣшало бы употребленію тѣхъ дорогихъ машинъ, наличность которыхъ создаетъ у предпринимателей нежеланіе закрывать ихъ предпріятія, а потому оно, вѣроят-

[1]) Principles of Economics, стр. 777—779.

но, имѣло бы тенденціей не уменьшеніе, а увеличеніе непостоянства занятія.

Вторая ошибка связана съ первой. Она заключается въ допущеніи, что всѣ отрасли промышленности выиграли бы при общемъ примѣненіи пріемовъ, которые дали возможность одному промыслу при извѣстныхъ условіяхъ выиграть на счетъ другихъ. Несомнѣнно вѣрно, что штукатуры или сапожники, если бы они могли исключить внѣшнюю конкуренцію, имѣли бы большіе шансы поднять свою заработную плату простымъ уменьшеніемъ количества работы, выполняемаго каждымъ изъ нихъ. Но эти выгоды могутъ быть получены только на счетъ крупныхъ потерь другихъ пайщиковъ въ національномъ дивидендѣ. Нѣкоторые изъ этихъ пайщиковъ не принадлежатъ къ рабочему классу; часть потерь упала бы на предпринимателей и капиталистовъ строительнаго и сапожнаго дѣла, а часть—на богатыхъ потребителей домовъ или башмаковъ. Но часть пришлась бы и на рабочіе классы, какъ потребителей домовъ или башмаковъ, а доля потерь, проистекающихъ отъ выигрыша штукатуровъ, упала бы на каменьщиковъ, плотниковъ и т. д. и въ небольшомъ объемѣ также на дѣлателей кирпичей, моряковъ, занятыхъ въ перевозкѣ дерева для постройки, и другихъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, если бы всѣ рабочіе сократили свою выработку, то національный дивидендъ сильно уменьшился бы. Капиталисты и предприниматели несли бы большую долю этого бремени, но навѣрное не все. Ибо, не говоря уже о томъ, что они могли бы эмигрировать или помѣстить свой свободный капаталъ заграницу, большое и общее уменьшеніе вознагражденія за руководство предпріятіемъ и процента на капиталъ привело бы, съ одной стороны, къ замѣщенію высшихъ разрядовъ труда низшими, и, быть можетъ, къ нѣкоторому упадку энергіи и настойчивости руководящихъ умовъ промышленности, а съ другой стороны, препятствовало бы накопленію капиталовъ. И поскольку оно создавало бы этотъ послѣдній результатъ, оно уменьшало бы то изобиліе капитала по сравненію съ трудомъ,

которое одно только давало бы возможность труду переложить на капиталъ часть своей доли въ потерѣ, понесенной національнымъ дивидендомъ.

На основаніи этихъ соображеній Маршаллъ предупреждаетъ противъ поспѣшныхъ выводовъ изъ фактовъ, повидимому, подтверждающихъ положеніе, что сокращеніе часовъ труда всегда должно поднимать заработную плату. Иногда наступленія такого результата можно было бы ожидать и безъ предварительнаго сокращенія часовъ труда, въ силу какихъ-либо особо благопріятныхъ для рабочихъ условій [1]). Поэтому по данному вопросу Маршаллъ рѣшается установить только выводъ, что „общее уменьшеніе часовъ труда, вѣроятно, должно создавать небольшой матеріальный убытокъ и значительное моральное благо“ [2]). Впрочемъ, и моральныя выгоды сокращенія часовъ труда онъ принимаетъ не безъ серьезныхъ оговорокъ; онѣ должны наступить, по его мнѣнію, лишь при разумномъ пользованіи свободнымъ временемъ и разумномъ потребленіи рабочими классами ихъ дохода. Тогда рабочіе получатъ возможность стать истинными гражданами родной страны [3]).

---

[1]) „Изолировать вліяніе уменьшенія часовъ труда, замѣчаетъ Маршаллъ, можетъ быть настолько же трудно, какъ вліяніе на волны бушующаго моря брошеннаго въ нихъ камня“. Напр. повышеніе заработной платы въ Австраліи послѣ установленія восьмичасового рабочаго дня слѣдуетъ отнести, по его мнѣнію, на счетъ цѣлаго ряда разнообразныхъ причинъ, причемъ внимательное изслѣдованіе показываетъ, что повышеніе реальной платы было уже не такъ велико, какъ кажется на первый взглядъ. Кромѣ того, Маршаллъ ставитъ вопросъ, „не были ли недавнія коммерческія потрясенія въ Австраліи созданы слишкомъ оптимистической оцѣнкой экономической производительности короткихъ часовъ труда“. Marshall, указ. соч., стр. 781—786.

[2]) Marshall, указ. соч., стр. 786.

[3]) „Быть можетъ, ежегодно расходуется около 100 милліоновъ фунт. ст. рабочими классами и 400,000,000 ф. стерл. остальнымъ населеніемъ Англіи на такіе предметы, которые мало или совсѣмъ ничего не прибавляютъ къ тому, чтобы сдѣлать жизнь благороднѣе или дѣйствительно счастливѣе. Конечно, было бы хорошо, чтобы всѣ работали меньше, если бы можно было гарантировать, что освободившееся время будетъ проведено хорошо, а проистекающій отъ этого матеріальный убы-

Такова теорія заработной платы, предложенная Маршалломъ въ наиболѣе зрѣломъ его произведеніи. Она представляется типичнымъ выраженіемъ того, что даетъ и что

токъ зачтется отказомъ отъ ненужнаго потребленія. Но такой результатъ достигается не легко. Въ каждое время въ каждой націи и въ каждомъ слоѣ общества больше людей, умѣющихъ хорошо работать, чѣмъ людей, умѣющихъ хорошо пользоваться свободнымъ временемъ. Но, съ другой стороны, люди могутъ научиться хорошо пользоваться свободнымъ временемъ только тогда, когда имъ будетъ предоставлено пользоваться имъ какъ угодно, и справедливо, что никакой классъ рабочихъ, если онъ лишенъ свободнаго времени, не можетъ имѣть большого чувства собственнаго достоинства и стать полноправными гражданами"... Однако, Маршаллъ считаетъ короткій—восьми-часовой—рабочій день безусловно необходимымъ только при тяжелыхъ работахъ; для лицъ же, занятыхъ „легкимъ трудомъ", или остающихся на продолжительное время „при исполненіи обязанностей", внезапное и значительное сокращеніе часовъ труда было бы, по его мнѣнію, безполезно, такъ какъ они едва ли приспособились бы къ новому положенію съ большой выгодой для своего умственнаго и моральнаго развитія. Для націи въ цѣломъ было бы гораздо полезнѣе „принять мѣры для увеличенія матеріальныхъ средствъ къ благородной и утонченной жизни для всѣхъ классовъ и въ особенности бѣднѣйшихъ, чѣмъ доставлять внезапное и очень большое уменьшеніе часовъ труда тѣхъ, которые теперь не подавлены (weighed down) ихъ работой". Другое дѣло—подрастающее поколѣніе. Заботу о немъ Маршаллъ считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ дѣломъ первостепенной важности. „Самая повелительная обязанность настоящаго поколѣнія заключается въ томъ, чтобы доставить молодымъ лучшую подготовку къ работѣ..., а также долгій періодъ свободы отъ механическаго труда и обильный досугъ для школьнаго обученія и для такихъ развлеченій, которыя укрѣпляютъ и развиваютъ характеръ... И даже если мы будемъ принимать въ расчетъ только вредъ, причиняемый подрастающему поколѣнію жизнью въ семьяхъ, гдѣ отецъ и мать ведутъ безрадостное существованіе,—то въ интересахъ общества было бы оказать имъ нѣкоторую помощь. Невѣроятно, чтобы искусные рабочіе и хорошіе граждане выходили изъ семей, гдѣ мать отсутствуетъ въ теченіе большей части дня, или гдѣ отецъ рѣдко возвращается домой, прежде чѣмъ дѣти его легли спать. Поэтому не только отдѣльныя лица, имѣющія непосредственное отношеніе къ данному вопросу, но и все общество имѣетъ прямой интересъ въ сокращеніи непомѣрно (extravagantly) долгихъ часовъ службы внѣ дома даже такихъ рабочихъ, какъ напр. кондуктора товарныхъ вагоновъ и другіе, работа которыхъ не очень тяжела. Marshall, указ. соч , стр. 786—787.

можетъ дать въ данномъ вопросѣ школа предѣльной полезности. Какъ представитель золотой середины, Маршаллъ осторожно подводитъ итоги, сглаживая крайности и пытаясь найти надлежащій пунктъ равновѣсія въ суммѣ положеній, намѣченныхъ въ ученіяхъ экономистовъ раздѣляемаго имъ направленія. Съ большимъ здравымъ смысломъ, характернымъ для англійскаго экономиста, Маршаллъ часто обращается къ явленіямъ живой дѣйствительности, высказывая по поводу нихъ много резонныхъ и мѣткихъ замѣчаній. Но избранная имъ точка зрѣнія постоянно увлекаетъ его въ сторону изученія психологическихъ стремленій индивидуальнаго предпринимателя и индивидуальнаго работника. Поэтому въ его ученіи, рядомъ съ прекрасной характеристикой этихъ индивидуально-психологическихъ моментовъ (впрочемъ, по существу также мало оригинальной), всѣ остальныя обстоятельства, вліяющія на установленіе заработной платы, очерчены очень блѣдно и иногда совершенно опущены. Тѣми же чертами, въ бо́льшей или меньшей степени, характеризуются и другія попытки современныхъ англійскихъ и американскихъ экономистовъ, имѣющія въ виду, подобно ученію Маршалла (и часто въ связи съ нимъ), выясненіе вопроса о заработной платѣ съ точки зрѣнія принциповъ, установленныхъ теоріей предѣльной полезности. При этомъ одни еще болѣе удаляются на путь односторонняго разрѣшенія проблемы, становясь на точку зрѣнія частнаго предпринимателя, другіе стараются всѣми силами выдержать двусторонній характеръ объясненія, диктуемый общей постановкой задачи (сближеніе съ теоріей установленія рыночныхъ цѣнъ). Въ общемъ, при нѣкоторыхъ дополняющихъ разъясненіяхъ, эти ученія, развиваемыя обыкновенно очень пространно (по бо́льшей части въ спеціальныхъ монографіяхъ), прибавляютъ, однако, очень мало къ тому, что содержится уже въ ученіи Маршалла, въ особенности если присоединить къ нему нѣкоторыя замѣчанія Джевонса, которыми Маршаллъ недостаточно воспользовался.

Къ первой группѣ послѣдователей Маршалла принадлежитъ уже упоминавшійся нами выше глазговскій профес-

соръ Смартъ, совмѣщающій въ своемъ лицѣ академическаго ученаго и крупнаго промышленнаго дѣятеля. Можетъ быть, въ послѣднемъ обстоятельствѣ (которое его единомышленники считаютъ обыкновенно очень цѣннымъ преимуществомъ, выгодно вліяющимъ на вѣскость его аргументовъ) и кроется причина односторонности взглядовъ Смарта. Начавъ съ популяризаціи ученія Бёмъ-Баверка, Смартъ вскорѣ нашелъ болѣе удобнымъ пойти за Маршалломъ, но и на этотъ разъ сосредоточилъ свое вниманіе исключительно на одной сторонѣ дѣла—на роли частнаго предпринимателя. Книга Смарта (The distribution of income) является сплошнымъ диѳирамбомъ дѣятельности предпринимателя, отъ которой все исходитъ и къ которой все направляется въ современномъ общественно-хозяйственномъ строѣ, представляющемся Смарту и наиболѣе разумнымъ и справедливымъ.

Въ современномъ обществѣ, указываетъ Смартъ, каждый производственный факторъ получаетъ свою долю изъ рукъ предпринимателя, а потому для разрѣшенія загадки распредѣленія намъ прежде всего необходимо обратиться къ анализу экономической роли предпринимателя. Функція предпринимателя заключается не просто въ выдачѣ платы рабочимъ, а въ организаціи современнаго трудового міра. Предприниматель соединяетъ спросъ съ предложеніемъ; съ одной стороны, онъ организуетъ производственный процессъ, съ другой—находитъ рынокъ. Онъ несетъ рискъ; его дѣло—спекуляція отъ начала и до конца... Поэтому, если принять, что нація занята выполненіемъ одного великаго промышленнаго дѣла (business), что національный доходъ является какъ бы общимъ продуктомъ національной промышленности, то единицей ея организаціи окажется отдѣльная фабрика, а предприниматель—мозгомъ этой единицы. Организуя производство на свой личный страхъ и рискъ, предприниматель предпочитаетъ „славную неизвѣстность прибыли опредѣленному жалованью". Онъ вступаетъ въ „слѣпое участіе" съ рабочими и капиталистами, обѣщая имъ опредѣленныя суммы заработной платы и процента. А такъ какъ его заработокъ составитъ разность послѣ вычета изъ цѣны проданнаго

продукта суммы его издержекъ, то очевидно, что онъ имѣетъ два главныхъ интереса: 1) поднять цѣну продаваемыхъ имъ продуктовъ и 2) понизить свои издержки.

Первая цѣль для него почти недостижима. Потребители прежде всего ищутъ дешевыхъ продуктовъ, а коллеги-капиталисты весьма наклонны переманить къ себѣ его покупателей. Кромѣ того, непрерывность веденія предпріятія часто заставляетъ предпринимателя жертвовать пониженіемъ цѣны, чтобы спасти будущее своего предпріятія. Отсюда предметомъ его главныхъ заботъ является стремленіе къ другой цѣли—пониженію издержекъ, которой онъ можетъ достигнуть двумя средствами: или примѣненіемъ принципа субституціи, или просто покупкой дешеваго труда. Въ первомъ случаѣ особенный интересъ представляетъ не простое замѣщеніе менѣе выгодныхъ факторовъ болѣе выгодными, а наиболѣе разумная система употребленія разнаго рода факторовъ.

Рабочій все меньше работаетъ самъ, собственными руками. Его силы улучшаются и развиваются съ распространеніемъ общаго и техническаго образованія; онъ пріобрѣтаетъ бо̀льшую гибкость, болѣе совершенную способность управленія рукой и глазомъ. Но машины улучшаются еще быстрѣе. Отсюда и возникаетъ трудность задачи. Нѣкоторыя услуги, требуемыя теперь отъ работника, болѣе сложны и болѣе цѣнны (подготовка и организація процесса работы); другія (надзоръ за машинами)—болѣе просты. Поэтому предприниматели и стремятся создать такую группировку машинъ и рабочихъ, чтобы различныя трудовыя способности были использованы съ наибольшей выгодой. Если при этомъ они имѣютъ въ виду наибольшую экономическую производительность факторовъ, т. е. наибольшую дешевизну производственнаго процесса, то это значитъ, что они стремятся къ наиболѣе дешевой покупкѣ услугъ каждаго отдѣльнаго дѣятеля. Для предпринимателя важна лишь наиболѣе дешевая комбинація факторовъ. Къ несчастью, замѣчаетъ Смартъ, слишкомъ многіе не видятъ разницы между этими пріемами. У рабочихъ классовъ укоренилось воззрѣніе, что предприниматели всегда имѣютъ въ виду урѣзать заработную плату.

Между тѣмъ самое поверхностное изслѣдованіе показываетъ, что фактъ, на который жалуются, очень часто представляетъ собою перегруппировку факторовъ, причемъ каждому фактору уплачивается его прежняя цѣна. Напр., если въ копяхъ вводится механическое вырѣзываніе угля, дѣлающее излишнимъ трудъ искусныхъ углекоповъ, то это значитъ только, что къ работѣ должны быть призваны теперь рабочіе другого разряда (низшаго), плата которымъ не будетъ ниже, чѣмъ другимъ рабочимъ ихъ разряда. Или напр., въ переплетномъ дѣлѣ, то, что мужчины-рабочіе называютъ „sweating of labour", иногда означаетъ только лучшую плату за женскій трудъ [1]).

[1]) Smart, указ. соч., стр. 133—134. Смартъ ограничивается здѣсь только указанными замѣчаніями, не пытаясь углубить анализъ внимательнымъ изслѣдованіемъ дѣйствительныхъ случаевъ измѣненія строя современныхъ промышленныхъ предпріятій. Любопытные примѣры такихъ измѣненій приводитъ Зомбартъ въ своемъ „Der moderne Kapitalismus" (изъ данныхъ XIII годичнаго отчета комиссара труда Соед. Штатовъ). Оказывается, что средній расходъ на рабочую силу послѣ преобразованія мелкаго ремесленнаго предпріятія въ крупное фабричное понижается, не смотря на то, что среди новыхъ рабочихъ есть такіе, которые зарабатываютъ неизмѣримо больше по сравненію съ прежними лучшими работниками. Вотъ напр. данныя относительно ремесленной сапожной мастерской (за 1859 годъ) съ двумя рабочими —сапожникомъ и строчильщицей и современной сапожной фабрики (за 1895 годъ), въ которой занято 115 рабочихъ. Цѣны за рабочія силы таковы:

Въ ремесленномъ предпріятіи:

1 сапожникъ	3	доллара за 10-час. рабочій день.
1 строчильщица	2	„ „ „ „ „

Средняя цѣна рабочей силы — 2,50 доллар за 10-час. рабочій день
или . . . . . 25 центовъ за рабочій часъ.

Въ капиталистическомъ предпріятіи:

1 рабочій	6,00	доллар. за 10-час. рабочій день.
3 „	5,00	„ „ „ „ „
2 „	4,00	„ „ „ „ „
10 „	3,50	„ „ „ „ „
17 „	3,00	„ „ „ „ „
7 „	2,75	„ „ „ „ „
16 „	2,50	„ „ „ „ „
9 „	2,25	„ „ „ „ „

Второе средство, находящееся въ распоряженіи предпринимателя для пониженія издержекъ,—покупка дешеваго труда. Стремленіе предпринимателя къ такой „дешевой покупкѣ“ Смартъ горячо беретъ подъ свою защиту. Обыкновенно никто не возражаетъ, говоритъ онъ, противъ того, чтобы предприниматель покупалъ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ матеріалы, орудія и вообще всѣ вещественные факторы производства. Но когда онъ пытается покупать по дешевой цѣнѣ трудъ, то его обвиняютъ въ эксплоатаціи. Однако, почему бы ждать отъ предпринимателя иного отношенія при покупкѣ труда, чѣмъ при покупкѣ другихъ факторовъ производства? Предприниматель не имѣетъ никакого оффиціальнаго порученія отъ общества, не получаетъ за свою функцію никакого общественнаго жалованья, а пріобрѣтаетъ трудъ такъ же, какъ машину, чтобы выручить свой доходъ отъ продажи его продуктовъ. На заработную плату онъ смотритъ, какъ на одинъ изъ элементовъ въ его издержкахъ, который онъ старается сдѣлать также возможно меньшимъ. [1]). Впрочемъ, и самъ Смартъ оговаривается, что стремленіе предпринимателя къ возможно болѣе дешевой покупкѣ труда не всегда можно считать раціональнымъ. Когда предприниматель пользуется болѣе дешевымъ трудомъ при раціональной перегруппировкѣ факторовъ, онъ поступаетъ правильно. Когда же онъ заставляетъ рабочаго брать меньшую плату за такую же работу, что и прежде, то онъ отнимаетъ у него извѣстную часть его права на долю въ національномъ про-

20 рабочихъ	2,00	доллар.	за	10-час.	рабочій	день.
38 „	1,75	„	„	„	„	„
13 „	1,50	„	„	„	„	„
13 „	1,25	„	„	„	„	„
1 „	1,00	„	„	„	„	„
1 „	0,50	„	„	„	„	„
151 рабочій	3382,50	„	„	„	„	„
Средняя цѣна рабочей силы	2,24	доллар.	„	„	„	„
или	22,4	цента за рабочій часъ.				

См. Werner Sombart. Der moderne Kapitalismus. II Bd. Leipzig, стр. 498.

[1]) Distribution of Income, стр. 143—148.

дуктѣ. Въ этомъ случаѣ реальный доходъ націи не уменьшается, но и не возрастаетъ. Рабочій, страдающій благодаря уменьшенію его дохода, можетъ и не потерять въ своей собственной трудовой производительности, но зато производительность будущаго національнаго труда уменьшится, потому что рабочіе не будутъ въ состояніи воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они стали столь же производительными работниками [1]).

Переходя отъ этой характеристики пріемовъ, употребляемыхъ отдѣльнымъ предпринимателемъ въ его предпріятіи, къ изученію процессовъ распредѣленія во всемъ народномъ хозяйствѣ, Смартъ находитъ нужнымъ дополнить предыдущія соображенія только указаніемъ двухъ условій кункуренціи между предпринимателями (облегчаемой подвижностью капиталовъ) и подвижности труда. Первое условіе даетъ основаніе думать, что общество получаетъ теперь предпринимательскій трудъ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ всякія другія услуги, и что если бы предприниматель получалъ опредѣленное жалованье, какъ это предполагается для соціалистическаго государства, то разница въ его доходѣ по сравненію съ настоящимъ была бы не велика [2]). Второе условіе объясняетъ намъ, почему рабочіе могутъ гарантировать себѣ возвышенные уровни заработной платы, приписываемые обыкновенно дѣятельности трэдъ-юніоновъ. „Если переходъ изъ одной фабрики въ другую доступенъ, и если работа сходна, то свобода и способность каждаго рабочаго отправиться туда, гдѣ заработная плата лучше въ данный моментъ, и оставить то мѣсто, гдѣ она въ этотъ моментъ хуже,—неизбѣжно приводятъ къ установленію однообразной заработной платы. Даже если не существуетъ такой оргаризаціи, какъ Дружеское Общество или профессіональный союзъ, невѣроятно, чтобы рабочіе не говорили о заработной платѣ или во время отдыха, или по дорогѣ на работу, или послѣ работы..., а если они такъ дѣлаютъ, то по свойству

[1]) Тамъ же, стр. 148—150.

[2]) Distribution of Income, стр. 155—164.

человѣческой природы они должны стать вмѣстѣ и дѣйствовать сообща. Если домашняя прислуга,—быть можетъ, самый изолированный классъ среди всѣхъ рабочихъ, всегда знаетъ до шиллинга, какихъ размѣровъ жалованье за данное мѣсто и каковъ характеръ дома и хозяйки,—то было бы слишкомъ странно предполагать, что рабочіе, соединяясь другъ съ другомъ каждый день самымъ тѣснымъ образомъ, оказываются настолько безпомощными, какъ ихъ изображаетъ трэдъ-юніонистская теорія [1]).

Подвижность труда способствуетъ и дальнѣйшему уравненію заработной платы за предѣлами отдѣльной промышленности. Переходъ рабочихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Сельскіе рабочіе не могутъ, конечно, перейти въ часовщики. Но они могутъ обратиться къ добыванію каменнаго угля, на что указываетъ резолюція одного конгресса трэдъ-юніоновъ, запрещающая работу въ рудникахъ лицамъ, которыя до восемнадцатилѣтняго возраста не были углекопами. Указываютъ на спеціализацію занятій, какъ на препятствіе переходу изъ одного занятія въ другое. Но съ распространеніемъ машинъ работа въ различныхъ отрасляхъ промышленности становится болѣе однородной, потому что управленіе машинами сходно, несмотря на разнообразіе самихъ машинъ. Если принять въ расчетъ существующіе уже случаи перехода изъ однихъ промысловъ въ другіе, хотя бы напр. заполненіе женщинами тѣхъ промысловъ, гдѣ раньше исключительно работали мужчины, то мы должны будемъ признать, что въ будущемъ наибольшее вниманіе будетъ привлекать не конкуренція между капиталомъ и трудомъ, а внутренняя конкуренція между различными степенями труда [2]). Во всякомъ случаѣ съ распространеніемъ машиннаго производства подвижность труда увеличивается. „Мы можемъ сказать, что въ то время, какъ трудъ вообще раздѣленъ на группы, сравнительно некон-

[1]) Smart, указ. соч., стр. 164—166.
[2]) Smart, 173—176.

курирующія, демаркаціонныя линіи между многими группами становятся тоньше, а самыя группы—обширнѣе, причемъ число ихъ сокращается" [1]).

Въ очерченныхъ условіяхъ Смартъ и усматриваетъ закономѣрный характеръ современнаго распредѣленія національнаго дохода. Цѣна товара опредѣляется не произвольнымъ соглашеніемъ отдѣльнаго предпринимателя съ покупателями его продукта, а какъ бы представителемъ предпринимателей (Representative Employer), устанавливающимъ цѣну товара съ публикой вообще, а вмѣсто отдѣльныхъ рабочихъ, договаривающихся съ ихъ предпринимателями, выступаетъ какъ бы представитель рабочихъ (Representative Worker), устанавливающій норму усилій и требованіе платы для отдѣльнаго рабочаго. При этомъ подвижность факторовъ ограждаетъ ихъ отъ произвола при установленіи вознагражденія за ихъ услуги, которое въ концѣ концовъ тяготѣетъ къ опредѣленнымъ уровнямъ не только въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, но и въ цѣлыхъ группахъ промышленностей [2]).

Такъ какъ предприниматель постоянно производитъ наиболѣе выгодный для него при данныхъ условіяхъ подборъ факторовъ, а всѣ предприниматели—путемъ конкуренціи другъ съ другомъ—постепенно приводятъ къ единообразію такую группировку факторовъ, то причиной, опредѣляющей высоту уровней заработной платы, оказывается просто степень необходимости (indispensableness) рабочаго для предпріятія. Факторы оплачиваются предпринимателемъ не соотвѣтственно ихъ услугамъ, измѣряемымъ какой-либо абстрактной мѣркой, но сообразно съ тѣмъ, насколько

[1]) Смартъ признаетъ, однако, что подвижность труда и теперь развита еще сравнительно слабо,—„быть можетъ, прибавляетъ онъ, благодаря препятствіямъ, полагаемымъ ей трэдъ-юніонами". Въ доказательство Смартъ ссылается на разницу въ заработной платѣ между различными группами рабочихъ на Кляйдѣ. Заклепщики получали тамъ (въ мартѣ 1899 г.) отъ 40 до 80 шилл., механики—отъ 36 до 38 шил, а отдѣлыватели мѣдныхъ частей 35 шилл. Smart, указ. соч. стр. 178—179.

[2]) Distribution ot Income, стр. 169 и 191—195.

эта услуга сопровождается или отражаетъ въ себѣ нужду, какую предприниматель испытываетъ въ нихъ. Это бросаетъ свѣтъ и на значеніе производительности. Болѣе производительный факторъ вознаграждается выше потому, что вообще чѣмъ факторъ производительнѣе, тѣмъ больше вѣроятности, что онъ нуженъ (indispensable) [1]).

Поэтому Смартъ не придаетъ особеннаго значенія трэдъ-юніонизму. Подробно разсматривая аргументы его сторонниковъ (не исключая и Веббъ, къ труду которыхъ онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ), онъ признаетъ за нимъ лишь косвенное вліяніе, аналогичное съ вліяніемъ ограниченій (вдобавокъ и болѣе значительныхъ), устанавливаемыхъ санитарнымъ, фабричнымъ и промышленнымъ законодательствомъ (на которыхъ, однако, онъ считаетъ еще менѣе нужнымъ останавливаться) и часто склоняется къ выводу, что такіе же результаты могла бы дать и просто солидарность между рабочими, не отлившаяся въ форму опредѣленной организаціи [2]).

---

[1]) Distribution of Income, стр. 230—238.

[2]) Интересно, что ивъ вліяніи трэдъ-юніонизма Смартъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ подборъ лучшихъ предпринимателей. Трэдъ-юніонизмъ, указываетъ онъ, даетъ премію сильному предпринимателю. Ставя всѣхъ предпринимателей на равную ногу по отношенію къ нормѣ заработной платы, онъ дѣйствуетъ противъ слабыхъ предпринимателей и влагаетъ судьбы рабочихъ классовъ въ руки тѣхъ, кто всего болѣе способенъ дать труду увеличивающуюся долю продукта и подвергается меньшему искушенію уменьшать заработную плату; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращаетъ энергію такихъ предпринимателей на уменьшеніе ихъ издержекъ введеніемъ наиболѣе производительныхъ машинъ, процессовъ и формъ организаціи предпріятія. Кромѣ этого, Смартъ указываетъ и на повышеніе производительности труда рабочихъ, создаваемое какъ подборомъ лучшихъ рабочихъ (разъ предприниматель вынужденъ платить извѣстную норму, какихъ бы рабочихъ онъ ни бралъ, то онъ естественно будетъ выбирать болѣе достойныхъ), такъ и лучшей подготовкой слѣдующаго поколѣнія рабочихъ, возможной благодаря лучшей заработной платѣ ихъ отцовъ. Наконецъ, за трэдъ-юніонизмомъ Смартъ признаетъ еще ту заслугу, что онъ „мѣшалъ предпринимателямъ поступать съ трудомъ такъ, какъ они поступаютъ или могутъ поступать съ другими факторами производства“,— именно—вводить насильственныя измѣненія, не обращая вниманія на

Какъ видно изъ изложеннаго, ученіе Смарта, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удачно дополняющее теорію Маршалла (характеристика роли предпринимателя и принципа субсти-

лицъ, непосредственно страдающихъ отъ этого. Допуская даже, что въ данномъ отношеніи трэдъ-юніонизмъ могъ до извѣстной степени задерживать прогрессъ матеріальнаго богатства, можно утверждать, что если бы общество правильно предвидѣло послѣдствія, то оно высказалось бы за болѣе медленный ростъ богатства, на томъ основаніи, что такое богатство, которое подрываетъ основы благосостоянія (населенія), представляется весьма сомнительнымъ. Впрочемъ, добавляетъ Смартъ, всѣ указанныя благотворныя вліянія трэдъ-юніонизма возможны только при „идеальномъ трэдъ-юніонизмѣ, свободномъ отъ сопровождающихъ его несчастныхъ обстоятельствъ, ошибокъ и злоупотребленій". Distribution of Income, стр. 283—299. Взглядъ Смарта на значеніе трэдъ-юніоновъ, развиваемый въ разсматриваемой книгѣ, отличается белѣе пессимистическимъ характеромъ, чѣмъ въ его предыдущихъ работахъ. Такъ, въ статьѣ „Women's Wages" (помѣщенной въ его сборникѣ „Studies of Economics") вліяніе трэдъ-юніоновъ Смартъ признаетъ еще однороднымъ съ вліяніемъ подвижности труда. Женщины, указываетъ Смартъ въ этой статьѣ, занимаютъ почти исключительно нѣкоторыя спеціальныя отрасли промышленности, продукты которыхъ общественное мнѣніе признаетъ „дешевыми". Слѣдовательно, дѣло идетъ не о разницѣ въ заработной платѣ между работниками различныхъ степеней производительности, а между двумя неконкурирующими группами, уровень заработной платы въ которыхъ опредѣляется различными законами. Женщины попадаютъ въ такія отрасли промышленности, къ которымъ вообще болѣе подходятъ по своимъ трудовымъ качествамъ или въ которыхъ вводятся машины. Здѣсь ихъ плата, не смотря на случаи рѣзкаго преобразованія въ характерѣ промышленности, все же регулируется нормой, установленной обычаемъ. А самый обычай основывается на принципѣ „необходимаго минимума заработной платы" благодаря старинной конкуренціи работающихъ женщинъ другъ съ другомъ. „Обычная заработная плата, я боюсь, опредѣляется не щедрыми „средствами существованія" нашего времени, а by the „sustenance" прежней эпохи, когда міръ былъ бѣднѣе, а капиталъ могущественнѣе. Заработная плата мужчинъ поднялась съ этого уровня, потому что они нашли или въ союзѣ, или въ подвижности средство для требованія ихъ полной доли въ растущемъ національномъ доходѣ (курсивъ мой). Заработная плата женщинъ, благодаря ихъ неспособности къ объединенію и естественному недостатку подвижности, не поднялась. Другими словами заработная плата женщинъ опредѣляется не „естественными" средствами существованія Рикардо, а желѣзнымъ закономъ Лассаля. Smart, Studies in Economics, London 1895, стр. 122—129.

туціи), страдаетъ крайней односторонностью, ослабляющей и значеніе приводимыхъ имъ—самихъ по себѣ часто очень резонныхъ—соображеній. Но если у Смарта мы встрѣчаемся съ искусственнымъ выдѣленіемъ изъ сложнаго комплекса обстоятельствъ, вліяющихъ на высоту заработной платы, одного фактора, за выясненіемъ котораго онъ считаетъ, однако, необходимымъ обращаться къ условіямъ подлинной экономической дѣйствительности, то у его американскаго коллеги—Кларка—методъ школы предѣльной полезности выступаетъ, въ примѣненіи къ изслѣдованію заработной платы, въ наиболѣе чистомъ видѣ. И любопытно, что, старательно очищая проблему отъ всякаго рода элементовъ, связывающихъ ее съ дѣйствительной жизнью, Кларкъ на первыхъ же страницахъ своей книги раскрываетъ истинный смыслъ предпринятой имъ работы, наивно заявляя, что она призвана доказать тезисъ, „защищающій собственность въ самомъ ее источникѣ", именно, что существующая заработная плата равна полному продукту труда, а процентъ—полному продукту капитала [1]).

---

[1]) John Bates Glark. The distribution of wealth. New-Iork 1899, стр. 7—9. Кларкъ вступаетъ здѣсь на путь, на которомъ уже не разъ пробовали силы экономисты избраннаго имъ направленія. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы отмѣчали аналогичную попытку Тюнена; здѣсь же представляется умѣстнымъ напомнить о теоріи „вмѣненія" Визера, къ которой тѣсно примыкаетъ ученіе Кларка. Визеръ, въ противоположность экономистамъ, старавшимся опредѣлить физическое участіе каждаго фактора въ созданіи продукта, выдвинулъ проблему экономическаго вмѣненія доли продукта тому или другому фактору, аналогичнаго съ юридическимъ вмѣненіемъ преступнику совершеннаго имъ преступнаго дѣянія, хотя физически результатъ его дѣйствія не можетъ быть приписанъ исключительно его силамъ. При этомъ опредѣленія доли дохода, приходящейся или „вмѣняемой" труду, Визеръ ищетъ двумя путями. Во-первыхъ, онъ находитъ возможнымъ найти результатъ дѣйствія каждаго фактора, мѣняя комбинацію ихъ и сравнивая результаты, получаемые каждый разъ. Такъ въ рукахъ изслѣдователя окажется столько уравненій, сколько неизвѣстныхъ, и слѣдовательно каждое искомое можетъ быть найдено. Напр., если (обозначая каждый факторъ алгебраическимъ знакомъ), мы найдемъ, что

$$X + Y = 100$$
$$2X + 3Z = 290$$
$$4Y + 5Z = 590$$

Пріемы, при помощи которыхъ Кларкъ стремится доказать этотъ тезисъ, обычны для новой индивидуалистической школы. Мы находимъ и у него тоже изолированіе экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни, тоже представленіе объ обществѣ, какъ о механическомъ единствѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, тоже примѣненіе принципа предѣльнаго измѣренія и тоже пользованіе сложными математическими формами выраженія мыслей, по существу упрощенныхъ до послѣдней крайности. Теорія заработной платы настолько удалена здѣсь отъ дѣйствительнаго міра экономическихъ отношеній, что если бы не помѣтка, что книга издана въ Нью-Іоркѣ въ самомъ концѣ XIX вѣка, въ авторѣ трудно было бы угадать человѣка,

то отсюда X будетъ равенъ 40, У — 60 и Z — 70. Такъ опредѣлится доля каждаго фактора въ производствѣ окончательнаго результата, или его „productiver Beitrag". Затѣмъ, опредѣливъ такимъ путемъ, какая доля продукта приходится на каждое отдѣльное трудовое дѣйствіе (принимая при этомъ въ соображеніе, что мотивами вмѣненія служатъ размѣры имѣющагося запаса даннаго производственнаго блага, потребность въ немъ и условія техники), Визеръ переходитъ и къ вопросу о цѣнности этого трудового дѣйствія (которая должна равняться цѣнности вмѣненной доли продукта). Факторами оцѣнки и здѣсь, по его мнѣнію, являются тѣ же обстоятельства, подъ дѣйствіемъ которыхъ устанавливается цѣнность и другихъ средствъ производства, а именно—предѣльное употребленіе даннаго рода труда, находящееся въ прямой зависимости отъ его рѣдкости (въ естественномъ и техническомъ смыслѣ). Всего выше будутъ цѣниться наиболѣе рѣдкія формы труда, имѣющія монопольный характеръ, всего ниже—простой трудъ, имѣющійся въ большомъ количествѣ. Fr. v. Wieser. Der natürliche Werth. Wien 1889, стр. 72—76, 85—88, 100—107 и 156—157. Эти выводы Визера основываются на ошибочномъ представленіи о характерѣ экономическихъ явленій. Для того, чтобы искать изъ приводимыхъ уравненій „производительный вкладъ" каждаго фактора, необходимо, во-первыхъ, чтобы дѣйствія ихъ были однородны, чего очевидно не существуетъ въ дѣйствительности, и во-вторыхъ, чтобы при измѣненіяхъ въ комбинаціяхъ факторовъ увеличеніе результата точно соотвѣтствовало увеличенію каждаго фактора, чего также нельзя наблюдать въ дѣйствительности, гдѣ удвоеніе факторовъ можетъ иногда дать тройное количество продукта (напр. при существенномъ улучшеніи въ организаціи трудовыхъ дѣйствій введеніемъ новыхъ формъ раздѣленія или соединенія труда), а иногда—менѣе двойного

поставленнаго въ кипучій водоворотъ разнообразныхъ столкновеній между общественными группами въ одной изъ наиболѣе интенсивно живущихъ капиталистическихъ націй. Несмотря на усилія автора создать оригинальную схему объясненія вопроса, его теорія представляется по существу простымъ повтореніемъ того, что было уже высказано раньше другими экономистами школы предѣльной полезности, и потому на ней не стоило бы спеціально останавливаться. Но въ виду увлеченія принципомъ предѣльной полезности, наблюдаемаго повсюду за послѣднее время, представляется не безынтереснымъ подробно познакомиться съ примѣненіемъ этого принципа, выполненнымъ (въ вопросѣ о заработной

(при дѣйствіи „закона убыванія земледѣльческаго продукта"). При характеристикѣ процесса оцѣнки „вмѣняемой" доли продукта Визеръ принимаетъ рѣдкость только въ естественномъ и техническомъ смыслѣ, упуская изъ виду важное значеніе рѣдкости, создаваемой соціальными условіями. См. по поводу послѣдняго R. Stolzmann, Die sociale Kategorie in der Volkswirthschaftslehre. Berlin 1896, стр. 365 и слѣд. Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что Штольцманъ, высказывающій глубокія и мѣткія замѣчанія по вопросу о цѣнности, переходя непосредственно къ теоріи заработной платы, забываетъ о выдвигаемомъ имъ самимъ вліяніи соціальныхъ факторовъ, отдѣлываясь поверхностными замѣчаніями въ духѣ экономистовъ германской историко-этической школы. См. напр. Die sociale Kategorie, стр. 371. Предостереженіе противъ постановки проблемы о вмѣненіи долей дохода каждому фактору Визеръ могъ найти у Джевонса (см. выше, въ соотв. главѣ), къ которому въ данномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ отнесся, подобно Бёмъ-Баверку, недостаточно внимательно. Въ германской экономической литературѣ на невозможность разрѣшенія такой проблемы опредѣленно указывали наиболѣе сильные аналитики среди экономистовъ исторической школы—Книсъ и Шеффле (C. Knies. Der Credit. Zweite Hälfte. Berlin 1879. A. Schäffle. Die Aussichtslosigkeit der Socialdemocratie. Tübingen 1885). Однако, эта проблема представляется настолько соблазнительной для экономистовъ школы предѣльной полезности, что напр. даже Кассель, цитирующій съ сочувствіемъ нѣкоторыя соображенія названныхъ авторовъ, рѣзко указывающія на невозможность ея рѣшенія, тѣмъ не менѣе находитъ спасительный выходъ, обращаясь къ новому муссированію темы съ помощью принципа „предѣльной производительности". См. G. Cassel. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Göttingen 1900, стр. 11—25.

платѣ) съ наибо́льшею послѣдовательностью и безстрашіемъ, Книга Кларка наглядно показываетъ, до какихъ предѣловъ схоластическихъ измышленій можно дойти, оставаясь вѣрнымъ основамъ новаго абстрактно-индивидуалистическаго направленія въ политической экономіи.

Кларкъ различаетъ какъ особыя проблемы статику и динамику распредѣленія, ограничиваясь въ разсматриваемой книгѣ только изслѣдованіемъ статическаго состоянія, для котораго онъ предполагаетъ, что „населеніе и капиталъ не увеличиваются и не уменьшаются; что новыя изобрѣтенія не появляются и процессы производства остаются неизмѣненными; что не образуется никакихъ консолидированныхъ организацій труда и капитала, составляющихъ столь поразительную черту новаго времени; что создаются однѣ и тѣ-же категоріи товаровъ, и что въ результатѣ всего этого трудъ и капиталъ сохраняютъ постоянные размѣры, а цѣнность, заработная плата и процентъ оказываются естественными въ смыслѣ классической школы“ [1]). Общій національный доходъ будетъ распредѣляться между главными группами промышленности (слагающимися изъ ряда подгруппъ) по категоріямъ законченныхъ продуктовъ, цѣны которыхъ и опредѣлятъ доходъ каждой группы, т. е. общую сумму, которая должна распредѣлиться между подгруппами, а въ предѣлахъ каждой подгруппы—между отдѣльными участниками производства, т. е. рабочими, капиталистами и предпринимателями. При этомъ предполагается совершенная подвижность капитала и труда, т. е. равномѣрное распредѣленіе ихъ между различными отраслями промышленности. При такихъ условіяхъ предпринимательская прибыль должна

---

[1]) Политическая экономія Рикардо, говоритъ Кларкъ, изучала статическій міръ, но безъ полнаго представленія объ его природѣ. Ея „естественныя цѣны“ въ дѣйствительности были статическими цѣнами, выводимыми при предположеніи, что динамическія вліянія совершенно прекратились. Если бы послѣдователи Рикардо сознавали это, то они могли бы сдѣлать свою систему болѣе реалистической, а если бы они дополнили ее спеціальнымъ изслѣдованіемъ динамическихъ силъ, то они достигли бы и полноты знанія. Clark, указ. соч., стр. 62—70.

совершенно отсутствовать, и источника ея надо искать уже не въ статическомъ состояніи (которое Кларкъ пока исключительно разсматриваетъ), а въ динамическихъ процессахъ хозяйственной жизни.

Въ очерченныхъ такимъ образомъ рамкахъ статическаго состоянія общества въ распредѣленіи дохода между различными классами проявляются „универсальные законы экономики". А такъ какъ подъ „универсальными законами экономики" Кларкъ понимаетъ законы, опредѣляющіе „непосредственное отношеніе человѣка къ природѣ, внѣ отношеній между людьми" [1]), то, по его ученію, соціальная экономія въ существенныхъ чертахъ объясняется изъ экономіи индивидуальной. Производство у изолированнаго человѣка регулируется закономъ предѣльной полезности создаваемыхъ имъ предметовъ; иначе говоря, вліяніемъ принципа предѣльной производительности употребляемаго имъ капитала и затрачиваемаго имъ труда. Но этотъ же законъ проявляется, по мнѣнію Кларка, и въ хозяйственной дѣятельности общества. Нормальнымъ уровнемъ заработной платы необходимо принять продуктъ труда работника, занятаго въ предѣльной области приложенія труда (которую Кларкъ понимаетъ не въ смыслѣ земли, не приносящей ренты, какъ Тюненъ и Джорджъ, а болѣе широкой арены). Въ мірѣ существуетъ, указываетъ онъ, обширный и безконечно эластическій рынокъ для избыточнаго труда, въ которомъ земли, не дающія ренты, составляютъ незначительную долю. Долей, фиксирующей заработную плату, является предѣльное приращеніе мірового труда, подобно тому какъ предѣльная единица предложенія товаровъ оказывается долей, устанавливающей цѣну. Но эта единица разсѣяна по промышленнымъ занятіямъ всего міра. То, что она можетъ произвести, повсюду является нормальнымъ уровнемъ для общей заработной платы. Мы не только допускаемъ, говоритъ Кларкъ, но положительно заявляемъ, что существуетъ предѣльная область, гдѣ устанавливается заработная плата. Она составляетъ

1) Distribution of Wealth, стр. 26—34.

обширный каналъ для отвода труда; и то, что люди способны добыть на этомъ предѣльномъ полѣ, составляетъ нормальный уровень заработной платы. Указанная область служитъ для труда тѣмъ, чѣмъ европейскій рынокъ для пшеницы: это—мѣсто, гдѣ всякій возможный избытокъ труда можетъ быть примѣненъ къ дѣлу за извѣстную норму средствъ существованія (at a some living rate).

Такой предѣльной областью Кларкъ считаетъ всякаго рода предпріятія, гдѣ средства производства не даютъ ренты ихъ собственникамъ и тѣмъ не менѣе прилагаются къ дѣлу при помощи живого труда. Часть ея слагается изъ земель, не дающихъ ренты, но она сравнительно невелика: гораздо бо́льшее значеніе представляетъ употребленіе всякаго рода орудій, не дающихъ ренты (въ текстильной промышленности, сталелитейномъ дѣлѣ, торговлѣ, перевозкѣ грузовъ и пассажировъ и т. п.), и, наконецъ, еще бо́льшая часть создается употребленіемъ орудій, дающихъ ренту, на новыя цѣли, за которое не уплачивается добавочная рента. Напр., при тысячѣ рабочихъ фабрика будетъ давать не только заработную плату, но и ренту; прибавка же добавочныхъ двадцати рабочихъ, хотя и не будетъ убыточна для предпринимателя, потому что они прибавятъ къ продукту сумму, равную ихъ заработной платѣ, можетъ и не дать ему никакой ренты, если они произведутъ только указанное количество. Эти предѣльные работники, получающіе въ видѣ заработной платы весь продуктъ ихъ труда, въ дѣйствительности будутъ такъ же свободны отъ притязаній хозяевъ на ихъ заработки, какъ если бы они воздѣлывали пустующую землю съ разрѣшенія собственника. Такое явленіе замѣчается во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Съ одной стороны, вездѣ есть худшія орудія (или вообще низшія по качеству, или изношенныя до извѣстной степени), которыя не даютъ ренты ихъ собственникамъ. Съ другой стороны, употребленіе всякаго рода средствъ производства имѣетъ извѣстный предѣлъ интенсивности. Ренты не даютъ не только вообще худшія земли, но и другія земли, бывшія въ обработкѣ, съ того момента, когда прибавка новаго труда

не даетъ уже избыточнаго приращенія продукта. Такой интенсивный предѣлъ поля труда никоимъ образомъ не ограничивается земледѣліемъ, но распространяется на всю промышленную систему. Сто матросовъ могутъ составить достаточный экипажъ для парохода, но сто пять—могутъ выполнить дѣло лучше. Эти 5 добавочныхъ матросовъ будутъ находиться на интенсивномъ предѣлѣ пользованія кораблемъ и, слѣдовательно, получатъ въ видѣ заработной платы весь произведенный ими добавочный продуктъ. Аналогичные случаи можно отмѣтить при работахъ на фабрикахъ, въ рудникахъ, при доменныхъ печахъ и т. д. Такимъ образомъ, существуетъ, такъ сказать, индифферентный поясъ (a zone of indifference) на полѣ занятія, руководимаго каждымъ предпринимателемъ. Въ этихъ предѣлахъ люди могутъ приходить или уходить, не оказывая вліянія на доходы предпринимателя. Предприниматели могутъ давать занятіе такимъ рабочимъ по инымъ мотивамъ, чѣмъ денежный интересъ; при совершенной же конкуренціи эти рабочіе свободно могутъ переходить отъ одной группы занятій къ другой, получая въ видѣ заработной платы весь продуктъ ихъ труда.

Если предположить, что въ предпріятіи одни рабочіе могутъ быть замѣняемы другими, то плата предѣльныхъ рабочихъ опредѣлитъ и плату всѣхъ остальныхъ, такъ какъ при уходѣ болѣе нужнаго рабочаго онъ можетъ быть замѣненъ рабочимъ предѣльнаго пояса. Иначе говоря, дѣйствительный продуктъ каждаго рабочаго долженъ быть равенъ абсолютному продукту рабочаго предѣльнаго пояса. Но продуктъ, создаваемый въ индифферентномъ поясѣ одного предпринимателя, стремится сравняться съ продуктомъ индифферентнаго пояса другихъ предпринимателей, и, слѣдовательно, всѣ индифферентные пояса, взятые вмѣстѣ, образуютъ одинъ индифферентный поясъ для всей группы или отрасли промышленности. Но продуктъ индифферентнаго пояса одной отрасли промышленности стремится также сравняться съ продуктомъ индифферентнаго пояса всѣхъ другихъ отраслей промышленности, такъ что существуетъ соціальный индифферентный поясъ, включающій въ себя всѣ мѣстные и

спеціальные пояса. Иначе говоря, предѣльный соціальный трудъ отремится быть повсюду одинаково производительнымъ; трудъ одного личнаго качества равно производителенъ во всѣхъ частяхъ промышленной системы [1]). Изложенное, однако, не выяснило еще намъ, по мнѣнію Кларка, полныхъ размѣровъ предѣльнаго поля, устанавливающаго заработную плату. Необходимо принять въ расчетъ еще одно весьма важное обстоятельство, а именно, взаимное приспособленіе труда и капитала для промышленныхъ цѣлей. Если понимать подъ капиталомъ конкретные предметы, служащіе средствомъ производства (capital-goods), то легко видѣть, что индифферентный поясъ во многихъ случаяхъ будетъ слишкомъ узокъ. Если бы напр., существовали двѣ отрасли промышленности, каждая изъ которыхъ употребляла бы 100,000 рабочихъ и на 100,000,000 долларовъ капитала, то 1000 рабочихъ могли бы передвигаться свободно изъ одной въ другую безъ всякой потери или выигрыша въ производительной силѣ. Если же было бы желательно перевести 10,000 рабочихъ или 50,000, то это было бы неисполнимо, пока формы капитала въ обѣихъ отрасляхъ оставались бы неизмѣнными. Напр., при переводѣ половины рабочихъ изъ одной промышленности въ другую, въ первой перестали бы дѣйствовать многія машины, тогда какъ во второй многимъ изъ новыхъ рабочихъ не къ чему было бы проложить руки.

Поэтому необходимо отрѣшиться отъ представленія о конкретныхъ формахъ капитала и имѣть въ виду капиталъ вообще, подобно тому какъ это дѣлаютъ коммерческіе дѣятели, представляющіе себѣ капиталъ въ формѣ денегъ. Тогда мы увидимъ, что капиталъ обладаетъ большой эластичностью, способностью мѣнять конкретныя формы и приспособляться къ новымъ цѣлямъ. Но такой же способностью обладаетъ и хозяйственный трудъ, въ отличіе отъ индивидуальныхъ работниковъ. Подобно тому, говоритъ Кларкъ, какъ капиталъ является постояннымъ фондомъ производи-

[1]) Clark, указ. соч., стр. 80—109.

тельнаго богатства, такъ и трудъ также оказывается постоянной силой—фондомъ человѣческой энергіи, никогда не перестающей существовать и дѣйствовать. Люди такъ же погибаютъ, какъ вещи, служащія капиталомъ, но трудъ такъ же постояненъ, какъ и капиталъ. Отсюда вытекаетъ и возможность взаимнаго приспособленія этихъ факторовъ. Всякое увеличеніе или уменьшеніе въ количествѣ труда, употребляемаго въ соединеніи съ даннымъ количествомъ капитала, заставляетъ капиталъ измѣнять форму. Равнымъ образомъ, всякое измѣненіе въ количествѣ капитала приводитъ къ измѣненію формъ труда. Иначе говоря, общимъ правиломъ комбинаціи этихъ двухъ агентовъ является ихъ взаимное приспособленіе.

Послѣ всего сказаннаго, по мнѣнію Кларка, намъ становится понятнымъ гдавный тезисъ теоріи заработной платы: плата за трудъ въ каждой промышленности стремится соотвѣтствовать предѣльному продукту соціальнаго труда, употребляемаго въ соединеніи съ опредѣленнымъ количествомъ соціальнаго капитала, какъ таковаго. Иначе говоря, законъ заработной платы и процента можно формулировать такъ: эти доходы опредѣляются предѣльной производительностью труда и капитала, какъ постоянныхъ агентовъ производства [1]).

Переходя къ доказательству этого положенія, Кларкъ начинаетъ съ допущенія простѣйшаго случая. Онъ предполагаетъ, что на какомъ-либо земельномъ участкѣ работаютъ нѣсколько рабочихъ съ простыми, принадлежащими каждому, орудіями. Если устранить одного рабочаго, то производство не прекратится, а будетъ лишь получено меньше продукта. Количество, на которое убавится продуктъ, и будетъ измѣрять дѣйствительную производительность каждаго рабочаго одинаковаго качества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его заработную плату. Но при этомъ предполагается, что устраненный рабочій является вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣльнымъ рабочимъ, т. е. приступившимъ къ дѣлу послѣднимъ въ по-

---

[1]) Clark, указ. соч., стр. 111—120 и 157—160.

рядкѣ, установленномъ для обработки даннаго участка земли. Въ самомъ дѣлѣ, если принять, что рядъ рабочихъ послѣдовательно занимаетъ земледѣльческую территорію, то при одномъ человѣкѣ на участкѣ извѣстнаго протяженія будетъ обезпеченъ въ среднемъ извѣстный урожай, при двухъ—продуктъ не удвоится, такъ какъ на основаніи закона уменьшенія производительности послѣдовательныхъ единицъ труда второй рабочій произведетъ меньше перваго и т. д. [1]). Если на данной фермѣ послѣдовательно помѣщается на работу двадцать человѣкъ, то продуктъ каждаго изъ нихъ будетъ послѣдовательно уменьшаться, дойдя до минимальнаго размѣра у двадцатаго. При этомъ продуктъ труда каждаго послѣдовательнаго рабочаго будетъ опредѣляющимъ для предыдущихъ, а продуктъ послѣдняго, за которымъ уже не присоединяются новые рабочіе, составитъ постоянную норму заработной платы.

Но какимъ же образомъ продуктъ, приписываемый послѣднему работнику, опредѣляетъ плату всѣхъ рабочихъ? Для выясненія этого вопроса Кларкъ предлагаетъ отрѣшиться отъ представленія объ обычномъ наймѣ рабочихъ фермеромъ (гдѣ норма заработной платы устанавливается не въ предѣлахъ самой фермы, а на обширномъ—внѣшнемъ для нея—рынкѣ труда) и считать данную ферму совершенно изолированнымъ обществомъ, напр. островомъ, недоступнымъ для кораблей, съ опредѣленнымъ количествомъ пригодной къ обработкѣ земли и неизмѣняющимся населеніемъ.

„Намъ нѣтъ надобности указывать, говоритъ Кларкъ, что такое состояніе гипотетично и до смѣшного непохоже на міръ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. И, несмотря на это, оно имѣетъ съ нимъ ту общую жизненную черту,

---

[1]) Кларкъ не отрицаетъ, что до извѣстнаго предѣла присоединеніе новыхъ рабочихъ должно увеличивать количество продукта, приходящееся на каждаго изъ нихъ благодаря усовершенствованію пріемовъ производства; но такъ какъ въ концѣ концовъ законъ убывающаго плодородія начнетъ проявлять свою силу, то Кларкъ и считаетъ возможнымъ устранить изъ разсужденія особенности приложенія труда на раннихъ ступеняхъ производства. Clark, указ. соч., стр. 163 - 264.

что продуктъ предѣльнаго работника въ такомъ изолированномъ населеніи устанавливаетъ заработную плату всѣхъ рабочихъ. Дѣйствительная цѣнность какого-либо рабочаго для его предпринимателя равняется тому, что было бы потеряно, если бы онъ пересталъ работать. Это количество—дѣйствительный продуктъ какого-либо необходимаго рабочаго—устанавливаетъ уровень, которому вообще соотвѣтствуетъ оплата труда"... Послѣ этого Кларкъ вводитъ въ избранный примѣръ усложняющія условія, дѣлающія его ближе къ дѣйствительной организаціи общества. На островѣ оказываются уже, кромѣ земледѣлія, и всѣ другія промышленныя занятія. И тогда норму заработной платы будетъ опредѣлять „очевидно, предѣльная производительность труда, занятаго въ связи со всѣмъ фондомъ производительнаго богатства во всѣхъ группахъ и подгруппахъ, или специфическихъ отрасляхъ промышленности. Продуктъ, созданный предѣльной единицей соціальнаго труда, устанавливаетъ уровень (standard) заработной платы". Здѣсь нѣтъ другого уровня, установляемаго извнѣ. Рабочіе не приходятъ со стороны, а всѣ находятся въ предѣлахъ нашего замкнутаго общества, и всѣ должны найти занятіе. „Каждый изъ нихъ, предлагая себя предпринимателю, имѣетъ нѣчто обѣщать ему, такъ какъ онъ можетъ увеличить выработку товаровъ во всякомъ предпріятіи, въ какое онъ пошелъ бы. При извѣстной нормѣ (такого увеличенія) предприниматель захочетъ взять его; и если конкуренція совершенна, то эта норма будетъ дѣйствительно соотвѣтствовать тому количеству, какое присутствіе этого рабочаго прибавляетъ къ продукту фабрики, фермы или мастерской, въ которой онъ былъ бы поставленъ на работу. Если рабочій даетъ предпринимателю больше, чѣмъ онъ получаетъ отъ него, то этимъ создается для другихъ предпринимателей побужденіе взять его за лучшую плату. Рабочіе въ другихъ занятіяхъ оказываются въ такомъ же стратегическомъ положеніи, и заработная плата соціальнаго труда равняется поэтому продукту его предѣльной сложной единицы.

Въ способѣ измѣренія этого продукта Кларкъ слѣдуетъ Тюнену. Отнимите, говоритъ онъ, одну соціальную единицу труда и посмотрите, что теряется съ ея устраненіемъ; или прибавьте одну такую единицу и посмотрите, что выигрывается такой прибавкой. Въ томъ и другомъ случаѣ возможно отмѣтить количество продукта, которое обязано исключительно (separately) единицѣ труда и никакому другому агенту. Подъ соціальной единицей труда Кларкъ понимаетъ сложную величину, слагающуюся изъ извѣстнаго количества труда отъ всякой промышленной группы даннаго общества. „Мы отнимемъ земледѣльцевъ, кузнецовъ, плотниковъ, ткачей и т. п., въ надлежащихъ пропорціяхъ, устраняя изъ всякой специфической промышленности предѣльную единицу труда. Такъ какъ мы отнимаемъ только рабочихъ, то мы повсюду оставляемъ неизмѣнное количество капитала; но мы измѣняемъ его формы въ каждой промышленности, чтобы точно приспособить его къ потребностямъ слегка уменьшенной рабочей силы"... При этомъ, благодаря превращаемости формъ капитала, оставшіяся отъ устраненныхъ рабочихъ орудія не пропадутъ, а присоединятъ свою цѣнность къ орудіямъ, употребляемымъ оставшимися рабочими. Иначе говоря, орудій въ каждомъ предпріятіи будетъ меньше, но они станутъ лучше, потому что общая сумма капитала, какъ таковаго, не измѣнилась. Такая гипотеза, говоритъ Кларкъ, посредствомъ которой обнаруживается производительная сила единицы чистаго труда (a unit of empty-handed labor), раскрываетъ намъ и дѣйствительную норму (standard) заработной платы. Если сто человѣкъ составляютъ единицу соціальнаго труда... и если устраненіе ихъ уменьшаетъ продуктъ всѣхъ отраслей промышленности на общую сумму, которую можно выразить въ двухстахъ долларовъ, то это и будетъ продуктъ, который можетъ быть приписанъ исключительно работѣ ста человѣкъ. Если они являются типическими рабочими равной трудовой силы, то два доллара въ день составятъ естественную заработную плату одного рабочаго" [1]).

[1]) Clark, указ. соч., стр. 167—171.

Какой бы фантастичной ни казалась намъ эта гипотеза, замѣчаетъ Кларкъ, „однако, все это происходитъ и въ реальной промышленности. Міръ ежедневно совершаетъ это чудесное дѣло, автоматически и незамѣтно. Посредствомъ силъ, дѣйствующихъ въ его экономической системѣ, онъ даетъ каждой промышленности надлежащую долю всего соціальнаго капитала. Онъ придаетъ этой долѣ въ каждомъ случаѣ такія формы, какія требуются рабочими данной группы. Повсюду, гдѣ рабочихъ становится меньше или больше, онъ измѣняетъ формы капитала, чтобы приспособить его къ ихъ нуждамъ. Онъ производитъ безсознательную, но дѣйствительную пробу (test) предѣльной производительности труда, потому что онъ обнаруживаетъ, что міръ потерялъ бы, если бы единица труда должна была удалиться, а капиталъ все еще долженъ былъ бы быть использованъ вполнѣ; и онъ дѣлаетъ оплату труда соотвѣтственной этой нормѣ (standard). Этотъ процессъ включаетъ въ себя постоянный фондъ соціальнаго капитала, постоянную силу соціальнаго труда и автоматическое приспособленіе заработной платы въ каждой спеціальной части промышленной системы, соотвѣтственно предѣльной производительности труда, какъ цѣлаго“ [1]).

Въ слѣдующей главѣ Кларкъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи своей аргументаціи. Онъ принимаетъ за единицу соціальнаго труда въ изолированномъ обществѣ тысячу рабочихъ, размѣры капитала въ сто милліоновъ долларовъ и рзсматриваетъ, какія измѣненія должны наступить въ экономическихъ отношеніяхъ этого общества при послѣдовательной прибавкѣ единицъ соціальнаго труда. Первая тысяча рабочихъ дала бы громадный продуктъ. На каждаго приходилось бы сто тысячъ долларовъ капитала, обращенныхъ (согласно предположенію) въ форму превосходныхъ орудій и методовъ производства. Прибавьте новую тысячу рабочихъ, и количество продукта на человѣка станетъ меньше. На каждаго придется уже только пятьдесятъ

[1]) Clark, указ. соч., стр. 171 172.

тысячъ капитала, которыя будутъ имѣть форму худшихъ машинъ и вообще худшихъ приспособленій для производства, чѣмъ прежде. Зданій будетъ больше, но они будутъ хуже, желѣзныя дороги будутъ имѣть менѣе прочные мосты и худшій подвижной составъ, одинъ пароходъ замѣнится двумя парусными судами и т. п. Прибавляя къ рабочей силѣ новыя единицы до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ ста тысячъ, оставляя количество капитала неизмѣннымъ, мы постепенно дойдемъ до той нормы капитала, какой располагаетъ современный рабочій въ Соединенныхъ Штатахъ. Если эта сотая прибавка къ труду окажется послѣдней, какую содержитъ наше изолированное общество, то мы будемъ имѣть законъ заработной платы. Мы ставили населеніе на работу до тѣхъ поръ, пока не изсякъ весь резервъ, откуда можно было черпать новыя силы. Послѣдняя сложная единица труда—предѣльное подраздѣленіе (division) въ тысячу человѣкъ — создала свой особый продуктъ. Онъ меньше, чѣмъ продуктъ, причитавшійся какому-либо изъ прежнихъ подраздѣленій; но теперь, когда эта часть рабочей силы приставлена къ дѣлу, ни одна изъ предыдущихъ группъ въ дѣйствительности не будетъ получать больше. Если бы какая-нибудь изъ первыхъ группъ рабочей силы стала требовать больше, чѣмъ производитъ послѣдняя, то предприниматель могъ бы разсчитать ее и поставить на ея мѣсто послѣднюю группу рабочихъ. То, что онъ потерялъ бы съ уходомъ какой-либо группы въ тысячу человѣкъ, измѣряется продуктомъ, который создается послѣдней приставленной къ работѣ группой. Такимъ образомъ каждая единица труда стоитъ предпринимателю столько, сколько производитъ послѣдняя единица. Это и создаетъ универсальную норму (standard) оплаты. Но если мы обратимся къ дѣйствительной жизни, то найдемъ, что ни одна единица (труда) не является послѣдней по времени. Сто тысячъ рабочихъ со ста милліонами долларовъ капитала работаютъ годъ за годомъ, и изъ нихъ нельзя выдѣлить такую тысячу, продуктъ которой фиксировалъ бы заработную плату. Полученіе рабочими предѣльной суммы вознагражденія гарантируется здѣсь не

послѣдовательнымъ присоединеніемъ къ дѣлу новыхъ единицъ труда, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, а конкуренціей предпринимателей. Предѣльная группа въ тысячу рабочихъ имѣетъ въ своихъ рукахъ извѣстный потенціальный продуктъ, когда она предлагаетъ свои услуги предпринимателямъ. Если одна группа предпринимателей не даетъ имъ цѣнности этого продукта, то другая дастъ, предподполагая, что конкуренція совершѐнна. При идеально совершенной и свободной системѣ конкуренціи каждая единица труда можетъ получить ровно столько, сколько производитъ предѣльная единица. При несовершенной конкуренціи она все-таки будетъ имѣть тенденцію получить такое количество. Предѣльный продуктъ труда устанавливаетъ уровень для платы за трудъ, и дѣйствительная плата стремится къ нему съ различными уклоненіями. Кларкъ напоминаетъ при этомъ, что полученный выводъ предполагаетъ „идеальное общество, въ которомъ опущены нарушающія обстоятельства и не были описаны никакія препятствія, съ которыми чистый законъ встрѣчается въ реальной жизни". Изслѣдованіе уклоненій заработной платы отъ уровня предѣльной производительности должно составить задачу экономической динамики. Но тяготѣніе заработной платы къ указанному уровню остается отъ этого не менѣе реальнымъ. „Законъ предѣльной производительности универсаленъ и постояненъ; повсюду онъ преодолѣетъ (will outlive) мѣстныя и измѣнчивыя вліянія, которыя модифицируютъ его дѣйствіе. Мы должны получать то, что производимъ—таково господствующее правило жизни, и то, что мы можемъ произвести трудомъ, опредѣляется тѣмъ, что можетъ прибавить предѣльная единица чистаго труда (a final unit of mere labor) къ продукту, который можетъ быть созданъ безъ ея помощи. Предѣльная производительность регулируетъ заработную плату". Таковъ статическій законъ заработной платы, основанный на предположеніи, что трудъ и капиталъ остаются неизмѣнными въ количествѣ, производятъ одни и тѣ же продукты и при той же формѣ организаціи [1]).

[1]) Distribution of Wealth, стр. 174—181. Въ концѣ книги Кларкъ стремится устранить недоразумѣніе, могущее возникнуть у читателя,

Мы уже отмѣчали выше, что въ разсматриваемой книгѣ Кларкъ ограничиваетъ свою задачу изслѣдованіемъ статическаго состоянія. Но въ концѣ ея онъ дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, характеризующихъ его взгляды на динамическій законъ заработной платы и какъ бы предвосхищающихъ выводы намѣченной имъ дальнѣйшей работы. Кларкъ намекаетъ здѣсь, что динамическая теорія заработной платы не должна значительно уклоняться отъ статической, потому что столкновеніе различныхъ динамическихъ

будто его теорія предполагаетъ одинъ универсальный статическій уровень. Впрочемъ, онъ ограничивается по этому вопросу немногими бѣглыми замѣчаніями. Существуютъ, указываетъ онъ, извѣстныя демаркаціонныя линіи, раздѣляющія міръ. Одна общая граница включаетъ въ себя цивилизованныя націи, составляющія экономическій центръ міра. Здѣсь каждая часть очень чувствительна къ вліяніямъ, исходящимъ изъ другихъ частей, а потому существуетъ сильная тенденція къ установленію однообразныхъ цѣнностей и однообразныхъ нормъ заработной платы и процента. За предѣлами этой границы вліянія чувствуются уже гораздо слабѣе и потому существуютъ большія различія въ цѣнностяхъ и нормахъ заработной платы и процента. При статическомъ изученіи такого экономическаго центра мы предполагаемъ, что трудъ и капиталъ здѣсь остаются въ неизмѣнномъ количествѣ, что способы производства также не измѣняются, что конкуренція не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, и, наконецъ, что не существуетъ никакихъ импульсовъ, которые шли бы въ эту центральную область изъ лежащихъ внѣ ея областей. При такихъ условіяхъ рабочіе центральной области будутъ имѣть въ своей заработной платѣ добавочную часть, аналогичную предпринимательской прибыли. Напримѣръ, при совершенной конкуренціи между всѣми частями свѣта выгоды, получаемыя рабочими отъ усовершенствованія механическаго производства обуви, доставались бы и китайцамъ. Теперь же онѣ составляютъ какъ бы премію европейскихъ и американскихъ рабочихъ по сравненію съ азіатскими и африканскими,—барышъ отъ динамическаго источника, разлившійся только частично. Но и въ предѣлахъ центра такія выгоды достаются прежде всего отдѣльнымъ странамъ, идущимъ впереди другихъ въ культурномъ развитіи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Кларка, слѣдуетъ признать конечный статическій уровень заработной платы для всего міра (въ будущемъ, когда будутъ существовать тѣсныя экономическія отношенія между всѣми частями міра), квази-статическій уровень для цивилизованной части міра и мѣстный и квази-статическій уровень заработной платы для каждаго отдѣла этой цивилизованной части. Distribution of Wealth, стр. 431—438.

силъ нейтрализуетъ ихъ дѣйствіе. Пять основныхъ динамическихъ процессовъ [1) возрастаніе населенія; 2) увеличеніе капитала; 3) измѣненіе промышленныхъ пріемовъ; 4) измѣненіе способовъ организаціи труда и капитала для производственныхъ цѣлей и 5) умноженіе и утонченіе человѣческихъ потребностей], дѣйствуя одновременно, нейтрализуютъ другъ друга и заставляютъ существующую форму общества приближаться гораздо больше къ гипотетической статической формѣ, чѣмъ это было бы возможно, если бы эти вліянія дѣйствовали отдѣльно. Статическій законъ, заявляетъ Кларкъ, полностью дѣйствуетъ и при динамическихъ условіяхъ. Ни одна іота, ни одно титло не отнимаются отъ его полнаго вліянія, благодаря изобрѣтеніямъ, новымъ организаціямъ, возрастанію населенія и т. п. Если, напр., возрастетъ населеніе или увеличится капиталъ, то вначалѣ новыя приращенія будутъ имѣть мѣстный характеръ, порождая мѣстныя уклоненія отъ общей нормы; но затѣмъ населеніе или капиталъ будутъ переливаться въ другія промышленныя группы и мало-по-малу нарушенное равновѣсіе возстановится. А такъ какъ динамическія вліянія разнаго рода будутъ нейтрализировать другъ друга, то цѣнность, заработная плата и процентъ будутъ въ дѣйствительности держаться около ихъ статическихъ уровней. Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ поразительнымъ фактомъ, что для точнаго дѣйствія статическаго закона въ дѣйствительномъ мірѣ необходимы динамическія вліянія. Напр., если бы населеніе измѣнялось, а другія условія оставались прежними, то уровень заработной платы постоянно понижался бы, а процента— возрасталъ. Но въ дѣйствительности рядомъ съ указаннымъ процессомъ происходитъ и возрастаніе капитала, дѣйствующее въ противоположномъ направленіи и т. д. [1]). Кларкъ предполагаетъ и возможность постепеннаго измѣненія статическаго уровня въ связи съ прогрессомъ народнаго хозяйства. Если взять, напр., случаи промышленныхъ улучшеній, говоритъ онъ, то мы найдемъ, что каждое улучшеніе вначалѣ увеличитъ прибыль предпринимателя, затѣмъ

[1]) Clark, указ. соч., стр. 399—404 и 412—422.

процентъ и заработную плату, и въ концѣ концовъ установится новый высшій уровень этихъ доходовъ. Съ этого момента новый уровень будетъ также статическимъ, и къ нему будетъ тяготѣть заработная плата, пока новое техническое улучшеніе не установитъ новаго уровня. Во всякомъ случаѣ статическій уровень всегда будетъ отставать отъ происходящихъ измѣненій. Такимъ образомъ статическая политическая экономія должна намѣтить не одно, а нѣсколько статическихъ состояній, раздѣленныхъ извѣстными интервалами. Эти различныя состоянія порождаются динамическими силами, дѣйствіе которыхъ и должна раскрыть экономическая динамика [1]).

[1]) Динамическія силы должны, по мнѣнію Кларка, раскрыть и причины образованія прибыли предпринимателя, для которой нѣтъ мѣста при статическомъ состояніи. Динамическая наука указываетъ, какую долю получаетъ предприниматель при промышленныхъ улучшеніяхъ, статическая же наука разсматриваетъ прибыль предпринимателя въ ея позднѣйшемъ и постоянномъ состояніи, когда она превратилась въ приращенія заработной платы и процента. Какъ богатѣютъ нѣкоторые предприниматели, намъ показываетъ динамическая наука; какъ получаютъ выгоды рабочіе отъ прежнихъ улучшеній, говоритъ намъ статическая наука. При этомъ прибыль оказывается большей, когда она становится прибавкой къ заработной платѣ и проценту, чѣмъ когда она существовала въ своей первоначальной стадіи какъ барышъ предпринимателя. Разливаясь благодаря конкуренціи по всѣмъ отраслямъ промышленности какъ приращеніе къ заработной платѣ и проценту, она становится въ общей суммѣ больше, чѣмъ когда она была въ карманѣ предпринимателя. Такимъ образомъ, указываетъ Кларкъ, динамическая теорія должна объяснить намъ то экономическое треніе, благодаря которому предприниматели получаютъ свою прибыль. Статическая же теорія объясняетъ намъ размѣры заработной платы, послѣ того какъ это треніе уже совершенно устранено. Существованіе указаннаго интервала необходимо для промышленнаго прогресса, ибо только благодаря ему предприниматели могутъ быть побуждаемы къ организаціи производства. „Динамическая теорія и должна показать, какъ великъ интервалъ, гарантирующій максимальную норму прогресса,—т. е. какъ велика должна быть прибыль предпринимателей, чтобы заставить ихъ сдѣлать все, что они могутъ, для движенія заработной платы впередъ. Этотъ вопросъ сложенъ, какъ всѣ вопросы динамики, но очень проста та статическая теорія, которая показываетъ, что какъ бы ни была велика предпринимательская прибыль, рабочіе въ концѣ концовъ получаютъ львиную долю"... Clark, указ. соч., стр. 405—412.

Таковы выводы относительно причинъ заработной платы, устанавливаемые Кларкомъ съ гордымъ сознаніемъ человѣка, успѣшно справившагося съ головоломной задачей. Какъ видитъ читатель, они представляютъ только разбавленное повтореніе мыслей, высказанныхъ уже Тюненомъ, Джевонсомъ, Маршалломъ и Смартомъ, безъ теоретической остроты первыхъ и благоразумной осторожности вторыхъ. Книгу Кларка слѣдуетъ рекомендовать всѣмъ, увлекающимся приложеніемъ принципа предѣльной полезности къ выясненію основныхъ экономическихъ проблемъ, потому что она наглядно показываетъ, гдѣ лежитъ граница между новыми элементами, вносимыми въ теоретическую экономію этимъ принципомъ, и гдѣ начинается безконечная область безплодныхъ и безсодержательныхъ умствованій. Кларкъ выполнилъ свою задачу вполнѣ послѣдовательно, лишивъ развиваемую имъ теорію всѣхъ постороннихъ придатковъ, скрывающихъ у другихъ теоретиковъ предѣльной полезности истинное значеніе предлагаемаго ими разрѣшенія вопроса. Отъ того она сильно потеряла по сравненію, напр., съ ученіями Маршалла и Смарта (и даже Джевонса, который, при всей склонности къ индивидуально-психологическому разрѣшенію экономическихъ проблемъ, не забывалъ о наличности въ общественной жизни такихъ силъ, объясненія которыхъ нельзя найти въ одной индивидуальной экономіи) [1]), если ее разсматривать съ точки зрѣнія ея положительнаго содержанія; но въ этомъ же заключается, по нашему мнѣнію, и ея достоинство. Она какъ бы раскрываетъ (въ данномъ вопросѣ) секретъ школы предѣльной полезности, предлагая читателю только то, что можетъ дать эта школа, если она хочетъ быть послѣдовательной. Въ этомъ отношеніи теорія Кларка ближе къ попыткамъ воскрешенія фонда, сдѣланнымъ Бёмъ-Баверкомъ и Тауссигомъ, хотя необходимо отмѣтить, что она превосходитъ даже эти попытки

[1]) Въ данномъ отношеніи его взгляды, изложенные въ „Theory of Political Economy", хорошо дополняются его сравнительно менѣе извѣстнымъ небольшимъ спеціальнымъ трактатомъ объ отношеніи государства къ трудящимся классамъ (The State in Relation to Labour, 1 ed. London 1882).

упрощеніемъ вопроса. Объясненіе соціально-экономическихъ отношеній выводами индивидуальной экономіи проведено въ ней съ рѣшительностью и смѣлостью, не оставляющими желать большаго. Ниже мы еще вернемся къ критикѣ теоріи Кларка, а теперь, для завершенія намѣченнаго нами для этой главы очерка теорій заработной платы, перейдемъ къ характеристикѣ ученій второй группы сторонниковъ теоріи предѣльной полезности, пытающихся провести болѣе полную параллель между теоріей заработной платы и теоріей рыночной цѣны. Эти ученія примыкаютъ гораздо ближе къ ученію Маршалла. Слѣдуя въ общемъ намѣченной имъ схемѣ, они дополняютъ ее указаніемъ Джевонса на способъ установленія рыночной цѣны, разсматривая процессъ установленія заработной платы, какъ „рыночный торгъ" между предпринимателями и рабочими, въ которомъ обѣ стороны принимаютъ одинаковое участіе и стремятся, поскольку могутъ, отстаивать свои требованія [1]).

[1]) Аналогичную попытку (внѣ связи съ теоріей предѣльной полезности) сдѣлалъ Борегаръ въ своей книгѣ о теоріи заработной платы (P. Beauregard, Essai sur la theorie du salaire, Paris 1887), которая, къ сожалѣнію, была мало замѣчена при ея появленіи. Въ настоящее время книга Борегара уже сильно устарѣла и утратила всякое значеніе. Въ концѣ же 80-хъ г.г., въ особенности для французской и нѣмецкой экономической литературы, развиваемыя въ ней мысли могли служить хорошимъ стимуломъ для болѣе серьезнаго отношенія къ теоретической постановкѣ вопроса о заработной платѣ. Въ изслѣдованіи причинъ заработной платы и Борегаръ исходитъ изъ идеи о рыночномъ торгѣ, высказывая часто очень удачныя замѣчанія относительно условій и процесса рыночной борьбы при договорѣ о наймѣ труда. Впрочемъ, научное значеніе имѣетъ только вторая часть Essai. Первая же, въ которой авторъ ставитъ себѣ грандіозную задачу—изслѣдовать дѣйствительное историческое развитіе заработной платы (какъ номинальной, такъ и реальной) у различныхъ культурныхъ народовъ, начиная съ древнихъ грековъ и римлянъ и кончая современными капиталистическими націями,—составлена крайне поверхностно и на основаніи матеріаловъ, взятыхъ по большей части изъ вторыхъ рукъ. Но и во второй (теоретической) части авторъ не разъ прерываетъ ходъ теоретическихъ разсужденій крайне тенденціозными, легкомысленными и неидущими къ дѣлу сентенціями изъ области соціальной политики, моральной оцѣнки притязаній рабочихъ и предсказаній вѣроятнаго будущаго въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими въ капиталистическихъ странахъ вообще и въ частности во Франціи.

На книгу Давидсона (The Bargain Theory of Wages) намъ не разъ приходилось ссылаться выше. Небольшая по объему, она привлекаетъ живой интересъ талантливой характеристикой не только собственнаго взгляда автора на причины заработной платы, но и главнѣйшихъ теорій (теоріи средствъ существованія, теоріи фонда и теоріи производительности), въ послѣдовательной смѣнѣ которыхъ авторъ пытается найти ключъ къ дальнѣйшему продолженію теоретической работы. Въ свою собственную аргументацію Давидсонъ вводитъ много соображеній, почерпнутыхъ изъ наблюденія дѣйствительныхъ отношеній между хозяевами и рабочими въ капиталистическихъ странахъ и во многомъ подвигаетъ ее дальше по сравненію съ ученіями другихъ экономистовъ того же направленія; и если бы не тѣсныя рамки, въ которыя Давидсонъ старается вдвинуть свое объясненіе вопроса о заработной платѣ, то его теорія имѣла бы еще болѣе крупное значеніе, возвращая, наконецъ, въ самомъ лагерѣ школы предѣльной полезности теорію заработной платы, загнанную въ глухой уголъ произвольныхъ гипотетическихъ выкладокъ, на свѣжій воздухъ реалистическаго изслѣдованія.

Въ постановкѣ вопроса Давидсонъ слѣдуетъ формальнымъ рамкамъ, даннымъ теоріей фонда, въ которыя онъ считаетъ возможнымъ вложить матеріалъ теорій средствъ существованія и производительности, приспособляя его къ основному ученію школы предѣльной полезности [1]).

Покупка и продажа труда, говоритъ онъ, во многихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ сходство съ первобытнымъ обмѣномъ. При первобытной мѣновой сдѣлкѣ каждый контрагентъ исходитъ изъ двухъ оцѣнокъ полезностей: и вещи, которую онъ отдаетъ, и вещи, которую онъ получаетъ. При современномъ обмѣнѣ (въ трудораздѣльномъ хозяйствѣ) полезность вещи для продавца оказывается уже безразличной, такъ какъ эта вещь производится имъ исключительно ради обмѣна на другіе необходимые ему предметы. Наоборотъ, ра-

---

[1]) I. Davidson, The Bargain Theory of Wages, стр. 128 и 135.

бочій, продавая свой трудъ, и теперь относится къ нему не безразлично. „Такъ какъ всякій трудъ включаетъ въ себя непріятность (disutility), то мы никогда не можемъ сказать, что рабочій отдаетъ то, что представляетъ для него низкую предѣльную полезность, чтобы получить то, что имѣетъ въ его глазахъ высокую предѣльную полезность. Непосредственно способность къ работѣ можетъ быть мало полезна для рабочаго, но непріятность труда остается значительной. Гдѣ рабочій способенъ взглянуть вполнѣ объективно на то, что онъ продаетъ, цѣна труда можетъ быть опредѣлена подобно цѣнѣ всѣхъ другихъ товаровъ почти цѣликомъ на сторонѣ предложенія; но воспоминаніе или предвидѣніе непріятности усилій слишкомъ сильны, чтобы позволить ему отнестисть такъ объективно“ [1])... Намѣтивъ характерныя черты современной купли-продажи труда, Давидсонъ переходитъ къ вопросу о причинахъ, опредѣляющихъ его цѣну. „Цѣна труда устанавливается въ извѣстномъ пунктѣ между двумя направленными на него оцѣнками—оцѣнкой предпринимателя и оцѣнкой рабочаго. Оцѣнка рабочаго является результатомъ двухъ факторовъ—одного положительнаго и одного отрицательнаго—полезности вознагражденія и непріятности (disutility) труда; оцѣнка предпринимателя въ цѣломъ зависитъ отъ косвенныхъ полезностей, доставляемыхъ тѣмъ, что онъ покупаетъ, или лучше—учитываемой напередъ цѣнностью продукта, создаваемаго усиліями рабочаго“. При этомъ оцѣнка предпринимателя является максимумомъ того, что онъ желаетъ (или можетъ) заплатить, оцѣнка рабочаго—минимумомъ того, что онъ надѣется получить отъ предпринимателя. „Цѣнность труда обыкновенно устанавливается ни на той, ни на другой изъ этихъ оцѣнокъ, а гдѣ-нибудь между ними, какъ бы въ спорной области (in a kind of debatable ground)“. Гдѣ именно—это зависитъ отъ обстоятельствъ. Исходъ зависитъ отъ сравнительной силы борющихся сторонъ—отъ слабости одной настолько же, какъ отъ силы другой, а потому и не можетъ

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 135—138.

быть опредѣленъ заранѣе... Мы можемъ сказать только, что заработная плата установится гдѣ-нибудь между указанными предѣлами въ зависимости отъ сравнительной силы и знаній договаривающихся". При этомъ установленіе заработной платы въ какомъ-либо пунктѣ не можетъ считаться окончательнымъ, а подлежитъ измѣненіямъ въ будущемъ, соотвѣтственно перемѣнамъ въ силѣ сторонъ. „Вѣроятно, замѣчаетъ Давидсонъ, что благодаря различнымъ причинамъ предѣлы (захвата спорной области), отстаиваемые трудомъ и уступаемые ему, постоянно подвигаются впередъ съ каждымъ годомъ; но рабочій, повидимому, далеко еще не захватываетъ всей спорной области, потому что ...подъемъ оцѣнки рабочаго дѣлаетъ возможнымъ, въ силу бо́льшей производительности, сопровождающей обыкновенно болѣе высокую заработную плату,—подъемъ оцѣнки предпринимателя" [1]).

Такова постановка вопроса, даваемая Давидсономъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ разсматриваетъ подробно элементы оцѣнки предпринимателя и рабочаго, а также и процессъ установленія платы въ предѣлахъ „спорной области".

Онъ начинаетъ съ оцѣнки рабочаго (т. е. съ предложенія труда). Эта оцѣнка, указываетъ онъ, не можетъ быть приравнена къ уровню средствъ его существованія, какъ бы широко ни понимать этотъ терминъ. Рабочій оцѣниваетъ не только значеніе предлагаемаго вознагражденія, но и степень непріятности труда. Уравненіе этихъ двухъ элементовъ и даетъ въ результатѣ ту сумму требованій, съ которой онъ выступаетъ предъ предпринимателемъ. Непріятность труда, по мнѣнію Давидсона, въ цѣломъ возрастаетъ. Если представляется еще спорнымъ, увеличилась ли въ дѣйствительности положительная непріятность труда [2]), то его отрицательная непріятность несомнѣнно увеличивается. Это

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 140—142.

[2]) Дурныя стороны современной промышленной работы, по мнѣнію Давидсона, въ значительной мѣрѣ парализованы уже фабричнымъ и санитарнымъ законодательствомъ; кромѣ того эти мѣры, вѣроятно, въ большей мѣрѣ ослабили непріятность труда, чѣмъ она была усилена увеличеніемъ быстроты хода машинъ и интенсивности работы.

„вытекаетъ изъ зависимости рабочаго отъ его предпринимателя и широкораспространеннаго чувства, что при работѣ по чужому приказу теряется до извѣстной степени полный ростъ человѣка. Это чувство составляетъ факторъ растущаго значенія въ дѣлѣ установленія заработной платы... Не можетъ быть сомнѣнія, что отрицательно-непріятныя стороны труда имѣютъ большое значеніе въ вопросѣ о заработной платѣ, и что съ распространіемъ образованія, въ узкомъ и широкомъ смыслѣ этого слова, и съ ростомъ политической силы рабочихъ классовъ они пріобрѣтутъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе. Чѣмъ больше чувство самоуваженія у работника, тѣмъ выше будетъ его оцѣнка непріятности труда, и тѣмъ выше низшая граница заработной платы" [3]).

Другимъ факторомъ въ уравненіи, дающемъ низшую границу заработной платы, является полезность, доставляемая вознагражденіемъ за трудъ. Данная сумма удовлетворенія можетъ быть получена покрытіемъ немногихъ потребностей большей интенсивности или большого количества потребностей меньшей интенсивности. Возможно поэтому, что интенсификація элементарныхъ физическихъ и культурныхъ (human) потребностей можетъ побудить индивидуума находить уравненіе полезности и непріятности въ меньшемъ количествѣ благъ. Такая интенсификація элементарныхъ потребностей случается часто, и всегда рабочій употребитъ при ней больше усилій, чтобы получить даннное удовлетвореніе, чѣмъ въ другое время. „Искусный рабочій, который вынужденъ взять работу, организованную для поддержки безработныхъ, оцѣниваетъ себя не меньше, но зато вознагражденіе—больше; и вдова согласится на рабскій трудъ за ничтожную плату, чтобы спасти дѣтей отъ голода. Съ другой стороны, чѣмъ дальше человѣкъ отъ опасности голода, тѣмъ меньше будетъ предѣльная полезность вознагражденія, и тѣмъ скорѣе онъ найдетъ, что непріятность работы превышаетъ полезность вознагражденія, и тѣмъ выше поэтому

[3]) Davidson, указ. соч., стр. 144—150.

будетъ плата, которая должна быть ему предложена, чтобы побудить его къ работѣ" [1]).

Къ этому Давидсонъ прибавляетъ, что рабочій не необходимо руководится такой индивидуальной оцѣнкой, а что часто существуетъ въ странѣ уже какъ бы заранѣе данная искусственная низшая граница заработной платы. Такъ, въ новыхъ странахъ земледѣліе и экстрактивная промышленность опредѣляютъ уровень заработной платы въ другихъ отрасляхъ промышленности. „Въ новой странѣ всякій думаетъ, что онъ имѣетъ достаточно свѣдѣній, чтобы быть фермеромъ, и легкость доступа къ землѣ улучшаетъ позицію рабочаго не только уменьшеніемъ предложенія наемныхъ рабочихъ, но также и устраненіемъ той слабости (by removing some of the disabilities), которая можетъ заставить рабочаго, благодаря интенсивности его элементарныхъ нуждъ, находить уравненіе полезности и непріятности въ меньшемъ количествѣ товаровъ. Когда человѣкъ „можетъ имѣть свой собственный кусокъ земли", нѣтъ вѣроятности, чтобы элементарныя потребности очень выступали, а свобода и независимость фермера дѣлаетъ зависимость наемнаго рабочаго болѣе тягостной и нежелательной. По мѣрѣ того какъ страна наполняется, рабочій долженъ больше опираться на самого себя и на свою собственную оцѣнку. Это не значитъ, какъ думалъ Франклинъ, что заработная плата должна падать, по мѣрѣ того какъ нація становится промышленной. Въ дѣйствительности наблюдается противоположный результатъ, потому что развитіе мануфактуръ создаетъ новыя потребности, а созданіе новыхъ потребностей означаетъ, что рабочій долженъ получить большее количество продуктовъ, чтобы установить уравненіе полезности и непріятности. Но будетъ ли новая естественная граница выше или ниже, чѣмъ старая искусственная, рабочій долженъ полагаться теперь только на себя одного" [2]).

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 150—151.

[2]) Тамъ же, стр. 151—153.

Верхняя граница заработной платы—оцѣнка предпринимателя—болѣе опредѣленна и болѣе абсолютна, чѣмъ оцѣнка рабочаго. Она болѣе опредѣленна, потому что предприниматель въ меньшей степени руководится своими личными чувствами и больше принимаетъ въ расчетъ оцѣнки другихъ предпринимателей. Онъ имѣетъ при этомъ объективную мѣрку въ производительности рабочаго, такъ какъ его опредѣленіе „полезности" рабочаго является просто предварительнымъ вычисленіемъ цѣны, какую онъ можетъ получить за продукты труда нанимаемаго рабочаго. Эта граница и болѣе абсолютна, чѣмъ низшая, потому что предприниматель имѣетъ твердое убѣжденіе, что его оцѣнка точна и справедлива [2]).

Оцѣнка предпринимателя является результатомъ двухъ факторовъ—количества, какое рабочій можетъ произвести, и средствъ, находящихся въ распоряженіи предпринимателя. Первый факторъ не требуетъ объясненій. Подъ вторымъ Давидсонъ понимаетъ „не средства какого-либо случайнаго индивидуума, который можетъ, правильно или нѣтъ, стремиться быть предпринимателемъ, но средства предѣльнаго предпринимателя (marginal employer), т. е. въ концѣ концовъ количество настоящаго дохода, который общество желаетъ вынуть изъ настоящаго потребленія и обратить на покупку труда... Предприниматель является распредѣлителемъ заработной платы; и хотя размѣры его средствъ могутъ вліять только на денежную плату, тѣмъ не менѣе вопросъ о денежной платѣ является самой важной частью въ вопросѣ о реальной заработной платѣ. Средства, находящіяся въ распоряженіи предпринимателя, включаютъ и кредитъ, которымъ онъ можетъ пользоваться въ банкѣ или какимъ-либо инымъ способомъ. Монетная и денежная системы общества имѣютъ такимъ образомъ громадное значеніе для рабочихъ классовъ. Размѣры хозяйственной дѣятельности (business) періодически увеличиваются, и если денежная система страны не эластична и не увеличивается

---

[2]) Тамъ же, стр. 153—154.

въ объемѣ вмѣстѣ съ расширеніемъ промышленныхъ оборотовъ, то представляется большая опасность, что цѣнность труда будетъ періодически понижаться. Когда банковыя учрежденія рѣдки и кредитная система несовершенна или неразвита, принимаются различные способы, обыкновенно въ связи съ формами вознагражденія, для пополненія пробѣла. Заработная плата выдается не еженедѣльно или черезъ двѣ недѣли, а помѣсячно или черезъ три мѣсяца, уплачивается цѣликомъ или отчасти товарами и т. п. Все это въ концѣ концовъ не замѣняетъ недостатковъ денежной и кредитной системы, а только ослабляетъ положеніе рабочаго при договорѣ о заработной платѣ.

Таковъ предѣлъ заработной платы, устанавливаемый предпринимателемъ. Его нельзя считать неизмѣннымъ; но больше вѣроятности, что онъ будетъ подниматься, чѣмъ падать. Подъемъ его зависитъ отъ двухъ причинъ. 1) увеличенія производительности труда работника и 2) улучшенія кредитной системы [1]).

Можетъ ли заработная плата подняться выше максимальнаго предѣла, намѣченнаго предпринимателемъ? Давидсонъ думаетъ, что нѣтъ. „Какъ бы силенъ ни былъ рабочій, мы можемъ практически считать эту верхнюю границу послѣднимъ и непреодолимымъ препятствіемъ подъему заработной платы. Предприниматель можетъ платить больше труду, только уплачивая меньше другимъ претендентамъ на долю въ продуктѣ, а это предполагаетъ новую организацію предпріятія (a readjustment)—задача, которой онъ едва ли будетъ искать. Онъ можетъ быть вынужденъ взяться за нее необходимостью или давленіемъ общественнаго мнѣнія; но давленіе это должно быть слишкомъ велико. Если такая реорганизація не можетъ быть выполнена, то предприниматель можетъ обратить противъ претензій рабочихъ принципъ субституціи, замѣщая трудъ машинами. И только если этотъ принципъ непримѣнимъ, требованія рабочихъ будутъ приняты, результатомъ чего будетъ сокращеніе при-

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 158—161.

былей или найма на работу (employment), или того и другого. Могутъ сказать, что усиленное потребленіе рабочихъ, созданное повышенной заработной платой, можетъ компенсировать результаты повышенія, создавая бо́льшій спросъ на продукты и тѣмъ расширяя промышленность. Но отрасли промышленности, въ которыхъ непримѣнимъ принципъ субституціи, создаютъ продукты, мало потребляемые рабочими классами (это—занятія, гдѣ требуется артистическая работа, не допускающая замѣны труда машинами). „Компенсація несчастнаго предпринимателя, который былъ вынужденъ платить высшую заработную ппату, чѣмъ онъ могъ, можетъ заключаться только въ повышеніи общаго благостостоянія, которое стремится слѣдовать за постояннымъ увеличеніемъ спроса на продукты какой-либо промышленности или группы промышленностей. Слѣдовательно, эта компенсація, если и не будетъ въ высшей степени проблематичной, во всякомъ случаѣ окажется весьма непрямой“ [1]).

Таковы предѣлы заработной платы. Они устанавливаются собственными соображеніями рабочихъ и предпринимателей, и „общественное мнѣніе и законодательство, которыя имѣютъ значительное вліяніе на опредѣленіе того пункта, на которомъ установится дѣйствительная заработная плата между этими предѣлами, не имѣютъ регулярнаго и опредѣленнаго вліянія на самые предѣлы“ [2]).

Но знаніе предѣловъ заработной платы не указываетъ еще намъ на тотъ пунктъ, гдѣ въ дѣйствительности упадетъ заработная плата. Слѣдуя указанію, данному Джевонсомъ въ его теоріи цѣны, Давидсонъ принимаетъ, что этотъ

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 155—158.

[2]) Единственнымъ исключеніемъ Давидсонъ считаетъ случаи опредѣленія заработной платы выше его надлежащаго размѣра, когда предприниматели устанавливаютъ оцѣнку труда высшихъ служащихъ, лицъ одинаковаго съ ними общественнаго положенія, бюджетъ которыхъ они склонны поэтому вычислять въ преувеличенномъ размѣрѣ. Davidson, указ. соч., стр. 161—162.

пунктъ опредѣлится соотношеніемъ силъ договаривающихся сторонъ [1]).

Терминъ „сравнительная сила сторонъ" Давидсонъ отграничиваетъ отъ понятія конкуренціи, которая, по мнѣнію теоретиковъ фонда, одна только опредѣляетъ заработную плату. Въ дѣйствительности же, замѣчаетъ Давидсонъ, конкуренція является лишь однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ сравнительную силу сторонъ, хотя, „несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ важныхъ". Наряду съ нимъ дѣйствуютъ еще слѣдующіе:

1) Сила рабочихъ, какъ стороны при договорѣ о заработной платѣ, зависитъ отъ знанія рынка. Въ этомъ от-

[1]) „Между этими предѣлами цѣнность труда опредѣляется сравнительной силой договаривающихся сторонъ. Если рабочій слишкомъ слабъ, чтобы подкрѣпить свое требованіе, заработная плата будетъ ближе къ ея низшему предѣлу; если рабочій силенъ (is a strong bargainer),—то ближе къ оцѣнкѣ предпринимателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ организація и союзная дѣятельность (organisation and combination) значительно усиливаютъ позицію рабочаго, предѣлы спорной территоріи будутъ почти поглощены трудомъ; такой случай, вѣроятно, и наблюдается, когда вынуждается минимальная заработная плата, устанавливаемая правилами трэдъ-юніона. Дальнѣйшая задача политики трэдъ-юніона должна поэтому заключаться въ понужденіи къ общей реорганизаціи (readjustment) условій распредѣленія (terms of distribution) — задача, гораздо болѣе трудная, чѣмъ уже достигнутая (доведеніе размѣровъ заработной платы до оцѣнки предпринимателя), потому что въ этомъ случаѣ силы трэдъ-юніона встрѣтятъ сопротивленіе не только со стороны предпринимателя, не желающаго сокращать свою прибыль, но также и со стороны другихъ участниковъ въ продуктѣ, не желающихъ какого бы то ни было измѣненія (readjustment), урѣзывающаго ихъ доли. Невозможно опредѣлить, могъ ли трудъ, и какъ часто,—поглотить указанный предѣлъ; потому что максимальная оцѣнка предпринимателя опредѣленно извѣстна только предпринимателю, а его протесты... надо принимать съ большой осторожностью. Колебанія дѣйствительныхъ размѣровъ заработной платы..., повидимому, не позволяютъ намъ заключить, что предѣлъ постоянно поглощался которой-либо изъ сторонъ. Сила рабочаго благодаря союзамъ (combination) очень велика; но его нужды, вліяніе которыхъ онъ стремится нейтрализовать путемъ союзной дѣятельности (by means of these combinations), также очень велики, а объединеніе наталкивается на объединение (хозяевъ)". David-son, указ. соч., стр. 162—163.

ношеніи за послѣднія полстолѣтія его положеніе значительно улучшилось, благодаря распространенію общаго образованія, передачѣ прессой промышленныхъ новостей, организаціи и федераціи союзовъ рабочихъ и открытію промышленныхъ бюро (государственныхъ и муниципальныхъ) для собиранія и распространенія свѣдѣній о положеніи промышленности въ различныхъ частяхъ страны. Но предприниматели все еще оказываются въ болѣе выгодномъ положеніи отчасти потому, что бюро труда имѣли до сихъ поръ больше значенія для цѣлей научнаго изслѣдованія, чѣмъ для практическихъ потребностей рабочихъ, отчасти потому, что пріобрѣтеніе необходимыхъ для рабочаго свѣдѣній затрудняло ь способами выдачи заработной платы (truck system, участіе въ прибыляхъ и т. п.) [1]).

2) Второе условіе, сообщающее силу при договорѣ— способность воспользоваться своимъ знаніемъ, также благопріятнѣе для хозяевъ, чѣмъ для рабочихъ. Рабочій часто въ силу нужды не можетъ воспользоваться обстоятельствами, которыя ему извѣстны. Его главная бѣда—недостатокъ подвижности. Съ другой стороны, всѣ неблагопріятныя условія жизни рабочаго приводятъ къ тому, что его характеръ—въ смыслѣ рѣшительности и настойчивости въ отстаиваніи своихъ интересовъ—слабѣе, чѣмъ у предпринимателя. Правда, этотъ недостатокъ характера у индивидуальнаго рабочаго замѣняется организаціей (трэдъ-юніонами), которая затѣмъ оказываетъ благотворное вліяніе и на выработку индивидуальнаго характера рабочихъ. Кромѣ этого, на характеръ рабочихъ, а слѣдовательно и на способность ихъ отстаивать свои интересы при договорѣ оказываютъ вліяніе фабричное законодательство, законы объ отвѣтственности предпринимателей, а также и „всякія мѣры, которыя имѣютъ цѣлью, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ, способствовать улучшенію положенія народа", какъ напр., обязательное обученіе, поощреніе бережливости и т. п. [2]).

---

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 164—166.

[2]) Тамъ же, стр. 168 - 170.

3) Наконецъ, рабочаго можетъ поддерживать въ его договорѣ съ хозяиномъ сила общественнаго мнѣнія. Она можетъ „дать рабочему увѣренность въ его требованіяхъ и сдѣлать его рѣшительнѣе въ его усиліяхъ добиться ихъ осуществленія. Общественное мнѣніе можетъ усилить позицію рабочихъ, потому что есть нѣчто угнетающее (depressing) въ томъ, когда люди остаются въ меньшинствѣ, и предприниматель до извѣстной степени раздѣляетъ эту общую слабость. Т. обр., даже когда общественное мнѣніе не находитъ болѣе сильнаго (forcible) выраженія, чѣмъ письма въ газеты, его вліяніе на промышленное положеніе можетъ быть значительнымъ". Кромѣ выраженія негодованія и протеста противъ алчности предпринимателей, общественное мнѣніе высказывается и въ видѣ денежныхъ пожертвованій въ пользу „интереснаго угнетеннаго класса" (a picturesquely depressed class) въ его борьбѣ за экономическую свободу или высшую заработную плату". До сихъ поръ, по мнѣнію Давидсона, вліяніе общественнаго мнѣнія [1]) на положеніе рабочихъ сказывалось случайно и капризно; но есть основанія для заключенія, что въ будущемъ вліяніе это будетъ возрастать. „Несомнѣнно существуетъ растущій интересъ къ вопросамъ труда со стороны тѣхъ, кто образуетъ или формируетъ общественное мнѣніе. Газеты и журналы, церковные конгрессы и научныя ассоціаціи обнаруживаютъ аналогичную тенденцію; и этотъ общественный интересъ несомнѣнно будетъ дѣйствовать болѣе полно и болѣе упорно"... Однако, общественное мнѣніе нуждается еще, по мнѣнію Давидсона, въ „воспитаніи" и не столько словомъ, сколько примѣромъ. „Вліяніе образцовыхъ предпринимателей отъ Леклэра до Мазера, которые отчасти стремились смотрѣть на вопросы труда съ точки зрѣнія самого рабочаго, уже

---

[1]) Отграничивая это понятіе отъ законодательства, которое, однако, само является только „кристаллизованнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Наиболѣе благодѣтельныя части рабочаго законодательства, какъ напр. фабричные законы и т. п. были проведены въ результатѣ систематическаго давленія просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія". David-son, указ. соч., стр. 171.

начинаетъ обнаруживаться на общественномъ мнѣніи; а вліяніе государственной и муниципальной власти дѣйствуетъ въ томъ же направленіи". Постановленія о хорошихъ условіяхъ труда при общественныхъ подрядахъ и т. п., „вѣроятно, должны создать чувство, которое будетъ помогать рабочему, и притомъ способомъ, создающимъ мало тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя обыкновенно вытекаютъ изъ законодательнаго вмѣшательства въ промышленную дѣятельность. Вліяніе этого чувства можетъ включать въ себя нѣкоторую несправедливость по отношенію къ предпринимателямъ, не поддерживаемымъ общественными фондами, но нужда рабочаго перестанетъ уже считаться удобнымъ случаемъ для предпринимателя. Конечнымъ результатомъ, благодаря развитію симпатіи и совѣстливости у предпринимателей, явится у нихъ и желаніе платить безъ понужденія все то, чего рабочій въ дѣйствительности стоитъ, чѣмъ только то, что онъ будетъ вынужденъ взять. Процессъ подъема промышленнаго дѣла (business) до ранга профессіи, въ силу давленія посторонняго мнѣнія, необходимо долженъ быть медленнымъ; но спорадическое появленіе схемъ участія въ прибыляхъ въ той или другой формѣ показываетъ, что старая индивидуалистическая точка зрѣнія можетъ быть со временемъ оставлена" [1]).

Эти соображенія исчерпываютъ въ существѣ предлагаемую Давидсономъ теорію заработной платы. Но намѣтивъ въ крупныхъ чертахъ разрѣшеніе поставленнаго вопроса, Давидсонъ обращается въ дальнѣйшемъ изложеніи къ подробному анализу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на высоту заработной платы путемъ подкрѣпленія той или другой стороны въ ихъ борьбѣ, а именно: 1) подвижности труда; 2) дѣятельности трэдъ-юніоновъ; 3) способовъ вознагражденія за трудъ. Въ характеристикѣ этихъ вліяній Давидсонъ обнаруживаетъ большое пониманіе ихъ реальнаго характера, отбрасывая шаблонныя ходячія мнѣнія индивидуалистической школы. Такъ, онъ отмѣчаетъ, что подвижность

[1]) Davidson, указ. соч., стр. 171—173.

труда могла служить существеннымъ средствомъ помощи рабочимъ только до той поры, пока они не располагали другимъ, болѣе надежнымъ орудіемъ—коллективной борьбой съ предпринимателями [1]). Интересно и разграниченіе, проводимое имъ между вліяніемъ подвижности труда при переходѣ изъ одной отрасли промышленности въ другую (trade mobility) и изъ одной мѣстности въ другую (place mobility). Здѣсь также мы находимъ у него много очень мѣткихъ и тонкихъ указаній [2]). Столь же оригинально и глубоко задумана и характеристика вліянія на высоту заработной платы формъ вознагражденія, существенно дополняющая извѣстную работу Шлосса [3]). Менѣе удаченъ очеркъ вліянія трэдъ-юніоновъ, основанный не столько на внимательномъ анализѣ фактическаго матеріала, какъ въ двухъ первыхъ случаяхъ, сколько на гипотетическихъ предположеніяхъ [4]).

Если Давидсонъ, устанавливая параллель между теоріей заработной платы и теоріей образованія рыночныхъ цѣнъ, постоянно обращается въ сторону изученія дѣйствительныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, то Гобсонъ, ставя себѣ такую же задачу, ищетъ точки опоры въ предварительномъ абстрактномъ анализѣ рыночной сдѣлки вообще, пы-

---

[1]) The Bargain Theory of Wages, стр. 176—181.

[2]) Тамъ же, стр. 181—252.

[3]) The Bargain Theory of Wages, стр. 281—311.

[4]) Значеніе этого фактора Давидсонъ не считаетъ очень крупнымъ. Онъ признаетъ, что трэдъ-юніоны благопріятно вліяютъ на повышеніе оцѣнки продавца труда (рабочаго), поднимая его чувство самоуваженія, на повышеніе оцѣнки покупщика труда, поднимая уровень выполняемой ихъ членами работы, и въ особенности—на укрѣпленіе позиціи рабочаго при договорѣ, дозволяющее ему захватывать въ свою пользу извѣстную часть „спорной области" между высшимъ и низшимъ предѣлами заработной платы. Но всѣ эти вліянія, отчасти потому, что они сталкиваются съ противодѣйствующими причинами (напр. трудностью поддержанія дисциплины и солидарности среди членовъ трэдъ-юніоновъ, въ особенности благодаря вліянію женщинъ), въ конечномъ результатѣ даютъ, по мнѣнію Давидсона, сравнительно немногое. The Bargain Theory of Wages, стр. 263—269.

таясь такимъ путемъ „координировать" объясненіе образованія всякаго рода доходовъ. Такъ какъ рыночныя сдѣлки (bargains) образуютъ, по мнѣнію Гобсона, основные акты (constituent acts) распредѣленія, то необходимо начать съ выясненія ихъ существенныхъ чертъ, „умѣренно пользуясь" абстрактнымъ методомъ, которымъ современные экономисты напрасно пренебрегаютъ, надѣляя его презрительной кличкой „робинзонады" (Crusoe economics). „Такой спекулятивный анализъ, при всѣхъ его опасностяхъ, неизбѣженъ для соціальныхъ наукъ. Условія индуктивнаго разсужденія на основаніи опыта, существующія во многихъ отрасляхъ естествознанія, здѣсь, какъ извѣстно, отсутствуютъ, и для заполненія этого пробѣла выдвигается процессъ воображаемаго опыта, путемъ образованія гипотетическихъ случаевъ, гдѣ устранены несущественныя обстоятельства, для того чтобы мы могли наблюдать яснѣе дѣйствіе нѣкоторыхъ простыхъ силъ" [1]). Гобсонъ такимъ образомъ сознательно становится на путь изслѣдованія, проложенный Джевонсомъ и австрійской школой, примѣняя свое разсужденіе къ анализу установленія цѣны на конномъ рынкѣ, данному Бёмъ-Баверкомъ, и дополняя его соображеніемъ Джевонса относительно фиксированія цѣны въ томъ или другомъ пунктѣ между предѣлами, полагаемыми оцѣнками покупателей и продавцовъ. Гобсонъ особенно настаиваетъ на томъ, что рыночная сдѣлка всегда даетъ одной изъ сторонъ „вынужденный выигрышъ" (forced gain) [2]), въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ двухъ условій: 1) бо́льшей или меньшей настоятельности покупки или продажи и 2) большей или меньшей силы или искусства торговаться [3]).

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ вопросу о цѣнахъ, уплачиваемыхъ за пользованіе факторами прозвод-

[1]) I. A. Hobson. The Economics of Distribution. New-lork 1900, стр. 2—4.

[2]) Который Гобсонъ предлагаетъ строго отличать отъ „дифференціальнаго выигрыша", получаемаго въ силу разницы между субъективной оцѣнкой участниковъ сдѣлки и дѣйствительной цѣной.

[3]) Economics of distribution, стр. 5—40.

ства, Гобсонъ, слѣдуя Джевонсу, стремится устранить недоразумѣніе, прочно укоренившееся въ экономической литературѣ, по которому теорія продажи пользованія капиталомъ и рабочей силой сближалась съ теоріей продажи товаровъ, но не пользованія землей. Онъ предлагаетъ подвести продажу пользованія всѣми факторами производства, т. е. и землею, подъ общіе законы цѣнности и цѣны, раскрываемые изслѣдованіемъ рыночнаго договора относительно товаровъ. Теорія Рикардо, что „рента не входитъ въ цѣну" и что предѣльный участокъ земли не даетъ ренты, неправильно упрощаетъ проблему, предполагая, что производится только одинъ продуктъ (пшеница), и что земли имѣется больше, чѣмъ требуется, причемъ часть ея качествомъ немного ниже худшей земли, находящейся подъ обработкой. Въ дѣйствительности же при возрастаніи спроса на пшеницу можетъ наступить моментъ, когда вся земля будетъ подъ обработкой и самая худшая земля будетъ давать ренту (не дифференціальную, а вынужденную или ренту рѣдкости). Съ другой стороны — что особенно важно — бóльшая часть земельныхъ участковъ можетъ быть употреблена на различныя цѣли, въ результатѣ чего участокъ, не дающій ренты при одномъ употребленіи (напр. при воздѣлываніи пшеницы), будетъ давать ренту при другомъ (при употребленіи подъ пастбище). Поэтому переходъ земли отъ одного употребленія къ другому (отъ пастбища къ воздѣлыванію пшеницы) создаетъ ренту, нѣсколько превышающую ренту при прежнемъ ея употребленіи и входящую, какъ положительная, а не дифференціальная рента, въ цѣну получаемаго съ этой земли новаго продукта. Слѣдовательно дифференціальная рента должна измѣряться не отъ земли, не дающей ренты, а отъ минимальной положительной (или специфической) ренты съ каждаго разряда земель.

Заручившись этимъ предварительнымъ выясненіемъ земельной ренты, Гобсонъ и переходитъ къ вопросу о координаціи съ помощью рентнаго принципа объясненія доходовъ всѣхъ факторовъ производства. Мысль, что доходъ, получаемый отъ другихъ факторовъ производства, кромѣ

земли, имѣетъ рентный характеръ, не нова въ экономической литературѣ. Но, по мнѣнію Гобсона, ее высказывали не настолько опредѣленно, какъ это необходимо. Гобсонъ же ставитъ ее во главу угла всей теоріи распредѣленія. Но прежде чѣмъ приступить къ ея обоснованію, онъ считаетъ необходимымъ устранить нѣкоторыя препятствія. Главныя затрудненія при выполненіи задачи координаціи факторовъ возникаютъ, по его мнѣнію, изъ недостатковъ общепринятой терминологіи и заключаются по преимуществу въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ.

Первое затрудненіе возникаетъ изъ того, что обыкновенно трудъ и землю разсматриваютъ въ ихъ конкретныхъ формахъ, капиталъ же въ видѣ абстрактной величины, измѣряемой денежной суммой, а не въ его конкретной формѣ, каковы орудія, сырой матеріалъ и т. п. Очевидно, что для координаціи необходимо представлять и капиталъ въ такой же формѣ, какъ и другіе факторы. Для платежей за пользованіе конкретнымъ капиталомъ Гобсонъ предлагаетъ терминъ interest, отграничивая его, когда понадобится, отъ денежнаго процента (financial interest) прибавкой прилагательнаго real къ первому и money ко второму.

Другое затрудненіе заключается въ разрѣшеніи вопроса: можемъ ли мы распространить понятіе предѣльнаго употребленія на капиталъ и трудъ? И это затрудненіе, по мнѣнію Гобсона, вполнѣ устранимо. Доходъ на капиталъ включаетъ въ себя суммы, идущія на поддержаніе существующаго капитала, и которыя, слѣдовательно, не входятъ въ процентъ. Этотъ доходъ можетъ оказаться необходимымъ минимумомъ для поддержанія старыхъ формъ капитала (для примѣненія новыхъ формъ необходимъ, конечно, и положительный процентъ), и, такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ Уокеромъ, что понятіе земли, не дающей ренты, можно распространить на предпріятія, не дающія прибыли, и что прибыли лучшихъ предпріятій могутъ быть измѣряемы, исходя отъ этого предѣла, подобно тому, какъ ренты съ земли измѣряются, исходя отъ предѣльной земли, не дающей ренты.

Но если капиталъ можетъ быть приравненъ къ землѣ

въ данномъ отношеніи, то какъ быть съ трудомъ? Если есть участки земли, не дающіе ренты, то развѣ есть рабочіе, не получающіе заработной платы въ качествѣ „предѣльныхъ рабочихъ", отъ которыхъ начинается вычисленіе трудовой ренты?

Гобсонъ не отступаетъ и передъ этимъ вопросомъ. По его мнѣнію, и заработная плата подчиняется закону ренты. Но чтобы открыть этотъ законъ, необходимо отрѣшиться отъ неправильныхъ представленій, созданныхъ неподходящей терминологіей. „Въ то время какъ фондъ, поддерживающій существованіе конкретныхъ формъ земли и капитала, не называютъ рентой и прибылью,—фондъ для поддержанія экономическаго существованія вмѣстилища рабочей силы включаютъ въ рубрику „заработной платы". Такимъ образомъ и выходитъ, что въ то время какъ предѣльной землей является земля, не приносящая ренты, предѣльнымъ капиталомъ—капиталъ, не дающій процента, — предѣльнымъ трудомъ оказывается трудъ, оплачиваемый, скажемъ, 15-ю шиллингами". Такое аномальное представленіе необходимо устранить. „Плата въ 15 шилл. ни въкакомъ смыслѣ не соотвѣтствуетъ проценту или рентѣ. Это—просто фондъ на изнашиваніе труда, необходимыя издержки на возмѣщеніе рабочей силы, израсходованной въ дневной работѣ, и на поддержаніе рабочаго населенія въ его теперешнемъ количествѣ и теперешней производительности. Логическая координація факторовъ производства требуетъ, чтобы этотъ фондъ, назначаемый противъ изнашиванія и обезцѣненія, отграничивался отъ добавочныхъ платежей, какіе получаютъ большинство рабочихъ. Положительной рентѣ или проценту соотвѣтствуетъ не этотъ фондъ, а заработная плата сверхъ 15 шилл. Если терминъ „заработная плата" употреблять исключительно въ примѣненіи къ фонду поддержанія труда, а платежи сверхъ этого назвать какимъ-нибудь другимъ терминомъ, напр., „рентой труда", то координація будетъ вполнѣ закончена [1]).

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 155—156.

Итакъ, искомая координація найдена. Земля, капиталъ и трудъ одинаково имѣютъ предѣлы, за которыми только и начинаются ихъ чистые доходы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна продуктовъ опредѣляется по предѣльнымъ издержкамъ на поддержаніе факторовъ, рентные доходы этихъ факторовъ не войдутъ въ цѣны, т. е. если напр. для производства какихъ-нибудь товаровъ требуются частью и предѣльные рабочіе, то въ цѣну этихъ товаровъ не войдутъ никакіе платежи рабочимъ свыше предѣльныхъ 15 шиллинговъ. Впрочемъ, если рыночная цѣна и могла бы установиться безъ всякаго элемента положительной ренты или процента, то при нормальныхъ условіяхъ послѣдняя и наиболѣе дорого стоющая (most expensive) доля предложенія, регулирующая цѣну продукта, не будетъ произведена при условіяхъ, исключающихъ всякую ренту и всякую прибыль. Тамъ, гдѣ извѣстное количество фермеровъ, работающихъ при чрезвычайно разнообразныхъ условіяхъ, одни въ старыхъ, другіе въ новыхъ странахъ, участвуютъ вмѣстѣ въ предложеніи пшеницы, представляется болѣе вѣроятнымъ, что послѣдняя доля предлагаемаго количества производится частью на землѣ, не приносящей ренты, но дающей процентъ на капиталъ, и быть можетъ, заработную плату гораздо больше 15 шилл., частью арендаторами, выплачивающиии ренту, но не получающими процента на помѣщенный капиталъ, частью крестьянами, уплачивающими ренту или залоговой процентъ, но живущими на заработную плату, обезпечивающую скудное существованіе. Это значитъ, что всегда необходимо принимать въ расчетъ законъ субституціи. Возможность такого выбора или субституціи способа производства обнаруживаетъ безплодность аргументовъ, основанныхъ на приложеніи закона ренты въ духѣ Рикардо. Если бы можно было точно установить исторію самой дорогой доли предложенія пшеницы, то можно было бы найти, что нѣкоторые квартеры ея были произведены на землѣ, не дающей ренты, другіе съ помощью капитала, не приносящаго прибыли, третьи—рабочими, получавшими заработную плату въ размѣрѣ только средствъ существованія, но что средній квар-

теръ этой наиболѣе дорогой доли содержитъ извѣстный элементъ ренты или процента, или высшей заработной платы, или всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Другими словами, законъ субституціи требуетъ, чтобы при измѣреніи цѣны мы замѣняли предѣлъ обработки земли сложнымъ предѣломъ употребленія земли, капитала и труда, при которомъ выплачивается не необходимо минимумъ ренты, процента и заработной платы, но самая низшая средняя комбинація всѣхъ трехъ. Цѣна предложенія будетъ слагаться (при абсолютно свободной конкуренціи) изъ этихъ предѣльныхъ расходовъ. Дифференціальные расходы производства свыше этого сложнаго предѣла, будутъ ли они рентой, процентомъ или заработной платой, не войдутъ въ рыночную цѣну предлагаемыхъ товаровъ [1]).

Если такимъ образомъ заработная плата представляетъ полную аналогію съ земельной рентой, то и для дальнѣйшаго анализа ея необходимо установить такую же градацію между различными категоріями рабочихъ, какъ между земельными участками различнаго плодородія. Эту задачу и ставитъ себѣ Гобсонъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежніе экономисты, говоритъ онъ, приписывали рабочимъ слишкомъ большую подвижность (въ смыслѣ перехода съ мѣста на мѣсто), слишкомъ большую способность выбора занятій и удѣляли недостаточно мѣста различіямъ въ ихъ естественныхъ способностяхъ. Они говорили слишкомъ много о рабочемъ рынкѣ, какъ будто бы для всѣхъ цѣлей и намѣреній существовалъ только одинъ рынокъ, какъ будто каждый вновь выросшій рабочій имѣлъ для своего выбора все поле занятій, какъ будто бы устраненіе нѣкоторыхъ юридическихъ препятствій, какъ напр., закона о поселеніи и гильдейскихъ ограниченій, открывало рабочему, уже специализировавшемуся въ какомъ-либо занятіи, возможность легко и свободно оставить это занятіе и искать другого, гдѣ заработная плата или другія выгоды больше. Они не признавали надлежащимъ образомъ того факта, что существуетъ не одинъ, а много рынковъ труда, отличающихся другъ отъ

---

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 156—159.

друга не только и не преимущественно мѣстностью, но многими расовыми, культурными, промышленными и соціальными особенностями. Между многими изъ этихъ рынковъ труда даже въ современной Англіи переходъ настолько рѣдокъ и совершается такъ медленно, что едва ли можно признать существованіе дѣйствительной тенденціи къ уравненію выгодъ въ различныхъ занятіяхъ. Крупныя различія въ заработной платѣ различныхъ классовъ рабочихъ и даже въ различныхъ мѣстностяхъ за одинаковую работу достаточно свидѣтельствуютъ объ этой истинѣ. Подобно тому какъ предложеніе извѣстнаго рода земли, назначаемой для какого-либо спеціальнаго пользованія, ограничивается частью естественными, частью соціально-экономическими причинами, такъ и предложеніе рабочей силы работника извѣстной категоріи ограничено такими же обстоятельствами. Разница здѣсь количественная, а не качественная. Она выражается въ томъ, что свобода и приспособляемость труда больше, чѣмъ земли. Тѣмъ не менѣе остается правильнымъ выводъ, что предложеніе труда подлежитъ, хотя и въ болѣе слабой степени, градаціи, подобной той, какая была отмѣчена для земли.

Подобно тому какъ мы имѣемъ землю, непригодную ни для чего иного, кромѣ грубой пастьбы, худшіе участки которой даютъ только номинальную ренту, точно также мы имѣемъ массу малоискусныхъ, мало обученныхъ рабочихъ, худшіе разряды которыхъ получаютъ плату, покрывающую голое физическое существованіе. Въ дѣйствительности низшая заработная плата даже меньше платы, поддерживающей голое существованіе, если подъ существованіемъ индивидуума понимать поддержаніе его въ теченіе всей его жизни или даже въ теченіе его трудового періода. Дѣйствительной минимальной платой при обыкновенныхъ условіяхъ современной промышленности является такая плата, которая даетъ возможность работнику продолжать работу, пока онъ не достанетъ замѣстителя изъ своей семьи. Конечно, если существуетъ возрастающій спросъ на трудъ, ожидаемый въ будущемъ, то минимальная заработная плата должна быть такова, чтобы рабочій доставлялъ болѣе одного замѣстителя,

теръ этой наиболѣе дорогой доли содержитъ извѣстный элементъ ренты или процента, или высшей заработной платы, или всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Другими словами, законъ субституціи требуетъ, чтобы при измѣреніи цѣны мы замѣняли предѣлъ обработки земли сложнымъ предѣломъ употребленія земли, капитала и труда, при которомъ выплачивается не необходимо минимумъ ренты, процента и заработной платы, но самая низшая средняя комбинація всѣхъ трехъ. Цѣна предложенія будетъ слагаться (при абсолютно свободной конкуренціи) изъ этихъ предѣльныхъ расходовъ. Дифференціальные расходы производства свыше этого сложнаго предѣла, будутъ ли они рентой, процентомъ или заработной платой, не войдутъ въ рыночную цѣну предлагаемыхъ товаровъ [1]).

Если такимъ образомъ заработная плата представляетъ полную аналогію съ земельной рентой, то и для дальнѣйшаго анализа ея необходимо установить такую же градацію между различными категоріями рабочихъ, какъ между земельными участками различнаго плодородія. Эту задачу и ставитъ себѣ Гобсонъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежніе экономисты, говоритъ онъ, приписывали рабочимъ слишкомъ большую подвижность (въ смыслѣ перехода съ мѣста на мѣсто), слишкомъ большую способность выбора занятій и удѣляли недостаточно мѣста различіямъ въ ихъ естественныхъ способностяхъ. Они говорили слишкомъ много о рабочемъ рынкѣ, какъ будто бы для всѣхъ цѣлей и намѣреній существовалъ только одинъ рынокъ, какъ будто каждый вновь выросшій рабочій имѣлъ для своего выбора все поле занятій, какъ будто бы устраненіе нѣкоторыхъ юридическихъ препятствій, какъ напр., закона о поселеніи и гильдейскихъ ограниченій, открывало рабочему, уже специализировавшемуся въ какомъ-либо занятіи, возможность легко и свободно оставить это занятіе и искать другого, гдѣ заработная плата или другія выгоды больше. Они не признавали надлежащимъ образомъ того факта, что существуетъ не одинъ, а много рынковъ труда, отличающихся другъ отъ

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 156—159.

друга не только и не преимущественно мѣстностью, но многими расовыми, культурными, промышленными и соціальными особенностями. Между многими изъ этихъ рынковъ труда даже въ современной Англіи переходъ настолько рѣдокъ и совершается такъ медленно, что едва ли можно признать существованіе дѣйствительной тенденціи къ уравненію выгодъ въ различныхъ занятіяхъ. Крупныя различія въ заработной платѣ различныхъ классовъ рабочихъ и даже въ различныхъ мѣстностяхъ за одинаковую работу достаточно свидѣтельствуютъ объ этой истинѣ. Подобно тому какъ предложеніе извѣстнаго рода земли, назначаемой для какого-либо спеціальнаго пользованія, ограничивается частью естественными, частью соціально-экономическими причинами, такъ и предложеніе рабочей силы работника извѣстной категоріи ограничено такими же обстоятельствами. Разница здѣсь количественная, а не качественная. Она выражается въ томъ, что свобода и приспособляемость труда больше, чѣмъ земли. Тѣмъ не менѣе остается правильнымъ выводъ, что предложеніе труда подлежитъ, хотя и въ болѣе слабой степени, градаціи, подобной той, какая была отмѣчена для земли.

Подобно тому какъ мы имѣемъ землю, непригодную ни для чего иного, кромѣ грубой пастьбы, худшіе участки которой даютъ только номинальную ренту, точно также мы имѣемъ массу малоискусныхъ, мало обученныхъ рабочихъ, худшіе разряды которыхъ получаютъ плату, покрывающую голое физическое существованіе. Въ дѣйствительности низшая заработная плата даже меньше платы, поддерживающей голое существованіе, если подъ существованіемъ индивидуума понимать поддержаніе его въ теченіе всей его жизни или даже въ теченіе его трудового періода. Дѣйствительной минимальной платой при обыкновенныхъ условіяхъ современной промышленности является такая плата, которая даетъ возможность работнику продолжать работу, пока онъ не достанетъ замѣстителя изъ своей семьи. Конечно, если существуетъ возрастающій спросъ на трудъ, ожидаемый въ будущемъ, то минимальная заработная плата должна быть такова, чтобы рабочій доставлялъ болѣе одного замѣстителя,

т. е. чтобы возрастало рабочее населеніе въ этомъ низшемъ разрядѣ. Эта зависимость возрастанія рабочаго населенія отъ заработной платы, конечно, модифицируется дѣйствіемъ законовъ о бѣдныхъ, частной благотворительностью и общественной поддержкой разнаго рода. Поэтому можетъ случиться, что населеніе будетъ расти нѣсколько болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ какой былъ бы созданъ вліяніемъ одной заработной платы. Возраженія, которыя дѣлаются нѣкоторыми современными экономистами противъ указаннаго положенія о зависимости роста населенія отъ размѣровъ заработной платы (подъемъ платы въ Англіи не увеличилъ прироста рабочаго населенія), Гобсонъ считаетъ неубѣдительными. Эти экономисты забываютъ: 1) что, благодаря повышенію уровня жизни рабочихъ, бóльшее количество дѣтей ихъ доживаетъ до зрѣлаго возраста; 2) что при высшемъ уровнѣ комфорта дѣйствительное предложеніе труда возрастаетъ не только благодаря увеличенію числа рабочихъ, но также и количества рабочей силы у каждаго рабочаго, потому что средняя трудовая жизнь становится длиннѣе и оказывается способной давать за опредѣленное время большее количество рабочей силы; наконецъ, 3) что препятствія, полагаемыя росту населенія въ болѣе интеллигентныхъ классахъ предусмотрительностью и предупредительными методами, играютъ пока еще очень незначительную роль на рабочихъ рынкахъ міра.

Такимъ образомъ, заключаетъ Гобсонъ, все еще вѣрно положеніе старыхъ экономистовъ (хотя значеніе его и было преувеличено ими), что подъемъ заработной платы вызываетъ увеличеніе предложенія рабочей силы [1]).

Минимальная плата была опредѣлена выше въ 15 шилл. Въ прогрессивномъ промышленномъ обществѣ минимальная заработная плата должна быть выше, чтобы поддерживать требуемый притокъ населенія, и необходимую для этого прибавку, скажемъ 3 шилл., должно считать аналогичной минимальному проценту, требуемому для привлеченія

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 160—164.

добавочнаго капитала. За этимъ минимумомъ въ 18 шилл. расположатся послѣдовательными слоями высшіе разряды заработной платы отъ различныхъ разрядовъ фабричныхъ рабочихъ, рабочихъ строительныхъ промысловъ, искусныхъ механиковъ до лицъ либеральныхъ профессій и управляющихъ. По мѣрѣ того какъ мы будемъ подниматься отъ низшихъ слоевъ къ высшимъ, норма платы (the rate of payment) за наименѣе производительный трудъ, дѣйствительно употребляемый на различныхъ уровняхъ, будетъ выше. Другими словами, мы найдемъ извѣстное количество поразрядныхъ минимальныхъ платъ (class minimum wages), аналогичныхъ различнымъ специфическимъ предѣльнымъ рентамъ, которыя отмѣчаютъ собою предѣлы пастбищной земли, пшеничной земли, земли подъ хмѣлемъ, городскихъ земель и т. д. Конечно, отдѣльные рабочіе могутъ переходить изъ одного слоя въ другой, но въ каждое данное время мы найдемъ градацію рабочихъ съ различными нормами заработной платы для наименѣе производительныхъ членовъ каждаго разряда. А внутри каждой группы окажется извѣстное число различныхъ качествъ труда, вознаграждаемыхъ различными нормами заработной платы. Эти нормы мы также можемъ измѣрять, исходя отъ „опредѣляющаго рабочаго" (the determinant labourer) каждаго класса.

Для правильнаго представленія о такомъ „опредѣляющемъ рабочемъ" необходимо имѣть въ виду, что на рынкѣ труда въ дѣйствительности продается не рабочее время, но единицы рабочей силы; поэтому опредѣляющій рабочій не долженъ быть наименѣе производительнымъ рабочимъ, но можетъ быть и высшимъ рабочимъ, если онъ какъ разъ привлеченъ заработной платой даннаго класса принять участіе въ предложеніи (труда). Наименѣе производительный работникъ могъ бы не имѣть альтернативы другого занятія и потому былъ бы вынужденъ принять низшую плату; но высшій работникъ даннаго класса, имѣя возможность обратиться къ другому занятію, потребовалъ бы такой заработной платы, которая могла бы побудить его приложить свою рабочую силу къ данному дѣлу. Онъ опредѣлитъ вмѣстѣ

съ тѣмъ и заработную плату другихъ рабочихъ на его рынкѣ. Такимъ образомъ, производительность наименѣе производительнаго работника въ данномъ классѣ не имѣетъ непосредственно опредѣляющаго вліянія на заработную плату даннаго разряда, какъ это иногда утверждалось; напротивъ, экономическая сила „опредѣляющаго работника" фиксируетъ плату наименѣе производительнаго рабочаго.

Гобсонъ поясняетъ это примѣромъ поштучной платы. Наименѣе производительный рабочій заработалъ бы 20 шил. въ недѣлю; это была бы предѣльная плата въ данномъ разрядѣ труда, выше которой поднимались бы дифференціальныя заработныя платы за высшее индивидуальное искусство. „Опредѣляющимъ" рабочимъ могъ бы быть высшій рабочій, зарабатывающій 30 шил., изъ которыхъ 10 шил. составляютъ плату за индивидуальное искусство въ предѣлахъ даннаго разряда. Онъ долженъ получить 30 шилл., для того чтобы онъ предпочелъ данное занятіе какому-нибудь другому. Онъ является предѣльнымъ (final) продавцомъ на этомъ рынкѣ труда, и его дѣятельность опредѣляетъ на сторонѣ предложенія (selling side) цѣну для всего рынка. Но хотя этотъ 30 шил. рабочій можетъ считаться опредѣляющимъ рабочимъ, отсюда не слѣдуетъ, что необходимы всѣ 30 шил., чтобы отвлечь его отъ другого занятія. Можетъ случиться, какъ и при рентѣ, что другое занятіе обѣщаетъ „опредѣляющему работнику" только 27 шил. платы; но хотя всякая плата выше 27 шил. обезпечила бы его участіе въ предложеніи труда. онъ способенъ въ качествѣ опредѣляющаго продавца требовать 30 шил., включая сюда 3 шил. платы за рѣдкость (scarcity wage), соотвѣтствующихъ вынужденному выигрышу, получаемому болѣе сильнымъ членомъ предѣльной пары контрагентовъ на конномъ рынкѣ.

Цѣна труда такъ же входитъ въ цѣну товаровъ, какъ и рента съ земли, если исключить плату, покрывающую голое существованіе, какъ исключается depreciation fund для капитала и труда. Кромѣ 15 шил., составляющихъ необходимыя средства существованія, никакой элементъ настоящей заработной платы (или прибыли на трудъ—labour profit) не

входитъ въ цѣну продукта низшаго труда. Но минимальная плата ланкаширскаго ткача (скажемъ, 21 шил.) будетъ давать предѣльную ренту, измѣряемую по сравненію съ 15 шил. и составляющую 6 шил. Эта предѣльная или „поразрядная" плата (class wage) войдетъ въ цѣну. Если минимальная заработная плата каменьщика равняется 30 шил., то превышеніе этой суммы надъ 15 шил. также войдетъ въ цѣну. Но индивидуальная заработная плата, зарабатываемая болѣе искуснымъ ткачемъ или каменьщикомъ, не составитъ элемента издержекъ производства и не войдетъ въ цѣну. Современные экономисты часто допускаютъ, что только заработная плата наименѣе производительнаго работника считается въ цѣнѣ продукта, но неясно сознаютъ разницу между „опредѣляющимъ" и „предѣльнымъ" рабочимъ, а потому часто наклонны приписывать послѣднему рѣшающее вліяніе, которое въ дѣйствительности принадлежитъ первому. Мы можемъ прибавить только, что существуетъ извѣстное количество различныхъ предѣльныхъ рабочихъ для различныхъ рынковъ труда. Существуютъ предѣльныя ренты (marginal rents) съ труда (иногда содержащія также ренту рѣдкости), которыя представлены въ его цѣнѣ, и дифференціальныя ренты (differential rents), которыя не представлены [2]).

Координируя такимъ образомъ законъ заработной платы съ закономъ (земельной) ренты, Гобсонъ находитъ въ немъ мало мѣста, вопреки общему мнѣнію фабіанцевъ (къ взглядамъ которыхъ его міровоззрѣніе примыкаетъ весьма тѣсно) для вліянія коллективнаго договора [1]). Гораздо бóльшее зна-

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 164—169.

[2]) „Въ какой мѣрѣ процессъ коллективнаго договора улучшаетъ сравнительное положеніе продавцовъ рабочей силы, поскольку дѣло идетъ объ установленіи ея цѣны, трудно судить. Принимая въ соображеніе, что капиталъ обыкновенно имѣетъ гораздо лучшую коллективную организацію, чѣмъ трудъ (каждый крупный предприниматель имѣетъ большое количество тѣсно сплоченныхъ единицъ акціонернаго капитала противъ гораздо болѣе рыхло и несовершенно связанныхъ единицъ рабочей силы), трудно повѣрить, чтобы замѣна отдѣльнаго рабочаго груп-

ченіе, думаетъ онъ, имѣетъ просто монополія (corner), располагаемая нѣкоторыми группами рабочихъ въ видѣ какого-либо высокаго искусства въ трудѣ (some highly serviceable skill) или извѣстнаго запаса капитала [1]). Впрочемъ, Гобсонъ не вполнѣ выдерживаетъ этотъ взглядъ, и въ концѣ книги, характеризуя еще разъ условія полученія „вынужденныхъ выигрышей", напоминаетъ о существованіи обширнаго фонда прибавочныхъ прибылей, которымъ можно воспользоваться для повышенія заработной платы, подобно тому какъ онъ можетъ быть взятъ налогомъ или достаточно сильнымъ давленіемъ трэдъ-юніcновъ [2]).

пой могла устранить перевѣсъ выгоды на сторонѣ предпринимателя. Это не означаетъ еще низкой оцѣнки трэдъ-юніонизма; группа рабочихъ, договаривающихся о продажѣ рабочей силы въ теченіе долгаго періода посредствомъ искусныхъ агентовъ, оказывается абсолютно сильнѣе отдѣльнаго рабочаго, торгующагося какъ невѣжественный аматеръ. Но гдѣ организація капитала сдѣлала подобные успѣхи, сравнительная выгода предпринимателя можетъ быть такъ же велика, какъ и прежде. Великая современная борьба между равно организованными союзами рабочихъ и предпринимателей, поскольку она предоставлена экономическимъ силамъ, неумѣряемымъ законодательнымъ или благотворительнымъ вмѣшательствомъ, обнаруживаетъ превосходство силы предпринимателя, основывающееся на томъ фактѣ, что продажа рабочей силы предполагаетъ покупку права на жизнь; способность привести рабочаго къ подчиненію голодомъ все еще существуетъ какъ послѣдняя рѣшающая инстанція. Поскольку организаціи рабочихъ могутъ измѣнять или отсрочивать это превосходство предпринимателя, происходитъ не отъ простой замѣны индивидуальнаго договора коллективнымъ, но накопленіемъ капитальнаго фонда, такъ что рабочіе могутъ уже выступать въ состязаніе не какъ простой пролетаріатъ. Попытка трэдъ-юніона сражаться съ накопленными фондами корпорацій предпринимателей является борьбой капитала противъ капитала". Hobson, стр. 220 - 222. Какъ видно, Гобсонъ разсматриваетъ коллективный договоръ и фонды рабочихъ союзовъ не какъ органически связанныя силы, а какъ совершенно отдѣльныя Отсюда и сбивчивость его разсужденій о коллективномъ установленіи заработной платы.

[1]) Economics of Distribution, стр. 222—226.

[2]) И здѣсь Гобсонъ отмѣчаетъ, что среди выгодъ, получаемыхъ при раздѣлѣ продукта собственниками различныхъ факторовъ производства, наибольшія достаются предпринимателю, но не цѣликомъ отъ сдѣ-

Исходя изъ своей главной идеи о существованіи „вынужденныхъ выигрышей", Гобсонъ объявляетъ несостоятельною теорію, что просвѣщенный личный интересъ производителей низводитъ нормальныя цѣны къ голымъ издержкамъ производства, и что вслѣдствіе этого весь выигрышъ отъ современныхъ промышленныхъ улучшеній достается обществу въ качествѣ потребителей. Въ процессѣ распредѣленія, говоритъ онъ, нѣтъ четвертой стороны; различные собственники капитала и труда берутъ каждый соотвѣтственно своей силѣ. Такъ возникаетъ истинная прибавочная цѣнность, выводимая не изъ неопредѣленной и непонятной идеи тиранніи, но изъ различныхъ препятствій, мѣшающихъ установленію совершеннаго равенства силы соб-

локъ съ рабочими, а частью, быть можетъ, изъ сдѣлокъ съ собственниками капитала и частью посредствомъ ограниченія свободной конкуренціи на рынкахъ, на которыхъ онъ сбываетъ свои продукты (вступая въ соглашеніе съ своими конкурентами, или привлекая покупателя особыми качествами товара, или обезпечивая себѣ господство надъ какою-либо спеціальною частью рынка). Успѣхи предпринимателей въ этомъ искусствѣ господства надъ рынкомъ и составляютъ преобладающую черту современной промышленности въ области распредѣленія богатствъ. Въ отстаиваніи важности признанія идеи прибавочной цѣнности Марксъ былъ, по мнѣнію Гобсона, совершенно правъ. Но онъ ошибался, считая прибавочную цѣнность исключительно продуктомъ рабочей силы, взятымъ капиталомъ въ процессѣ договора о продажѣ рабочей силы. Ему не удалось объяснить, почему трудъ, одинъ изъ факторовъ, должно считать создающимъ всю цѣнность матеріальныхъ рыночныхъ благъ, какова природа той силы, при помощи которой капиталъ беретъ прибавочную цѣнность, созданную трудомъ, и наконецъ, какимъ образомъ индивидуальный капиталистъ, который взялъ ее, не будетъ вынужденъ отказаться отъ нея подъ давленіемъ конкуренціи съ своими коллегами-капиталистами. Въ дѣйствительности же прибавочная цѣнность происходитъ не отъ одного только вида сдѣлки (между капиталомъ и трудомъ или землей и трудомъ); она появляется во всякой конкурентной сдѣлкѣ и достается сильнѣйшему контрагенту. Она выражаетъ могущество сильнѣйшаго на каждомъ рынкѣ. Только потому, что въ современной промышленности собственникъ капитала, земли и предпринимательской способности при нормальныхъ условіяхъ оказывается сильнѣйшимъ контрагентомъ, онъ и получаетъ большую долю излишка. Economics of Distribution, стр. 349—359.

ственниковъ различныхъ факторовъ производства при договорѣ, благодаря чему и возникаютъ различныя формы экономическаго принужденія (force). Отсюда, по мнѣнію Гобсона, намъ становятся ясны и задачи разумной экономической политики. Съ недостаткомъ равенства въ конкуренціи можно бороться гарантіей равенства экономическихъ шансовъ (economic opportunities) для индивидуумовъ. Эта мысль была высказана уже сторонниками laissez-faire, хотя они въ дѣйствительности вовсе не заботились о созданіи равенства шансовъ на полученіе владѣнія или пользованія землею и капиталомъ. Второй путь исправленія неравенствъ, создаваемыхъ свободной игрой индивидуальныхъ интересовъ,—установленіе соотвѣтствующихъ налоговъ. Наконецъ, если такой способъ исправленія окажется слишкомъ труднымъ или слишкомъ ненадежнымъ, то экономическій прогрессъ потребуетъ замѣны публичной монополіей тѣхъ частныхъ монополій, которыя созданы неравенствомъ экономическихъ шансовъ и которымъ неравенство при договорѣ доставляетъ „вынужденные выигрыши" [1]).

Какъ видно изъ изложеннаго, представители данной вѣтви школы предѣльной полезности не повторяютъ стереотипно другъ друга. Ихъ ученія отмѣчены крупными особенностями, придающими каждому изъ нихъ свой индивидуальный оттѣнокъ, благодаря чему они если и располагаются въ непрерывную цѣпь, то такую, концы которой значительно удалены другъ отъ друга. Въ лицѣ Кларка и Смарта мы имѣемъ напр. яркихъ сторонниковъ капиталистическаго режима и даже спеціально класса капиталистовъ; наоборотъ, Гобсонъ выставляетъ на своемъ соціально-политическомъ знамени требованіе коренныхъ реформъ и обнаруживаетъ глубокую симпатію къ трудящимся классамъ. И при всемъ томъ, во всѣхъ ученіяхъ, изложенныхъ въ настоящей главѣ, можно найти общія, типическія черты, позволяющія выдѣлить ихъ въ своеобразную группу, занимающую особое мѣсто среди другихъ попытокъ объясненія вопроса о при-

[1]) Hobson, указ. соч., стр. 359—361.

чинахъ заработной платы. Эти черты вытекаютъ изъ тѣсной связи ихъ съ общимъ экономическимъ міровоззрѣніемъ школы предѣльной полезности и въ частности съ рѣшеніемъ вопроса о цѣнности, предложеннымъ этой школой. Слѣдуя ея основнымъ принципамъ, они ставятъ экономическую теорію и въ вопросѣ о заработной платѣ на путь по преимуществу психологическихъ изысканій, или, говоря точнѣе, приложенія къ изслѣдованію экономическихъ проблемъ данныхъ и выводовъ индивидуальной психологіи.

Выборъ такого направленія изслѣдованія опредѣлилъ и главный характеръ результатовъ, полученныхъ разсматриваемыми ученіями. Прежде всего онъ сообщилъ имъ извѣстную остроту и оригинальность. Онъ освободилъ авторовъ ихъ отъ безплодной траты усилій на возстановленіе старой теоріи фонда заработной платы и какъ бы открылъ для экономической теоріи новыя далекія перспективы, сближающія ее съ выводами точныхъ знаній, но безъ предварительнаго кропотливаго и труднаго изученія громаднаго, разсѣяннаго и запутаннаго фактическаго матеріала, а путемъ смѣлаго построенія гипотезъ, понятій и опредѣленій. Становясь, подобно Бёмъ-Баверку и Тауссигу, на индивидуалистическую точку зрѣнія, и примыкая, также подобно имъ, непосредственно къ классической доктринѣ, экономисты разсматриваемой вѣтви школы предѣльной полезности удачно углубили начатый ею анализъ. Классическіе экономисты придавали проблемѣ распредѣленія безличный, количественный характеръ (особенно подчеркнутый у Рикардо и сторонниковъ теоріи фонда); экономисты же разсматриваемаго направленія обратили вниманіе на то, что въ договорѣ о раздѣлѣ продукта выступаютъ живые, мыслящіе и чувствующіе люди. Количественное сравненіе „труда" и „капитала" старой школы они дополнили изслѣдованіемъ психологіи предпринимателя и работника, что было несомнѣннымъ шагомъ впередъ. На сторонѣ предпринимателя они внимательно прослѣдили ходъ и характеръ его расчетовъ (принципъ субституціи), на сторонѣ работника—психологическое вліяніе процесса работы. Нѣкоторые изъ нихъ шли еще дальше и

пытались опредѣлить характеръ борьбы, завязывающейся между сторонами въ „спорной области", лежащей между ихъ оцѣнками. Все это было свѣжо и оригинально и, конечно, значительно подвинуло бы впередъ разработку экономической теоріи, если бы разсматриваемые экономисты сумѣли согласовать предложенный ими анализъ индивидуально-психологическихъ стремленій съ тѣми соціальными рамками, въ какихъ эти стремленія возникаютъ и развиваются. Но они не сдѣлали этого и съ первыхъ же шаговъ обрекли себя на безплодное повтореніе и развитіе однихъ и тѣхъ же положеній, придумывая для подновленія ихъ только болѣе или менѣе хитро составленную внѣшнюю формулировку.

Воспринявъ старый индивидуалистическій взглядъ на явленія общественнаго хозяйства, они не хотѣли вдуматься въ столь простую, повидимому, истину, что при изученіи экономической жизни общества анализъ психологическихъ стремленій составляющихъ его индивидуумовъ можетъ служить только первымъ, подготовительнымъ шагомъ изслѣдованія, и что кромѣ того самъ онъ можетъ быть выполненъ успѣшно только въ томъ случаѣ, если будутъ приняты въ расчетъ соціальныя вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ развертываются эти индивидуальныя стремленія. Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ представлялъ собою совершенно невоздѣланное поле. Для выясненія характера и силы соціальныхъ вліяній на психологію отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣятелей экономическая наука располагала уже богатымъ матеріаломъ, накопленнымъ въ особенности въ изслѣдованіяхъ рабочихъ союзовъ, фабричнаго законодательства и процессовъ формированія и отстаиванія рабочими извѣстнаго уровня жизни. Теоретически использовать этотъ матеріалъ, претворивъ его изъ отдѣльныхъ отрывочныхъ указаній въ стройное цѣлое, представлялось насущной задачей. Неспособность подняться до пониманія этой задачи и лишило школу предѣльной полезности серьезнаго жизненнаго значенія. Стоя на распутьи сложившихся экономическихъ направленій, откуда нужно было рѣшительно

отправиться впередъ въ область мало разработанныхъ сторонъ въ экономической жизни общества, новая школа предпочла остаться на старой дорогѣ, проложенной еще классиками. Подрѣзавъ себѣ крылья, она вскорѣ исчерпала скудный запасъ принесенныхъ ею новыхъ мыслей и продолжала обманывать себя безцѣльной игрой въ построеніе абстрактныхъ схемъ, все болѣе и болѣе далекихъ отъ реальныхъ экономическихъ отношеній. Нѣкоторыхъ изъ представителей ея спасала наклонность къ эклектизму, облегчавшая присоединеніе къ основной схемѣ нѣкоторыхъ моментовъ, взятыхъ изъ подлинной экономической дѣйствительности (какъ напр. Маршалла и Давидсона); но это, конечно, было уже очень жалкимъ выходомъ изъ затрудненія.

Планъ, принятый для изслѣдованія (сближеніе теоріи заработной платы съ теоріями цѣнности и цѣны), самъ по себѣ не предрѣшалъ узости выводовъ. Напротивъ, онъ указывалъ на то, что новая школа стремится разсмотрѣть вопросъ возможно полнѣе, принимая въ расчетъ положеніе и мотивы обѣихъ сторонъ, заключающихъ договоръ, и скорѣе внушалъ надежду, что внимательный анализъ встрѣчи предпринимателей и рабочихъ заставитъ посмотрѣть съ новой точки зрѣнія и на общую проблему установленія цѣны. Въ дѣйствительности же разсматриваемые экономисты не воспользовались широкой рамкой, ими самими установленной для изслѣдованія, а механически перенесли положенія, выведенныя для образованія товарныхъ цѣнъ, въ область найма труда, повторяя при этомъ ошибки старой индивидуалистической школы. И въ данномъ вопросѣ они повели разсужденіе такъ, какъ будто бы между группами индивидуумовъ, сталкивающихся другъ съ другомъ въ хозяйственной дѣятельности, нѣтъ никакихъ соціальныхъ связей. Въ этомъ пріемѣ они воспроизводятъ методъ классической доктрины. Но то, что было естественнымъ у экономистовъ, принявшихъ теоретическое наслѣдство индивидуалистическаго XVIII вѣка, представляется крайне ненормальнымъ въ настоящее время, послѣ блестящихъ попытокъ выясненія экономическихъ проблемъ съ общественной точки зрѣнія, выполнен-

ныхъ въ особенности представителями критическаго соціализма. Любопытно, что при особенномъ вниманіи къ психологическимъ моментамъ, вліяющимъ на рѣшеніе каждой изъ договаривающихся сторонъ, школа предѣльной полезности оказалась чрезвычайно слабой даже въ оцѣнкѣ характера и значенія самыхъ этихъ моментовъ. Вносимыя ею въ политическую экономію психологическія данныя не далеко уходятъ отъ стараго представленія классиковъ объ „экономическомъ человѣкѣ", съ его до крайности упрощенной психологіей. Они считаютъ незыблемыми принципы утилитаризма и дѣлая изъ политической экономіи простую прикладную часть индивидуальной психологіи, строятъ свои выводы на посылкѣ о томъ, что въ экономической дѣятельности человѣкъ руководится принципомъ „наибольшей пользы" и что ея этическое оправданіе заключается въ достиженіи наибольшей пользы для наибольшаго числа людей. При такомъ гедонистическомъ взглядѣ на сущность человѣческихъ стремленій школа предѣльной полезности, очевидно, не могла оцѣнить и даже замѣтить въ экономическихъ отношеніяхъ другихъ, болѣе благородныхъ проявленій человѣческаго духа, что должно было неблагопріятно отражаться на ея выводахъ въ особенности относительно стимуловъ, двигающихъ трудящіеся классы въ новѣйшую стадію экономическаго развитія [1]).

Но если объясненіе индивидуально-психологическихъ моментовъ, выступающихъ въ экономической жизни общества, страдало у представителей школы предѣльной полез-

---

[1]) Связь доктрины предѣльной полезности съ утилитаризмомъ особенно ярко выступаетъ у Джевонса и его менѣе извѣстнаго соотечественника Эджворта. Эджвортъ прямо беретъ за отправный пунктъ изслѣдованія понятіе о человѣкѣ какъ „pleasure machine", а отношеніе между экономикой и этикой опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „The Economical Calculus investigates the equilibrium of a system of hedonic forces each tending to maximum individual utility; the Utilitarian Calculus, the equilibrium of a system in which each and all tend to maximum universal utility". F. I. Edgeworth. Mathematical Psychics. An Essay on the application of mathematics to the moral sciences. London 1881, стр. 15—16.

ности крайней односторонностью, то они уже совершенно игнорируютъ вопросы коллективной психологіи, пріобрѣтающіе съ развитіемъ и усложненіемъ межчеловѣческихъ отношеній все бо́льшее и бо́льшее значеніе. Позволительно думать, что въ данномъ случаѣ сказалось не только вліяніе индивидуалистической точки зрѣнія, естественно заставляющей предпочитать индивидуальные мотивы коллективнымъ, но и просто недостаточное знакомство съ новѣйшими завоеваніями психологіи и соціологіи [1]). Школа предѣльной полезности не нашла матеріала для освѣщенія этого вопроса и въ старой контроверзѣ о рабочихъ союзахъ, къ которой нѣкоторые изъ ея представителей обращались какъ къ частной проблемѣ. И въ этомъ отношеніи они не сумѣли возвыситься надъ общимъ уровнемъ пониманія роли рабочихъ союзовъ. У прежнихъ экономистовъ вопросъ о рабочихъ союзахъ выдвигался подъ сильнымъ впечатлѣніемъ житейскихъ столкновеній, что сообщало ему большую яркость и жизненность въ смыслѣ практической проблемы, но затемняло его теоретическое значеніе. Въ контроверзѣ о рабочихъ союзахъ невольно привыкали видѣть частный вопросъ, самъ по себѣ интересный и важный, но не подвигающій впередъ общей теоріи заработной платы. Также смотритъ на него и школа предѣльной полезности. Австрійскіе экономисты нашли возможнымъ совершенно игнорировать его, какъ ненужный придатокъ къ теоретической системѣ, построенной на отвлеченіи отъ всякаго рода соціальныхъ факторовъ; а ихъ англійскіе коллеги, которыхъ приводила къ этому вопросу старая традиція, относились къ нему равнодушно, какъ къ несу-

[1]) Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что вопросъ о коллективной психологіи въ хозяйственной дѣятельности общества очень мало затрогивался до сихъ поръ даже и тѣми соціологами, которые придавали ему вообще большое значеніе. Исключенія не составляетъ и Тардъ, который ограничивается по этому вопросу въ своей двухтомной „Psychologie économique" только немногими бѣглыми замѣчаніями, не обнаруживающими яснаго пониманія задачъ, предлежащихъ экономической наукѣ въ данной области. См. G. Tarde, Psychologie économique, Paris 1902, t. I, стр. 107—142 и t. II, стр. 139—150.

щественной вводной темѣ, потерявшей жгучій злободневный интересъ. Въ этомъ отношеніи любопытна эволюція, происшедшая во взглядахъ Маршалла между выходомъ въ свѣтъ „Economics of Industry“ и „Principles of economics“. Чѣмъ больше вплетались въ его теоретическую систему выводы доктрины предѣльной полезности, тѣмъ болѣе блѣднѣла и отступала на задній планъ характеристика вліянія рабочихъ союзовъ. Ту же самую черту можно отмѣтить и у другихъ представителей школы предѣльной полезности. Всѣ они съ замѣчательнымъ единодушіемъ отказываются признавать за трэдъ-юніонами сколько-нибудь крупное значеніе и съ другой стороны—что особенно важно—не видятъ за контроверзой о трэдъ-юніонахъ общей теоретической проблемы, только часть которой, хотя и очень замѣтную, образуетъ эта контроверза [1]).

Выше мы уже указывали, что школа предѣльной полезности разсматриваетъ психологическія стремленія инди-

[1]) Исключеніе составляетъ Эджвортъ, который еще въ 1881 году въ своей очень мало замѣченной книгѣ „Mathematical Psychics“ пытался ввести вопросъ о рабочихъ союзахъ въ общую теорію распредѣленія, построенную на принципѣ предѣльной полезности. Вообще его взгляды далеки отъ узости и шаблона австрійскихъ теоретиковъ предѣльной полезности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хорошо дополняютъ выводы Джевонса. Между прочимъ интересно, что анализъ конкуренціи заставилъ его придти къ выводу о ея недостаточности и необходимости третейскаго суда, какъ его корректива (который, конечно, согласно его общему міровоззрѣнію, долженъ руководиться принципомъ наибольшей пользы): „competition requires to be supplemented by arbitration, and the basis of arbitration between self-interested contractors is the greatest possible sum-total utility“. Edgeworth, Mathematical Psychics, стр. 43—45 и 46—56. Однако, и Эджвортъ не видѣлъ въ вопросѣ о трэдъ-юніонахъ коллективно-психологической проблемы. Въ недавнее время его идеи были извлечены изъ долгой неизвѣстности, въ какой они находились, и пущены въ широкій оборотъ супругами Веббъ, въ ихъ классическомъ произведеніи „Industrial Democracy“. Однако, и они не попытались продолжить анализъ въ область коллективной психологіи, быть можетъ, благодаря нѣкоторому отвращенію къ абстрактной разработкѣ поставленнаго ими вопроса о трэдъ юніонахъ, который они предпочитаютъ трактовать какъ спеціальную проблему, связанную съ задачами текущей соціальной политики нашего времени.

видуумовъ, сталкивающихся другъ съ другомъ въ ихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, внѣ связи съ соціальной средой, въ которой завязываются эти отношенія. Вниманіе къ коллективно-психологическимъ моментамъ было бы поэтому особенно благотворно для экономистовъ разсматриваемаго направленія, потому что при изученіи ихъ значеніе соціальныхъ факторовъ невольно бросается въ глаза. Достаточно только поставить себѣ отчетливо вопросъ о коллективно-психологическихъ стремленіяхъ, чтобы увидѣть ихъ тѣсную связь съ соціальной средой, въ которой живетъ и дѣйствуетъ данная группа индивидуумовъ. Чувство солидарности между рабочими, таящееся въ зародышѣ во всякой совмѣстно трудящейся массѣ людей, очевидно имѣетъ различные шансы развиться въ нѣчто прочное и стойкое въ томъ случаѣ, когда попытки соглашенія между рабочими допускаются законодательствомъ страны, и въ томъ случаѣ, когда онѣ преслѣдуются. Поэтому нельзя не пожалѣть еще разъ, что узость принятой точки зрѣнія помѣшала экономистамъ школы предѣльной полезности обратить вниманіе на коллективно-психологическіе моменты хозяйственной дѣятельности. Выяснивъ значеніе этихъ моментовъ, они легче могли бы понять и общее значеніе соціальной среды въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Они увидѣли бы, что соціальная атмосфера, въ которой сталкиваются между между собой различные хозяйственные дѣятели, намѣчаетъ опредѣленныя условія для ихъ отношеній, внѣ которыхъ эти отношенія просто нельзя себѣ представить, не искажая ихъ дѣйствительной сущности. Расчеты предпринимателя могутъ оставаться одинаковыми по ихъ психологической конструкціи, но отношенія между нимъ и рабочими, занятыми въ его предпріятіи, сложатся иначе, если онъ можетъ произвольно комбинировать всякаго рода „производственные факторы“, чѣмъ если онъ обязанъ подчиниться при этой комбинаціи опредѣленнымъ законодательнымъ нормамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ предприниматель будетъ руководиться чувствомъ собственной выгоды, а результаты его расчетовъ какъ для рабочихъ, такъ и для всего народнаго хозяйства будутъ различны. Смѣна прин-

ципа „экономіи низкой заработной платы“ противоположнымъ принципомъ не можетъ напр. быть удовлетворительно объяснена, если мы изолируемъ предпринимателя отъ окружающей его соціальной атмосферы.

Поэтому, какую бы ступень отвлеченія ни бралъ экономистъ для своихъ изслѣдованій, онъ всегда долженъ считаться съ соціальными условіями, въ которыхъ происходятъ разсматриваемые имъ хозяйственные процессы. Онъ не долженъ забывать, что въ политической экономіи объектомъ изученія служатъ не просто отношенія между индивидуумами, а явленія общественной жизни. Отдѣльныя лица интересуютъ экономиста не сами по себѣ, а какъ члены общественнаго союза. Нельзя брать исходнымъ пунктомъ разсужденія ни индивидуума, ни механической совокупности индивидуумовъ, какъ бы велика и разнообразна по составу она ни предполагалась, потому что при такомъ пріемѣ изъ изслѣдованія исключается то, что составляетъ специфическую черту всякаго общественнаго соединенія людей—органическая связь между ними. Вести анализъ отъ индивидуума при изученіи общественной жизни можно только въ фигуральномъ смыслѣ, предполагая въ немъ какъ бы микрокосмъ общественной организаціи (какъ дѣлаетъ напр. Марксъ при вступленіи въ изслѣдованіе цѣнности); но этотъ пріемъ можетъ быть безопаснымъ только въ рукахъ изслѣдователей, твердыхъ въ признаніи органическаго характера общественной жизни, и непремѣнно долженъ быть дополненъ непосредственно слѣдующимъ предположеніемъ простѣйшей формы общественнаго союза. Намѣчая рядъ послѣдовательныхъ круговъ изслѣдованія, отъ простѣйшихъ формъ общественной организаціи до болѣе и болѣе сложныхъ, можно примирить и требованіе наиболѣе общаго рѣшенія экономическихъ проблемъ (къ какому и стремится школа предѣльной полезности) съ приложеніемъ полученныхъ выводовъ къ сложнымъ условіямъ крупной исторической эпохи. Нѣкоторые изъ разсмотрѣнныхъ въ настоящей главѣ экономистовъ (напр. Маршаллъ) какъ бы инстинктивно нащупываютъ этотъ путь, строя рядъ послѣдовательныхъ, постепенно усложня-

ющихся гипотезъ. Однако, мы напрасно стали бы искать у нихъ отчетливаго разграниченія соціальныхъ круговъ, принятыхъ для изслѣдованія. Наоборотъ, они совершенно не заботятся о характеристикѣ особенностей соціальной обстановки, въ которой складываются изучаемыя ими отношенія между предпринимателями и рабочими. Напр. договоръ хозяина съ „предѣльнымъ пастухомъ" трактуется внѣ всякой связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ общественнымъ укладомъ; при принимаемыхъ допущеніяхъ результаты этого договора должны быть одинаковы, заключается ли онъ въ Кентѣ или Сёссексѣ, преріяхъ Сѣверной Америки или степяхъ Южной Россіи. Изслѣдователь интересуется здѣсь только сталкивающимися другъ съ другомъ сторонами, анализируетъ ихъ стремленія и чувства, и забываетъ внимательнѣе взглянуть на арену, на которой происходитъ встрѣча. А между тѣмъ установленный выводъ принимается уже какъ средство, способное освѣтить современныя хозяйственныя отношенія, безъ продолженія анализа въ сбласть соціальныхъ вліяній, въ какихъ находятся хозяинъ и его работникъ. Этой поспѣшностью заключеній въ большей или меньшей степени страдаютъ всѣ представители теоріи предѣльной полезности. Переходъ отъ индивидуальной экономіи къ соціальной, отъ произвольно придуманнаго гипотетическаго міра къ современному общественно-экономическому строю во всей сложности и многообразіи его отношеній совершается у нихъ необыкновенно быстро, минуя очень важныя промежуточныя ступени и затушевывая въ изслѣдуемыхъ соціальныхъ явленіяхъ весьма существенныя черты, характеризующія ихъ именно какъ явленія общественной, а не индивидуальной жизни.

Такое упрощенное трактованіе экономическихъ проблемъ крайне неблагопріятно отражается даже на тѣхъ выводахъ разсматриваемыхъ экономистовъ, въ которыхъ они чувствуютъ себя наиболѣе сильными. Выше намъ не разъ уже приходилось указывать, что экономисты школы предѣльной полезности съ особенной любовью останавливаются на дѣятельности частнаго предпринимателя. Въ из-

вѣстныхъ отношеніяхъ имъ дѣйствительно удалось мѣтко охарактеризовать пріемы этой дѣятельности (принципъ субституціи), причемъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. Смартъ) измѣняютъ даже для даннаго случая своей обычной манерѣ, обращаясь къ анализу не только гипотетическихъ, но и дѣйствительныхъ функцій предпринимателя въ современномъ промышленномъ мірѣ. Но и при такой уступкѣ реалистическому изслѣдованію, экономисты школы предѣльной полезности продолжаютъ сохранять свою главную точку зрѣнія, и разсматривая дѣятельность частнаго капиталистическаго предпринимателя, оставляютъ въ сторонѣ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится эта дѣятельность къ другимъ формамъ промышленныхъ предпріятій, существующимъ въ капиталистическомъ обществѣ, къ противодѣйствующей ей дѣятельности рабочихъ и къ юридическому строю промышленныхъ отношеній. Прослѣживая предлагаемое ими главное объясненіе функцій предпринимателя (къ которому ограничительныя положенія присоединяются въ видѣ несущественныхъ оговорокъ), мы найдемъ, что въ ихъ изображеніи частный капиталистическій предприниматель выступаетъ въ качествѣ неограниченнаго распорядителя въ устройствѣ промышленныхъ порядковъ, не стѣсняемаго ничѣмъ, кромѣ соображеній собственной выгоды или физической невозможности. Онъ комбинируетъ всѣ элементы предпріятія какъ фигуры на шахматной доскѣ, пассивно подчиняющіяся его волѣ, и тоже самое, рядомъ съ нимъ, дѣлаютъ другіе его товарищи, соперничество съ которыми приводитъ въ концѣ концовъ къ единообразію комбинацій, группируемыхъ на каждой доскѣ. Такъ устанавливается наиболѣе выгодный для предпринимателя и наиболѣе производительный для общества подборъ факторовъ производства, ибо менѣе удобные сейчасъ же субституируются другими, болѣе отвѣчающими своему назначенію. Въ этой характеристикѣ, которая внѣшнимъ образомъ правильно рисуетъ намъ стремленія частнаго предпринимателя въ наиболѣе передовыхъ промышленныхъ странахъ, мы не найдемъ отвѣта на самый важный вопросъ, почему именно предприниматель оказы-

вается такимъ раціональнымъ организаторомъ. Развѣ мы не знаемъ примѣровъ, когда вопреки всякимъ разумнымъ требованіямъ (включая сюда и правильно понятую собственную выгоду) предприниматель предпочитаетъ повышать свой доходъ не цѣлесообразнымъ подборомъ элементовъ производства, а простымъ нажимомъ на занятыхъ у него рабочихъ? Внимательное наблюденіе дѣйствительныхъ условій экономически развивающейся страны показываетъ намъ, что типъ частнаго предпринимателя претерпѣвалъ въ ней существенную эволюцію, въ зависимости отъ измѣненій, совершавшихся въ ея промышленномъ строѣ. Предприниматель становился раціональнымъ дѣятелемъ не сразу, подъ вліяніемъ осѣнившаго его умъ счастливаго просвѣтлѣнія, а подъ давленіемъ суровыхъ жизненныхъ уроковъ. Стремленіе къ цѣлесообразной группировкѣ производственныхъ факторовъ возникало и укрѣплялось у него благодаря нахлынувшимъ на него ограничительнымъ законодательнымъ нормамъ, съ которыми онъ вступилъ въ началѣ въ отчаянную борьбу, но вышелъ изъ нея побѣжденнымъ, и упорнымъ сопротивленіемъ рабочихъ, которые противопоставляли предлагаемымъ имъ спеціальнымъ условіямъ свои „общія правила". Чтобы понять психологію предпринимателя, необходимо поэтому разсматривать его не какъ гипотетическую фигуру, хладнокровно и послѣдовательно примѣняющую принципъ субституціи, а живой типъ, сложившійся въ обстановкѣ житейскихъ столкновеній и своеобразно приспособляющійся къ нимъ. Исторія этого приспособленія показываетъ, что оно въ дѣйствительности шло далеко не такъ гладко, какъ предполагаютъ теоретики предѣльной полезности, а съ крупными жертвами для общества и нѣкоторыхъ группъ трудящагося населенія, и что столь же болѣзненный процессъ вѣроятенъ и на будущее.

Но въ характеристикѣ дѣятельности частнаго капиталистическаго предпринимателя представители школы предѣльной полезности упускаютъ изъ вида еще цѣлый рядъ весьма существенныхъ вліяній. Они разсматриваютъ ее совершенно независимо отъ другихъ формъ предприниматель-

ской дѣятельности, существующихъ рядомъ съ нею. Такой пріемъ имѣлъ бы для себя оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы различныя формы предпріятій механически располагались другъ возлѣ друга, безъ всякаго взаимнаго вліянія. Въ дѣйствительности же хозяйственныя явленія, наблюдаемыя въ какомъ-либо общественномъ союзѣ, находятся въ столь тѣсной, органической связи, что изображать ихъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга—значило бы исказить ихъ истинныя черты. Изслѣдователь, произвольно выхватывающій изъ организма хозяйства страны тотъ или иной типъ предпріятія, хотя бы и господствующій въ данный моментъ, рискуетъ придти къ односторонимъ и неправильнымъ выводамъ не только относительно общей хозяйственной структуры данной страны, но и относительно самого избраннаго типа. Въ эту ловушку попались и экономисты школы предѣльной полезности, которые хотятъ объяснить явленія распредѣленія, не принимая въ расчетъ характера структуры народнаго хозяйства. Увлеченные индивидуалистической точкой зрѣнія на явленія хозяйственной жизни и спеціальнымъ интересомъ къ дѣятельности капиталистическаго предпринимателя, они просмотрѣли весьма важный фактъ, что современный капиталистическій строй (который они стремятся объяснить непосредственнымъ приложеніемъ своихъ теоретическихъ выводовъ) вовсе не исключительно зиждется на расчетахъ индивидуальнаго частнаго предпринимателя. Во-первыхъ, въ современномъ народномъ хозяйствѣ частныя предпріятія все болѣе и болѣе подчиняются общественному контролю, а во-вторыхъ, на ряду съ капиталистическими предпріятіями существуютъ предпріятія иного типа — съ одной стороны, мелкія предпріятія самостоятельныхъ производителей, перешедшія въ новый промышленный строй изъ старыхъ экономическихъ отношеній, и во-вторыхъ, все разрастающіяся государственныя, провинціальныя и муниципальныя предпріятія, составляющія своеобразный продуктъ новѣйшей стадіи развитія капиталистическихъ націй.

Отношеніе экономистовъ школы предѣльной полезности къ вопросу о доходѣ самостоятельнаго работника чрезвы-

чайно характерно. Они постоянно вводятъ въ свои гипотезы самостоятельнаго работника какъ отправный пунктъ разсужденія. Но онъ интересуетъ ихъ только въ смыслѣ указанія предѣла, какого можетъ достигнуть плата наемнаго рабочаго. Они не видятъ въ немъ своеобразной фигуры, подвергающейся въ современномъ общественномъ строѣ ряду всевозможныхъ давленій, въ результатѣ которыхъ онъ не телько не устанавливаетъ своимъ доходомъ предѣла для вознагражденія наемнаго труда, а очень часто обреченъ на полную гибель. Его положеніе въ водоворотѣ новѣйшаго хозяйственнаго развитія, осложненное обыкновенно особенностями культурнаго и правового характера, часто полное глубокаго драматизма,—не останавливаетъ на себѣ вниманія представителей школы предѣльной полезности, которые охотно разстаются съ нимъ и въ своихъ гипотетическихъ разсужденіяхъ, если вопросъ о предѣлѣ платы наемнаго рабочаго можетъ быть установленъ инымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи разсматриваемые экономисты повторяютъ опять старую ошибку ихъ предшественниковъ. Классическая школа удѣляла мало вниманія самостоятельному работнику, занимаясь почти исключительно выясненіемъ условій наемной работы въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, которыя начинали въ Англіи того времени задавать тонъ промышленной жизни и которымъ соотвѣтствовали и формы примѣненія труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Такая точка зрѣнія для своего времени имѣла основаніе, выдвигая на первый планъ наиболѣе характерную группу среди изслѣдуемыхъ хозяйственныхъ процессовъ; но и тогда она значительно суживала экономическую теорію, придавая ей специфически-англійскую, „островную“ окраску, благодаря которой она оказывалась безсильной объяснить многія крупныя явленія экономической жизни европейскаго континента, гдѣ самостоятельная работа продолжала еще занимать выдающееся мѣсто.

Но если экономисты школы предѣльной полезности не сумѣли оцѣнить значенія вопроса о самостоятельномъ работникѣ, связывающемъ современный хозяйственный строй съ его историческимъ прошлымъ, то онѣ оказались еще менѣе

проницательными по отношенію къ такимъ явленіямъ, которыя выросли на почвѣ самого капиталистическаго строя какъ его новѣйшій продуктъ, указывающій на вѣроятное развитіе хозяйственныхъ отношеній въ будущемъ. Характеризуя дѣятельность частнаго капиталистическаго предпринимателя, они забыли о томъ, что на ряду съ нею все болѣе и болѣе развивается дѣятельность предпріятій общественнаго характера, положеніе труда въ которыхъ, въ особенности благодаря такимъ нормамъ, какъ извѣстныя намъ „Fair Wages Resolutions". оказываетъ постоянныя и глубокія вліянія и на положеніе рабочихъ въ частныхъ предпріятіяхъ.

Помимо общаго вліянія совмѣстнаго существованія предпріятій различнаго типа, принципъ общественнаго предпринимательства принудительно вторгается въ дѣятельность частнаго предпринимателя въ такихъ формахъ, которыя были совершенно неизвѣстны прежнему хозяйственному строю, и опредѣляетъ въ аналогичномъ направленіи положеніе труда и въ тѣхъ его начинаніяхъ, которыя не подлежатъ такому спеціальному контролю. Можно ли напр. объяснить, почему какой-нибудь лондонскій предприниматель, выполняя частный заказъ, платитъ своимъ рабочимъ такую-то норму платы, если не принять въ расчетъ, что при работахъ по заказу лондонскаго графства, школьнаго совѣта или правительства для него установлена опредѣленная норма, какъ обязательный minimum? Игнорируя вліяніе предпріятій общественнаго характера на положеніе частныхъ капиталистическихъ предпріятій, проявляющееся въ тѣсной связи съ еще болѣе серьезнымъ давленіемъ созданныхъ новѣйшимъ общественнымъ развитіемъ формъ общественнаго контроля за частнохозяйственной дѣятельностью, экономисты разсматриваемаго направленія прошли мимо чрезвычайно интересной черты новѣйшаго экономическаго развитія—перемѣщенія центра тяжести хозяйственнаго строительства отъ индивидуальнаго расчета, преслѣдованія частныхъ цѣлей, къ охранѣ основъ существованія и развитія общественнаго союза. Если бы они взглянули на хозяйственную эволюцію съ этой точки зрѣнія,

то передъ ними расположились бы въ стройной перспективѣ разнообразные элементы этого развитія, въ которой напр. и попытки защиты (самостоятельными силами или помощью общественной власти) той или иной группы трудящихся обрисовались бы не какъ спеціально-классовая задача, а какъ одна изъ формъ проявленія охраны интереса всего общественнаго союза.

Такимъ образомъ, пренебрегая изслѣдованіемъ связи вопросовъ распредѣленія съ существующими формами хозяйственной структуры общества и изолируя капиталистическія предпріятія отъ всѣхъ остальныхъ, экономисты школы предѣльной полезности не только суживаютъ свои теоретическіе горизонты, но и продѣлываютъ надъ объектомъ, избраннымъ для изученія,—предпріятіемъ, руководимымъ капиталистическимъ предпринимателемъ,—насильственную и крайне болѣзненную операцію, вырывая его изъ живой связи хозяйственныхъ процессовъ. Съ одной стороны, они разсматриваютъ его внѣ исторической почвы, на которой оно возникло и достигло расцвѣта, съ другой—они не хотятъ видѣть окружающихъ его новыхъ, молодыхъ побѣговъ, которые грозятъ затѣнить и заглушить его. Слабыя въ смыслѣ указанія процессовъ экономическаго развитія, ихъ ученія боязливо отступаютъ и передъ будущимъ, довольствуясь одностороннимъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ чертъ настоящаго момента, по существу давно уже выясненныхъ.

Тотъ же недостатокъ вниманія къ реальнымъ формамъ хозяйственной структуры капиталистическихъ обществъ приводитъ экономистовъ школы предѣльной полезности и къ неправильнымъ выводамъ относительно самого механизма купли-продажи труда, изученію котораго они придаютъ столь важное значеніе при построеніи теоріи заработной платы. И въ данномъ вопросѣ они не возвышаются надъ узкимъ горизонтомъ старой индивидуалистической доктрины, принимая въ качествѣ типической формы установленіе конкурентныхъ цѣнъ. Если и для товарнаго рынка такое допущеніе представляется одностороннимъ, то оно еще менѣе примѣнимо къ изслѣдованію договора о наймѣ труда. Доба-

вочныя характеристики о борьбѣ сторонъ, доставляющей той или иной изъ нихъ „вынужденные выигрыши" (Джевонсъ, Гобсонъ) мало помогаютъ дѣлу. Для того чтобы теорія вѣрно отражала реальный строй отношеній, имѣющихъ мѣсто при установленіи заработной платы, она должна сосредоточить все свое вниманіе на анализѣ различныхъ рыночныхъ круговъ соотвѣтственно соціальной обстановкѣ, въ какой договоръ о наймѣ труда происходитъ въ каждомъ кругу. Такой анализъ долженъ открыть, что въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ свободнаго установленія заработной платы, а существуетъ цѣлый рядъ давленій, исходящихъ отъ трудящихся классовъ, или испытываемыхъ ими, подъ дѣйствіемъ которыхъ и создается тотъ или иной размѣръ заработной платы. Эти давленія, конечно, весьма многообразны; но они поддаются группировкѣ на нѣсколько главныхъ формъ, стоящихъ въ связи какъ съ общей соціальной атмосферой данной страны или даннаго времени, такъ и съ нѣкоторыми особенностями въ положеніи различныхъ разрядовъ рабочаго класса. Иногда это будутъ вліянія союзной организаціи, иногда — законодательства по охранѣ труда, иногда общей культурной обстановки страны и ея политическаго строя, иногда — своеобразнаго положенія даннаго разряда трудящихся въ семьѣ или обществѣ. Для выясненія характера и значенія этихъ давленій необходимо спеціальное изслѣдованіе, а не незначительныя дополнительныя оговорки къ произвольно принятому общему допущенію, которое радикально противорѣчитъ имъ [1]). Такое изслѣдованіе пока зало бы напр., что новѣйшія попытки общественнаго регулированія заработной платы въ частныхъ предпріятіяхъ (созданныя законодательствомъ австралійскихъ колоній) не являются какимъ-то уродливымъ наростомъ на

[1]) По отношенію къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ мы имѣемъ блестящій примѣръ такого изслѣдованія въ классическомъ трудѣ Веббъ.

стройномъ хозяйственномъ организмѣ, покоящемся на принципѣ свободной конкуренціи, а составляютъ вполнѣ естественное продолженіе давно уже опредѣлившагося развитія формъ реальныхъ экономическихъ отношеній капиталистическихъ націй.

Вообще мы напрасно стали бы искать въ ученіяхъ экономистовъ школы предѣльной полезности правильной исторической перспективы. Все вниманіе ихъ сосредоточено на выясненіи статики заработной платы, динамическіе же процессы не только оставляются въ тѣни (что могло бы быть объяснено просто настоятельностью разработки статическихъ вопросовъ, требующей отложить на время вопросы динамики), но и понимаются крайне узко, почти исключительно въ смыслѣ технической эволюціи и движенія населенія.

Упорно закрывая глаза на явленія реальнаго хозяйственнаго міра и стараясь всѣми силами возродить въ экономической теоріи принципы старой индивидуалистической доктрины, экономисты школы предѣльной полезности, начавъ съ нѣкотораго углубленія анализа хозяйственныхъ отношеній примѣненіемъ предѣльнаго измѣренія къ проявляющимся въ этихъ отношеніяхъ индивидуально-психологическимъ моментамъ, вскорѣ попали съ своими разсужденіями въ глухой уголъ, гдѣ имъ оставалась только неблагодарная задача безконечно варьировать на разные лады одну и ту же тему. Принявъ доктрину индивидуализма какъ удобное оружіе противъ соціалистическихъ системъ, они не замѣтили, что это оружіе обратилось противъ нихъ самихъ, обезцвѣчивая ихъ собственные выводы, превращая ихъ въ безжизненную груду схоластическихъ построеній. Убѣгая отъ назойливыхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, въ благополучную пристань гипотетическихъ выкладокъ, разсматриваемые экономисты быстро превратились въ своего рода секту, съ любовью перебирающую самыя ничтожныя мелочи теоретическихъ измышленій, исходящихъ изъ собственнаго лагеря, и отворачивающуюся отъ самыхъ крупныхъ явленій реальной жизни, если они противорѣчатъ

принимаемымъ ею общимъ положеніямъ. Конечно, не всѣ сторонники разсматриваемаго направленія одинаково повинны въ такомъ отношеніи къ задачамъ экономическаго изслѣдованія; нѣкоторые изъ нихъ стремятся примирить требованія школы предѣльной полезности съ внимательнымъ анализомъ реальныхъ жизненныхъ формъ; но (какъ мы видѣли на примѣрахъ Маршалла, Смарта и Давидсона) обращеніе ихъ къ дѣйствительному міру сильно затрудняется установленными заранѣе гипотетическими положеніями, при свѣтѣ которыхъ они выбираютъ и изъ дѣйствительной экономической жизни по преимуществу то, что подходитъ къ ихъ главной схемѣ. [1]) За то съ другой стороны, въ разсматриваемомъ направленіи есть своего рода фанатики, которые отважно зарываются въ дебри гипотетическаго анализа, не отступая даже передъ рискомъ остаться непонятыми большинствомъ читателей. Постепенно нагромождая одно допущеніе на другое, ставя ихъ въ разнообразныя и причудливыя комбинаціи другъ съ другомъ и снабжая „для наглядности" математическими формулами, вычисленіями и чертежами, изслѣдователь создаетъ, наконецъ, систему объясненія поставленнаго вопроса тѣмъ болѣе запутанную и сложную, чѣмъ бѣднѣе ея дѣйствительное содержаніе. Типъ такого изслѣдователя мы наблюдали напр. въ предшествующемъ изложеніи въ лицѣ Кларка [2]).

---

[1]) Интересно отмѣтить, между прочимъ, что большинство указанныхъ авторовъ, изслѣдуя индивидуальную психику договаривающихся сторонъ, единодушно указываютъ на важное значеніе чувства собственнаго достоинства у рабочаго. Если бы они внимательнѣе вдумались въ условія, укрѣпляющія у рабочихъ это чувство, они легко пришли бы и къ сознанію важности соціальной атмосферы, въ которой живутъ рабочіе, такъ какъ связь сознанія рабочими собственнаго достоинства съ свободными формами государственнаго строя очевидна. Однако, и здѣсь, находясь на порогѣ чрезвычайно плодотворнаго изслѣдованія, они поворачиваютъ назадъ,овъ сторону дальнѣйшихъ индивидуально-психологическихъ изысканій, отдѣлываясь отъ указаннаго вопроса нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями.

[2]) Теорія „вознагражденія по заслугамъ" или „вмѣненія" основывается на механическомъ представленіи хозяйственныхъ процессовъ и связанныхъ съ ними общественныхъ отношеній. Въ дѣйствительности

Яркимъ примѣромъ, насколько вліяніе школы предѣльной полезности способно умерщвлять живой духъ изслѣдованія, служитъ теорія распредѣленія Гобсона. Кто зналъ Гобсона какъ добросовѣстнаго и вдумчиваго изслѣдователя капиталистическаго строя, проникнутаго живымъ интересомъ къ волнующимъ современное общество „проклятымъ вопросамъ", тотъ, вѣроятно, испыталъ глубокое разочарованіе при чтеніи „Economics of Distribution". Больно видѣть, какъ мысль автора, спутанная міровоззрѣніемъ и пріемами школы предѣльной полезности, безсильно бьется въ попыткахъ созданія оригинальнаго объясненія вопроса. Координируя объясненіе причинъ дохода различныхъ общественныхъ классовъ и группъ съ помощью принципа ренты, Гобсонъ полагаетъ, что онъ нашелъ теоретическое выраженіе борьбы изъ-за участія въ созданномъ продуктѣ, которая наполняетъ собою современную экономическую жизнь. Однако, думая подвинуть путемъ такой координаціи экономическую теорію значительно дальше общепринятаго ученія, въ дѣйствительности Гобсонъ возвращается еще ближе къ классической доктринѣ, чѣмъ напр. Маршаллъ или Давидсонъ, которыхъ спасаютъ въ данномъ случаѣ ихъ эклектическія наклонности. Вычисляя приблизительный предѣлъ, съ котораго начинается „рента труда", Гобсонъ, видящій въ этомъ новое оригинальное объясненіе, по существу возвращается къ старому, давно уже осужденному взгляду, по которому „естественная" плата

же изъ результатовъ хозяйственной дѣятельности невозможно выдѣлить не только каждому „фактору производства", но вообще какому-либо производственному агенту долю, точно соотвѣтствующую его участію. Если уже говорить о „вмѣненіи" въ хозяйственной жизни, то только въ смыслѣ вмѣненія результатовъ хозяйственной дѣятельности всему общественному союзу, отъ котораго уже и должно было бы зависѣть распредѣленіе продукта между различными его членами согласно принципу справедливости. Въ этомъ смыслѣ и конструируется соціалистическими писателями доктрина о „правѣ на полный продуктъ труда", которую не слѣдуетъ по этому смѣшивать съ доктриной „вмѣненія" индивидуалистической школы. Замѣтимъ кстати, что правильнаго пониманія доктрины о правѣ на полный продуктъ труда не обнаруживаетъ и А. Менгеръ въ своей извѣстной книгѣ.

рабочаго приравнивалась къ обыкновеннымъ издержкамъ производства. Указаніе же на принципъ дифференціальной ренты, проявляющійся въ вознагражденіи за трудъ такъ же, какъ въ доходѣ съ земли, само по себѣ не ново, а желаніе обосновать его (какъ и вообще всѣ обстоятельства, имѣющія отношеніе къ установленію той или иной высоты трудового дохода) возможно точнѣе, путемъ абстрактно-гипотетическаго анализа, въ концѣ концовъ приводитъ только къ тому, что Гобсонъ оставляетъ въ тѣни всѣ реальныя силы, обнаруживающія свое вліяніе при оплатѣ труда. [1]) Рѣзкое проведеніе чрезъ теоретическую систему индивидуалистической точки зрѣнія представляется у автора „Economics of distribution" тѣмъ болѣе страннымъ, что въ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ обнаруживаетъ отчетливое пониманіе опасностей, угрожающихъ экономическому изслѣдованію при такой точкѣ зрѣнія [2]).

---

[1]) Таково, напр., его отношеніе къ вопросу о значеніи рабочихъ союзовъ, въ которомъ онъ расходится съ Веббами, повидимому, представляющими мнѣніе большинства фабіанцевъ.

[2]) См. въ особенности „The Social Problem. Life and Work." London 1902. Здѣсь Гобсонъ относится съ отрицаніемъ къ основнымъ принципамъ старой и новѣйшей англійской политической экономіи и въ своихъ положительныхъ заявленіяхъ подчеркиваетъ необходимость общественной точки зрѣнія при изслѣдованіи цѣнности и доходовъ. Выше намъ приходилось уже отмѣчать, что недостаточность индивидуалистической точки зрѣнія начинаетъ сознаваться и наиболѣе индивидуалистически-настроенными представителями школы предѣльной полезности (напримѣръ Бёмъ-Баверкомъ). Какіе плоды дастъ это покаянное настроеніе, покажетъ будущее. Но судя по сдѣланному Бёмъ-Баверкомъ заявленію, можно ожидать простого эклектическаго разрѣшенія вопроса, т. е. механическаго присоединенія къ даннымъ уже объясненіямъ указаній на вліяніе нѣкоторыхъ соціальныхъ факторовъ. Между тѣмъ задача, открывающаяся для изслѣдованія, здѣсь значительно труднѣе и заключается въ установленіи надлежащаго соподчиненія между индивидуальными и соціальными моментзми, соотвѣтственно ихъ реальному значенію, для чего требуется внимательное реалистическое изслѣдованіе. Недостаткомъ правильной перспективы въ расположеніи индивидуалаь ныхъ и соціальныхъ моментовъ страдаютъ и положенія, развиваемыя Штольцманомъ въ его „Soziale Kategorie". Во всякомъ случаѣ критика Штольцмана значительно подорвала позицію школы предѣльной полез-

Повидимому, школа предѣльной полезности сказала уже свое послѣднее слово. Она успѣла достаточно выяснить свой взглядъ на коренные вопросы экономической системы, снявъ съ своихъ теоретическихъ работъ таинственное покрывало, которое нѣкогда облегало ихъ, заставляя подозрѣвать за собою нѣчто новое и заманчивое. Теперь, когда большая часть обѣщаній уже выполнена, можно спокойно подвести итоги тому, чѣмъ подарило это направленіе экономическую науку. Въ вопросѣ, который спеціально интересуетъ насъ въ этой книгѣ, школа предѣльной полезности скоро обнаружила истинное значеніе выдвинутыхъ ею теоретическихъ положеній. Разработавъ нѣсколько далѣе изслѣдованіе индивидуально-психологическихъ стремленій предпринимателя и рабочаго, въ остальномъ она имѣла реакціонное значеніе, насильственно обращая экономическую мысль отъ имѣющихся уже теоретическихъ завоеваній къ старымъ принципамъ индивидуалистической доктрины. Поэтому ея представителямъ пришлось направлять свою изобрѣтательность или на дополнительные этюды, механически присоединяемые къ главной теоретической схемѣ, или на искусственное и вымученное развитіе давно извѣстныхъ уже общихъ теоретическихъ положеній.

Нашъ обзоръ законченъ. Подводя итоги результатамъ, достигнутымъ болѣе чѣмъ вѣковой работой экономической мысли въ данномъ вопросѣ, нельзя не поражаться ихъ сравнительной бѣдностью. Но мы легко найдемъ объясненіе

ности (въ вопросѣ о цѣнности; относительно теоріи заработной платы его замѣчанія блѣдны и неоригинальны и отчасти даже противорѣчатъ его общей точкѣ зрѣнія). См. также Seligman Social elements in the theory of value. The Quarterly Journal of Economics, vol. XV. Къ этой же группѣ авторовъ, пытающихся посмотрѣть съ общественной точки зрѣнія на главныя проблемы экономической науки, принадлежитъ и парадоксальный, но остроумный и проницательный Эфферцъ, подходящій при всѣхъ своихъ странностяхъ часто гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ многіе профессіональные экономисты (см. O. Effertz. Arbeit und Boden. System der Politischen Oekonomie. Berlin 1897).

этому, если припомнимъ, съ какими препятствіями пришлось встрѣтиться здѣсь теоретическому изслѣдованію. Самыя существенныя изъ нихъ—близость разсматриваемой проблемы къ практическимъ интересамъ и злобамъ дня и духъ индивидуализма, проникающій общее міровоззрѣніе большинства изслѣдователей, — не утратили своего вліянія до самаго послѣдняго времени, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже усилились. Но если дальнѣйшему изслѣдованію предстоитъ еще много работы въ данной области, все таки почва для этой работы значительно расчищена и подготовлена.

Разграничивая въ общей постановкѣ проблемы три существенныя стороны—1) вопросъ объ источникѣ заработной платы; 2) вопросъ о размѣрахъ заработной платы, какъ доли въ общей массѣ чистаго дохода общества и 3) вопросъ о размѣрахъ заработной платы, приходящейся отдѣльному рабочему, мы найдемъ, что первый вопросъ, какъ болѣе простой, въ его элементарныхъ чертахъ нашелъ уже себѣ достаточное разрѣшеніе. Послѣ трудовъ Германа и Родбертуса въ нѣмецкой и представителей теоріи производительности въ англо-американской экономической литературѣ, [1]) онъ не возбуждаетъ у громаднаго большинства экономистовъ никакихъ сомнѣній и колебаній, если не считать отмѣченныхъ выше попытокъ возстановленія теоріи фонда, остающихся до сихъ поръ совершенно изолированными и не имѣющихъ будущаго. Дальнѣйшему изслѣдованію открывается здѣсь сравнительно простая и ясная по постановкѣ, но технически довольно трудно осуществимая задача—прослѣдить измѣненія въ характерѣ и размѣрахъ источника заработной платы въ крупныя эпохи экономическаго развитія, въ особенности же въ капиталистическую.

[1]) Въ этомъ вопросѣ историкъ экономическихъ идей долженъ упомянуть съ благодарностью и о Сисмонди, который хотя и не имѣлъ еще отчетливаго представленія о характерѣ и причинахъ заработной платы, тѣмъ не менѣе подготовилъ почву для правильнаго пониманія ея источника своимъ ученіемъ о валовомъ и чистомъ доходѣ.

Вторая сторона проблемы—вопросъ о размѣрахъ заработной платы, какъ доли въ общей массѣ чистаго дохода общества, остается пока менѣе выясненною. Послѣ того какъ этотъ вопросъ былъ поставленъ Рикардо и въ особенности Родбертусомъ, экономическая мысль мало обращалась къ теоретическому изслѣдованію его, довольствуясь представленіемъ о немъ, составленнымъ на основаніи заранѣе принятыхъ допущеній. Какъ было показано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, даже Марксъ, при всей глубинѣ его знанія реальныхъ отношеній и силъ капиталистическаго общества, сталъ въ этомъ вопросѣ на ложный путь, развивая „теорію обнищанія", какъ частное выраженіе конструированнаго имъ общаго закона капиталистическаго развитія, безъ обращенія къ спеціальному изслѣдованію относящагося сюда фактическаго матеріала. Современной политической экономіи надлежитъ восполнить этотъ пробѣлъ и обратиться къ внимательному реалистическому анализу состава общественнаго дохода, и притомъ—что особенно важно—не только въ его основныхъ доляхъ (заработная плата, процентъ, рента, предпринимательская прибыль), но и въ главныхъ подраздѣленіяхъ общей массы самого дохода трудящихся классовъ (размѣры долей, приходящихся въ цѣломъ крупнымъ разрядамъ трудящагося населенія) [1]).

Третья сторона проблемы—вопросъ о размѣрахъ дохода отдѣльнаго рабочаго,—наиболѣе важная и по преимуществу привлекавшая къ себѣ вниманіе изслѣдователей, все еще остается далеко не выясненной. Правда, многіе факторы, вліяющіе на установленіе заработной платы, уже отмѣчены и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обстоятельно изучены; но все-таки пока еще нельзя указать ни одной теоріи, въ которой значеніе этихъ разнообразныхъ факторовъ нашло бы себѣ сколько-нибудь стройное и цѣлостное объясненіе. Воз-

[1]) Осуществленіе такой задачи отчасти уже подготовлено спеціальными статистическими изслѣдованіями, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить въ особенности труды Бакстера, Гиффена и Гошена въ Англіи и Зётбера, Бёмерта и Роб. Мейера въ Германіи и Австріи.

рожденіе духа индивидуализма въ экономическихъ изслѣдованіяхъ послѣдней четверти XIX вѣка и стремленіе къ чрезмѣрно-абстрактному разрѣшенію основныхъ экономическихъ проблемъ имѣло своимъ естественнымъ результатомъ и въ данномъ вопросѣ или крайне односторонніе и удаленные отъ дѣйствительности выводы, или эклектическую смѣсь положеній, по существу не могущихъ быть согласованными. Единственнымъ спасительнымъ выходомъ представляется поэтому возвращеніе къ строго-реалистическому методу и къ общественной точкѣ зрѣнія, которая была выдвинута съ особенной энергіей въ первой половинѣ XIX вѣка и которая начинаетъ опять, послѣ долгаго промежутка, пробиваться въ современной теоретической литературѣ политической экономіи. Только поднявшись до пониманія хозяйственныхъ явленій, какъ функцій жизнедѣятельности всего общественнаго организма, а не отдѣльныхъ личностей,—изслѣдователь можетъ разглядѣть истинный характеръ и сравнительное значеніе всѣхъ многоразличныхъ обстоятельствъ, оказывающихъ вліяніе на установленіе заработной платы. Припомнимъ, что наиболѣе законченное и блестящее разрѣшеніе одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ теоріи заработной платы—объ ея источникѣ—основано (въ ученіи Родбертуса) именно на примѣненіи общественной точки зрѣнія къ изслѣдованію явленій человѣческаго хозяйства. Въ этомъ же заключаются и безсмертныя, неувядающія достоинства системы Маркса. Нѣтъ другого пути и для современной политической экономіи, если она стремится къ дѣйствительному объясненію жизни, а не пустымъ схоластическимъ словопреніямъ. Но горе тому экономисту, который поставилъ бы своей задачей при изслѣдованіи заработной платы прямое развитіе положительныхъ выводовъ Маркса. Выше было подробно показано, что его взгляды по этому вопросу сложились подъ сильнымъ вліяніемъ классической доктрины и отразили въ себѣ индивидуалистическую точку зрѣнія, такъ рѣзко противорѣчащую его общему соціальному міровоззрѣнію. Благодаря этому мы можемъ встрѣтить въ экономической литературѣ парадоксальное явленіе—пламенныхъ защитниковъ

соціальныхъ идеаловъ Маркса, оказывающихся въ своихъ теоретическихъ заключеніяхъ даже бо́льшими индивидуалистами, чѣмъ ихъ противники. Нельзя не пожелать, чтобы возможно скорѣе разсѣялось это печальное недоразумѣніе, столь гибельно вліяющее на успѣхи разработки экономической теоріи. Кто хочетъ быть дѣйствительно вѣрнымъ завѣтамъ, оставленнымъ Марксомъ экономической наукѣ, тотъ долженъ и въ данномъ случаѣ слѣдовать не буквѣ, а духу его ученія, выдѣляя въ немъ то, что было оригинальнаго и новаго, отъ пережитковъ, вкравшихся въ его систему изъ старой индивидуалистической доктрины.

Замѣченныя опечатки:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	13 сверху	намѣчающаго	намѣчающую
11	6 сверху	возрѣніемъ	воззрѣніемъ
24	2 сверху	Горга	Георга
27	10 снизу	Робертуса	Родбертуса
27	4 снизу	экономической	экономическій
35	10 сверху	количество	качество
41	15 снизу	налогомъ	налогами
55	3 сверху	поднимается	поднимется
61	9 снизу	индувидуалистическимъ	индивидуалистическимъ
117	7 сверху	Рикардо	Родбертусъ
133	3 сверху	анлійскаго	англійскаго
143	19 сверху	закона, воспрещающаго	о законѣ, воспрещающемъ
190	20 сверху	индувидуалистической	индивидуалистической
244	15 сверху	e smallh	the small
245	17 снизу	одинадцать	одиннадцать
282	13 сверху	Гиффена	Гошена
411	11 сверху	камомъ	какомъ
416	8 сверху	соглашенія	согласованія

K9

HB 301 .Z5 C.1
...Glavnyia napravleniia v raz
Stanford University Libraries
3 6105 035 967 178

HB
301
Z5

DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305